

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

БИБЛИОТЕКА

товарищества

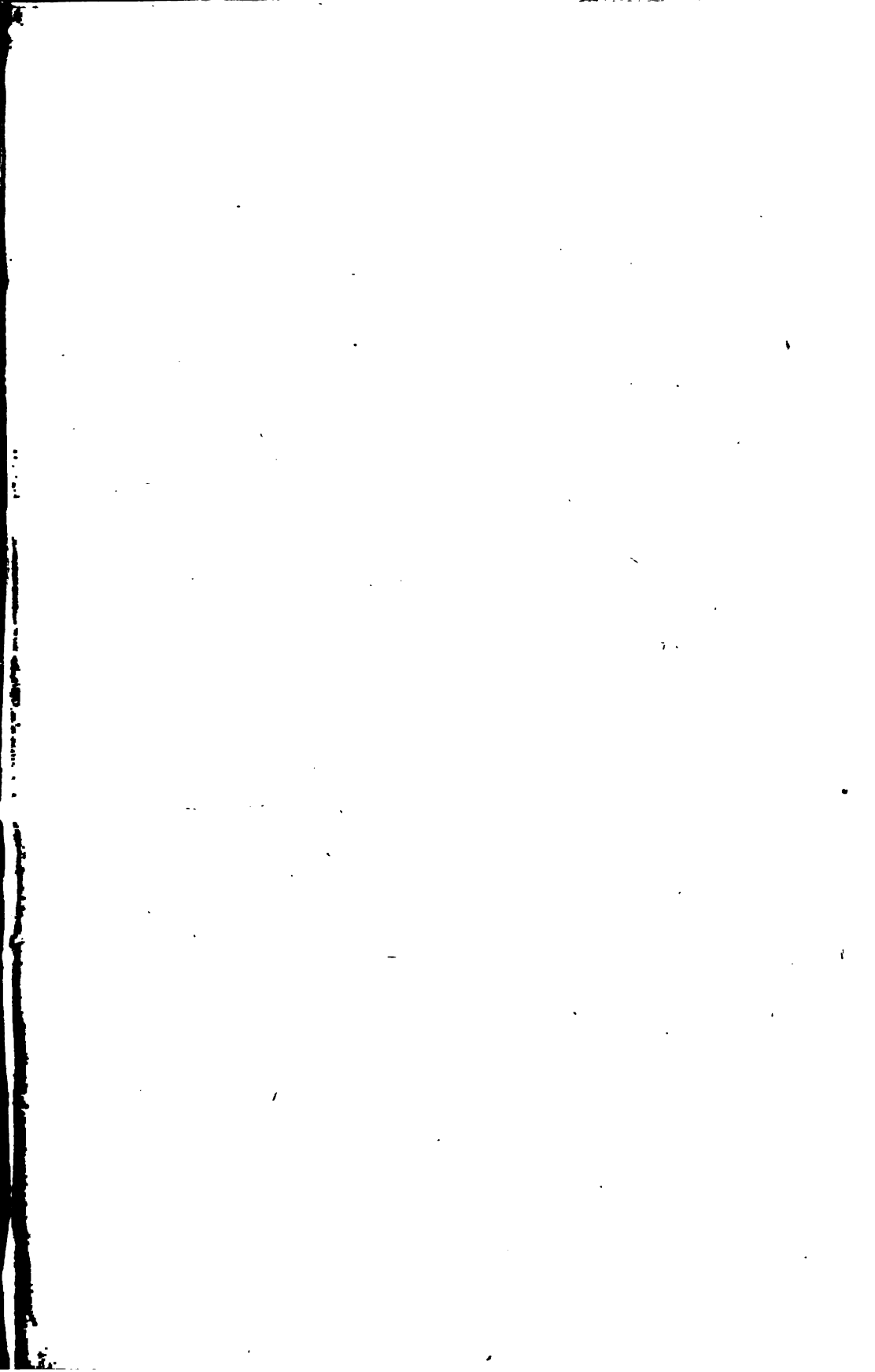
Сенсенской Мануфактуры.

№.

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

ОКТЯБРЬ.

1905.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1916

№ 10.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубунова, Ляговская ул., д. 34.

1905.

AS/Av 620.5 (1905/10)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 12 1960

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Издание М. Н. Чернышевскаго.

Содержаніе:

- т. I.—Критика и библиографія. (Отеч. Зап. 1853—1858; Атеней 1858; Соврем. 1853—1855).—Портретъ автора 1853 г.
- „ II.—Критика и библиографія.—Очерки Гоголевскаго періода русск. литературы.—Замѣтки о журналахъ 1856 г. (Соврем. 1856).
- „ III.—Критика и библиографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ (Соврем. 1857 г.).
- „ IV.—Статьи по крестьянскому вопросу. — Статьи экономическія (Соврем. 1858—1859).
- „ V.—Отдѣлъ „Политика“ изъ Современника 1859 г.
- „ VI.—Критика и библиографія.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“ (Соврем. 1860).
- „ VII.—Милль, политическая экономія, переводъ и примѣчанія (Соврем. 1860—1861).—Портретъ 1859 г.
- „ VIII.—Критика и библиографія.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“ (Соврем. 1861).
- „ IX.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“. — Романъ „Что дѣлать?“ (Соврем. 1862—1863). Портретъ 1864 г.
- „ X.—Отдѣльныя статьи.—Статьи послѣдняго времени.—(Эстет. отношенія искусства къ дѣйствительности. — Прологъ пролога.—Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Повѣсть „Вечера у княгини Старобѣльской“.—Замѣтки о Некрасовѣ и др.).—Портретъ 1868 г.

ПОДПИСКА — принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ. — Литейный пр., 46; Москва — Моховая ул., д. Баженова; Варшава — Новый Свѣтъ, 69; Вильна — Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА — по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги: 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА — подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для городскихъ подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи первой книжки — 3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для иногороднихъ: при подпискѣ — 2 р. и при полученіи первой книжки — 3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую — 1 р., а всего 20 р. — Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ. — Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Первую книжку (т. VII, Милль) предполагается выпустить 1 ноября 1905 г. и затѣмъ каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
✓ 1.	Тишина. Разсказъ. <i>А. Погорьлова.</i>	3—46
2.	Третье отдѣленіе и цензура (1826—1855 гг.). <i>М. Лемке.</i> Продолженіе.	47— 86
3.	Красный снѣгъ. Стихотвореніе <i>П. Я.</i>	86— 87
✓ 4.	Въ чужомъ пиру. <i>Григорія Бѣлорѣцкаго.</i>	88—118
5.	Къ характеристикѣ общественнаго движенія отста- лыхъ странъ. <i>Виктора Чернова</i>	119—157
✓ 6.	За стадомъ. Очеркъ. <i>А. Н. Попова.</i>	158—177
7.	„По распоряженію“. <i>Діонео.</i>	178—212
8.	Стихотворенія <i>П. Я.</i>	212
✓ 9.	Сильвестро Бондури. Романъ. <i>Эрколе Ривальта.</i> Переводъ съ итальянскаго <i>М. Т.</i> Продол- женіе.	213—259
10.	* * Стихотвореніе. <i>П. Я.</i>	259
✓ 11.	Изъ крестьянскихъ настроеній. Московскій съѣздъ. <i>Тана</i>	260—272
✓ 12.	Что есть истина? Романъ. <i>Конрада Тельмана.</i> Переводъ съ нѣмецкаго <i>Р. Б.</i> Продолженіе. (Въ приложеніи).	161—192
13.	На безпросвѣтномъ пути. <i>Б. Гриченко</i>	1— 27
14.	Литература молодыхъ демократій. <i>Діонео.</i>	28— 51
15.	Литературныя наблюденія. (Сборникъ «Знанія», книги 4—6). <i>А. Е. Рѣдько.</i>	51— 71
16.	Очерки заводской жизни. <i>П. Тимофеева.</i> Окончаніе.	71— 91
17.	Шлиссельбургскіе мученики. <i>Л. Мельшина.</i>	91—110
18.	Хроника внутренней жизни.: XXX. О голодѣ и пи- сательскомъ безсиліи. — XXXI. На маленькой станціи. — XXXII. Временное правительство приказчика русскаго самодержавія. — XXXIII. Пе-	

	редъ лицомъ соціальной революціи.—XXXIV.	
	† Кн. С. Н. Трубецкой. <i>А. В. Пышехонова.</i> . . .	110—149
19	Политика. Успѣхи мирной революціи въ Россіи.— Торжество мирной революціи въ Финляндіи.— Точный текстъ мирнаго Портсмутскаго трак- тата <i>С. Н. Южакова.</i>	149—168
20.	По поводу военнаго положенія въ Польшѣ. <i>В. А. Мякотина.</i>	168—175
21.	Случайныя замѣтки: Наканунѣ погромовъ. <i>М. Энгельгардта.</i> —Послѣдователь Шарапова въ роли педагога. <i>С. Протопопова.</i> — Изъ недавняго прошлаго провинціальной газеты.— <i>С. Прото- попова.</i> —Въ Кавдинскомъ ущельи. <i>М. Лемке.</i>	175—192
22.	<i>И. М. Сѣченовъ. П. Мокіевского.</i>	192—196
23.	Отчетъ конторы редакціи.	

НОВОЕ ИЗДАНИЕ „ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА“.

ВТОРОЕ изданіе

СБОРНИКА

На славномъ посту

составленнаго и изданнаго въ ознаменованіе сорокалѣтія литератур-
ной дѣятельности покойнаго *Н. Б. Михайловскаго.*

Цѣна 3 руб.

ТИШИНА.

(Разсказъ).

I.

У Булатовыхъ былъ очередной карточный вечеръ. Шелъ девятый часъ въ началѣ. Гости только что начали собираться. Въ пустой залѣ, тускло освѣщенной привѣшенной къ потолку керосиновой лампой, и въ полутемномъ кабинетѣ были тѣсно разставлены зеленые столы съ незажженными еще свѣчами и нераспечатанными колодами картъ.

Въ столовой передъ ярко вычищеннымъ самоваромъ, отражавшимъ обезображенные лица гостей, сидѣла хозяйка, молодая, некрасивая дама, съ измученнымъ, принужденно улыбавшимся лицомъ, и время отъ времени робко взглядывала на мужа, мужчину съ лысой, блестящей головой и косыми разбѣгающимися глазами.

Гостей, пока, было немного: инспекторъ народныхъ училищъ Поповъ, сухой и чопорный, весь подтянутый и точно оскоченный отъ внутренняго холода господинъ, три-четыре дамы, трепавшія, какъ чечотки, новый земскій агрономъ, родственникъ хозяина, случайно попавшій на вечеринку, по фамиліи Колосовъ, ветеринарный врачъ Копыловъ и помощникъ акцизнаго надзирателя Тимофеевъ.

Настроеніе общества было повышенное и оживленное. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ жадный интересъ къ происшедшему разговору. Говорили о только что пріѣхавшемъ въ губернію новомъ губернаторѣ, стараясь по первымъ дошедшимъ о немъ слухамъ угадать характеръ и направленіе его будущаго управленія краемъ.

Копыловъ, язвительно ухмыляясь, сообщалъ откуда-то добытыя имъ свѣдѣнія о непомятой строгости новаго начальника губерніи и о томъ, что онъ не жалуется, будто бы, взяточниковъ и недолюбливаетъ полицію.

— Это странно!—промычалъ акцизный.

— Стало быть, наши берегись!—неосторожно вырвалось у хозяйки.

Супругъ сердито крикнулъ и свирѣпо посмотрѣлъ на жену. Гости поспѣшили сдѣлать невинныя лица, стараясь не смотрѣть на вспыхнувшую, какъ зарево, хозяйку. Кто-то, чтобъ замаять непрятный инцидентъ, повторилъ уже слышанный многими рассказъ о томъ, какъ камгурскій исправникъ получилъ отъ губернатора публичный нагоняй за какую-то пустую оплошность, и какъ ему приказано было подать въ отставку въ двадцать четыре часа.

— Господа, но мы не знаемъ подробностей,—заступился за губернатора инспекторъ: — При томъ же, губернаторъ, какъ высшая власть, долженъ быть строгимъ.

— Согласенъ,—возразилъ хозяинъ,—но зачѣмъ же непечатными словами? Помилуйте! Строгость не въ томъ, чтобъ объясняться съ чиновниками на кабацкомъ жаргонѣ... И на обѣдѣ, при дамахъ...

— Но мы не знаемъ подробностей: можетъ быть, дамъ и не было вовсе. Во всякомъ случаѣ, я не допускаю, чтобъ губернаторъ могъ быть неприличенъ... Публика вообще преувеличиваетъ...

Прибыли новые гости: податной инспекторъ съ университетскимъ значкомъ, исправникъ, наружностью и манерами похожій на боевого генерала, помощникъ его—сѣденькій старичокъ съ лицомъ апостола и задумчивыми глазами, потомъ толстый и круглый, какъ шаръ, тюремный смотритель.

Прибывшіе поздоровались и тотчасъ же приняли участіе въ разговорѣ.

— Вадоръ, чепуха!—самоувѣренно заявилъ исправникъ:— Я только-что получилъ письмо—ничего подобнаго! Напротивъ: милѣйшая и симпатичнѣйшая личность! Благонамѣреннѣйшій и благороднѣйшій субъектъ! Просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій, съ современными взглядами... А про камгурскаго исправника сушная ерунда: безусловно ничего подобнаго!.. Было, правда, недораазумѣніе, но безъ всякихъ послѣдствій... А что подтянуть и тому подобное, то я рѣшительно ничего противъ этого не имѣю: въ добрый часъ! У кого совѣсть чиста, для того чѣмъ строже, тѣмъ лучше. Кое-что почистить не мѣшаетъ, напримѣръ, хотя бы и у насъ... Возьмите хоть ту же башкирскую эпопею... сохрани Богъ!.. До сихъ поръ она была подъ крылышкомъ, но вѣдь можетъ быть и наоборотъ... Я не доноситель—обороны Царца Небесная!—но, если спросятъ по долгу присяги я не могу молчать... Я уважаю милѣйшаго Аркадія Петровича, но что дѣлать! Долгъ прежде всего...

Исправнику никто не возражалъ. Слушателямъ было извѣстно, что онъ давно не ладитъ съ предсѣдателемъ сѣзда.

Аркадіємъ Петровичемъ Подгурскимъ, что они пишутъ другъ на друга доносы, и что въ этой распрѣ замѣшаны нѣкоторые вліятельныя лица, но извѣстно также было и то, что враги наружно оставались друзьями, при встрѣчахъ пожимали другъ другу руки, улыбались, говорили пріятныя слова, обмѣнивались визитами.

— А что это за башкирская эпопея?—спросилъ Колосовъ.

Исправникъ посмотрѣлъ на него съ обиднымъ недоумѣніемъ, точно удивляясь его здѣсь присутствію, и хотѣлъ что-то сказать, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ запыхавшійся судебный приставъ Казанцевъ и, ни съ кѣмъ не адожаясь, провозгласилъ:

— Господа! Читали корреспонденцію?

— Какую?.. Гдѣ?... Когда?..—послышались встревоженные голоса.

— А! слѣдовательно, не читали?.. Изъ Чудновска... такая, чортъ возьми, что небо съ овчинку...

— Ну-те, ну-те... гдѣ она?

— Здѣсь!.. Со мной... Вотъ!..

— Дайте сюда!..

— Ну, нѣтъ-съ... я самъ прочту... съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой...

— Читайте, корѣе... не кривляйтесь.

— Сейчасъ... сейчасъ... Придвиньте лампу. Такъ. Вниманіе, господа!.. Отъ Луки апостола Павла чтеніе...

Приставъ съ разсчитанной медленностію вытащилъ изъ кармана газету и громкимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ сталъ читать. Всѣ, сгрудившись и жадно уставившись на чтеца, приготовились слушать.

Какой-то недоброжелатель писалъ, что въ башкирскихъ волостяхъ Чудновскаго уѣзда будто бы уже около семи лѣтъ фактически осуществлено крѣпостное право, съ барщиной, ѣброками, розгами и даже отдачею крѣпостныхъ людей въ кабалу, при чемъ хозяиномъ этого крѣпостного района является непредусмотрѣнный закономъ Чудновскій башкирскій попечительный комитетъ.

„Скованные по рукамъ и по ногамъ башкиры“,—писалъ корреспондентъ,—„принуждены свою собственную землю брать въ аренду у комитета и подъ угрозой наказанія платить за все: за лѣсъ, за дрова, за пашню, за покосы. Такимъ образомъ, уже сотни людей отбыли десятки лѣтъ тюремнаго заключенія и уплатили тысячи рублей разныхъ штрафовъ за „самовольное пользованіе“ своею собственностію. Помимо уголовной отвѣтственности, недоимщики сотнями продаются въ кабалу на горныя заводы для отработки недоимокъ, а такъ называемые бунтовщики ссылаются въ Сибирь по при-

говорамъ сельскихъ обществъ или по представленію мѣстныхъ властей. Комитетъ нещадно истребляетъ лѣса, распродавая ихъ за баснословныя цѣны. Пахотныя и сѣнокосныя земли, нужныя самимъ башкирамъ и окрестному русскому молоде-мельному населенію, отдаются мѣстнымъ кулакамъ и чудновскимъ купцамъ, которые маклачатъ землей и держатъ въ ежевѣхъ рукавицахъ цѣлыя волости. И, однако, не взирая на такое хозайничанье, въ комитетъ стекаются огромныя деньги, которыя уходятъ, главнымъ образомъ, на управленіе, т. е. на содержаніе комитета, состоящаго изъ предсѣдателя сѣзда и земскихъ начальниковъ, уполномоченнаго отъ башкиръ отставнаго заурядъ-хорунжаго Темиръ-Поллатова, ученаго лѣсовода и такъ называемыхъ агрономическихъ надзирателей. Скудные остатки поступаютъ въ запасный капиталъ, который самимъ башкирамъ не приноситъ, однако, никакой пользы. Даже въ годы острой продовольственной нужды имъ не выдается ни копейки, на томъ основаніи, что капиталъ предназначенъ исключительно на сельско-хозяйственныя улучшенія. Между тѣмъ, постороннія лица и учрежденія пользуются имъ въ широкихъ размѣрахъ. Такъ, ссудосберегательная касса служащихъ сѣзда получила ссуду въ 5000 рублей, потребительское общество 3000, Чудновскій клубъ 1000, купецъ Темиръ-Поллатовъ 4000 рублей. Помимо всего сказаннаго, башкиры принуждены отбывать въ пользу комитета еще разнаго рода повинности натурою: рубить и возить лѣсъ для фермерскихъ построекъ, работать на опытномъ полѣ, прорубать просѣки, строить дороги, доставлять дрова и пр.“

Окончивъ чтеніе, Казанцевъ побѣдоносно осмотрѣлъ присутствующихъ, чувствуя себя почти авторомъ прочитанной имъ обличительной статьи.

Не смотря на то, что дѣйствительность была, какъ всѣ знали, гораздо содержательнѣе и ярче описаннаго, — корреспонденція произвела впечатлѣніе возмутительной клеветы и вызвала всеобщее осужденіе. Больше всѣхъ возмущались дамы. Изъ сочувствія къ предсѣдателю сѣзда, Аркадію Петровичу Подгурскому, котораго всѣхъ больше задѣвала корреспонденція, онѣ на перебой бранили корреспондента и башкиръ.

— Какая клевета!.. Какая гадость!..—воскликали онѣ, горячо негодуя:—Изъ-за башкиръ, изъ-за конокрадовъ—это Богъ знаетъ что!..

— Нда... оно того...—говорили мужчины:—въ общемъ весьма скандально...

Исправникъ былъ сконфуженъ.

— Не того... не того...—бормоталъ онъ:—хвачено черезъ

край!.. И чего смотрѣть ценаура—не понимаю!.. Ну, намеки, ну, опиши эдакъ уносказательно, но не прямо же, съ плеча... Главное, и газета-то столичная... Фу ты, неприятность какая!.. Они не понимаютъ того, что эдакъ можно вызвать неудобольствіе въ населеніи... И теперь ужъ творится невѣдомо что... Откровенно говоря, я боюсь ѣздить по уѣзду—до того натянуты струны... Храни Богъ!..

— Подгурскій и Струковъ усаkali въ губернію... не знаете, зачѣмъ?..

— Скандаль, однимъ словомъ!.. Но кто? Кто могъ написать?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Исправникъ скосилъ глаза на агронома, но у того было совершенно невинное лицо; при томъ же, какъ человѣкъ новый, онъ и не могъ знать мѣстныхъ дѣлишекъ. „Нѣтъ, не онъ“, рѣшилъ исправникъ и перевелъ взглядъ на ветеринара. „Ну, этому гдѣ!“ подумалъ онъ въ ту же минуту: „я думаю, онъ и грамматику-то позабылъ“.

— Но кто же?.. Кто, наконецъ?..—со всѣхъ сторонъ слышались вопросы.—Удивительное дѣло! Вѣдь, даже подумать не на кого: нѣту у насъ корреспондентовъ!

— Кто? А Шатиловъ?.. Помните, онъ о спектаклѣ писалъ?

— Ерунда! Онъ частный повѣренный, онъ не посмѣетъ. Въ случаѣ чего, ему и свидѣтельства не дадутъ... Немыслимая вещь!..

— Ну, Кузнецовъ... больше некому.

— Не станеть Кузнецовъ портить отношеній... Нѣтъ, это изъ такихъ, которымъ терять нечего... изъ красныхъ...

— Такихъ у насъ нѣту.

— Почему вы знаете? За это поручиться нельзя.

— А помните, господа, соляной процессъ?—началъ исправникъ:—Вотъ тоже скандалище-то былъ—мое почтеніе! Какъ? Кто? Что?.. Туда-сюда, наконецъ—въ редакцію. Не можемъ, говорятъ, выдать сотрудника. Ага! отлично! А черезъ губернатора?.. Ну, тутъ ужъ само собой... И что же, въ концѣ-концовъ, оказалось? Самъ секретарь... ха, ха, ха!.. Бѣдняга было и такъ, и сякъ, туда-сюда... я, не я, лошадь не моя, да нѣтъ, сударикъ мой! Либо литература, либо служба—въ двадцать четыре часа!.. Либеральные взгляды, отцы мои; тутъ не при чемъ... Я самъ либераль, но никогда не допущу своевольства.

За карты усѣлись только въ одиннадцатомъ часу, и то лишь по неотвязной просьбѣ инспектора, который каждую минуту, проведенную не за зеленымъ столомъ, считалъ для жизни потерянной. Колосовъ, не игравшій въ карты, сталъ прощаться.

II.

Очутившись на улицѣ, онъ въ первый моментъ не могъ разсмотрѣть ничего, кромѣ чернаго мрака и мерцавшихъ въ отдаленіи фонарей передъ тюремнымъ замкомъ и полицейскимъ управленіемъ. Ночь была тихая и теплая. Съ неба падали рѣдкія капли дождя. Снизу, изъ-подъ горы, донесился глухой шумъ и какой-то странный шепчущій шорохъ: должно быть, на рѣкѣ трогался ледъ. Съ мелодическимъ звономъ журчала вода въ оврагѣ, въ городѣ лаяли собаки, гдѣ-то неподалеку рычалъ заблудившійся пьяница и слышно было, какъ онъ шлепаешь нетвердыми ногами по грязной лужѣ.

Освоившись съ темнотой, Колосовъ смутно различилъ темные силуэты домовъ, сумрачное небо съ быстро бѣгущими по немъ облаками и бѣлѣвшую впереди мокрую дорогу. Она пошелъ по ней черезъ площадь на огни фонарей, утопая въ грязи и попадая въ рытвины, наполненные водой. Справа неожиданно блеснулъ еще новый свѣточъ, большой фонарь съ рефлекторомъ передъ казенной винной лавкой, и длинной огненной полосой отразился черезъ всю покрытую лужами площадь.

Въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ жилъ Колосовъ, еще не спали. По корридорамъ взадъ и впередъ суетливо сновали измученные лакеи въ засаленныхъ пиджакахъ съ салфетками подъ мышкой. Изъ залы и трехъ крайнихъ номеровъ неслись крики, говоръ, шумъ, звонъ посуды и нестройное пѣніе. Здѣсь уже третій день безобразно пьянствовали лѣсопромышленники, въ ожиданіи весенняго сплава.

Молоденькая горничная Маша, оживленная, радостная, раскраснѣвшаяся и, кажется, немного пьяная, съ визгомъ и смѣхомъ выскочила въ корридоръ и въ смущеніи остановилась передъ Колосовымъ. Вмѣстѣ съ нею вырвался черезъ дверь взрывъ пьянаго хохота. Колосовъ, разсѣянно посмотрѣвъ на нее, вошелъ въ номеръ и сталъ зажигать лампу. Маша остановилась въ дверяхъ и, лукаво потушивъ свои черные глазки, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—угрюмо и нелюбезно отвѣчалъ Колосовъ.—Пьяные скоты не уgomонились еще?—спросилъ онъ, вида, что Маша медлитъ уходить.

— Да-съ... очень пьяные и большіе невѣжи-съ,—отвѣчала она, жеманясь.—Для васъ самоваръ не поставитъ ли?

— Нѣтъ, нѣтъ.

Маша постояла еще съ полминуты, кинула на Колосова

быстрый испытующий взгляд и вышла, а Колосовъ легъ на диванъ и сталъ читать. Но книга казалась неинтересной, и онъ съ досадой отбросилъ ее отъ себя. Тоска бездѣлья и мертвящая скука томили его, и онъ смотрѣлъ, поочередно, то на свѣтлый низкій потолокъ, то въ окно, въ черный мракъ ночи.

Кто-то постучалъ въ дверь. Колосовъ вдрогнулъ.

— Войдите,—сказалъ онъ, вскакивая съ дивана.

Въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, въ поддѣвкѣ и синей рубахѣ на выпускъ, сосѣдъ Колосова, жившій въ тѣхъ же номерахъ, по фамилии Мережинъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худошавъ и строенъ; въ волосахъ и бородѣ пробивалась сѣдина. Его умное лицо было благородно и красиво, но ему странно противорѣчили большіе печальные глаза, всегда горѣвшіе какимъ-то внутреннимъ безпокойнымъ огнемъ.

— Извините, что помѣшалъ,—сказалъ онъ, здороваясь, — но я съ добрыми намѣреніями: не угодно-ли со мной чайку откушать?

— Что жъ, пожалуй,—вяло согласился Колосовъ.

— Хотя мы шапочно и знакомы,—началъ Мережинъ, когда они перебрались въ его крошечный номеръ,—но все же для васъ я человѣкъ неизвѣстный. Позвольте рекомендоваться: бывшій изюмскій волостной старшина, бывшій уѣздный и губернский гласный, бывшій членъ земской управы, бывшій членъ училищнаго совѣта, а въ настоящее время никто, т. е. просто крестьянинъ, Иванъ Павловъ Мережинъ.

— Все бывшій,—улыбаясь, замѣтилъ Колосовъ,—почему же не настоящий?

— Такова моя судьба,—также улыбаясь, отвѣчалъ Мережинъ, и безпокойные огоньки въ его глазахъ забѣгали сильнѣе.—Для полноты долженъ прибавить, что, превратившись въ ничто, вашъ покорнѣйшій слуга отсидѣлъ уже пятьдесятъ восемь ^{эт}разъ подъ арестомъ и уплатилъ около пяти-^{сотъ} рубле-^{выхъ} штрафовъ.

Колосовъ ^исмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Пятьдесятъ восемь разъ по три дня,—значить, почти полгода въ теченіе восьми лѣтъ.

— Странно...—сказалъ Колосовъ:—за что же собственно?

— За неисполненіе законныхъ распоряженій господина земскаго начальника. Вы, кажется, не вѣрите? между тѣмъ, я говорю сущую правду. Признаться, досталось мнѣ это не даромъ: я чуть съ ума не сошелъ. Къ счастью, начальникъ нашъ получилъ повышеніе—назначенъ членомъ губернскаго присутствія, и я вздохнулъ свободнѣе.

— Почему вы не жаловались?

— Какъ не жаловался! Но жалобы мои оставлялись безъ послѣдствій.

— Но за что же?.. Я всетаки не понимаю.

— А вотъ, не угодно ли? У меня все записано. Напримѣръ: 6 февраля „за непокорство“, 20 февраля „за подачу жалобы на земскаго начальника“, 2 марта „за упорство“, 16 апрѣля „за вредные разговоры“, 26 апрѣля „за произвольное толкованіе законовъ“, 23 мая „за невѣжество“, 1 іюня „за непочтеніе“, потомъ опять „за подачу прошенія“, „тоже“, „за нехождение во храмъ“, „за самовольную отлучку“, и т. д., и т. д.

Мережинъ, перебирая листы записной книжки, смѣялся, но смѣхъ его былъ вымученъ и непріятенъ, и что-то жалкое и болѣзненно-скорбное было въ выраженіи его глазъ и въ нервическомъ подергиваніи тонкихъ губъ.

— Кому вы жаловались? Надо было кричать, вопіять...

— Жаловался до сената включительно. Кричать, вопіять... но какъ?.. Я и кричалъ, и вопіалъ, но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ газеты писалъ—не печатаютъ... Что же еще?.. Я не знаю. Мѣстное общество находило очень забавнымъ, что бывшій почетный мировой судья почти не выходитъ изъ кутузки, и сочиняло по этому поводу смѣшныя анекдоты...

— Тогда, извините, я васъ не понимаю: почему не бѣжали вы куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта? Вѣдь вы человѣкъ не бѣдный?

— У меня, дѣйствительно, есть домъ и небольшія деньги.. Но куда и зачѣмъ бѣжать?.. Я корнями вросъ въ здѣшнюю почву... всѣ интересы мои здѣсь... Худо ли, хорошо ли, я двадцать лѣтъ занимался общественными дѣлами, сжился съ ними... да и мудрено на старости лѣтъ искать новыхъ мѣстъ и новыхъ путей... наконецъ, гдѣ эти новыя мѣста и новыя пути? Я, по крайней мѣрѣ, не знаю. Случалось мнѣ бывать въ дворянскихъ губерніяхъ, —ей богу, тамъ еще хуже... Забитость, приниженность, ~~дѣлая~~ а, охъ, какая нищета!.. У насъ все же народъ самостоятельный, развитый, да и богаче, не такъ забитъ... Посмотрите, какое у насъ было земство, а вѣдь оно было мужицкое... Теперь его задушили...

— Да, да...—бормоталъ въ волненіи Колосовъ.—Но почему, именно, на васъ ополчились?

— Не на одного меня, а вообще на людей подлаго званія... Пошелъ вездѣ чиновникъ, началась стрижка... Наѣзжимъ господамъ хотѣлось все привести къ одному знаменателю, какъ можно скорѣе доказать, что мы по рожденію своему обречены на вѣчное пресмыкательство... Однимъ сло-

вомъ, побѣдители торжествовали побѣду и топтали врага.. Этимъ, вѣроятно, объясняются всѣ тогдашнія излишества. Разумѣется, я былъ изринуть отовсюду и вскорѣ приобрѣлъ репутацію вреднаго кляуаника.

Колосовъ, въ волненіи, ходилъ по комнатѣ и твердилъ:

— Надо бороться, всѣми силами бороться...

— Главная бѣда въ томъ, что я одинокъ,—продолжалъ Мережинъ:—это можетъ довести до отчаянія. Мало-по-малу отъ меня всѣ отшатнулись. Вы не повѣрите, вѣдь не съ кѣмъ слова сказать... сторонятся, какъ отъ зачумленного... Пробовалъ завязать сношенія съ губернской интеллигенціей, да ничего не вышло. Есть тамъ люди хорошіе и образованные, да не интересуются они нашимъ братомъ. Я мужикъ богатый крестьянинъ, собственникъ, бывшій землецъ, стало быть, по ихъ понятіямъ, принадлежу къ буржуазному классу, хлопочу о землѣ, а это, видите ли, для нихъ не годится. Слишкомъ узко и отвлеченно смотрять они на человѣка. Сокрушались, почему я не рабочій, не батракъ, не ремесленникъ... По этому случаю сочли меня неспособнымъ къ воспріятію пролетарской морали. Много говорили о классовыхъ противорѣчіяхъ... Я человѣкъ необразованный и многого, конечно, не понимаю, но, ей-богу же, все это какая-то чепуха... Однимъ словомъ, ничего не вышло... И говорили-то со мной не то чтобъ враждебно, а эдакъ иронически: „вы-де хлопочете за хозяйственнаго мужичка“... Удивительно мнѣ это показалось... Я хлопоталъ за всякаго мужика, и больше всего, конечно, за бѣднаго, за обиженнаго, за безправнаго... Но въ общемъ счетѣ, говорятъ, получается одно и то же... Собственно, мнѣ хотѣлось завести связи съ газетами...

— Это не ваша ли корреспонденція изъ Чудновска?

— Да... а развѣ она напечатана? — встрепенулся Мережинъ.

— Какъ-же... сегодня читали у Булатовыхъ.

— А! это хорошо... А я думалъ, опять не помѣстятъ... Отлично! Только все ли напечатали? Навѣрное, выбросили цѣлую половину... О дознаніи члена губернскаго присутствія нѣту?

— Нѣту.

— А какъ драли башкирскихъ старость въ Бордымѣ, тоже нѣту?

— Нѣту.

— Я такъ и зналъ. Плохой я литераторъ: изъ двадцати корреспонденцій помѣщены только три, да и то съ урѣзками. Пишу безграмотно, съ буквой ять вѣчные нелады, съ запятыми тоже: поставишь ихъ чортову пропасть, а все не къ мѣсту... Но три корреспонденціи всетаки напечатаны...

И Мережинъ засмѣялся такимъ веселымъ смѣхомъ, что Колосовъ изумленно посмотрѣлъ на него.

— А знаете, я вѣдь не просто пригласилъ васъ,—заговорилъ Мережинъ съ веселымъ лукавствомъ:—хочу злоупотребить вашей добротой.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Колосовъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Вы знаете Красное Поле? Церковь видна изъ вашего окна—это и есть Красное Поле. Несчастное село, и жители его несчастные. Объ ихъ печальной судьбѣ я написалъ статью, но едва ли напечатаютъ. Поэтому я хочу подать ее новому губернатору въ видѣ докладной записки. Просьба моя въ томъ, чтобы вы исправили ее въ сталистическомъ и грамматическомъ отношеніи.

— Что жъ, съ большимъ удовольствіемъ.

— Новый губернаторъ, говорятъ, человѣкъ порядочный, можетъ быть, что-нибудь выйдетъ.

— А вы все еще надѣетесь?—спросилъ Колосовъ и покачалъ головой.

— Какъ же иначе?—возразилъ Мережинъ:—На что-нибудь надо надѣяться.

— А ужъ, кажется, пора бы надъ мѣстомъ, называемымъ русской бюрократіей, написать помеломъ: входящій сюда, оставъ всякую надежду!

Мережинъ вдругъ заволновался и сталъ горячо возражать.

III.

Было уже за полночь, когда Колосовъ вернулся къ себѣ. Лѣсопромышленники все еще колобродили. Хриплые, пьяные крики, крупная брань и хохотъ приняли явно угрожающій характеръ.

Развернувъ рукопись Мережина, Колосовъ прочелъ заглавие: „Несчастные краснопольцы“—и поморщился.

„Слишкомъ жалобно и наивно“, пробормоталъ онъ и сталъ лѣнливо читать.

„Въ двухъ верстахъ отъ города Чудновска,—говорилось въ рукописи,—лежитъ село Красное Поле. Жители его, бывшіе крѣпостные графа Саломонскаго, по причинѣ одной канцелярской ошибки не получили надѣла, и земля ихъ страннымъ образомъ поступила во владѣніе города Чудновска. Эта странная, загадочная и въ высшей степени запутанная исторія мало кому извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Невѣжественные краснопольцы, изъ которыхъ самый

грамотный едва въ состояніи нацарапать на бумагѣ: „кѣму порошнїю довѣрены Мишри Котофъ подписусь“, утратили всякую надежду понять хоть что-нибудь изъ этой сказки о бѣломъ бычкѣ, которая рассказывается вотъ уже около 80 лѣтъ. Начало ея относится къ 1823 году, когда при генеральномъ межеваніи земель города Чудновска и казны возникли споры между городомъ, казной и владѣльцемъ села Красное Поле графомъ Саломонскимъ. Не останавливаясь на полувѣковой волокитѣ, можно прямо перейти къ 1871 году, когда сенатъ указомъ отъ 15 ноября разрубилъ Гордіевъ узелъ канцелярской путаницы, предписавъ межевой комиссіи надѣлить Красное Поле землею по 15 десятинъ на ревизскую душу по 10-й ревизіи и отвести городу выгонъ въ размѣрѣ двухъ-верстной пропорціи. Узелъ былъ разрубленъ но канцелярскіе узлы обладаютъ необыкновенной силой сдѣпленія, и вскорѣ онъ опять запутался еще больше. Вотъ какъ это произошло. При исполненіи сенатскаго указа обнаружилось, что Красное Поле почему-то пропущено въ сказкахъ послѣдней 10-й ревизіи, и только 11 душъ случайно оказались записанными по Полевскому заводу. Объ этомъ межевая комиссія представила Сенату. Сенатъ нѣсколько лѣтъ молчалъ, наконецъ, указомъ 28 марта 1884 года разъяснилъ, что, если нѣтъ свѣдѣній по 10-й ревизіи, слѣдуетъ дать надѣлъ по 9-й. На основаніи этого указа состоялось весьма странное постановленіе межевой комиссіи: надѣлить землей только тѣ 11 душъ, которыя по свѣдѣніямъ 10-й ревизіи значились въ 1858 г. проживающими въ Полевскомъ заводѣ, игнорируя, такимъ образомъ, Красное Поле съ его дѣйствительными обитателями. Это удивительное постановленіе, на первый взглядъ, кажется совершенно непостижимымъ, но логика комиссіи была, очевидно, такова. Въ указѣ сказано: если нѣтъ свѣдѣній по 10-й ревизіи... Но вѣдь относительно 11 душъ свѣдѣнія были? Правда, души эти проживали за 400 верстъ отъ Краснаго Поля и, при томъ, четверть вѣка тому назадъ, но все же онѣ значились по Красному Полю. И вотъ комиссія, считая настоящихъ краснопольцевъ, числомъ 200 душъ, какъ-бы не существующими, надѣляетъ тѣ 11 душъ, которыя въ Красномъ Полѣ давно не живутъ, переселившись въ Екатерининскій уѣздъ, но которыя за то попали въ сказки 10-й ревизіи“.

— Что за чепуха такая! — проворчалъ Колосовъ, котораго начинала интересовать эта скучная исторія.

„Теперь обратимся къ самимъ краснопольцамъ, — продолжалъ онъ читать, — дѣло которыхъ къ тому времени вдругъ получило совершенно неожиданный оборотъ. Въ 1887 году краснопольцы подали прошеніе. „Управленіе города Чуд-

новска“, писали они,—„не смотря на всѣ распоряженія вышшаго правительства, а главное распоряжается городской голова Безукладниковъ и принимаетъ мѣры черезъ полицію и тѣмъ приводить насъ, какъ за правду, въ самое отчаянное положеніе касательно земли, принадлежащей въ нашу собственность. Осмѣливаемся о вышеизложенномъ просить и принять нашу жалобу къ своему милостивому покровительству и возвратъ въ справедливости нашего ходатайства и тѣмъ облегчить нашу угнетающую участь вмѣстѣ съ семействомъ, чтобы послѣднія также могли пользоваться упомянутой выше землей безъ всякаго притѣсненія отъ полицейскихъ властей“. Эта челобитная, переданная губернатору, вызвала на первыхъ порахъ усиленную дѣятельность мѣстныхъ канцелярій. Непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія на запросъ губернатора сообщилъ, что краснопольцы, бывшіе крѣпостные графа Саломонскаго, были брошены владѣльцемъ на произволъ судьбы, землю же ихъ завладѣлъ городъ Чудновскъ, и что слѣдуетъ теперь же сдѣлать распоряженіе о составленіи уставной грамоты и выкупного акта. О несоставленіи въ свое время уставной грамоты губернаторъ запросилъ главную контору графа Саломонскаго, на что контора отвѣтила, что дѣло о крестьянахъ Краснаго Поля тянется уже 55 лѣтъ, и свѣдѣнія по этому предмету находятся при дѣлахъ межевой комиссіи. Межевая комиссія на тотъ же вопросъ отвѣтила, что никакихъ свѣдѣній объ уставной грамотѣ въ ея дѣлахъ не имѣется. Послѣ того дѣло опять замолкло на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ 1895 году состоялось постановленіе губернскаго присутствія. Оно состоитъ изъ двухъ частей: первая—„слушали“, вторая—„приказали“. Въ первой добросовѣстно излагаются всѣ обстоятельства дѣла, изъ которыхъ слагается самое несомнѣнное право краснопольцевъ на земельный надѣлъ. Вторая поражаетъ своей неожиданностью „такъ какъ крестьяне села Красное Поле, бывшіе крѣпостные графа Саломонскаго, въ настоящее время утратили всякое право на земельный надѣлъ по положенію 19 февраля 1861 года, ходатайство ихъ оставить безъ послѣдствій; что же касается указа сената 15 ноября 1871 года, то исполненіе его къ обязанностямъ крестьянскихъ учреждений не относится, а потому присутствіе опредѣляетъ: о вышеизложенномъ сообщить губернской чертежной на предметъ распоряженія о приведеніи означеннаго указа въ исполненіе“.

„Три года спустя губернская чертежная препроводила въ присутствіе копію съ журнальнаго постановленія общаго присутствія губернскаго правленія, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: 1) надѣленіе землю бывшихъ по-

мѣщичьихъ крестьянъ къ обязанностямъ губернскаго правленія не относится, по неимѣнію на то закона; 2) указъ 15 ноября 1871 года послѣдовалъ на имя межевой комиссіи, которая и должна была привести его въ исполненіе, но комиссіи этой въ настоящее время не существуетъ“.

Колосовъ покачалъ головой, потянулся, закурилъ папиросу, затѣмъ, пробросивъ нѣсколько страницъ, продолжалъ:

„Теперь вернемся къ межевой комиссіи, которая въ 1899 году, дѣйствительно, уже перестала существовать. Мы оставили ее на томъ, какъ она рѣшила надѣлить изъ дачи Красное Поле тѣ 11 душъ, которыя по 10-й ревизіи записаны были въ Екатерининскомъ уѣздѣ. Эти души, можетъ быть, всѣ уже умерли, а если и были живы, то, во всякомъ случаѣ, находились отъ Краснаго Поля за сотни верстъ. Но все это нисколько не смутило комиссію. Она высчитала, сколько придется земли на 11 душъ, вырѣзала изъ дачи кусокъ въ 165 десятинъ, составила планъ и межевую книгу. Оставалось только предъявить этотъ документъ тѣмъ 11 душамъ, кои надѣлялись. Но и это не смутило комиссіи. Планъ и межевая книга были предъявлены сосѣднимъ крестьянамъ Городищенской волости, которые отъ нихъ отказались, о чемъ по установленной формѣ составленъ былъ актъ. Этимъ дѣло было закончено, а сама временная комиссія перестала существовать. Достойно примѣчанія, что специально для этой операціи, т. е. для отмежеванія 165 десятинъ, комиссія просуществовала около 15 лѣтъ и обошлась казнѣ въ 65 тысячъ рублей...“

„Впослѣдствіи краснопольцы просили уже только о томъ, чтобы хоть эти 165 десятинъ на 11 душъ (вмѣсто 3135 десятинъ на 209 душъ) были имъ отданы, но въ этомъ имъ было отказано тѣмъ же приведеннымъ выше журнальнымъ постановленіемъ губернскаго правленія. Такимъ образомъ, на протяженіи 80 лѣтъ канцелярская машина оказалась безсильной разрѣшить, въ сущности, очень простой и несложный вопросъ. Это тѣмъ болѣе удивительно что въ неправомерности его разрѣшенія никто не былъ заинтересованъ, кромѣ города, который все время оставался въ сторонѣ и завладѣлъ землей, не тревожа высшихъ учреждений, исключительно при помощи чиновъ низшей полиціи“.

† Да,—разсуждалъ Колосовъ,—и этотъ человѣкъ возлагаетъ надежды на губернатора? Удивительно! Еще удивительнѣе, что мечтаетъ не идти дальше реставраціи стараго земства и судебныхъ уставовъ... Какая бессмыслица!..

„Лишившись земли,—продолжалъ онъ дальше,—краснопольцы устроились на башкирскихъ земляхъ, но и тутъ

ждала ихъ неудача. Попечительный башкирскій комитетъ призналъ договоръ съ башкирами недѣйствительнымъ и отдалъ землю лѣсопромышленнику Толкачеву“...

Вдругъ, не дочитавъ фразы, онъ въ испугѣ остановился. Пронзительный женскій крикъ, заглушая шумъ, поразилъ его слухъ, потомъ кто-то жалобно и безпомощно зарыдалъ.

Бросивъ рукопись, Колосовъ выскочилъ въ корридоръ.

IV.

Здѣсь онъ столкнулся съ Мережиннымъ.

— Что тамъ такое?

— Уголовщина какая-нибудь... Съ жиру бѣсятся негодяи...

Сморкаясь и размывая по лицу текущую изъ носа кровь, прошелъ по корридору измученный и, очевидно, только-что побитый лакей. Не отвѣчая на обращенные къ нему разспросы, онъ истерически всхлипнулъ, махнулъ рукой и нырнулъ въ темную каморку подъ лѣстницей. Женскій плачь вдругъ смолкъ, только грубая нецензурная брань, не прерываясь ни на минуту, покрывала собой начавшуюся въ домѣ суматоху. Изъ всѣхъ дверей выглядывали головы разбуженныхъ жильцовъ. Вслѣдъ за лакеемъ, колыхаясь, какъ студень, и шлепая по корридору босыми ногами, двигался хозяинъ.

— Родимые!.. Голубчики!.. — плачущимъ голосомъ говорилъ онъ, оглядываясь направо и налево: — Урезоньте его, ради-Христа.

— Кого?

— Иванъ Федулычъ буянить... Богъ знаетъ что творить... Осатанѣлъ... Дѣвку изувѣчилъ... Окна выхлесталъ начисто, теперь зеркала бьетъ... Полицію потребовалъ... за исправникомъ послалъ... вѣдь это бѣда!.. Урезоньте его, голубчики...

— Идемте, господа! — отозвался Колосовъ, но это предложеніе ни въ комъ не встрѣтило сочувствія: жильцы поспѣшно юркнули въ свои номера, громко захлопнувъ двери.

Колосовъ и Мережинъ, въ сопровожденіи хозяина, пошли одни.

Въ столовой безтолково суетились, громко разговаривая, какіе-то совершенно пьяные люди. Разбитыя бутылки, тарелки съ остатками ѣды, лужи краснаго вина, обагрявшія бѣлую скатерть, выбитыя стекла, черезъ которыя врывался въ комнату вѣтеръ вмѣстѣ съ брызгами дождя, звѣздообразная пробоина въ трюмо, отражавшая въ себѣ тысячи огней, жоваленные на полъ стулья—все свидѣтельствовало о внезапно прерванномъ буйномъ весельи. Виновики кутермы,

купецъ Толкачевъ, скрывшись въ своемъ номерѣ, изрыгалъ оттуда грязную, бессмысленную брань. Изъ темныхъ дверей вылеталъ время отъ времени какой-либо хрупкій предметъ и, ударившись въ стѣну, разбивался въ дребезги.

— Грабители!—кричалъ Толкачевъ окрипшимъ басомъ:— я докажу вамъ и съ Машкой съ вашей!.. А! придумали купцовъ обдирать!.. Прохвосты!.. Ловко!.. За сережки деньги плачены... жулье!.. Все подстроено... Жарь!.. Сокрушай!.. Все гнѣздо раззорю!..

Въ передней стоялъ стражникъ и говорилъ повару:

— Которые купцы выпимши, то въ ефтомъ разѣ надобно имъ потрафлять, потому въ полицію ихъ не приказано... По этому случаю надо стараться безъ скандалу...

— Это вѣрно,—соглашался поваръ.

— И ежели пріѣдетъ исправникъ, то, милости просимъ, и намъ влетить...

Къ ногамъ Колосова упалъ фаянсовый тазъ, разбившись въ дребезги.

— Связать этого негодяя!—закричалъ Колосовъ:—Страж-
жикъ! ты чего смотришь? Бери его! Ну?

Стражникъ, прервавъ разговоръ, вытянулся по военному.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Что никакъ нѣтъ?

— Не приказано шевелить.

— Почему это?

— Потому что... какъ можно!.. Они у барина чай пьютъ.

Колосовъ вдругъ пришелъ въ неистовство и началъ ругаться.

— Подлецы!.. Хамы!.. Взятчики!.. — кричалъ онъ, заикаясь и проглатывая слова:—Барвары!..

— Господинъ... нельзя такіа слова...

— Молчать!.. Воры... Душегубы!.. Баши-бузуки!..

— Бросьте... что вы... не связывайтесь... — уговаривалъ его изумленный Мережинъ, не понимая причины его вна-
запнаго гнѣва.

— Я видѣть не могу грубую полицейскую сволочь!.. Не-
навижу, презираю!.. Это ваша опора, столпы... чортъ бы ихъ побралъ!.. Священные основы предковъ.. тѣфу!..

Стражникъ наострилъ уши. „Эдакіа слова!“ съ злорад-
нымъ ужасомъ думалъ онъ: „надобно доложить“.

— Бросьте, идемте,—говорилъ Мережинъ, насильно увле-
кая Колосова, который такъ же быстро остывалъ, какъ и
вспыхивалъ.

Минуть черезъ двадцать пріѣхалъ исправникъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—говорилъ онъ, сбрасывая
шинель на руки городского.

Услышавъ голосъ исправника, Толкачевъ вышелъ въ корридоръ. Это былъ ражій мужчина съ багрово-краснымъ лицомъ и черною бородой. Глаза его горѣли отвагой, на губахъ блуждала презрительная улыбка.

— Ты чего буянишь, крокодилъ? — обратился къ нему исправникъ — Безстыдникъ! по ночамъ людей безпокоишь...

— Не подходи, убью! — ломаясь, закричалъ Толкачевъ

— Не дури!.. Съ послѣдняго ума спятилъ!..

— А, струсилъ, полковникъ? То-то. Ты подлець, я тебѣ скажу. Почему у тебя купцовъ грабятъ, а?

— Ну-ну! не самъ ли ты ограбилъ кого?.. Ну, въ чемъ дѣло? За какимъ лѣшимъ за мной посылали?

— А сказать тебѣ, что ты подлець... И городъ у тебя подлець, и полиція твоя подлець... Лакеи грубятъ... горничныя грабежомъ занимаются... хозяинъ мошенникъ... Это какъ? А?.. И меня же въ участокъ... а?.. Это какъ? Почему?..

— Мели, мели... Все ты врешь... Налилъ глаза, какъ сапожникъ...

— Вру? Я-то вру?.. Ахъ, ты, собачье мясо! Да я тысячи рублей не возьму соврать... Я правду... истинную..

Въ голосъ его неожиданно послышались слезы.

— Меня ограбили, избили... обокрали... и я вру!.. Я вру!.. И ты, исправникъ, полицейская, государственная власть, имъ вѣришь...

Толкачевъ вдругъ заплакалъ.

— Ну, подмокъ, подмокъ, — улыбаясь, говорилъ исправникъ.

— Ты долженъ въ чижовку ихъ посадить... и Машку въ томъ числѣ... уважить меня по пріятельству...

— Ну, хорошо, хорошо... не реви...

— У меня деньги, векселя... ограбить меня могли... Взятки вы, подлецы, берете, а дѣла не дѣлаете... Тысячу съ меня сорвалъ... прохвосты!..

— Ну-ну! не завирайся, пріятель, не завирайся!

— Эка! тысячу хапнулъ, да не завирайся!.. Куричья смерти!..

— Перестань, говорю! За эти слова отвѣтить можно, — сказалъ исправникъ строго и вдругъ замѣтилъ Мережина. — Эй, ты, борода! Чего надо? Чего не видалъ? — закричалъ онъ грубо, но, узнавъ Мережина, смягчился: — О, да это вонъ кто!.. Иванъ Павлычъ!.. Богатымъ быть — не узналъ... Какими судьбами?

„Вотъ кто статьи-то пишетъ“, въ то же время подумалъ онъ и продолжалъ вслухъ:

— Все о мужичкахъ хлопочете?.. Доброе дѣло, доброе дѣло... Разоблачаютъ теперь наши порядки... читали?

— Что?

— Будто не читали?... Такая, батенька мой, корреспонденція, что любо.. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ на васъ...

— Ну, и что же?

— Ничего, ничего... я такъ, вообще... Превосходная, собственно, статья...

— Рыло!—приставалъ къ исправнику Толкачевъ:—ты думаешь, не жалко? А?... Свиная твоя голова!..

— О чемъ ты?

— Тысячу-то рублей .. дьяволъ!..

— Экъ нализался!.. Давай коньякъ пить... Ой-ой-ой! — воскликнулъ исправникъ, заглянувъ въ номеръ:—Мамай воевалъ... экъ тебя!.. Мы вотъ что: ѣдемъ къ Настасѣ!

— Сади меня въ чижовку... я телеграфирую министру двора...

— Не мели, одѣвайся...

— Ты Машку сперва, подлюю, арестуй.

— Да ужъ сидить, братъ... клоповъ кормить.

Къ исправнику подошелъ Колосовъ и взволнованно заговорилъ объ арестѣ Маши.

— Я знаю,—перебилъ его исправникъ.

— Но за что же? Это возмутительно!

— Чего-съ?—прищурившись, переспросилъ исправникъ.

— Это возмутительно! Я протестую противъ такого произвола! Я требую...

— Позвольте: вы кто такой?

Колосовъ назвалъ себя.

— Вы что же—братъ, женихъ или родственникъ арестованной? На какомъ основаніи вы суетесь не въ свое дѣло?

— Какъ очевидецъ...

— Когда потребуется, васъ спросятъ, а пока, пожалуйста, не беспокойте себя. Есть заявленіе, что она обокрала купца...

— Но это же ложь!

— Очень можетъ быть. Тамъ увидимъ.

— Но вы поймите: пьяный негодяй обидѣлъ дѣвушку, а вы ее же волочите въ кутузку,—что это такое?

— Это васъ не касается, и не извольте выражать слова. Если вы агрономъ или кто тамъ—не знаю, то занимайтесь своимъ дѣломъ, садите капусту, а въ чужія дѣла не мѣшайтесь.

Колосовъ вскоблываясь отъ гнѣва, сжалъ кулаки, хотѣлъ что-то крикнуть, но спазмы сдавили его горло. Мережинъ съ умоляющимъ видомъ бросился къ нему и оттащилъ его отъ исправника.

— Какъ вы несдержанны и слабонервны!—говорилъ онъ тономъ дружескаго упрека:—Развѣ можно такъ? Изъ такихъ пустяковъ!.. Надо просить, а не требовать, и, во всякомъ случаѣ, не выходить изъ границъ... Очень понятно, что исправникъ сейчасъ на дыбы...

Колосовъ сидѣлъ на кровати, блѣдный, и молчалъ.

— Исправникъ вовсе не злой, но полицейская служба портитъ людей... Для него привычное дѣло таскать людей въ свой застѣнокъ... Конечно, произволъ это, безобразіе, но что вы подѣлаете? Приходится волей-неволей мириться.

— Мириться?...—произнесъ Колосовъ, и глаза его злобно сверкнули. Онъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Мережина и продолжалъ:—Вы, примирительно чирикающие воробьи... да... земцы и прочіе либералы... вы большіе мастера все сводить за шило... Нѣтъ такой подлости отъ мундира, которую вы не сумѣли бы облечь въ законную форму... изъ преданности, изъ дипломатіи, изъ угодничества, изъ страха... Вы очень корректны, но вся ваша корректность сводится къ тому, чтобы проникаться уваженіемъ ко всякой зуботычинѣ, которую вамъ даютъ... И чѣмъ больше васъ бьютъ, тѣмъ вы смиреннѣе... О, вы до смерти боитесь всякаго шума, скандала, всякаго несогласія... Гармонія—вашъ идеаль, диссонансъ рѣжетъ вамъ ухо... Вы такъ трепещете за свою голубиную чистоту, что отрекаетесь отъ самихъ себя и вѣковое холопство возводите на степень основъ... Несчастны! вы только и дѣлали, что припадали къ стопамъ... Вы сами себѣ рыли могилу... Жалкіе, недалекновидные люди, продавшие свое первородство за чечевичную похлебку! Вы и до сихъ поръ стараетесь увѣрить себя и другихъ, что у васъ съ господиномъ околоточнымъ надзирателемъ цѣли однѣ и тѣ же, что вы едино суть... Срамота!.. Вотъ вы надѣтесъ на новаго губернатора, на новыя вѣянія... Удивительно!

— На что же надѣяться?

Колосовъ захохоталъ.

— На городского, на жандарма, на солдатскій штыкъ. Онъ все дастъ, все устроитъ. Вы—умный человекъ, а простыхъ вещей не понимаете. Ваша мысль, какъ пришибленная птица, не можетъ подняться надъ стоячимъ болотомъ. Надѣяться надо только на себя. Насъ много, мы сила, но сила разрозненная, неорганизованная,—надо организоваться. А эти упованія на благожелательнаго городского оставить. Вотъ, вы подаете губернатору свою статью или записку,—на что вы надѣтесъ? Ужъ если весь арсеналъ бюрократической мудрости оказался безсильнымъ, то что можетъ губернаторъ? Неужели вы думаете, что изъ чувства справедливости онъ пойдетъ напроломъ и противъ полиціи, и противъ земскихъ

начальниковъ, и противъ высшихъ установлений? Такого донъ-Кихота еще не бывало, не было и не будетъ.

— Извините, я съ вами несогласенъ,—спокойно произнесъ Мережинъ и сталъ горячо возражать, отстаивая свою точку зрѣнія.

Въ окна глядѣлъ голубой разсвѣтъ, запѣли пѣтухи во дворѣ, на улицѣ раздался стонущій скрипъ немазаныхъ колесъ водовозной телѣги, когда, не окончивъ спора, собесѣдники разошлись по своимъ комнатамъ.

V.

Дней десять спустя, чудновское чиновничество встрѣчало губернатора, который, объѣзжая губернію, долженъ былъ прибыть сюда съ первымъ пароходомъ. Пристань находилась на голомъ, пустынномъ берегу верстахъ въ трехъ отъ города. Чтобы попасть туда въ половодье, надо было ѣхать около версты лѣсомъ по очень скверной дорогѣ, потомъ лугами по узкой, плохо устроенной дамбѣ.

Шелъ проливной дождь, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, по небу неслись сѣрыя тучи, рѣка бушевала, и ея грязно-желтыя волны яростно плескались о голый глинистый берегъ. Красные потоки, подгоняемые дождемъ, торопливо бѣжали внизъ по откосу, вливаясь въ рѣку. Направо и налѣво отъ пристани тянулись убогіе балаганы и лавчонки, около которыхъ, укрывшись тряпьемъ, мокли сверху и снизу торговки. На носу и на кормѣ пристани, сбившись въ кучу, сидѣли волостные старшины, согнанные сюда для встрѣчи начальника губерніи и для поднесенія ему хлѣба-соли. На берегу стояли десятки экипажей, въ томъ числѣ карета для губернатора, запряженная парой воронихъ лошадей.

Недалеко отъ пристани высилось на голомъ бугрѣ двухъ-этажное зданіе гостиницы. Здѣсь пріютились чиновники, именитые купцы, представители города и чудновскаго земства. Пароходъ ожидали около полудня, но шелъ уже третій часъ, а его все еще не было видно. Затянутые въ мундиры чиновники, въ началѣ строгіе и торжественные, мало по малу пріобрѣтали унылый и недовольный видъ, понуро сидѣли на стульяхъ, на диванахъ, тоскливо смотрѣли черезъ окно въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться пароходъ, безцѣльно бродили по заламъ, выходили на террасу, читали на стѣнахъ рекламы. Одни угрюмо молчали, другіе лѣниво перекидывались незначительными фразами, третьи пытались шутить. „Смѣшно и глупо, я самъ это знаю,

но что же дѣлать!“—казалось, говорила улыбка каждаго изъ нихъ при встрѣчѣ съ другими.

Городской голова Безукладниковъ, высокій и плотный мужикъ, въ мундирѣ съ медалью, терпѣливо стоялъ у стѣны, опустивъ руки и вытянувъ шею. По временамъ онъ громко крикалъ и утиралъ лицо большимъ краснымъ платкомъ. Подлѣ него, стѣсняясь присутствіемъ чиновнаго люда, съ благочестивымъ видомъ, точно въ церкви, стояли два члена управы.

— Вы бы сѣли, господа,—говорилъ имъ исправникъ,—еще когда чего будетъ. Въ ногахъ правды нѣтъ.

— Ничего, постоимъ, — церемонно отвѣчалъ голова, крикалъ и утирался платкомъ.

Десять земскихъ начальниковъ столпились вмѣстѣ и вполголоса разговаривали о какихъ-то своихъ дѣлахъ. Предсѣдателя сѣзда между ними не было: онъ уѣхалъ въ губернію сопровождать губернатора. Уже извѣстно было, что Подгурскій сумѣлъ войти въ милость и онискать расположеніе новаго начальника губерніи.

Судейскіе, держась особнякомъ и, видимо, щеголяя своей относительной независимостью, говорили довольно громко, наводя критику на губернатора и называя его помпадуromъ.

— Младенецъ изъ правовѣдовъ... съ кафе-шантаннымъ образованіемъ... въ долгу, какъ въ шелку...—доносились изъ ихъ кружка отрывочныя фразы.

Инспекторъ народныхъ училищъ Поповъ, съ оковѣвшимъ видомъ, шагаль изъ угла въ уголъ. Казалось, онъ о чемъ-то упорно и тяжело думалъ.

Предсѣдатель земской управы Ураимовъ, полный, но видимо болѣзненный человекъ, лѣтъ пятидесяти пяти, стиснутый шитымъ воротникомъ мундира, явно страдалъ и отъ тѣсноты мундира, и отъ одолѣвавшаго его волненія. Онъ не находилъ себѣ мѣста и какъ-то жалобно смотрѣлъ по сторонамъ. Его все беспокоило, тревожило, раздражало и волновало. На особомъ столѣ стояли три массивныхъ серебряныхъ блюда: отъ населенія чудновскаго уѣзда, отъ города Чудновска и отъ дѣятелей чудновскаго земства. Положительно земское блюдо было бѣднѣе и хуже другихъ, и это беспокоило Ураимова.

„Могутъ усмотрѣть оппозицію“,—думалъ онъ тоскливо и терзался раскаяніемъ, что не послушался жены и не приобрѣлъ блюда въ 500 рублей.

Волновало его также и то, что онъ израсходовалъ на покупку блюда своихъ 150 рублей, которые пришлось занять съ большими затрудненіями. Члены управы, ссылаясь

на бѣдность, не дали ничего, и недостающіе 100 рублей пошопнены были изъ какихъ-то больничныхъ остатковъ. Последнее обстоятельство угнетало его больше всего... Не выходила изъ головы также забота о томъ,—гдѣ, какъ и когда моднести блюдо, и что при этомъ сказать, — не вышла бы какая-нибудь путаница и неудача...

Между тѣмъ, члены управы подозрительно часто отлучались въ дальнюю комнату, гдѣ помѣщался буфетъ. У заступающаго мѣсто предсѣдателя Астафьева глаза стали узкими, какъ щели, и онъ что-то ужъ очень благодушно ухмылялся и подмигивалъ лѣвымъ глазомъ, а другой членъ Коробъ-Коробовскій становился не въ мѣру дѣловитъ и заговаривалъ все объ елпачихинской дорогѣ, о мостахъ, о цѣнахъ на щебень.

Вся чудновская управа была по назначенію, но Ураимовъ считалъ себя всетаки настоящимъ земцемъ. Членовъ управы онъ земцами не считалъ и относился къ нимъ съ пренебреженіемъ. Первый изъ нихъ—Астафьевъ былъ изъ становыхъ приставовъ. Онъ какъ-то очень глупо пострадалъ за взятки, около двухъ лѣтъ трепался безъ мѣста, бѣдствовалъ, пока, наконецъ, надъ нимъ не сжалилось начальство и не назначило членомъ управы въ Чудновскъ. Другой былъ изъ прогорѣвшихъ дворянъ западнаго края: очень добрый, очень милый, онъ отличался поразительнымъ легкомысліемъ. Оба не пользовались довѣріемъ Ураимова, который всячески третировалъ ихъ, называя за глаза прохвостами. Себя же онъ считалъ земцемъ потому, что прослужилъ четыре трехлѣтія въ должности предсѣдателя по выборамъ. Хотя послѣ реформы онъ снова былъ избранъ, но не удостоился утвержденія и принужденъ былъ хлопотать о казенномъ мѣстѣ. Ему предложили мѣсто предсѣдателя управы по назначенію въ Чудновскій уѣздъ, и онъ согласился. И въ началѣ даже радовался, что удалось пристроиться опять къ любимому земскому дѣлу, но радость была непродолжительна. Прежде всего, отъ него потребовали, и довольно грубо, благодарности за хлопоты въ размѣрѣ 500 рублей (потомъ онъ узналъ, что это была установленная такса, которая для членовъ управы понижалась до 200 рублей). Онъ не могъ скрыть своего изумленія, но ему пригрозили переводомъ въ глухой Черемскій уѣздъ, и онъ покорился. Ему была продиктована программа, съ которой онъ во всѣхъ отношеніяхъ не былъ согласенъ, и это также его обезкуражило... Тѣмъ не менѣе, благодаря своей опытности, ловкости и дару слова, ему удалось выторговать кой-какія уступки, и это его утѣшило. Кромѣ того, онъ рассчитывалъ постепенно развернуть другую программу, опираясь на земское собраніе, но послѣднее не

оправдало его надеждъ. Въ собраніи по прежнему преобладали гласные отъ крестьянъ, но это были уже не тѣ люди, какихъ онъ зналъ раньше: надъ этими истуканами невластны были и здравый смыслъ, и человѣческое слово. Они угрюмо и загадочно молчали, во время перерыва жались къ стѣнѣ или уходили къ сторожу, на попытки заговорить отвѣчали испуганными взглядами и односложными репликами, выражающими полное на все согласіе. Во время баллотировокъ они сидѣли или вставали, повинаясь властному взгляду предсѣдателя собранія, который обращался съ ними съ суровой непринужденностью. „Сидѣть надо!“—кричалъ онъ, если по ошибкѣ они вставали, когда должны были сидѣть, и они съ испугомъ въ глазахъ шумно опускались на мѣсто. Ураимовъ вскорѣ понялъ, что вся сила въ предсѣдательствѣ уѣзднаго съѣзда, вертлявомъ, ограниченномъ и жизнерадостномъ молодомъ человѣкѣ ультра-консервативнаго образа мыслей изъ гвардейскихъ офицеровъ, Подгурскомъ, и чтобъ «спасти» земское дѣло, онъ сталъ въ немъ заискивать и добился его покровительства. Съ другой стороны, два-три гласныхъ изъ интеллигентовъ, безъ всякой надежды на практическій результатъ, мутили собраніе разнаго рода заявленіями и запросами, препирались съ предсѣдателемъ, травили управу, протестовали противъ незаконности... Все это раздражало и озлобляло Ураимова, и онъ все больше и больше, незамѣтно для самого себя, уклонялся вправо, вооружаясь противъ земщины и выборнаго начала. „Вотъ они выборные!“—говорилъ онъ, указывая на крестьянъ: „Дерево, которое не продолбишь... И все такъ: либо идіоты, либо крикуны... Сами ничего не дѣлаютъ и другимъ мѣшаютъ“... Бумажная дѣловитость постепенно стала его идеаломъ. Онъ озлоблялся все больше и больше противъ земщины, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ по новому закону, по должности предсѣдателя уѣздной управы, попалъ въ губернское собраніе и тѣснѣе сблизился съ губернаторской канцеляріей. Теперь ему казалось даже, что его сослуживцы, члены управы, которыхъ онъ презиралъ и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, все же лучше и надежнѣе выборныхъ. „Они, по крайней мѣрѣ, послушны и не противодѣйствуютъ“, говорилъ онъ. При назначеніи дворянина Коробъ-Коробовскаго ему говорили: „Милый и надежный человѣкъ, который можетъ быть вамъ отличнымъ помощникомъ, только, между нами говоря, не довѣряйте ему кассы и, вообще, держите подальше отъ денегъ“. И завѣдываніе кассой Ураимовъ взялъ на себя. Но членамъ управы приходилось выдавать авансы на ремонтъ дорогъ, для расчета ямщиковъ и т. п., и Коробъ-Коробовскій въ первый же мѣсяцъ ухитрился растратить 500 рублей, и ни за что

не хотѣлъ ихъ пополнить... У другого члена управы начались какія-то подозрительныя сношенія съ подрядчиками, съ дорожными смотрителями... Въ собраніи было сдѣлано нѣсколько разоблаченій, которыя едва удалось потушить. Все это очень волновало въ началѣ Ураимова, но потомъ онъ и къ этому привыкъ. Къ концу собранія онъ уже самъ ходатайствовалъ передъ губернаторомъ о неутвержденіи избранныхъ собраніемъ членовъ управы и о назначеніи старыхъ. Все наладилось и вошло въ колею. Но смѣна стараго и пріѣздъ новаго губернатора могли разрушить весь порядокъ, — тѣмъ болѣе, что трехлѣтіе приближалось къ концу.

Куча неотвязныхъ вопросовъ гнѣздилась въ головѣ Ураимова: какіе взгляды у новаго губернатора? Какъ онъ относился къ земству? Останется ли прежній правитель канцеляріи, или будетъ назначенъ другой? Нужно ли продолжать выплачивать благодарность, черезъ кого и въ какомъ размѣрѣ? Теперь онъ горько каялся, что упустилъ случай, когда ему предлагали мѣсто земскаго начальника. Изъ какой-то странной брезгливости, сохранившейся отъ старыхъ временъ, онъ отклонилъ тогда это предложеніе. „А теперь могу оказаться на улицѣ, — уныло размышлялъ онъ, — безъ средствъ, голъ, какъ соколъ... Куда я дѣнусь съ семьей?“ Мрачныя предчувствія не оставляли его ни на минуту, и онъ съ тоскою смотрѣлъ въ окно, гдѣ бушевалъ вѣтеръ, волновалась рѣка и хлесталъ дождь, который время отъ времени точно смывалъ со стекла виднѣвшійся за нимъ тусклый пейзажъ.

Былъ уже седьмой часъ, начинало темнѣть, а парохода все не было видно. Самые беззаботные изъ чиновниковъ, одурѣвъ отъ скуки, уже не шутили и не смѣялись, а угрюмо молчали или бранились.

Городской голова сидѣлъ на скамьѣ, симметрически положивъ руки на колѣни, и тяжело вздыхалъ.

— Чайку попить, — вдругъ сказалъ онъ и пошелъ въ нижній этажъ гостиницы, въ отдѣленіе для простонародья. За нимъ, молча, потянулись члены управы.

Въ половинѣ седьмого исправнику принесли телеграмму, которую онъ громко прочелъ вслухъ.

„Объѣдаемъ Петровскомъ заводѣ, — гласила телеграмма, — пароходъ задержанъ. Его превосходительство прибудетъ Чудновскъ не ранѣе девяти, посѣтитъ храмъ. Предупредите духовенство. Подгурскій“.

Публика зашевелилась, послышался ропотъ: оставалось ждать еще, по меньшей мѣрѣ, два-три часа... Судейскій жружокъ, пошептавшись, рѣшилъ ѣхать домой, съ тѣмъ чтобы представиться губернатору завтра. Остальные рѣшили

ждать. Приказано было буфетчику сварить уху, на столѣ появились водка и закуска.

— Успѣмъ еще пообѣдать,—говорилъ исправникъ,—три часа впереди. Надо же подкрѣпиться. Его превосходительство обѣдаетъ, надо же и намъ... Какого чорта!.. На тощакъ оно не того...

Выпили и закусили, съѣли уху. Стало уже темно. На берегу появились огни, смутно отражавшіеся на мокрой землѣ. Вверху рѣки засвѣтились береговые маяки. Лилово-синяя ночь опускалась на землю. Мало по малу исчезали въ ней всѣ дальніе предметы, и уже не видно было противоположнаго берега. Вскорѣ исчезли деревянные амбары, потомъ пристань, и совершенная тьма окутала все.

Многіе не остереглись и порядочно выпили. Настроеніе поднялось, стало шумно и, какъ будто, весело, но это продолжалось недолго. Скука, усталость, тревога ожиданія снова овладѣли всѣми. Шелъ уже десятый часъ, а вверху рѣки все еще не было видно огней парохода. Измученные люди сидѣли на стульяхъ и диванахъ, то склонивъ голову въ колѣни, то откинувшись назадъ; одни дремали, закрывъ глаза, другіе, какъ сонныя мухи, бродили по комнатамъ, глядѣли въ окна, выходили на крыльцо, до одурѣнія курили, рассказывали другъ другу сальныя анекдоты, и временами варывы смѣха, какъ конское ржаніе, оглашали воздухъ.

VI.

Въ одиннадцатомъ часу въ дверяхъ показался, наконецъ, испуганный стражникъ и произнесъ только одно слово:

— Бѣжитъ!..

Все засуетилось, смѣшалось. Толкая другъ друга, люди бросились въ переднюю, искали шапки, галоши... Стражники и сторожа разныхъ учрежденій суетливо помогали господамъ одѣться.

— Эй!..—кричалъ исправникъ:—Строй мужиковъ!.. Живо!.. Блюдо берите!..

На крыльцѣ образовалась настоящая давка. Съ бранью и криками нетерпѣнія звали кучеровъ и садились въ экипажи, чтобъ переѣхать черезъ непролазную грязь тѣ тридцать шаговъ, которые отдѣляли гостиницу отъ пристани.

Ураимовъ, съ блюдомъ въ рукахъ, не довѣряя никому изъ опасенія, что его уронять, пошелъ пѣшкомъ.

Тридцать пять старшинъ, съ непокрытыми головами, въ

два ряда выстроились вдоль мостика при входѣ на пристань. Самый высокій и толстый держалъ въ рукахъ блюдо.

— Дуракъ!.. Дубина!.. Оселъ!.. — еще издали кричалъ на него исправникъ, площадно ругаясь. — Прикрой блюдо!.. Стань подъ крышу, дьяволъ!.. Вѣдь ты подмочишь хлѣбъ, сукинъ ты сынъ, анафема!..

Старшина стоялъ и растерянно хлопалъ глазами, не понимая. Наконецъ, кто-то далъ ему тумака и протащилъ впередъ.

Чиновники торопливо, одинъ за другимъ, шли по мостику мимо измокшихъ, испуганныхъ старшинъ съ безомысленно вытаращенными глазами. Огни парохода, почти не отражаясь въ волнующейся рѣкѣ, были уже близко. Дождь продолжалъ хлестать. Порывы вѣтра трепали капюшоны шинелей, у кого-то снесло въ воду фуражку... Пароходъ, сдѣлавъ оборотъ, горя огнями, которые прыгали въ водѣ, подходилъ къ пристани. Чиновники, сбросивъ съ себя верхнее платье, не смотря на холодъ и вѣтеръ, остались въ однихъ мундирахъ и выстроились двумя шпалерами.

Стукнула въ крышу брошенная съ парохода чалка, пароходъ остановился, стали сдвигать сходни, и публика увидѣла въ пролетѣ губернатора и, рядомъ съ нимъ, Подгурскаго и правителя канцеляріи.

Губернаторъ развинченной и слегка дрыгающей походкой быстро сошелъ на пристань. При слабомъ свѣтѣ фонарей Ураимовъ успѣлъ разглядѣть только фуражку съ краснымъ околышемъ, черное пальто съ погонами, блѣдно розовую жирную шею и такой же затылокъ, покрытый рѣдкимъ рыжеватымъ пухомъ.

Выступивъ впередъ и по-военному приложивъ руку къ козырьку, но не по-военному изогнувшись, исправникъ началъ сладко смягченнымъ голосомъ:

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству...

Губернаторъ оглянулъ всѣхъ чиновниковъ.

— Господа, вы всѣ мнѣ представитесь завтра!—крикнулъ онъ громкимъ, рѣзкимъ картавымъ голосомъ, точно передъ полкомъ отдавалъ команду:—Завтра въ одиннадцать часовъ... А теперь прошу въ соборъ!.. Всякое хорошее дѣло начинается съ благословенія Божія!.. Это что?—спросилъ онъ, увидѣвъ съ блюдами въ рукахъ предсѣдателя, голову и старшину.

— Ваше превосходительство! — началъ Ураимовъ, ставшійся придать своему голосу твердость: — Благодарное земство...

— А! хорошо, хорошо,—перебилъ его губернаторъ.—Эй,

Павель Петровичъ, или кто тамъ, прикажите ваять!.. Вы—предсѣдатель управы Ураловъ?

— Ураимовъ, ваше превосходительство.

— А, да... знаю, знаю... У меня будетъ съ вами разговоръ... А вы городской голова Безукладниковъ?.. И съ вами тоже...

И онъ двинулся впередъ.

— Ваше превосходительство...—забормоталъ исправникъ, раскрывая надъ головой губернатора зонтикъ.

У мостковъ стояла карета. Губернаторъ сѣлъ, пропустивъ впередъ Подгурскаго.

— Вы!.. Какъ васъ!..—сказалъ онъ подсаживавшему его исправнику.

— Слушаю, ваше превосходительство...

— Эти... мужики и уполномоченные... которыхъ приказалъ собрать Аркадій Петровичъ... и башкиры... гдѣ они?

— Въ полициі, ваше превосходительство.

— Собрать ихъ въ залъ сѣзда!.. Изъ церкви я буду тамъ... Туда же прошу всѣхъ чиновниковъ... Трогай!..

Исправникъ захлопнулъ дверцу, и карета покатилась, чмокнувъ колесами и обдавъ исправника брызгами грязи.

Уступивъ свой экипажъ правителю канцеляріи, который сѣлъ въ него съ чиновникамъ особыхъ порученій, исправникъ наскоро отдалъ какія-то приказанія, потомъ вскочилъ на осѣдланную лошадь и поскакалъ, обогнавъ карету губернатора.

Когда губернаторъ подѣзжалъ къ церкви, исправникъ былъ уже тутъ. Онъ отворилъ дверцу и, помогая губернатору выйти, какъ-бы принялъ его въ свои объятія.

Церковь сіяла огнями. Передъ папертью, страшно коптя и распространяя вокругъ себя зловонный чадъ, горѣли плшки; церковныя двери были растворены настежъ. Духовенство, въ полномъ облаченіи, съ иконами и крестомъ, стояло на площадкѣ въ преддверіи храма. Направо и налево толпилась, сдерживаемая полиціей, небольшая, но плотная кучка народа. Когда губернаторъ ступалъ ногой на первую ступеньку лѣстницы, грянулъ хоръ пѣвчихъ: „Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!..“

Губернаторъ снялъ фуражку и перекрестился, потомъ благоговѣнно подошелъ къ кресту. Десятки глазъ впились въ его лицо. Ему было не болѣе сорока лѣтъ, но онъ былъ совершенно лысъ, только на затылкѣ легкій рыжеватый пушокъ обрамлялъ шею; подъ глазами висѣли мѣшки; тройной жирный подбородокъ слегка заслонялся рыжей рѣдкой бородкой, тонкіе усики вились поверхъ чувственного, непріятно изогнутаго, какъ-бы нечистаго рта; маленькіе

свинные глазки сверкали какимъ-то пустымъ стекляннымъ блескомъ изъ-подъ бѣлобрысыхъ бровей.

„Я гдѣ-то уже его видѣлъ“, съ недоумѣніемъ подумалъ Ураимовъ, и какое-то смутное, непріятное воспоминаніе завертѣлось у него въ головѣ. „Этотъ розовый поросячій цвѣтъ лица, рыжіе ключья бороды, тонкіе усики, чувственный ротъ, расплывшіяся черты, свинные глазки—гдѣ я видѣлъ это лицо?“ И вдругъ вспомнилъ: Господи! да вѣдь это Ивановъ, сыщикъ Ивановъ, который тридцать лѣтъ тому назадъ жилъ съ ними на студенческой квартирѣ подъ видомъ отставного учителя... Онъ, несомнѣнно... Не онъ, конечно, не можетъ быть онъ, но страшно на него похожъ...

Губернаторъ, сказавъ что-то стоявшему рядомъ съ нимъ и расцвѣтшему отъ такого милостиваго вниманія Подгурскому, привѣтливо улыбнулся, и его наигранная, фальшивая, дѣланная улыбка, въ которой не принимали никакого участія глаза, опять страшно напомнила Ураимову того же ненавистнаго и презрѣннаго человѣка. Странное чувство отвращенія, непреодолимой гадливости и страха закопошилось въ душѣ... „Какое ребячество!—говорилъ онъ себѣ, входя съ толпой чиновниковъ въ церковь:—случайное, ничего не значущее сходство и только... Иванову было бы теперь лѣтъ семьдесятъ, а это еще молодой человѣкъ“...

Прослушавъ краткую литію, губернаторъ къ каждому изъ священниковъ подошелъ подъ благословеніе, потомъ, обернувшись, произнесъ своимъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ:

— Дайте сюда!

Передъ нимъ тотчасъ же очутилась корзина съ какими-то тощими брошюрами. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ вдругъ страшно побагровѣлъ. Въ церкви были только чиновники, народа не было.

— Гдѣ народъ?—рывкнулъ онъ на всю церковь.

Все страшно засуетилось, произошелъ общій переполохъ. Исправникъ, распорядившійся не пускать въ церковь толпу, стремглавъ бросился къ дверямъ. За нимъ, въ порывѣ усердія, бросились и другіе чиновники. Черезъ минуту въ растворенныя настежъ двери полицейскіе уже загоняли въ церковь испуганную и недоумѣвающую толпу, шипя злобнымъ, зловѣщимъ шепотомъ: „Идите... проходите... чего въ дверяхъ столпились?“ Толпа жалась къ стѣнѣ, но ее подталкивали впередъ.

— Народъ имѣетъ право участвовать въ торжествахъ нашихъ!—громко произнесъ губернаторъ.—Пустите, дайте дорогу!

Къ нему робко и сконфуженно, подталкиваемые сзади, подходили какіе-то мѣщане или лавочники, сѣденькій ста-

ричокъ съ медалью, нѣсколько подростковъ и двое мастеровыхъ.

— Читайте и поучайтесь! Давайте читать другимъ!—раздавая брошюры, говорилъ губернаторъ рѣзко, отрывисто, точно бранился:—Тутъ все написано, какъ надо жить и какъ надо бороться съ врагами церкви и государства. Помните, что вѣрность есть опора народнаго благополучія!.. Господь да поможетъ вамъ!

— Проходи... проходи...—шипѣли кругомъ полицейскіе.

Раздавъ десятка два брошюрь собственноручно, губернаторъ сказалъ правителю канцеляріи:

— Раздайте всѣмъ остальнымъ!

Затѣмъ обернулся лицомъ къ алтарю, перекрестился, скомандовалъ: „Теперь въ сѣзды!“—и быстро направился къ выходу. На паперти онъ еще разъ помолился. За нимъ не рѣшительно и застѣнчиво перекрестились и всѣ чиновники.

— Всякое дѣло, господа, крѣпко и прочно, когда начинается молитвой,—обратился онъ къ нимъ и, сдѣлавъ рукой округленный жестъ, пошелъ по ковровой дорожкѣ, насквозь пропитавшейся водой, къ воротамъ.

„Ну, гусь, должно быть“, думали чиновники: „что-то дальше будетъ?“

VII.

Залъ сѣзда горѣлъ огнями. Торжественно освѣщены были также кабинетъ предсѣдателя, крыльцо и корридоры. Въ залѣ зажжена была люстра и канделябры.

За перегородкой, гдѣ обыкновенно во время засѣданій находилась публика, стояла толпа мужиковъ и башкиръ, пригнанныхъ изъ полицейскаго управленія. Они, видимо, только-что были разбужены и не вполне понимали, что кругомъ ихъ происходитъ. Одни съ удивленіемъ таращили глаза на люстру, на высокій потолокъ, на стѣны, другіе почесывались, зѣвали, терли глаза, скребли затылки. Между тѣмъ, два земскихъ начальника, секретарь сѣзда и полицейскіе суетились, стараясь установить ихъ въ стройные ряды. Прискакавшій изъ церкви исправникъ уничтожилъ всѣ труды, приказавъ перевести мужиковъ изъ-за перегородки въ залу и выстроить передъ эстрадой.

Едва мужики, крѣпко утвердившись на мѣстѣ и оставляя на полу грязные слѣды ногъ, стали по приказанію исправника, какъ на улицѣ послышался шумъ подѣзжавшихъ экипажей. Исправникъ вмѣстѣ съ земскими начальниками стремглавъ выскочилъ на крыльцо.

Оставшись одни, мужики, не смѣя пошевелиться, со страхомъ прислушивались къ шуму, хлопанью дверей, гулу разговора и другимъ тревожнымъ звукамъ происходившаго въ домѣ движенія. Они разомъ вадрогнули, когда впереди распались двери и въ нихъ показалась толпа людей въ блестящихъ мундирахъ, между которыми не сразу можно было угадать губернатора.

Губернаторъ, поднявъ голову, размѣреннымъ шагомъ подошелъ къ краю эстрады, обитой краснымъ сукномъ, и грозно посмотрѣлъ на сѣрую присмирѣвшую толпу.

— На колѣни!—вдругъ крикнулъ онъ среди наступившаго безмолвія громкимъ, рѣзкимъ голосомъ, который отдался во всѣхъ углахъ высокой двусвѣтной залы.

— На колѣни... станьте на колѣни...—зашептали полицейскіе, стоявшіе въ толпѣ.

Толпа нестройно и тяжело опустилась на колѣни. Только двое стариковъ-башкиръ въ заднихъ рядахъ, не понимая происходившаго, остались стоять на ногахъ.

— На колѣни!..—зашипѣлъ на нихъ исправникъ.

— На колѣни стань, бритая башка!.. — пробираясь къ нимъ черезъ толпу, шипѣлъ надзиратель.

Башкиры послѣ двухъ трехъ толчковъ присѣли на корточки.

Губернаторъ стоялъ и ждалъ.

— О, Господи батюшка!—раздался чей-то громкій вздохъ.

— Молчать!—крикнулъ губернаторъ.—Я губернаторъ, — началъ онъ слѣдъ затѣмъ своимъ рѣзкимъ, скрипучимъ картавымъ голосомъ,—мнѣ дана власть карать и миловать!.. А вы... вы что задумали? Бунтовать! Жаловаться! Чинить безпорядки! Разводить кляузу!.. Опомнитесь, одумайтесь, иначе храни васъ Богъ!.. Знайте, что никакого ропота, недовольства, никакихъ кляузъ, никакого своевольства я не потерплю!.. Всякая облыжная жалоба обратится на самого жалобщика, всякое слово недовольства и возмущенія будетъ разслѣдовано, и виновный понесетъ достойную кару. Вамъ даны земскіе начальники, они поставлены для вашего блага. Они для васъ все: и судъ, и законъ, и правда. Они пекутся объ васъ, какъ отцы пекутся о дѣтяхъ своихъ. Если начальникъ скажетъ: „хорошо!“—то не можетъ быть худо; если скажетъ: „худо!“—то не можетъ быть хорошо. Если онъ скажетъ вамъ: „дѣлайте!“—то вы должны дѣлать; если скажетъ: „не дѣлайте, этого нельзя, это незаконно!“—то вы должны вѣрить ему. Ибо отцу нельзя не вѣрить... Вотъ! помните это!.. другой правды для васъ нѣтъ и быть не можетъ! Что говоритъ вамъ начальникъ, то говоритъ именемъ самого государя... Слышите?.. Онъ вашъ владыка, онъ вашъ заступникъ и по-

кровитель, онъ для васъ все!.. Начальникъ живетъ для вашего блага, онъ на то поставленъ, и онъ лучше знаетъ васъ, что для васъ нужно. Вы можете заблуждаться, можете уклоняться въ сторону неправильнаго пути, впадать въ грѣхъ, увлекаться корыстію или дружбой, а онъ—никогда! Ибо надъ каждымъ начальникомъ поставленъ другой, старшій начальникъ, который всегда замѣтитъ и исправитъ ошибку младшаго, если бы такая случилась. Вашъ старшій начальникъ—предсѣдатель сѣзда, его высокоблагородіе Аркадій Петровичъ Подгурскій. Вотъ онъ. Однако, не думайте, чтобъ онъ былъ поставленъ для того, чтобы поощрять ваши кляузы. Для него, какъ и для меня, всякое распоряженіе его младшихъ товарищей свято! Ошибокъ быть не должно, потому что ихъ быть не можетъ. И такъ, еще разъ повторяю, что всякое послушаніе, всякое неповиновеніе, всякія безпорядки, ропотъ, жалобы, недовольство я сочту за бунтъ и буду карать очень строго. Я не пощажу никого: ни богатаго ни бѣднаго, ни глупаго, ни умнаго—для меня всѣ равны!..

— Ваше благородіе! — началъ шамкающимъ голосомъ стоявшій впереди старикъ, воспользовавшись минутной паузой:—Благодаримъ за добрыя рѣчи... Дай тебѣ Господи ума и здоровья... Твои золотыя слова да нашему бы начальству въ уши... Теперича землю отъ насъ отобрали... Заступись, отецъ, защитить... Совсе насъ обокрали начальники, хотъ умирай...

— Молчи!—вспыхнувъ, закричалъ губернаторъ:—За эдакія слова я тебя подъ арестъ посажу!.. Ты забываешь, съ кѣмъ говоришь! дерзкихъ словъ я произносить не позволю!.. Ты старикъ и долженъ показывать примѣръ, а ты говоришь, какъ агитаторъ. Такъ говорятъ только пьяницы и худые люди, недовольные негодяи... Молчи!.. Вы всѣ должны помнить завѣтъ церкви: властямъ повинуйтесь... И Магометъ то же самое говорилъ. Поэтому вы не должны слушать смутьяновъ и злонамѣренныхъ людей, они разносятъ крамолу и вселяютъ развратъ. Слушайтесь вашего отца, вашего радѣтеля, вашего начальника, который, какъ и всякая власть, исходитъ отъ Бога... Я знаю о вашихъ нестроеніяхъ, о вашихъ нуждахъ и приду къ вамъ на помощь. Все, что позволяетъ законъ, будетъ сдѣлано. Но помните, что если въ васъ не будетъ благоговѣнія, покорности, преданности и терпѣнія, если вы станете метаться, какъ необузданное стадо, волноваться и мутить другихъ, то я васъ заставлю уважать законъ. Я не потерплю никакихъ уклоненій отъ нормальнаго порядка!.. Я вамъ не прежній губернаторъ!.. Никакихъ послабленій, никакихъ поблажекъ—вотъ мой девизъ!.. Запаситесь терпѣніемъ и ждите.

Онъ остановился и съ минуту молчалъ.

— Передайте мои слова вашимъ одноподчиненнымъ и помните ихъ сами твердо, — началъ онъ снова. — Поняли? Смотрите, не забывайте!.. Можете теперь отвести ихъ на мѣсто, — прибавилъ онъ, обращаясь къ исправнику.

Рѣчь губернатора большинству чиновниковъ очень понравилась, а нѣкоторые были прямо въ восторгѣ.

— Прекрасно, ваше превосходительство! — говорилъ Подгурскій:—Дивно хорошо! Удивительно!..

— Что вамъ понравилось?—отвѣчалъ польщенный губернаторъ.—Съ народомъ надо говорить просто, господа. Просто и сильно. Это производитъ впечатлѣніе.

VIII.

На другой день чиновники представлялись губернатору въ домѣ купца Безпалова. Собравшись въ большой залѣ, увѣшанной олеографіями въ массивныхъ золоченыхъ рамахъ, они уже болѣе часа изнывали въ томительномъ ожиданіи. Безъ замедленія приняты были только предсѣдатель сѣзда Подгурскій и винокуренный заводчикъ Подбѣльскій.

Изъ кабинета доносились по временамъ варывы веселаго смѣха, составлявшіе рѣзкій и обидный контрастъ съ царившимъ въ залѣ могильнымъ безмолвіемъ. Черезъ залу уже не одинъ разъ проходилъ чиновникъ особыхъ порученій, надушенный и элегантнѣйшей молодой человѣкъ съ выхоленными руками и тонкими закрученными усиками. Прищурившись, онъ безцеремонно оглядывалъ чиновниковъ, точно стадо заморскихъ звѣрей, и, проходя мимо, насвистывалъ что-то веселое.

Чиновники смирно и терпѣливо сидѣли, каждую минуту готовые вскочить, другіе, стоя у окна, смотрѣли на улицу, гдѣ играло солнце и бѣжали ручьи по дорогѣ. Ходить никто не рѣшался, говорили шепотомъ, точно въ домѣ былъ трудно больной.

— Когда же, наконецъ?.. Докудова?..—шепотомъ спрашивалъ акцизный надзиратель податного инспектора:—Уже первый часъ, а мы здѣсь съ одиннадцати.

Инспекторъ пожалъ плечами, выражая полное недоумѣніе.

— Это прямо, наконецъ, неприлично,—говорилъ членъ суда товарищу прокурора,—и это онъ нарочно дѣлаетъ, чтобъ поиздѣваться...

— Да... что только у насъ дѣлается!..

Изъ кабинета вышелъ молодой чиновникъ и сказалъ:

— Господа земскіе начальники, пожалуйста... Нѣтъ, нѣтъ, не васъ, господа,—прибавилъ онъ, обращаясь къ судейскимъ, замѣтивъ ихъ движеніе,—вы потомъ... И вы, господа, потомъ,—сказалъ онъ, оглянувшись на остальныхъ.

Десять земскихъ начальниковъ гуськомъ, одинъ за другимъ, вошли въ кабинетъ. Черезъ притворенныя двери послышался голосъ губернатора, который, очевидно, держалъ къ нимъ рѣчь. Минутъ черезъ двадцать земскіе начальники, съ веселыми просіявшими лицами, тѣмъ же порядкомъ вернулись въ залу. Молодой чиновникъ пригласилъ ихъ въ столовую.

— Теперь ваша очередь, господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ чиновникамъ.—А вы, господа земцы и городскіе, останьтесь... и вы, и вы... подождите...

Въ кабинетъ вошли судейскіе, акціонный надзиратель, податной инспекторъ съ помощникомъ, инспекторъ народныхъ училищъ, лѣсничій и другіе. Черезъ минуту опять послышался голосъ губернатора. Онъ говорилъ что-то быстро, рѣзко и раздраженно, какъ-будто сердился или на кого-то кричалъ. Вдругъ голосъ его смолкъ, и прошло минуты двѣ въ зловѣщемъ молчаніи, потомъ отворилась дверь, и изъ нея поспѣшно вышелъ членъ суда, весь красный и чрезвычайно взволнованный; за нимъ—такіе же красные, измѣнившіеся въ лицѣ,—городской судья, товарищъ прокурора и, немного спустя, остальные чиновники, растерянные и сконфуженные. Не оставливаясь и не глядя по сторонамъ, они направились къ выходу.

Въ залѣ остались только Ураимовъ, городской голова, члены городской и земской управы и нѣсколько человѣкъ служащихъ. Проводивъ взглядомъ чиновниковъ, они съ недоумѣніемъ переглянулись и продолжали стоять молча, въ трепетномъ сознаніи, что ихъ сейчасъ позовутъ. Но изъ кабинета, громко разговаривая, вышелъ губернаторъ съ Подгурскимъ Подбѣльскимъ и молодымъ чиновникомъ особыхъ порученій. Не обращая вниманія на ожидающихъ, они прошли въ столовую, и только молодой чиновникъ, задержавшись на минуту, сказалъ:

— Еще немного подождите, господа: его превосходительство сейчасъ будетъ завтракать.

Ураимовъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, присѣлъ къ окну и въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи сталъ смотрѣть на улицу. „Какой позоръ! какой стыдъ!—думалъ онъ:—до какого еще униженія доведетъ меня служба?“...

Столовая номѣщалась рядомъ, двери были растворены, и оттуда слышались звонъ посуды, шумъ передвигаемыхъ стульевъ, шарканье ногъ и голоса. По наступившей тишинѣ

Ураимовъ заключилъ, что господа сѣли за столъ... Сначала выдѣлялся только голосъ губернатора и короткія реплики Подгурскаго, но мало по малу разговоръ сталъ общимъ. Машинально прислушиваясь къ тому, что говорилось въ столовой, Ураимовъ вдругъ понялъ, что говорятъ о земствѣ и о немъ, Ураимовѣ.

— Земство... это нелѣпѣйшій анахронизмъ,—отчетливо слышался голосъ губернатора:—пережитокъ старыхъ заблужденій. Оно для насъ, какъ бѣльмо на глазу, и я, право, не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Упразднить его я не могу: съ нимъ почему-то все еще церемонятся. Остается одно: по возможности, согласовать его дѣйствія съ нашими видами. Конечно, всѣ управы должны быть по назначенію, а въ собраніяхъ поменьше пустыхъ разговоровъ... Откровенно говоря, такъ называемые мѣстные дѣятели, и даже такіе, какъ вашъ прекрасный Ураимовъ, мнѣ въ высокой степени антипатичны: они ненадежны и ужъ очень кичатся своимъ знаніемъ мѣстныхъ условій... Богъ съ ними, съ мѣстными людьми—они намъ не нужны... Я думаю замѣнить ихъ новыми, а такіе уже и есть на примѣтѣ... Впрочемъ, все это отчасти въ вашихъ рукахъ, господа... Аркадій Петровичъ, вѣдь вы предсѣдатель собранія, слѣдовательно—тоже земецъ,—вы что на это скажете?

Что отвѣчалъ Подгурскій, Ураимовъ не разслышалъ. Повидимому, онъ заступался за земство.

— Дороги, да, конечно,—снова заговорилъ губернаторъ,—но школы, въ особенности земскія школы—весьма сомнительны!.. Учителя, врачи, статистики, агрономы и прочее, и прочее—все люди безусловно неблагонадежные. Не надо забывать, господа, что на первомъ планѣ основы государства... основы, основы... все остальное играетъ только служебную роль... Вотъ Ураимовъ... я знаю... вы очень хвалите его... но онъ, кажется, играетъ двойную игру, и прошлое его небезупречно...

Но тутъ притворили дверь, и разговоръ пересталъ быть слышенъ.

Блѣдный, дрожащій Ураимовъ переживалъ мучительное чувство стыда, страха, трепета и тревоги. Онъ украдкой взглянулъ на своихъ сослуживцевъ, такихъ же блѣдныхъ и трепещущихъ, и трясущимися руками разстегнулъ воротникъ мундира.

„За что? За что?“ спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта.—„За что третируетъ меня этотъ зазнавшійся и, очевидно, узколюбый негодяй?.. Я тридцать лѣтъ служилъ населенію, служилъ, какъ умѣлъ... я знаю его вдоль и поперекъ, и оно меня знаетъ... И вотъ, явился пришелецъ и бракуетъ

мое дѣло... за что? Во имя чего?.. Какая убійственная бессмыслица!.."

Шумъ отодвигаемыхъ стульевъ заставилъ его очнуться. Онъ быстро всталъ, провелъ рукой по лицу, какъ-бы стараясь отогнать отъ себя ненужныя мысли, оправилъ на себѣ мундиръ и вытянулся. Въ комнату входилъ губернаторъ со свитой.

— Вотъ господинъ Ураимовъ, предсѣдатель земской управы, — сказалъ Подгурскій, представляя губернатору Ураимова.

— Давно служите?—спросилъ тотъ, не подавая руки и не отвѣчая на поклонъ.

Ураимовъ яснымъ, отчетливымъ, но слегка дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, что двѣнадцать лѣтъ служилъ по выборамъ и второе трехлѣтіе по назначенію отъ правительства.

Губернаторъ пристально осматривалъ его, стараясь придать своему взгляду молніеносную проникаемость.

— Да,—сказалъ онъ,—конечно, вы рассчитываете и на слѣдующее трехлѣтіе? Хотя предупреждаю васъ, что этого можетъ и не случиться. У меня есть свои виды. Я считаю предразсудкомъ, будто для земства непременно нужны мѣстные люди... Ничего подобнаго!.. Мѣстные люди малоподвижны, неэластичны и слишкомъ односторонни. Нужны новыя, свѣжія силы... Но вы можете мнѣ пригодиться для другихъ цѣлей. Аркадій Петровичъ далъ о васъ очень лестный отзывъ... Увидимъ... Съ моими взглядами васъ короче ознакомить Аркадій Петровичъ... Ну-съ, а вы, господа? Члены управы?.. Знаю, знаю... Находитесь пока въ распоряженіи г. Ураимова, а тамъ посмотримъ... Который изъ васъ двоиникъ?

— Честъ имѣю представиться вашему превосходительству,—шаркнувъ ножкой, началъ Коробъ-Коробовскій.

Губернаторъ ошастливилъ его, протянувъ два пальца.

— Ну-съ... а гдѣ голова?—спросилъ онъ, отворачиваясь отъ Коробъ-Коробовскаго.

Голова крикнулъ, тронулъ себя за волосы и, выступивъ впередъ, низко поклонился.

— Долженъ сказать вамъ,—обратился къ нему губернаторъ,—что городское хозяйство у васъ изъ рукъ вонъ плохо... Нѣтъ ни порядочныхъ фонарей, ни порядочныхъ тротуаровъ... дороги грязны, улицы узки... Кромѣ того, вы мало даете средствъ на содержаніе полиціи, между тѣмъ—на первомъ планѣ долженъ быть порядокъ, а потомъ уже освѣщеніе и тротуары... Ну-съ, а это?—спросилъ онъ, оборачиваясь къ земскимъ служащимъ.

• — Врачъ Несмѣяновъ,—расшаркиваясь и пріятно улы-

баясь, произнесъ толстенькій, румяный небольшого роста господинъ.—Не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству осчастливить своимъ посѣщеніемъ и обревизовать здѣшнюю больницу?

Губернаторъ съ полминуты молчалъ, потомъ сказалъ рѣзко и строго:

— Что мнѣ угодно посѣтить и обревизовать—это не ваше дѣло, но каждый долженъ быть готовъ во всякую минуту къ моей внезапной ревизіи.

— Секретарь управы... техникъ... ветеринарный врачъ...—говорилъ Ураимовъ, представляя губернатору своихъ подчиненныхъ.

— Хорошо, довольно, больше не нужно,—перебилъ его губернаторъ.—Мнѣ съ вами не о чемъ говорить, господа,—обратился онъ къ служащимъ:—Вы сами должны знать, что первый вапъ начальникъ предсѣдатель сѣзда, а потомъ уже предсѣдатель управы. Отъ служащихъ я прежде всего требую дисциплины и чистоты намѣреній... До свиданія...

Слегка кивнувъ головой, губернаторъ двинулся въ соседнюю комнату, гдѣ дожидались просители, которыхъ, впрочемъ, было немного: какой-то купецъ съ медалью, старушкачиновница въ черномъ люстриновомъ платьѣ, какой-то бравый, высокій мужчина во фракѣ, наружностью напоминавшій шулера, и Мережинъ.

Губернаторъ подошелъ къ купцу. Тотъ низко, въ поясъ, поклонился и сталъ что-то говорить.

— Громче!.. Не слышу!—крикнулъ губернаторъ.

— Сынъ у меня, ваше превосходительство... двадцати одного года... и какъ, значить, при умаленіи дѣлтъ...

— Это что у тебя въ рукахъ? Прощеніе?

— Прощеніе, ваше превосходительство.

— Хорошо, дай сюда!.. Тебѣ что?—обратился онъ къ старушкѣ:—Тоже прощеніе? Хорошо... Вамъ?—спросилъ онъ господина во фракѣ.

— Отставной коллежскій секретарь, дворянинъ Илларионъ Ипатовъ Тулуповъ,—отчеканилъ тотъ, прямо и смѣло смотря въ глаза губернатору:—Имѣю желаніе вторично поступить на государственную службу, ваше превосходительство.

— Почему въ отставку?

— По домашнимъ обстоятельствамъ, ваше превосходительство... уволенъ по прошенію въ 1897 году... Въ настоящее время состою частнымъ повѣреннымъ при сѣздѣ.

— Кѣмъ служили?

— Начально полицейскимъ надзирателемъ, впослѣдствіи секретаремъ полицейскаго управленія въ Иргинскѣ.

— Теперь какую службу хотите?

— Станового пристава, или хотя бы члена земской управы... ваше превосходительство.

Губернаторъ вопросительно взглянулъ на Подгурскаго. Тотъ, наклонивъ голову, заговорилъ:

— Я, съ своей стороны, также ходатайствую передъ вашимъ превосходительствомъ... Человѣкъ преданный и надежный.

— Хорошо. Вы получите мѣсто члена управы,—сказалъ губернаторъ.

Бравый мужчина во фракѣ, отвѣсивъ поклонъ, щелкнулъ каблуками и вышелъ.

— Ты?—обратился губернаторъ къ Мережину.

— Крестьянскій повѣренный Мережинъ... съ докладной запиской къ вашему превосходительству... Ходатайство мое заключается въ слѣдующемъ...

Губернаторъ вдругъ сильно покраснѣлъ, такъ что даже голая голова его и шея стали багрово-красными.

— Мережинъ... тотъ самый?—тихо спросилъ онъ у Подгурскаго.

— Да, ваше превосходительство... тотъ самый,—также тихо отвѣтилъ Подгурскій.

— Исправникъ!—крикнулъ губернаторъ, и на лицѣ его изобразилась внезапно созрѣвшая рѣшимость.—Дать этому человѣку двадцать пять розогъ при полиціи!.. Ну-съ... Еще кто?

— Больше никого, ваше превосходительство.

— И прекрасно. Теперь осмотримъ пожарный обозъ и тюремный замокъ.

IX.

Мережинъ отчетливо и ясно слышалъ распоряженіе губернатора: „дать двадцать пять розогъ“, но не могъ понять его смысла. Онъ видѣлъ, какъ поблѣднѣлъ Подгурскій, какъ растерялся исправникъ и, какъ странно потупившись, стояли земскіе начальники, но также не могъ понять причины этого.

— Пойдемте!—мягко сказалъ ему исправникъ, и онъ покорно пошелъ за нимъ, не сознавая того, что дѣлаетъ.

На улицѣ они сѣли на извозчика и куда-то поѣхали.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ блѣдный, какъ смерть, Мережинъ.

— Въ полицію,—отвѣчалъ исправникъ,—куда-жъ больше! Зачѣмъ?

Исправникъ пожалъ плечами и нервно разсмѣялся.

— Вы слышали распоряженіе начальника губерніи.

— Какое?

— Онъ ясно сказалъ. Сомнѣній быть не можетъ. Я долженъ исполнить приказаніе, не имѣю права не исполнить.

„Какое распоряженіе? О чемъ онъ говоритъ?“ думалъ Мережинъ, но не смѣлъ почему-то переспросить. Со странною, почти неестественною отчетливостію виднѣлись ему за городскими огородами дальнія поля, уже начинавшія зеленѣть, блестящій на солнцѣ куполъ церкви села Красное Поле, разливъ рѣки, а за нимъ луга, лѣса и голубая линія далекихъ горъ... И какъ онѣ были прекрасны, милы, ласковы эти горы, точно онъ въ первый разъ видѣлъ ихъ красоту!

— Подождите,—сказалъ исправникъ, когда они вошли въ пустое присутствіе полицейскаго управленія съ портретомъ государя и зеркаломъ на столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ съ золотыми кистями, и самъ куда-то скрылся.

„Что такое? въ чемъ дѣло?“—весь трепеща и холодѣя, машинально повторялъ Мережинъ и сталъ читать развѣшенныя по стѣнамъ объявленія.

— Идемте!—кликнулъ его вернувшійся исправникъ.

— Куда?

— Идите, идите!.. Ей-богу, мнѣ самому это очень непріятно.

Они вошли въ какую-то грязную полутемную комнату, пропитанную насквозь запахомъ гнили, человѣческаго пота и махорки. Здѣсь находились три стражника и обросшій волосами здоровенный рыжій мужикъ. По срединѣ стояла скамья, прикрытая грязной парусиной, подлѣ нея лежали аккуратно сложенные пучки розогъ.

— Вотъ!—сказалъ исправникъ, обращаясь къ стражникамъ.

Мережинъ дико оглянулся.

— Что это значить?.. Вы съ ума сошли?..—хрипло проговорилъ онъ.

Стражники и мужикъ нерѣшительно явились и какъ-то бокомъ, крадучись, придвигались къ нему.

— Вы чего?.. Чего..—задыхаясь и пятясь назадъ, въ ужасѣ забормоталъ Мережинъ: — Меня?.. Что?.. Какъ?.. Что такое?.. За что?..

— Поймите, я долженъ исполнить распоряженіе,—умоляющимъ голосомъ промолвилъ исправникъ.—Берите! Чего глаза вылупили?—вдругъ звѣрски закричалъ онъ на стражниковъ:—Чортовы дѣти, дьяволы, подлецы!..

Тѣ двинулись на Мережина всѣ разомъ, но онъ съ неожиданной силой и проворствомъ отбросилъ одного къ стѣнѣ.

другого ударилъ кулакомъ въ голову. Рыжій мужикъ и третій стражникъ отшатнулись назадъ.

— Берн!.. Держи!..—дико заоралъ исправникъ, звѣрѣя и приходя въ бѣшеный экстазъ.

Всѣ четверо бросились на Мережина, но онъ защищался отчаянно. Минуты двѣ продолжалась борьба, наконецъ его смяли и, стукнувъ головой о край скамьи, повалили на полъ. Рыжій мужикъ сѣлъ ему на голову, двое стражниковъ на ноги.

— Убирай скамейку!.. Лѣшій!.. На полу отдеремъ.

Мережинъ хрипѣлъ. Дикій, ужасный заглушенный крикъ, похожій на ревъ животного, прорѣзалъ воздухъ и тотчасъ же пресѣлся... Исправникъ, схватившись за голову, выбѣжалъ изъ комнаты...

Въ тотъ же день вечеромъ Колосовъ былъ у Булатовыхъ. Здѣсь уже были земскій врачъ Несмѣяновъ, судебный слѣдователь, податной инспекторъ и акцизный надзиратель. Говорили объ обѣдѣ, устраиваемомъ Чудновскимъ обществомъ губернатору, и о самомъ губернаторѣ. Губернатора хвалили всѣ въ одинъ голосъ.

— Это именно губернаторъ!—возбужденно говорилъ Несмѣяновъ.—Проницателенъ, быстръ, рѣшителенъ, а главное цѣнить людей.

— Онъ васъ всетаки немножечко срѣзалъ?—замѣтилъ, улыбаясь, Булатовъ.

— Да, да... но я самъ виноватъ: высунулся некстати... Что дѣлать! Не привыкъ съ высокопоставленными лицами... Но больницей онъ остался доволенъ, хвалилъ и даже благодарилъ.

— Драгоценная черта, что онъ не переноситъ кляузъ и не принимаетъ доносовъ... Это благородно,—замѣтилъ инспекторъ.—Онъ строгъ, но прямъ и, такъ сказать, справедливъ.

— И главное — рѣшителенъ.

Колосовъ былъ не въ духѣ и молчалъ, угрюмо прислушиваясь къ разговору.

— Но больше всего мнѣ понравилось, какъ онъ расправился съ Мережинымъ,—сказалъ Булатовъ:—Этому молодцу давно слѣдовало поприжать хвостъ. Что его забраковали въ земствѣ, такъ онъ теперь, какъ собака: всѣхъ съѣсть готовъ. Нѣтъ, другъ мой, видно отошла пора! Знаю я, какъ онъ прежде носъ задиралъ: я членъ управы, я почетный мировой судья, я то, я се... Полуграмотный мужикъ, дерево—и эдакое высокомѣрие!.. А теперь, вотъ, не угодно ли!.. Хе, хе, хе!.. Показали Кузькину мать!..

— Нда-съ... теперь почешется...

— Губернаторъ сразу опредѣлилъ и прописалъ рѣшеніе: на! Получай!..

— Положимъ, оно незаконно, но за то справедливо.

— О чемъ вы говорите, господа? Что сдѣлали съ Мережинимъ?—спросилъ Колосовъ.

— А вы развѣ не слыхали?.. Очень интересно!.. Полѣзъ онъ къ губернатору съ кляузами... теперь это его специальность...

И Несмѣяновъ, захлебываясь отъ восторга, сталъ рассказывать. Колосовъ слушалъ и все больше и больше блѣднѣлъ.

— И вы одобряете это?—медленно произнесъ онъ, глядя на Несмѣянова потемнѣвшими глазами.

Несмѣяновъ завертѣлся.

— Не одобряю—избави Богъ! Я, вообще, противъ тѣлесныхъ наказаній, я говорю только, что надо было проучить...

— За что?.. Опомнитесь... Истязать человѣка за поданное прошеніе!..

— Да когда прошеніе явная чепуха!—вступился Булатовъ.—Не знаете, а толкуете!.. Онъ задушилъ своими кляузами, всѣмъ надоѣлъ...

— Кляузами?.. Какими?.. Вы знаете, что это кляуза?..

— Конечно, знаемъ... Ерунда! Неосновательная чепуха!.. Крючкотворство!..

— Пусть такъ, но неужели за это... Ахъ, что только вы говорите!.. Да и точно ли чепуха? Кто судья?.. Почему вы знаете?..

Колосовъ, весь красный, горячился все больше и больше.

— Стыдитесь, господа!.. Интеллигентные люди, съ университетскимъ образованіемъ... до чего вы дошли?.. Это одичаніе какое-то!..

— Подите вы! Вамъ ловко разсуждать, а попробуйте-ка сами съ эдакимъ милостивымъ государемъ... Онъ чортъ знаетъ что пишетъ... Если вѣрить ему, мы всѣ здѣсь мошенники.

— А что же! Если не мошенники, то укрыватели.

— Чортъ знаетъ... Окреститесь крестомъ! Вы заговариваетесь... Почитали бы вы, что онъ пишетъ...

— Я-то читалъ... какъ разъ то самое, что подавалъ онъ губернатору.

— Ну, и что же?

— Прекрасно и въ высокой степени справедливо... Да вы ж сами знаете, что справедливо...

— Мы не читали, какъ намъ знать?

— Тѣмъ хуже!.. Откуда же ваше озлобленіе?

— Мы вообще...

— И вообще я убѣжденъ, что говорить и писать онъ можетъ только правду.

— О-го-го!..

— Потому что онъ прекрасный, честный и умный человекъ!..

— Хо, хо, хо!—захохоталъ Булатовъ:—Хватилъ!..

Остальные тоже засмѣялись какимъ-то явно преувеличеннымъ смѣхомъ.

— Да знаете ли вы, кто онъ? Воръ!.. Они съ покойничкомъ Иваномъ Ивановичемъ хорошо орудовали, какъ въ силѣ были...

— Этому я не вѣрю.

— Не вѣрите?

— Безусловно не вѣрю.

— Гмъ... эхъ, вы младенцы!.. Да этакихъ жуликовъ, какъ Мережинъ, искать... Если бы не жуликъ, то неужели же мы... Боже мой!.. Да мы бы никогда... Да вотъ, напримѣръ, хоть такой случай...

И Несмѣяновъ началъ очень длинно рассказывать какую-то темную исторію, въ которой Мережинъ, будто-бы, игралъ первую роль.

— Не вѣрю,—сказалъ Колосовъ:—Вы что-то очень смутное рассказали и, вѣроятно, изъ десятихъ рукъ... И именно вамъ я не вѣрю, вамъ, господа...

— Чудакъ вы, ей-богу!.

— Вы мертвые трупы... Вы рабы, въ васъ нѣтъ человеческого достоинства, въ жилахъ вашихъ течетъ холодная рыба кровь... Да что! Съ вами разговаривать — то же, что воду толочь!.. Чортъ съ вами!.

Колосовъ схватилъ шляпу и, не прощаясь, ушелъ.

Придя домой, онъ спросилъ про Мережина, но того не было дома съ утра. Не появился онъ и на слѣдующій день.

Х.

Дня три спустя пришелъ въ номера очень бѣдно одѣтый мальчикъ лѣтъ семи и передалъ Колосову записку, гдѣ было нацарапано карандашемъ:

„Бога ради, придите на минутку повидаться со мной. Вася, податель сего, васъ проводить. Мережинъ“.

— Ты отъ Мережина?—спросилъ мальчика Колосовъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ тотъ, выворачивая изъ фуражки рваную подкладку.

— Кто тебя послалъ?

— Не знаю.

- Баринъ?
- Нѣтъ.
- Кто жъ онъ?
- Мужикъ какой-то... Иваномъ Павлычемъ зовутъ.
- Гдѣ-жъ онъ?
- У мамки.
- Гдѣ мамка живетъ?
- Въ слободкѣ.
- Ну, води меня.

Мальчикъ повелъ Колосова узкимъ переулкомъ по оврагу между огородами. Было темно. На небѣ сіяли звѣзды. Надъ горизонтомъ восходила красная луна. Теплый, пряный весенний воздухъ былъ неподвиженъ. Гдѣ-то далеко скрипѣлъ колодезный журавль, въ городѣ лаяли собаки. Откуда-то несло дымкомъ. На днѣ оврага журчала вода.

- Кто твоя мамка?—спросилъ Колосовъ.
- Матрена.
- Чѣмъ она занимается?
- Гуляетъ.
- Какъ гуляетъ?
- Гуляшная она... вдова... Когда стирается, когда полы моетъ, когда гуляетъ.
- И пьетъ?
- Пьетъ здорово.
- А Мережинъ у васъ зачѣмъ?
- Извѣстно, зачѣмъ.
- Ну, однако?
- Пируетъ... третій день ужъ.

Миновавъ огороды, пошли кустарникомъ, отъ котораго пахло крѣпкимъ и сладкимъ запахомъ распускавшейся листвы, поднялись по тропинкѣ въ гору и очутились передъ старымъ покосившимся домомъ съ запертыми ставнями. Изнутри доносился смутный гулъ голосовъ, смѣхъ и пѣніе.

Мальчикъ постучался въ окно, и кто-то тотчасъ же отворилъ двери. Черезъ минуту они очутились въ темныхъ стѣнахъ, съ запахомъ гнили и плѣсени.

— Сюда, сюда пожалуйста,—говорилъ женскій очень ласковый голосъ.—Не ушибитесь, темно... Подождите, спичку зажгу... свѣчка была гдѣ-то, да затерялась...

Вспыхнула спичка, и Колосовъ увидѣлъ женщину въ красномъ нарядномъ сарафанѣ, показавшуюся ему молодой и красивой.

— Тутъ лѣстница, не оступитесь,—говорила она, отворяя тяжелую скрипучую дверь.

Колосовъ вошелъ въ неосвѣщенную тѣсную прихожую, сколоченную изъ досокъ. Въ многочисленныя щели пере-

городки пробивался яркій свѣтъ. Колосова обдало шумомъ голосовъ, запахомъ духовъ, пудры, пива и кухоннаго чада.

— Позвольте пальто... Сюда пожалуйста.

Глазамъ Колосова представился довольно большой, ярко освѣщенный залъ съ яркими обоями и кисейными занавѣсками на окнахъ, наполненный нарядными женщинами, одѣтыми въ яркіе, пестрые костюмы. Женщины были молоды и красивы; онѣ весело улыбались, ходили парочками, обнявшись, сидѣли, стояли... Посрединѣ комнаты, поджавъ подъ себя ноги, на коврѣ по татарски сидѣлъ Мережинъ. Передъ нимъ на маленькомъ, низкомъ столикѣ стояли бутылки съ напитками, закуски и сласти. Онъ былъ, очевидно, пьянъ, красенъ, растрепанъ; обильный потъ струился по его лицу, волосы были мокры.

— Пришелъ!—радостно закричалъ онъ, увидѣвъ Колосова:—пришелъ, не побрезговалъ,—спасибо!.. Передъ вами человѣкъ во всемъ своемъ безобразіи... Простите, Христа ради... Дайте вашу руку... вотъ такъ!..

Онъ схватилъ руку Колосова и поцѣловалъ.

— Спасибо!.. Ничего, ничего, не смущайтесь... Рекомендую—все мои пріятельницы... А это, милыя дѣвицы, человѣкъ... настоящій, не намъ чета... баринъ, но съ душой, съ огнемъ, съ сердцемъ... Онъ можетъ все рассказать, какъ и что... Садитесь, садитесь сюда, на коверъ... Пусть онѣ повеличаютъ насъ... Поютъ онѣ все старинныя русскія пѣсни, а я плачу... Ей-богу, ревя реву—за сердце хватается... Это, вѣдь, все наши дѣвушки деревенскія... все краснопольцы... да... Охъ-хо-хо!.. Вотъ по какой дорожкѣ пошли... Что дѣлать! некуда дѣться... Но сегодня мы здѣсь одни... никого не пускаютъ... Я здѣсь полный хозяинъ и за все плачу... Ну, простите меня... Дѣвушки, запѣвайте.

Дѣвицы, примолкнушія было при видѣ незнакомаго, трезваго и, видимо, угрюмаго гостя, зашевелились.

— Чего пѣть-ту, Иванъ Павлычъ, не знаемъ.

— Что хотите, только такое, чтобы сердце рвалось.

Дѣвушки пошептались и вдругъ запѣли:

— Ты-ы, родима мо-оя ма-а-манька...

Запѣли такъ могуче и стройно, что Колосовъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Это было такъ называемое свадебное вытье, когда невѣста прощается съ матерью. Отчаяніе, ужасъ и скорбь были выражены и въ музыкѣ, и въ словахъ.

Мережинъ, обхвативъ руками голову, трясся отъ рыданій.

— Баринъ... милый баринъ... милый Иванъ Николаичъ,—заговорилъ онъ, когда прекратилась пѣсня, и слезы ручьями текли по его лицу.—Загулялъ я... запилъ... Нельзя иначе, нельзя,—прибавилъ онъ почти шепотомъ и посмотрѣлъ на

Колосова такими трезвыми, такими глубоко скорбными глазами, что у того захолонуло сердце.—Нельзя... Самъ не знаю, что со мной дѣлается... пропаль я...

Онъ умолкъ и сталъ платкомъ утирать мокрое отъ слезъ лицо.

— Я червь, я рабъ!—опять заговорилъ онъ:—Нѣтъ во мнѣ мужества и злобы... Я паря, и всю жизнь свою пресмыкался... Мужичкѣй сынъ, сынъ раба, котораго пороли приказчики, обирали становые, который всю жизнь ходилъ за сохой въ лаптяхъ и посконной рубахѣ, ѣлъ черныи хлѣбъ и по грошамъ копилъ кубышку... жилъ, а къ чему жилъ?.. Вотъ и я... Меня выпороли, какъ скотину... и что же?.. Меня раздавили, уничтожили, огняли у меня все, а я?.. Развѣ я убилъ его? Развѣ я отвѣчалъ на оскорбленіе? Отомстилъ за позоръ?.. Нѣтъ! я побѣждалъ съ жалобой къ прокурору... къ товарищу прокурора Воеводскому... Жалкая тварь, негодная тряпка!..

— Расскажите, какъ это случилось.

— Тяжело рассказывать... непереносно... противно... поизвольте... Дѣвицы, не шумите... удалитесь на время во внутренніе покои... Какъ меня драли—не помню, потому что во время борьбы меня ударили головой объ полъ и оглушили, а потомъ полицейскій вышибало, должно быть, наступилъ мнѣ на голову сапогомъ... Видите, что у меня...

И, откинувъ волосы, онъ показалъ на вискѣ запекшуюся рану и огромный синякъ.

— Я очнулся уже въ кутузкѣ, куда меня заперли, должно быть, испугавшись за мою жизнь. Приходилъ фельдшеръ, но я его прогналъ... Я былъ, какъ помѣшанный... Въ кутузкѣ продержали меня до вечера, а тамъ отпустили. Первымъ моимъ движеніемъ было жаловаться, и я побѣждалъ къ прокурору. У него были гости, но всетаки онъ меня принялъ. Сначала не хотѣлъ вѣрить, потомъ сказалъ: „Подождите, надо сѣздить къ губернатору“... Я остался ждать... чего? Самъ не знаю... Что мнѣ могъ дать прокуроръ? Развѣ могъ онъ вернуть мнѣ мою жизнь?.. Но я тогда еще не понималъ этого. Вернулся прокуроръ страшно разстроенный: досталось ему отъ губернатора на орѣхи: кричалъ на него и даже топалъ ногами... Имѣются, молъ, особыя полномочія, и онъ никого не боится... „Деру, кого хочу“... Да-съ, вотъ какъ... Прокуроръ совѣтовалъ бросить дѣло. Впрочемъ, говорить, напишите заявленіе, я дамъ ему ходъ... И я написалъ... Вотъ и все...

Онъ помолчалъ, уставившись глазами въ одну точку, потомъ тряхнулъ волосами, точно отгоняя отъ себя какія-то мысли, наполнилъ рюмки и сказалъ:

— Милый... выпьемъ... вотъ этой кабацкой драни... Ни коньяку, ни водки я пить не могу, отродясь не пиваль... а вотъ вишневки... Охъ, хо, хо!.. Я весь разбитъ, душа у меня разбита... Вѣдь, я вѣрующимъ былъ... Да... все къ чорту!.. Вотъ, онѣ поютъ, а я думаю: въ этомъ вытѣ вся русская исторія... безрадостная, безпросвѣтная... Мы только выли, да плакали, да жаловались на судьбу... Исконное рабство, гнѣтъ, милліоны обидъ, слезы, кровь, убожество и тоска, тоска... И все это зря, ни къ чему... безъ отмщенія, безъ назиданія, безъ результатовъ... Вѣка прошли, а зло все то же... и тѣ же обидчики, тѣ же злодѣи... Оно растеть, ширится и уже захватило въ свои лапы и небеса, и божію милость... Какая чепуха!.. Какая бессмыслица!.. О, какъ вы были правы тогда!.. Мнѣ ужъ не жить... пропасть я... нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать... Да и къ чему? Зачѣмъ?.. Впрочемъ, не буду смущать вашу юную душу... У васъ еще все впереди... И тѣхъ я теперь понимаю... озлобленныхъ-то... Они, конечно, правы... Я все теперь понимаю... да, а жизни ужъ нѣтъ... пустота... темнота... здѣсь, въ дуплѣ, на сердцѣ...

— Убавайте за границу,—сказалъ Колосовъ, ища словъ утѣшенія.

Мережинъ махнулъ рукой.

— Не то, не то... какая заграница!.. Вотъ что, голубчикъ: пусть онѣ поютъ, а мы выпьемъ... Все равно... не долго ужъ... Ну! за вашу молодую жизнь, за вашу славу, за подвиги добра!.. За будущее! За свободу!.. Вотъ что: пусть кто-нибудь, вы и другіе, пусть они отмстятъ за насъ, за всѣхъ насъ несчастныхъ... и за это горе, за эти рыдающія пѣсни.. Пейте, голубчикъ...

Уже начинало свѣтать, когда Колосовъ покинулъ убогій вертепъ. Мережинъ проводилъ его до огородовъ и смотрѣлъ, какъ въ голубыхъ предразсвѣтныхъ сумеркахъ онъ спустился внизъ, на дно оврага.

— Прощайте!.. Спасибо! Всего хорошаго!.. Прощайте!..— кричалъ Мережинъ, и его ясный голосъ странно и звонко разносился въ чистомъ, сыромъ и прохладномъ ночномъ воздухѣ.

Въ тотъ же день Мережинъ повѣсился на чердакѣ у Матрены. Объ этомъ въ городѣ поговорили въ теченіе нѣсколькихъ дней, потомъ забыли. Самоубійцу похоронили въ сторонѣ отъ кладбища въ одинокой могилѣ. На похоронахъ былъ одинъ только Колосовъ.

А. Погорѣловъ.

„Третье отдѣленіе“ и цензура.

(1826—1855 гг.)

(Продолженіе).

IX.

Въ первомъ номерѣ Воейковскаго „Славянина“ многихъ поразило стихотвореніе „Цензоръ“, съ подзаголовкомъ „басня“:

Когда *Ларобине* отпряли Парки годы,
Того *Ларобине*, который въ жизни самъ
Былъ Паркою ума, и мыслей, и свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?“—кричать ему привратники святыни.
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
„Твой чинъ? твой формуляръ? занятя? мастерство?“
— Я при Г—ѣ *) былъ Цензоръ! молвилъ онъ.
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ,
И двери растворились сами!

Съ французскаго К. В—й.

Поднялась буря... Воейкова таскали на допросы, онъ отвѣчалъ, что не помнитъ, кто доставилъ ему стихи; цензоръ же К. С. Сербиновичъ сказалъ, что не подозрѣвалъ въ „переводѣ“ личности **). Бенкендорфъ посадилъ Воейкова на гауптвахту.

Съ нимъ тамъ встрѣтились Ѳаддей Булгаринъ и Гречъ... Дѣло въ томъ, что Булгаринъ не могъ переварить успѣха только что вышедшаго романа Загоскина, когда самъ кропалъ своего „Дмитрія Самозванца“. Въ трехъ номерахъ „Сѣверная Пчела“, въ статьѣ А. Н. Очкина, написанной имъ по усиленной просьбѣ Булгарина, всячески критиковала „Юрія Милославскаго“, а въ заключеніе рѣшилась даже написать:

„Совѣтуемъ ему (автору) не вѣрить тѣмъ, которые стануть

*) „Генераль-полиціймейстеръ Парижскій, славный невѣжествомъ, но еще болѣе ханжествомъ“—гласить примѣчаніе переводчика, очевидно направленное на бывшаго министра нар. просвѣщенія кн. Голицына.

**) А. В. Никитенко, н. с., 200.

въ глаза хвалить его и увѣрять, что онъ рожденъ для сочиненій въ семь родѣ; совѣтуемъ ему оставить исторію и древности въ покоѣ и заняться сочиненіемъ романовъ изъ нынѣшняго дворянскаго, купеческаго и болѣе мужицкаго быту, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукописи до отдачи въ типографію. Право, нехорошо писать и печатать книги такимъ образомъ“ *).

Обыкновенно освѣдомленный о всякихъ теченіяхъ наверху, Булгаринъ на этотъ разъ сильно ошибся: „въ глаза хвалилъ“ и увѣрялъ Загоскина, что онъ рожденъ для сочиненій въ родѣ „Милославскаго“, прежде многихъ другихъ самъ Николай I... Пронюхавъ это, опростоволосившійся недавно Воейковъ поспѣшилъ выступить на защиту Загоскина. Пошла полемика, вѣрнѣе ругань. Государь вознегодовалъ на эту перебранку и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы онѣ прекратили бой. „Бенкендорфъ—разсказываетъ Гречъ,—передалъ приказаніе М. Я. фонъ-Фоку, а этотъ нѣжный, добрый человекъ смягчилъ выраженіе неудовольствія государева, объявивъ Булгарину, что въ этихъ перебранкахъ не должно звать противниковъ по имени. „Слушаю-съ“, отвѣчалъ Булгаринъ, сѣлъ и написалъ (напечатанную въ 13 № „Пчелы“, 30 января) жаркую отвѣдь Воейкову, не назвавъ Загоскина.

„Въ этотъ день пріѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подають конвертъ съ офиціальною надписью: „Его Высочордію Н. И. Гречу, отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа“. Въ немъ нашелъ я офиціальное приглашеніе, за номеромъ **), немедленно явиться къ шефу жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною офиціальною миною и, отдавая пакетъ на имя с.-петербургскаго коменданта, Башуцкаго, сказалъ:

— Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобы вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство,—сказалъ я:—когда вы мнѣ говорили?

— Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя.

— Да не мнѣ лично.

— Все равно—Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать.

*) „Сѣв. Пчела“, 1830 г., №№ 7, 8, 9.

**) Вотъ оно съ подлинника: „Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію государя императора покорнѣйше проситъ Николая Ивановича Греча сейчасъ пожаловать къ нему“. № 440. 30 января 1830, во 2 часу пополудни—Архивъ III отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, дѣло № 171, 1-й экспед., 1827 г., бумага № 15.

— Позвольте,—сказалъ я,—попросить васъ: пошлите адъютанта или кого-нибудь другого ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ беспокоиться. Домашнее мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не вернусь.

— Извольте,—отвѣчалъ добрый Бенкендорфъ: — это будетъ исполнено, но вы теперь же извольте ѣхать“ *).

Вечеромъ въ тотъ же день всѣ трое арестованныхъ: Гречъ, Булгаринъ и Воейковъ были освобождены. „На другой день пригласилъ меня къ себѣ Бенкендорфъ—разсказываетъ Гречъ,—обошелся со мною очень учтиво, обнялъ меня и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невагодѣ“.

Булгаринъ скоро тоже былъ утѣшенъ: въ концѣ февраля вышелъ въ свѣтъ его „Дмитрій Самозванецъ“ и принесъ автору отъ государя богатый брилліантовый перстень...

Одновременно съ описаннымъ сидѣлъ подъ арестомъ въ Москвѣ цензоръ С. Н. Глинка. Онъ пропустилъ въ 1-й книжкѣ „Московского Вѣстника“ три замѣтки С. Т. Аксакова, изъ которыхъ одна осмѣивала какого-то министра, дающаго рекомендацію чиновнику. Замѣтка очень не понравилась въ Петербургѣ, Бенкендорфъ распорядился арестовать цензора. За автора просилъ у него снисхожденія кн. А. А. Шаховской **).

28 октября, въ самомъ концѣ 61-го нумера, „Литературная Газета“ помѣстила слѣдующую замѣтку:

„Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла-Виня, на памятники, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument;
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître“ ***).

Перевода сдѣлано не было, какъ бы изъ боязни пустить стихи въ болѣе широкую массу.

Черезъ два дня Бенкендорфъ уже просилъ кн. Ливена сообщить ему, кто прислалъ эти „помѣщенные ни къ какой стати стихи“, „которыхъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ“, и какими правилами руководствовался разрѣшившій ихъ цензоръ. Издатель „Литер. Газеты“ бар. А. А. Дельвигъ отвѣчалъ, что стихотвореніе де-ла-Виня „прислано ему отъ неизвѣст-

*) „Записки о моей жизни“, Спб., 1886 г., 458—459. Разсказъ объ этомъ Гречъ же помѣщенъ былъ и въ „Русск. Старинѣ“, 1874 г., III, 639—640, но приведенная нами версія вѣрнѣе.

**) „Русск. Арх.“, 1904 г. III, 515—516.

***) Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ печальномъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна раньше, чѣмъ успѣла ихъ узнать.

наго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры“. Цензоръ Семеновъ, съ своей стороны, отозвался, что въ стихахъ „онъ, по чистой совѣсти, не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникѣ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россією, и прочими державами Европы“. Онъ никакъ не могъ предполагать, „чтобъ стихи де-ля Виня могли сколько-нибудь быть примѣнены къ Россіи, которая блаженствуетъ подъ скипетромъ мудраго монарха и находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція“ *).

Бенкендорфа все это совершенно не удовлетворяло. Объясненіе Дельвига онъ находилъ „не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ“. „Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ—прибавлялъ Бенкендорфъ въ письмѣ къ кн. Ливену отъ 8 ноября — и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи“. „Нѣсколько дерзокъ“ Дельвигъ былъ потому, что его, человѣка вполне благонамѣреннаго, но благодаря стихамъ зачисленнаго въ лигу „истинно бѣшенныхъ либераловъ“, Бенкендорфъ въ глаза называлъ почти якобинцемъ и далъ почувствовать, что правительство держать его подъ надзоромъ **). Кн. Ливень первый высказалъ мысль о запрещеніи „Литературной Газеты“ ***). Бенкендорфу она пришлась вполне по вкусу. Ни министръ, ни начальникъ III отдѣленія не взвѣсили, насколько эта суровая мѣра соответствовала „вреду“ органа. Они забыли въ этотъ моментъ, что газета бар. Дельвига была все время очень далека отъ какого бы то ни было „либерализма“ и не выходила изъ предѣловъ строго литературныхъ. Отъ III отдѣленія былъ представленъ докладъ государю, на которомъ положена резолюція: „Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить издаваніе газеты“ ****). Изданіе ея было передано, по желанію Дельвига, Оресту Сомову, но у него она не продержалась дальше іюня слѣдующаго года.

Въ серединѣ января 1831 года Дельвига не стало: онъ умеръ отъ испытаннаго потрясенія. По словамъ Анненкова, вслѣдъ за претерпѣнной имъ отъ Бенкендорфа бурей угрозъ, подозрѣній и

*) Ibidem., 662.

**) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“—„Русск. Стар.“, 1901. IX, 662—663.

***) А. В. Никитенко, н. с., I, 207.

****) „Русск. Стар.“, 1901 г., IX, 663.

оскорбленій,—онъ заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, долготѣ невидѣнныя въ немъ, нигуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствіемъ такого образа жизни и глубоко почувствованнаго огорченія можно было опасаться, что первая серьезная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось—болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу“ *). За мѣсяцъ до его смерти Пушкинъ писалъ Плетневу:

... „Дельви́гъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательности къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпионы-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона“ **).

Но очевидно, баронъ Дельви́гъ не имѣлъ силъ бороться съ Бенкендорфомъ, не очень-то долюбливавшимъ его за дружбу съ Пушкинымъ, а „Газету“—за пушкинскія статьи.

Хорошо осведомленный Никитенко записалъ: „Публика въ ранней кончинѣ барона Дельви́га обвиняетъ Бенкендорфа“ ***).

Волны европейскихъ событій отразились особенной реакціей въ Россіи вслѣдъ за обнаружившимся броженіемъ въ Царствѣ Польскомъ. Бенкендорфъ стоялъ во всеоружіи, готовый подавить любой протестъ. 21 декабря онъ разослалъ губернаторамъ печатный циркуляръ, въ которомъ увѣдомлялъ, что государь императоръ, „предполагая, что, по случаю возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ, злонамѣренные, помогающіе возмущенію и безначалію, могутъ содѣйствовать къ распространенію преступныхъ своихъ правилъ между жителями и внутреннихъ губерній Россіи, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратить на сіе должное вниманіе начальниковъ губерній, съ тѣмъ, чтобы на случай когда въ губерніи появляться какія-либо воззванія къ народу или сочиненія, клонящіяся къ внушенію мирнымъ жителямъ мнѣній, противныхъ государственнымъ постановленіямъ или гражданскому порядку, губернаторъ, немедленно препроводивъ оныя, принялъ надлежащія мѣры къ открытію сочинителей и распространителей таковыхъ разглашеній“ ****).

Донесенія губернаторовъ были удивительны по своей нецѣнности. Въ III отдѣленіе присылались книги, давно разрѣшенныя цензурою въ Петербургѣ и Москвѣ, только потому, что тамъ го-

*) „Воспоминанія и критич. очерки“, III, 233. По словамъ Мельгунова, Дельви́гъ умеръ „отъ воспаленія въ мозгу, вслѣдствіе простуды“, но это нѣтъ не подтверждается (Кеминъ, „Очерки русск. литературы“, Спб., 1862 г., 122).

**) Сочиненія, VII, 380.

***) I, 207.

****) „Русск. Стар.“, 1889, XI, 363—364.

ворилось о Польшѣ, какъ когда-то самостоятельнымъ королевствѣ...

Министръ просвѣщенія, кн. К. А. Ливенъ, *) старался держаться возможно независимѣе по отношенію къ Бенкендорфу и иногда это подчеркивалъ совершенно ясно.

Это не значило, что онъ не сочувствовалъ программѣ Бенкендорфа въ области цензуры; онъ лишь давалъ всегда почувствовать, что писанный законъ ставить во главѣ „досмотра“ его, министра—а не III отдѣленіе. Любопытное столкновение на этой почвѣ произошло у нихъ въ концѣ 1830 года. 22 декабря Бенкендорфъ написалъ Ливену: „Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость оспретить издателю французской газеты „Le Furet“ помѣщать въ оной статьи объ императорскихъ театрахъ, поручивъ цензурѣ надлежащее за сими наблюденіе“. Такое начѣмъ не мотивированное вмѣшательство разсердило Ливена и онъ тотчасъ же отвѣчалъ, что исполнить этого не можетъ, такъ какъ уставъ 1828 г. дозволяетъ всякія сужденія о театрахъ. „Если же“, прибавлялъ онъ, „есть высочайшая государя императора воля, либо вы находите изволите нужнымъ, чтобъ во всѣхъ журналахъ вообще или только въ „Furet“, по причинѣ какого-либо съ его стороны упущенія, не печатать сужденія о театрахъ, то для учиненія надлежащаго распоряженія я долженъ имѣть высочайшее о томъ повелѣніе, которымъ бы отмѣнялось прежде данное его величествомъ узаконеніе“.

Бенкендорфъ, не привыкшій вообще къ подобнымъ афронтамъ, рѣшилъ съехидничать: „На отвѣтъ вашей свѣтлости, въ коемъ вамъ угодно было спросить меня, по высочайшему ли повелѣнію просилъ я васъ запретить издателю „Le Furet“ помѣщать въ сими изданіи статьи объ императорскихъ театрахъ, честь имѣю отвѣтствовать, что помѣщеніе въ журналѣ „Le Furet“ статей объ императорскихъ театрахъ воспрещается издателю оного по высочайшему повелѣнію государя императора, и что въ первомъ отношеніи моемъ по сему предмету къ вашей свѣтлости не употребилъ я высочайшаго имени его величества, бывъ увѣренъ, что само собою разумѣется, что таковыя запрещенія дѣлаются не мною, а государемъ, священное имя коего намъ вообще надлежало бы употреблять гораздо рѣже въ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ“.

Въ послѣднихъ словахъ заключается цѣлый пріемъ не только III отдѣленія, а и другихъ министровъ николаевского царствования. Бенкендорфъ употреблялъ его лишь чаще другихъ и, благодаря этому, сплошь и рядомъ его личныя распоряженія исполнялись безпрекословно, потому что думали, что они основаны на высочайшей волѣ. Утвержденіе современниковъ, что Нико-

*) Родной братъ его былъ женатъ на родной сестрѣ Бенкендорфа.

лай I часто не зналъ, что творилось III отдѣленіемъ якобы его именемъ,—совершенно вѣрно и подтверждается словами самого государя, сказавшаго де-Санглену про Бенкендорфа и другихъ, что отъ него скрываютъ иногда важныя бумаги, „содержать все въ тайнѣ и отвѣчаютъ за меня“ *).

Кн. Ливенъ, окончательно возмущенный такимъ наставительствомъ, въ тотъ же день отвѣчалъ: „Изъ отношенія вашего, полученнаго мною сегодня, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что вы, милостивый государь, изволите полагать, будто я спрашивалъ васъ, по высочайшему-ли повелѣнію вы относитесь о запрещеніи издателя „Le Figet“ помѣщать статьи о театрахъ. Прочитавъ вновь прежнее мое отношеніе, я не нашелъ въ ономъ вышеозначеннаго вопроса. Въ немъ я выписалъ § высочайше утв. устава о цензурѣ, въ силу коего главное управленіе цензуры не можетъ воспрепятствовать издателямъ журналовъ печатать сужденія о театрахъ, дабы показать, что я не въ правѣ исполнить требованіе ваше безъ высочайшаго повелѣнія. Никто, конечно, не благоговѣетъ болѣе меня предъ августѣйшимъ именемъ его величества и не можетъ быть осторожнѣе въ употребленіи онаго. Сей урокъ мнѣ не нуженъ и въ бумагахъ вашей ко мнѣ излишенъ. Но бумага, въ которой требуется противное закону, утвержденному священнымъ именемъ государя императора, не есть обыкновенное отношеніе и не можетъ имѣть никакого дѣйствія безъ объясненія высочайшей на то воли. Въ такомъ случаѣ подразумѣваніе невозможно и онаго требовать никто права не имѣетъ. Волѣдствие же послѣднюю отношенія вашего о высочайшемъ повелѣніи запретить печатать въ „Furet“ статьи о театрахъ я сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе“.

Черезъ день Ливенъ почувствовалъ, что значило не слушаться сразу всесильнаго „охранителя“. Онъ разрѣшилъ напечатать анонимную статью „Общій статистическій взглядъ на Петербургъ“ въ „Сѣверномъ Меркуріи“, встрѣтившую препятствіе у цензора. Такъ какъ статья разрѣшена была формально главнымъ управленіемъ цензуры, въ которомъ предсѣдательствовалъ министръ, то данный управленію, по докладу Бенкендорфа, высочайшій выговоръ, несомнѣнно, касался ближе всего кн. Ливена.

Анонимныя статьи, всегда не по вкусу приходившіяся карателямъ литературы, потому что часто нельзя было добиться отъ редакторовъ имени истиннаго виновнаго, навели Бенкендорфа на мысль положить конецъ такому укрывательству. Тревожное настроеніе общества 1830 года тоже связывалось съ анонимиями... 28 декабря Бенкендорфъ сообщилъ Ливену о высо-

*) Цензура въ царствованіе императора Николая I, „Русск. Стар.“, 1901 г., IX, 658—659.

**) Я. И. де-Сангленъ, „Записки“—„Русск. Стар.“, 1882 г., III, 570.

чайшемъ повелѣніи принять, какъ общую мѣру, за правило, чтобы „никакая статья не могла быть напечатана въ газетахъ и журналахъ безъ подписи сочинителя“. 29 декабря министръ сдѣлалъ соответствующее распоряженіе, въ силу котораго „все поступающія въ редакціи повременныхъ изданій статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и т. п., должны быть за подписью сочинителей и переводчиковъ, и притомъ не вымышленной, но подлинной ихъ фамиліи“ *). Это нововведеніе даже цензурой было встрѣчено не совсѣмъ сочувственно. Немедленно петербургскій цензурный комитетъ отнесся въ главное управленіе съ представленіемъ о неосуществимости такого приказанія. „Если все безъ изъятія статьи должны носить подпись сочинителя — спрашивалъ онъ, между прочимъ, — то какой подписи можно требовать отъ издателей, если ими печатаются статьи, сочиненныя министрами или начальниками управленій, дабы приготовить публику къ принятію извѣстнаго правительственнаго распоряженія, или разрѣшить ея недоумѣнія и опровергнуть ложные толки?“ „Какія могутъ быть удостовѣренія, что имя, выставленное подъ статью, истинное, а не вымышленное?“ **).

„Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году—записалъ Никитенко подъ 30 декабря:—въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени.

„Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... *Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ*. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самими, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуется этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ воихъ предвидѣть не трудно“ ***).

Такъ заканчивался 1830-й годъ, слѣдующій былъ не лучше...

*) „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.“, 1862 г., 219.

**) „Рус. Стар.“ 1901 г., IX, 665—666.

***) Н. с., I. 205.

X.

6 января 1831 г. Бенкендорфъ, убѣжденный обстоятельствами въ неисполнимости „новогодняго подарка“, сообщилъ Ливену слѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Для устраненія всякаго недоразумѣнія и затрудненія въ литературныхъ занятіяхъ, могущаго возникнуть (изъ вышеприведеннаго запрещенія), государю императору угодно было, чтобы министръ народнаго просвѣщенія представилъ на высочайшее утвержденіе слѣдующія правила, въ дополненіе къ уставу о цензурѣ:

1) Издатель журнала, представляя статью въ цензуру, долженъ объявить цензору имя автора, если оно ему извѣстно.

2) Если статья доставлена отъ неизвѣстной особы, то сіе должно быть объявлено цензору.

3) Подъ статью, одобренною къ напечатанію, можно выставить имя автора, начальныя буквы его имени и фамиліи или какой-либо шифръ, также имя вымышленное; можно печатать статью и безъ подписи, лишь бы сочинитель оной былъ извѣстенъ цензору.

4) Въ случаѣ напечатанія статьи, доставленной отъ неизвѣстнаго, вся отвѣтственность падаетъ на издателя журнала, какъ бы на сочинителя статьи“ *).

Но министръ нашелъ, что „неудобно было бы присоединить такія правила къ уставу о цензурѣ, потому что они прямо противорѣчили бы § 47 этого устава, гдѣ сказано, что отвѣтственность за напечатаніе книги или статьи лежитъ на цензорѣ или цензурномъ комитетѣ, давшемъ пропускъ“. Поэтому кн. Ливенъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ заключеніе котораго писалъ: „Въ настоящихъ обстоятельствахъ со стороны правительства можетъ быть потребно обратить особенное вниманіе на образъ мыслей и на намѣренія лицъ, предпринимающихъ дѣйствовать на публику чрезъ повременныя изданія; посему я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли повелѣть сдѣлать *секретное* предписаніе цензурнымъ комитетамъ о наблюденіи вышеизложенныхъ правилъ. Такимъ образомъ цѣль сего распоряженія будетъ удобнѣе достигнута оттого, что принятая мѣра не получитъ общей гласности“ **).

Такое упорное нежеланіе кн. Ливена подчиниться разъ принятому рѣшенію было причиной очень непріятнаго для него рас-

*) „Записка о цензурѣ колл. асс. Фукса“, 1862 г., 66.

**) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“—„Русск. Стар.“, 1901 г., IX, 666.

пораженія: для совѣщанія по поводу злосчастнаго авторскаго имени былъ назначенъ немедленно особый комитетъ изъ вице-канцлера гр. Нессельроде, ген.-ад. Васильчикова, министра юстиціи Дашкова и Бенкендорфа *). Ливенъ былъ обойденъ...

Черезъ нѣсколько дней на него обрушился другой ударъ. Государь, разсматривая одно цензурное дѣло, положилъ резолюцію: „министру народнаго просвѣщенія велѣть подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже „Академическихъ Вѣдомостей“, проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министр просвѣщенія за сіе отвѣчаетъ“ **). Это уже было слишкомъ серьезно и необычно.

Понимая, что благодаря стараніямъ Бенкендорфа почва подъ нимъ можетъ ускользнуть, Ливенъ рѣшилъ удовлетворить его личной литературной угодой—и вотъ появилось распоряженіе: „цензурѣ поставляется въ обязанность разсматривать періодическія изданія съ особымъ вниманіемъ и въ пропускѣ назначаемыхъ для нихъ статей соблюдать крайнюю осмотрительность и осторожность, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности цензора, которой вмѣстѣ съ нимъ подвергаются лично и редакторы, за всякое дурное направленіе статей ихъ изданій“ ***). Изданное 17 января, распоряженіе это было повторено кн. Ливеномъ еще дважды: 25 мая 1831 г. и 9 февраля 1832 года. Куда дѣвалась и законность: отвѣтственность редакторовъ была не меньшей новостью, чѣмъ мѣра Бенкендорфа...

Особый комитетъ окончилъ свои занятія въ мартѣ 1831 г. и въ результатѣ представилъ государю очень интересную секретную записку, въ которой видно особенное вліяніе начальника III отдѣленія.

Начинается она съ указанія на извѣстный уже читателю всеподданнѣйшій докладъ-записку кн. Ливена, а затѣмъ читаемъ:

„По внимательномъ разсмотрѣніи сей записки и по соображеніи предполагаемыхъ дополненій съ разумомъ и точными словами устава о цензурѣ, мы, съ своей стороны, находимъ слѣдующее:

„Цѣлю сего устава было способствовать успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и даровать упражняющимся въ словесности и наукахъ всю возможную свободу издавать въ свѣтъ труды свои, съ тѣмъ, однакоже, необходимымъ условіемъ, чтобы въ оныхъ не было ничего противнаго правиламъ вѣры и неприкосновенности верховной самодержавной власти и ничего оскорбительнаго для доброй нравственности и для личной каждаго чести. Волѣдствіе

*) 8 февраля 1831 г. ему повелѣно присутствовать въ госуд. совѣтѣ и комитетѣ министровъ.

**) „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“—„Русск. Стар.“, 1903 г. II, 307.

***). „Сборникъ“, 219.

сего отмѣнены постановленія прежняго устава, стѣснявшія сочинителей и переводчиковъ въ безвредномъ распоряженіи ихъ произведеніями, а въ отношеніи къ отвѣтственности за изданіе книги или статьи, противной правиламъ цензуры, она возложена § 47 на цензора или членовъ комитета, подписавшихъ опредѣленіе о пропускѣ. Но такое постановленіе, обращая, не строгой справедливости, отвѣтственность за изданіе вредной книги или статьи исключительно на тѣхъ, кои имѣли прямую и непремѣнную обязанность воспретить оное, отнюдь не могло освободить и не освобождаетъ отъ законнаго преслѣдованія самихъ сочинителей или переводчиковъ во всѣхъ случаяхъ, когда они, по существу представленной ими книги или статьи, подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. Пропускъ къ напечатанію вредной книги есть, собственно, вина цензора; но что было преступленіемъ до изданія оной, то не перестаетъ быть преступленіемъ и послѣ, и авторъ безбожнаго или возмутительнаго сочиненія, представившій оное въ цензуру, и, слѣдовательно (?), изобличенный въ намѣреніи обнародовать (?) оное, долженъ быть преданъ суду на основаніи общихъ законовъ, несмотря на данное ему отъ цензора одобреніе.

„Изъ сего слѣдуетъ, что правительство, отнюдь не нарушая *цензурнаго устава* и оставляя отвѣтственность за изданіе книги исключительно на цензурѣ, имѣетъ, однакоже, полное право требовать объявленія ему имени каждаго сочинителя или переводчика, въ произведеніяхъ коего будетъ усмотрѣно нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, или стремленіе къ вредной для общаго спокойствія цѣли, для преданія его суду, или же для учрежденія за нимъ полицейскаго надзора, смотря по существу вины его. Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды дѣйствовать секретными предписаніями: ибо само собою очевидно, что невинная свобода, даруемая авторамъ, скрывать предъ публикою имена свои не можетъ ни въ какомъ отношеніи служить имъ ни предлогомъ, ни средствомъ къ укрывтію себя отъ заслуженнаго по общимъ законамъ наказанія“.

Находя, что „существующими узаконеніями (извѣстное уже читателямъ мнѣніе госуд. совѣта отъ 25 апрѣля 1828 года о односѣ цензорами на авторовъ) приняты уже достаточныя мѣры для обузданія неблагонамѣренныхъ авторовъ и издателей“, особый комитетъ полагалъ, что для исполненія объявленной ему высочайшей воли „остается только обратить вниманіе на то, чтобы виновные не могли избѣгать заслуженнаго ими наказанія или надзора сокрытіемъ именъ своихъ отъ правительства“. А для этого комитетъ рекомендовалъ: „привести въ дѣйство выше-сказанное постановленіе госуд. совѣта скорѣйшимъ, по возможности, составленіемъ наказовъ цензорамъ, а между тѣмъ, на семъ же основаніи, вѣнчить имъ въ обязанность, хотя частными пред-

писаніями, чтобы они о сочиненіяхъ, показывающихъ духъ неблагонамѣренный, извѣщали высшее начальство“.

Дальше слѣдовалъ второй пунктъ, повторявшій четыре пункта отношенія Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 6 января 1831 г.

Въ заключеніи записки говорилось: „Признавая таковыя мѣры осторожности достаточными, безъ дополненія цензурнаго устава, мы осмѣливаемся повергнуть мнѣніе наше на высочайшее усмотрѣніе в. н. величества. Къ тому считаемъ долгомъ присовокупить, что, вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи устава, мы не можемъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку въ главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ. Для отвращенія сего неудобства, мы единогласно полагаемъ, что въ главное управленіе цензуры надлежало бы опредѣлить сверхъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, еще члена со стороны шефа жандармовъ“ *).

28 марта Бенкендорфъ препроводилъ къ Ливену записку комитета, съ высочайшей на ней резолюціей: „исполнить“. На слѣдующій же день по министерству народного просвѣщенія были отданы всѣ соотвѣтствующія распоряженія, а 31 марта подтверждено къ неуклонному исполненію мнѣніе госуд. совѣта 25 апрѣля 1828 г. о немедленномъ доносительствѣ по начальству на авторовъ неблагонамѣренныхъ сочиненій...

Такимъ образомъ, начало новаго года преподнесло подарокъ, едва ли не превосходящій первый: установилась и до сихъ поръ существующая двойная отвѣтственность—цензора и издателя, рядъ доносовъ возобновился съ новой энергіей испуганныхъ цензоровъ, цензурное вѣдомство имѣло члена отъ III отдѣленія, который вносилъ въ него новыя знанія: „о настоящемъ расположеніи умовъ и соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ“,—знанія, въ немалой степени опредѣлявшія дальнѣйшую дѣятельность этого учрежденія...

Представителемъ III отдѣленія въ главномъ управленіи цензуры былъ ближайшій помощникъ Бенкендорфа,—А. Н. Мордвиновъ, смѣнившій умершаго въ 1831 году Фока **). Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Есть лишь вѣроятіе предполагать, что насколько онъ былъ менѣе талантливъ, тѣмъ его предшественникъ, настолько же былъ непорядочнѣе его.

Очень характернымъ фактомъ, иллюстрирующимъ настроеніе Бенкендорфа въ годину польскаго востанія, является инцидентъ съ драмой Погодина „Марѳа Посадница“. Цензуровавшій ее С. Т. Акса-

*) „Записка о цензурѣ колл. асс. Фукса“, 61—65.

**) Последній шагъ Фока по отношенію къ литературѣ—задержка на два года (до 1833 г.) напечатанія „Горя отъ ума“, полученнаго имъ отъ Ливена и спрятаннаго подъ сукно („Русск. Стар.“, 1903 г. VI, 645).

ковъ, еще въ концѣ августа 1830 года не нашелъ возможнымъ не пропустить ее, но въ свѣтъ она выпущена не была: осторожный авторъ „Семейной хроники“ приостановилъ выпускъ въ виду польскихъ дней во Франціи, а затѣмъ подошли польскія дѣла. Желая сложить съ себя отвѣтственность, Аксаковъ написалъ Бенкендорфу, и вотъ какой отвѣтъ получилъ отъ него:

„Милостивый государь, Сергѣй Тимофѣевичъ! Искреннѣйше благодарю васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи „Марѳа Посадница Новгородская“, напечатанной по дозволѣнію вашему, но не выпущенной въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего. Честъ имѣю васъ увѣдомить, что чтеніе сей трагедіи, написанной въ духѣ отлично благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе и что я не предвижу ничего, могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я съ своей стороны предлагалъ бы неизлишнимъ, въ предупрежденіе какой-нибудь не-приятности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Предоставляя, впрочемъ, сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть и пр.» *).

Въ концѣ года, 14 декабря, по министерству народнаго про-свѣщенія было сдѣлано распоряженіе, чтобы по истеченіи каждаго мѣсяца цензурные комитеты представляли въ III отдѣленіе свѣдѣнія о напечатанныхъ и изданныхъ журналахъ и альманахахъ, съ означеніемъ типографій **). Вѣроятно, это былъ способъ про-вѣрки издателей, не всегда во-время и аккуратно исполнявшихъ законъ.

Заключимъ обзоръ 1831 года комичнымъ эпизодомъ, весьма ха-рактернымъ для оцѣнки эпохи и ея дѣятелей.

Въ „Сѣверномъ Меркуріи“ не мало насмѣшила всѣхъ статья Кори „Естественная исторія ослонъ“. Начинаясь она такъ:

„Несправедливо судить о семъ животномъ, которое заслужи-ваетъ въ свѣтѣ гораздо почетнѣйшее мѣсто, нежели опредѣлено ему въ кругу обитателей земли. Сіе неуваженіе заставило мно-гихъ ослонъ искать счастья подъ различными названіями, зани-мающимися у другихъ народовъ. Въ сихъ-то видахъ многіе есмы занимаютъ важныя мѣста въ свѣтѣ. Дабы лучше и подро-бнѣе узнать сіе достопримѣчательное животное, надобно сначала познакомиться съ происхожденіемъ его, и замѣтить нѣкоторыя другія обстоятельства, касающіяся до ослонъ вообще“.

*) „Русск. Архивъ“, 1873, XI, 02299—02300.

**) „Сборникъ“, 220.

Затѣмъ попадаются такіа мѣста:

„Всѣ почти естествоиспытатели описываютъ намъ осла, какъ животное четвероногое, съ длинными ушами, и обыкновенно сѣраго цвѣта. Но каждый человѣкъ, имѣющій хотя малѣйшія познанія объ ослахъ, скажетъ, что ни сѣрая шерсть, ни длинныя уши, ни даже четыре ноги не составляютъ важнѣйшихъ примѣтъ, по которымъ узнаются осла“.

„Нѣмецкій писатель Функъ говоритъ, что осла можно узнать издали по звуку, часто имъ издаваемому, который имѣетъ особенное сходство съ *ja*, что значитъ по русски *да*. Но и сіа примѣта не вѣрна, ибо есть множество ословъ, которые нерѣдко кричатъ: *нѣтъ! нѣтъ!*“ *).

Бенкендорфъ страшно возмущился этой выходкой и, прекращая нумеръ съ своими отмѣтками къ кн. Ливену, писалъ:

„Я полагаю, что цензоръ, одобрившій къ напечатанію такое мѣсто, долженъ быть наказанъ, и покорнѣе прошу вашу свѣтлость приказать объявить издателю „Сѣвернаго Меркурія“, что, если онъ осмѣлится впредь помѣщать въ своемъ журналѣ статьи, столь неблагонамѣренныя и дерзкія, то ему будетъ запрещено изданіе онаго...“ **).

Терминъ „неблагонамѣренный“ всѣмъ достаточно ясенъ, если только вообще это слово можетъ претендовать на какой-нибудь смыслъ. Что же касается слова „дерзкій“, то въ 1831 году оно имѣло особый смыслъ.

Польскія дѣла увеличили тревожное состояніе правящихъ сферъ до того, что слово „дерзость“ въ приложеніи къ литературному произведенію стало положительно доминирующимъ. „Никто,—говоритъ анонимный авторъ,—не обращалъ вниманія на то, справедливы или несправедливы указанія литературы; до сущности дѣла никто не касался, и всякій жаловался только на дерзость. Дерзость была любимымъ обвинительнымъ словомъ того времени“ ***).

XI.

1832 годъ ознаменовался запрещеніемъ журнала „Европеецъ“, издававшегося И. В. Кирѣевскимъ. Для характеристики дѣйствій III отдѣленія въ области печати исторія „Европейца“ крайне поучительна. Изъ нея общество увидѣло, насколько оно не гарантировано отъ совершенно произвольныхъ обвиненій. „Вѣроятно,—писалъ Пушкинъ Дмитріеву,—вы изволите уже знать, что журналъ „Европеецъ“ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, доб-

*) „Сѣверн. Меркурій“, 1831 г., № 72.

**) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 53.

***) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“, „Русск. Стар.“, 1903 г., II, 307—308.

рый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Въ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или, по крайней мѣрѣ, клевета—успокоится и будетъ изобличена*).

Никакой побѣды добраго начала надъ злымъ, однако, не произошло...

Вотъ какъ рисуется исторія запрещенія „Европейца“ по даннымъ архива III отдѣленія.

Начинается она издалека. Первой бумагой въ „дѣлѣ“ подлинитъ оригинальное письмо. Привожу его буквально:

„А. Кошелевъ и В. Титовъ въ С.-Петербургѣ—пишутъ его благ. Ивану Васильевичу Киреевскому въ Москву, въ домѣ Померанцова за Сухаревой башнею.

Нижеподписавшіеся, не получая никакого отвѣта отъ г-на Кирѣевского на многократныя представленія, ему дѣланныя, находятъ къ крайнему ихъ сожалѣнію въ необходимости объявить ему, что, если въ продолженіе 15 дней, считая отъ сего 6 іюля, они не получаютъ удовлетворительнаго отъ Е. В. отвѣта, то, 1-е прервать всѣ сношенія съ нимъ, 2. предать проклятію и 3. вычеркнуть его изъ числа нашихъ.

А. Кошелевъ.

В. Титовъ“.

Сверху рукою Бенкендорфа написано: *cette lettre est très intéressante à ce qu'il parroit voyer s'il est possible de savoir qui sont les individu et ce que cela peut être **).*

Письмо это, очевидно, попало въ перлюстрацію въ тотъ же день и 6-го же іюля 1827 г. Бенкендорфъ писалъ генералу А. А. Волкову, начальнику 2 округа (московскаго) корпуса жандармовъ, что „по встрѣтившимся крайне уважительнымъ обстоятельствамъ, весьма любопытно знать, кто таковъ сей Кирѣевскій? какую онъ имѣетъ общую репутацію, какого поведенія, съ кѣмъ находится въ связяхъ и сношеніяхъ?“ Въ виду этого онъ проситъ Волкова „поручить благовидное и скрытое по сему предмету развѣдываніе благонадежному человѣку“, которому внушить узнать что можно и о Кошелевѣ и Титовѣ ***).

Очевидно, таинственность письма рисовала уже III отдѣленію какой-нибудь крамольный заговоръ...

9 августа полученъ былъ отвѣтъ Волкова, который привожу полностью:

*) „Сочиненія“, VII, 463.

**) Архивъ III отдѣленія с. е. и. в. канцеляріи, дѣло № 213, ч. 1-ая, 1 экзпед., 1827 г., бумага № 1.

***) Ibidem, № 2.

„По предписанію Вашего Пр—ва отъ 6 іюля подъ № 1411-мъ, о Иванѣ Васильевичѣ *Кирѣвскомъ* секретныя развѣдыванія открыли слѣдующее: что онъ изъ дворянъ Орловской губерніи, воспитанъ очень хорошо, приобрѣлъ обширныя свѣдѣнія, основателенъ и даже почитался глубокомысленнымъ; отъ роду ему 22 года; имѣнія за нимъ въ общемъ съ братомъ и матерью его владѣніи состоятъ до 1500 душъ; въ 1824 году поступилъ онъ въ Государственный Архивъ Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, вскорѣ (какъ говорятъ) будетъ представленъ къ производству въ переводчики, жительство имѣетъ здѣсь въ Москвѣ, вмѣстѣ съ матерью своею, которая вышла въ замужество вдовою за Алексѣя Андреевича Елагина; кругъ знакомства его составляютъ: Сергѣй Александровичъ Соболевскій (побочный сынъ Соймонова, находится вмѣстѣ съ Кирѣвскимъ въ иностранномъ архивѣ), князь Мещерскій, Владимиръ Павловичъ Титовъ, Афросимовъ, Норовъ, Арбеньевъ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ и живописецъ Аргуновъ; главнѣйшая связь и частыя посѣщенія замѣчены изъ нихъ: съ Соболевскимъ, Мещерскимъ, Одоевскимъ и Титовымъ, а особливо съ первымъ, который прѣзжаетъ къ Кирѣвскому почти ежедневно и часто вмѣстѣ выѣзжаютъ изъ дома верхами; изъ сего заключаютъ, что они содержатъ что-либо отъ другихъ въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что и при сѣздахъ прочихъ его посѣтителей онъ, Кирѣвскій, съ Соболевскимъ не рѣдко, отдаляясь отъ нихъ, разговариваютъ одни въ особой комнатѣ; впрочемъ, судя по скромному образу жизни, кроткому нраву, отличному образованію и добротѣ его, Кирѣвскаго, къ своимъ людямъ, можно почти ограничиться во мнѣніи къ дурнымъ его качествамъ; въ отношеніи же занятій его, онъ исключительно прилеженъ къ чтенію сочиненій лучшихъ авторовъ, чѣмъ нерѣдко занимается и по ночамъ долгое время; въ разговорахъ же отрывистыхъ и остроумныхъ примѣтна искра либеральная; однако же, весьма остороженъ, а другихъ уважительныхъ пристрастій въ немъ не видно и выѣздовъ въ публичныя и партикулярныя мѣста кромѣ театра и другой своихъ не имѣетъ.

„Что принадлежитъ до означенныхъ въ предписаніи Вашего Пр—ва А. Кошелева и В. Титова, которые, какъ и выше упомянуто, находятся въ кругу короткихъ знакомыхъ съ Кирѣвскимъ: первый изъ нихъ сынъ полковника Ивана Родионовича, съ начала былъ въ Пажескомъ корпусѣ, въ 1823 году поступилъ въ иностранный архивъ актуаріусомъ; но въ нынѣшнемъ году перешелъ въ иностранную коллегію въ Петербургъ, а второй, равномерно молодой человекъ, служить въ томъ же архивѣ актуаріусомъ—вотъ все то, что только можно было узнать о г-нѣ Кирѣвскомъ и связяхъ знакомства его“ *).

*) Ibidem, № 5.

Въ виду этихъ данныхъ, за всѣми троици было учреждено „наблюденіе“.

12 сентября Волковъ писалъ Бенкендорфу, что „усерднѣйше желалъ бы проникнуть въ таинственную связь“ наблюдаемыхъ, но „истощилъ уже всѣ возможные ему средства и предлоги, изъ которыхъ подъ однимъ, въ видѣ сватовства богатой невѣсты за Кирѣвскаго, сведено знакомство и даже дружество съ его камердинеромъ“, а новаго ничего открыть не удастся, „и тайна его остается въ той же неизвѣстности!“ „А по сему я, заканчивалъ генераль,—покорнѣйше прошу Ваше Пр — во разрѣшить мнѣ: должно ли продолжать надъ Кирѣвскимъ сіе столь деликатное, но въ прочемъ по видимому безъ-успѣшное наблюденіе; или ежели бы по настоящему толикой важности предмету дозволено было мнѣ поступить нѣсколько смѣлѣе, то какія бы въ семъ послѣднемъ случаѣ могъ я употребить мѣры?—Начальственное ваше о семъ разрѣшеніе для меня тѣмъ необходимѣе, что оно будетъ имѣть ол ужить урокомъ и впредь при подобныхъ случаяхъ“ *).

Повидимому, дѣло такъ и кончилось лишь надзоромъ, въ надеждѣ, однако, открыть „таинственную связь“ молодыхъ актуаріусовъ.

Но вотъ возникаетъ снова какая-то таинственность... 10 июня 1828 г. дежурный генераль главнаго штаба, А. Н. Потаповъ (изъ лагеря у Троянова Вала при р. Карасу), секретно сообщаетъ находящемуся тамъ же Бенкендорфу копію съ письма И. В. Кирѣвскаго изъ Москвы, отъ 23 мая 1828 г., къ В. П. Титову въ Петербургъ и увѣдомляетъ, что начальникъ главнаго штаба его величества, ген.-ад. Дибичъ, проситъ обратить вниманіе на письмо, узнать объ упоминаемомъ въ немъ происшествіи и обо всемъ въпослѣдствіи сообщить ему для доклада государю **). Бенкендорфъ отослалъ эту бумагу вмѣстѣ съ письмомъ въ Петербургъ къ Фоку.

Вотъ что писалъ И. В. Кирѣвскій Титову:

„Читать одному Титову и никому не показывать.

„Вотъ что случилось: вчера, т.-е., въ понедѣльникъ, приходитъ Василій Рожалинъ ***)) къ Селивановскому ****)) и отдаетъ ему на имя Погодина письмо, которое проситъ ему доставить чрезъ нѣсколько часовъ. Селивановскій, примѣтя его разстроенный видъ, заблагоразсудилъ отнести оное сію же минуту; письмо распечатали и нашли въ ономъ, что онъ намѣренъ застрѣлиться въ Астанкинъ *****)) и проч., и проч. Погодинъ сію же минуту съ

*) Ibidem, № 8.

**) Ibidem, № 9.

***)) Пріятель Кошелева, Погодина и др.

****)) Московскій типографъ, товарищъ ихъ.

*****)) Имѣніе Останкино.

дуру поскакалъ къ Шульгину *), взялъ у него 18 казаковъ и бросился въ Астанкино, тамъ собралъ сотню—другую рабочихъ и ну искать Василю по всему саду, ищетъ, ищетъ и не находитъ. Въ это время Шевыревъ, узнавъ объ этомъ, отправляется туда же и у самыхъ воротъ находитъ несчастнаго... который цѣлехонекъ отправляется домой. Шевыревъ сажаетъ его на дрожки и везетъ домой. Тогда Погодинъ послѣ тщетныхъ поисковъ возвращается къ себѣ, находитъ тамъ мертвеца и везетъ его (считая сіе въ обязанность) къ Шульгину. Всѣ просятъ его потушить дѣло; но онъ отказывается, говоря, что оно слишкомъ гласно и должно быть рапортовано Голицыну **). Я оію минуту писалъ къ Зинаидѣ ***), чтобы она заступилась и прервала его не доводить до суда.

„Теперь вотъ въ чемъ дѣло: Василій писалъ тому нѣсколько дней къ Николаю ****) что-то, Богъ вѣсть. Не говорить ли онъ о своемъ намѣреніи? Если да, то Николай взбѣленится и поскачетъ сюда, и тогда прощай надежды и путешествіе, и все. Итакъ вамъ слѣдуетъ о семъ дѣлѣ молчать и стараться его спроводить въ Любекъ. Если же онъ узнаетъ о намѣреніи, то показать ему сіе и увѣрить его, что изъ этого ничего не выйдетъ; ибо мы здѣсь все поставимъ верхъ дномъ, а до бѣды не допустимъ. Прощайте, завтра получишь подробное извѣстіе о всѣхъ послѣдствіяхъ“ *****).

7 іюля Фокъ сообщалъ Волкову, что посылаетъ ему письмо Кирѣвскаго, которое „въ разныхъ отношеніяхъ“ требуетъ особеннаго вниманія наблюдательной полиціи, и тѣмъ болѣе, что прописанныя въ ономъ обстоятельства доселѣ не доходили официально до свѣдѣнія правительства, и просить уведомить обо всемъ, что удастся узнать по этому поводу *****). Черезъ недѣлю замѣнявшій Волкова полковникъ Бѣгичевъ доносилъ, что Василій Рожалинъ рѣшилъ застрѣлиться подъ влияніемъ сознанія невозможности отдѣлаться отъ скверныхъ предложеній своей мачихи, не сообщивъ объ этомъ отцу, котораго не хотѣлъ тѣмъ оскорбить; затѣмъ все разказанное Кирѣвскимъ выполнѣ подтверждалось. Шульгинъ посадилъ Рожалина на Тверскую сѣзжую, гдѣ онъ просидѣлъ недѣлю, пока не былъ освобожденъ кн. Голицынымъ *****).

Все это было сообщено Бенкендорфу и Дибичу, и, повидному, дѣло опять-таки кончилось ничѣмъ.

*) Московскій оберъ-полиціймейстеръ.

**) Кн. Д. В. Голицынъ, московскій генераль-губернаторъ.

***) Кн. З. А. Волконская.

****) Николай Рожалинъ собирався ѣхать за границу въ качествѣ репетитора.

*****) Ibid № 9.

*****) Ibidem, № 10.

*****) Ibidem, № 11.

Въ концѣ 1831 года Кирѣвскому было даже дано право на изданіе въ Москвѣ ежемѣсячнаго журнала „Европеецъ“, что, впрочемъ, еще не означало окончанія счетовъ съ III отдѣленіемъ, начатыхъ въ 1827 г.: разрѣшеніе журналовъ лишь съ 1832 года было поставлено въ зависимость отъ справокъ о благонадежности, дававшихся III отдѣленіемъ. До тѣхъ поръ дѣла эти возникали и рѣшались министерствомъ просвѣщенія, которое иногда лишь запрашивало полицію по мѣсту жительства просителя-издателя.

Первый январскій номеръ „Европейца“, заручившагося согласіемъ лучшихъ литературныхъ силъ *), начинался программной статьей И. Кирѣвскаго: „Девятнадцатый вѣкъ“. Принадлежа къ первымъ опытамъ философской конструкціи русской исторіи, она указывала на отрѣшенность русскаго прошлаго отъ общаго хода всемірнаго историческаго развитія, какъ на результатъ недостатка у насъ духовной античной культуры. По мнѣнію будущаго славянофила, намъ необходимо было усвоеніе современнаго ему европейскаго романтическаго религіознаго настроенія, необходимо, какъ непремѣнное условіе нашего всемірно-историческаго будущаго. Мѣсто этой работы Кирѣвскаго въ общемъ ходѣ развитія русской исторической мысли хорошо указано П. Н. Милюковымъ **), и потому я не буду останавливаться на ней въ этомъ отношеніи. Скажу только, что значеніе она имѣла лишь для тѣхъ, кто получилъ возможность прочесть окончаніе ея въ третьей книжкѣ „Европейца“ **). Для тѣхъ она, дѣйствительно, была чисто политической статьей, но и то вовсе не „предосудительнаго“ характера. Для читавшихъ же лишь начало (въ первой книжкѣ) она была совершенно не ясна ***). Тѣ подтасовки словъ, которыя замѣтилъ Николай I, можно сдѣлать, пожалуй, но не слѣдовало, потому что мысль автора была далека отъ сочувствія революціи ****).

Что было вслѣдъ за выходомъ перваго нумера—сказать пока

*) Пушкинъ писалъ Н. М. Языкову 18 ноября 1831 г.: „Поздравляю всю братію съ рожденіемъ „Европейца“. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти“. („Сочиненія“, VII, 444).

**) „Главные течения русской историч. мысли“, т. I. М. 1898 г. 370—374

***) Она, кажется, не была выпущена въ свѣтъ, хотя и получила разрѣшеніе цензуры на каждую изъ своихъ статей. Неполный ея экземпляръ имѣется въ Академіи Наукъ. Во всякомъ случаѣ, если третья книжка и была выпущена, а не только подарена близкимъ друзьямъ издателя, то не раньше начала февраля, т. е., когда уже окончилась вся переписка III отдѣленія. Кромѣ того, въ бумагахъ только и упоминается первый номеръ „Европейца“.

****) Въ № 2-мъ „Девятнадцатый вѣкъ“ не помѣщенъ. Онъ разрѣшенъ цензоромъ 25 января 1832 года.

*****) Да и подтасовки невѣрны. Напримѣръ, власти поставили знакъ равенства между понятіемъ „искусно“ и „искусственно“. У Кирѣвскаго второе, у Бенкендорфа первое.

невозможно. Можно только предполагать, что „Европеец“ попалъ и во дворецъ, куда проникъ черезъ Жуковского, родственника Кирѣевскому, Пушкина и Смирнову—это съ одной стороны. Съ другой—изъ приводимыхъ ниже документовъ ясно, что Жуковский, напримѣръ, зналъ о доносѣ на „Европеецъ“ и, по всей вѣроятности, доносъ Булгарина. Неизвѣстно, что написалъ послѣдній по поводу „Европейца“, но въ „дѣлѣ“ о „Сѣверной Пчелѣ“ есть его письмо отъ 25 января 1830 г. съ приложеніемъ доноса на альманахъ „Денницу“ и именно за статью о немъ Кирѣевского.

Но такъ или иначе, государь прочелъ „Девятнадцатый вѣкъ“...

Я совершенно убѣжденъ, что громъ грянулъ вовсе не изъ-за „Девятнадцатаго вѣка“, а изъ-за статьи „Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ“, гораздо болѣе понятной церберствующей кликѣ и, конечно, очень обидной, „Девятнадцатымъ вѣкомъ“ лишь прикрывались передъ государемъ... Вотъ конецъ этой статьи:

„Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ страстіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно, и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія. Ибо,—не говоря уже объ этомъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный,—большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не ровняется съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаньемъ русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамилій. Эго незнанье языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди русскихъ и образуетъ между ними и коренными жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, рождаютъ между ними общіе интересы, и потому заставляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу, и не условливаясь дѣйствовать за одно. Такъ самое *незнанье языка* служитъ для нихъ *паролемъ*, по которому они узнаютъ другъ друга, а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ ребенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній“ *).

Конечно, это было сугубой дерзостью, когда во главѣ нашего управленія стояли Ливены, Нессельроды, Бенкендорфы, Канкрины et tutti quanti.

5 февраля Бенкендорфъ предписывалъ Волкову „собрать

*) „Европеецъ“ 1832 г., I 140—141.

подъ рукою“ „сколь возможно въ непродолжительномъ времени, для доклада государю императору“, подробныя свѣдѣнія о поведеніи, образѣ жизни и мыслей и о связяхъ Кирѣвскаго, и, „какъ извѣстно, что онъ ѣздилъ за границу, то въ какое именно время, гдѣ и долго ли находился въ чужихъ краяхъ“ *). Повидимому, необходимы были данныя для составленія формальнаго обвинительнаго акта, гдѣ было бы указано на поврежденіе ума и характера Кирѣвскаго, съѣздившаго въ буйную Европу.

Но на слѣдующій же день мысль эта была оставлена, что видно изъ слѣдующаго письма Бенкендорфа кн. Ливену 7 февраля: „Государь императоръ, прочитавъ въ № 1 издаваемого въ Москвѣ Иваномъ *Кирѣвскимъ* журнала подъ названіемъ „Европеецъ“ статью *Девятнадцатый вѣкъ*, изволилъ обратить на оную особое Свое вниманіе. Его Величество изволилъ найти, что всѣ статьи сіи есть ни что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ.—Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное; что подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ свободу, что *дѣятельность разума* означаетъ у него революцію, а *искусно отысканная середина* ни что иное, какъ конституція. Посему Его Величество изволилъ находить, что статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ воспрещено помѣщать что-либо о политикѣ, и какъ, сверхъ того, оная статья, не взирая на ея наивность, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать. Далѣе, въ той же книжкѣ *Европейца* Государь Императоръ изволилъ замѣтить въ статьѣ „Горе отъ ума“ самую неприличную и непристойную выходку на счетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ, въ пропускѣ которой цензура уже совершенно виновна.

„Его Величество о сихъ замѣчаніяхъ Своихъ повелѣлъ мнѣ сообщить Вашей Свѣтлости, съ тѣмъ, чтобы Вы изволили обратить законное взысканіе на цензора, пропустившаго означенную книжку „Европейца“, и дабы изданіе онаго журнала было на будущее время воспрещено, такъ какъ издатель, г. Кирѣвскій, обнаружилъ себя человекомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству угодно, дабы на будущее время не были дозволяемы никакіе новые журналы, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, и дабы при испрашиваніи такого разрѣшенія было представляемо Его Величеству подробное изложеніе предметовъ, долженствующихъ входить въ составъ предполагаемаго журнала, и обстоятельныя свѣдѣнія объ издателѣ“ **).

*) Ibidem, № 13.

**) Ibidem, № 14. Съ ошибками приведено въ статьѣ „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, „Рус. Стар.“, 1903 г., II, 314—315.

Черезъ день, 9 февраля, Бенкендорфъ спѣшилъ сдѣлать Ливену и общія указанія о московской журналистикѣ:

„Разматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы „Телескопъ“ и „Телеграфъ“, издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ ихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духъ весьма недобронамѣренномъ и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя понятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія. О такихъ замѣчаніяхъ я счелъ долгомъ сообщить Вашей Свѣтлости и обратить особенное Ваше вниманіе на невозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся объ исполненіи своихъ обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изъяснить Вашей Свѣтлости мое мнѣніе, что не излишнимъ было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтвержденіе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами“ *).

„Телескопъ“ и московскій „Телеграфъ“ стояли, значить, на очереди...

Отъ генерала Волкова никакихъ свѣдѣній о Кирѣевскомъ больше не поступало, и на этомъ „дѣло“ архива кончается. Но не кончилось дѣло жизни.

Зачисленіе Кирѣевского въ разрядъ неблагонамѣренныхъ и неблагонадежныхъ особенно подѣйствовало на Жуковского, способствовавшаго разрѣшенію журнала. По свидѣтельству А. П. Елагиной, онъ позволилъ себѣ выразиться предъ Николаемъ I, что за Кирѣевского ручается. „А за тебя кто поручится?“—возразилъ государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Императрица Александра Ѳеодоровна употребила свое посредничество. „Ну, пора мириться“, — сказалъ государь, встрѣтивъ Жуковского, и обнялъ его **).

Но Жуковскій не ограничился этимъ. Будучи еще въ 1830 году оклеветанъ Булгаринымъ, онъ зналъ, какъ быстро можно потерять престижъ при дворѣ, благодаря Бенкендорфу, и потому выступилъ съ защитой Кирѣевского, которая была, разумѣется, и самозащитой. Онъ одновременно написалъ письма Николаю I и начальнику III отдѣленія, представляющія большой интересъ для характеристики какъ эпохи, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

*) „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, — „Рус. Стар.“, 1903 г., N, 312—313.

**) Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, IV, 10—11.

Сначала о первомъ письмѣ. Доказавъ полную несостоятельность обвиненій Кирѣвскаго въ желаніи замаскировать философій политикѣ и сказать между строкъ о необходимости конституціи, Жуковскій продолжаетъ: „Не имѣя возможности указать на поступки, обвиняютъ *тайныя намѣренія*. Такое обвиненіе легко, а оправданія противъ него быть не можетъ. Можно отвѣчать: *я не имѣю злыхъ намѣреній*. Кто же повѣритъ на слово? Можно представить въ свидѣтельство непорочную жизнь свою. Но и она уже издалека очернена и подрыта. Что же остается дѣлать честному человѣку, и гдѣ можетъ найти онъ убѣжище? Примѣръ передъ глазами. Кирѣвскій, молодой человѣкъ, чистый совершенно, съ надеждою пріобрѣсти хорошее имя, берется за перо и хочетъ быть авторомъ въ благородномъ значеніи этого слова. И въ первыхъ строкахъ его находятъ *злое намѣреніе*. Кто прочитаетъ эти строки безъ предубѣжденія противъ автора, тотъ, конечно, не найдетъ въ нихъ сего тайнаго злого намѣренія. Но уже этотъ авторъ представленъ Вамъ, какъ человѣкъ безнравственный, и онъ, неизвѣстный лично Вамъ, не имѣетъ средства сказать никому ни одного слова въ свое оправданіе, уже осужденъ передъ верховнымъ судилищемъ, передъ Вашимъ мнѣніемъ.

„На дурные поступки его никто указать не можетъ, ихъ не было и нѣтъ; но уже на первомъ шагѣ дорога его кончена. Для васъ онъ не только чужой, но вредный. Одной благодати Вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказаніе. Но главное несчастіе совершилось: Государь, представитель закона, слѣдственно самъ законъ, наименовалъ его уже виновнымъ. На что же послужили ему двадцать пять лѣтъ непорочной жизни? И на что можетъ вообще служить непорочная жизнь, если она въ минуту можетъ быть опрокинута клеветой?“ *).

Несомнѣнно, устами Жуковскаго говорило все русское общество, и потому это смѣлое письмо имѣетъ существенное значеніе **).

Бенкендорфу Жуковскій писалъ еще рѣзче:

„Если бы прежде совершенія наказанія надъ авторомъ или прежде доведенія до свѣдѣнія государя императора о мнимой винѣ его было потребовано отъ него какое-нибудь объясненіе, то онъ, вѣроятно, нашелъ бы способъ оправдаться: но этого не сдѣлано, и молодой человѣкъ, ни однимъ поступкомъ въ жизни

*) „Рус. Архивъ“, 1896 г., I, 119.

**) О немъ Жуковскій писалъ И. В. Кирѣвскому: „Я уже писалъ къ государю и о твоёмъ журналѣ, и о тебѣ. Сказалъ мнѣніе свое на чистоту. Отвѣта не имѣю и, вѣроятно, не буду имѣть, но что надобно было сказать, то сказано“ (В. Ляковский, „Братья Кирѣвскіе, жизнь и труды ихъ“, Спб., 1899 г., 39).

не заслуживавшій нареканія, объявленъ теперь публично злонамѣреннымъ и подозрительнымъ человекомъ.

„Будучи близкимъ ему свойственникомъ, зная его прекрасныя свойства, зная совершенно всю его жизнь почти отъ колыбели до теперешней минуты, я почелъ себя обязаннымъ дать за него то объясненіе, котораго отъ него не потребовали, и вступиться передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, если не за его журналъ, который уже не существуетъ, то, по крайней мѣрѣ, за честь его, оскорбленную безъ всякаго со стороны его проступка.

„Нѣтъ строки, сколь бы она просто ни была написана, которой бы нельзя было истолковать самымъ гибельнымъ образомъ, если вмѣсто словъ, употребленныхъ авторомъ, выдумать другія и, предположивъ въ авторѣ дурное намѣреніе, заставить его говорить не то, что думалъ онъ, а то, что заставляешь его думать. Нѣтъ молитвы, которая такимъ образомъ не была бы превращена въ богохуленіе.

„Это и сдѣлано со статьею Кирѣвскаго. Думаютъ, что подъ нѣкоторыми выраженіями, имъ употребленными въ статьѣ напечатанной, надобно разумѣть другія, тайныя, дающія онымъ со-
всѣмъ иной и вредный смыслъ. Что же могло заставить это подумать? Кому авторъ открылъ свою тайну? И гдѣ доказательства, что онъ имѣлъ такое намѣреніе?

„... Клеветать на намѣреніе легко и всегда выгодно для клеветника; ибо чѣмъ можно защититься противъ клеветы его? Можно просто сказать: *я не имѣлъ того намѣренія, которое мнѣ приписываютъ*; но кто же повѣритъ на слово и гдѣ взять доказательства? Но и клеветникъ также утверждаетъ свое безъ доказательства, и ему вѣрятъ на слово. Почему же тотъ, кто убиваетъ тайно чужую честь, имѣетъ право на довѣренность; а тотъ, чья честь убита, безъ всякой защиты передъ закономъ, не имѣетъ ни голоса, ни средства защитить свою лучшую драгоценность, доброе имя? Почему слову, произнесенному клеветникомъ безъ доказательства: *онъ злодѣй*—должно вѣрить, а слову, произнесенному обвиненнымъ: *я не злодѣй*—и вѣрить не должно“ *).

Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Бенкендорфъ Жуковскому, и если да, то что отвѣчалъ. Извѣстно лишь, что онъ предложилъ послѣ этого Кирѣвскому дать объясненія, какія тотъ найдетъ необходимыми. Кирѣвскій немедленно обратился къ Бенкендорфу съ особой запиской, которую написалъ ему Чаадаевъ, хорошо знавшій начальника III отдѣленія еще прежде по военной службѣ и частью по масонской ложѣ. Мысли, выраженные въ запискѣ, принадлежать самому Кирѣвскому. Переведенная съ французскаго изъ книги кн. И. С. Гагарина („Oeuvres choisies de Pierre Tchadaief“ (1862 г.), она представляетъ тоже большой интересъ.

*) Ibidem., 114—115

Покоряясь волѣ государя, пріемля его верховный судъ, Кярёвскій проситъ Бенкендорфа выслушать, однако, его и доложить о томъ государю. Далѣе онъ общаетъ изложить „всю совокупность своихъ воззрѣній на тотъ предметъ, котораго онъ лишь коснулся въ своемъ журналѣ“. Тамъ, между прочимъ, говорится:

„Что же касается меня, то вотъ моя мысль полностью. Каково бы ни было дѣйствительное достоинство различныхъ европейскихъ законодательствъ, какъ всѣ соціальныя формы, они представляютъ необходимыя слѣдствія цѣлаго ряда предыдущихъ условий, которымъ мы остались чужды, и поэтому они не могутъ подходить намъ никоимъ образомъ. Больше того: будучи много позади Европы въ нашей цивилизаціи и имѣя еще въ нашихъ собственныхъ учрежденіяхъ множество того, что, очевидно, окончательно несовмѣстимо съ подражаніемъ европейскимъ учрежденіямъ, мы должны думать лишь о томъ, чтобъ извлечь изъ самихъ себя тѣ блага, которыми мы призваны пользоваться современнымъ. Прежде всего мы должны позаботиться о распространѣніи серьезнаго и здраваго (*forte*) классическаго образованія. Оно будетъ заимствовано не съ верхушекъ современной европейской цивилизаціи, но изъ эпохи предшествующей, произведшей все то, что есть дѣйствительно добраго въ современной цивилизаціи. Вотъ первое, чего я желаю для моей родины. Затѣмъ я желаю освобожденія крестьянъ, такъ какъ считаю, что это необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія для насъ и особенно развитія нравственнаго. Считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство ни предпринимало, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей мудрости найдутъ удобными сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они ни были, не можетъ никогда быть соотвѣтственнымъ намѣренію законодателя, если оно будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всевозможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ всякаго рода несправедливостью.

... „Не съ политической, но съ мыслящей Европой хотѣлъ я установить у насъ болѣе тѣсную связь, и это, полагаю, ясно видно изъ перваго выпуска моего журнала. Если бы мнѣ позволено было продолжать, я бы попытался показать моимъ читателямъ, что для насъ нѣтъ иной политики, кромѣ науки, что безъ извѣстныхъ предварительныхъ свѣдѣній самыя мудрыя и благожелательныя мѣры правительства всегда останутся непримѣнными, и наилучшія намѣренія государя всегда будутъ парализованы въ

исполненіи своемъ. Затѣмъ я бы попытался дать имъ понять, что самое главное для насъ это—отдать самимъ себѣ отчетъ о нашемъ социальномъ положеніи, дабы мы знали, въ какомъ положеніи мы находимся по отношенію къ Европѣ; такъ какъ лишь такимъ образомъ мы узнаемъ, что намъ слѣдуетъ заимствовать у нея, что должно оставаться намъ чуждо“ *).

Сказаннаго было довольно, чтобы Бенкендорфъ понялъ, какъ „опасенъ“ былъ Кирѣевскій. Этого убѣжденія не могли поколебать другія мѣста записки, дѣйствительно, пріятныя Бенкендорфу, какъ представителю „порядка“. Кирѣевскій хотѣлъ истиннаго просвѣщенія, какъ начала, кореннымъ образомъ мѣняющаго существующій укладъ жизни; хотѣлъ его въ то время, когда, по прекрасному выраженію Никитенка, — „требовали, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требовали, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли... Требовали отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ механически, но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ“ **). Это-ли не была истинная злонамѣренность и дерзость?! За Кирѣевскимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, а когда, въ 1834 г., состоявшему при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, титулярному совѣтнику Андросову разрѣшено было издавать „Московскій Наблюдатель“ и ходатайство его утверждено государемъ безъ какихъ бы то ни было замѣчаній и ограниченій, издателю сообщили непремѣнное требованіе исключить изъ программы журнала имя Ив. Кирѣевского ***).

Черезъ шесть дней послѣ закрытія „Европейца“ по министерству народнаго просвѣщенія было слѣдано распоряженіе, чтобы при испрашиваніи разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ были представляемы „обстоятельныя свѣдѣнія о способностяхъ издателя и нравственной его благонадежности“ ****).

Въ томъ же 1832 г. московскій цензоръ С. Т. Аксаковъ былъ признанъ Бенкендорфомъ „не имѣющимъ для званія его способностей“ и потому уволенъ отъ должности *****), а извѣстный ненавистникъ „гибельныхъ стремленій Запада“ — В. И. Даль вынесъ крупную передрагу за свои только что изданныя „Русскія сказки казака Владимира Луганскаго“, переполненныя преданностью современному режиму... Въ своемъ донесеніи бывшему въ отъѣздѣ начальнику III отдѣленія Мордвиновъ писалъ: „надѣлала

*) „Рус. Архивъ“, 1896, VIII, 577—578, 579.

**) „Дневникъ“, „Рус. Стар.“, 1889 г., VIII, 270—271.

***). „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, — „Рус. Стар.“, 1903 г., III, 590.

****). „Сборникъ“, 221.

*****). „Рус. Стар.“, 1903 г., II, 315.

у насъ шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая въ продажу. Заглавіе ея: „Русскія сказки казака Луганскаго“. Книжка напечатана самымъ простымъ слогомъ, вполне приспособленнымъ для низшихъ классовъ, для купцовъ, солдатъ и прислуги. Въ ней содержатся насмѣшки надъ правительствомъ (!), жалобы на горестное положеніе солдата и пр. Я принялъ смѣлость поднести ее его величеству, который приказалъ арестовать сочинителя и взять его бумаги для разсмотрѣнія. Я теперь занимаюсь этими бумагами“ *). 27 октября Дала арестовали, но, не найдя въ бумагахъ его ничего сомнительнаго, въ тотъ же день освободили и сказали, что „случай этотъ не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій и вліянія на будущность его, и что хорошая служба его во время возстанія въ Польшѣ его императорскому величеству извѣстна“ **). Черезъ девять лѣтъ, какъ увидимъ дальше, благонамѣреннѣйшій Дала еще разъ столкнулся съ III отдѣленіемъ.

Въ концѣ октября Мордвиновъ писалъ Бенкендорфу: „сегодня утромъ привалъ меня къ себѣ государь и передалъ мнѣ сочиненіе объ императорѣ Александрѣ. Оно запрещено здѣсь и, однако, читается въ городѣ. Его величество поручилъ мнѣ постараться, чтобы тѣ экземпляры, про которые я могу узнать, были изъяты изъ обращенія“ ***).

И, не смотря на всю эту энергичную дѣятельность, находились еще люди, обвинявшіе Бенкендорфа и Ливена въ опасномъ... бездѣйствіи. Подъ 1 января 1833 г. приверженецъ всякаго давленія, — Дивовъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“ : „министерство народнаго просвѣщенія не обладало (въ 1832 г.) достаточной энергіей, чтобы обуздать періодическія изданія, которыя начали печатать извлеченія изъ статей, содержанія самого антимонархическаго и противнаго самодержавію. Тайная полиція съ ея явными и тайными цензорами съ своей стороны дѣйствовала въ семъ важномъ случаѣ весьма вяло. Самъ графъ Бенкендорфъ какъ будто находился подъ обаяніемъ этихъ писакъ; можно опасаться послѣдствій этой небрежности“ ****). Ознакомившись съ личностью самого Дивова, съ занимаемымъ имъ служебнымъ положеніемъ и съ его дневникомъ, можно категорически утверждать, что онъ высказалъ здѣсь не только свое мнѣніе, а мнѣніе значительной части тогдашней бюрократіи... Да, она находила русскую прессу распушенной и

*) „Рус. Архивъ“, 1886, XI, 412.

**) В. Дала. „Автобіографическая записка“—„Рус. Стар.“ 1878 г., V, 183 и дѣло архива III. Отд. с. е. и. в. к. № 69, 5 эксп., 1833 г.

****) „Рус. Арх.“, 1886 г., XI, 411. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ объ уставной грамотѣ, напечатанной въ Варшавѣ, съ предисловіемъ Андрея Городискаго, въ 1831 г. Объ уничтоженіи и изыятіи ея изъ обращенія рассказано во II томѣ книги Шильдера о Николаѣ I, стр. 390—391.

*****) П. Г. Дивовъ, „Дневникъ“, „Рус. Стар.“, 1900 г., IV, 128—129.

являлась, такимъ образомъ, plus royaliste, que le roi: 10 ноября Бенкендорфъ „за отличныя заслуги государю и отечеству“ былъ введенъ въ графское руссiйской имперiи достоинство, которое по его просьбѣ, въ виду неимѣнія сыновей, было распространено на его родного племянника. Девизомъ герба Николай I избралъ „Per-sévérance“...

XII.

Въ практикѣ III отдѣленія 1833 годъ ничѣмъ не отмѣченъ, но самъ по себѣ для литературы имѣлъ важное значеніе: 21 марта кн. Ливена смѣнилъ С. С. Уваровъ, основатель или, вѣрнѣе—первый теоретикъ всей тогдашней системы, символы которой: православіе, самодержавіе и народность—заслуженно были даны ему девизомъ жалованнаго графскаго герба. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности новый „просвѣщенный“ министръ обратился къ цензурнымъ комитетамъ съ слѣдующимъ замѣчательнымъ циркуляромъ: „нахожу нужнымъ поставить цензурнымъ комитетамъ на видъ, чтобъ въ дѣйствіяхъ своихъ они неуклонно слѣдовали какъ высочайше утвержденному уставу о цензурѣ, такъ и всѣмъ предписаніямъ и распоряженіямъ, которыя даны послѣ обнародованія устава. На издаваемые у насъ книги и преимущественно на повременныя сочиненія буду я обращать постоянное вниманіе. Я желаю, чтобы не только по содержанію и духу своему сіи изданія не заключали въ себѣ ничего несообразнаго съ цензурными правилами, но *чтобъ тонъ оныхъ и изложеніе соответствовали, по возможности, требованіямъ приличія и благопристойности, дабы возвысить и облагородить сію отрасль нашей словесности*“ *).

Этого одного было бы уже достаточно, чтобы сказать съ увѣренностью о возрожденіи дней Шишкова, ставившаго въ обязанность цензурѣ улучшеніе „словесности руссiйской“. Вокорѣ Уварову пришлось высказаться и по поводу нѣсколькихъ ходатайствъ о разрѣшеніи дешевыхъ періодическихъ изданій. По этому очень важному именно въ Россіи вопросу министр полагалъ, что „дешевыя повременныя изданія тѣмъ неумѣстнѣе нынѣ, что вкусъ къ чтенію и, вообще, литературная дѣятельность, которые прежде заключались въ границахъ сословій высшихъ, именно въ настоящее время перешли въ средніе классы и предѣлы свои распространяютъ *даже* далѣе. Впрочемъ, независимо отъ этой политической несовмѣстности дешевой литературы для народа, она не только не приноситъ существенной пользы истин-

---

*) „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“, „Рус. Стар.“, 1903 г., III, 572—573.

нымъ успѣхамъ ума и просвѣщенія, но, напротивъ того, скорѣе служить препятствіемъ онымъ; во вредъ этой литературы сознаются благомыслящіе люди даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она возникла и утвердилась; ибо легкое приобритеніе неполныхъ свѣдѣній о многихъ предметахъ отклоняетъ отъ изученій основательныхъ и распространяетъ поверхностныя познанія, а, слѣдовательно, и весь вредъ оныхъ. По симъ соображеніямъ главное управленіе цензуры было убѣждено и выгодами государственными, и выгодами самого просвѣщенія въ необходимости отклонить введеніе у насъ дешевыхъ престонародныхъ журналовъ“ *).

Вотъ кто являлся во главѣ органа, направлявшаго духовную жизнь русскаго общества... Могъ ли его союзъ съ III отдѣленіемъ не пугать печать?

Въ 1834 г. погибъ навсегда „Московскій Телеграфъ“ Н. А. Полевого. Исторія его гибели была уже не разъ рассказана съ большими или меньшими подробностями, и потому я не буду на ней останавливаться, тѣмъ болѣе, что съ III отдѣленіемъ она не находится въ тѣсной связи **).

Но оставляя въ сторонѣ обстоятельства закрытія „Московского Телеграфа“, я считаю безусловно необходимымъ ознакомить читателя прежде всего съ одной статьей „Телеграфа“, о которой всѣистики литературы и біографы Полевого не упоминали. А она весьма характерна, особенно въ связи со всѣмъ тѣмъ, что читатель узнаетъ изъ настоящей моей работы.

Это—„Біографія“ начальника 2 (московскаго) округа корпуса жандармовъ, генерала Волкова, о которомъ у насъ уже упоминалось. Сей старательно жандармствовавшій ссратникъ Бенкендорфа умеръ въ срединѣ іюня 1833 года, и сразу же въ іюньской книжкѣ „Телеграфа“ появляется обширная по тогдашнимъ размѣрамъ статья за подписью А. Б. „Древняя столица наша оплакиваетъ кончину преданнаго, вѣрнаго государева слуги и добраго человѣка!“—такъ начиналась статья невѣстнаго автора. Конецъ же ея былъ, повидимому, предназначенъ для убѣжденія властей въ полной благонамѣренности издателя журнала. Вотъ онъ: „Россію часто упрекаютъ въ невѣжествѣ и даже варварствѣ. Всѣ государства слѣдуютъ быстрыми шагами направлению вѣка; всѣ народы поднимаются къ совершенству; русскіе одни чуждаются просвѣщенія, оставаясь неподвижными на азіатской своей границѣ“... Таковы риторическія фигуры, введенныя въ моду европейскими либералами и безпрестанно ими

*) Ibidem., 586.

**) См. *И. Ивановъ*—„Исторія русской критики“, ч. I—II, Спб., 1898; *М. Сухомяиновъ*—„Исслѣдованія и статьи по рус. литературѣ и просвѣщенію“, т. II, Спб., 1889; *Кс. Полевой*—„Записки“, Спб., 1888 г.; *Н. Д.*—„Н. А. Полевой“—„Рус. Стар.“, 1903 г., II; „Цензура въ царствованіе импер. Николая I“—„Рус. Стар.“, 1903 г., III.

повторяемыя, не только въ разговорахъ, но и въ сочиненіяхъ ихъ; но русскіе столь же равнодушны къ упрекамъ, какъ и къ совѣтамъ новыхъ мудрецовъ и преобразователей народовъ... Оставьте русскихъ въ счастливомъ ихъ заблужденіи... Русскіе сохраняютъ теплую вѣру своихъ предковъ; русскіе храмы свои посвящаютъ Единому Богу, а не тлѣннымъ тварямъ, могуществомъ его сотвореннымъ“ *)...

При свѣтѣ этой статьи, очень поправившейся Бенкендорфу, еще яснѣе позднѣйшее его заступничество за Полевого передъ Уваровымъ.

Теперь я хочу набросать нѣсколько черточекъ дальнѣйшей біографіи Полевого, находившагося до самой смерти въ добрыхъ отношеніяхъ съ III отдѣленіемъ.

И важно это потому, что, будучи въ свое время передовымъ человекомъ, Полевой является хорошей иллюстраціей силы III отдѣленія...

Въ архивѣ III отдѣленія есть очень любопытное дѣло „по запискѣ литератора Николая Полевого о желаніи его писать исторію Петра Великаго“. Не пользуясь достаточнымъ мѣстомъ, я не могу привести весьма характерную для опустившагося Полевого записку его, гдѣ онъ Николая I-го уподобляетъ Петру Великому... Документъ этотъ производитъ гнетущее впечатлѣніе. [Вполнѣ ясенъ образъ сломленнаго жизнью человека, готоваго ползати и пресмыкаться у ногъ тѣхъ людей, которыхъ еще такъ недавно онъ молчаливо презиралъ... Государь не разрѣшилъ Полевому занятій въ государственныхъ архивахъ, не желая допускать туда кого бы то ни было, кромѣ Пушкина. Довода о неудачѣ ходатайства до свѣдѣнія Полевого, Бенкендорфъ въ очень ласковыхъ выраженіяхъ отдавалъ должное его „просвѣщенному уму“ и „глубокимъ познаніямъ“ и добавлялъ: „Впрочемъ, если бы при исполненіи Вашего намѣренія, представилась Вамъ надобность имѣть то или другое свѣдѣніе отдѣльно, — то въ такомъ случаѣ я покорнѣйше Васъ прошу относиться ко мнѣ и быть увѣреннымъ, что Вы всегда найдете меня готовымъ Вамъ содѣйствовать,—и вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно увѣренъ, что и Государь Императоръ, всегда покровительствующій благимъ начинаніямъ, изъявитъ согласіе на доставленіе Вамъ тѣхъ свѣдѣній, какія Вы признаете для себя необходимыми“ **).

Уваровъ наложилъ на Полевого страшное для литератора наказаніе: не смѣть подписывать нигдѣ своего имени, и этимъ давалъ, конечно, цензурѣ *carte blanche* во всевозможномъ притѣсненіи, а Бенкендорфъ, пользуясь оружіемъ Уварова же, установилъ порядокъ цензурованія статей Полевого въ III отдѣленіи,

*) „Московскій Телеграфъ“ 1833 г. № 12, июнь, 517—533.

**) Дѣло, № 55, 2 экспед., 1836 г.

о чемъ самъ Н. А. отзывался одобрительно *). Къ этому же времени относится слѣдующій разсказъ Кс. А. Полевого.

„Императоръ Николай часто посѣщалъ Москву, и его почти всегда сопровождалъ гр. А. Х. Бенкендорфъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ графъ спросилъ у состоявшаго при его канцеляріи чиновника, занимавшаго въ Москвѣ должность цензора періодическихъ изданій: „А что подѣлываетъ Полевой? какъ живетъ онъ?“ Надобно замѣтить, что чиновникъ былъ за много лѣтъ прежде знакомъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ, но въ описываемое мною время они почти не видались. На вопросъ графа онъ отвѣчалъ: „Полевой завѣдываетъ редакціей небольшого періодическаго изданія „Живописное Обзоріе“ и пишетъ тамъ прекрасныя статьи“. Бывшій при этомъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ свиты Е. Величества, Л. М. Цынскій, прибавилъ съ своей стороны, что онъ, по обязанности наблюдая за всѣми поступками Н. А. П., не можетъ сказать о немъ ничего, кромѣ добраго: Полевой живетъ тихо, скромно, трудится и рѣдко показывается въ обществѣ. „А что же это за журналъ, котораго редакторомъ Полевой“ **)? спросилъ графъ Бенкендорфъ у своего чиновника. Тотъ вынулъ изъ своего портфеля листки „Живописнаго Обзорія“ и, представляя ихъ графу, сказалъ: „Вотъ изданіе Полевого. Прошу ваше сіятельство обратить вниманіе на статью „Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ“, и вы согласитесь со мною, что нельзя писать благонамѣреннѣе и лучше“. Графъ пробѣжалъ указанную ему статью, и она произвела на него такое благопріятное впечатлѣніе, что онъ воскликнулъ: „Я сейчасъ представлю это Государю Императору!“ И съ листкомъ въ рукѣ онъ ушелъ во внутреннія комнаты дворца, а черезъ нѣсколько времени возвратился съ веселымъ лицомъ и сказалъ своему чиновнику: „Государь Императоръ чрезвычайно доволенъ статьею о Петрѣ Великомъ и поручилъ мнѣ изъяснить свое благоволеніе за нее автору. Отправьте сейчасъ же фельдъегеря съ приказаніемъ къ Полевому, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ. Надобно порадовать его!“ ***)

Вскорѣ Бенкендорфъ устроилъ такъ, что Николай I посѣтилъ первое представленіе только что написаннаго Полевымъ „Дѣдушки русскаго флота“ и лично одобрилъ къ представленію „Парашу Сибирячку“, окончательно порвавшую отношенія между своимъ авторомъ и Герценомъ, Вѣлинскимъ и другими. Вотъ что писалъ Н. А. своему брату: „Вчера графъ А. Х. позвалъ меня къ себѣ.—„Государь благодаритъ васъ; велѣлъ сказать вамъ, что

*) „Дневникъ Н. А. Полевого“—„Истор. Вѣстн.“, 1888 г., III, IV.

**) Этотъ вопросъ указываетъ, что III отдѣленіе не учреждало за Полевымъ ни секретнаго, ни явнаго надзора, иначе оно, конечно, знало бы о его скрытомъ редактированіи органа.

***) „Записки“, 359—360.

онъ никогда не сомнѣвался въ необыкновенныхъ дарованіяхъ вашихъ, но не предполагалъ въ васъ такого сценическаго искусства. Онъ проситъ васъ, приказываетъ вамъ писать для театра. Давайте мнѣ все, что вы напишете, Государь самъ будетъ все читать"... Такъ и множество другого лестнаго говорилъ мнѣ графъ А. Х., обнялъ, расцѣловалъ меня и потомъ вручилъ мнѣ богатый брилліантовый перстень (его цѣннѣе около 2,500 руб.)" *).

Кромѣ перстня, здѣсь важно обратить вниманіе на подчиненіе писателя-Полевого цензурно-государю: это значительно умѣряло ретивость Уварова и сдѣлано было, разумѣется, не безъ совѣта Бенкендорфа...

Очевидно, послѣ всего этого Полевой могъ сказать, что „полиція обходится съ нимъ, какъ министръ просвѣщенія, а дѣйствительный министръ просвѣщенія, какъ полиція“ **).

Въ январѣ 1841 г. Полевой, благодаря главному начальнику III отдѣленія, получилъ уже совершенно откровенную субсидію. Бенкендорфъ извѣщалъ его: „Государь Императоръ, узнавъ о болѣзненномъ положеніи Вашемъ и о нѣкоторой степени нужды, въ которой Вы находитесь, Всеимостивѣйше повелѣтъ соизволилъ немедленно выдать Вамъ *дѣтъ тысячи* руб. ассигн. въ единовременное вспомошествованіе“ ***).

Въ „дневникѣ“ Полевого, писанномъ, по словачъ его сына, вовсе не для печати и, вообще, не для чужихъ глазъ, есть еще и другіе факты. Въ концѣ 1843 г. онъ страшно нуждался и былъ положительно близокъ къ полному разоренію. И вотъ, подъ 14 ноября Полевой записываетъ: „Рѣшился послать Наташу къ Л. В. ****) просить 500 рублей“. Пятьсотъ рублей въ тотъ же день были присланы *****).

Каждому ясно, что Полевому приходилось оплачивать Бенкендорфу за всѣ его милости, но, конечно, не деньгами, а тѣмъ, что всего дороже честному писателю,—свободой своего слова. Братъ его въ своихъ „Запискахъ“ прямо говоритъ, что „Бенкендорфъ не одинъ разъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, призывалъ его къ себѣ, разсуждалъ съ нимъ очень любезно о разныхъ предметахъ, поручалъ составлять статьи о пребываніи государя въ Москвѣ“ *****). Извѣстно также, что въ одинъ пріѣздъ государя въ Москву Полевой былъ призванъ Бенкендорфомъ и ему поручено было составить заочно статью о пребываніи го-

*) Ibidem., 446.

**) Ibidem., 361.

***) Дѣло № 110, 2 эксп. 1841 г.

****) Л. В. Дубельтъ—извѣстный сотрудникъ Бенкендорфа, въ это время—управляющій III отдѣленіемъ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ. О немъ поговоримъ ниже.

*****) „Истор. Вѣстн.“, 1888 г., IV, 183.

*****) „Записки“, 384.

сударя въ Нижнемъ-Новгородѣ. Посланная въ „Московскія Вѣдомости“ нарочно для отвода глазъ редакціи изъ Нижняго, она была напечатана *)...

Объ отношеніяхъ III отдѣленія къ Полевому послѣ смерти Бенкендорфа (1844 г.) скажемъ дальше.

XIII.

Подобно 1833 году, 1835-ый не ознаменовался ничѣмъ; подобно 1834-му, 1836-ый принесъ гибель второго московскаго журнала—„Телескопъ“. Интересующихся этимъ журналомъ, его издателемъ, Надеждинымъ, и авторомъ преступной статьи—Чаадаевымъ, отсылаю къ своей статьѣ: „Чаадаевъ и Надеждинъ“ въ IX—XII книжкѣ „Міра Божьяго“ за текущій годъ.

Изъ другихъ шаговъ III отдѣленія за 1836 годъ упомяну о двухъ.

20 апрѣля Уваровъ, въ виду отношенія Бенкендорфа, приказалъ: „не должно быть пропускаемо цензурою ни одного произведенія кого-либо изъ чиновниковъ жандармскаго корпуса, лейбъ-гв. Кавказско-горскаго полуэскадрона и соб. конвоя Государя Императора, безъ предварительнаго разрѣшенія шефа жандармовъ или начальника его штаба“ **).

Извѣстный мракобѣсъ Магницкій написалъ книгу: „Наставительный отрывокъ изъ современной исторіи Западной Европы, открывающій истинную причину бѣдствій, ее терзающихъ, для предостереженія молодыхъ людей и умовъ, еще не зараженныхъ инородною холерою духа времени“. Бенкендорфъ рѣшилъ, что въ этомъ сочиненіи говорится о предметахъ, которыхъ молодежи полезнѣе не знать вовсе, и что она, читая это благонамѣренное сочиненіе, найдетъ въ немъ изложеніе такихъ вредныхъ мнѣній, о которыхъ до того времени оставалась, можетъ быть, въ совершенной неизвѣстности. Книга не была напечатана ***).

Въ № 240 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ была напечатана статья о покушеніи на жизнь французскаго короля. Бенкендорфъ немедленно сообщилъ Уварову, что находитъ „неприличнымъ помѣщеніе подобныхъ извѣстій въ вѣдомостяхъ, особенно правительствомъ издаваемыхъ, которыя расходятся въ столь большомъ количествѣ между среднимъ классомъ людей“, и просилъ принять мѣры къ предупрежденію печатанія такихъ „статей, которыя, не принося никакой пользы, могутъ быть вредны въ своихъ послѣдствіяхъ“ ****).

*) „Рус. Стар.“, 1892 г., V, 237.

**) „Сборникъ“, 227.

***) „М. Л. Магницкій въ 1812—1844 г.“—„Рус. Стар.“, 1875 г. XII, 647.

****) Цензура въ царствованіе импер. Николая I, „Рус. Стар.“, 1903 г., IV, 166.

Довольно интересное дѣло возникло послѣ пожара Зимняго дворца. Въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, кн. Д. В. Голицына, служилъ нѣкій Стромилловъ, обладавшій значительнымъ сатирическимъ талантомъ, т. е. той стороной духовной дѣятельности, которая совершенно не признавалась возможной въ описываемую мною эпоху. Въ пожарѣ обвиняли неосмотрительнаго министра двора кн. Волконскаго. Стромилловъ написалъ по этому случаю басню, начинавшуюся такъ:

*Волъ, конской сбруею украшенный,
Стоялъ и т. п.*

По отзыву Погодина, сатира была очень злая и мѣткая. Черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ сообщилъ кн. Голицыну особое повелѣніе отыскать автора, заковать его и доставить въ Петропавловскую крѣпость. Князь зналъ автора. Онъ призвалъ Стромилова и показалъ ему грозную бумагу. „Вотъ,—сказалъ князь,—Богъ даетъ вамъ, молодымъ, таланты, а вы обращаете ихъ себѣ во вредъ! Пиши на меня, а это... не тронь. Ну, что если я тебя пошлю? Ты погибь и изъ-за чего?—изъ-за краснаго словца! Ступай сейчасъ домой, у тебя, вѣрно, есть еще что запрещенное, уничтожь; могутъ накрыть жандармы, тогда и я не спасу, ступай скорѣй!“ Тѣмъ все и кончилось. III отдѣленію было сообщено, что автора найти не могутъ *).

Этотъ инцидентъ очень характеренъ: даже такіе люди, какъ кн. Голицынъ, въ общемъ несомнѣнные приверженцы существовавшего режима, понимали истинную роль III отдѣленія и, рискуя собственнымъ спокойствіемъ, спасали отъ него обвиняемыхъ.

XIV.

Прежде, чѣмъ продолжать строго хронологическое изложеніе, я познакомя читателя съ фігурой генерала Леонтія Васильевича Дубельта, который становился все замѣтнѣе и грознѣе.

Въ 1807 г. четырнадцатилѣтній Дубельтъ былъ произведенъ въ прапорщики Псковскаго пѣхотнаго полка. Въ двадцатыхъ годахъ онъ былъ членомъ двухъ масонскихъ ложъ и, если вѣрить Гречу, считался „однимъ изъ первыхъ крикуновъ-либераловъ въ Южной арміи“. Когда арестовали участниковъ мятежа на Сенатской площади, всѣ, по словамъ Греча, спрашивали: „что же не берутъ Дубельта?“ *). Въ 1829 г., будучи уже командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, онъ вышелъ въ отставку по недоразумѣніямъ съ начальникомъ дивизіи, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ жандармскій корпусъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ и уже не

*) „Свѣтл. кн. Д. В. Голицынъ въ 1820—43 гг.“, — „Рус. Стар.“, 1889 г., VII.

**) „Записки“, 380.

равоставался съ Бенкендорфомъ. Коротко, но очень ярко обрисовывалъ его Герценъ: „Дубельтъ—лицо оригинальное; онъ навѣрно умнѣе всего третьяго и воѣхъ трехъ отдѣленій собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, отгнѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу ясно свидѣтельствовали, — что много страстей боролось въ этой груди, прежде чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ, или лучше—накрылъ все, что тамъ было. Черты его имѣли что-то волчье и даже львье, т. е. выражали тонкую омышленность хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ всегда утихъ“ *).

Если эту оцѣнку признать даже небезпристрастной, то вѣрность ея устанавливается тотчасъ по сравненію съ другой, отдѣланной человѣкомъ, могшимъ оцѣнить Дубельта иначе, благодаря диаметрально противоположнымъ съ Герценомъ мировоззрѣніямъ. Я говорю о П. Каратыгинѣ. „Это была,—пишетъ онъ, конечно, со словъ своего отца, — замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, проворливый, умный и отнюдь не злой души человѣкъ, онъ, по должности, имъ занимаемой, и отчасти по наружности, былъ предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга. Его худощавое лицо, съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье. Ироническая усмѣшка и язвительность при разговорѣ съ допрашиваемымъ пугали; но для литераторовъ, артистовъ, художниковъ и, вообще, мирныхъ гражданъ Л. В. былъ человѣкъ пріятливый, ласковый и обязательный“ **). По словамъ Костомарова, Дубельтъ—выражаясь нерѣдко въ высшей степени мягко и все приговаривая: „мой добрый другъ“, „ловко цитировалъ въ подтвержденіе своихъ словъ мѣста изъ священнаго писанія, въ которомъ былъ, повидимому, очень свѣдущъ, и искусно ловилъ на словахъ“ ***).

Не мудрено, что Достоевскій, видѣвшій Дубельта на допросахъ по дѣлу петрашевцевъ, называлъ его „препріятнымъ человѣкомъ“ ****). Дубельтъ, дѣйствительно, умѣлъ обворожить словами...

Какой ужасъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалъ этотъ приснопамятный человѣкъ людямъ, имѣвшимъ возможность чувствовать себя внѣ сферы его специфическаго вліянія, можно видѣть изъ разсказа В. А. Кокорева. Когда онъ, по совѣту одного пріятеля, отправился нанести визитъ всесильному генералу, не разъ уже о немъ спрашивавшему, какъ о новомъ петербургскомъ откупщикѣ, то только молилъ Бога поскорѣе вернуться домой.

*) „Былое и думы“, 1879, ч. IV, 172.

**) „Бенкендорфъ и Дубельтъ“—„Истор. Вѣстн.“, 1887 г., X, 174.

***) Н. И. Костомаровъ, „Автобіографія“—„Рус. Мысль“ 1885 г. V, 127.

****) А. П. Миллюковъ, — „О. М. Достоевскій“, — „Рус. Стар.“ 1881 г., III, 606.

Лиса-Дубельтъ принимаетъ его отменно ласково, угощаетъ сигарой, спрашиваетъ о дѣлахъ, расточается въ любезностяхъ и на прощанье спрашиваетъ: „Ну, что, г. Кокоревъ, подъ какими впечатлѣніемъ вы отъ меня уходите?“ — „Уваженіе къ вашему превосходительству обязываетъ меня говорить откровенно“... — „Ну, что же?“ — „Вы изволите бывать на представленіяхъ Зама? Въ клѣтку льва входитъ Замъ, гладитъ по гривѣ царя звѣрей, и публика съ замираніемъ любитъся этимъ зрѣлищемъ. Но каково бѣдному Заму? Конечно, онъ про себя только и думаетъ: „унеси Богъ поскорѣе!“ *)

Свирѣпость Дубельта въ связи съ наружной учтивостью и обходительностью дала ему въ петербургскомъ обществѣ прозвище *le général Double* — „лукавый генералъ“ **). Почему благодѣтелямъ нѣмъ Полевой, Гречъ и др. называли его „человѣкомъ, какихъ немного“ — ясно. Ясно и то, что дало Жуковскому поводъ сказать о Дубельтѣ:

„Быть можетъ, онъ не всѣмъ угоденъ.
Вѣдь это общій нашъ удѣлъ.
Но добръ онъ, честенъ, благороденъ,
Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ“ ***)

„Лукавый генералъ“ былъ натура не совсѣмъ обыкновенная. Очевидно, тамъ, внутри, у него было что-то, что, прикрытое мундиромъ, осталось, можетъ быть, неизвѣстнымъ современникамъ и потомству. Чѣмъ иначе объяснить такую, напримѣръ, мелочь: выдавая вознагражденіе своимъ агентамъ, Дубельтъ всегда придерживался цифръ кратныхъ 3-мъ; „въ память тридцати серебрянниковъ!“ пояснялъ онъ, шутя, въ кругу короткихъ знакомыхъ ****). И, выдавая плату за доносъ, Дубельтъ пощечинами иногда училъ шпионовъ, промышлявшихъ клеветой... *****). Изъ писемъ его къ женѣ видно, что онъ рыдалъ, глядя на картину Брюллова, изображающую распятіе Спасителя *****). Все это подтверждаетъ справедливость предположенія о бурѣ страстей, одѣланнаго Герценомъ, тѣмъ Герценомъ, котораго Дубельтъ называлъ „мерзавцемъ“ и для котораго не зналъ въ своихъ громадныхъ лѣсахъ такого „гадкаго дерева, на которомъ бы его повѣсить“ *****).

Бенкендорфа Дубельтъ ставилъ очень высоко, говоря: это — „человѣкъ ангельской доброты“. Когда его патронъ уѣзжалъ за

*) „Рус. Арх.“, 1892 г., VIII, 491.

**) *Кн. Н. С. Голицынъ*, „Два событія изъ моей жизни“ — „Рус. Стар.“, 1890 г., XI, 378.

***) *Е. Дубельтъ*, „Л. В. Дубельтъ“ — „Рус. Стар.“, 1888 г., XI, 497.

****) „Истор. Вѣстн.“, 1887 г., X, 172.

*****) *Жеденовъ*, „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“ — „Рус. Стар.“, 1890 г., VII, 299.

*****) „Рус. Стар.“, 1888 г., XI, 510—511.

*****) *И. В. Селивановъ*, „Записки“, „Рус. Стар.“, 1880 г., VI, 309.

границу, Дубельтъ плакалъ, а женѣ писалъ: „ты знаешь, душенька, какъ я люблю моего графа, и Богъ видитъ, что за каждый годъ его жизни я отдаю бы годъ своей“. У Герцена есть описаніе одной весьма характерной сцены въ приемной Бенкендорфа.

Къ послѣднему пришелъ представиться какой-то генералъ передъ отъѣздомъ своимъ на войну. Его встрѣтилъ Л. В. „Дубельтъ, выслушалъ съ религіознымъ вниманіемъ эту рѣчь и, наклонясь нѣсколько въ знакъ уваженія, вышелъ и черезъ минуту возвратился.

„Графъ, — сказалъ онъ генералу — искренно жаль, что не имѣетъ времени принять в. пр-во. Онъ васъ благодаритъ и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути. — При этомъ Дубельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами“ *).

Злые языки говорили, что le général Double, будучи самъ весьма и весьма порядочнымъ ловеласомъ, принималъ иногда интимныя порученія и своего „графа“. Бенкендорфъ цѣнилъ безпредѣльную преданность „своей правой руки“ — по его собственному выраженію, и „своей головы“ — по мнѣнію современниковъ. Когда Николай I зналъ Дубельта еще очень мало, онъ повѣрилъ какой-то на него жалобѣ и сказалъ о своемъ неудовольствіи графу. Дубельтъ просилъ довести до свѣдѣнія государя о желаніи подать въ отставку. „На слѣдующій день графъ, окончивъ высочайшій докладъ, доложилъ его величеству заявленіе Дубельта и, держа въ рукахъ двѣ бумаги, положилъ одну изъ нихъ на столъ, при словахъ, — „то не угодно ли будетъ вамъ подписать его отставку“. На вопросъ же государя о содержаніи другой бумаги графъ отвѣтилъ: „а это моя отставка, если вы ту подпишете“ **)... Очень скоро государь уже говорилъ, что ни у кого нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить Дубельта. Впрочемъ, о честности мнѣнія крайне разнорѣчивы, и пока нѣтъ данныхъ категорически присоединиться къ одному изъ нихъ.

Въ 1837 г. Дубельтъ былъ уже начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, т. е. столь же приближеннымъ къ Бенкендорфу чело-вѣкъ, какъ и директоръ канцеляріи III отдѣленія, А. Н. Мордвиновъ; даже больше, потому что извѣстно довольно много случаевъ, когда дѣлами III отдѣленія распорядился не фактическій директоръ канцеляріи, а лукавый генералъ-маіоръ. Это знали и иногда обращались прямо къ начальнику штабу съ дѣлами, вовсе его, въ сущности, не касавшимися.

Такъ, въ 1837 г. поступилъ А. А. Краевскій, представивъ рукопись Жуковского для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ не въ цензуру, даже не въ III отдѣленіе, а просто

*) „Былое и думы“, 1879 г., ч. IV, 177.

**) „Рус. Стар.“, 1888 г., XI, 492—493.

Дубельту черезъ М. М. Попова. Это были „Черты исторіи государства російскаго“, т. е. плодъ дѣятельности Жуковского, какъ наставника цесаревича Александра Николаевича.

5 сентября Дубельтъ писалъ Попову:

„Я ничего не читалъ прекраснѣе этой статьи и прошу васъ, родной мой Михаилъ Максимовичъ, принять на себя трудъ поблагодарить г-на Краевскаго за доставленіе мнѣ удовольствія прочесть новый прекрасный трудъ Жуковского. Поблагодарите его и за оказываемую мнѣ довѣренность, за которую я долженъ отплатить ему откровенностью.

„Статья безусловно прекрасна, но будетъ ли существенная польза, ежели ее напечатаютъ? Вопросъ этотъ дѣлаю по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чтобы видѣть всю красоту и пользу этого сочиненія, нужно знать твердо исторію государства Російскаго; а какъ, къ несчастію, немногіе у насъ ее знаютъ,—то статья эта для немногихъ будетъ понятна. Во-вторыхъ, она оканчивается первымъ нашествіемъ Батыя. Вѣдь тутъ можно сказать: по усамъ текло, въ ротъ не попало! Второй набѣгъ этого татарина, еще болѣе ужасный, когда, послѣ паденія Кіева, состояніе Россіи было самое бѣдственное, когда живые завидовали упокойствію мертвыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, когда Ярославъ, изъ любви къ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной гробовъ и развалинъ, долженъ былъ ѣхать въ станъ Батыевъ, а сына своего послать къ Октаю,—и далѣе отъ этого ужаснаго времени до начала освобожденія нашего отечества, когда ратныя дѣйствія россіянъ начинаются противъ моголовъ, когда побѣды наши прославили берега Непрядвы и поле Куликово—сочинитель статьи останавливается и, описавъ темныя времена быта Россіи, не хочетъ говорить о ея свѣтломъ времени,—жалъ!

„Теперь два слова о 39-ой, 40, 40², 41, 48² и 49² страницахъ. Не думаю, чтобы подобныя разсужденія цензура дозволила напечатать—и не советую представлять въ цензуру статью съ этими разсужденіями,—они не ведутъ къ добру. Въ моихъ понятіяхъ царь есть отецъ, подданные—его дѣти, а дѣти никогда не должны разсуждать о своихъ родителяхъ—иначе у насъ будетъ Франція, поганая Франція.

„Вотъ, мой другъ, мое мнѣніе,—браните или хвалите меня, какъ вамъ угодно, я не менѣе буду благодаренъ г-ну Краевскому и за доставленное мнѣ удовольствіе, и за его ко мнѣ довѣренность“ *).

Это писемо удивительно точно и ярко рисуетъ „лукаваго

---

*) „Рус. Старина“, 1903 г., XII, 596. Перу Дубельта принадлежитъ анонимная статья объ императрицѣ Елизаветѣ въ № 5 „Литер. Прибав. къ Рус. Инв.“ за 1831 г.

генерала“, того le général Double, который отличался необыкновеннымъ умѣньемъ нѣжно, съ ангельской кротостью и родительскимъ попеченіемъ посадить человека на колъ.

Но не менѣе характерно и письмо М. М. Попова къ Краевскому, которому онъ посылалъ и вышеприведенное:

„Изъ посылаемой записки Л. В. вы изволите увидѣть, сколько онъ благодаренъ вамъ за вашу довѣренность къ нему. Удовольствіе его, по прочтеніи статьи Жуковскаго, было такъ велико, какъ милы и добродушны строчки, которыя онъ набросалъ. Вотъ писатель и вотъ критикъ: одинъ другого стоитъ! Случилось то, чего кажется еще не было у насъ... Статя В. А. слѣдовало непременно захватить повдѣйшее время. Начало жизни нашего народа, описанное сочинителемъ, есть самая худая половина этой жизни: а свѣтлое-то, блестящее—скрыто. Лучше было бы надать исторію съ временъ Іоанна III го или нѣсколько прежде, безъ начала, чѣмъ начало безъ продолженія. Тутъ одно огорченіе, тутъ нѣтъ того, что миритъ насъ съ предками и судьбою. А какъ сладокъ былъ бы его голосъ тамъ, гдѣ онъ могъ бы быть и отраденъ!

„...Я нарочно распространяюсь, чтобы ни вы, ни В. А. не приняли къ дурному замѣчаній моего благороднаго генерала. Онъ самъ опасался передать вамъ эти мысли: ему было бы очень прискорбно потерять и немногое въ мнѣніи Жуковскаго. Онъ хотѣлъ было, чтобы вы отослали статью въ цензуру, какъ она есть, безъ его замѣчаній, хотѣлъ не спорить ни противъ чего. Можетъ быть, я ваялъ на себя лишнее, но я за васъ обоихъ увѣрилъ, что вамъ не придется и на мысль, чтобы въ этихъ откровенныхъ и слишкомъ справедливыхъ замѣчаніяхъ не было столько же благонамѣренности, сколько ума и вкуса.

„Я сказалъ Л. В., что пошлю записку его къ вамъ, что не сниму съ васъ воли, если вздумаете передать ее Жуковскому. Я увѣренъ, что двое изъ насъ, у котораго не останется подлинника этой записки, будутъ завидовать третьему. Мнѣ еще хорошо: вы прочтете одиѣ набросанныя наскоро мысли генерала, а я, кромѣ этого, велъ разговоръ съ нимъ въ счастливую минуту его таланта. Статья В. А. такъ поправилась ему, что онъ пришелъ именно въ то положеніе, которое зовутъ вдохновеніемъ. Кому же она не понравится?“ *).

Это письмо характерно въ двухъ отношеніяхъ: какъ средство къ достиженію определенной III отдѣленіемъ цѣли и какъ свидѣтельство страшнаго нравственнаго паденія человека, который былъ десять лѣтъ тому назадъ учителемъ Бѣлинскаго, писав-

---

*) Ibidem, 598—599. Статья Жуковскаго въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, конечно, не была послѣ этого напечатана.

шаго въ это время Панаеву: „живая память о Поповѣ никогда не изгладится изъ моего сердца“..

Съ Поповымъ мы еще встрѣтимся...

Мих. Лемке..

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРАСНЫЙ СНѢГЪ.

Какъ приливъ могучій,
Шелъ и шелъ народъ,
Съ дѣтски-ясной вѣрой,
Все впередъ, впередъ.

Чтобъ врага свободы
Поразить въ бою,
Несъ одно оружье —
Правоту свою...

Бѣлый, непорочный
Снѣгъ кругомъ лежалъ;
Воздухъ, чуть морозный,
Еле трепеталъ...

Вдругъ—рядъ залповъ грянулъ...
Мѣтокъ былъ прицѣлъ:
Какъ подъ бурей листья,
Пали груди тѣлѣ!

Тупо взоръ уставя
Въ обогранный снѣгъ,
Мы стояли, молча...
Мигъ одинъ, или вѣкъ?

— Каинъ, что ты сдѣлалъ?!
Прячась, словно тать,

Божьяго проклятья
Скроешь ли печать?

Знай: покамѣсть въ жилахъ
Капля крови есть,
Мысль одну мы держимъ—
Про святую мечь!

У престола Бога,
Въ утро райскихъ нѣгъ,
Все мы видѣть станемъ
Красный, красный снѣгъ!

И. Я.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ.

I.

Изъ всѣхъ безмысленно-отвратительныхъ картинъ войны, видѣнныхъ мною, самыми жестокими и безмысленными кажутся мнѣ тѣ, центральными фигурами которыхъ были китайцы. Мнѣ кажется, я могъ бы найти причину или цѣль страданій японцевъ и русскихъ: первые рыцарски-гордо подавляли свои стоны и умирали во имя овладѣвшей ими идеи, вторые — покорно, не смѣя роптать и жаловаться, страдали за то, что слишкомъ долго терпѣли свое рабство. А китайцы?.. Здѣсь больше всего страдали и гибли старики, женщины и дѣти. За чьи грѣхи? Для чьего счастья?..

Тотъ уголъ Манчжурии, гдѣ прошла кровавая полоса битвъ и опустошеній, населенъ очень густо — народомъ веселымъ и наивнымъ, какъ дѣти, и какъ дѣти же беззащитнымъ и беспомощнымъ. Не знаю, можетъ быть, за недолгое время моихъ странствованій по несчастной странѣ я успѣлъ замѣтить лишь внѣшнія формы жизни китайцевъ, но гдѣ бы я ни встрѣчался съ ними, въ городахъ ли, въ шумной и болтливой толпѣ, или въ деревняхъ за полевыми работами, — вездѣ они производили на меня впечатлѣннѣ какихъ-то взрослыхъ дѣтей, добродушныхъ, наивныхъ и забавныхъ. Впрочемъ, и они на насъ, не военныхъ, смотрѣли тоже, какъ на дѣтей... Мое появленіе среди нихъ всегда вызывало съ ихъ стороны острое, неудержимое любопытство; они смотрѣли на меня во всѣ глаза, щупали мою одежду, забрасывали меня непонятными мнѣ вопросами, видимо — острили на мой счетъ и хохотали. И стоило мнѣ произнести какое-нибудь китайское привѣтствіе, какъ они приходили въ неописуемый, совершенно дѣтскій восторгъ. Казалось, имъ было странно и забавно, что я, такое несуразное и курьезное существо, совсѣмъ изъ другого міра, могу произнести ихъ родное, китайское слово. Вѣроятно, понятію „иностранецъ“ въ ихъ языкѣ отвѣчаетъ слово, соотвѣтствующее старинному русскому „нѣмецъ“..

Когда я попалъ въ китайскій театръ, то вся театральная обстановка очень живо напомнила мнѣ сцену изъ моего далекаго дѣтства,—какъ мы, ребята, давали публичное „представленіе“. Передъ сценой помѣщался оркестръ: человекъ двадцать серьезныхъ китайцевъ притащили сюда какія то табуретки, сковороды, доски, прорванный русскій барабанъ, дудки, свистки и съ необыкновеннымъ усердіемъ, но безъ всякаго толку, стучали, звонили, свистѣли. И подъ этотъ аккомпаниментъ на сценѣ, обставленной примитивными кулисами, началось дѣйствіе. Къ толпѣ статистовъ, изображавшихъ войско, какъ пояснилъ мнѣ бывшій со мной переводчикъ, вышелъ начальникъ,—какое-то необыкновенное существо, съ красной бородой необыкновенной длины, весь въ яркихъ перьяхъ, съ громаднымъ, больше его самого, мечомъ. Къ нему, странно дергая рукой, подошелъ съ поклонами его оруженосецъ,—„подвелъ коня“, пояснилъ мнѣ переводчикъ. Начальникъ поднялъ правую ногу и подпрыгнулъ,—сѣлъ на лошадь—и потомъ все время двигался по сценѣ, присѣдая и подпрыгивая, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сидя на сѣдлѣ. Потомъ выскочилъ на сцену другой, еще болѣе пестрый начальникъ,—этотъ тоже прыгалъ и присѣдалъ, но для пущей иллюзіи ѣхалъ верхомъ на палкѣ... Я обернулся, посмотрѣлъ на публику: китайцы, не сводя глазъ, смотрѣли на сцену, и было видно, что они испытываютъ художественное наслажденіе. Когда начальникъ верхомъ на палкѣ произнесъ пискливымъ голосомъ рѣчь къ войску, публика громогласно выразила свое одобреніе. Потомъ произнесъ рѣчь другой начальникъ, и оба они отѣхали въ сторону. Тогда изъ оркестра, при отчаянномъ стукѣ и звонѣ, вылѣзъ человекъ, одѣтый въ синее съ какой-то надписью во всю спину, всталъ на одно колѣно, приложилъ къ плечу на подобіе ружья палку, нацѣлился на одного начальника и произнесъ протяжно; „пу-у-у“... Потомъ нацѣлился на другого и опять—„пу-у-у“... Начальники повалились на землю, долго дрыгали ногами и умерли. А стрѣлявшаго схватили люди изъ войска и увели, при чемъ одинъ изъ нихъ объяснилъ публикѣ, что злодѣю сейчасъ же отрубятъ голову... И все это происходило при самомъ напряженномъ вниманіи зрителей, разразившихся отчаянными криками одобренія и сочувствія, когда убитые начальники поднялись и раскланывались съ публикой. Пьеса кончилась; она называлась: „Коварное убійство знаменитыхъ генераловъ Ли и Суй“.

Да и вообще, дѣтскія черточки разсыпаны всюду въ жизни китайцевъ. Вотъ, важно идетъ учитель съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ,—и на его носу красуются очки съ громадными, совершенно круглыми стеклами изъ самага про-

стого стекла. Они нужны только для важности, для того, чтобы всё видѣли, что идетъ человѣкъ ученый... Вотъ фанза земледѣльца: въ большой глиняной кадкѣ, гдѣ хозяинъ держитъ запасъ воды, непремѣнно плаваютъ пущенныя имъ туда маленькія рыбки, и всѣ стѣны фанзы увѣшаны героическими картинами, написанными совсѣмъ дѣтской рукой и изображающими грандіозныхъ, необыкновенныхъ богатырей, проявляющихъ, впрочемъ, свою отвагу и мощь не въ бою съ непріятелемъ, а въ какихъ-то чрезвычайно заковыристыхъ танцахъ. Я помню картину, гдѣ самая крупная фигура, изображенная въ профиль, имѣла два глаза: одинъ у носа, другой около уха. Должно быть, художникъ, нарисовавъ профиль съ однимъ глазомъ, былъ смущенъ неожиданнымъ еоображеніемъ, какъ же это у героя можетъ быть только одинъ глазъ, и счастливо вышелъ изъ затрудненія. Когда я указалъ на несообразность въ картинѣ китайцу-переводчику, онъ мнѣ холодно отвѣтилъ:

— Китайска самый большой капитанъ кривой нѣтъ...

Вотъ, наконецъ, ярко и пестро раскрашенная кумирня, — въ ней передъ главнымъ зданіемъ, гдѣ стоятъ гипсовые боги и полубоги, есть еще и другое зданіе, изображающее изъ себя конюшню гипсовыхъ же лошадей со всей сбруей. Это — на случай, если бы богамъ понадобилось куда-нибудь съѣздить. Передъ входомъ въ кумирню, на сажень отъ него, сдѣлана небольшая квадратная стѣна, точно соответствующая размѣрами этому входу. Это для того, чтобы не могъ проникнуть въ кумирню злой духъ. Люди и добрые духи могутъ благополучно обойти стѣну, а злой духъ, вздумавъ попасть въ запретное мѣсто и имѣя возможность летѣть лишь по прямой линіи съ сѣвера, только разобьетъ объ нее лобъ...

Я очень живо помню одного молодого, лѣтъ 25, китайца, хозяина фанзы въ одномъ городкѣ, занятой нашимъ отрядомъ. Это былъ высокій и въ своемъ родѣ красивый субъектъ съ умными глазами и чрезвычайно пріятнымъ, мягкимъ голоомъ. Онъ былъ уже отцомъ семейства, но по характеру и наклонностямъ совсѣмъ не отличался отъ маленькаго грязнаго китайченка, исполнявшаго на его дворѣ обязанность надзирателя надъ двумя свиньями и ихъ многочисленнымъ семействомъ. Оба они одинаково сердились и надували губы, если кто-нибудь говорилъ по ихъ адресу бранное слово „учиканъ“ (кроликъ), одинаково были любопытны и наивны, съ одинаковымъ рвеніемъ собирали коллекцію картинокъ съ бросаемыхъ нами папиросныхъ коробокъ. Старшій гдѣ-то досталъ китайскій самоучитель русскаго языка, — и нужно было видѣть его восторгъ и удивленіе, когда онъ произносилъ мнѣ по самоучителю какое-нибудь исковерканное русское слово, а я угадывалъ его значеніе и указывалъ

на обозначаемый имъ предметъ... Младшій обычно стоялъ тутъ же, хлопалъ въ ладоши и визжалъ, когда я указывалъ вѣрно, и старался повторить русское слово. Оба они, какъ, впрочемъ, и всѣ китайцы, по отношенію къ тѣмъ, кто ихъ не обижалъ и не трогалъ, были очень предупредительны и любезны, и это ихъ желаніе угодить, оказать услугу, сдѣлать пріятное тому, кто имъ нравится, было такъ наивно, такъ дѣтски мило...

Когда мы перемѣнили квартиру, и въ ихъ фанзѣ поселились казаки, младшему оборвали ухо за попытки защитить ввѣренныхъ его попеченію поросятъ, которыхъ очень скоро перерѣзали, а старшій долженъ былъ уйти изъ своей фанзы. Потомъ мнѣ говорили, что его поймали гдѣ-то въ горахъ, заподозрили въ шпіонствѣ и—зарубили шашками...

До войны эти дѣти мирно копошились на своихъ изыскахъ миниатюрныхъ поляхъ, выращивая кукурузу и универсальное растеніе гаолянъ, дававшій пищу и имъ самимъ, и ихъ скоту, годившійся и на топлиро, и на кровли, и на изгороди. Ими были заняты всѣ сколько-нибудь удобные для культуры этихъ растений уголки, и, такъ какъ каждому хозяину, при высокому—для насъ, русскихъ, удивительному и непонятному—совершенствѣ этой культуры, былъ нуженъ лишь очень небольшой клочекъ земли, жили они очень тѣсно, другъ другу не мѣшая, но и не одолжаясь. Всѣ потребности каждаго семейства могли быть удовлетворены домашними средствами, ибо каждый домъ представлялъ изъ себя полную чашу, и имъ не было ни нужды, ни охоты знакомиться съ тѣмъ міромъ, что лежалъ за околицей ихъ деревни, и потому въ ихъ странѣ не было даже дорогъ,—были только заросшія уже тропинки.

И вотъ, въ тотъ уголокъ, гдѣ они жили такъ тѣсно, такъ людно, пришли съ двухъ сторонъ чужіе и грубые люди, казавшіеся по своей силѣ и силѣ своихъ орудій взаимоистребленія гигантами въ сравненіи съ ними, безобидными и безпомощными, и завязали между собой драку не на жизнь, а на смерть, не обращая никакого вниманія на копошащихся у ихъ ногъ людишекъ, на ихъ жилища, на ихъ пашни...

II.

Весною и лѣтомъ 1904 года я ѣздилъ по горамъ Манчжуріи съ казачьей дивизіей генерала У., составлявшей крайній лѣвый флангъ русской арміи и имѣвшей свою базу сначала въ маленькомъ и ничтожномъ городишкѣ Сай-фу-цзы, потомъ въ городишкѣ побольше—Ай-мынѣ. Въ Сай-фу-цзы

мы приѣхали ранней весной, когда только что начинали зеленѣть изыщныя китайскія пашни и цвѣли въ лѣсу какія-то деревья, сплошь засыпанныя нѣжными и благоуханными бѣлыми цвѣтами. Насъ встрѣтила шумная толпа любопытныхъ китайцевъ, и городишко оказался полнымъ веселой и хлопотливой жизни. На другой день мы оттуда уѣхали, оставивъ тамъ часть отряда, и когда черезъ нѣсколько дней вернулись обратно, городишко показался намъ угрюмымъ, опустѣвшимъ... Иныя фанзы, казалось, были совсѣмъ брошены хозяевами, и въ ихъ бумажныя окна уже глядѣло непоправимое раззореніе: все тамъ, внутри, было переломано, искверкано, разбито. Было видно, что тамъ хозяйничали чьи-то чужія, грубыя и враждебныя руки... И чѣмъ дольше мы жили въ городишкѣ, тѣмъ печальнѣе и печальнѣе глядѣлъ онъ... Китайцы бѣжали съ семьями, со всѣмъ, что можно было унести, въ горы, оставляя свои фанзы на произволъ судьбы. И все больше и больше становилось заброшенныхъ и ограбленныхъ фанзъ, и скоро городишко опустѣло совершенно. Поля вокругъ него были вытоптаны и обезображены и на нихъ паслись казакскія лошади. Говорили, что прячущіеся въ горахъ китайцы голодаютъ и умираютъ съ голоду, но эти разговоры никого не трогали: казаки съѣли всѣ запасы китайцевъ и теперь сами голодали, такъ какъ и въ далекихъ деревняхъ не оставалось уже ничего, что можно было бы съѣсть, и съ фуражировокъ они чаще всего возвращались съ пустыми руками.

Когда мы отправлялись куда-нибудь на рекогносцировку, мы находили встрѣчавшіеся намъ по пути деревеньки и одинокія фанзы тоже совершенно опустѣвшими: при нашемъ приближеніи всѣ китайцы, отъ мала до велика, бросивъ все свое добро, бѣжали въ горы.

Первое время дѣйствій дивизіи генерала У., куда бы ни направлялись ея отряды, мы всюду видѣли на вершинахъ сопокъ и гребней одинокія черныя фигурки, отчетливо вырисовывавшіяся на фонѣ неба. Это созерцали наше движеніе китайцы. Сначала эти фигурки вызывали только шутки и остроты казаковъ, потомъ надоѣли, стали „мозолить глаза“, а послѣ двухъ неожиданныхъ нападеній японцевъ, всѣ рѣшили, что это—шпіоны, и, наконецъ, генераль отдалъ приказъ всякую такую фигурку „снимать“ съ горы, если только ее можно достать ружейнымъ выстрѣломъ. Можетъ быть, среди нихъ и дѣйствительно попадались японскіе шпіоны, но я не думаю, чтобы шпіонъ показывался на вершинѣ горы такъ открыто, такъ вызывающе, когда можно было спрятаться на той же вершинѣ за камень или дерево. Однажды, послѣ приказа, казачій отрядъ, при которомъ былъ и я, увидѣлъ на голой

невысокой горкѣ, совсѣмъ близко, сидящаго на корточкахъ китайца. Я даже разсмотрѣлъ, что онъ курить изъ длинной китайской трубки. Это было такъ просто и мирно, что сначала, пошутивъ по его адресу, отрядъ проѣхалъ мимо, не вспомнивъ приказа, но потомъ остановился и рѣшилъ его „снять“. Вызвали трехъ лучшихъ стрѣлковъ, и устроилось нѣчто въ родѣ состязанія. Сначала выстрѣлили одинъ и не попали, затѣмъ другой и третій—съ тѣмъ же результатомъ. Китаецъ все продолжалъ сидѣть въ прежней позѣ, только отвелъ въ сторону трубку,—очевидно, онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, и съ интересомъ наблюдалъ за казаками. Офицеръ, начальникъ отряда, разсердился, вызвалъ еще стрѣлковъ и велѣлъ имъ выстрѣлить въ китайца залпомъ. Залпъ грянулъ нестройно, и черная фигурка моментально исчезла. Былъ ли китаецъ убитъ, или просто скатился отъ страха на другую сторону горы, я не знаю.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ былъ отданъ приказъ „снимать“, мы уже не видѣли болѣе на вершинахъ горъ этихъ черныхъ фигурокъ и скоро убѣдились, что это, дѣйствительно, были своего рода шпионы, только не японской службы, а добровольцы: они слѣдили за движеніемъ русскихъ и давали знать объ ихъ приближеніи находящимся по дорогѣ деревнямъ. Но организованъ этотъ мирный дозоръ былъ очень несовершенно, и жители получали предупрежденія слишкомъ поздно: сами они успѣвали скрыться, но прятать и увозить имущество было уже поздно. А когда наблюденія съ горъ стали опасными, мы часто заставляли китайцевъ врасплохъ...

Мы располагались въ пустыхъ фанзахъ, гдѣ еще на очагѣ горѣлъ огонь и по всей обстановкѣ было видно, что четверть часа назадъ здѣсь разыгрывались мирныя семейныя сцены. Казаки шарили по сундукамъ и ларямъ, брали все, что можно было съѣсть или скормить лошадямъ, брали даже различныя китайскія бездѣлушки, совершенно имъ ненужныя,—большею частью затѣмъ, чтобы на другой же день выбросить на дорогу, какъ лишнюю обузу для замореннаго и безъ того „коня“. Ломалась мебель, и изъ нея складывались костры. И все это дѣлалось со злостью голоднаго человѣка, обогленнаго еще и постоянными неудачами, главную причину которыхъ онъ видѣлъ въ китайцахъ: это потому японцы такъ хорошо всегда освѣдомлены о приближеніи русскихъ и всегда встрѣчаютъ ихъ съ „превосходными силами“, что имъ шпионять враждебные русскимъ китайцы, которыхъ тутъ такъ много и слѣдить за которыми нѣтъ никакой возможности.

А враждебныя чувства китайцевъ къ русскимъ, и въ особенности къ казакамъ, были очень очевидны и понятны:

большинство казаковъ было развращено еще въ предыдущую китайскую кампанію и привыкло смотрѣть на китайцевъ, какъ на побѣжденныхъ бунтовщиковъ, а на ихъ добро, какъ на законную добычу побѣдителя. И, конечно, китайцы были заинтересованы въ томъ, чтобы японцы возможно скорѣе вытѣснили изъ ихъ городовъ и селъ русскихъ, и помогали первымъ, отказываясь отъ всякихъ услугъ вторымъ. У нихъ были очень солидныя основанія для такого предпочтенія: я помню, съ какимъ уваженіемъ и благодарностью говорилъ объ японцахъ хозяинъ нашей фанзы въ Сай-фу-цзы, когда мы заняли этотъ городъ тотчасъ же послѣ ухода почему то отступившихъ оттуда японцевъ. Они ничего не тронули въ его фанзѣ и не только не требовали отъ него провіанта, но еще и накормили его и дали ему риса и мяса для его голодной семьи...

А казаки... Я помню сцену, когда человекъ десять казаковъ, услыхавъ кудахтанье куръ на дворѣ одиноко стоявшей фанзы, осадили ее съ цѣлю переловить куръ и пошарить, нѣтъ ли въ ней и еще какого добра, и неожиданно наткнулись на сопротивленіе китайскихъ бабъ. Этихъ бабъ высчитала цѣлая толпа, тоже человекъ десять. Тутъ были и старухи, и молодыя, даже дѣвочки. Всѣ онѣ были вооружены или палками, или предметами ихъ домашней утвари. Онѣ кричали, махали своимъ оружіемъ,—словомъ, выказывали твердое намѣреніе защищаться до послѣдней крайности. Казаки сначала опѣшили было, но потомъ храбро бросились въ атаку. Затрещали выстрѣлы...

Помню я и другую сцену, когда казаки весело опрокидывали и разбивали гипсовые изображенія боговъ въ кумирнѣ, въ той надеждѣ, что въ ихъ раскрашенныхъ утробахъ спрячано что-нибудь цѣнное. А какой то китаецъ, старый и солидный, должно быть—монахъ, стоялъ тутъ же и, молча, не смѣя вмѣшаться, смотрѣлъ на ихъ дѣло...

Съ теченіемъ времени эта взаимная вражда, конечно, все обострялась и обострялась. Все чаще и чаще русскіе ловили и казнили шпионовъ, но за то освѣдомленность японцевъ обо всемъ и ихъ увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ становились все удивительнѣе и удивительнѣе. Китайцы мстили русскимъ не только этими услугами ихъ врагу,—они мстили при каждомъ удобномъ случаѣ, заставляя ли гдѣ въ лѣсу толпой одинокаго казака или находя забытаго, безпомощнаго русскаго раненаго... Разумеетсяъ, всѣ тѣ случаи звѣрства надъ ранеными, что приписывались японцамъ, дѣло рукъ озлобленныхъ китайцевъ, не имѣющихъ иной возможности отомстить за всѣ свои обиды, униженія, страданія. И нѣтъ въ этихъ случаяхъ ничего ни возмутительнаго, ни

удивительнаго,—удивительнѣе тѣ, не такъ ужъ рѣдкіе случая, когда китайцы укрывали въ своихъ фанзахъ отставшихъ или заблудившихся развѣдчиковъ, оказывали помощь нашимъ раненымъ.

Болѣе активные изъ китайцевъ, голодные и раззоренные, пополняли собой хунгузскія шайки. Я много разспрашивалъ о происхожденіи этихъ жестокихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливыхъ бандъ, и всѣ, кто зналъ ихъ, говорили мнѣ, что ихъ преобладающій контингентъ—именно эти голодные и раззоренные китайцы, вынужденные выбирать одно изъ двухъ: умирать съ голоду, или идти на большую дорогу. Въ началѣ войны о хунгузахъ почти совсѣмъ не было слышно, но съ теченіемъ времени,—по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе раззорялась несчастная Мукденская провинція,—говорить о нихъ стали все чаще и чаще. А потомъ начались уже и стычки съ ними... Но это импровизированное ополченіе, составившееся изъ мирнаго и безобиднаго населенія, принужденнаго взяться за оружіе только въ виду неизбежной голодной смерти, могло нападать только изъ-за угла и при первыхъ же выстрѣлахъ русскихъ бѣжало въ самой дикой паникѣ. Казаки ловили ихъ „голыми руками“ и то сами расправлялись съ плѣнниками, то представляли китайскимъ властямъ. А тѣ, какъ представители правительства, обязаннаго держать строгій нейтралитетъ, предварительно поморивъ ихъ въ тюрьмѣ и изнуривъ жестокими пытками, публично рубили имъ головы.

На такомъ именно фонѣ разыгралась почти на моихъ глазахъ одна китайская драма, которую я и хочу здѣсь рассказать.

III.

При дивизіи генерала У. было четыре переводчика. Двое изъ нихъ, русскіе, держались всегда около штаба, а двое другихъ, китайцы, жили больше у насъ,—т. е. при отрядѣ Краснаго Креста. Китаецъ постарше проводилъ съ нами все свое время, когда генералу не требовались его услуги, а молодой дѣлилъ свои досуги между нами и обозной прислугой.

Старшаго звали Иванъ Ивановичъ. Собственно, настоящее его имя было Юанъ-кай-шинъ, но это длинное слово казаки передѣляли въ Ивана Кашина, а потомъ дали солидному и всегда серьезному китаюцу отчество, назвавъ его Иванычемъ. Это былъ задумчивый и печальный человѣкъ, казавшійся совершенно равнодушнымъ ко всему, что бы ни происходило передъ его глазами. Казалось, у него была какая-то большая

дума, большая забота, около которой вертѣлись всѣ его мысли и въ сравненіи съ которой все, что онъ видѣлъ кругомъ, было чужимъ, далекимъ и неинтереснымъ. Онъ ни съ кѣмъ не сходилъ, никогда не шутилъ и, повидимому, только у насъ, гдѣ къ нему такъ привыкли, что почти не замѣчали его, чувствовалъ себя спокойно и удобно. Былъ онъ какого-то темно-желтаго цвѣта, съ большими черными глазами и громадной толстой косою, въ которой серебрились уже сѣдые волосы. И только по этимъ сѣдымъ волосамъ можно было подумать, что онъ уже пожилой: среди китайцевъ есть только дѣти, старики и личности неопредѣленнаго возраста, которымъ съ одинаковой вѣроятностью можно дать и двадцать, и сорокъ лѣтъ...

Другой переводчикъ, Си-нинъ-чхунъ или просто Чхунъ, какъ его для краткости звали, былъ крикливый и подвижной субъектъ—изъ тѣхъ китайцевъ, которыхъ коснулася культура, насаждаемая русскими авантюристами, наводнившими районъ желѣзной дороги. Онъ очень любилъ русскія бранныя слова, которыми уснащалъ свою рѣчь, никогда не разставался съ нагайкой и къ китайцамъ относился свысока, съ видомъ собственного превосходства и даже враждебно. Онъ стыдился того, что онъ китаецъ, и пользовался всякимъ случаемъ показать, что всѣ его симпатіи на сторонѣ русскихъ, и что только за недосугомъ онъ не успѣлъ перемѣнить вѣру. Русскимъ онъ льстилъ, прислуживался къ офицерамъ и даже къ простымъ казакамъ и съ видимымъ удовольствіемъ присутствовалъ на частыхъ у насъ въ отрядѣ экзекуціяхъ, которымъ подвергались всѣ китайцы, почему-либо подозрѣваемые въ шпіонствѣ. Ивана Ивановича онъ очень недолюбливалъ,—онъ завидовалъ довѣрію, которымъ пользовался старикъ у генерала, и не могъ переваривать совершеннѣйшаго равнодушія и невниманія старика къ его задирающимъ выходкамъ.

Юркій Чхунъ, очевидно, былъ несложный и вполне понятный типъ, — развращенный мальчишка, слишкомъ рано попавшій подъ вліяніе взрослыхъ прохвостовъ. За то степенный Иванъ Ивановичъ былъ для меня очень интересенъ: изъ его задумчивыхъ грустныхъ глазъ, казалось мнѣ, смотрѣла на меня та таинственная китайская душа, которой я никакъ не могъ уловить въ дѣтскихъ и курьезныхъ внѣшнихъ формахъ китайской жизни. Это было что-то чуждое, далекое, старое, можетъ быть—даже недоступное моему пониманію. О чемъ онъ груститъ, что думаетъ, когда смотреть на все то, что насъ окружаетъ, на насъ самихъ, на меня?...

Я нѣсколько разъ пытался завязать съ нимъ разговоръ, но онъ отвѣчалъ мнѣ такъ равнодушно, такъ несложно, что

мелѣ двухъ—трехъ словъ я обрывалъ свои разспросы. И только разъ онъ самъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Инекъ *)—тамъ, далеко-далеко. Русска—тамъ, далеко-далеко. Зачѣмъ война? Зачѣмъ китайска фанза жги, манза—убивай?

Я не могъ объяснить ему этого такъ, чтобы онъ понялъ. Но мнѣ былъ непріятенъ упрекъ, звучавшій въ его вопросѣ, и я сказалъ:

— Не знаю. Я—докторъ, я—не причемъ...

— А...—сказалъ онъ равнодушно.—А деньги твоя много-много...

Послѣ этого разговора я чувствовалъ себя непріятно всякій разъ, когда Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на меня своими черными глубокими глазами: мнѣ казалось, что душа, которая смотритъ изъ нихъ, настроена враждебно ко мнѣ, чужому, и что мы всѣ для нея—какое-то стихійное, придавившее ее зло, съ которымъ у нея нѣтъ силъ бороться...

Потомъ мнѣ всетаки удалось сойтись съ нимъ ближе. Такъ какъ у насъ было много свободного времени, я рѣшилъ изучать китайскій языкъ, и моимъ учителемъ былъ Иванъ Ивановичъ. Онъ указывалъ на предметъ и произносилъ его китайское названіе, а я повторялъ. Скоро я научился складывать цѣлыя фразы, и чѣмъ больше становился у меня запасъ словъ и фразъ, тѣмъ менѣе и менѣе я чувствовалъ его непріязнь. Эти слова и фразы, понятныя намъ обоимъ, сближали насъ, и я, умѣющій сказать кое-что на его родномъ языкѣ, уже не казался ему такимъ чужимъ, какъ прежде. И мнѣ чудилось, что въ темнотѣ его глазъ я начинаю разбирать какія-то неясныя, неуловимыя очертанія...

Онъ гдѣ-то досталъ толстую китайскую книгу и рѣшилъ обучать меня чтенію и письму. Книга была странная: ее нужно было читать съ послѣдней страницы, и строчки въ ней шли не горизонтально, а сверху внизъ. И вся она была заполнена странными значками, таинственными и сложными. ▲ за этой странной, пестрой и таинственной внѣшностью скрывалась какая-то мысль, чужая, древняя, родившаяся тысячи лѣтъ назадъ, но и теперь не потерявшая своей свѣжести и значенія.

Ивану Ивановичу, видимо, понравилась почтительность и удивленіе, съ которыми я переворачивалъ мягкіе листы странной книги. Онъ взялъ ее у меня и сказалъ:

— Больно умный книжка, ученый. Слушай...

Отвернулъ заднюю обложку и сталъ читать, водя пальцемъ сверху внизъ по страницѣ. Читалъ онъ нараспѣвъ,

*) Японецъ.

почти пѣлъ тихимъ, глубокимъ и задыхающимся голосомъ и тихонько качался въ тактъ своему пѣнію. Тысячи лѣтъ такъ читали, читали эту самую книгу, углубляясь въ эти самыя мысли.

Онъ такъ увлекся чтеніемъ, что не замѣтилъ, какъ я ушелъ отъ него, и очнулся только тогда, когда его окликнули:

— Эй! Переводчики!.. Къ генералу.

Онъ сложилъ книгу, положилъ ее за пазуху и поплелся къ генералу—допрашивать такихъ же, какъ онъ, китайцевъ, на которыхъ казачій развѣдъ натолкнулся гдѣ-нибудь въ горахъ и которыхъ теперь подозрѣваютъ въ шпіонствѣ и судятъ. Можетъ быть, ихъ и не повѣсятъ, но бить нагайками во всякомъ случаѣ будутъ.

IV.

Въ срединѣ мая, когда вся мѣстность кругомъ Сай-фу-цзы была опустошена, и въ дивизіи появился голодный тифъ, генераль У. рѣшилъ перенести базу своихъ развѣдочныхъ экскурсій въ другой городокъ—Ай-мынь. Онъ находился въ 50 верстахъ отъ Сай-фу-цзы, въ мѣстности, гдѣ только разъ прошли русскія войска и гдѣ, поэтому, можно было жить болѣе сытно, чѣмъ въ Сай-фу-цзы. Когда извѣстіе о перемѣнѣ базы распространилось по лагерю, всѣ повеселѣли... Даже Иванъ Ивановичъ—и тотъ, какъ будто, обрадовался передвиженію и весь вечеръ наканунѣ выступленія находился въ какомъ-то странномъ волненіи: много ходилъ, много курилъ, не отвѣчалъ на вопросы санитаровъ, точно не слышалъ ихъ. Обычный урокъ китайскаго языка не могъ состояться: Иванъ Ивановичъ задумывался, говорилъ невпопадъ. Очевидно, ему было не до урока. Все это меня очень удивляло: я такъ привыкъ видѣть его спокойнымъ, равнодушнымъ... И когда онъ случайно смотрѣлъ на меня, я опять видѣлъ въ его глазахъ не то неприязнь, не то какое-то холодное, безучастное равнодушіе, что-то далекое и чужое, и опять онъ мнѣ казался такимъ одинокимъ, подавленнымъ какой-то большой заботой. И, конечно, спросить его, почему онъ такъ волнуется, я не рѣшился.

Утромъ весело выступили въ походъ. Дорога, по которой вытянулась змѣей дивизія, шла между веселыхъ, зеленыхъ и кудрявыхъ горокъ, щедро залитыхъ свѣтомъ; солнышко свѣтило такъ мягко и ласково, не было даже обычной пыли, такъ какъ вчера былъ дождь,—словомъ, все гармонировало съ нашимъ веселымъ настроеніемъ и усиливало его. Казаки

ѣхали не въ экспедицію, гдѣ обязательно нѣсколько человекъ должны погибнуть, а только мѣняли старую, надоѣвшую и разоренную квартиру на новую, обильную и нетронутую, гдѣ и имъ самимъ будетъ лучше, и гдѣ поправятся и ихъ отошавшіе „кони“.

Отрядъ Краснаго Креста двигался между дивизіей и обозомъ. Съ нами ѣхали оба китаецъ и четыре казака, составлявшихъ нашъ конвой. Одинъ изъ нихъ запѣлъ тонкимъ голоскомъ на веселый, но неторопливый мотивъ:

„Раскрасотка Акулина—
Чисто ягода-малина,
Сладкій мармаладъ“...

„Сладкій мармаладъ“,—подтянулъ ему другой баскомъ. „Сладкій мармаладъ!“—пропѣли оба вмѣстѣ и кончили, одинъ—высокой и замирающей теноровой ноткой, другой—низкимъ и тоже замирающимъ баскомъ.

Немудрая пѣсенка съ немудрымъ роднымъ напѣвомъ тоже очень подходила къ настроенію. И это пѣніе, и это солнце, и зелень—все напоминало что-то далекое, родное, вызывало милыя воспоминанія, милые образы.

Мы оставляли разоренный и опустошенный нами край, гдѣ и теперь уже умираютъ съ голоду его хозяева, проѣзжали мимо ограбленныхъ нами фанзъ, вытоптанныхъ нашими лошадьми полей, но намъ не было до всего этого никакого дѣла. Мы не виноваты въ этомъ,—насъ пригнали сюда не затѣмъ, чтобы умереть здѣсь съ голода, и у насъ не было выбора: ѣхать сюда, или не ѣхать. Да, наконецъ, и надъ нами виситъ та же смерть... А утро прекрасное, мы ѣдемъ не въ сраженіе, и сейчасъ такъ хорошо вспоминаются наши далекія станицы, наши горы, наше небо...

„Э-эхъ, красотка Акулина
Всю станицу удивила,
Распотѣшила...“

выводить одинъ дребезжащимъ теноркомъ. „Распотѣшила...“—подхватываетъ другой.

У изломанныхъ воротъ пустой фанзы заливается, лаеетъ на проходящее мимо воинство лохматая собаченка, и я слышу за собой восклицаніе:

— Скажи, пожалуйста: совсѣмъ по-русски лаеетъ, стерва! Ахъ ты...

Я ѣду рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Онъ, какъ будто, по прежнему серьезень, задумчивъ и равнодушенъ. Ѣдетъ молча на понурой лошади и точно не видитъ этихъ несчастныхъ обгорѣлыхъ фанзъ. На невысокомъ перевалѣ,

съ котораго открылась неширокая панорама все тѣхъ же веселыхъ, съ мягкими очертаніями, горокъ, онъ вдругъ тронулъ меня за руку и показалъ на синѣющую вдаль вершину.

— Видишь? — спросилъ онъ. — Эту сопку я знаю. Высокій?

Онъ посмотрѣлъ на меня, и въ его глазахъ блеснуло что-то простое и понятное...

— Высокая, — отвѣтилъ я.

Онъ помолчалъ и опять спросилъ:

— Твоя сторона... гдѣ твоя баба и ребятишки... такой сопка есть?

Я понималъ...

— Есть... Только пониже... Тамъ, значить, твоя фанза?

И опять онъ взглянулъ на меня, — и выраженіе его глазъ было уже совсѣмъ ясно и понятно. И, должно быть, онъ видѣлъ, что я понимаю его: такъ ясно и привѣтливо онъ улыбнулся.

— Да, тамъ!..

Перегородка, всегда стоявшая между нами, упала, и мы, которыхъ раньше раздѣляло невообразимо громадное разстояніе нашихъ міросозерцаній, ѣхали теперь рядомъ и понимали другъ друга. И я видѣлъ, что мы — не русскій и китаецъ, а просто два человѣка, связанные съ другими людьми и землей совершенно одинаковыми и простыми, человѣческими чувствами... И когда я случайно взглянулъ на торчавшіе изъ земли черные обгорѣлые столбы, остатки недавно сгорѣвшей фанзы, это больно укололо мое сердце. И онъ замѣтилъ это и, указавъ опять на синѣющую вдаль вершину, сказалъ:

— Тамъ, вѣрно, тоже русска былъ...

Мы разговорились, и онъ рассказалъ мнѣ, что его семья, живущая тамъ, у синей горы, состоитъ изъ жены, двухъ сыновей, маленькой дочери и отца. Одинъ сынъ у него женатъ, и у него уже есть маленькій — вотъ такой — ребеночекъ, который пицить, какъ кошка. А отецъ у него уже слѣпой, дряхлый, весь трясется и глупый-преглупый: ничего не понимаетъ... Земли у него мало, взрослые сыновья съ ней прекрасно справляются, — и когда русскіе чиновники собирали народъ для работы на желѣзной дорогѣ, они взяли и Ивана Ивановича, хоть ему и незачѣмъ было и не хотѣлось уходить изъ своей деревни. А когда началась война, его заставили служить переводчикомъ, потому что онъ лучше другихъ научился говорить по-русски. И семьи своей онъ не видалъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ...

V.

Спѣшать было некуда, незачѣмъ было утомлять лошадей,—и потому на бивакъ остановились рано, часа въ три. И остановились не въ деревнѣ, какъ это всегда дѣлалось раньше, а выбрали веселую полянку въ лѣсу, всю покрытую синими ирисами, подъ горкой, защищавшей ее отъ жаркаго солнца. У края поляны стояла маленькая кумирня и фанза—должно быть, монаховъ. Оба китайца-переводчика толковали возлѣ нея съ монахами, разспрашивая, по приказанію генерала, о томъ, нѣтъ ли здѣсь близко японцевъ, и что вообще о нихъ слышно. Свѣдѣнія получились самыя пріятныя,—объ японцахъ здѣсь и слыхомъ не слыхать.

Скоро застучали въ лѣсу топоры, и въ разныхъ мѣстахъ поляны появились дымки. Мы, какъ всегда, расположились въ центрѣ дивизіи, и наши санитары тоже разводили огонь, готовили чай. Нашъ старшій врачъ, добродушный старикъ, крупный и неуклюжій, очень напоминавшій своей фигурой старую гориллу, лежалъ на спинѣ, смотрѣлъ на небо и говорилъ:

— Какое сегодня прекрасное синее небо. Поляна тоже синяя отъ ирисовъ, и кажется, что это отсвѣчиваетъ на ней небо.

— Да вы поэтъ, Федоръ Карлычъ!—улыбнулся я.

— Вотъ облачко плыветъ и таетъ—и кажется, что оно таетъ просто отъ удовольствія, отъ наслажденія... Прекрасно, Григорій Петровичъ...

— Великолѣпно, Федоръ Карлычъ...

Я легъ рядомъ съ нимъ. Кругомъ былъ веселый гомонъ; звонко кричалъ Чхунъ, пересыпая рѣчь отборными ругательствами, и на мгновеніе все затихло—послѣ того, какъ генералъ гдѣ-то близко отъ насъ крикнулъ хриплымъ голоомъ:

— Заткните этому желтому дураку глотку!.. У меня что-бы безъ матери!..

У нашего костра возился съ чайниками толстый санитаръ, рябой и рыжій. И я вспомнилъ, какъ онъ на-дняхъ рассказывалъ мнѣ печальную исторію о томъ, почему онъ поѣхалъ на войну. Есть у него тамъ, въ Зарайскѣ, „она“ (онъ вытаскилъ изъ бумажника, что хранился у него на груди, двѣ маленькихъ фотографическихъ карточки и показалъ мнѣ: „Это вотъ въ профиль, а это—въ натуральную величину“), и какъ-то разъ онъ поссорился съ нею и его-рача пригрозилъ, что уѣдетъ на войну. Угроза не пе-

дѣйствовала, и онъ, какъ мужчина, долженъ былъ уѣхать. Когда уѣзжалъ, и онъ плакалъ, и она плакала, и смерть не хотѣлось ѣхать, но было ужъ стыдно остаться... „Такъ и уѣхалъ“, кончилъ онъ и сконфуженно улыбнулся.

— Какъ дѣла, Осипъ Прокофьевичъ?—крикнулъ я ему.

— Какъ сажа бѣла,—отвѣтилъ онъ.—Сейчасъ скипить.

— Прекрасно... И никакого чорта, кромѣ чаю, мнѣ сейчасъ не надо,—началъ было Федоръ Карловичъ и не кончилъ. Весь гомонъ мирнаго лагеря покрылъ вдругъ странный звукъ: точно кто-то бросилъ на желѣзную крышу горсть камней. Все моментально смолкло... Прощумѣлъ лѣсъ коротко и странно, не такъ, какъ шумить отъ вѣтра...

Я продолжалъ лежать... Я понималъ въ глубинѣ души, что это залпъ, и близкій, но это было такъ нелѣпо, такъ неожиданно, что я не вѣрилъ и ждалъ, что будетъ дальше. Прошло нѣсколько мгновений абсолютной тишины—и опять тѣ же звуки, точно кто горстями бросалъ камни на желѣзные листы... И вдругъ—рѣзкій, пронзительный крикъ... Сразу поднялся невѣроятный шумъ,—все закричало, задвигалось, забѣгало. Я вскочилъ, сердце у меня, помню, замерло, и прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить что-нибудь, меня смяла толпа казаковъ, съ крикомъ бѣжавшихъ куда-то. Какъ молнія, въ моей головѣ сверкнула мысль: „Стрѣляютъ въ насъ!“—и меня охватилъ ужасъ, отчаянный, невыносимый, овладѣвшій всѣмъ моимъ тѣломъ. Я тоже закричалъ и побѣжалъ, увлекаемый толпой. А за нами, близко-близко, стучали камни по желѣзнымъ листамъ и совсѣмъ рядомъ, надъ ухомъ, раздавались какіе-то вавизгиванія, короткія и рѣзкія, точно быстро проводили пилой по желѣзу.

...Я очнулся въ лѣсу,—деревья разбили толпу, и я остался одинъ. Я понялъ, что это была паника, и что японцы стрѣляютъ въ насъ съ той горки, у подножія которой мы были. Сердце у меня отчаянно билось, стучало въ вискахъ, но я теперь былъ внѣ толпы и могъ соображать. Выстрѣлы гремѣли по прежнему, и былъ слышенъ визгъ, но не такой рѣзкій, какъ показалось сначала. Что-то шлепало по листьямъ, точно гдѣ-то въ вѣткахъ запуталась и билась птица... Что дѣлать?.. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, куда мы бѣжали, и увидѣлъ казака, какъ-то странно прислонившагося къ дереву. Онъ стоялъ, согнувшись, низко опустивъ голову и упираясь въ дерево плечомъ. Одна рука висѣла, какъ плеть... Я подошелъ къ нему.

— Что ты?..

Потомъ тронулъ его за плечо, дернулъ. Онъ пошевелился, плечо заскользило по дереву внизъ,—и онъ, какъ мѣшокъ, свалился на землю. И только теперь я увидѣлъ.

что онъ въ крови. Я пощупалъ пульсъ — біенія артерій не было слышно. Это меня испугало: я схватилъ другую руку—тамъ тоже ничего не было... Убитый... Я посмотрѣлъ на лицо: это былъ нашъ казакъ, тотъ самый, что давеча шѣлъ теноркомъ „Акулину“... Что-то съ визгомъ звякнуло рядомъ со мной, потомъ тоже съ визгомъ, но мягко, точно хлопнувъ, шлепнулось въ казака. Я вскочилъ и побѣжалъ...

...Я бѣжалъ, натыкаясь на деревья, какъ вдругъ меня остановилъ не то крикъ, не то стонъ:

— Землякъ... Паря...

Я обернулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоялъ приподнятый съ земли казакъ. Лицо его было какого-то синевато-землистаго цвѣта, глаза—широко раскрытые, но ничего не выражавшіе, бѣлесоватые...

— Возьми меня съ собой... Паря, голубушка...

Мнѣ не было до него никакого дѣла, и было непріятно и досадно, что онъ меня остановилъ. Онъ смотрѣлъ на меня бѣлесоватыми глазами и, упершись одной рукой въ землю, другой шарилъ у себя на груди.

— Три рубля дамъ, больше нѣту... Не спокинь... голубушка, не спокинь...

Онъ былъ раненъ въ ногу и, должно быть, долго ползъ—за нимъ была длинная полоса примятой травы. Изъ ноги текла кровь, и я трясущимися руками сталъ разстегивать ему штаны.

— Опослѣ это, опослѣ... — заговорилъ онъ. — Уйдемъ скорѣе...

— Ничего,—сказалъ я дрожащимъ голосомъ.—Ничего... Двумъ смертямъ не бывать... Я живо перевяжу, а то кровь идетъ.

Я кое-какъ перевязалъ ему кровоточащую рану, и это немного успокоило насъ обоихъ.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ я уже болѣе твердымъ голосомъ.—Теперь пойдемъ. Пускай ихъ стрѣляютъ. Пускай, чортъ съ ними...

Онъ обнялъ меня, и мы съ трудомъ поднялись съ земли и заковыляли... Онъ былъ тяжелъ, и шли мы медленно, не я чувствовалъ, какъ проходилъ мой страхъ и успокаивалось бьющееся сердце.

— Пить хочу,—прошепталъ казакъ.

— Терпи, братъ... Я тоже хочу.

...Я не могу сейчасъ сообразить, долго ли мы шли такимъ образомъ, обнявшись, лавируя между деревьями и продираясь сквозь кустарники. Выстрѣлы за нашими спинами становились все рѣже и рѣже, наконецъ, смолкли совсѣмъ, а мы

все шли впередъ, канемога отъ жажды... Наконецъ, набрали на глубокой и обрывистый оврагъ, на днѣ котораго, какъ можно было разглядѣть сквозь деревья, толпой стояли лошади и люди. Это были „наши“... На днѣ оврага бѣжали ручей, мутный и грязный, и мы оба, лишь только добрались до него, прежде всего жадно припали къ грязной водѣ...

Федоръ Карловичъ, блѣдный, осунувшійся, былъ здѣсь и перевязывалъ раненыхъ. Вozлѣ него сидѣлъ на корточкахъ Иванъ Ивановичъ, тоже блѣдный, и весь дрожалъ, такъ что его правая рука, обмотанная бѣлымъ свѣжимъ бинтомъ и лежавшая у него на колѣняхъ, прыгала. Глаза его были закрыты, и дышалъ онъ тяжело и часто, какъ уставшая баба. Въ паникѣ онъ былъ раненъ въ руку.

Пока мы возились съ ранеными, выяснилось, что японцы, вызвавъ панику въ нашемъ лагерѣ, ушли, потому что имъ было очень мало. И тотчасъ же за этимъ донесеніемъ генераль отдалъ приказъ къ выступленію.

VI.

Черезъ два часа мы уже находились въ маленькой деревушкѣ, верстахъ въ пяти отъ злополучной веселой полянки. Фанза, которую мы заняли, походила на лазаретъ: въ ней на канахъ лежало 23 раненыхъ. Федоръ Карловичъ, хромя, сутился около нихъ и говорилъ каждому:

— Ничего, пустяки, къ свадьбѣ заживетъ. Не робѣй, паря.

Я составлялъ списокъ раненыхъ, чтобы сообщить въ штабъ, сколько намъ нужно носилокъ и носильщиковъ, и сколько раненыхъ могутъ ѣхать верхомъ. На дворѣ санитары рѣзали барана, готовя больнымъ ужинъ. Они на перебой перебирали всѣ подробности несчастья, и въ ихъ разговоръ то и дѣло вмѣшивался Чхунъ, повидимому, совершенно оправившійся отъ страха. Крича и сквернословия, онъ рассказывалъ, что видѣлъ японцевъ совсѣмъ близко, вотъ такъ, и не только не струсилъ, а даже показалъ имъ кукишъ, а когда они дали за это залпъ по нему по одному, сдѣлалъ въ ихъ сторону непристойное тѣлодвиженіе. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ, сжавшись, въ углу двора, по прежнему держалъ на колѣняхъ раненую руку и все еще дрожалъ. Отъ его прежней солидности и серьезности не осталось и слѣда — къ великому злорадству Чхуна. Я нѣсколько разъ подходилъ къ нему, но онъ смотрѣлъ на меня такъ жалобно и пугливо, что я не рѣшался заговорить съ нимъ, и только спрашивалъ:

— Какъ рука?

Списокъ былъ конченъ, и мнѣ нужно было идти.

— Эй, переводчики!—крикнулъ кто-то на дворѣ, когда я окладывалъ листки бумаги.—Генераль требуетъ. Будетъ вамъ сейчасъ, сволочамъ...

Въ штабѣ я засталъ такую сцену. На канахъ фанзы, поджавъ подъ себя ноги и упираясь руками въ бедра, сидѣлъ генераль У., короткій и толстый, какъ жукъ, черный и загорѣлый. Онъ былъ безъ сюртука, въ одной рубахѣ, разстегнутой на мохнатой груди. Передъ нимъ стояли переводчики—Чхунъ, на вытяжку, по военному, и Иванъ Ивановичъ, согнувшись и придерживая здоровой рукой больную.

— Васъ не для этого нанимали, желтые морды, предатели!—кричалъ на нихъ генераль.—Изъ-за васъ, изъ-за подлецовъ, чортъ знаетъ что. У меня—смотри! Если еще разъ, церемониться не буду, живо вадерну. У меня—никуда не убъжишь... По полсотнѣ каждому!—уже спокойнѣе добавилъ онъ.

Китайцы стояли ни живы, ни мертвы. Иванъ Ивановичъ, впрочемъ, дрожалъ, какъ будто, меньше, чѣмъ прежде, но Чхунъ, блѣдный, растерянный, былъ очень жалокъ.

— Старикъ раненъ,—сказалъ я генералу.—Можетъ быть, можно освободить?

Генераль сердито посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ было закричать, но раздумалъ и махнулъ рукой.

— Э, гуманность... Ну, старику—половину. Повѣрьте мнѣ, молодой человекъ, не изъ кровожадности я жестокъ. Законы войны не забывайте!.. И не забывайте,—вдругъ возвысилъ онъ голосъ,—что больше вашихъ замѣчаній я не потерплю!.. Что вамъ угодно?..

Пока я рассказывалъ, зачѣмъ я пришелъ въ штабъ, генераль успокоился совершенно и, неожиданно перебивъ меня, сказалъ, обращаясь къ толпѣ офицеровъ:

— Сейчасъ же нарядить взводъ къ кумирнѣ и поймать тѣхъ двухъ сволочей, монаховъ. Вадернуть безъ разговоровъ—тутъ же, на воротахъ чортовой кумирни...

Очевидно, предполагалось, что монахи знали о близости японцевъ и играли имъ въ руку..

Переводчики вернулись къ намъ поздно вечеромъ, когда уже стемнѣло, и мы съ Федоромъ Карловичемъ, накормивъ и уложивъ спать раненыхъ, сидѣли на дворѣ, ужинали и на всѣ лады комментировали „неожиданное нападеніе“. Первымъ пришелъ Чхунъ. Онъ, по обыкновенію, выругался сначала, потомъ попробовалъ пошутить, но не вытерпѣлъ и вдругъ расплакался. И плакалъ онъ совсѣмъ по-дѣтски, какъ наказанный ребенокъ,—всхлипывалъ, шмыгалъ носомъ...

— Ничего,—ходя, подошелъ къ нему Федоръ Карле-

вичъ.—Ничего, не робѣй: до свадьбы... Григорій Петровичъ, надо ему дать чего-нибудь, пускай успокоится.

Я принесъ капли, накапалъ въ стаканъ съ водою и поднесъ Чхуну. Стуча зубами о край стакана и обливаясь, онъ выпилъ.

Иванъ Ивановичъ подошелъ прямо къ намъ, протянулъ мнѣ больную руку, съ которой сползла повязка, и сказалъ стрывисто:

— Вяжи.

Я перевязалъ. Онъ былъ угрюмъ, не дрожалъ болѣе и казался совершенно спокойнымъ. Когда я взглянулъ на него, и мы встрѣтились глазами, я опять увидѣлъ въ нихъ прежнюю неприязнь, еще болѣе острую и замѣтную, чѣмъ раньше. Легко раненый казакъ, выползшій изъ фанзы закурить у костра трубку, спросилъ его грубо:

— Всыпали?.. Мало, должно, если ходишь. А вонъ сколько народу изъ-за васъ, подлецовъ, перепортило.

— Такъ и надо!—вдругъ крикнулъ Иванъ Ивановичъ, вырвавъ у меня руку.—Такъ и надо: не лѣзь чужой землѣ!..

— Что?.. Ахъ ты, косая морда,—заревѣлъ было казакъ и поднялся съ земли, но Ѳедоръ Карловичъ подбѣжалъ къ нему и обхватилъ за талію:

— Ничего, ничего... Перестаньте, господа, перестаньте. Это пройдетъ.

VII.

На другой день наше путешествіе уже не имѣло такого веселаго и пріятнаго вида, какъ наканунѣ. Правда, первая сотня выступила, по обыкновенію, съ гиганьемъ и пѣньемъ, но у насъ, въ хвостъ колонны, всѣ были молчаливы и сосредоточены. Въ нашемъ отрядѣ не хватало казака, къ которому всѣ привыкли и который былъ уже членомъ нашей походной семьи. За нами несли раненныхъ, и кто-то изъ нихъ стоналъ протяжно и громко...

Иванъ Ивановичъ шелъ пѣшкомъ и тащилъ свою лошадь въ поводу. Когда мы останавливались для смѣны носильщиковъ, онъ ложился на землю, на животъ, или прислонялся верхней частью спины къ дереву. Сѣсть или лечь на спину онъ не могъ. Чхунъ, тоже замѣтно страдавшій, шагаль бодрѣе и на остановкахъ выбиралъ погуще траву и мужественно садился—непремѣнно на виду у всѣхъ.

Двигались медленно, съ частыми остановками—для смѣны носильщиковъ, для отдыха раненымъ, которыхъ топило отъ качки. Одинъ изъ нихъ умеръ дорогой, и казаки, несшіе его

трутъ, чаще просили отдыха и смѣны, увѣряя, что онъ тяжель, какъ свинцовый... Къ вечеру отъ него стало пахнуть, и носильщики смѣнялись поминутно.

Хотя отъ мѣста нашего ночлега до Ай-мыня было всего лишь 20—25 верстъ, мы не дошли до него за день, а остановились почевать въ деревушкѣ въ 5 верстахъ отъ города. Дивизія уѣхала впередъ, въ городъ; туда-же потребовали и обоихъ переводчиковъ, такъ какъ предстояла закупка провіанта и фуража и, слѣдовательно, много объясненій съ китайцами.

А мы пріѣхали въ Ай-мынь только въ полдень. Раненыхъ въ тотъ же день отправили въ Ляоянь, мертвого похоронили. Остались одни только здоровые, наслаждавшіеся послѣ долгой жизни впроголодь обиліемъ плодовъ земныхъ,—и вечеромъ мы съ Федоромъ Карловичемъ были приглашены штабомъ послушать полковую музыку. Музыканты въ сумеркахъ мягкаго весенняго вечера играли веселые марши, задумчивые вальсы...

Несчастье было забыто...

VIII.

Послѣ музыки мы съ Федоромъ Карловичемъ сидѣли въ отведенной намъ чистой и просторной фанзѣ и писали отчеты. Возлѣ насъ стоялъ толстый китаецъ, хозяинъ фанзы, курившій изъ длинной трубки и поминутно обмахивавшійся вѣеромъ, и смотрѣлъ, какъ я пишу. Когда я останавливался, онъ выражалъ, какъ могъ, свое удивленіе и одобреніе и съ почтительностью разсматривалъ перо. Потомъ притащилъ тетрадь и заставилъ насъ написать въ ней что-нибудь на память. Я не зналъ, что ему написать, и передалъ тетрадь Федору Карловичу. Тотъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и вывелъ: „Я васъ люблю любовью брата, а можетъ быть—еще нѣжнѣй“. Китаецъ закивалъ головой, засмѣялся и показалъ ему большой палецъ, въ знакъ своей благодарности, потомъ принесъ кисточку и тушь, взялъ у меня отчетный листокъ и тоже написалъ на немъ что то по-своему. Я показалъ ему за это свой большой палецъ.

Обмѣнъ любезностями не кончился на этомъ: китаецъ вытащилъ изъ-за пояса свой вѣеръ и раскрылъ его передъ нами. На немъ были изображены какіе-то цвѣты и птица. Китаецъ захлопнулъ его и раскрылъ снова,—и на этотъ разъ мы увидѣли грубо намалеванныя неприличныя картинки. Китаецъ хохоталъ и тыкалъ пальцемъ въ наиболѣе пикантныя мѣста рисунка.

— Вотъ баловникъ, — засмѣялся Ѳеодоръ Карловичъ. — Поди вѣдь, потомства у него, какъ песку, а чѣмъ занимается...

Китаецъ былъ очень доволенъ эффектомъ, который произвелъ его вѣрь. Чтобы отплатить ему, мы оба вытащили часы и показали. У Ѳеодора Карловича часы были съ боемъ, — и китаецъ былъ доволенъ несказанно. Всѣ китайцы почему-то чрезвычайно любятъ часы, — кажется, даже больше, чѣмъ ихъ любятъ наши маленькіе гимназисты.

Эта процедура обмѣна любезностями продолжалась бы, конечно, и еще, если бы ея не прервало появленіе Ивана Ивановича. Онъ цѣлый день былъ занятъ и теперь казался утомленнымъ до нелзя. Поздоровался онъ съ нами очень утомленнымъ, охрипшимъ голосомъ, но когда увидѣлъ толстаго хозяина, все его утомленіе исчезло сразу. Онъ что-то закричалъ, закивалъ головой, замахалъ руками и бросился къ нему. Тотъ посмотрѣлъ на него сначала съ недоумѣніемъ, потомъ узналъ и тоже закричалъ и замахалъ руками. Я никогда не видѣлъ болѣе бурной встрѣчи старыхъ знакомыхъ...

Когда кончились бурныя привѣтствія, китайцы ушли въ сосѣднюю комнату—поговорить. Говорили они недолго, и когда Иванъ Ивановичъ вышелъ къ намъ, онъ былъ очень разстроенъ и опечаленъ.

— Ну, что?—спросилъ я его.

— Хорошо нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Наша деревня русска много-много, моя фанза—жги...

— А семья?..

— Не знай... Я—не знай, онъ—не знай... Вяжи!

Онъ протянулъ мнѣ больную руку.

Я поправилъ сбившуюся повязку. Онъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ и не замѣчалъ, что я уже кончилъ перевязку, а все держалъ руку вытянутой.

— Можетъ быть, хочешь ѣсть?—спросилъ я.

— Мало-мало...—отвѣтилъ онъ равнодушно.

Поѣвъ, онъ взялъ меня за руку и отвелъ въ уголъ фанзы. „Я пойду, — сказалъ онъ... До деревни тридцать ли, и я успѣю утромъ вернуться. Если опоздаю, а генераль потребуетъ, скажи, что это ты меня куда-нибудь послалъ. Хорошо?“

Я согласился, и онъ ушелъ.

IX.

Утромъ Иванъ Ивановичъ вернулся. Дѣйствительность, которую онъ нашелъ въ своей деревнѣ, была самая печальная: та половина деревни, гдѣ стояла его фанза, была сожжена, а другая совершенно пуста, — тамъ не было ни китайцевъ, ни русскихъ. Это значило, что всѣ китайцы бѣжали въ горы и не смѣли вернуться назадъ. Иванъ Ивановичъ не зналъ, гдѣ ихъ искать, а такъ какъ было уже утро, вернулся въ Ай-мынь. Днемъ онъ ходилъ по городу, разыскивалъ знакомыхъ и спрашивалъ ихъ, а вечеромъ опять заявилъ мнѣ, что на ночь уйдетъ. И такъ три ночи подъ рядъ уходилъ онъ — очень исхудалъ, замѣтно посѣдѣлъ... поиски были, повидимому, тщетны...

А въ четвертую ночь ему нельзя было уйти: на утро назначена была экспедиція, и Иванъ Ивановичъ въ четыре часа долженъ былъ выѣхать съ отрядомъ въ походъ.

Отрядъ, при которомъ были и мы съ Федоромъ Карловичемъ, двинулся какъ разъ по той дорогѣ, при которой стояла злополучная деревушка. Она была расположена по берегамъ веселой, ярко блестящей на солнцѣ рѣчки — и на одномъ берегу стояло нѣсколько разбитыхъ, обезображенныхъ фанзъ, а на другомъ торчали изъ черной земли обгорѣлые столбы. Два такихъ столба, стоявшихъ у самаго берега и отражавшихся въ рѣчкѣ, были соединены перекладиной, и на ней висѣлъ трупъ китайца...

Когда мы вернулись изъ экспедиціи назадъ въ Ай-мынь, городъ переживалъ ту же самую эволюцію, что и прежняя наша резиденція, Сай-фу-цзы. Китайцы мало по малу уходили изъ него, закрывая свои „магазины“ и заколачивая фанзы, — и скоро улицы городка стали оживляться только звяканьемъ копытъ казачьихъ лошадей да крупнымъ и грубымъ русскимъ разговоромъ. И опять мы стали чувствовать недостатокъ фуража и провіанта...

Жизнь текла монотонно и скучно, — отрядъ отдыхалъ, японцы не двигались впередъ, и новостями, разнообразившими нашу жизнь, были лишь все учащавшіяся сообщенія о томъ, что китайцы относятся къ намъ все враждебнѣе и враждебнѣе. То рассказывали, какъ китайцы, поймавъ въ лѣсу заблудившагося казака, послѣ самыхъ дикихъ мучительствъ, убили его, то — какъ пришелъ въ Ай-мынь казакъ-фуражиръ съ вырваннымъ языкомъ, то еще что-нибудь въ столь же угнетительномъ духѣ... Стало опасно отходить отъ города въ лѣсъ въ небольшой компаніи. И, наконецъ, стало

известно, что китайцы всѣхъ, попадавшихся имъ въ руки. жгутъ живьемъ на кострахъ, и что появились шайки хунгузовъ.

X.

Мы только что выкупались въ быстрой и холодной горной рѣчкѣ и шли полемъ домой. Былъ вечеръ, — солнце ужъ коснулось краемъ деревьевъ, покрывавшихъ вершину горы, и гдѣ-то глухо стонала жаба. Послѣ купанья чувствовалась какая-то особенная легкость и бодрость, и офицеръ, купавшійся съ нами и все время передъ тѣмъ пристававшій къ намъ, чтобы мы написали ему свидѣтельство, что онъ боленъ дизентеріей, и что ему необходимо госпитальное лѣченіе, говорилъ теперь о томъ, какъ хорошъ въ Манчжуріи воздухъ и какъ хорошо было бы пожить тутъ на дачѣ.

На полѣ, по которому мы шли, стояло одинокое большое дерево, и подъ нимъ мы увидали небольшую кучку казаковъ — человекъ пятнадцать. Они стояли плотно, кружкомъ, и что-то не то дѣлали, не то рассматривали, молча, сосредоточенно.

— Что-бы они могли тамъ дѣлать? — спросилъ Федоръ Карловичъ.

— А давеча двухъ подозрительныхъ китайцевъ поймали, — объяснилъ офицеръ. — Должно быть, экзекуцію производятъ. Надо бы повѣсить, да генераль сегодня въ хорошемъ настроеніи — велѣлъ только постегать.

Когда мы подошли ближе, оказалось, что офицеръ правъ. Изъ тѣснаго кружка доносился слабый, свистящій звукъ плети, еще какіе-то странные звуки, похожіе на хлюпанье воды, и рѣзкій, отрывистый, немного хриплый полусшепотъ:

— Не блуди... не блуди...

Ему вторилъ низкій сдержанный голосъ:

— Семсить пять... семсить шесть...

А толпа хранила глубокое молчаніе. Только время отъ времени я слышалъ глубокій вдохъ — такъ вдыхаешь, когда долго сдерживаешь дыханіе и больше не можешь его сдерживать...

— Семсить восемь... семсить девять...

Шагахъ въ пяти отъ казаковъ стоялъ старикъ-китаецъ со связанными назадъ руками. Онъ былъ согнувшійся, маленький и совершенно сѣдой съ изжелта-бѣлой тонкой косой и рѣдкими, длинными волосами на верхней губѣ, похожими на усы моржа. Голова его тряслась, глаза были закрыты, и на лицѣ было недоумѣніе... Казалось, онъ прислу-

шнвался къ страннымъ звукамъ и силился понять, что они могутъ значить.

Экзекуція шла своимъ порядкомъ, и, наконецъ, считавшій удары произнесъ, повысивъ голосъ, почти крикнувъ:

— Сто!

Толпа задвигалась, заговорила.

— Чай, здохъ...

— Ну, они, паря, живучіе, что твоя кошка. Я однова вида.ть...

Оживился и старикъ: что-то забормоталъ, закивалъ головой и засмѣялся неслышнымъ старческимъ смѣхомъ, точно обрадовался, что странное молчаніе и странные звуки кончились.

Къ нему подошелъ казакъ съ плетью, вспотѣвшій и раскраснѣвшійся, съ сдвинутой на затылокъ фуражкой, и развязалъ ему руки. Старикъ съ удовольствіемъ вытянулъ ихъ въ стороны и засмѣялся еще сильнѣе. Казакъ съ брезгливой миной взялъ за воротъ его синей грязной рубахи и потащилъ къ дереву, въ толпу.

— Пойдемте, пойдемте,—заторопился Федоръ Карловичъ и быстро пошелъ по дорогѣ. А я не могъ уйти: меня противъ воли тянуло къ дереву неудержимое любопытство—посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Я протискался сквозь толпу

Казакъ, удерживая рукой старика за воротникъ его рубахи, неожиданно и быстро ударилъ ногой по его ногамъ. Старикъ свалился ничкомъ на землю, но тотчасъ-же быстро, точно на пружинѣ, повернулся на спину и сѣлъ. Онъ все еще смѣялся и, кивая головой на притащившаго его сюда казака, все что-то пытался сказать сквозь душившій его смѣхъ, но не могъ...

— Изъ ума выжилъ,—сказалъ кто-то.

— Ничего, сейчасъ придетъ въ умъ... — отвѣтилъ казакъ съ плетью.—Попридержи-ка его, паря, за плечи.

Старика опять опрокинули навзничъ. Одинъ изъ казаковъ прижалъ его плечи къ землѣ, а другой быстро стащилъ съ него широкіе штаны. Тѣло у старика было какого-то шоколаднаго цвѣта, совсѣмъ не похожее на человѣческое... Онъ пересталъ было смѣяться, съ трудомъ, упираясь подбородкомъ въ землю, поднялъ голову, посмотрѣлъ въ недоумѣніи на казаковъ, на меня своими мутными бѣлесоватыми глазами, но потомъ опять мотнулъ головой и опять засмѣялся...

Негромкій, но рѣзкій свистъ и еще другой странный звукъ...

— Разъ...

На шоколадномъ тѣлѣ легла бѣлая узкая полоска, точно бумажная лента...

Старикъ дернулся всѣмъ тѣломъ, еще выше поднявъ голову. Глаза его были теперь широко раскрыты и, казалось, поблѣдѣли еще болѣе, какъ будто на нихъ были бѣльма...

Опять свистъ—и на тѣло легла другая полоска бумаги, пересѣкшись съ первой...

— Два...

И вдругъ—крикъ, нечеловѣческій, неописуемо-ужасный крикъ, который и сейчасъ, когда я пишу объ этомъ, звенитъ въ моихъ ушахъ...

XI.

Эту ночь мнѣ снились страшные сны. То я видѣлъ, что мы обойдены, окружены со всѣхъ сторонъ и стоимъ кучей въ котловинѣ и ждемъ. Казаки, блѣдные, трясущіеся, стоятъ еотнями въ полномъ порядкѣ, какъ на парадѣ, съ развернутыми, хлопающими отъ вѣтра знаменами. Съ трехъ сторонъ, по тремъ дорогамъ, приближаются къ намъ звуки перестрѣлки: то отступаютъ, тѣснимые японцами, наши заставы. Заняты всѣ три дороги, и намъ больше нѣтъ выхода... Стрѣляютъ все ближе и ближе, и звуки выстрѣловъ, короткіе и равнодушные, странно отгвняются общимъ молчаніемъ, удивительной, мертвой тишиной. И вдругъ кто-то крикнулъ неестественнымъ, звенящимъ голосомъ:

— Братцы! Спляшемъ въ послѣдній разъ...

И откуда-то взялись гармоника и бубень, и всѣ кругомъ заплясали, топоча по землѣ и выкрикивая: „Вотъ какъ! Вотъ какъ!..“ Пляшу и я, и тоже кричу: „Вотъ какъ! Вотъ какъ!..“ А ужъ на горѣ видны японскія пушки, видны черныя ихъ жерла, обращенныя прямо на насъ...

То мнѣ снилось, что я на перевязочномъ пунктѣ—и не могу справиться съ работой. Раненыхъ стоитъ кругомъ цѣлое полчище, и всѣ они, кровавые, тянутъ меня къ себѣ, кричатъ, и изъ всѣхъ льется кровь и ручьями, журча, бѣжитъ по землѣ подъ ногами. И мои ноги скользятъ въ грязи, и самъ я весь мокрый отъ крови... И ужъ близко бѣгутъ казаки съ безумнымъ крикомъ и сейчасъ насъ всѣхъ сомнутъ, а я не могу сдвинуться съ мѣста. И что-то визжитъ кругомъ, какъ пила по желѣзу...

То видѣлъ я, что я привязанъ къ дереву, у моихъ ногъ лежатъ дрова, и ихъ разжигаетъ согнувшійся китаецъ. Тѣло у него темное, шоколаднаго цвѣта, и на немъ наклеены бѣлыя бумажныя ленточки. Наклеены онѣ плохо, и вѣтеръ играетъ концами. А кругомъ кричитъ и пляшетъ цѣлая толпа кривляющихся китайцевъ, голыхъ, съ шоколадными

тѣлами, тоже покрытыми бѣлыми полосками. И въ ихъ воѣ я разбираю отдѣльные крики, отчетливо выговаривающіе мое имя: „Григорій!.. Григорій!.. Григорій!..“

Отъ этихъ криковъ я просыпаюсь и вижу, что надо мной въ полумракѣ наклонился Иванъ Ивановичъ, дергаетъ за мое одѣяло и кричить:

— Григори! Григори!

Я вскакиваю и, не понимая, на яву ли я вижу его или это продолжается сонъ, спрашиваю:

— Что? Что тебѣ?

— Вставай, Григори... Вставай!

Крикъ разбудилъ Федора Карловича, и онъ, какъ угорѣлый, прыгнулъ съ канъ.

— Пожаръ? А? пожаръ?

Иванъ Ивановичъ продолжалъ кричать, какъ сумасшедшій, и тянуть меня за руку...

— Григори... Григори... Пойдемъ... Лѣчи мало-мало...

Я почти машинально повиновался ему, и онъ вытащилъ меня на дворъ. На дворѣ горѣлъ костеръ и освѣщаль толпу сонныхъ санитаровъ, наклонившихся надъ чѣмъ-то, лежащимъ на землѣ, воокъ самаго огня. Иванъ Ивановичъ притащилъ меня къ костру и толкнулъ на лежавшій на землѣ предметъ. Это было голое, темное человѣческое тѣло, казавшееся при свѣтѣ костра темно-бронзовымъ. Я наклонился, дрожа, и нащупалъ плечо,—холодное и скользкое. Я поднялъ голову лежавшаго и — узналъ старика, котораго казаки били вечеромъ. И голова была уже холодная, тяжелая.

— Мертвый...—сказалъ я, вздрогнувъ.

Иванъ Ивановичъ высоко подпрыгнулъ, хлопнулъ ладонями по бедрамъ и закричалъ дико, пронзительно... Санитары отшатнулись отъ него въ сторону... А онъ быстро наклонился къ трупу, опять подпрыгнулъ, и опять завылъ. Его крикъ холодилъ сердце... Коса у него растрепалась, и волосы, длинные и густые, какъ женскіе, разсыпались по спинѣ.

— Ага...—раздался вдругъ изъ толпы санитаровъ насмѣшливый голосъ Чхуна.—Ага... Папаша — чики-чики... Сдохла папаша...

Чхунъ, по обыкновенію, прибавилъ ругательство и засмѣялся. Иванъ Ивановичъ быстро повернулся и, метнувшись въ его сторону, обѣими руками вцѣпился ему въ лицо. Чхунъ завизжалъ, какъ поросенокъ... Они клубкомъ повалились на землю. Санитары, точно въ оцѣпненіи, смотрѣли на нихъ, катающихся по землѣ. Федоръ Карловичъ, въ одномъ бѣльѣ, бросился разнимать... Я тоже...

Мои руки путались въ волосахъ Ивана Ивановича,

визжавшаго и ревѣвшаго, какъ звѣрь. Кое-какъ мы разжали его стиснутые руки и освободили Чхуна,—тотъ, вырвавшись, на четверенькахъ юркнулъ въ темноту.

... Днемъ Иванъ Ивановичъ унесъ съ двумя другими китайцами трупъ своего отца—и больше въ отрядъ его никто не видалъ. Въ слѣдующую ночь сгорѣла богатая фанза, гдѣ помѣщался генералъ съ своимъ штабомъ,—и всѣ рѣшили, что это Иванъ Ивановичъ отомстилъ русскимъ, и что онъ, вѣроятно, перешелъ на службу къ японцамъ.

XII.

Прошло двѣ недѣли,—Иванъ Ивановичъ исчезъ безслѣдно. И мы уже стали забывать о немъ, такъ какъ эти двѣ недѣли были полны развѣдочныхъ экспедицій и иныхъ кровавыхъ событій, и дѣла намъ было много.

Въ одну изъ развѣдокъ мы почему-то простояли цѣлыхъ два дня въ глухой маленькой деревушкѣ, лежавшей въ оврагѣ, среди высокихъ и мрачныхъ горъ, точно въ колодезѣ. Хотѣлось какъ можно скорѣе вылѣзть изъ этой дыры, и всѣ были очень довольны, когда былъ объявленъ приказъ о выступленіи. Выступленіе было назначено рано, въ три съ половиной часа утра, и мы съ Ѳеодоромъ Карловичемъ улеглись спать, лишь только стемнѣло.

Ночью меня разбудилъ чей-то ужъ учень знакомый шепотъ: „Григорій... Григорій...“ Кто-то въ темнотѣ шарилъ по канамъ руками, задѣвая мои ноги. Я нащупалъ возлѣ себя спички и чиркнулъ. Передо мной стоялъ Иванъ Ивановичъ.

Я зажегъ свѣчку. Иванъ Ивановичъ сильно измѣнился—похвѣлъ, потемнѣлъ, и глаза у него стали еще больше и глубже. Больная рука была кое-какъ обмотана грязной тряпкой.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросилъ я и по привычкѣ, зѣвая, взялъ его больную руку, чтобы перемѣнить повязку.—Смотри, какъ грязно.. Развѣ такъ можно?

— Григоріи...—заговорилъ онъ шепотомъ, вырывая руку.—Скорѣй сѣдай, весь Красный Крестъ сѣдай... Ступай дорога...

— Что такое? Зачѣмъ?

— Я знаю... Дорога Ай-мынь не ходи, та дорога (онъ показалъ направленіе) не ходи, иди та дорога... Скорѣй... Никому не говори.

— Да зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Я знаю... Уходи: будетъ лучше. Это я тебѣ—спасибо...

Тебѣ, онъ (онъ указалъ на спящаго Федора Карловича)... Прощай, Григори, сѣдлай скорѣй...

Онъ не далъ мнѣ перевязать руку, потушилъ свѣчку и исчезъ. Я снова зажегъ свѣчку и разбудилъ Федора Карловича. Тотъ, выслушавъ меня, задумался. Было видно, что происшествіе его встревожило.

— Знаете, что?—сказалъ онъ.—Ночью на насъ нападутъ японцы, и Иванъ Ивановичъ рѣшилъ насъ съ вами предупредить, чтобы мы выбрались отсюда по добру, по здорову. Я думаю, это онъ же и японцевъ-то привелъ—все въ отместку. А намъ съ вами не за что мстить, понимаете? Бѣжать къ генералу, сказать, а то и въ самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ что выйдетъ...

Онъ быстро одѣлся, зажегъ фонарь и ушелъ. Я тоже одѣлся и вышелъ во дворъ. Ночь была темная-темная, съ большими звѣздами на небѣ, мигавшими неровно и тревожно. Кругомъ стоялъ звонъ отъ крика лягушекъ, непрерывный, назойливый и раздражающій. На горахъ кричали какія-то ночныя птицы... „Надо сѣдлатъ,—подумалъ я:—если и въ самомъ дѣлѣ нападутъ, куда къ чорту въ такую темень сунешься...“ Я разбудилъ санитаровъ и велѣлъ имъ готовиться въ путь.

Федоръ Карловичъ вернулся отъ генерала, недовольный и сердитый.

— Генералъ ко всѣмъ чертямъ послалъ,—сообщилъ онъ.—Обозлился, что разбудили. Обозвалъ насъ трусами и бабами и сказалъ, что мы въ сны вѣримъ. Говорить, что кругомъ заставы и дозоры, и что мы можемъ спать спокойно и не мѣшать другимъ... Бурбонъ, чортъ его дери... свинина... Не вѣрю я его заставамъ и дозорамъ!

Мы все-же рѣшили быть на готовѣ, велѣли собрать все добро и заставляли дежурить, вмѣсто одного, двухъ санитаровъ. Всѣ остальные должны были спать, не раздваясь. Мы тоже, не раздваясь, улеглись на канахъ, но спать не могли. На дворъ еще можно было при свѣтѣ звѣздъ различать очертанія предметовъ, но въ фанзѣ было совершенно темно...

Федоръ Карловичъ ворочался съ боку на бокъ и пыхтѣлъ.

— Не могу,—не вытерпѣлъ онъ, наконецъ.—Боюсь.. Обязательно что-нибудь случится...

И, какъ будто въ отвѣтъ, гдѣ-то на горѣ прокатился по лѣсу выстрѣлъ. Немного погода, бухнули сразу два новыхъ выстрѣла. И не успѣли мы вскочить и зажечь свѣчу, какъ загремѣлъ на горѣ залпъ, затѣмъ другой, въ другомъ мѣстѣ, еще и еще. Залпы были стройные, не-расыпающіеся—стрѣляли, очевидно, японцы. Въ деревнѣ закри-

чали, забѣгали, засуетились, и звонко и отчетливо раздались нервные звуки рожка, игравшаго тревогу. А залпы все приближались, становясь громче и грознѣе.

Мы стояли на дворѣ, всѣ въ кучѣ. Федоръ Карловичъ держалъ меня за руку и дрожалъ.

— Темно, ни чорта не видно,—лепеталъ онъ. — Сейчасъ ворвутся въ деревню... Почему разберуть, что мы Красный Крестъ... Переколютъ, всѣхъ переколютъ.

Но я почему-то не чувствовалъ на этотъ разъ страха,—у меня, напротивъ, появилось какое-то нелѣпо-смѣшливое настроеніе, и мнѣ все хотѣлось сказать Федору Карловичу: „Ничего, паря, не робѣй: до свадьбы заживежь...“ Дороги, на которую указывалъ Иванъ Ивановичъ, я не зналъ, и намъ оставалось сидѣть на дворѣ фанзы. Гдѣ-то очень близко раздалось протяжное и спокойное восклицаніе:

— Со-о-отня...

И за нимъ короткое и отрывистое:

— Пли!

Нестройно рассыпался русскій залпъ. Протрещалъ залпъ и въ другомъ концѣ деревушки, потомъ опять: „Со-о-отня... пли!“ Завязалось сраженіе.

Вспыхнула гдѣ-то фанза—и нашъ дворъ освѣтился трепещущимъ розоватымъ свѣтомъ. Потомъ загорѣлось на другомъ краю деревни, и неожиданно, ярко и быстро, заставивъ насъ вздрогнуть, вспыхнула фанза, сосѣдняя съ нашей. Лошади забились...

— Красный Крестъ,—крикнулъ кто-то намъ въ ворота.— Скорѣй на большую дорогу... Скорѣй, вскачъ!

ХІІІ.

Въ іюлѣ, когда генералъ У. за какую-то контузію успѣлъ получить повышение и командовалъ уже большимъ отрядомъ, гдѣ, кромѣ его казачьей дивизіи, было еще нѣсколько батарей и нѣсколько полковъ пѣхоты, намъ пришлось участвовать въ большомъ сраженіи — уже къ сѣверу отъ Аймыня, занятаго японцами.

Мы съ Федоромъ Карловичемъ расположились на полянѣ, на берегу рѣчки, между линіей боя и резервами. Къ намъ непрерывнымъ потокомъ приносили раненыхъ—и мы, наскоро перевязавъ, тотчасъ-же отправляли ихъ дальше, въ тылъ. Мимо насъ проходили впередъ цѣпи стрѣлковъ, еще идущихъ, усталыхъ, покрытыхъ слоемъ желтой пыли. Они съ полночи были на ногахъ (а теперь уже вечерѣло) днемъ ихъ, шагавшихъ по пыльной дорогѣ, жестоко палило лѣтнее

солнце, а теперь, вмѣсто отдыха, ихъ гнали въ бой. Имъ навстрѣчу несли стонущихъ, хрипящихъ, залитыхъ кровью раненыхъ,—и ихъ цѣпи молча, нехотя размыкались, чтобы дать дорогу, и смыкались опять...

Мы работали, и земля вокругъ насъ была покрыта кровавыми обрывками бѣлья и бинтовъ, шариками ваты, налитыми кровью. И руки наши тоже были въ крови, засохшей выше кистей и еще липкой на пальцахъ, и мы не могли найти свободной минуты ихъ вымыть. Раненые стонали и кричали въ нашихъ рукахъ, торопили насъ и бранились, если имъ долго приходилось ждать очереди. И мы сами торопились, быстро закрывая слоями марли отвратительныя, круглыя, черныя дыры на ихъ тѣлахъ...

На минуту притокъ раненыхъ прекратился, и я сѣлъ отдохнуть и разсматривалъ свои руки, на которыхъ растрескалась засохшая кровь. Я ни о чемъ не думалъ, кромѣ этихъ мелкихъ извилистыхъ трещинъ—и вдругъ замеръ отъ страха, услышавъ знакомый отчаянный крикъ:

— Григори!.. Григори!

Я вскочилъ. Иванъ Ивановичъ стоялъ противъ меня на дорогѣ, со связанными за спиной руками. Я узналъ его только по крику и фигурѣ,—и вмѣсто лица у него было что-то распухшее, отвратительное, багровое, въ чемъ нельзя было разобрать ни глазъ, ни носа. Его толстую длинную косу держалъ въ рукахъ Чхунъ, сидѣвшій на лошади. Чхунъ смѣялся и кричалъ мнѣ что-то, но я видѣлъ гримасы на его лицѣ, видѣлъ, какъ раскрывается его ротъ и оскаливаются желтые зубы, но звуковъ не слышалъ совершенно. Я подбѣжалъ къ нимъ.

— Шпіонъ... Я поймалъ,—говорилъ Чхунъ.—Японска шпіонъ Ванька. Смотри...

Онъ показалъ на привязанный къ сѣдлу длинный шестъ съ флагомъ ярко-краснаго цвѣта съ узкой бѣлой каймой.

— Григори!—закричалъ опять Иванъ Ивановичъ.—Пусти...

Чхунъ дернулъ его за косу и зашлепалъ ногами по бокамъ лошади.

— Иди, иди, японска шпіонъ...

Въ эту самую минуту принесли раненаго офицера, который еще за нѣсколько сажень, увидавъ меня, закричалъ:

— Докторъ, голубчикъ... Перевяжите скорѣй... Голубчикъ, истекаю кровью... Полны сапоги...

Я, съ камнемъ на сердцѣ, отвернулся отъ китайцевъ и пошелъ къ нему. Иванъ Ивановичъ крикнулъ мнѣ еще разъ: „Григори!“—а Чхунъ захохоталъ и заговорилъ по-китайски.

У офицера оказались пробиты обѣ ноги—должно быть, одной пулей. Ранки были маленькія и совершенно сухія,—онъ не

потерялъ ни капли крови, хотя ему и казалось, что онъ истекаетъ кровью. Когда я перевязалъ его и посмотрѣлъ на дорогу, китайцевъ уже не было видно.

На другой день Ивану Ивановичу отрубили голову. Казакъ, видѣвшій казнь, говорилъ мнѣ, что голову Ивана Ивановича хотѣли въ назиданіе прочимъ „мирнымъ жителямъ“ повѣсить за косу на деревѣ, но не могли этого сдѣлать потому, что косы на головѣ не оказалось: ее всю повидадержалъ Чхунъ...

Что случилось съ самимъ Чхуномъ, я не знаю: черезъ два дня мы съ Федоромъ Карловичемъ навсегда покинули отрядъ. Я слышалъ только, что за поимку шпиона генералъ повѣсилъ ему георгіевскій крестъ...

Григорій Бѣлорѣцкій.

Къ характеристикъ общественнаго движенія отсталыхъ странъ.

Приступая въ настоящей статьѣ къ характеристикѣ нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго движенія въ Венгріи и Италіи, я чувствую потребность выяснитъ общій смыслъ и значеніе избранной мною темы. Въ нашей литературѣ какъ-то *не принято* останавливать много вниманія на демократическомъ движеніи этихъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, чему у нихъ учиться? Другое дѣло—англійское, нѣмецкое, французское движеніе. У рабочихъ партій этихъ странъ обширный опытъ, строго выработанная и выдержанная тактика, богатая и славная исторія, наконецъ, обстоятельная теоретическая обосновка практическихъ требованій и средствъ борьбы. Здѣсь есть что изучать и есть чему учиться. Но рабочее движеніе Италіи, а тѣмъ паче Венгріи? Ему еще только что исполнилось совершеннолѣтіе, оно только недавно стало на собственные ноги и вышло изъ періода младенчества. Казалось естественнымъ, что литература наша не обращаетъ особенно большаго вниманія на прошлое и настоящее народнаго движенія въ этихъ странахъ.

Такое отношеніе, однако, кажется намъ нѣсколько одностороннимъ и неправильнымъ. Оно можетъ повести и, дѣйствительно, ведетъ къ очень важнымъ ошибкамъ. Общій типъ ошибокъ этого рода превосходно охарактеризованъ еще Марксомъ въ его знаменитомъ „Манифестѣ“. Онъ рѣзко критикуетъ представителей нѣмецкаго „истиннаго социализма“ за то, что они слѣпо копировали тактику французскихъ социалистовъ, забывая, что вмѣстѣ съ французскими программами они не могли перенести въ свою родину и французскихъ экономическихъ условій, которымъ эти программы соответствовали... Намъ важно не только то, какой степени исторической зрѣлости достигло рабочее движеніе въ данной странѣ; намъ важно и то, какова была его арена, въ какой комбинаціи времени и мѣста приходилось ему вырабатываться и опредѣлять свою программу и тактику; насколько эти условія близки къ условіямъ нашего собственнаго движенія или далеки

отъ нихъ. И если въ смыслѣ исторической зрѣлости соответственное движеніе Венгріи и Италіи не представляетъ особеннаго интереса, и потому съ грѣхомъ пополамъ можно оправдать третированіе его, какъ малозначущее, то, наоборотъ, обѣ эти страны выдвигаются на первый планъ, если рѣчь пойдетъ о большемъ или меньшемъ сходствѣ условій развитія интересующаго насъ идейнаго и практическаго общественнаго теченія въ этихъ странахъ сравнительно съ условіями его развитія въ нашей родннѣ.

Наше время есть время международного рынка, международного раздѣленія труда и международной экономической борьбы. Эта высшая „международная“ стадія, въ которую все болѣе и болѣе вступаетъ современный буржуазный міръ, представляетъ собою по существу лишь дальнѣйшее расширение, дальнѣйшее развитіе той общей тенденціи, которую обнаружилъ капитализмъ при первомъ же своемъ зарожденіи. Прежде капитализмъ ставилъ во взаимную зависимость различныя отдѣльныя хозяйства внутри страны; теперь онъ ставитъ въ такую же взаимную зависимость между собой цѣлыя страны. Прежде,—не смотря на упорное стремленіе отдѣльныхъ хозяевъ держаться, пока возможно, за натуральное хозяйство, удовлетворяя собственными средствами всѣмъ своимъ потребностямъ,—сквозъ это упорное стремленіе пробился желѣзный законъ раздѣленія, дифференцированія занятій. Нынѣ подобное же раздѣленіе, дифференцированіе происходитъ и между цѣлыми странами. Не смотря на стремленіе каждой изъ нихъ по возможности собственными силами удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, производить внутри государства все необходимое для личнаго и производительнаго потребленія и такимъ образомъ развиться въ замкнутое, самодовлѣющее хозяйственное цѣлое, обстоятельства оказываются сильнѣе этихъ стремленій: и желѣзный законъ международного раздѣленія труда принуждаетъ отдѣльныя націи отказаться отъ фантома „самобытности“ этого рода и взять на себя преимущественно нѣкоторыя опредѣленныя функціи при удовлетвореніи потребностей международного рынка. Наконецъ, подобно тому, какъ конкуренція между отдѣльными хозяевами—это исправленное и дополненное изданіе дарвиновской чисто-зоологической „борьбы за существованіе“—фатально вездѣ приводила и приводитъ къ возвышенію немногихъ на счетъ побѣжденнаго большинства, точно также и международная экономическая борьба привела къ раздѣленію странъ на экономически-господствующія и страны-даницы, на цвѣтущія капиталистическія страны и на страны, истощаемыя капитализмомъ. Въ различныхъ странахъ въ разной мѣрѣ опредѣлилось пропорціональное соотношеніе положительныхъ, творческихъ, свѣтлыхъ сторонъ капитализма и отрицательныхъ, разрушительныхъ, темныхъ его сторонъ...

„Одна нація можетъ и должна учиться у другой“, сказалъ К. Марксъ. Но само собой разумѣется, что возможность учиться,

перенимать, взятая, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи, прямо пропорціональна сходству хозяйственныхъ типовъ странъ и обратно пропорціональна различіямъ между страню-образцомъ и страню-ученицей. А между тѣмъ, что же мы постоянно видимъ? Почти всегда, когда намъ предлагаютъ учиться на примѣрахъ другихъ странъ,—какія страны набираются въ качествѣ моделей, образцовъ? Англія, Бельгія, Германія, еще разъ Англія, еще разъ Бельгія, еще, еще и еще разъ Германія, Германія, Германія... Что же касается тѣхъ странъ, которымъ въ системѣ международного раздѣленія труда выпала менѣе видная и блестящая роль, которымъ досталась на долю болѣе сѣренькая и незавидная участь,—какъ тѣ же Венгрія или Италія — такъ въ своихъ познаніяхъ о характерѣ общественнаго движенія въ этихъ странахъ громадное большинство даже наиболѣе образованныхъ въ общественномъ смыслѣ читателей откроетъ огромныя пробѣлы. Для иныхъ же хотя бы рабочее движеніе этихъ странъ, пожалуй, и вовсе будетъ какою-то *terra incognita* — невѣдомой землей. А вѣдь, между тѣмъ, наша родина по типическимъ особенностямъ своего хозяйственнаго развитія до сихъ поръ стояла и стоитъ ближе всего къ этимъ послѣднимъ, обдѣленнымъ капиталистическими благами странамъ, а вовсе не къ первымъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Да то, что благодаря указанному пробѣлу въ нашихъ познаніяхъ, мы сами себя отрѣзываемъ отъ наиболѣе instructive опыта движенія, происходящаго при наиболѣе аналогичныхъ съ нашими условіяхъ; что мы односторонне прилипаемъ всѣми своими помысленіями къ опыту, можетъ быть, болѣе яркому и блестящему, но за то недосигаемо далекому. А вѣдь намъ это знакомство нужно вовсе не для платоническаго восхищенія, а для дѣятельнаго утилизированія. Но какъ утилизировать чужой примѣръ, когда самыя обстоятельства дѣятельности, когда самыя условія движенія почти несоизмѣримы?

Отсюда и множество ошибокъ, въ которыя мы легко впадаемъ при самомъ искреннемъ и усердномъ стремленіи воспользоваться чужимъ опытомъ, позаимствоваться чужимъ умомъ, — ошибокъ, смотрѣть на которыя со стороны, конечно, „было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“...

Есть, напримѣръ, страны, политическое развитіе которыхъ такъ далеко ушло впередъ, что борьба за элементарныя общественныя права для нихъ уже давно почти завершенное дѣло. Въ этой области имъ остается сдѣлать лишь такія завоеванія, что концентрація всѣхъ силъ на нихъ становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ. И вотъ въ этихъ передовыхъ странахъ развивается стремленіе если уже не перенести центръ тяжести, то, по крайней мѣрѣ, отдѣлить значительную часть силъ на борьбу чисто экономическую, на созиданіе профессиональных союзовъ и промышленныхъ коопераций всѣхъ видовъ,—словомъ, на органи-

зации, удовлетворяющія ближайшимъ, непосредственнымъ, повседневнымъ запросамъ жизни рабочаго люда. Движеніе это двухъ видовъ: мирный тредсъ-юніонизмъ англійскаго типа, съ одной стороны, боевой синдикализмъ французскаго типа, съ *action directe* и туманными „аполитическими“ тенденціями—съ другой. И вотъ, не желая отстать отъ „Европы“, и мы въ свое время принялись было „еврывать въ мощь вспомогательныхъ касокъ“, а теперь иногда увлекаемся аполитическими тенденціями и „вѣруемъ въ мощь“ единственно лишь рѣзкой непосредственно-экономической тактики...

Есть страны, экономическое процвѣтаніе которыхъ создало необычно благопріятныя условія для стачечной борьбы; гдѣ капиталисты, пожиная колоссальные барыши на международномъ рынкѣ, напрягали всѣ усилія на захватъ новыхъ и новыхъ районовъ сбыта; гдѣ ростъ производства и спроса на рабочія руки открывалъ возможность сильнѣйшаго повышенія заработной платы; гдѣ фабриканты болѣе всего нуждались въ безостановочномъ, лихорадочномъ функціонированіи производительной машины и во избѣжаніе ея досадныхъ и убыточныхъ пріостановокъ сравнительно легко соглашались (выражаясь словами Зомбарта объ англійскихъ промышленникахъ) „дѣлиться сыплющимся на нихъ золотымъ дождемъ и со своими рабочими“. Въ такихъ странахъ легко развивался узко-практическій тредсъ-юніонизмъ, и даже передовые рабочіе находили выгоднымъ не мѣшать политики въ дѣло рабочихъ союзовъ, объединять для непосредственной экономической жатвы всѣхъ рабочихъ независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій... И опять еще недавно мы не захотѣли отстать отъ „Европы“: краткаго и эфемернаго процвѣтанія нѣкоторыхъ отраслей промышленности, временнаго увеличенія спроса на квалифицированныхъ рабочихъ при ихъ недостаткѣ было достаточно, чтобы открывшіяся практическія возможности при этихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ вскружили многимъ голову. Они забыли обо всемъ: о сравнительной чужлости нашего доморощенного капитализма, о взаимномъ приспособленіи его и завѣщанныхъ „добрымъ старымъ временемъ“ государственно-политическихъ „надстроекъ“, о близости промышленнаго кризиса, о нищетѣ массъ населенія, о наплывѣ изъ деревень дешевыхъ рабочихъ рукъ, сбивающихъ заработную плату... Они все забыли, они начертали передъ собой въ воображеніи широкую столбовую дорогу „чисто-экономической“ формы движенія; явились—нынѣ, къ счастью, умершія и отданныя въ архивъ—попытки возвести голый, односторонній „стачкизмъ“ въ цѣлую всеобъемлющую и всенсчерпывающую политическую программу...

Есть страны, въ которыхъ, благодаря международному раздѣленію труда, имѣетъ мѣсто чуть-чуть не атрофія сельскаго хозяйства и земледѣлія и гипертрофія высшихъ отраслей индустріи.

И, рабски копируя ихъ, мы специализировали свою программу на интересахъ одной части трудящагося населенія, именно на интересахъ фабрично-заводскаго пролетаріата; мы на долгое время совершенно забыли о крестьянствѣ; и стоило большихъ усилій выдвинуть вновь крестьянскій вопросъ на то мѣсто, которое законно принадлежитъ ему въ общественномъ вниманіи. Да и то, если бы не рядъ стихійныхъ движеній, упавшихъ какъ снѣгъ на голову многимъ, едва ли бы такъ быстро удалось вызвать надлежащій переломъ въ общественномъ настроеніи. И теперь еще сказываются плоды той растерянности, которая вызвана была тѣмъ, что аграрный вопросъ засталъ многихъ врасплохъ, и которая до сихъ поръ ярко отражается въ неустойчивости и неразработанности общественныхъ программъ по этому вопросу...

Есть страны, гдѣ непосредственно-массовыя формы движенія имѣютъ такой широкій просторъ обще-признаннаго развитія, что соответственно сократились предѣлы индивидуальныхъ и групповыхъ болѣе тѣсныхъ и болѣе централизованныхъ соединеній, упразднились многіе виды индивидуальныхъ общественныхъ актовъ, процвѣтавшихъ когда-то на почвѣ старыхъ политическихъ настроеній; гдѣ самыя массовыя движенія утратили свои рѣзкія формы и приобрѣли болѣе выдержанный характеръ, болѣе длительные и постепенные методы. Но не ясно ли, однако, что эти методы не повсюду можно слѣпо копировать безъ ущерба для дѣла.

Есть, наконецъ, страны, гдѣ расцвѣтъ капитализма способенъ ослѣплять своимъ блескомъ даже лучшія интеллектуальныя силы; гдѣ буржуазія обладаетъ не только экономической, но и политической и даже интеллектуальной мощью; гдѣ, вдобавокъ, широкая индивидуальная и общественная свобода, добытая подъ ея гегемоніей, представляетъ большое удовлетвореніе людямъ науки, людямъ мысли, людямъ умственного труда — этому цвѣту націи, на культивированіе котораго уходитъ много лучшихъ соковъ народнаго организма. Въ этихъ странахъ принципы буржуазно-капиталистическаго строя могутъ привлекать къ себѣ сердца громаднаго процента интеллигенціи, и требуется большая прозорливость, чтобы рассмотреть съвою казовую сторону и изнанку „купонной“ цивилизаціи. И, глядя на такія страны, мы забыли, что наша родина представляетъ діаметральную противоположность имъ, что бюрократическіе тиски и процвѣтающія при нихъ грубѣйшія формы эксплуатаціи, въ связи съ крайнимъ сервилизмомъ буржуазіи, способны издавна лишь толкать въ противоположный лагерь все честное, все живое, все обладающее непомернымъ умомъ и не закорюченнымъ сердцемъ. Мы все это забыли, и, чтобы не отстать отъ „Европы“, стали твердить, что не можетъ быть добраго изъ Назарета, что преданные интересамъ народа интеллигенты такъ же рѣдки, какъ бѣлые вороны, и что поэтому ра-

бочіе должны относиться съ недовѣріемъ ко всему, что идетъ отъ интеллигенціи...

Мнѣ думается, что такихъ прискорбныхъ промаховъ и ошибокъ было бы, можетъ быть, меньше, если бы чаще заглядывали въ лѣтописи общественнаго движенія не только такихъ странъ, какъ Англія и Германія, но и такихъ, какъ, напримѣръ, Венгрія или Італія... И въ этомъ — смыслъ темы, избранной нами для настоящей статьи.

По общему складу своей хозяйственной жизни Венгрія во многомъ напоминаетъ Россію. Во-первыхъ,¹ это—страна по преимуществу земледѣльческая; обработка земли (включая сюда лѣсные промыслы) занимаетъ болѣе 62-хъ процентовъ населенія. Венгерская индустрія въ общемъ развита весьма слабо (въ различныхъ областяхъ собственно такъ называемой промышленности работаетъ немногимъ болѣе 5 процентовъ населенія) и рассчитана почти исключительно и всецѣло на внутренній рынокъ. Бебель назвалъ даже однажды Венгрію „полуварварской страной“. Настоящая, современная капиталистическая промышленность существуетъ въ Венгріи какихъ-нибудь 35—40 лѣтъ. Она пересажена сюда изъ-за границы и даже по личному составу предпринимателей до сихъ поръ является главнымъ образомъ дѣломъ русъ иностранцевъ. И это не смотря на то, что венгерское правительство стрелится всѣми силами создать рядъ „собственныхъ“ крупныхъ индустріальныхъ центровъ; не смотря на то, что предпринимательскій капиталъ никогда не встрѣчалъ отказа въ поддержкѣ и покровительствѣ со стороны власти, особенно, если дѣло касалось созданія или введенія въ странѣ какой-нибудь новой отрасли промышленнаго дѣла. Благодаря этому, получился усиленный приливъ въ страну иностранныхъ капиталовъ, преимущественно изъ Австріи и Германіи. Но эти иностранные капиталы устремлялись въ страну, руководимые главнымъ образомъ чисто спекулятивными и коммерческими цѣлями. Чего-либо крупнаго въ области производства они почти что не создали. Полемъ ихъ дѣятельности была главнымъ образомъ столица, гдѣ близость къ правительству съ его щедротами и милостями лучше всего и проще всего гарантировала успѣхъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ страны, особенно на границѣ съ Австріей, образовался еще рядъ небольшихъ индустріальныхъ оазисовъ. Вотъ и всѣ результаты усиленныхъ заботъ и хлопотъ.

Само собой разумѣется, что оплачивалъ все это покровительство капиталу изъ своей тощей мошны трудящійся деревенскій людъ. Объединеніе его шло впередъ быстрыми шагами, тѣмъ болѣе, что ликвидацію феодальнаго порядка и крѣпостной зависимости венгерскіе крестьяне платили дорогой цѣной зе-

мельной экспроприаціи *). Стѣсненные со всѣхъ сторонъ крупными помѣстьями магнатовъ, страдавъ отъ малоземелья, отъ тяжелыхъ арендныхъ условій, отъ задолженности и податного гнета—крестьяне раззорались, массами устремились въ города. Но тамъ, вслѣдствіе малаго развитія индустріи, ихъ ждала та же нужда и то же горе.

„Врядъ ли, — говоритъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей современнаго венгерскаго рабочаго движенія, Эрнстъ Гарамі, — врядъ ли въ какой-нибудь другой странѣ такъ плохо оплачиваются рабочія руки и такъ мало защищаются интересы рабочихъ, какъ въ Венгріи. Желающіе бѣжать отъ деревенской нужды и стремящіеся въ столицу деревенскіе рабочіе, образуя достаточную резервную рабочую армію, только могли удержаться на самой низкой ступени заработной платы и общія условія труда“.

Такимъ образомъ, венгерскій капитализмъ развертывалъ, что называется, „во всю“ свои темныя, мрачныя стороны, безпрестанно развивалъ свою разрушительную дѣятельность. Что же касается созидательной стороны, то съ этимъ обстояло „тихо“... Читая описаніе положенія массъ венгерскаго народа, невольно хочется воскликнуть, вспоминая нашу многострадальную родину: *mutato nomine, de te fabula narratur!* — перемѣни лишь имя, и сказка говорится о тебѣ.

Да и одна ли Венгрія? Положимъ, что Венгрія еще слишкомъ молодая страна, подобно Россіи („тысячелѣтняя моя отроковица!“ какъ восклицаетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ), что она еще вся въ будущемъ. Но вотъ предъ нами старая страна, надъ которой пронеслось болѣе двухъ тысячелѣтій цивилизаціи,—Италія. Въ лицѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ она еще, можно сказать, въ незапамятныя времена выступила на арену мірового рынка. И что же? Мы видимъ въ Италіи ту же безотрадную картину: капитализмъ развивается, но съ преобладаніемъ отрицательныхъ сторонъ надъ положительными, разрушительнаго вліянія надъ созидательнымъ.

„Упадокъ сельскаго хозяйства и образованіе земельного пролетаріата — говоритъ Джіованни Лерда — дали толчокъ къ усиленію промышленной дѣятельности; подъ вліяніемъ этого образовались отдѣльные важные промышленные центры, какъ Миланъ, Туринъ, Венеція и т. п.; но ни до смѣшного

---

*) По даннымъ Stat. Monatsschrift въ 1890 г. въ рукахъ 230 ч. сосредоточивалось почти четыре милліона іоховъ (іохъ=0,52 дес.), въ среднемъ отъ 3 до 9 т. дес. на cadaго; далѣе, около 14½ милл. іоховъ было въ рукахъ приблизительно 5,200 влад. (болѣе чѣмъ по 1½ тыс. дес. на cadaго). И въ то же время было болѣе 1½ милл. крестьянскихъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое владѣло менѣе, чѣмъ 2½ дес. земли.

низкая заработная плата, ни покровительственные пошлины не были до сих пор въ состояніи создать дѣйствительное процвѣтаніе индустріи; этому должны были сильно препятствовать, во-первыхъ, недостатокъ капиталовъ и невѣрность ихъ помѣщенія, а во-вторыхъ, заграничная конкуренція и частые кризисы... Италія, вслѣдствіе недостаточнаго экономическаго развитія, — которое отчасти было обусловлено жизненностью старыхъ хозяйственныхъ формъ, — испытываетъ на себѣ лишь отблескъ капиталистическаго развитія другихъ странъ“.

При такихъ условіяхъ понятна относительная сила обломковъ стараго феодальнаго строя — крупныхъ землевладѣльцевъ.

„Съ одной стороны — читаемъ мы у Олиндо Малагоди — мы имѣемъ всемогущую земельную ренту, властно диктующую свои условія; съ другой — слабый, рахитическій, сильно раздробленный капиталъ, не смѣющий вступить съ представителями земельной ренты въ великую экономическую борьбу и стремящійся наверстать свое самой безсовѣстной эксплуатаціей рабочихъ“.

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ приложимости ко всей Италіи той характеристики, которую даетъ собственно хозяйственному положенію Сициліи извѣстный писатель Сальвиули (*Le latifundium Sicilien et son mode d'exploitation*): именно, что въ ней „всѣ пороки и темныя стороны капитализма выросли на старомъ феодальномъ стволѣ и заставили народъ — въ особенности же крестьянство — выносить на себѣ гнетъ разомъ обоихъ этихъ режимовъ“. „Приходится заключить — пишетъ другой авторъ *), что — быть можетъ, нѣтъ другой такой страны въ Европѣ, гдѣ бы были болѣе очевидны и болѣе глубоки всѣ тѣ бѣдствія, которыя являются элементами обостреннаго социальнаго вопроса. Въ Италіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявляются самыя сложныя угрожающія проблемы преступности, проституціи, эмиграціи, пауперизма, невѣжества, физическаго деградациіи расы и огромной смертности...“

Почтенный авторъ, повидимому не знаетъ Россіи или забываетъ о ней... Иначе онъ не сказалъ бы своего „болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было...“

Но, быть можетъ, всѣ эти бѣдствія суть явленія временныя и преходящія? Можетъ быть, они — лишь неизбежныя принадлежности первоначальныхъ ступеней развитія капитализма; и потому имъ суждено отходить въ вѣчность по мѣрѣ того, какъ итальянскій капитализмъ будетъ подниматься по даль-

---

*) Nap. Colajani „La question agraire en Sicie“. Ср. его же книгу: „In Sicilia. Gli avvenimenti e le cose“ (Roma 1894).

нѣйшимъ восходящимъ ступенямъ своей ненабѣжной, опредѣленной „диманентными“ законами эволюціи.

Увы! если *спрятаться* отъ дѣйствительности хотя бы подъ обнъ самыхъ радужныхъ пророчествъ относительно будущаго не трудно, то *уйти* отъ дѣйствительности нельзя... Тамъ, гдѣ теоретики не теряютъ ни на минуту живой связи съ практической работой, съ непосредственной жизнью, съ той лабораторіей, въ которой творится исторія,—тамъ дѣйствительность ежечасно и ежеминутно напоминаетъ о себѣ; тамъ трудно удовлетвориться ролью страуса, прячущаго голову подъ крыло и наивно воображающаго себя въ безопасности; тамъ съ неодолимой силой пробиваетъ себѣ дорогу трезвое отношеніе къ дѣйствительности. Вотъ почему, вмѣсто розовыхъ надеждъ на будущія перемѣны, наши авторы болѣе склонны разсматривать неблагоприятное соотношеніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма, какъ типическую черту всего цикла хозяйственной эволюціи Венгріи и Италіи, какъ принадлежность не той или другой *ступени* ихъ экономического развитія, а самого *типа* этого развитія.

Вотъ что говорить, напримѣръ, объ Италіи сторонній наблюдатель, германскій марксистъ Поль Эрнстъ („*Sociales aus Italien*“ въ сборникѣ „*Das neue Jahrhundert*“):

„Нищета сельскаго населенія всегда является спутникомъ капитализма въ періодъ его юности. Если бы индустрія испытывала сильный подъемъ, то можно было бы думать, что это явленіе преходящее, и что съ подъемомъ промышленной жизни наступятъ и для страны лучшія времена. Но не такъ обстоитъ дѣло съ Италіей. Въ сущности, мы встрѣчаемъ въ ея промышленности застой... Частію она эгнѣмъ обязана своему историческому положенію, тому, что Италія слишкомъ поздно (?) выступила на всемірный рынокъ и не обладаетъ такими преимуществами, благодаря которымъ она могла бы отбить у другихъ странъ ихъ кліентовъ. Что же касается внутренняго рынка, то здѣсь ей повсюду ставятъ препятствія бѣдность народа“.

Теоретикамъ „самодовлѣющаго капитализма,“ съ точки зрѣнія которыхъ капитализмъ ни въ какихъ вышнихъ рынкахъ не нуждается, ибо самъ своимъ развитіемъ создаетъ себѣ рынокъ и, такъ сказать, можетъ питаться собственными соками,—этимъ теоретикамъ, конечно, должны показаться странными эти слова П. Эрнста, марксиста *) и въ то же время разсуждающаго о

---

*) Какъ извѣстно, П. Эрнста „постигла“ не особенно давно неожиданная метаморфоза: изъ лѣваго марксиста онъ превратился въ ренегата, со-трудника Гардена и К^о.

внѣшнемъ рынкѣ, какъ „народникъ“. Имъ я напомню лишь слова К. Маркса:

„Индустріальная буржуазія можетъ господствовать только тамъ, гдѣ современная индустрія преобразовала соотвѣтственно своимъ потребностямъ всѣ отношенія собственности: эту силу индустрія можетъ приобрести *только тамъ, гдѣ* она завоевала всемірный рынокъ, ибо національныя границы для ея развитія недостаточны.“

Итакъ, въ Италіи, какъ въ Венгріи, мы замѣчаемъ усиленное развитіе самыхъ рѣзкихъ формъ капиталистической эксплуатаціи, при минимальномъ развитіи тѣхъ вліяній капитализма, которыя входятъ въ составъ понятія объ „исполненіи капитализмомъ его исторической миссіи“—подготовленія новой общественной формаціи. Въ связи съ этимъ находится и сила остатковъ феодально-помѣщичьего строя, такъ что про Италію можно сказать почти съ тѣмъ же правомъ, какъ и про Венгрію, что въ ней „господствующимъ классомъ является не столько буржуазія, сколько представители крупнаго землевладѣнія“ (N Z. 1897 — 98, № 22).

И такъ, и здѣсь буржуазія ретива лишь въ исканіи протекціонныхъ мѣропріятій, неохотно выступаетъ въ качествѣ борющейся силы противъ феодально-бюрократическихъ началъ и довольствуется по большей части тѣмъ, что, прислуживаясь къ высшимъ, спѣшитъ наквитать свое на низшихъ усиленной ихъ эксплуатаціей, усиленнымъ на нихъ давленіемъ.

Все это, какъ мы видимъ, до поразительности напоминаетъ нашу родную русскую дѣйствительность... У насъ только все это происходитъ въ еще болѣе откровенномъ и неприкрашенномъ видѣ.

Я не знаю лучшей иллюстраціи для характеристики русскаго капитализма и русской буржуазіи, какъ та оргія, которой предавалось „всероссійское купечество“ во время торгово-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда ярмарочные тузы и биржевой комитетъ (съ неизмѣннымъ Саввой Морозовымъ во главѣ) справляли именины своего сердца и своего кармана, принимали сановныхъ гостей, произносили торжественныя, ликующе-жобѣдныя рѣчи, послужившія М. Горькому образцомъ для тѣхъ гимновъ русской буржуазіи, которые онъ вкладываетъ въ уста одного изъ героевъ романа „Ома Гордѣевъ“, во время пирушки „именитыхъ гражданъ“. Помните ли, какъ нашумѣла тогда одна изъ нижегородскихъ газетъ инспирированной тѣмъ же биржевымъ комитетомъ статьей, перечислявшей всѣ чудеса, которыя уже подарило нашей родинѣ „всероссійское купечество“, и въ заключеніе восклицавшей въ самозабвеніи, что оно „все можетъ“! Въ этомъ восклицаніи олицетворяется для меня все, такъ сказать, духовное нутро нашей отечественной буржуазіи. Это восклицаніе невольно вызываетъ въ памяти другую, аналогичную фразу

другого выразителя чувствъ и чаяній буржуазіи, французскаго аббата Сьейеса: „что такое сейчасъ третье сословіе?—Ничто.—Чѣмъ оно должно быть?—*Всѣмъ*“.

Какъ похожи и какъ, въ то же время, глубоко не похожи двѣ эти формулы! Какихъ два различныхъ типа невольно вызываютъ онѣ въ воображеніи! И удивительно ли? Одна изъ этихъ формулъ—вѣдь это почти нечленораздѣльный звукъ, другая — формула великой надвигавшейся трансформациі, требованіе самой коренной перестройки всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна выражаетъ чувства буржуазіи, приспособившейся къ старымъ общественно-историческимъ надстройкамъ; буржуазіи, которая даже въ моментъ умиранія бюрократизма будетъ „либеральной поневолѣ“ и станетъ тащиться въ хвостъ общественнаго движенія; другая — чувства буржуазіи, сознающей свою силу, свою способность двигать горами, управлять народомъ и государствомъ, вести за собой массы и не приспособляться, а приспособлять. Въ то самое время, когда свободолюбивый французскій буржуа говорить, что, только разрушивъ до основанія феодальный строй, онъ сдѣлается „всѣмъ“, русскій буржуа предпочитаетъ до послѣдней возможности поглядывать на задніе ходы и выходы канцелярій, департаментовъ и министерствъ, гдѣ сидитъ уже такъ много „своихъ людей“, выходцевъ изъ той же ореды юркихъ дѣльцовъ и воротилъ—и, похлопывая себя по туго набитому карману, самодовольно восклицаетъ: „вотъ она, мощная матушка! *Все* можетъ“!..

Правда, у насъ есть не мало людей, полагающихъ, что если на „Западѣ“, въ „Европѣ“ буржуазія сыграла огромную творческую роль и захватила не только фактическую, но и идейную гегемонію надъ общественнымъ движеніемъ, то и у насъ даже Деруновы и Калудаевы, какъ они пока ни грубы и ни смѣшны, однако, несомнѣнно будутъ имѣть свою „Sturm und Drang Periode“. Это пророчество впервые было высказано еще въ началѣ 80-хъ гг. *) и по сіе время благополучно ждетъ своего осуществленія. При всѣхъ подобныхъ пророчествахъ забываютъ, что эти аналогіи съ „Европой“ грѣшатъ однимъ и тѣмъ же. Люди забываютъ, что есть Европа и Европа, что буржуазія Венгріи и Італіи уже не та, что буржуазія Франціи и Англіи, что степень либерализма буржуазіи вовсе не есть какое то мистическое свойство, въ опредѣленной дозѣ „внутренне-присущее“ буржуазіи, какъ таковой, что, напротивъ, степень ея либерализма (или ея реакціонности)

---

*) Иронія исторіи: около того же времени совѣщаніе московскихъ фабрикантовъ, приглашенное правительствомъ высказаться о своихъ потребностяхъ и нуждахъ, выставило въ первую голову... отиѣну запрещенія спускать въ Москву-рѣку отбросы и нечистоты съ фабрикъ. По истинѣ *Sturm und Drang*—бурное стремленіе загадить и засорить все кругомъ себя.

есть явленіе производнаго, вторичнаго характера, что оно зависитъ отъ цѣлаго ряда условій времени и мѣста, а потому мѣняется не только отъ страны къ странѣ, но и отъ одной исторической эпохи къ другой. И если бы наши охотники строить аналогіи и пророчества на будущее не забывали этого, то они увидѣли бы, что въ связи съ нѣкоторыми особенностями экономическаго развитія обликъ буржуазіи послѣдовательно мѣняется къ худшему, начиная отъ Англіи и Франціи и переходя черезъ Германію и Австрію къ Венгріи, Италіи, вплоть до другихъ странъ, которыя въ этомъ отношеніи являются достойнымъ „увѣнчаніемъ зданія“; что, независимо отъ этихъ мѣстныхъ особенностей, и въ общемъ настроеніи всеевропейской буржуазіи совершается замѣтная эволюція вправо. А потому они поняли бы, что именно теперь мѣнѣе, чѣмъ когда либо, можно ожидать въ экономически отсталой странѣ эволюціи Колупаевыхъ и Разуваевыхъ въ сторону „бурныхъ стремленій“. Если часть буржуазіи по нуждѣ и будетъ слабо поддѣлывать новымъ пѣснямъ либерализма, то въ минимальной дозѣ и съ всегдашней готовностью повернуть назадъ, въ золотой вѣкъ бюрократической охраны. И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго для того, чей круговоротъ не ограничивается исторіей такъ называемыхъ „классическихъ“ странъ капитализма. Правда, Венгрія и Италія—страны конституціонныя. Но достаточно вспомнить, какія мѣры были приняты во время разгара аграрнаго движенія въ Сициліи противъ тамошнихъ фазсі, союзовъ рабочихъ и крестьянъ, чтобы выяснилось, до какой степени урѣзано пользованіе этими конституціонными гарантіями, какъ не конституціонно можно поступать при этой конституціи съ рабочемъ людемъ, до какой степени просто и легко превращается эта конституція въ такихъ случаяхъ въ негодный листъ бумаги. Едва ли не еще разительнѣе примѣръ Венгріи. Въ этой „конституціонной“ странѣ не только рабочіе и крестьяне отстранены отъ контроля надъ государственными дѣлами: въ ней крестьяне не имѣютъ даже права коалицій; ихъ союзы распускаются, собранія разгоняются; за отачки ихъ наказываютъ, ихъ газеты систематически конфискуются; проводятся чисто крѣпостническіе законы о наймѣ на сельскія работы, законы, какъ двѣ капли воды похожіе на наши отечественные проекты сгибанія батраковъ въ бараній рогъ, въ родѣ такъ шумѣвшаго въ свое время проекта саратовскаго предводителя дворянства г. Кривскаго. Нѣчто аналогичное этому можно найти развѣ только въ иныхъ балканскихъ государствахъ, гдѣ либерализмъ бумажныхъ конституцій самъ по себѣ, а фактическое самодержавіе многоголовой бюрократической гидры само по себѣ. Этотъ порядокъ по существу дѣла ужъ не такъ далекъ отъ порядка нѣкоторыхъ политически дореформенныхъ странъ, гдѣ буржуазія, собственно говоря, давно имѣетъ свою „неписанную конституцію“. При всей гибкости и приспособляемости чисто бу-

мажныхъ конституцій къ интересамъ сильныхъ міра, неписанная конституція всетаки еще удобнѣе для процвѣтанія и эксплуатаціи.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ рабочаго движенія названныхъ странъ, при чемъ предоставимъ слово самимъ его участникамъ: „Вплоть до самаго недавняго времени — говоритъ Э. Гарамі въ уже цитированной выше статьѣ — въ Венгріи можно было говорить о движеніи только среди однихъ индустріальныхъ рабочихъ. Поэтому движеніе ограничивалось почти исключительно полемъ крупной индустріи Будапешта и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ“.

Новыя идеи были занесены сюда, какъ и сама индустрія, изъ за границы, вмѣстѣ съ нѣмецкими рабочими. Поэтому марксистская доктрина—особенно первое время—процвѣтала въ Венгріи въ ея чисто нѣмецкой формѣ, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Лишь впоследствии начался медленный и трудный процессъ ея переработки примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, процессъ, еще далеко не закончившійся и по настоящее время. Венгерскій пролетаріатъ представлялъ благодарную почву для распространенія новыхъ идей, какъ можно видѣть изъ предъидущаго; вся обстановка его жизни естественно вызывала недовольство своимъ положеніемъ и оппозиціонное настроеніе.

„И такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Будапештѣ и нѣкоторыхъ другихъ индустріальныхъ оазисахъ возникло относительно сильное пролетарское движеніе. Но въ силу одной этой замкнутости въ ограниченныхъ мѣстныхъ рамкахъ оно не могло приобрести большое значеніе. Благодаря безобразному избирательному праву и такому же законодательству о печати и союзахъ, у рабочаго класса была отнята возможность выступить въ единомъ великомъ, охватывающемъ всю страну движеніи. Кромѣ того, этотъ рабочій классъ почти не имѣлъ никакого соприкосновенія съ остальной страной; отсутствовало прочное и широкое основаніе, на которомъ можно было бы утвердить рычагъ для болѣе крупныхъ дѣйствій“... „При относительно еще слабомъ индустріальномъ рабочемъ движеніи — пишетъ другой правовѣрно-марксистскій авторъ статьи „Von der Bauernbewegung in Ungarn“ въ „Neue Zeit“ — здѣсь ни съ чьей стороны не могли принять въ серъезъ хотя бы, напримѣръ, попытку идти путемъ, выбраннымъ бельгійцами—генеральную стачку для завоеванія всеобщаго избирательнаго права,—или же копировать шумное движеніе въ пользу того же всеобщаго избирательнаго права на австрійскій образецъ“.

Этимъ фактомъ и объясняется, что спустя нѣкоторое время такъ много обѣщавшее въ началѣ своимъ быстрымъ ростомъ вен-

герское рабочее движеніе зашло какъ будто на время въ тую же переулочъ...

„Такъ и оставалось политическое движеніе индустріальныхъ рабочихъ безъ существеннаго значенія, не смотря на благородную, не отступающую передъ жертвами работу многихъ самоотверженныхъ людей, стоявшихъ во главѣ партіи. Нормальное политическое движеніе можетъ развиваться и добиться побѣды лишь тамъ, гдѣ есть достаточно почвы для расширенія его пропагандистской дѣятельности, гдѣ есть достаточно-широкое поприще для битвы, но никогда не тамъ, гдѣ оно, благодаря господствующимъ въ странѣ условіямъ, изолировано въ нѣкоторой тѣсно ограниченной области. Тамъ у него отнята возможность завоевать для своихъ идей цѣлыя огромныя массы населенія; и если бы даже историческій возрастъ движенія измѣнялся десятилѣтіями, оно вѣчно будетъ ходить въ дѣтскихъ башмакахъ и никогда не исцѣлится отъ болѣзней, свойственныхъ ребяческому возрасту. Такія болѣзни, конечно, присущи всякой партіи при ея возникновеніи; но онѣ скоро исчезаютъ, если на лицо имѣется и возможность, и способность все къ большему и большему расширенію“.

Гдѣ же этого нѣтъ, тамъ движеніе легко оказывается въ застоѣ, а его „дѣтскія болѣзни“ принимаютъ затяжную форму.

„Такъ было и здѣсь. Раздоры и распри, разъединявшіе идейныхъ братьевъ—эти болѣзни дѣтства нашей партіи—съ теченіемъ времени не уменьшались, а все учащались и обострялись. Ихъ слѣдуетъ разсматривать, если можно такъ выразиться, какъ разряженіе накопляющагося недовольства малыми успѣхами партіи. Истинныхъ причинъ недостаточности этихъ успѣховъ не знаютъ и обвиняютъ за нихъ взаимно другъ друга... Такъ истратились понапрасну или оставили борьбу многія лучшія силы“...

Невольно приходятъ въ голову соотвѣтственныя аналогіи изъ русской дѣйствительности, и невольно спрашиваешь себя: не тотъ же ли самый источникъ и нашихъ домашнихъ дѣленій на „большинство“ и „меньшинство“? Не искусственное ли ограниченіе сферы работы и методовъ ея создали этотъ застои и, частью, даже процессы разложенія? А если такъ, то не ясно ли, что единственное лѣкарство заключается въ томъ, чтобы разбить узкія догматическія рамки и тѣмъ самымъ усилить и интенсивность, и экстенсивность движенія?

Примѣръ Венгрии какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наши соображенія. Послушаемъ по этому поводу Гарамі.

„Въ то время, какъ положеніе дѣлъ въ столицѣ было до такой степени неутѣшительнымъ, въ деревнѣ подготавливалась почва для большого движенія сельскихъ работниковъ... Товарищи изъ столицы немного заботились о провинціи; кажется, они тоже не ожидали многого отъ „антиколлективистскаго крестьянскаго черепа“. О планообразной агитаціи въ деревнѣ не могло

быть и рѣчи. Нашими агитаторами—агитаторами противъ собственной воли—явились правительство и помѣщики“.

Притѣсненія помѣщиковъ вызвали цѣлый рядъ аграрныхъ волненій, безпорядковъ, усмиреній; число ихъ росло и росло; появились первые крестьянскіе союзы; венгерское правительство разослало властямъ секретный циркуляръ о „мужнцкомъ своеволіи“...

Къ чему же привело все это? Да къ тому, что движеніе, сначала носившее мѣстный характеръ, все разрасталось, ширилось, и, наконецъ, отдѣльныя струйки его слились въ одно широко-захватывающее теченіе.

„Естественно, что при такихъ условіяхъ новыя идеи, какими бы то ни было способомъ попадая въ среду сельскихъ работниковъ, играли роль искры, брошенной въ порохъ. Съ одушевленіемъ хватались за нихъ сельскіе работники: вскорѣ большая часть ихъ была выиграна для нашей партіи. Это проникновеніе нашихъ идей въ деревню совершилось незамѣтно, въ тиши. Хотя и замѣчали общее броженіе и недовольство, но не думали, что движеніе сдѣлалось столь опредѣленно партійнымъ. Даже товарищи изъ столицы были поражены, когда этотъ характеръ движенія выступилъ на свѣтъ Божій по случаю открытаго возмущенія, спровоцированнаго, согласно предписанію сверху, властями... Передъ нами неожиданно появились крестьяне, которые не только высказывали наши идеи, но дѣйствительно проводили ихъ въ жизнь. При послѣдовавшемъ за возмущеніемъ процессъ воѣ были изумлены при видѣ того, въ какой ясности и чистотѣ выдѣрились новыя взгляды въ „антиколлективистскій крестьянскій черепъ“...

Жизнь, какъ это часто случается, застала врасплохъ кабинетную доктрину. Но къ чести венгерскихъ дѣятелей нужно сказать, что они вскорѣ вняли голосу дѣйствительности.

„Скоро было замѣчено—говорить Гарамі—что, по мѣрѣ того, какъ завоевывалась деревня, открывалась и возможность для крупныхъ успѣховъ всего движенія, и вскорѣ началась плано-мѣрная агитація въ деревнѣ съ цѣлью использовать въ интересахъ нашей партіи всеобщее недовольство“.

Въ самомъ дѣлѣ, съ расширеніемъ движенія возрасла и его интенсивность. Административныя мѣры вынудили крестьянъ мѣстами къ столкновеніямъ съ войсками, мѣстами къ замѣтнѣйшимъ организаціямъ тайными. Идея всеобщей стачки для завоеванія политическихъ правъ, прежде столь химеричная, получила новую силу и новыя шансы, но въ то же время прибрѣла и новую форму: цѣлый рядъ крестьянскихъ конгрессовъ рѣшилъ, что забастовка сельскихъ рабочихъ въ разгаръ страдной поры будетъ самымъ чувствительнымъ ударомъ для венгерскаго дворянства, имѣющаго едва ли не наиболѣе сильное вліяніе на за

конодательство. Наконецъ, съ расширеніемъ работы среди крестьянства деревня мало по малу перестаетъ быть поставщицей „штрейкбрехеровъ“, оборванныхъ и голодныхъ бѣдняковъ, готовыхъ работать за мѣдные гроши и сбывающихъ заработную плату организованныхъ рабочихъ. Напротивъ, въ послѣднее время Будапештъ могъ одѣлаться ареной крупныхъ уличныхъ демонстрацій безработныхъ, требовавшихъ всеобщаго избирательнаго права и работы...

Въ этомъ отношеніи согласны даже всѣ корреспонденты ортодоксально-марксистскаго „Neue Zeit“, редактируемаго К. Каутскимъ *).

„Болѣе двухъ десятилѣтій—пишетъ одинъ изъ нихъ—наша партія въ Венгріи была похожа на слабое тепличное растеніе; если же она въ самое послѣднее время, наконецъ, начинаетъ развиваться сильнѣе и, въ качествѣ представительницы рабочаго класса, приобретаетъ шансы скорѣ заняты ту же позицію въ политической жизни страны, какую занимаютъ родственныя партіи въ западныхъ странахъ,—то этимъ она въ немалой степени обязана быстро крѣпнущему крестьянскому движенію“. Другой, не менѣ ревностный марксистъ, Поль Энгельманъ, рѣшается по этому поводу даже на самыя широкія обобщенія и пророчества. Завоеваніе для новыхъ идей индустріальнаго пролетаріата—говоритъ онъ—приняло направленіе своего пути отъ запада къ востоку. Крестьянское движеніе въ Венгріи даетъ намъ право надѣяться, что соответственное теченіе сельско-хозяйственнаго пролетаріата откроетъ свое шествіе съ противоположной стороны—съ востока на западъ“.

Однако, въ виду новаго направленія практической дѣятельности потребовалось сдѣлать кое-какія перестройки и въ доктринѣ. Вопреки ходячимъ марксистскимъ взглядамъ о реакціонности крестьянства, стремящагося поворотить назадъ „колесо исторіи“, объ „идіотизмѣ деревни“ и т. п.; вопреки подхваченному у Шеффле словечку объ „антиколлективистскомъ крестьянскомъ черепѣ“; вопреки, наконецъ, столь же знаменитому положенію Лассалля о реакціонномъ характерѣ даже такого явленія, какъ крестьянскія войны—вопреки всему этому, венгерскіе марксисты въ аграрномъ вопросѣ заняли совершенно иную позицію. Они полагаютъ, что, говоря словами того же Гарамі, „для каждого непредубѣжденнаго человѣка должна быть твердо установлена слѣдующая истина: обитатели деревень столь же мало застрахованы отъ коллективистскаго ада, какъ и любой изъ другихъ трудящихся слоевъ человѣчества“.

*) См. „Die Feldarbeiterbewegung in Ungarn“, N. Z., 1893—94. № 33.—Paul Engelmann, „Zwei sozialdemokratische Bauern-Kongresse“, N. Z., 1896—97, № 26.—ae, Von der Bauernbewegung in Ungarn, N. Z., 1897—98 № 22.

Согласно заявленію на старомъ Будапештскомъ партейтагѣ другого виднаго соціалъ-демократа, А. Сабо, заявленію, не вызвавшему среди окружающихъ ничего, кромѣ одобренія, „ошибаются всѣ тѣ, кто разсматриваетъ рабочій вопросъ, какъ что-то новое. Эта борьба такъ же стара, какъ и сама частная собственность. Эта борьба съ теченіемъ времени лишь перемѣняла свои формы. Крестьянскія войны въ XVI вѣкѣ подъ предводительствомъ Доусы, — войны, которыя въ школахъ расписываютъ, какъ нѣчто ужасное, — были также ничѣмъ инымъ, какъ борьбой труженниковъ противъ знати, угнетенныхъ противъ угнетателей“...

Наконецъ, на томъ же партейтагѣ, получившемъ привѣтственные письма отъ Энгельса, Каутскаго и др., было рѣшено переименовать „венгерскую соціалъ-демократическую рабочую партію“ просто въ „венгерскую соціалъ-демократическую партію“ — въ виду того, что терминъ „рабочая“ можетъ быть понятъ населеніемъ въ томъ смыслѣ, что партія защищаетъ лишь интересы индустріальнаго пролетаріата. Это, на нашъ взглядъ, даже черезчуръ...

Итакъ, венгерскіе дѣятели пришли къ убѣжденію, что никакомъ образомъ не нужно представлять городскимъ рабочимъ ихъ интересы и ихъ дѣло чѣмъ-то обособленнымъ и самодовлѣющимъ. Необходимо, напротивъ, подчеркивать для нихъ ждущую ихъ почетную миссію — быть лишь передовымъ отрядомъ всего трудящагося народа, его авангардомъ, представителемъ и выразителемъ его интересовъ, нуждъ и нарождающихся стремленій. Вотъ чему учить насъ, между прочимъ, примѣръ Венгріи, и вотъ что нами нерѣдко игнорируется, благодаря тому, что мы больше всего обращаемъ вниманіе на примѣры передовыхъ странъ, гдѣ гипертрофія индустріи на счетъ земледѣлія естественно обратила фабрично-заводской пролетаріатъ въ почти единственный, и во всякомъ случаѣ рѣшительно преобладающій элементъ движенія. Тамъ часть можетъ быть почти безошибочно принимаема за цѣлое, — здѣсь же это можетъ вести лишь къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. И правильный путь, на который въ этомъ вопросѣ стало венгерское движеніе, служить залогомъ того, что оно пойдетъ впередъ, не смотря на всѣ тѣ исключительныя трудныя условія, при которыхъ ему суждено развиваться. А каковы эти условія, мы легко увидимъ, если отъ стараго Будапештскаго конгресса перенесемся къ новому, послѣднему (счетомъ одиннадцатому) годичному конгрессу венгерской рабочей партіи, происходившему также въ Будапештѣ.

Докладъ центральнаго комитета партіи конгрессу даетъ сжатую, но полную картину той жестокости, мучительства и низости, съ которыми венгерское правительство преслѣдуетъ венгерское рабочее движеніе. По словамъ доклада, не менѣе 181 собранія

были запрещены. Запрещеніе обосновывалось обыкновенно слѣдующей законической фразой: „Нѣтъ необходимости, чтобы подстрекатели безпоскобли миролюбивое населеніе“. Такимъ же образомъ преслѣдуются партійныя газеты. „Nerpszawa“, центральный будапештскій органъ, издающійся по-венгерски и по-нѣмецки, выдержалъ 12 судебныхъ процессовъ по дѣламъ печати, ему еще предстоитъ 7; румынскій „Adeveral“ преслѣдовался судомъ 8, сербскій „Narodna Retsch“ 28 разъ; при этомъ расчеты не приняты во вниманіе приговоры за занятіе политикой (Politisieren), которымъ подверглись главнымъ образомъ газеты профессиональных союзовъ. Особенно жестокимъ и систематическимъ преслѣдованіямъ подвергается движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Громадная стачка во время жатвы 1898 г. была залита кровью, и спеціальныи крѣпостническій „законъ Дораньи“ запретилъ стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ вообще. Въ 1903 году, когда снова началась такая стачка, этотъ законъ былъ примѣненъ съ беспощадною строгостью. Сотни жнецовъ должны были отбыть 30-ти дневное тюремное заключеніе и сотни рабочихъ жандармы заставили работать; не смотря на это, возстали тысячи сельскихъ рабочихъ и около 10,000 чел. добились повышенія заработной платы. Очень большое число членовъ партіи были подвергнуты денежнымъ штрафамъ или лишенію свободы за *соблазнъ и вовлеченіе въ стачку фабричныхъ рабочихъ или подмастерьевъ*. Въ общемъ этотъ далеко не полный списокъ наказаній заключаетъ 25,827 кр. денежныхъ штрафовъ, равныхъ 2,583 днямъ лишенія свободы, и, кромѣ того, 13 лѣтъ 6 м. 14 дней тюремнаго заключенія. Наказанія за участіе въ стачкѣ во время жатвы сюда не причислены; за нее присуждено въ общей сложности не менѣе 25 лѣтъ тюремнаго заключенія. Не смотря на такіа преслѣдованія, движеніе въ Венгріи непрерывно растетъ.

Обратимся къ обзору нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго движенія въ Италіи. Первое, что при этомъ бросается въ глаза—это та роль, которую играла въ движеніи интеллигенція.

Въ этомъ отношеніи интересна та характеристика, которая даетъ итальянскому движенію (особенно въ первыхъ стадіяхъ его развитія) Джіовани Лерда *). Лерда — правотѣрный марксистъ. Мы, впрочемъ, намѣренно цитируемъ марксистовъ, чтобы ихъ свѣдѣтельство было убѣдительно и для не раздѣляющихъ наши мнѣнія. Что же касается до согласныхъ съ нами, то имъ мы рекомендуемъ каждый разъ принимать во вниманіе своеобразную марксистскую призму, сквозь которую у цитируемыхъ авторовъ должны преломляться впечатлѣнія жизни, и дѣлать соответственную поправку—въ однихъ случаяхъ путемъ извлеченія корня должной

*) Der sozialismus in Italien“.

степени, въ другихъ—путемъ умноженія. Въ частности, существованіе „призмы“ не слѣдуетъ забывать, когда рѣчь пойдетъ объ интеллигенціи, ибо преуменьшеніе ея роли, скептическое и чрезмѣрно-проницательное къ ней отношеніе есть наслѣдственный грѣхъ весьма и весьма многихъ марксистовъ.

„Соціализмъ—говорить Джіовани Лерда про первыя фазы его существованія въ Италіи—имѣлъ совершенно академическій характеръ. Это былъ нѣкотораго рода дилетантизмъ (?!), поглощавшій жертвы самоотверженія и дѣйственной энергіи безъ всякаго или почти безъ всякаго вліянія на массы. Рабочій стоялъ въ сторонѣ, настроенный враждебно или равнодушно, такъ что Италія представляла собой зрѣлище, совершенно отличное отъ движенія въ другихъ культурныхъ государствахъ—зрѣлище соціалистической рабочей партіи, составленной почти исключительно изъ однихъ буржуазныхъ элементовъ“.

Какъ видите, Лерда забылъ, что не въ одной Италіи занимающее его движеніе также являлось на первыхъ порахъ и въ теченіе очень долгаго времени оставалось теченіемъ, составленнымъ „почти исключительно“ изъ отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ—что не мѣшало ему иногда соорганизовываться въ силу, наполнявшую весь цивилизованный міръ громомъ своихъ дѣяній. И если бы Лерда объ этомъ вспомнилъ, то онъ, конечно, не преминулъ бы поставить вопросъ: чѣмъ объяснить эту особенность движенія отсталыхъ странъ? Отъ какихъ глубже лежащихъ особенностей хозяйственнаго строя, общихъ для этихъ странъ, зависитъ эта особенность? А разъ поставивши этотъ вопросъ, Лерда, конечно, увидѣлъ бы, что если тамъ движеніе окрашено значительной ролью, которую въ немъ играла интеллигенція, то въ другихъ странахъ бывали, по крайней мѣрѣ, отдѣльные моменты прилива (и отлива) интеллигентныхъ силъ; а кромѣ того, онъ увидѣлъ бы, что, въ общемъ, именно послѣднее время отмѣчено для всѣхъ вообще культурныхъ странъ усиленнымъ тяготѣніемъ интеллигентныхъ силъ къ новымъ идеямъ. Это фактъ, обратившій на себя серьезное вниманіе многихъ рабочихъ партій. Вопросъ о значеніи такъ называемыхъ *intellectuals* служить уже яблокомъ раздора между различными фракціями во Франціи; на тему о роли въ партіи „*Akademiker*“ въ Германіи усиленно препираются на частныхъ и общихъ партейтагахъ. И тамъ, и здѣсь создается цѣлая литература этого вопроса. Отсюда уже можно высказать догадку, что, вѣроятно, современный фазисъ соціальной эволюціи Европы начинаетъ обнаруживать тѣ же самыя черты, которыя характеризуютъ собой *все* фазисы, *все* циклы соціальной эволюціи нѣкоторыхъ отсталыхъ странъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объясняютъ теоретики усиленное отпаденіе интеллектуальныхъ силъ націи отъ знамени буржуазно-капиталистическаго режима и притокъ ихъ въ противоположный

лагерь? Да тѣмъ, что теперь все сильнѣе и сильнѣе развертываются „противорѣчія“ капиталистическаго строя; что „историческая миссія“ его кончается; что если раньше буржуазно-капиталистическая оболочка, подобно скорлупѣ орѣха, содѣйствовала созрѣванію зерна—развивающихся производительныхъ силъ, то теперь она сдавливаетъ его, представляетъ помѣху его дальнѣйшему развитію и потому должна распасться. „Изъ формы развитія производительныхъ силъ капитализмъ становится ихъ узамъ“. Итакъ, если мы развитіе производительныхъ силъ назовемъ *содержаніемъ* хозяйственной эволюціи, а социальную оболочку—характеръ управленія производствомъ, отношенія собственности и распредѣленія—формой, то мы получимъ слѣдующую формулировку вышесказаннаго: когда форма хозяйственнаго строя достигала максимума гармоніи съ его содержаніемъ, то интеллигенція могла не только за страхъ (и не только за „презвѣнный металл“), а и за совѣсть выступать съ апологіей существующаго буржуазнаго строя. Напротивъ, чѣмъ болѣе нарушается эта гармонія, чѣмъ болѣе форма развивается въ ущербъ содержанію, тѣмъ рѣшительнѣе лучшія интеллигентныя силы устремляются на исканіе новыхъ социальныхъ формъ *). Но отношеніе между формой и содержаніемъ хозяйственнаго строя есть величина переменная. Переменной величиной является степень тяготѣнія интеллигенціи къ противоположнымъ принципамъ — индивидуализма и коллективизма.

Какая же гипотеза естественно возникаетъ въ нашемъ умѣ, если мы видимъ двѣ—три страны, въ которыхъ за все время ихъ приобщенія къ современной буржуазной культурѣ интеллигентныя силы являлись необычайно виднымъ факторомъ социалистическаго и революціоннаго движенія? Прежде всего естественно предположить, что весь циклъ хозяйственной эволюціи этихъ странъ характеризуется преобладаніемъ *формъ* капиталистической эксплуатаціи надъ *содержаніемъ* протекающаго въ этихъ рамкахъ процесса развитія производительныхъ силъ. Но именно это мы и констатировали для отсталыхъ странъ, когда говорили, что въ этихъ странахъ наименѣе благоприятно отношеніе между отрицательными и положительными, разрушающими и созидательными, свѣтлыми и темными сторонами капитализма. Степень тяготѣнія интеллигенціи къ новымъ анти-буржуазнымъ идеямъ (опять-таки *caeteris paribus*) обратно пропорціональна положительнымъ и прямо пропорціональна отрицательнымъ сторонамъ капитализма, или иными словами, обратно пропорціональна гармоніи между формой и содержаніемъ современнаго хозяйственнаго строя.

Такова, кажется мнѣ, формулировка, наиболѣе удовлетвори-

---

*) Конечно, при всемъ этомъ разсужденіи каждый разъ молчаливо подразумевается: *caeteris paribus* (при равенствѣ прочихъ условій).

тельно охватывающая существенныя общія черты цѣлаго ряда общественныхъ фактовъ. Почти всѣ передовыя капиталистическія страны переживали время, такъ сказать, историческихъ именій буржуазіи, когда она, „во цвѣтѣ надеждъ и силы“ выступала, какъ исторически-прогрессивный факторъ, богатая не только матеріальными, но и интеллектуальными средствами. Капитализмъ, конечно, всегда истощалъ и разрушалъ старыя хозяйственныя устои, но рядомъ съ этимъ онъ и созидалъ—созидалъ гораздо болѣе просторное, свѣтлое и красивое общественное зданіе. И чѣмъ болѣе сильна была буржуазія своею творческою ролью, чѣмъ больше ожидалось на возведенномъ ею фундаментѣ благосостояніе цѣлыхъ большихъ слоевъ населенія,—тѣмъ крѣпче, тѣмъ здоровѣе были корни, которые она пускала въ странѣ, тѣмъ независимѣе и могущественнѣе чувствовала она себя, тѣмъ свободолюбивѣе выступала она противъ феодальныхъ привилегій и бюрократическихъ узъ. И рука объ руку съ *либерализмомъ* буржуазіи шла *буржуазность* людей либеральныхъ профессій, труженниковъ интеллигентныхъ ремеслъ. Расцвѣтъ творческихъ сторонъ капитализма ослѣплялъ интеллигенцію страны и приковывалъ ее къ триумфальной колесницѣ буржуазіи. Люди, не бывавшіе изъ-за блестящаго внѣшняго покроя нѣкоторыхъ существенныхъ изъяновъ новаго порядка, являлись поистинѣ „бѣлыми воронами“. Требовалась особенно высокая нравственная чуткость, особенная умственная сила и проникаемость, чтобы плыть „противъ теченія“, чтобы отдать свои силы на служеніе рабочему люду, который въ сравненіи съ „носителями цивилизаціи“, буржуазными классами, казался представителемъ грубой физической силы, не заключавшимъ въ себѣ никакихъ задатковъ высшей культуры. И лишь позднѣе міражъ началъ разсѣиваться, обстоятельства складываться иначе, роли перемѣняться.

Иначе дѣло обстоило въ странахъ иной формаціи—странахъ „отсталыхъ“, странахъ-данницахъ, странахъ, въ которыхъ развитіе *содержанія* соціальной эволюціи вѣчно отставало отъ развитія ея антагонистическихъ *формъ*. Здѣсь буржуазія выступала въ крайне неприглядномъ видѣ, болѣе всего, какъ самая беззастѣнчивая хищница; созиданіе ею новыхъ источниковъ, новыхъ устоевъ жизни населенія вѣчно отставало отъ подрыванія старыхъ, шедшаго ускореннымъ темпомъ; буржуазія больше отнимала у страны, чѣмъ одаряла ее, сѣя такимъ образомъ кругомъ себя глухое, подавленное недовольство. Это лишало ее точки опоры въ другихъ слояхъ населенія и принуждало къ тѣсному союзу съ прочими паразитическими элементами, бюрократіей и даже, по возможности, съ обломками феодальнаго дворянства, какъ ни трудно было миролюбиво раздѣлять съ послѣдними бюрократическія щедроты. Уже этимъ она была способна

оскорбить и оттолкнуть отъ себя даже не особенно изощренное нравственное чувство. Но ея интересы сталкивались съ интересами интеллигенціи и болѣе непосредственнымъ образомъ. Чѣмъ менѣе созидающимъ элементомъ являлась буржуазія, тѣмъ менѣе нуждалась она въ интеллектѣ, какъ служебномъ орудіи, тѣмъ меньшій спросъ предъявляла она на рынкѣ на умственный трудъ. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе являлась буржуазія силой разрушающей, тѣмъ болѣе сокращала она спросъ на интеллигентный трудъ со стороны не капиталистическихъ слоевъ общества,—чему иллюстраціи мы еще увидимъ ниже. Наконецъ, слѣдуетъ учесть еще одно важное условіе: передъ интеллигенціей странъ, поздне въпріобщившихся къ буржуазной цивилизаціи, стоялъ всегда уже готовый опытъ передовыхъ странъ, готовая критика ихъ внутреннихъ, скрытыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ болѣзней и язвъ. Не мудрено, что въ виду всей совокупности этихъ условій интеллигенція странъ такого соціального типа съ самаго начала явилась поставщицей главныхъ кадровъ всевозможныхъ демократическихъ и идеалистическихъ преобразовательныхъ теченій.

Характеристика, которую Лерда даетъ положенію въ Италіи интеллигентнаго пролетаріата, весьма любопытна. Она прекрасно иллюстрируетъ наши общія положенія. Само собой понятно, что развитіе отрицательныхъ сторонъ капитализма на счетъ положительныхъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что количество свободныхъ, незанятыхъ рабочихъ силъ — резервная рабочая армія — растетъ относительно быстрѣе, а обезпеченная работой армія труда — относительно медленнѣе. И это относится не только къ ручному, физическому, но и къ умственному труду. „Крайне многочисленно“, по свидѣтельству нашего автора, въ Италіи „представленъ также другой видъ пролетаріата, обнаруживающій постоянную тенденцію къ численному возрастанію: это интеллигентный пролетаріатъ. Мелкая буржуазія и мелкіе землевладѣльцы ставятъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы дѣти ихъ заняли какую-либо изъ либеральныхъ профессій. Отчасти объясняется это тѣмъ, что они не особенно надѣются на будущность своего промысла или своего имѣнія, отчасти просто изъ предразсудка, будто человеку, снабженному дипломомъ или титуломъ, все лучше удастся, чѣмъ прочимъ смертнымъ... Если вспомнить общія соціальныя отношенія страны и малокультурность массъ, то будетъ легко понять, что эти молодые люди, которые въ такомъ громадномъ числѣ вынуждены пускаться въ погоню за мѣстами и заработкомъ, будучи неспособными или не желая идти по отцовскимъ жизненнымъ дорогамъ, сначала быстро продаютъ маленькое наслѣдство, если оно было, а подъ конецъ впадаютъ въ нужду и вынуждаются довольствоваться самымъ жалкимъ уровнемъ существованія“.

Другой авторъ, Олиндо Малагоди, *) рисуя картину сицилійскаго крестьянскаго возстанія, заключаетъ такъ:

„Мы видѣли, что всѣ главы агитаціи были доктора, адвокаты, профессора,—словомъ, представители того класса, который можно охарактеризовать удачнымъ выраженіемъ Адама Смита: „клиента буржуазіи“. Ужасный экономическій кризисъ, переживаемый теперь Италіей, поразилъ ихъ сильнѣе, чѣмъ кого-либо. Наши университеты ежегодно выбрасываютъ изъ своихъ стѣнъ огромный контингентъ безработныхъ и деклассированныхъ... Наша индустрія, наша рахитическая коммерція ихъ болѣе не поглощаетъ... Итальянская буржуазія, потрясенная кризисомъ, въ концѣ концовъ не въ состояніи поддерживать свои собственныя креатуры, и они, деклассированные элементы современнаго общества, находясь безъ работы и предрасположенные, такимъ образомъ, къ революціи, подпадаютъ подъ вліяніе социалистическихъ идей, и, дезертируя изъ рядовъ буржуазнаго класса, устремляются къ пролетаріату и пробуютъ его поднять“.

Нѣкоторыя аналогіи съ Россіей напрашиваются сами собой и здѣсь. Многимъ, вѣроятно, памятна та травля на интеллигенцію, которая была начата въ 80-хъ годахъ реакціонной прессой. Поднялись крики объ опасности, которой угрожаетъ государству обнаружившееся перепроизводство интеллигенціи, чрезвычайное количество недоучившихся, или хотя и доучившихся, но не обеспеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи молодыхъ людей. Памятны проекты о сокращеніи числа университетовъ, о допущеніи въ учебныя заведенія лишь дѣтей благородныхъ и богатыхъ родителей, и тому подобныя, порой еще болѣе нелѣпыя и утопичныя планы вырвать зло (т. е. интеллигенцію) съ корнемъ. Утопическіе—потому что и самому государству, и насаждаемому имъ капитализму, и среднимъ классамъ вообще необходимы дѣловые интеллигентные работники. А дешевы интеллигентные работники только тогда, когда ихъ много, когда предложеніе интеллигентнаго труда превышаетъ спросъ, когда конкуренція между ищущими работы велика. При всей ненависти къ интеллигенціи, какъ политической силѣ, реакціонныя силы сами вынуждены создавать и выращивать тотъ классъ людей, который составляетъ главный контингентъ передового въ общественно-политическомъ смыслѣ „мыслящаго пролетаріата“—образованныхъ разночинцевъ. И этотъ классъ, не взирая на періодически возобновляющуюся реакціонную травлю, все растетъ и растетъ, усиливаясь и усиливаясь. И этотъ классъ не можетъ не видѣть, что въ то самое время, когда многіе его сочлены сидятъ безъ работы, когда на ихъ трудъ нѣтъ спроса, въ то же самое время соответственныя потребности массы населенія остается неудовле-

*) „La revolution prolétarienne en Sicile“.

творенными. Они прекрасно понимают, что, будь большинство трудящегося класса хоть немножко побогаче, хоть немножко просвѣщеннѣе и культурнѣе—какое бы моментально получилось увеличение спроса на трудъ учителей, докторовъ, адвокатовъ и т. п.! Собственный кровный интересъ толкаетъ ихъ къ народу и ставить въ антагонизмъ съ паразитическими элементами общества, истощающими народный организмъ. Въ настоящее время эти различные элементы въ особенности группируются вокругъ органовъ мѣстнаго самоуправления. На эти органы бюрократія должна была возложить значительную долю хлопотъ какъ разъ по удовлетворенію настоятельнѣйшихъ потребностей населенія: народная медицина, школьное дѣло, дорожное дѣло, продовольствіе и т. п. Если прибавить сюда всевозможныя оцѣночныя и статистическія работы, необходимыя для мало-мальски раціональной постановки важнѣйшихъ функцій земства, то станетъ ясно, что засѣдающіе въ управахъ помѣщики нуждаются въ цѣлой массѣ работниковъ со спеціальной подготовкой и съ такими незначительными потребностями, чтобы удовлетворятся скромнымъ земскимъ жалованьемъ. При невозможности для земскихъ „кадыковъ“ сколько-нибудь серьезнаго контроля надъ всѣми сторонами этой дѣятельности, приобретаетъ особое значеніе добросовѣстность служащихъ. И не вина почтенныхъ земскихъ дѣятелей или „отцовъ города“, что всѣмъ этимъ требованіямъ—дешевизна, полная добросовѣстность и широкая подготовка—удовлетворяютъ люди, 90 проц. которыхъ самые непріятные и ненавистные реакціонный прессъ элементы. При всемъ нерасположеніи къ послѣднимъ приходится пользоваться ихъ услугами, приходится волей-неволей и подчиняться—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени—ихъ вліянію. Болѣе высокій умственный уровень и безупречная нравственность—силы, съ которыми нельзя не считаться...

Въ свое время надѣлала много шуму рѣчь самарскаго вице-губернатора, который обратилъ вниманіе земскаго собранія на то, что въ земскихъ дѣлахъ, помимо вліянія „лицъ правительственныхъ и представителей мѣстныхъ обывателей“, замѣчается еще „вліяніе третьяго элемента“, „который состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными“.

Его вліяніе не предусмотрено закономъ, считающаго гарантіей успѣшнаго теченія земскихъ дѣлъ рѣшающую роль только двухъ первыхъ элементовъ; фактически растущее вліяніе еще „третьяго“ въ его глазахъ является чѣмъ-то чуть-чуть не вродѣ обхода закона.

„Случается—скорѣе онъ—что представители сословій, безъ

достаточно провѣренныхъ основаній, внемлютъ слову итelligen-товъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь волюдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ или журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ словъ заманчивъ, но внутренній—чревать опасностями“.

Представители третьяго элемента дѣлѣютъ въ умахъ различные „грезы“, которыя, правда, „носятъ лишь фантастическій характеръ“, но, по отношенію къ которымъ, тѣмъ не менѣе, нельзя забывать, что онѣ—„допустивъ въ основаніи политическія тенденціи“—могутъ имѣть „вредную сторону“...

И этотъ „третій элементъ“, конечно, сидитъ не въ одномъ только земствѣ, гдѣ онъ почему-то особенно бросился въ глаза самарскому „недреманному оку“. Онъ вездѣ. Образованный разночинецъ, работникъ всѣхъ видовъ интеллигентныхъ ремеслъ выросъ въ обширный общественный слой, сильный своей умственной и нравственной энергіей, впечатлительностью, подвижностью, инициативой—цѣлымъ рядомъ качествъ, какъ нельзя болѣе подходящихъ для роли активной идеалистической „бациллы“. Пора это высказать ясно и отчетливо. Нельзя закрывать глаза на дѣйствительность, подъ тѣмъ предлогомъ, что интеллигенція не представляетъ собою чего-то цѣльнаго, ибо, дескать, всякій классъ имѣетъ свою интеллигенцію. Конечно, интеллигенція состоитъ не сплошь изъ „новыхъ людей“, но развѣ хотя бы индустріальный пролетаріатъ состоитъ сплошь изъ таковыхъ? Въ каждомъ классѣ есть своя дифференцировка, свои верхи и низа, тянущіе въ разные стороны. Въ связи какъ съ этимъ, такъ и съ другими причинами каждый классъ даетъ партизановъ разнымъ теченіямъ жизни. Интеллигентные разночинцы остаются, во всякомъ случаѣ, своеобразной соціальной единицей, несомнѣнной общественной силой, настроеніе которой не случайная, а вполне опредѣленная для данной страны и данной эпохи переменная величина: это тоже гиря на чашкѣ вѣсовъ, съ которой необходимо считаться. Мы этого дѣлать не хотѣли, боясь „самобытничества“, такъ какъ-де въ тѣхъ странахъ Западной Европы, на которыхъ концентрировалось наше вниманіе, мы не подмѣчали аналогичныхъ явленій...

Но мы теперь видимъ, что и въ „Европѣ“ тоже имѣются страны, гдѣ „интеллигенція“ играла очень и очень видную роль. Такова хотя бы Италія. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить, что слово „интеллигенція“ можетъ быть понимаемо не только въ смыслѣ особой экономической категоріи (труженики интеллигентныхъ ремеселъ, представители спеціально-умственного труда), а и въ смыслѣ категоріи идеологической, какъ сознательнѣйшая, наиболѣе развитая умственно и нравственно часть націи. Оба эти понятія часто смѣшиваются въ виду того, что они охватываютъ отчасти (но не вполне) совпадающія явленія жизни. Наибольшій

контингентъ „интеллигенціи“ во второмъ смыслѣ слова прежде всего доставляется „интеллигенціей“ въ первомъ смыслѣ. Но къ ней быстро присоединяются не только цѣлыя трудящіяся классы, а и люди другого рода, — отщепенцы буржуазныхъ слоевъ общества, силою ума и чувства поднявшіеся надъ своимъ классовымъ положеніемъ, надъ обычными интересами, аппетитами и предразсудками своего класса.

Любопытенъ съ этой точки зрѣнія смотръ, который производятъ инициаторамъ и руководителямъ крестьянско-рабочаго сицилійскаго движенія Олинодо Малагоди.

„Боско—молодой чиновникъ изъ Палермо, служившій конторщикомъ въ торговомъ домѣ; де-Феличе—бывшій чиновникъ префектуры; Барбато—докторъ изъ Piano dei Greci; Монтальто—адвокатъ. Предсѣдатель fascio (союза) въ Кампобелло былъ адвокатъ Антонино Скутиери; въ Сомматино-Кальджеро — бывшій коммунальный секретарь Грасси; въ Кастельтермини—школьный учитель Джузеппе Бивона. Въ fasci принимали участіе не только крестьяне и рабочіе, но и много разнаго рода служащихъ, студентовъ и даже чиновниковъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ. Известно, напримѣръ, какъ одинъ мировой судья систематически совѣтовалъ рабочимъ—конечно, подъ секретомъ—записываться въ fasci. Другой членъ магистратуры, имѣвшій собственное состояніе, вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя дѣлу пропаганды. Прибавимъ къ этому, что въ то же время въ сицилійскихъ университетахъ многіе профессора проповѣдовали социализмъ съ высоты кафедръ. Медицинскій факультетъ въ Палермо былъ цѣликомъ социалистическимъ...

Но этого еще мало. Знаменательно другое явленіе. Среди вожаковъ сицилійскаго движенія слѣдуетъ отмѣтить — благодаря своей численности они имѣютъ важное значеніе—богатыхъ собственниковъ. Такъ, въ Каникаати президентомъ fascio былъ богатѣйшій собственникъ Гаэтано Рава, пожертвовавшій свое состояніе для социалистическаго дѣла. Въ Кастельтермини проявлялъ всѣ свои симпатіи дѣлу другой богатый собственникъ, сынъ сенатора Франческо Перецъ Ло - Буэ. Среди наиболѣе активныхъ молодыхъ дѣятелей, которые, между прочимъ, больше всего помогали партіи и своими денежными средствами, былъ молодой баронъ Кольнаго, князь де-Бочина, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ членовъ сицилійской феодальной аристократіи, и многіе другіе *).

*) Ср. также Росси „Die Bewegung in Sizilien“. О томъ же свидѣтельствуетъ и Колайани: слѣдуетъ замѣтить, что не мало организаторовъ союза принадлежатъ къ буржуазному классу; нѣкоторые очень состоятельные (agiatissimi), какъ Балерини; кое-какіе чрезвычайно богатые принадлежатъ къ высшей аристократіи, какъ маркизъ Де-Монтэмджиаре и князь ди-Куто. („La Sicilia“, 18).

При этомъ такъ и вспоминается наше хожденіе въ народъ, гдѣ тоже на ряду съ разночинцами беззавѣтно отдавались дѣлу и „кающіеся дворяне“—мировые судьи, богатые помѣщики, генеральскіе и сенаторскіе дѣти, офицеры арміи и флота и т. п., и т. п. И къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова, которыя даже такой правдивый марксистъ, какъ Малагоди, говоритъ объ итальянскихъ „интеллигентахъ“:

„Среди этихъ юныхъ дѣятелей, конечно, были прекрасные типы,—образованные, истинные рыцари гуманности“.

Плоха же будетъ та теорія, которая не оцѣнитъ должнымъ образомъ этихъ жизненныхъ фактовъ.

Намъ осталось рассмотреть исторію отношеній между итальянской интеллигенціей и городскимъ рабочимъ движеніемъ.

Современная рабочая партія въ Італіи произошла изъ сліянія двухъ отдѣльно возникшихъ партій. Одна изъ нихъ была независимой партіей самихъ рабочихъ, другая — социалистической партіей, составленной изъ образованныхъ людей, отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ.

Что касается первой, то вотъ что рассказываетъ о ней Джіовани Лерда.

„Эта рабочая партія, которая въ короткій срокъ много разъ мѣняла и свое имя, и свою программу, имѣла весьма существенное значеніе. Она устраивала организаціи среди рабочихъ различныхъ верхне-итальянскихъ городовъ, поощряла къ образованію рабочихъ союзовъ и существенно работала надъ ихъ укрѣпленіемъ, организовывала стачки и занималась многими вопросами чисто практическаго характера, надъ которыми никогда не задумывался социалистъ-доктринеръ“.

Такими яркими красками описываетъ Лерда достоинства этой партіи. Но у него же мы встрѣчаемъ въ высшей степени осторожныя и сдержанныя указанія и на другую сторону медали. Оказывается, что программа этой рабочей партіи „при своей неполнотѣ и неясности имѣла ясно выраженный практическій характеръ, требуя непосредственныхъ злободневныхъ реформъ въ пользу рабочаго населенія и выставляя основное положеніе — поддерживать при политическихъ выборахъ только такихъ кандидатовъ, которые сами принадлежатъ къ рабочему классу“.

Такимъ образомъ, достаточно ясно, что это движеніе носило узко-практическій характеръ, подобно старому англійскому трэдъ-юніонизму; что экономическая организація и стачкизмъ были его главными орудіями; что оно характеризовалось извѣстной профессионально-рабочей исключительностью... Мы видимъ, что Лерда, упрекавшій социалистовъ-интеллигентовъ въ „академичности“ и даже какомъ то „диллетантизмѣ“, не смотря на признаніе за ними

„подвиговъ самоотверженія и дѣйственной энергіи“, — что этотъ самый Лерда далеко не такъ строго относится къ независимой партіи... Тѣмъ цѣннѣе, однако, въ нашихъ глазахъ, всѣ его признанія, которыя заставляютъ считать недостаточно безпристрастнымъ его отношеніе къ двумъ этимъ элементамъ итальянскаго движенія. Оказывается, между прочимъ, что и социализмъ этой рабочей партіи былъ весьма проблематическимъ.

„Съ многихъ сторонъ—продолжаетъ Лерда—эта рабочая партія выставилась, какъ реакція противъ чисто-теоретическаго направленія первыхъ нашихъ партійныхъ пропагандистовъ. Въ дѣйствительности она была не что иное, какъ естественное выраженіе измѣнившихся экономическихъ условій страны и произошла почти что независимо отъ вывезенныхъ изъ за границы социалистическихъ идей. Конечно, нѣкоторые неясно сформулированные въ ея программѣ принципы можно разсматривать, какъ отраженіе доктринъ, распространенныхъ въ массѣ людьми нашихъ взглядовъ; однако, несомнѣнно, что, въ концѣ концовъ, рабочая партія не была ни социалистической, ни даже дѣтищемъ социализма. Она была просто живымъ выраженіемъ хозяйственнаго гнета, который день ото дня становился въ Италіи невыносимѣе. Она поступала въ тѣсномъ смыслѣ слова сообразно марксовскому афоризму: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, и держалась замкнуто, отстраняясь отъ всякаго общенія, какъ съ цѣлыми партіями, такъ и съ отдѣльными лицами, если они не принадлежали къ рабочему классу“...

Невольно и здѣсь приходятъ на память аналогичныя явленія изъ русской дѣйствительности...

Мы знаемъ, что повсюду нѣкоторая склонность къ такого рода узкой практичности и профессиональной замкнутости замѣчалась среди рабочей аристократіи, среди лучше оплачиваемой, квалифицированной части рабочихъ. И—что особенно интересно—цеховая исключительность этихъ избранниковъ пролетаріата только однимъ своимъ остріемъ направлена вверхъ, въ сторону интеллигенціи, другимъ же—внизъ, въ сторону необученныхъ рабочихъ и въ особенности крестьянъ. Такъ, Н. Колайани, между прочимъ, пишетъ:

„Наши рабочіе—городскіе и индустріальные—какъ это уже было замѣчено профессоромъ Нитти въ „*Révue d'économie politique*“ Ш. Жюда,—не только малочисленны, но и составляютъ до настоящаго времени аристократію труда, которая съ пренебреженіемъ относится къ громадной массѣ крестьянъ“.

Нѣчто подобное—увы!—встрѣчается иногда въ иныхъ рабочихъ кругахъ и у насъ. Даже въ стачкахъ иногда проявляются конфликты; съ одной стороны, стоятъ въ качествѣ болѣе активнаго элемента постоянные квалифицированные фабричные рабочіе, съ высокимъ уровнемъ потребностей („штиблеты, пальто,

талоши, носовые платки, часы, мѣховое зимнее платье—часто по послѣдней модѣ“), съ другой стороны, простые рабочіе, перекочевавшіе, что называется, прямо изъ подъ сохи да подъ ружье, лѣтомъ часто возвращающіеся въ деревни и привыкшіе къ минимуму потребностей („лапти, грубыя лохмотья, вмѣсто одежды, пустые щи и т. под.), а потому сбивающіе заработную плату. И вотъ первые глядятъ на вторыхъ свысока, зовутъ „деревенщиной“, „зимовалами“, „сѣрыми“ или просто „лаптями“; послѣдніе же „считаютъ первыхъ очевидно зазнавшимися“...

Возникаетъ вопросъ, какую же тактику усвоила себѣ интеллигентная фракція въ Италіи къ этому узко-экономическому теченію? Какія сложились отношенія между двумя этими общественными силами? Каковъ былъ результатъ ихъ столкновенія на одной и той же исторической аренѣ и какую роль сыграла при этомъ интеллигентная фракція?

Какъ свидѣтельствуетъ Лерда, оказалось вотъ что: независимая рабочая партія „зародилась съ ограниченнымъ пониманіемъ причинъ и основаній хозяйственного гнета, съ туманнымъ и неопредѣленнымъ критеріемъ для предстоящей дѣятельности и насчитывала въ своихъ рядахъ слишкомъ мало независимыхъ и образованныхъ элементовъ, чтобы органически развиваться въ полнотѣ силъ, какъ это необходимо для достиженія достаточнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Было естественно и логично, что прежде всего со стороны социалистовъ была сдѣлана попытка къ сближенію... Они пытались привлечь къ себѣ рабочую партію, чтобы образовать вмѣстѣ съ нею *единую* партію... Это была долгая и нелегкая работа, которая, наконецъ, была приведена къ концу усиліями нашихъ интеллигентнѣйшихъ товарищей“.

Именно, на мантуанскомъ объединительномъ конгрессѣ (1886 г.) было положено начало сближенію, а на генуэзскомъ (1892 г.) дѣло завершилось образованіемъ единой „Partito socialista italiano“.

„Съ этихъ поръ и корпоративно-профессіональное рабочее движеніе освободилось отъ того узкаго, мелочнаго духа, которыми раньше характеризовалось. Хотя, съ одной стороны, при извѣстныхъ условіяхъ—именно, предполагая достаточную широту и глубину руководящихъ взглядовъ—корпоративизмъ можетъ приносить чрезвычайно большую пользу экономическому развитію рабочаго класса, за то обычно онъ можетъ вырождаться—и, дѣйствительно, вырождается—въ борьбу исключительно за профессіональные интересы, которая ослабляетъ и разрушаетъ то чувство солидарности, которое должно объединять всѣхъ работниковъ безъ различія“.

Еще понятно, когда стихійно возникшее среди самихъ рабочихъ движеніе запечатлѣно на первыхъ порахъ узостью и одно-

сторонностью; но когда интеллигентные руководители движения, богатые знакомствомъ съ опытомъ Западной Европы, вмѣсто того, чтобы расширять характеръ движения, сами его суживаютъ, эта тактика должна подвергнуться рѣшительному осужденію. А между тѣмъ, какъ мы хорошо знаемъ, и это случается нерѣдко.

Конечно, въ Германіи экономическая организація и экономическая борьба, которыя одно время были оттѣснены на задній планъ разгаромъ политической работы, теперь вновь протискиваются впередъ. Конечно, громадное значеніе чисто экономическихъ организацій доказано и бельгійскимъ, и англійскимъ рабочимъ движеніемъ. Но нельзя же забывать своеобразія хозяйственныхъ условій этихъ странъ. Стаечное, профессиональное, вообще, чисто экономическое движеніе, въ его узко-практическихъ формахъ, всегда оказывалось тѣмъ болѣе продуктивнымъ, чѣмъ болѣе цвѣтущимъ былъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время національный капитализмъ. Именно въ Англіи и при томъ въ эпоху гигантскаго расцвѣта ея власти на рынкахъ оказывались наиболѣе уступчивыми и покладистыми фабриканты; отсюда и узкая практичность, и „благоразумный эгоизмъ“ англійскихъ тредсъ юніоновъ. И если теперь та же прѣсная „трезвенная“ нота зазвенѣла въ рѣчахъ теоретиковъ и практиковъ бернштейнианства, то матеріальной подкладкой этого явленія служить опять-таки необычайный (до кризиса послѣдняго времени) подъемъ германской промышленности, мѣстами съ успѣхомъ выбивающей изъ позицій даже англійскую, не говоря уже о французской. Наоборотъ, экономическая борьба тѣмъ меньше можетъ претендовать на самодовлѣющее значеніе, чѣмъ неблагопріятнѣе въ странѣ соотношеніе отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма. Даже такой ярый бернштейнианецъ, какъ Ф. О. Герцъ, вынужденъ признать, обрисовавши характерныя черты австрійскаго капитализма, что „здѣсь надо искать причинъ, почему у насъ, конечно, мало видовъ на основаніе „индустріальной демократіи“ при помощи сильныхъ профессиональных союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ; въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины“. Мы видѣли, что Венгрія въ этомъ отношеніи нимало не отличается отъ Австріи. То же самое находимъ мы и въ Италіи. „Что касается чисто экономической организаціи пролетаріата, то легко понять, что она въ Италіи не могла далеко уйти впередъ. Хозяйственныя условія страны, въ которой крупная индустрія мало развита, въ которой сельское хозяйство кое какъ влачитъ свое существованіе, наполовину разбитое парализующимъ, стѣсненнымъ устарѣлыми способами производства и заграничной конкуренціей,—хозяйственныя условія такой страны не позволяютъ создать достаточно организованное сопротивленіе...

Капиталистическое хозяйство на нашемъ полуостровѣ все еще находится въ эмбриональномъ состояніи, и поэтому итальянскій пролетаріатъ едва-едва можетъ находить въ этой средѣ, въ которой онъ живетъ, необходимые элементы для систематическаго сопротивленія эксплуатаціи. Что же послѣ этого приходится сказать о станахъ, гдѣ „надстройки“ еще менѣе благоприятствуютъ движенію?

Мы уже говорили, что „сливки пролетаріата“ нерѣдко обнаруживаютъ тенденцію замыкаться въ узкіе профессиональные интересы и проявлять цеховую исключительность. Но это только одна сторона медали. Съ другой стороны, при извѣстныхъ благоприятныхъ условіяхъ та же самая лучше поставленная часть рабочаго класса становится лучшимъ и энергичнѣйшимъ авангардомъ движенія. И это тоже понятно. Обладая сравнительно съ другими слоями трудящихся большимъ матеріальнымъ достаткомъ и большимъ досугомъ, обладая, далѣе, извѣстной профессиональной подготовкой, эти элементы выдѣляются изъ рабочей массы также своей интеллигентностью, болѣе подготовлены къ воспріятію отвлеченныхъ идей и теорій, болѣе другихъ способны увлечься и проникнуться широкими, отдаленными перспективами общественной борьбы. Нужно только, чтобы и воздѣйствіе на нихъ настойчиво и опредѣленно било въ эту сторону. Тѣ слои трудящагося населенія, которые болѣе обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, именно поэтому и нуждаются въ поддержаніи идеологическаго момента, въ широкомъ этическомъ освѣщеніи социальныхъ проблемъ. Нужно, чтобы въ нихъ сильнѣе заговорила нравственная струна, какъ естественный атрибутъ высоко развитаго интеллекта. Нѣтъ ничего опаснѣе и самоубійственнѣе для партій, какъ бояться отпугнуть отъ себя эти элементы слишкомъ идеалистической программой, какъ разбавлять ее водичей и обрабатывать примѣнительно къ духу „умѣренности и аккуратности“. Напротивъ, во что бы то ни стало нужно стараться поднять ихъ выше ихъ узенькихъ профессиональных интересовъ; нужно пытаться вдохнуть въ нихъ идеалистическій духъ, разжечь въ ихъ груди искру Прометеева огня, пробудить сознаніе солидарности со всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ“ народомъ, наполнить ихъ сердца энтузіазмомъ къ великому общему дѣлу. И тогда—все прочее приложится.

И пусть не говорятъ намъ, что эти требованія суть только „безпочвенное увлеченіе интеллигента“, что „съ рабочими нужны нныя рѣчи“. Это невѣрно. Въ такомъ движеніи, какое единственно возможно въ отсталыхъ странахъ—движеніи, путь котораго усыянъ камнями, терніями и волчпами, когда грядущій день сулитъ много испытаній, а плоды ихъ въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ „дано урѣть лишь дальнему потомству“—въ такомъ движеніи отсутствіе идеалистической струны равносильно

ослабленію силы и настойчивости борьбы, равносильно вялости, дряблости, мертвечинѣ...

Даже и теперь въ итальянскомъ движеніи создается лѣвое крыло, объединяющееся съ боевымъ синдикализмомъ и находящее, что итальянскому движенію въ его теперешнемъ видѣ все еще сильно недостаетъ размаха, энтузіазма, темперамента. Итальянцевъ, быть можетъ, выручаетъ еще горячая южная кровь, текущая въ ихъ жилахъ и не скованная сѣверными морозами...

Да, намъ есть чему и въ этомъ пунктѣ поучиться у итальянскихъ дѣятелей! Мы уже видѣли, какъ умѣло устранили они дисгармонію между ближайшими практическими нуждами рабочихъ и отдаленными идеалистическими цѣлями интеллигенціи, какъ побороли они давнюю шероховатость отношеній и доставили торжество объединительному принципу. Не менѣе умѣло устранили они и шероховатость во взаимныхъ отношеніяхъ между городскими рабочими и крестьянствомъ.

Итальянскіе дѣятели поняли, что такъ какъ „главнымъ источникомъ производства и богатства Италіи является деревня“ *) (Gatti), то отсюда „проистекаетъ важность аграрнаго вопроса передъ всѣми другими формами социальнаго вопроса“ (N. Colajani). Вотъ почему, по словамъ того же Колайани, „наиболѣе интеллигентные дѣятели увидѣли необходимость направить свою дѣятельность на деревню. Именно этой *перемѣнѣ тактики* слѣдуетъ приписать успѣхи, которые сильно обеспокоили наше министерство. Еще недавно итальянскіе дѣятели съ гордостью указывали на замѣчательные результаты, достигнутые ихъ деревенской работой: во время сильнаго городского стачечнаго движенія крестьяне и мѣщане ближайшихъ мѣстностей закладывали свои дома и поля, чтобы оказать должную поддержку стачечникамъ и не дать хозяевамъ сломить ихъ сопротивление! Въ лѣтописяхъ современнаго движенія найдется не много такихъ поистинѣ трогательныхъ явленій, какъ этотъ поступокъ людей, относимыхъ, согласно обычной марксистской классификаціи, въ разрядъ „мелкой буржуазіи...“ **).

Но самая эта классификація въ рукахъ итальянскихъ теоретиковъ должна подвергнуться существенной перестройкѣ. Толкованіе, согласно которому всѣ, не принадлежащіе къ пролетаріату, тѣмъ самымъ принадлежатъ къ буржуазіи, теряетъ кредитъ. Сами пролетаріи разсматриваются, лишь какъ часть трудящагося класса, т. е. людей, источникомъ существованія которыхъ является *трудъ* (какъ политико-экономическая категорія), независимо отъ

*) Значеніе земледѣлія и деревни въ хозяйственномъ организмѣ Италіи превосходно выяснено въ книгѣ Gerolamo Gatti, *Agricoltura e socialismo*, Milano-Palermo, 1900), изъ которой мы и беремъ эту цитату.

**) См. объ этомъ, напр., у Gino Murialdi, *L'organisation économique des métayers et des petits propriétaires*.

того, утратили они свою хозяйственную самостоятельность или нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи интересенъ первый болонскій конгрессъ итальянскихъ сельскихъ работниковъ, объединенныхъ въ національную федерацію. Предсѣдателемъ конгресса былъ извѣстный Андреа Коста, въ числѣ видныхъ участниковъ — Энрико Ферри и Турати. На конгрессѣ было представлено почти 150,000 организованныхъ сельскихъ работниковъ: поденщиковъ, половниковъ, мелкихъ крестьянъ—какъ арендаторовъ такъ и землевладѣльцевъ. Три теченія проявились на конгрессѣ: одно—ортодоксально-марксистское, другое—промежуточное, и третье—наиболѣе близкое къ нашимъ взглядамъ—стоявшее за органическое объединеніе движенія трудового крестьянства съ движеніемъ селско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ общемъ побѣду одержало именно это *третье* теченіе, лишь съ нѣкоторыми уступками въ пользу теченія средняго.

Настоящій, „твердокаменный“ марксизмъ былъ представленъ не блестяще,—главнымъ образомъ делегатами изъ Пармы и Страделлы—*Уттини* и *Перотти*. Эти послѣдніе требовали исключенія изъ федераціи мелкихъ собственниковъ, какъ класса не пролетарскаго, не зависящаго прямо отъ патрона и не эксплуатируемаго *непосредственно*. Интересы этого класса, какъ такового, въ общемъ диаметрально противоположны интересамъ класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Среднее теченіе было представлено такими крупными именами, какъ, напримѣръ, *Турати* и *Ферри*. Какъ представители двухъ разныхъ теченій въ общей партійной политикѣ (Турати—умѣренный, Ферри—радикалъ), они приходили къ своему рѣшенію съ разныхъ сторонъ. Турати откровенно отбѣнялъ, что главный мотивъ за организацію и мелкихъ собственниковъ—таковъ: „Мелкій собственникъ, во всякомъ случаѣ, есть политическая сила, въ которой мы нуждаемся; это большая сила, съ которой намъ абсолютно необходимо считаться“. Затѣмъ, полагая, что въ крестьянинѣ соединено, такъ сказать, два естества—рабочее и собственническое—онъ отсюда выводилъ свое рѣшеніе: съ одной стороны, не слѣдуетъ мелкую собственность поддерживать противъ индустріализма, съ другой—можно и должно пользоваться мелкой собственностью (рабочею ея стороною) для усиленія классовой борьбы. Ферри, со своей стороны, также находилъ, что какъ часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, такъ, въ особенности, мелкіе фермеры, а также издольщики, могутъ и должны входить въ федерацію; онъ, однако, полагалъ, что объединеніе ихъ *вмѣстѣ съ наемными рабочими въ однихъ и тѣхъ же союзахъ* могло бы повести къ затемнѣнію въ повседневной борьбѣ идеи классового антагонизма. Онъ высказывался, далѣе, противъ допущенія въ составъ федераціи, на ряду съ „союзами сопротивленія“, также и кооперативныхъ товариществъ, ибо

последнія, хотя и улучшаютъ положеніе своихъ членовъ, но не могутъ быть разсматриваемы, какъ одна изъ формъ организаціи классового сопротивленія. Ферри предлагалъ, кромѣ того, раздѣлить федерацію на двѣ секціи, при чемъ въ одну изъ нихъ должны были входить наемные рабочіе, а въ другую—фермеры, издольщики и мелкіе собственники. Эта двойственность организаціи соответствовала бы двойственности положенія мелкой собственности, лишь частью, а не вполне, сходящейся въ интересахъ съ наемнымъ трудомъ; это—два элемента, „для которыхъ общимъ является возмущеніе противъ современнаго положенія вещей, но у которыхъ есть также свои особенные интересы, весьма часто могущіе приходить къ столкновенію“.

Главнымъ представителемъ *третьяго* теченія являлся назначенный докладчикомъ по этому вопросу *Жино Муріальди*; на его аргументаціи мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Онъ выступалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, съ одной стороны, за допущеніе мелкихъ крестьянъ, издольщиковъ и фермеровъ въ „лиги сопротивленія“ батраковъ, что облегчается частымъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ самостоятельнаго земледѣльца съ работникомъ по найму на крупнаго землевладѣльца. Конечно, есть фермеры и земледѣльцы, сами пользующіеся наемнымъ трудомъ; такимъ въ „лигахъ сопротивленія“ нечего дѣлать; надо дѣлать строгое различіе между разными категоріями, поверхностно обозначаемыми иногда однимъ и тѣмъ же терминомъ „фермеровъ“ или „мелкихъ собственниковъ“; трудно лишь установить чисто формальный критерій различенія этихъ категорій, въ виду сложности и разнообразія случаевъ, и потому правильнѣе разсматривать каждый данный случай отдѣльно. „Какъ бы то ни было,—говорилъ онъ—требованія наемныхъ рабочихъ относительно улучшенія своего положенія почти вездѣ и почти всегда встрѣчаютъ благосклонный пріемъ со стороны мелкихъ фермеровъ и мелкихъ собственниковъ. Съ какой же стати отталкивать лиги этихъ работниковъ, разъ онѣ нисколько не мѣшаютъ движенію, разъ онѣ могутъ даже, въ исключительныхъ случаяхъ, помогать матеріальными средствами, превышающими значительно средства другихъ работниковъ (слѣдуя благородному примѣру мелкихъ собственниковъ Полезины, которые заложили свою собственную землю, чтобы помочь крестьянскимъ организаціямъ); вѣдь и сами они эксплуатируются классомъ капиталистовъ, такъ какъ, обрабатывая земли, обладающія извѣстной цѣнностью, не только не получаютъ полностью плодовъ своей работы, но и влчатъ жизнь настолько же жалкую, какъ и наемные рабочіе“. Это важно, между прочимъ, и потому, что при такой организаціи, „наемные селѣско-хозяйственные рабочіе не рискуютъ, что въ случаѣ стачки мелкіе собственники согласятся, на большій или меньшій срокъ, замѣнить ихъ на прерванной работѣ. Очень возможно, что у нѣ-

которыхъ мелкихъ собственниковъ будетъ нѣсколько свободныхъ дней во время жатвы, періода наиболѣе благопріятнаго, конечно, для подобныхъ стачекъ; надо поставить дѣло такъ, чтобы у нихъ не явилось искушенія воспользоваться этимъ досугомъ и измѣнить наемнымъ рабочимъ“.

Съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы наемные рабочіе входили въ крестьянскія организаціи, хотя бы чисто экономическія, напримѣръ, коопераціи, что съ чисто хозяйственной точки зрѣнія вовсе не будетъ ненормальностью: „При участіи въ нихъ наемныхъ рабочихъ, эти учрежденія, особенно потребительныя товарищества, будутъ сбывать болѣе регулярно и по лучшимъ цѣнамъ предметы непосредственнаго потребленія, какъ, напримѣръ, маисъ и вино“.

Въ своемъ заключительномъ словѣ Муріальди указалъ, что борьба противъ сложныхъ и разнообразныхъ формъ капиталистической эксплуатаціи можетъ выразиться не только въ стачкѣ, но можетъ вестись и другими средствами, напримѣръ, при помощи кооперацій мелкихъ собственниковъ. Но есть коопераціи и коопераціи. „Само собой разумѣется, что эти коопераціи должны остаться классовыми учрежденіями“ въ противоположность тѣмъ коопераціямъ, которыя основываются клерикалами и либералами; „единственная цѣль послѣднихъ—это доставить участникамъ ихъ то небольшое количество выгодъ, которое достаточно, чтобы заставить ихъ терпѣливо сносить бремя бѣдствій, еще тяготящихся надъ ними, оставивъ заботу о полномъ освобожденіи; чтобы приучать ихъ болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрить свою судьбу всецѣло въ руки буржуазіи“. Въ этихъ коопераціяхъ они стараются объединять мелкихъ фермеровъ и земледѣльцевъ съ крупными хозяевами, порою привлекая и наемныхъ рабочихъ. Но существованіе такихъ кооперацій такъ же мало можетъ дискредитировать принципъ коопераціи, какъ существованіе „желтыхъ синдикатовъ“—принципъ движенія синдикальнаго.

„Мы не затемняемъ пониманія классовой борьбы, принимая мелкихъ собственниковъ, которые симпатизируютъ нашему идеалу, но не могутъ освободиться отъ мелкой собственности и сдѣлаться наемными рабочими. Значитъ, они собственники не по своему выбору: это трагическая необходимость; будучи по существу наемными рабочими, какъ всѣ другіе, они по виду, по формѣ являются собственниками“.

Настаивая, въ противоположность Ферри, на допущеніи кооперацій, Муріальди настаивалъ также на необходимости опредѣленнаго подраздѣленія внутри федераціи: „Важно также, чтобы коопераціи, заключая федеративные союзы съ лигами,—не расплывались въ нихъ, не теряли бы своей фizioноміи. Въ самомъ дѣлѣ, кооперація—организмъ очень нѣжный, чувствительный, не только съ точки зрѣнія соціальной, но особенно въ отношеніи

участокъ слишкомъ большой для того, чтобы всецѣло его „утилизировать собственнымъ трудомъ и трудомъ своей семьи“, что „земледѣльческіе работники должны всюду, гдѣ это возможно, добиваться полученія въ коллективную аренду земель, принадлежащихъ государству, коммунахъ или благотворительнымъ учрежденіямъ“, и что, наконецъ, „національный секретариатъ долженъ поддерживать и поощрять образованіе кооперацій работниковъ для исполненія общественныхъ работъ и для эксплуатаціи земли“.

Все это—шаги въ томъ же направленіи, въ какомъ была составлена резолюція перваго болонскаго конгресса. Все это по-казываетъ, насколько лишилась престижа старая марксистская аграрная догма, запечатлѣнная скрытой крестьянофобіей. Нечего и говорить, что она упорно отстаивала свое существованіе и не сдавалась даромъ. Борьба съ нею было долгая, и до сихъ поръ не вполне закончилась. Впервые, что называется, „взломало ледъ“ стихійное сицилійское аграрное движеніе. Историческое значеніе его поэтому чрезвычайно важно. „Современное рабочее движеніе—писалъ по этому поводу Малагоди—было до сихъ поръ почти исключительно дѣломъ индустріальнаго населенія; движеніе въ Сициліи выдвигаетъ на арену сельское населеніе и бросаетъ такимъ образомъ новую гирю на вѣсы соціального вопроса. Это движеніе, быть можетъ, является для земледѣльческаго движенія тѣмъ же самымъ, чѣмъ явилась парижская коммуна—для индустріальнаго“. И вотъ, столь важное событіе, однако же, застигло при своемъ зарожденіи врасплохъ, можно сказать, всю организованную итальянскую партію. Тотъ же самый Малагоди рассказываетъ объ этомъ чрезвычайно поучительно... и въ то же время немножко наивно. Дѣло какъ разъ происходило на генуэзскомъ конгрессѣ 1892 г. во время сліянія въ одну партію упомянутой выше интеллигентной фракціи и организованныхъ для экономической борьбы рабочихъ. Присутствовавшіе на конгрессѣ были, впрочемъ, довольно немногочисленны, и почти всѣ представляли собою индустріальные центры наиболѣе богатыхъ промышленныхъ провинцій: Эмилии и Ломбардіи. Надо полагать, что всѣ глядѣли на крестьянство, еще не обратившееся въ пролетаріатъ, какъ на безнадежно отсталую консервативную массу. И вотъ къ нимъ вдругъ „пришло извѣстіе о неожиданномъ прибытіи нѣсколькихъ сицилійцевъ для присутствія на конгрессѣ. Это были два молодыхъ человека—Гарибальди Воско и баронъ Кольнаго. Интеллигентные и симпатичные люди, они сразу сошлись со старыми дѣятелями. Они выдѣлялись на конгрессѣ, были замѣчены, говорили о тѣхъ *fasci*, которые имъ удалось организовать и которые уже насчитывали нѣсколько тысячъ членовъ; сообщая объ этомъ, они возвѣщали наступленіе колоссальнаго движенія. Слушая ихъ, мы, отлично знающіе, какихъ усилій намъ стоило по-

двинуть движеніе среди самого передового пролетаріата Верхней Италіи, — мы улыбались, думая о легендарной силѣ воображенія южанъ...”

Здѣсь поражаетъ, конечно, не то, что двое юношей-соціалистовъ, быть можетъ, дѣйствительно преувеличивали — впрочемъ, какъ оказалось, не *размѣръ* сицилійскаго движенія, а только его шансы на удачу, его прочность и т. п. Здѣсь гораздо характернѣе настроеніе старыхъ, испытанныхъ дѣятелей, не ожидавшихъ ничего подобнаго тому, что имъ рассказывали, и затѣмъ вынужденныхъ, подобно Малагоди, сознаться: „однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, явились факты, которые подтверждали то, что говорили намъ два молодыхъ дѣятеля...”

Такъ мало вѣрили они въ воспримчивость крестьянства, или въ способность интеллигенціи поднять его, или въ то и другое вмѣстѣ, что сочли смѣшной тарасконадой предсказаніе событій, которыя „быть можетъ, являются для сельскаго населенія тѣмъ же, чѣмъ парижская коммуна была для городского...”

Отсюда новый урокъ — не такъ слѣпо вѣрить въ кабинетныя доктрины, прислушиваться ежеминутно къ біенію пульса текущей жизни и чутко отзываться на всѣ зарождающіеся въ ней новыя запросы, новыя потребности. Только при этомъ условіи можно идти не въ хвостъ событій, а впереди ихъ.

Таковъ одинъ изъ основныхъ выводовъ, который самъ собой напрашивается послѣ экскурсіи въ область общественнаго движенія „отсталыхъ странъ“.

Викторъ Черновъ.

— — — — —

ЗА СТАДОМЪ.

Очеркъ.

Съ утра тянуло холодкомъ, и по небу медленно плыли сѣрыя тучи. Пастухи Сивоть и Антихристъ задержали стадо въ концѣ парового поля, у барскихъ Колковъ, и къ полдню имъ пришлось шесть верстъ, во всю длину столба, до деревенскихъ „задовъ“,—полуденнаго стойла, —„шпарить“ за стадомъ бѣгомъ.

Стоялъ июнь въ половинѣ, начиналась *строка*: коровы поднимали хвосты, какъ ружья, и тревожно метались, готовые разсыпаться во всѣ стороны. Пастухи безъ умолку хлопали пятисаженными просмоленными кнутами и бомбардировали коровъ закомелистыми дубинками. Старый и сырой Сивоть бѣжалъ съ праваго фланга, вдоль барской канавы, и, только благодаря этой канавѣ, ему удавалось сдерживать ошалѣвшихъ коровъ. Маленькій, худой, юркій подростокъ—подпасокъ Антихристъ несясь съ своей стороны, какъ бѣсъ, такъ что не видно было въ пыли его ногъ, и до самаго стойла ни одной коровѣ не удалось обойти пастушечка. Позади коровъ и пастуховъ, на свободѣ, мчались овцы; онѣ не боялись строкъ, но, по чувству общественности, старались не отставать отъ стада, и когда одна передовая овца, замѣтивъ на землѣ палку или кочку, прыгала черезъ нее—все стадо на этомъ мѣстѣ добросовѣстно повторяло прыжокъ...

Пастухи пасли крестьянское стадо деревни Святые Ключи, пасли на паровомъ полѣ длиною 6 верстъ, а шириною только 80 сажень; на этой полоскѣ росъ одинъ колючій и жесткій осотъ, и стадо весь день ходило голодное и непоеное. Съ одной стороны крестьянскаго *пара*, во всю длину поля, тянулась канава, отдѣлявшая барскій выпускъ, вдоль рѣчки Бирюча, отъ крестьянскаго надѣла; съ другой—яровой крестьянскій столбъ, такой-же длинный и узкій, какъ и паровой. За яровымъ полемъ опять шла канава, а за канавой *казной* барскій лѣсъ.

Третье поле находилось по другую сторону деревни, а водопой въ самомъ селѣ. Ключей же,—ни простыхъ, ни святыхъ,—на крестьянской землѣ не было: они остались въ барскомъ клину.

Пастухи прижали стадо въ уголь, между канавой и высокимъ плетнемъ пчельника богатаго мужика Адриана Михайловича. Десятокъ старыхъ ветелъ у плетня затѣнилъ кое-какой холодокъ, и въ холодкѣ этомъ размѣстились коровы, а овцы, которымъ подъ ветлами мѣста не хватило, столпились небольшими кругами на солнечномъ припекѣ и прятали головы въ собственную тѣнь. Сивоть, какъ только раздышался, досталъ изъ-за плетня пучокъ лыкъ, нарѣзалъ изъ нихъ тонкихъ ремешковъ и принялся за лапти. Антихристъ кое-какъ укрылся отъ мухъ дырявымъ кафтанишкомъ и пытался уснуть. Вскорѣ къ нимъ подогналъ свое стадо третій пастухъ, свиной,—солдатъ Аркулай, небольшого роста черноволосый, съ удивительными глазами: что-то въ нихъ тускло свѣгилосъ жестокое, безнадежно-тупое и упрямое... Чуткій Антихристъ прозвалъ Аркулая Искаріотскимъ и, послѣ настойчивыхъ трудовъ, добился того, что солдатъ сталъ отзываться на прозвище.

Въ свое время Аркулай воевалъ съ турками, бралъ Ловчу; послѣ Ловчи долго служилъ въ солдатахъ своей охотой, сверхсрочнымъ, выслужился въ унтера, накопилъ на службѣ рублей триста денегъ; но въ деревнѣ деньги у него выпыгивали племянникъ,—солдатскій „форсъ“ какъ-то слишкомъ быстро слинялъ съ Аркулая, и онъ не увидѣлъ, какъ попалъ въ пастухи, да еще въ самые послѣдніе, въ свинные. И свиней своихъ солдатъ вывѣтрилъ до того, что онъ стали походить на гіенъ.

— Запостилъ ты своихъ свиней, Искаріотскій!—часто выговаривалъ ему Антихристъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ 15, худенькій, съ тонкими руками и ногами, тонкой, какъ былинка, шей, узенькимъ нездоровымъ, сѣро-зеленымъ, скучнымъ и злымъ лицомъ. Звали его Филиппомъ, а Антихристомъ прозвали за безпросвѣтное озорство и жестокость.

Третій пастухъ, бобыль Сивоть (Всеволодъ), былъ симпатичнѣе своихъ товарищей. Огромнаго роста, тучный, мохнатый, съ коричневой кожей, нарѣзанной по всѣмъ направленіямъ глубокими черными, похожими на трещины, морщинами, онъ отличался неизмѣннымъ добродушіемъ; голубые глаза его глядѣли разсѣяннo, словно онъ все думалъ и вспоминалъ объ чемъ-то хорошемъ, передъ чѣмъ все настоящее имѣло мало цѣны.

Міросозерцаніе Сивота было ясно и удивительно терпимо, и если бъ Аркулай съ Антихристомъ изувѣчили у него на

глазахъ все стадо, или надѣлали другихъ жестокихъ и непоправимыхъ дѣлъ, онъ постарался бы подыскать имъ оправданіе... Оправдывалъ онъ и помѣщиковъ Москвитиновыхъ, окружившихъ Святые Ключи тѣсною блокадой своихъ угодій; оправдывалъ своихъ мірянъ, порознь закабаливавшихся съ руками и ногами въ барской экономіи; оправдывалъ и міръ - общество, — ассоціацію тѣхъ-же кабальниковъ, изводившую ту-же экономію и мытьемъ, и катаньемъ, на правахъ равной воинствующей стороны.

Къ полдню отъ зноя трудно стало дышать. Все пожелтѣло и притаилось, только мухи и всевозможная мошकारа толклись въ горячемъ воздухѣ. Аркулай, одѣтый лучше товарищей, въ солдатской фуражкѣ, сапогахъ и ситцевой рубахѣ, закрылъ лицо бѣлымъ фартукомъ, а оборванному Антихристу приходилось трудно: вся одежда его состояла изъ старой домотканной рубахи и синихъ худыхъ штановъ; не было ни лаптей, ни портянокъ, ни картуза, и все лѣто онъ пасъ съ непокрытой головой.

Одинъ Сивоть не сдавался ни мухамъ, ни солнцу и не утомимо плелъ лапти, покуривая трубочку и посмѣиваясь надъ подпаскомъ, злобно и неистово чертыхавшемъ мухъ и жару, и стадо, и плохое свое одѣяніе, и всю свою горемычную жизнь.

— И что ты, Филька, все непріятныхъ призываетъ?— добродушно обращался Сивоть къ Антихристу.— Не люблю я ихъ!.. На то и лѣто, чтобъ всякій гадъ плодился... Надо и имъ повластвовать. Вы ихъ давите, они къ вамъ, къ крови-то, хуже и липнуть, а я, вотъ, не трогаю—на меня и не присядутъ... На-ка вотъ, трубочки покури, ихъ дымомъ-то отшибегь.

— Ну, тебя къ чорту съ твоимъ мухоморомъ! —отказался Антихристъ.—А то дай, дѣдушка!—передумалъ онъ.

Сивоть ужъ протянулъ было руку съ трубкой, но вдругъ спохватился и быстро отдернулъ назадъ.

— Дай, дай, дѣдушка!.. Когда посулилъ, давай, старый чортъ!—смѣясь, настаивалъ Антихристъ.

— Не дамъ,—рѣшилъ Сивоть.—Ты опять ее на пчельникъ закинешь, Михайлычъ ругаться будетъ. Ну, что дравить старика?

Антихристъ повернулся къ плетню и сталъ глядѣть сквозь старый хворостъ на пчельникъ.

На пчельникѣ старикъ Адріанъ Михайловичъ маялся съ роями. Что-то у него не ладилось, онъ метался по пастѣхъ,

звонилъ въ пустое ведро, махалъ по воздуху роевней, привязанной къ длинному шесту.

— Всѣ эти старики такіе дураки, погляжу я!—заклучилъ Антихристъ.—Вѣдь ничего не смыслить, что ему съ роями-то дѣлать!

Въ ту же минуту Антихристъ нырнулъ къ землѣ, натынулъ кафтанишко на голову и замеръ: прямо надъ нимъ закружился и заревѣлъ рой. Несмѣтная сила пчелъ качалась и плясала въ воздухѣ. Пчелы завились въ густой листьѣ ветлы, и казалось, что онѣ осматриваютъ каждый листикъ и каждую вѣточку дерева. Медленно, словно жалъ разстаться съ ветлой, выбрался рой на выпускъ, закружился надъ косматой головой Сивота, переставшаго плести лапти и сидѣвшаго неподвижно, подвинулся по канавѣ и съ глухимъ стукомъ зарѣялъ надъ граннымъ столбомъ; потомъ пчелы свились тѣсно, измѣнили ритмъ движенія и, все прибавляя и прибавляя скорости, потянули въ поле.

Слѣдомъ за роемъ, съ роевней въ рукахъ тяжело перелѣзъ черезъ плетень пчелякъ Адрианъ Михайловичъ; смѣшно загребая руками и двигая плечомъ, пробѣжалъ онъ зароемъ сажень 20, остановился и плюнулъ, багровый отъ негодованія. Рой скрылся изъ глазъ. Старикъ накинудся на пастуховъ:

— Только вамъ тутъ и мѣсто стоять! Вѣдь заморили скотину, не жрамши! День-деньской на стойлѣ стоять... Согрудятъ и стоять!.. Согрудятъ и стоять!.. Чтوبъ у васъ руки и ноги постсохли, безсовѣстные!

— Тебя,—дай Господи,—скрючило-бы!—съ убѣжденіемъ пронагнесь Аркулай.

— Да вѣдь гадъ, Михайлычъ, въ полѣ-то!—миролюбиво уговаривалъ старика Сивотъ.—Нешто можно въ этакую жарынь скотину удержать въ полѣ?.. Кабы вода была, а то какія наши поля? А тутъ тебѣ строка еще...

— Отъ насъ это у тебя рой-то ушелъ?.. С-старый дуракъ!—сцѣпился Антихристъ и, вдругъ рѣзко перемѣнивъ тонъ, коварно и слащаво протянулъ:—Роевъ-то что у тебя, дѣдушка! меду! ульевъ-то!

Михайлычъ, словно на яву завидѣвъ нечистую силу, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, поспѣшно закарбакался черезъ плетень, провожаемый злобнымъ хохотомъ Антихриста.

— Ну, что обижаешь старика?—остановилъ подпаса Сивотъ.—Какой ты, Филька, вредительный! Отъ этого онъ и влится на насъ: его горе беретъ, отъ худого-то слова...

— Дѣдушка, погонимъ скотину къ Колкамъ. Мы тамъ рой-то найдемъ, больше ему сѣсть негдѣ!—предложилъ Антихристъ.

— Ну, найдемъ,—допустилъ Сивоть,—что мы съ ~~нимъ~~ дѣлать будемъ? Кабы мы ходить за нимъ умѣли?

— Мы не умѣемъ? Мы лучше этого стараго сопляка ~~сумѣемъ~~!—воодушевился Антихристъ.—Но такъ какъ не было ни малѣйшей вѣроятности, что проектъ его можетъ осуществиться, Антихристъ, отъ скуки, надумалъ подразнить Аркулая.

— Мы роя заловимъ, посадимъ въ улей,—началь разсказывать подпасокъ,—онъ намъ нароить роевъ... пеньковъ сто... станемъ медъ продавать. Я буду главнымъ, а вы у меня въ работникахъ... Я самъ уѣду въ городъ!

— Тамъ тебя давно ждуть!—отозвался Аркулай.

— Еще въ городъ!—возмутился и Сивоть.—Что ты въ городъ дѣлать будешь?

— Я знаю что!—продолжалъ Антихристъ.—Это вы, старые черти, не знаете, а я знаю... Я?. Я буду спать до 10 часовъ... утромъ; потомъ встану, пойду въ трактиръ, спрошу... ну, чего я спрошу, сказывайте!

Старики замаялись. Аркулай припомнилъ службу.

— Кофію стаканъ?—произнесъ онъ,—у насъ поручикъ Веймарнъ былъ, тотъ все, какъ встанетъ...

— Кофію въ стаканъ?—съ недоумѣніемъ, не разслышавъ, перебилъ нѣсколько озадаченный Антихристъ. — Зачѣмъ я въ стаканъ кофію спрошу? Это что такое, кофій? О! это—я знаю, это въ чай кладутъ! Да еще онъ горькій. Э-эхъ ты! А еще Искаріотскій!.. Я спрошу: „Половой! подай мнѣ бутылку водки и пару дѣвок!“

У стариковъ воображеніе не поспѣвало за быстрой рѣчью Антихриста, и они съ наивнымъ вниманьемъ слѣдили за разсказомъ, какъ за сказкой, а у Антихриста разгорѣлись глаза, и онъ закатывался чисто дѣтскимъ смѣхомъ.

— Вамъ я выстрою на пчельникѣ избенку и заставляю рои караулить и мнѣ деньги въ городъ высылать.

— Ты, положимъ, чего-чего, а „пчель“ то довольно въ острогѣ разведешь,—осердился, наконецъ, Аркулай.—Это, милый, ты не обмолвился, ихъ тамъ съ вашего брата хоть вѣникомъ сметай... наглядѣлся я!

— Не можемъ мы ходить за пчелами,—спѣшилъ помирить ихъ Сивоть,—нечего, стало-быть, и толковать; слова мы такого не знаемъ.

— Да вѣдь ты говорилъ, у васъ въ семьѣ были пчелы?—напомнилъ Антихристъ.

— Такъ то—въ семьѣ!.. Тогда еще дядя Степа живъ былъ... Тотъ зналъ! У того, бывало, всегда всего много... и роевъ, и меду, и воицны... Осенью, бывало, подрѣжетъ до верхнихъ крестовъ, кадочки двѣ съ улья возьметъ; весной

выставлять будетъ изъ омшаника—опять до пяти! Опять рѣжетъ больше того!

— До пяти?!—сочувственно отозвался Аркулай.

— Чего это до пяти?—полюбопытствовалъ Антихристъ.

— Чего у пчелъ? Меду!—разсказывалъ Сивоть, увлекаясь воспоминаніями.—Съ осени подрѣжетъ, а къ веснѣ опять до пяти настроятъ!

— Ме-еду? Это весной, когда ихъ изъ избенки таскаютъ?

— Чать, ты не глухой? Говорятъ, какъ станетъ весной подчищать, а у нихъ опять медъ до пяти; два раза въ году и рѣзаль... не какъ у другихъ: и осенью-то помолить нечего...

— Да... какой же тутъ медъ весной?—недоумѣвалъ Антихристъ.—Откуда же онѣ его возьмутъ, зимой въ избенкѣ, ежели онѣ съ осени подрѣзаль? Еще имъ и самимъ зиму-то ѣсть надо.

— Стало-быть—возьмутъ!.. Може, въ себѣ запасаютъ... Я развѣ знаю?.. Кабы я пчелякъ былъ...

— Да много ли пчела въ себѣ запасетъ? Каплю какуюнибудь... Да ты самъ видѣлъ, что весной опять медъ до пяти?

— Знамо, самъ! Не видалъ бы—не говорилъ... онѣ еще, покойникъ, бывало, подзоветъ насъ: „вишь, робятки, зимній-то медокъ потусклѣй, а послаще!“

Антихристъ задумался.

— Дураки-то! Го-осподи, какіе дураки-то прежде были!—даже съ соболѣзнованіемъ закачалъ онѣ головой.—Онѣ,—дядя Степа-то твой,—такой же дуракъ былъ, какъ и ты: онѣ проглядитъ которые ульи осенью, не подрѣжетъ ихъ, да и думаетъ, что это пчелы за зиму натаскали... или васъ нарочно морочить, а ты, вотъ 30 лѣтъ, и помнишь все!

— Дураки прежде были, а у дураковъ-то всего вдоволь было; какъ нынѣшніе умные, разувши-раздѣвши, не сидѣли...—поглядывая на голыя ноги Антихриста, проговорилъ Сивоть.

— Какъ-же не дураки-то?—принимая на свой счетъ намекъ, вспыхнулъ Антихристъ.—Вы говорите, у васъ въ Бирючѣ шутовки плавали... Что-жъ нынче не плаваютъ?

— И плавали!—съ убѣжденіемъ удостовѣрилъ Сивоть.—Бывало, вотъ—въ селѣ вѣдь совсѣмъ: подъ кручей, подъ банями... пойди вечеромъ, а этѣ шишиги... такъ широкозаяды бабы, косматые,—и плаваютъ...

— Самъ видѣлъ?

— Не одинъ разъ видѣлъ! Разъ я кирпичемъ запустилъ въ нее, такъ кирпичъ-отъ долетѣлъ до половины Бирюча, да назадъ, да мнѣ по глазу!.. Совсѣмъ было окривѣлъ.

— Всѣ видѣли...—помолчавъ, продолжалъ Сивоть: —Вонъ Петровичъ,—указалъ онъ на Аркулая,—въ банѣ одну захватилъ...

— Какъ ты ее захватилъ, Искаріотскій?—съ трудомъ удерживая смѣхъ, спросилъ Антихристъ.

— Не больно вѣдь и смерклось тогда,—проговорилъ Аркулай, обращаясь къ Сивоту,—трубку я въ банѣ забылъ, пошелъ, а она на полкѣ и лежитъ, голая!.. И хвостъ, какъ у рыбы...

— Дѣвки это бездѣльничали, да бабы молодыя! Онѣ, проклятыя, и теперь, что дѣлають... А вы... эхъ вы!

— Да вѣдь не мы одни! Всѣ видѣли!—въ одинъ голосъ крикнули старики.

— Мы разъ рыбу бродили, съ Галочкой покойнымъ,—началъ рассказывать Аркулай.—Онъ въ забродъ шелъ, я—съ кошелемъ; пымали щуку, я ее въ кошель спряталъ... Переплыли на другую сторону, ка-акъ изъ кустовъ кто въ воду шлепнетъ, а у меня щука въ кошель и закричала: „чу! мама!“... Бросили мы бредень и кошель, и рыбу, и рубахи, чуть живы домой нагишомъ добѣгли!

— Боюсь я этой нечисти, бѣды!—признался Сивоть.—Змѣевъ еще боюсь,—не ужовъ, а вотъ, что по ночамъ съ мазарокъ *) летаютъ,—да покойниковъ... этихъ больше всего боюсь... Я днемъ и то одинъ въ избѣ не останусь. Глаза лопаются!.. Въ полѣ ничего и одинъ, а въ избѣ боюсь.

— Э-э!—перебилъ Аркулай,—ты что! Я—такъ боюсь покойниковъ! Я ихъ такъ боюсь—хуже незнай чего... Разъ на службѣ, какой случай вышелъ? Поставили меня къ часовнѣ покойника караулить; еще разводящій спросилъ: кто, говорить, не боится? А я промолчалъ. Потому, собственно, скажи, что боишься,—нарочно поставятъ... Мнѣ и досталось! Поставили вечеромъ, да еще наказываютъ: „ты, говорятъ, Петровъ, ежели огонь гаснуть будетъ, поправь“. А чего „поправь“?—съ негодованіемъ поглядѣлъ на пастуховъ Аркулай.—Я и самъ, незнай живъ стою, незнай—покойникъ-же! Ну хорошо,—себѣ думаю,—я тебѣ поправлю!.. А караульный домъ былъ этакъ отъ часовни, черезъ площадь, въ полверстѣ... Я, какъ смерклось, бросилъ покойника, айда—тягача къ караульному дому, да у окошка и всталъ... Такъ и то боюсь!.. До полночи простоялъ, слышу—встають, идутъ меня смѣнять... Надо бы мнѣ хотъ впередъ ихъ идти, а я боюсь! Ночь—те-емъ, глазъ выколишь... Вышли они, идутъ, и я съ ними рядомъ иду. Доходимъ до часовни, смотрю—огня нѣтъ, вотъ гдѣ бѣда-то! Ну, какъ съ покойникомъ что сдѣла-

*) Кладбище.

лось,—запорютъ! „Петровъ!“—спрашиваютъ: „туть“?—Туть, молъ! „Да что-жъ у тебя огня нѣтъ?“—Да только сейчасъ погасъ, а вы и идете... Ну, ничего всетаки, обошлось благополучно.

— Что-жъ я не боюсь ни чертей, ни покойниковъ?—похвалился Антихристъ.—Сколько разовъ на мазаркахъ съ лошадыми одинъ ночеваль, ничего не видалъ. Я на споръ брался въ церкви одинъ переночевать, да попъ не пустилъ... Дѣдушка!—обратился онъ къ Сивоту:—а чертей ты видѣлъ?

— Ну, тебя, Филиппка, къ шуту, да и съ рѣчами съ этими. Я объ нихъ и поминать не люблю. Чего мелешь?!

— А ты, Искаріотскій, видѣлъ?

— Кого?

— Чертей.

— Спаси, Господи!—сердито промолвилъ Аркулай и перекрестился.

— Самого непріятеля не видалъ,—припомнилъ Сивоть,—а слѣдъ его видѣлъ.

— Ну, рассказывай, какъ видѣлъ!—съ любопытствомъ проговорилъ Филиппка.

— Да какъ видѣлъ?... Давно было: въ барски права...—не торопясь, началъ Сивоть,—послалъ меня староста, Захаръ Драфъ, на гумно посмотришь, снопы готовы ли, а въ ночь-то пороша упала... Иду я по гумну,—двѣ кучи соломы снѣгомъ загорошены, а онъ съ кучи на кучу и перешелъ.

— И самъ тутъ?

— Самого не было. Говорю, слѣдъ только былъ.

— Какой-же слѣдъ?—допрашивалъ Антихристъ.

— Такъ съ когтями... въ родѣ птичьяго, только агромадный.

— Такъ это филинъ! Вѣдь онъ большущій, съ овцу... лѣтось-то я въ Колкахъ пымалъ!

— Ну, тебя, Филиппка!—недовольно отозвался Сивоть.—Что ни скажешь, все ты по своему переговариваешь... уменъ больно.

Филиппка задумался тревожно и тяжело: жестокая и скупая, но полная своеобразной и таинственной красоты, жизнь, на которую оглядывались старики, ему представлялась, какъ пыльная, длинная и скучная дорога въ степи.

— Дѣдушка,—проговорилъ Антихристъ,—вотъ, въ писаніи сказано: чудеса были... Отчего нынче нѣтъ?.. Я-бы посмотрѣлъ... Водилъ я слѣпого Кузю по монастырямъ—и тамъ ничего нѣтъ. Нигдѣ нынче ничего нѣтъ!—безнадежно заключилъ мальчикъ.—Ты, дѣдушка, видѣлъ чудо?

— Чудо?.. Нѣтъ, не видалъ я чуда.

Пастухи, очевидно, подѣ чудомъ подразумѣвали нѣ-что болѣе сложное, чѣмъ „широкозадняя шишиги“.

— А ты, Искаріотскій?

— Я... всякихъ чудесъ наглядѣлся. Вотъ попадешь на службу, увидишь тамъ чудеса-то,—сообщишь Аркулай; но по унылому тону его рѣчи видно было, что онъ говоритъ не о тѣхъ чудесахъ, о которыхъ спрашиваетъ Филиппка.

— У насъ въ семьѣ было-таки чудо!—опять добросовѣстно вспомнилъ Сивоть,—только я рассказать вотъ, что и къ чему, не сумѣю... Видишь ты: были у насъ тараканы и куры... нѣтъ, погоди, до куръ-то далеко еще! Тараканы были...

— К-куд-да?!—внезапно прервалъ свой рассказъ Сивоть, замѣтивъ, что, подѣ шумокъ ихъ бесѣды, одна молоденькая бурая корова отдѣлилась отъ стада и направилась вдоль канавы.—Филиппка! Дай ей!

— Молчи. Не замай ея!—отвѣтилъ Антихристъ, и глаза его загорѣлись недобрымъ огнемъ.

Корова медленно подвигалась по канавѣ, какъ будто съ самыми благонамѣренными цѣлями, и вдругъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ канава была помельче, юркнула внизъ и, смѣшно подгибая ноги, думая, что такъ ея не замѣтятъ, рысью пустилась по дну канавы; отбѣжавъ сажень сорокъ, она вылѣзла на противоположную сторону, на барскій выпускъ, и поспѣшно и жадно, стараясь возможно болѣе захватывать ртомъ, принялась за высокую и сочную траву.

Антихристъ взялъ въ руки дубинку, перекинулъ черезъ плечо длинный и толстый кнутъ и направился, не торопясь, къ коровѣ; тамъ, гдѣ она перелѣзла черезъ канаву, Антихристъ бросилъ дубинку на землю и взялъ кнутъ въ правую руку. Корова косилась на пастуха большими серьезными глазами и все торопливо хватала траву и только, когда Антихристъ приблизился сажень на пять, она метнулась назадъ вдоль канавы, но въ ту-же минуту Антихристъ отвелъ руку съ кнутомъ въ сторону, сдѣлалъ ею характерное и рѣзкое движеніе, и тяжелый кнутъ, свиваясь крупными кольцами, побѣжалъ вслѣдъ за коровой, хлопнулъ, какъ изъ револьвера, и корова вся изогнулась и бокомъ понеслась къ стаду. Антихристъ помчался за ней, на бѣгу, разъ за разомъ, ловко посылая кнутомъ, и послѣ cadaго удара на боку у коровы выступала тонкая красная полоска. Пока корова перебиралась обратно черезъ канаву, Антихристъ поднималъ припасенную дубинку, сунулъ кнутовище за опояску, словилъ одной рукой корову за хвостъ и началъ вкладывать ей по бокамъ.

Корова неслась къ стаду, Антихристъ—за ней и лупилъ

ее по ребрамъ по острой, съ высоко выступавшими маклаками, спинѣ; лупилъ сплеча, совершенно не соображаясь съ силой ударовъ, и корова, наконецъ, выбилась изъ силъ и остановилась.

Антихристъ отошелъ отъ нея сажени на четыре, и снова, тяжело и звонко, заходилъ пастушій кнутъ.

— Не будешь? Не будешь?—спрашивалъ Антихристъ.

Корова стояла молча, не шевелясь и не пробуя бѣжать, только вся дрожала: изъ большихъ и кроткихъ глазъ ея обильно текли слезы.

— Хорошенько, хорошенько ее, блудню! Ишь ей больше всѣхъ надо!—покрикивалъ Сивотъ.—Для этого онъ хорошъ. Дѣльный парнишка,—обратился онъ къ Аркулаю,—и не сонуря: гдѣ и ткнется,—нынче день-то—годъ,—живо вскочить! Я лѣтось съ Мичурой Офонинымъ пасъ—замаялся! Въ корень набаловали скотину. Какъ присядетъ—такъ и захрапѣть... и я—на него глядя! А вѣдь скотина только этого и ждетъ: уснули пастухи, сейчасъ—айда на барскую сторону!

— Супротивъ Ветани-покойника не нахаживалъ я пастуховъ,—отозвался Аркулай,—тотъ, бывало, до той степени лупить—дубовую дубинку въ лычья разобьетъ. Еще парнишкомъ я съ нимъ за Перевѣсьемъ табунъ пасъ: ежели какая будетъ лошадь блудить, онъ ее распетлитъ промежду дубовъ и д-давай!.. До той поры поретъ, когда мясо клочьями полетитъ!.. А то разъ у насъ въ стадѣ козелъ пономаревъ,—блудня-же былъ... съ большущими рогами,—вотъ, мой Ветаня забилъ ему рога въ кручу, да подъ брюхомъ у него соломѣ и разжегъ, и до той степени онъ его прожарилъ, что оба глаза лопнули у козла! Спасибо, тогда татаринъ проѣхалъ, купилъ его у насъ за 40 коп., пономарю сказали—въ лѣсу остался... Долго мы тогда боялись, да нѣтъ, такъ никто и не дознался.

— Нѣтъ, и этотъ дѣльный!—одобрилъ Сивотъ Антихриста.—Хлѣбъ въ полѣ—мы по копнамъ пасемъ... поди-ка съ другомъ: не выбьешь скотину-то, а у этого и не подходятъ... Только зыкнеть, а ужъ онъ догадываются, что имъ будетъ.

— Какой пастухъ!—пренебрежительно спорилъ Аркулай,—озорникъ темный. Еще ты съ нимъ допасешь до бѣды... Нигдѣ вѣдь его не держать: на барскомъ дворѣ, сказываютъ, обезьянѣ голову оторвалъ... Баринъ-то греку 25 р. заплатилъ за обезьяну.

— Да вѣдь, Петровичъ, оно и слѣдовало такъ... Она вѣдь на вѣдмѣ помахиваетъ; я, какъ увидалъ, индо обмеръ. Во онъ и то проклятая мститъ: будто стоитъ около да головой трясеть... Боюсь я ее—бѣды. Прежде въ полѣ ничего не

боялся, теперь и въ полѣ боюсь: ну, какъ вырвется, да побѣжить полемъ? Я и не жилецъ!

— На Троицу, ты гулять ходилъ,—продолжалъ Аркулай,—Филиппка-то у Емели, дегтярника, весь деготь упустилъ: Емеля-то ѣдетъ—дремлетъ, а онъ, проклятый, изе ржи выползъ, да кранты-то у бочекъ и отвернулъ... Такъ этотъ деготь въ три ключа и свищетъ на дорогу!

— И много вытекло?—съ соболѣзнованіемъ освѣдомился Сивоть.

— Весь упустилъ!—радостно сообщилъ Аркулай.—Мнѣ съ горы-то видно было: до самой до Михайловки все ѣдетъ, не останавливается.

— Чать, лошадь-то думаетъ: что такое? Что дальше, то легче?—пошутилъ Сивоть.—Да ты, Петровичъ, что не скричалъ ему?

— Да мнѣ, что больно нужно? Мнѣ Емеля-то не свать, не братъ.

Сивоть задумался. Ему жалко было дегтярника Емелю и напрасно пролитого дегтя, но хотѣлось въ то же время заступиться за подпаска.

— Больно вѣдь, Петровичъ, они, дегтярники-то, землю да нефть въ деготь мѣшаютъ. Вовсе вѣдь смолу-то перестали возить!—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Тебя не переспоришь!—пренебрежительно махнулъ рукой Аркулай.

— Народъ-отъ нынче какой сталъ!—продолжалъ Сивоть.—Парнишка онъ бойкій, сметливый... каждый на смѣхъ и смучаетъ. Научить—никого нѣтъ... а вонъ, постомъ, изъ Жукова воры его съ собой и уманили. Ну, не зналъ я, зачѣмъ пріѣзжали: отъ роду не дирался, а имъ накласть бы!.. Пропадетъ парнишка! Я его жалѣю: я и поучу когда и поругаю, да,—надо дѣло говорить,—что я самъ знаю? Не могу ничего я ему разъяснить.

— Ну, досказывай про чудо!—подойдя, сказалъ Антихристъ.

— Про чудо? Ладно...—охотно согласился Сивоть,—зачаль, такъ доскажу. Еще до дѣлежа дѣло-то было, вмѣстѣ всѣ мы жили, въ семьѣ. Большая у насъ семья была, 26 человѣкъ за столъ садилось... И такіе у насъ тараканы были, что изъ избы выживали; хуже нашего нигдѣ и не было: бѣснота, грязища, одежда навалена, ребятишекъ—уйма... и тараканы! Спать не давали, такъ всего и объѣдаютъ: то есть, свяжи человѣка, да положи къ намъ на ночь,—до словъ обгложутъ... вотъ какой тараканъ былъ! Тараканы,—они хуже блохъ, хуже клоповъ, хуже вшей; они какъ кусаютъ? Шкуру-то, какъ ножницами, срѣзаютъ, болячки послѣ нихъ...

Бабушка была у насъ Оекла, сто десять годовъ жила, вотъ она и баеть: „Старикъ! ты-бы хотъ Бога-то образилъ: у насъ, баеть, и Бога-то тараканы съѣли... Помирать мнѣ скоро—положать не подъ образа, а подъ таракановъ“. А дѣдушка Анисимъ: „Какъ, баеть, его образить, когда этой нечисти у насъ не есть числа? Они его опять объѣдятъ! Надо таракановъ извести, какъ ни то,—опосля того Бога образить. Д-да!.. А старикъ онъ правильный былъ, дѣдушка-то Онисимъ, на словѣ вѣрный; скажетъ, какъ ножемъ отрѣжетъ. Пришелъ вскорѣ послѣ того татаринъ-коновалъ, онъ у него порошокъ на рублевку взялъ... на рублевку! Въ тѣ поры рублевки-то не какъ нонче были, дороже деньги-то были.. Вотъ я и не могу рассказать, какъ это говорили тогда,—затруднился Сивоть:—дескать, для Бога мору покупали, а у татарина, у собаки. Къ этому чудо-то какъ-то и выходило.

— Погоди! Я знаю!—перебилъ Антихристъ, у котораго воображеніе далеко опередило медленную рѣчь старика.—Вы и нажрались мору-то? Околѣлъ у васъ кто?

— Кто у насъ околѣлъ?—возразилъ Сивоть,—никто не околѣлъ, не съ чего и околѣть-то: обманулъ коновалъ! Мѣлу, видно, далъ вмѣсто мора. Такъ опять тараканы и остались. Ладно. Остались и остались... Въ семьѣ-то у насъ все женатые больше были, да ребятишки, за Богомъ-то ходить и некому: тому нельзя, другой не смыслить; а я парнишкомъ былъ молоденькимъ, въ твою пору. Подошелъ разъ къ кіоткѣ, гляжу, стекла-то въ образахъ побиты, а за стеклами эт-тихъ таракановъ!.. Вотъ, я взялъ Бога-то, да на дворъ и вынесъ... таракановъ курамъ и вытрясъ на снѣгъ; куры-то таракановъ и поклевали. Куры!.. Я имъ высыпалъ таракановъ, онѣ ихъ и съѣли... Много у насъ куръ было, бабы имъ мѣсить забывали, онѣ и рады тараканамъ-то: я имъ ихъ сыплю, а онѣ ихъ клюютъ... куры-то таракановъ!

— Дѣдушка! — теряя терпѣніе, перебилъ Антихристъ, — сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты, какъ тетеревъ, одно слово не тростилъ? „Куры—таракановъ, куры—таракановъ“, сказать разъ и будетъ! Говорилъ я тебѣ, или нѣтъ?

— Ну, такъ и сказывать я тебѣ не стану!—обидѣлся Сивоть:—Какой учитель взялся! Все не по немъ... какъ умѣю, такъ и сказываю.

— Ну, куры таракановъ съѣли,—подогналъ Антихристъ старика,—валяй, что потомъ было.

— Потомъ молотить пошли,—покорно продолжалъ Сивоть, забывая только что данное обѣщаніе,—повечеру поглядѣлъ я въ образахъ, опять полно таракановъ! Я ихъ опять курамъ. Куры-то... к-хмъ... да...—Сивоть покосился на Анти-

христа,—да... этакъ вотъ, недѣли въ двѣ, всѣхъ таракановъ и перетаскалъ... Всѣхъ перевелъ! Вотъ, тутъ какъ-то чудо-то и складывали: рублевку, дескать, дали—толковъ не было, а тутъ и такъ перевелись... Ну, дѣдушка позвалъ изъ Кременокъ живописца: за три рубля три образа онъ намъ позолотилъ и лики новыя написалъ, и стекло вставилъ... а потомъ еще въ осень...

— Восемь?!—изумленно переспросилъ, не разобравъ, Антихристъ.

— Не восемь, а въ осень, по осени, и остальные двѣ иконы образили...

Смѣшливый Антихристъ закрылъ лицо руками и затрясся отъ смѣха.

— Дѣдушка, дѣдушка!—промолвилъ онъ тонкимъ голосомъ, сквозь слезы,—ну, и чудо-же!.. Самъ таракановъ перетаскалъ! Я думалъ хотъ, что восемь у васъ не только таракановъ, а и куръ-то... а-а!..

— Филиппка! Я тебя начну трепать—будешь зубы скалить, надъ чѣмъ не слѣдъ!—пригрозилъ Сивоть.

— Трепало-то хорошъ!—продолжалъ смѣяться Антихристъ.—Я васъ обоихъ съ Искаріотскимъ, захочу, засѣку кнутомъ, какъ даве бурешку; оба вы ногами подпорчены—ничего мнѣ не подѣлаете!

— Счастье твое, Филиппка, что ты сирота, ' любовой: не долго тебѣ вольничать. Отказалось-бы отъ тебя общество: озоруетъ ты на свою голову, отчаянный. Плохо тебѣ будетъ съ твоимъ характеромъ въ солдатахъ... никого ты не боишься, надо всѣмъ зубы скалишь, ничего не признаешь!.. И что за народы такіе пошли,—съ недоумѣніемъ проговорилъ Сивоть,—какъ мы жили? Страхъ былъ въ народѣ, стариковъ слушали, а это, вишь, свиненокъ совсѣмъ, а всѣ у него дураки, да все не по немъ...

— На службѣ выправять!—злбно проговорилъ Аркулай.—Тамъ не этакіе не вырываются: какъ начнутъ поддѣвать подъ салазки...

— Да за что меня тамъ поддѣвать стануть?!—возмущился подпасокъ,—я ловкій, понятливый... Я словесность и сейчасъ почитай всю знаю: лѣтось пасли мы съ солдатомъ Кочетковымъ, онъ мнѣ все рассказалъ.

— Тамъ и за что бьютъ, и ни за что бьютъ.

— Много тебя били, Искаріотскій?!—полюбопытствовалъ Антихристъ.

— Вотъ сколько били,—откровенно признался Аркулай,—ежели-бы всѣ побои да въ одинъ день, отъ меня развѣ лешка въ ладонь осталась!.. Ну, да ужъ и я далъ иному—другому... Бывали довольны.

— Зачѣмъ бьютъ?

— Затѣмъ, что учать... Безъ битья кого выучишь? **Къ** примѣру, ты стадо пасешь? Попробуй, скотину не бей, много-ль напасешь? Часу не пропасешь... да *скотину!* Чего **ей** надо? Былъ-бы кормъ, а вѣдь солдатъ—человѣкъ, у него всего много на умѣ. Генералъ, бывало, прѣдетъ, начнетъ насъ строгать: „Ежели, говорить, я узнаю, что вы солдата пальцемъ тронули, подъ судъ! Въ дисциплинарный батальонъ!“ А, между прочимъ, пригонять тебѣ татаръ, чувашъ, поляковъ, жидовъ, наша деревенщина тоже кругомъ—брюхо... Ну, построишь ихъ, скомандуешь: р-равняйся!—и слѣдоваетъ, что-бъ рота ли, взводъ ли, полкъ ли хоть весь, всѣ, какъ **по** ниткѣ, выстроились, чтобы, значить, черезъ третьяго **чело**вѣка у четвертаго только кончикъ носа видно было... И какъ скомандуютъ:—Смир-рно-а!—чтобы все умерло!.. Вотъ и установь ихъ слѣдующимъ порядкомъ добрымъ словомъ. Вѣдь не стадо: огрудилъ, хлопнулъ кнутомъ, и стоять, какъ имъ надо. Тутъ ты десятокъ устроишь, идешь впередъ, а позади ужъ что-нибудь разстроилось... У насъ поручикъ Агапѣевъ этакъ-то выдумалъ обучать: бился—бился, чать часа три: „Ну, что, Петровъ, спрашиваетъ, вѣдь привыкаютъ?“ А я ему:—Ежели, говорю, ваше благородіе, завтра ихъ на смотру? „Такъ какъ-же?“ спрашиваетъ.—Дозвольте, говорю, я ихъ доставать стану, въ одинъ моментъ поймутъ. „Ну, какъ хочешь!“ говоритъ; сѣлъ въ стулъ, смотреть. Я зашелъ съ лѣваго фланга, да лѣвому фланговому ка-акъ **по** челюсти подвезъ, иду къ правому фланговому, а у меня фронтъ-отъ, какъ струна, натягаться! Сразу въ понятіе **во**шли.

— Разорался!—вполголоса произнесъ Антихристъ.

— Поручикъ Веймаръ былъ,—не обращая вниманія на Антихриста, продолжалъ Аркулай,—у-ухъ дѣльный! Супротивъ его никто солдата изувѣчить не могъ: на ученіи много и не разговариваетъ, подойдетъ, дастъ разъ въ рыло, гляди—зубъ на полъ вылетитъ.

— И все врешь!—сдержанно замѣтилъ Антихристъ,—не за ученіе бьете: чать, сказываютъ про вашу милость. Бутылочки!

— За бутылки—это больше съ ратниковъ,—хладнокровно удостовѣрилъ Аркулай,—вотъ мѣсячные сборы пошли; ну, тутъ, дѣйствительно, плохой унтеръ-офицеръ съ рыла по красненькой не выбьетъ, потому онъ сейчасъ изъ семьи, да опять въ семью, какъ-никакъ вывезетъ... Дашь другому **се**мишникъ: „Принеси бутылку водки, десятокъ папиросъ, да **о**дачи двугривенный!“ Несетъ.

— И что это тебя, подлеца, на войнѣ не ухлопали?!—съ

искреннимъ негодованіемъ вскричалъ Антихристъ,—ну, не на мои зубы... Я-бы тебѣ далъ Ловчу! Я-бы Ловчу-то не тронулъ, а ужъ ты у меня живой не вырвался-бы!

— Досугъ тутъ на войнѣ вспоминать,—нахмурился Аркулай,—на войнѣ-то такъ всѣхъ вывѣтришь, что не знай, какъ и живъ останешься... слава только, что ходишь. Отъ сраженіевъ столько народъ не скомлѣетъ, сколько отъ походовъ; только на привалѣ придешь, начнешь пищу варить, а тутъ тревога! Ну, котлы опрокинуть, съ гнилого-то сухаря много не находишь. На войнѣ-то я самъ все у Бога смерти просилъ: измаялся, силы нѣтъ и нѣтъ!—безнадежно заключилъ Аркулай, и даже лицо его поблѣднѣло.

— А-а! Не кажется? Такъ васъ и надо. Не деритесь, бутылочники!—радовался Антихристъ.

— Чего ты понимаешь?—пренебрежительно отвѣтилъ Аркулай,—для васъ же бьютъ: который солдатъ съ понятіемъ, самъ просить, чтобъ почаще ему взвѣшивали... Желаетъ ежели дойти до всего... Коли ты хочешь знать,—который изъ унтеръ-офицеровъ не бьетъ, тотъ завсегда самый настоящій мучитель и есть.

— Да, коли не бьетъ, чѣмъ же онъ замучить?—съ недоумѣніемъ спросилъ Антихристъ.—Лайся, сколько душѣ угодно!

— Ученьемъ дойметъ...—неохотно проговорилъ Аркулай,—штука есть такая... узнаешь вотъ.

— Да ты скажи! Чего „узнаешь-узнаешь“? Что это такая за штука?—заволновался Антихристъ.

— Машинка сѣчь?—попробовалъ отгадать Сивотъ, давно уже переставшій плести лапти и слушавшій съ величайшимъ вниманіемъ.

— Нѣту. Нѣтъ такой машинки,—по прежнему неохотно говорилъ Аркулай,—есть ученье такое: бѣгъ на мѣстѣ. Скомандуютъ, стало быть, „бѣгомъ ма-аршъ!“ и валий всѣмъ фронтомъ... а на одномъ мѣстѣ.

— О-о!—перебилъ Антихристъ,—ну, меня этимъ не доймешь: я десять верстъ пробѣгу! Меня никто не обѣжить. Спроси дѣдушку Сивота.

— Не понимаешь ты этого!—съ досадой крикнулъ Аркулай:—некуда бѣжать-то! На одномъ мѣстѣ бѣгутъ!

— И на одномъ, все равно, побѣгу! Гляди вотъ!—охотне вызвался Антихристъ.—Командуй!

Антихристъ всталъ передъ пастухами на выпускъ, Аркулай заоралъ во все горло: „Бѣгомъ ма-аршъ!“—и пастушокъ понесся кругомъ по небольшой площадкѣ.

— Стой! Стой! Д-дубина! Да нешто это на одномъ мѣстѣ? Ишь заплесалъ!—съ презрѣніемъ закричалъ Аркулай.

Кое-какъ онъ установилъ Антихриста, объяснилъ ему,

что надо дѣлать, и Филиппка побѣждалъ „на мѣстѣ“. Пробѣжавъ минутъ десять, онъ выругался и сѣлъ, озадаченный.

— Ты что сталъ? Ты дожидайся команды! Учуйалъ, видно, чѣмъ пахнетъ?—посмѣивался Аркулай:—Бѣжать-то я и самъ не хуже людей пробѣгу... Люди бѣгутъ, и я бѣгу, бѣгу и добѣгу. У бѣга-то конецъ видно, а на одномъ-то мѣстѣ конца-то не видать... Да въ жарыни! Да, съ шинелями! А унтеръ-офицеръ—ему что?—знай себѣ поставляетъ... И не любятъ солдаты этого бѣга на мѣстѣ, холера-бы его распоразила.

— Чего тутъ любить... Да, зачѣмъ это, Петровичъ?—съ страданіемъ въ голосѣ, совершенно подавленный, спросилъ Сивоть.

— Я почему я знаю, зачѣмъ? Стало быть, нужно, коли начальство дозволяетъ... Для послушанія; дисциплина, значить. На то и солдатчина: все терпи! У насъ былъ унтеръ-офицеръ Маковъ, — и озорникъ же! — Бывало, въ казармѣ, послѣ занятіевъ, чего только не выдумаетъ! Къ намъ, знаешь, въ Симбирскій то полкъ все поляковъ да жидовъ присылаютъ... А нашихъ—туды, въ Польшу; тоже соргуютъ, для всяческаго касанья... И поляки эти съ жидами не дружны. Вотъ, нашъ Маковъ поставитъ поляковъ на четвереньки и на каждого поляка по жиду верхомъ посадить... Да еще командуетъ: вотъ то дѣлай, да вотъ это дѣлай... Такъ что, братецъ ты мой, вся казарма индо брюшеньки со смѣху надорветъ!.. Слѣзутъ жида съ поляковъ, поляки, какъ листъ на деревѣ въ вѣтеръ трясутся, которые — плачутъ!.. Вотъ онъ доглядитъ, который заплакалъ, подойдетъ къ нему, да со всего размаху хлестъ по щекѣ: „Пой пѣсню“!.. — и запоетъ. Да хлестъ по другой: „пой веселѣй“!.. И веселѣй.

Филиппка возбужденно ерзалъ на мѣстѣ, шевелилъ губами и что-то быстро-быстро шепталъ про себя.

— Не будутъ надо мной озоровать!—проговорилъ онъ рѣшительно, когда замолчалъ Аркулай.

— Это какъ?—посмотрѣлъ онъ на него.

— Не будутъ!

Сивоть, взглянувъ въ засвѣтившіеся, какъ у волченка, глаза Филиппки, неожиданно, съ полнымъ убѣжденіемъ, согласился съ нимъ.

— Вѣрно, Петровичъ: не будутъ надъ нимъ... Ишь у него глаза-то... какъ на проволокахъ... Нѣтъ, въ прежніе года такихъ робятъ не было!—добавилъ старикъ.

— Только у него и рѣчей: „въ прежніе года“,—недовольно, но солидно, какъ взрослый, проговорилъ Филиппка.— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала! Вы какъ жили то?

Въ сумерки мимо пенька безъ шапокъ ходили! Жизнь прожили—угла не нажили, такъ и околѣете за стадомъ. Ну и я этакъ буду?!

— Ну, не этакъ, такъ въ острогѣ сгніешь.

— Лучше въ острогѣ, лучше въ воду, да не какъ вы!

— Молодъ еще судить-то насъ; хотъ бы этакъ-то прожить. Мало ты совался вездѣ? На барскихъ дворахъ не держать... За хорошія, видно, дѣла? Въ монастырь тоже пошелъ, спасаться... Хе! Три, что-ль, дня-то проспался? Тебя оттуда какъ? Палкой али за волосы?

• — Небось, милый мой,—по прежнему разсудительно возразилъ Антихристъ,—оттуда вотъ такихъ, какъ вы, и палкой, и за волосы, а молодого не погонять; тамъ я за мѣсяцъ избѣгался, какъ борзой кобель. Самъ я не сталъ жить! Разсердился! Я зачѣмъ пошелъ въ монастырь?

Рѣчь Филиппки рѣзко измѣнилась, онъ заторопился, слова у него не поспѣвали за мыслями, онъ уставился глазами въ одну точку, не мигая, и сталъ слегка заикаться.

— Умниковъ то научать уму-разуму много, только и тростять: „работай—не лѣнись!“ А спросить-бы, гдѣ работать? Я вотъ за 15 рублей лѣто пасу, развѣ я одѣнусь, да прокормлюсь годъ за 15 рублей?!. Наглядѣлся и на ваше житъе: мужики—овцы и овцы; вотъ самыя поганыя овцы! Писаришка или урядничиска пріѣдетъ, стариковъ всячески ругаетъ, такъ въ рыло и лѣзетъ, а они ему: „господинъ урядникъ“. А которые совсѣмъ дураки: „ваше благородіе“. Пра, ей-Богу! Не правда, чтоли?!. И господа тоже... Я и господъ много перевидаль... Къ нашему графу въ контору за жалованьемъ придешь: „мелкихъ нѣтъ“, а крупныхъ, видно, не бывало,—или: „барина дома нѣтъ, ключи увезъ“... Бабенкамъ на жнитвѣ по три сажени лишковъ на осьминникъ намѣриваютъ... Наряжаютъ за деньги, а отдають гнилымъ ситцемъ. Работникамъ тухлую солонину да капусту съ червями варять... Ну, солонина... а чего стоитъ капуста?.. Я съ Кузьмой, слѣпымъ, ходилъ по монастырямъ, гляжу: вотъ икона чудотворная, заступница, всѣ къ ней идутъ, и нищіе, и господа, и мужики. Думаю себѣ: она кого знаетъ, того и помилуетъ; губернаторъ ничего себѣ не выпросить, а нищему, можетъ, подастъ... Вотъ я и пошелъ въ послушники: буду одному Богу служить! Я не спастись пошелъ,—что мнѣ спастись, мнѣ больше, чѣмъ людямъ, не нужно!.. Я Богу служить хотѣлъ... Да и поглядѣлъ, какому тамъ богу-то служить... Ну, да это меня не касается: они и въ отвѣтъ... На Казанскую крестный ходъ былъ, икону поднимали, въ женскій монастырь носили... Этого народа наѣхало! Солдаты пришли. Губернаторъ да два архіерея прѣш-

комъ шли... А меня монахи научаютъ: „ты, говорятъ, ежели спрашивать стануть, говори, что исцѣленія бывають“.

Филиппка поглядѣлъ на пастуховъ.

— А исцѣлений не бываетъ!—со злобой въ голосъ пояснилъ онъ:—Прежде, говорятъ, бывали... когда у васъ въ Вирючѣ шишиги плавали.

— Вотъ, идемъ съ иконой большой дорогой,—продолжалъ Антихристъ,—музыка играетъ, монашки хорошо поютъ, хворыхъ на дорогу выносятъ, спасителей *) много,—всѣ въ золотѣ,—какъ роща, впереди шумять... Шли-шли этакъ-то, вдругъ: стой! Что такое? А это поперекъ чугунки переходить, а ей пробѣжать время, икону-то и приостановили. Вотъ согрудились всѣ, какъ наше стадо, да и постаиваютъ... Чего они стали?! — почти закричалъ Филиппка: — Кака шишка чугунка... а исцѣленія!

Сивоть сочувственно перехватилъ негодующій взглядъ Филиппки.

— Н-да!.. Пиво удалось, квасъ не удался,—примирительно произнесъ онъ.

— А чугунка идетъ себѣ, попыхиваетъ и не учванится!—разсказывалъ Антихристъ.—Я-бы, архіереємъ былъ или губернаторомъ, я-бы, все равно, пошелъ! И икону велѣлъ бы нести, когда чудотворная... Я разсердился!—заклучилъ Филиппка,—и прямо съ молебствія домой ушелъ. И подрясникъ имъ бросилъ. Хрѣнъ на рѣдку мѣнять—только время терять.

Солнце давно склонилось съ полдень, и тѣни отъ плетня укрыли коровъ и овецъ. Коровы стояли смирно, лѣнливо помахивая хвостами, а овцы поднимались небольшими группами и жалобно блеяли, не смѣя, безъ привычнаго щелканья пастушьихъ кнутовъ, тронуться въ путь. Наблежавшихъ до сыта, одна кучка покорно укладывалась на „отдыхъ“, и слѣдомъ за ней поднималась рядомъ другая и также настойчиво, нестройно, разноголосо просилась въ поле.

Первый на свечьи жалобы отозвался Антихристъ.

— Ну, вотъ что, старики! Трогаться надо; вечеръ. Овцы просятся!—сказалъ онъ, поднимаясь.

Аркулай лѣнливо поглядѣлъ на солнце.

— Часа три, больше не будетъ!—опредѣлили онъ.—Мнѣ, положимъ, гнать некуда,—съ ненавистью взглянулъ онъ на своихъ гienъ,—моей-то чортовой скотинѣ все равно, гдѣ ни торчать... Под-дохнуть бы имъ всѣмъ, да и съ хозяевами! Мой обычай: зачѣмъ скотину держать, когда пасты негдѣ?

— Овецъ-бы, ежели по всей по совѣсти, надо-бы гнать,—

*) Хоругви.

признался Сивоть, — а коровъ и тревожить нечего: пожалуй, пыль-то мѣси на пару.. Да еще застрочатся!.. Вотъ захоло-жаешь, — объѣздишки домой проѣдутъ, — лучше мы въ барскіе колки закатимъ!.. Н-да, и изъ-за чужого спасенья грѣхъ на душу принимаешь, а чего подѣлаешь, когда скотинѣ съ голоду и бока-то спило.. Смотрѣть — казня!

Филиппка опять усѣлся на землю и обхватилъ колѣна руками.

— Все-бы ничего, — помолчавъ, возвратился онъ къ прежней темѣ, — кабы знать, что на томъ свѣтѣ будетъ? Для чего мы здѣсь живемъ? Вотъ ты, дѣдушка, всю жизнь стадо пропась, а *тамъ* что тебѣ будетъ? — и въ тоскливыхъ словахъ Филиппки чувствовалась недоговоренная мысль, что земной подвигъ человѣка не можетъ ограничиваться кругомъ повседневныхъ заботъ.

— Плохо, братъ! — отвѣтилъ Сивоть — Грѣшникъ вѣдь! Не похвалять... Опять узнать нельзя... — замылся онъ: — поглядѣлъ я на ихніе-то порядки

— Да ты про кого? — удивленно переспросилъ Филиппка.

— На томъ свѣтѣ-то, поглядѣлъ я, какъ распоряжаются, — невозмутимо продолжалъ Сивоть, не считая нужнымъ пояснить, что дѣло было во снѣ. — По осени лѣтось, — не то на Митревъ день, не то на Михайловъ, только, помню, въ праздникъ, — подхватили меня непріатели подъ руки и давай водить!.. Все по какимъ-то горницамъ, да по корридорамъ, да по лѣстницамъ... Приведутъ въ горницу и бросаю: — Стой тутъ! — Ужъ я стою-стою... Наконецъ того, привели къ самому... къ самому главному... Сидить въ креслѣ, за зеленымъ столомъ... Съ рогами!.. Глаза большущіе, красныя! Ка-акъ взглянуть на меня, да такъ съ сердцемъ: — Негодень! — закричалъ и рукой махнулъ... Они меня по шеѣ. Сейчасъ умереть, не вру! Видишь ты? Понять тоже надо, что къ чему. Вѣдь грѣшникъ я, братъ, и-и-и! — заключилъ Сивоть.

— Ну, погоди же! — алорадно проговорилъ Филиппка: — это тебѣ только отсрочку дали, а придетъ время, — примуть!

Повидимому, Сивоть и самъ допускалъ возможность такого толкованія...

— То-то, какъ бы не того, — проговорилъ онъ, — въ другой-то разъ? Эхъ, водку бы надо бросить пить, спастись бы надо! Да какъ бросишь? Пригонишь вотъ, бабенки ругаюся: скотину не накормили, да пасемъ плохо. А какъ ее пасти лучше, на нашихъ-то поляхъ?.. Кускомъ коряты!.. Все-то у меня болитъ! Старый вѣдь я сталъ, днемъ

избѣгаюсь, а ночью сна мнѣ нѣтъ... И все мнѣ студено. Вотъ, выпью я полбутылки, сяду на заваленкѣ: тепло мнѣ; звѣзды играютъ, птицы поютъ!.. Э-эхъ, Филиппка! Молодой бытъ, ни объ чемъ я не думалъ: не видалъ, какъ старость-то подошла. Нѣтъ хуже на свѣтѣ одинокому! Не слушай ты никого: пока молоденькій, иди въ зятя, въ семью, отъ общества не отбивайся. Гляди, по осени гуси летаютъ: какіе артели насядутъ! Имъ что зерна-то нужно? А кормятся и, куда имъ надо, всѣ прилетятъ, а который отбилъ одинъ,— тотъ ужъ, говори прямо, пропалъ!

Филиппка почти не слушалъ старика: глаза у него перекосились, кожа на скулахъ натянулась, — онъ глубоко задумался.

— Такъ за стадомъ и проходить всю жизнь?—переспросилъ онъ серьезно.—Убить кого, да ограбить—и то лучше!

Голосъ у мальчика дрогнулъ.

— Нѣтъ, можно узнать, для чего мы живемъ! — рѣшительно и весело воскликнулъ онъ. — Пасъ я въ прошломъ году въ Михайловкѣ, ко мнѣ все молоденькій баринъ на рѣчку съ удочками приходилъ. „Я, говоритъ, вотъ проучусь семь лѣтъ, а потомъ еще пять, тогда все буду знать“. Я ему говорю: а ежели мнѣ больше ничего не дѣлать, только учиться? Въ два года выучу я это все? Онъ смѣется: „ты, говоритъ, не только въ два года, а и никогда не выучишь“. Чего онъ понимаетъ?! Въ двухъ годахъ много времени... Все же вотъ можно, стало быть, узнать, для чего мы живемъ!

— Какъ невозможно! Очень даже просто! — проговорилъ Сивотъ, поднимаясь. — Э-эхъ, батюшка, что это? Спина-то, сина! Не разогнусь. — Валяй-ка вотъ,—что Петровичъ ни скажетъ,—съ праваго фланга, а я опять, по стариковски, вдоль канавы пойду... Тоже,—глупый!—дѣло не малое: направо тебѣ хлѣба, налево трава, а въ середкѣ мы по пылѣ, какъ по улицѣ, голодную скотину день-деньской, взадъ-впередъ, гоняемъ... Каждый этакъ-то выдумай! Мы вотъ выдумали... Вотъ только никто у скотины на умѣ не былъ: что она объ насъ думаетъ? Я такъ полагаю, хорошаго совсѣмъ мало...

Защелкали длинные кнуты, стадо тронулось въ путь, и пастухи пошли за стадомъ.

А. Н. Поповъ.

„По распоряженію“ *).

Il y a oppression lorsqu'une loi viole les droits naturels, civils et politiques qu'elle doit garantir. La résistance à l'oppression est la conséquence de tous les autres droits de l'homme et du citoyen*.

(Кондорсэ).

I.

Британская имперія далеко не однородна по своему составу. Мы видимъ тутъ демократическія федеративныя республики, какъ Канада или Австралія, коронныя колоніи, какъ Индія, въ которыхъ вице-короли, въ сущности, автократы, затѣмъ крошечныя, архаическія, самоуправляющіяся народности, какъ манкомэни и пр. Маленькій островъ Мэнъ, верстъ 12 въ ширину и верстъ 15 въ длину,—имѣетъ собственный парламентъ, съ двумя палатами и съ обязательной санкціей каждаго закона путемъ референдума. Такой же парламентъ, но безъ референдума, мы находимъ на крошечномъ Тринидадѣ у береговъ Южной Америки, тогда какъ островъ Барбадосъ, тоже принадлежащій къ группѣ Антильскихъ острововъ, имѣетъ только совѣщательное собраніе, въ которомъ часть представителей назначается короной (губернаторомъ).

Но какъ ни различно участіе населенія въ выработкѣ законовъ, въ обсужденіи бюджета и въ контролѣ надъ исполнитель-

---

*) Въ № 8 „Русскаго Богатства“ я обѣщалъ возвратиться къ обзору новыхъ иностранныхъ книгъ о Россіи. Всѣ авторы болѣе или менѣе подробно останавливаются на фактѣ существованія административной ссылки, какъ на одномъ изъ наиболѣе поразительныхъ доказательствъ отсутствія элементарныхъ гарантій личности. Такъ какъ у меня по этому поводу имѣются собственныя наблюденія, то я рѣшилъ совершенно уклониться отъ иностранныхъ авторовъ и не пользоваться ихъ иллюстраціями. Факты, которые читатель найдеть въ этой статьѣ, извлечены изъ моихъ старыхъ записныхъ книжекъ. Этому матеріалу 15—16 лѣтъ; но, къ сожалѣнію, онъ еще не сталъ достояніемъ *отжившаго* прошлаго, какъ, напр., крѣпостное право. Долженъ извиниться также предъ читателями за нѣсколько пестрый характеръ письма.

ною властью, всюду, во всѣхъ единицахъ, входящихъ въ составъ Британской имперіи, мы находимъ одно общее. Всюду гарантированы одни и тѣ же основныя права гражданина. На островѣ Мэнѣ, какъ въ Англіи, на Барбадосѣ, какъ въ Калькутѣ, въ Тасманіи, какъ на Мальтѣ, населеніе вольно думать, какъ оно хочетъ, можетъ выражать безпрепятственно свои мысли въ печати или на платформѣ и не только имѣетъ право исповѣдывать какую хочетъ вѣру (старую или вновь придуманную), но и переходить изъ одной въ другую и убѣждать другихъ. Затѣмъ всюду граждане пользуются одинаковой свободой передвиженія. Чтобы поѣхать изъ Бенгаліи въ Канаду, въ Австралію или въ Англію,—не надобно никакого паспорта. Личность и жилище имѣютъ одинаковыя гарантіи во всѣхъ концахъ Британской имперіи, независимо отъ того, насколько велико участіе населенія въ законодательной работѣ. На Мальтѣ, какъ и въ Англіи, правительство не имѣетъ права закрыть непріятную ему газету, ворваться въ частное жилище безъ точнаго постановленія *обычнаго* суда, или выслать административнымъ порядкомъ кого-нибудь. Всюду судъ совершенно независимъ отъ администраціи. Англичанинъ, мальтіецъ, манесманъ или туземецъ Раджпутаны одинаково могутъ довѣрить свои тайны почтѣ, потому что частная переписка неприкосновена. Въ Британской имперіи частное письмо—святыня. Этимъ объясняется одна черта, которая постоянно сильно поражаетъ здѣсь русскихъ: въ Англіи деньги и чеки пересылаются въ простыхъ письмахъ; тогда какъ мы, вслѣдствіе того, что конвертъ можетъ вскрыть не только адресатъ,—считаемъ необходимымъ страховать всякое сколько нибудь важное для насъ письмо, (отправитель разсуждаетъ такъ: „на, чортъ съ тобой, читай; но только, смотри!—отдай“!).

Другими словами, все сказанное означаетъ, что на всемъ протяжении Британской имперіи гражданскія права всего населенія одинаково гарантированы тремя хартіями: „Magna Charta“, „Habeas Corpus“ и „Bill of Rights“. Никто не можетъ быть задержанъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ имущества или изгнанъ безъ приговора равныхъ (т. е. присяжныхъ), составленнаго на основаніи точныхъ законовъ страны (т. е. такихъ, которые выработаны и приняты самимъ населеніемъ). Такъ гласитъ основной параграфъ хартіи, вырванной баронами у короля въ 1215 году. Другой пунктъ говоритъ, что налоги могутъ быть наложены только съ согласія самого населенія. Англичане очень гордятся этой хартіей. Каждую субботу въ залахъ Британскаго музея можно видѣть группы маленькихъ мальчиковъ. Они приходятъ, чтобы посмотреть на старый, сморщившійся пергаментъ, заключающій въ себѣ основы вольностей британскаго народа. Мальчики слышатъ въ школѣ про этотъ документъ, какъ только научатся азбукѣ. Девятилѣтній мальчикъ подробно расскажетъ, какъ съѣхались бароны на островѣ

на Темзѣ, между Стойнсѣ и Виндзоромъ, какъ король вынужденъ былъ принять все пункты хартіи, какъ потомъ въ бѣшенствѣ бросающа на землю и въ безсильной ярости грызъ хворостъ и солому. „Они (т. е. бароны) посадили надо мной другихъ королей“!—такъ кричалъ Іоаннъ. Дѣло въ томъ, что бароны, не довѣряя слову короля, назначили комитетъ изъ двадцати четырехъ человекъ, которые должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы пункты хартіи исполнялись. Въ случаѣ нарушенія грамоты, бароны должны были объявить королю войну.

„Нельзя смотрѣть безъ глубокаго чувства благоговѣнія,—говоритъ англійскій историкъ-радикалъ,—на этотъ самый древній памятникъ англійской ошододы. Изъ вѣка въ вѣкъ патриоты видѣли въ этой хартіи основу нашихъ вольностей... Бароны выговаривали вольности не только для себя, но и для всего народа“ *).

„Какъ великъ былъ тогда (1215 г.) союзъ между различными классами населенія!—вослицаетъ историкъ англійской конституціи.—Параграфы *Великой Хартіи* гарантируютъ все то, ради чего люди живутъ обществами. Установленъ авторитетъ суда, независимаго отъ произвола короля. Обезпечены права личности и гарантирована отъ конфискаціи собственность. Дана неприкосновенность иностранцу и торговому гостю. Бароны въ этой хартіи отказались отъ множества привилегій, стѣснительныхъ для остальнаго населенія. Хартія гарантировала даже крѣпостному (bondman) продуктъ его труда **). Впервые въ лѣтописяхъ всемірной исторіи гражданская война закончилась договоромъ въ пользу тѣхъ несчастныхъ крѣпостныхъ, которымъ, вслѣдствіе жадности и властолюбія, присущихъ человѣческой природѣ,—до тѣхъ поръ отнимали въ основныхъ человѣческихъ правахъ“ ***).

Второй по важности документъ, гарантирующій во всей Британской имперіи права личности это—*Habeas Corpus Act*, принятый въ 1679 г. По этому закону задержанный по приказанію короля или судьи имѣетъ право требовать, чтобы смотритель тюрьмы вынулъ отъ суда „writ of Habeas Corpus“, т. е. приказъ доставить заключеннаго въ судъ. Судья обязанъ подъ страхомъ наказанія дать смотрителю этотъ приказъ. *Habeas Corpus* гарантируетъ заключенному, во-первыхъ, то, что его не будутъ морить долго въ предварительномъ заключеніи, а во-вторыхъ—гласное слѣдствіе у магистрата и такой же гласный законный судъ, т. е. съ участіемъ присяжныхъ. *Habeas Corpus Act* отнялъ у англійскихъ королей возможность негласной расправы съ людьми независимаго образа

*) F. R. Green, „A short History of the English People“ (Однотомное изданіе 1876 г.), p. 123--124.

**) Подписавшіе хартію обязались дать своимъ фермерамъ такіа же вольности, какія выговаривали у короля для себя.

**) Henry Hallam, „The Constitutional History of England“. Компактное изданіе 1899 г., p. p. 276—277.

мыслей. „При посредствѣ этого акта,—говорить знаменитый историкъ,—свобода каждого англичанина гарантирована, насколько это можетъ сдѣлать законъ. Послѣ 1679 г. короли не могли уже больше, при дѣйствіи *Habeas Corpus*, морить въ тюрьмахъ независимыхъ людей. Обвиняемаго въ политическомъ преступленіи необходимо было предать суду присяжныхъ такъ же скоро (черезъ 2—3 мѣсяца), какъ и подозрѣваемаго въ уголовномъ дѣлѣ“ *).

Чтобы имѣть возможность расправиться безпрепятственно съ политическими противниками, правительство должно было предварительно добиться временной отміны *Habeas Corpus*. Король не имѣетъ права сдѣлать это. Отмінять *Habeas Corpus* можетъ только самъ парламентъ. Другими словами, это означаетъ, что объявить усиленную охрану можетъ только само население черезъ посредство выборныхъ представителей своихъ. Въ современной Англіи, когда парламентъ является выразителемъ желаній страны, это невозможно. Отміна въ Англіи *Habeas Corpus* была только при Георгѣ III, въ 1794 г., въ дореформенномъ парламентѣ, при томъ терроризованномъ французской революціей. Король добился временной отміны закона. Результаты перечислены цитированнымъ уже англійскимъ историкомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Англіи свирѣпствовала система бѣлаго террора. Началось проскрипція. Правительство набило тюрьмы своими политическими противниками. Человѣкъ независимаго образа мыслей могъ ежеминутно ждать ареста. За каждымъ шагомъ его слѣдили шпионы, письма его вскрывались на почтѣ. Не щадились даже святость домашняго очага. Правительство сѣяло раздоры между членами семьи, возстановляло родителей противъ дѣтей, требовало, чтобы каждый доносилъ на своего брата или друга. По словамъ Фокса, правительство надѣялось заморить страну, если ему удастся превратить всѣхъ въ инквизиторовъ, шпионовъ и доносчиковъ; предполагалось, что отцы должны доносить на дѣтей, а братья—служить агентами-провокаторами для укрѣпленія шатающагося трона Георга III... Правительство употребило все усилія, чтобы зажать ротъ печати... Оно преслѣдовало даже владѣльцевъ книжныхъ лавокъ, если тѣ продавали памфлеты, непріятные правительству. Политическіе союзы и собранія были строго воспрещены. Каждый популярный общественный дѣятель находился въ непрерывной опасности. Собранія разгонялись военной силой. Правительство содержало на жалованіи полчища шпионовъ. Кофейни, гостиницы и клубы кишѣли агентами, подстрекателями и доносчиками, передававшими и извращавшими каждый разговоръ.

„Кто ненавидитъ эту гнусную войну,—говорилъ Фоксъ,—вы презираете правительство, опирающееся на подлыхъ доносчиковъ,

*) Buckle, History of Civilization in England, v. I, p. 386.

можетъ попасть въ тюрьму. Долгъ обязываетъ въ такія эпохи гражданъ не терпѣть, а обратиться къ крайнему средству, къ священному праву мятежа“ *).

Вотъ что означаетъ отъѣна *Habeas Corpus Act*.

Третій актъ, охраняющій гражданскую свободу на всемъ протяжении Британской имперіи, это—*Bill of Rights*, увѣнчавшій революцію 1688 г. Онъ подтвердилъ право „народа черезъ его представителей назначать королей и возводить на тронъ, кого найдутъ необходимымъ“ **). Лорды и общины въ совокупности,—говорится дальше въ *Bill of Rights*,—подобно тому, какъ въ такихъ случаяхъ поступали ихъ предки, съ цѣлью защитить древнія права свои и вольности, объявляютъ: 1) Сущестующее будто бы право приостанавливать дѣйствіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента противно законамъ. 2) Сущестующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ, какъ допускалось и дѣлалось въ послѣднее время, противно законамъ. 3) Учрежденіе новаго духовнаго или всякаго другого суда противно законамъ и зловредно. 4) Всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, также какъ и взиманіе на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, противно законамъ. Дальше выговаривается право петицій королю и заявляется, что преслѣдованіе за нихъ—противозаконно. Въ одиннадцатомъ пунктѣ выражено требованіе свободнаго избранія присяжныхъ. „Лица, выбранныя въ присяжные по процессамъ о государственной измѣнѣ, должны быть членами общинъ“.

Всѣ перечисленные хартіи составляютъ, такъ сказать, фундаментъ гражданственности. Населеніе составныхъ частей Британской имперіи можетъ быть представлено парламентомъ, имѣющимъ контроль надъ министерствомъ, какъ въ Новой Зеландіи, или же только совѣщательнымъ собраніемъ съ нѣкоторыми членами по назначенію, какъ на Мальтѣ, но всюду „фундаментъ гражданственности“ одинъ и тотъ же. Ничто такъ не волнуетъ англичанъ, какъ нарушеніе правительствомъ, хотя бы чужимъ, одной изъ привилегій, гарантированныхъ *Magna Charta*, *Habeas Corpus Act* и *Bill of Rights*. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить „дѣло Эдгара“, послужившее въ значительной степени причиною тому, что большая публика въ Англіи сочувственно отнеслась къ южно-африканской войнѣ. Та часть печати, которой нужна была война, знала, что сильнѣе всего вызоветъ негодованіе въ Англіи. Вотъ почему въ 1898 г. въ *Times*, въ *Daily Mail*

*) Backle, „History of Civilization in England“ (изд. 1902), v. I, p. p. 494—496.

**) Green, „History of the English People“, p. 672.

и въ *Daily Telegraph* появились сильно составленные телеграммы изъ Йоганесбурга объ „ужасномъ и безпримѣрномъ нарушеніи неприкосновенности жилища англичанина Эдгара“. Дѣло излагалось такъ. Полицейскій южно-африканской республики Джонесъ, „не имѣя въ рукахъ судебнаго постановленія, ночью, вломился въ квартиру мирнаго англичанина, инженера Эдгара“. И когда инженеръ, „пользуясь своимъ неотъемлемымъ правомъ, гарантированнымъ Великою Хартіей“, сталъ защищать свой семейный очагъ,—Джонесъ выхватилъ револьверъ и убилъ Эдгара. Сообщение вызвало настоящую бурю въ Англіи. На митингахъ и въ газетахъ требовалось, чтобы англійское правительство смело „олигархію Крюгера“, гдѣ возможно такое ужасное преступленіе, какъ незаконное полицейское вторженіе ночью въ частную квартиру мирнаго обывателя. Большая публика сочувствовала войнѣ, потому что считала ее борьбой въ защиту основныхъ гражданскихъ правъ, которыя англичанину необходимы, какъ воздухъ или хлѣбъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что дѣло объ убійствѣ Эдгара совершенно не вѣрно было изложено „патріотическими“ газетами. Эдгаръ—грубый громада, промышлявшій то грабежомъ, то шулерствомъ на прискахъ, въ пьяномъ видѣ затѣялъ драку въ кабацѣ съ другимъ громадой и уложилъ его за мертво. Затѣмъ онъ бросился бѣжать, за Эдгаромъ погнался полицейскій Джонесъ, который дѣйствительно ворвался въ квартиру, но на точномъ основаніи закона, что неприкосновенности жилища нѣтъ, когда преслѣдуютъ убійцу. Эдгаръ, видя неминуемость ареста, схватилъ ломъ и пытался убить Джонеса; но только ранилъ его. Тогда полицейскій, защищаясь, выстрѣлилъ изъ револьвера и убилъ Эдгара. Англійская публика тогда не знала этихъ подробностей и совершенно искренно негодовала по поводу отсутствія въ Трансваалѣ основныхъ гарантій гражданской свободы.

II.

Исходя изъ положеній, изложенныхъ въ *Magna Charta*, *Habeas Corpus Act* и *Bill of Rights*,—англичане совершенно не могутъ *понять* даже одну форму наказанія, съ которой ежедневный отвѣтъ давно сроднилъ насъ. Я говорю объ административной семлѣ. Припоминаю слѣдующій анекдотическій случай. На пароходѣ изъ Гибралтара въ Танжеръ я познакомился съ старымъ, удалившимся отъ дѣлъ клерджименомъ изъ Кромера. Вмѣстѣ съ нимъ мы продѣлали на другой день все то, что полагается дѣлать туристамъ въ Танжерѣ: вскарабкались по откосу холма зъ *Kasba*; заглянули чрезъ лунку въ дверяхъ въ темную и вонючую тюрьму, которая приводитъ въ ужасъ англичанъ, хотя она ничѣмъ не хуже тюремъ въ Томскѣ или Нижне-Удинскѣ (я говорю

о концѣ восьмидесятыхъ годовъ); сѣздили на мулахъ по *марю*, т. е. плоскому побережью до древнихъ развалинъ римскаго моста; поглядѣли на *соко* (рынкѣ) на заклинателей змѣй и пр. Старенькій клерджимэнъ еще наканунѣ узналъ, что я русскій, и вотъ съ тѣхъ поръ онъ все давился какимъ то вопросомъ, который постоянно застревалъ у него въ горлѣ. Старикъ, повидимому, горѣлъ желаніемъ узнать что-то; но все не рѣшался. Наконецъ, къ концу второго дня, клерджимэнъ не выдержалъ и послѣ длинныхъ предисловій началъ:

— Пожалуйста, простите, но мнѣ такъ хочется разрѣшить одинъ вопросъ! Если предположеніе, которое заключается въ моемъ вопросѣ, не вѣрно, что по всей вѣроятности такъ, ибо оно такъ странно для англичанина,—то извиняюсь заранее. Я отнюдь не хотѣлъ бы задѣть національное чувство...

Такихъ вступительныхъ предложеній было сдѣлано очень много. Я рѣшительно не могъ понять, что думаетъ мой старикъ и попросилъ его быть яснѣе.

— Скажите мнѣ,—выпалилъ, наконецъ, клерджимэнъ,—неужели въ Россіи дѣйствительно есть административная ссылка, о которой я читалъ въ одной книгѣ? Не правда ли, про нее выдумали англійскіе „ловцы пятаковъ“ (*catchpenny*, т. е. сенсационные газетные репортеры)?—Я отвѣтилъ, что административная ссылка существуетъ не только въ пыломъ воображеніи газетчиковъ.

— Думаете ли вы сказать,—сталъ точно формулировать старикъ, что на вашей родинѣ ссылаютъ людей, которыхъ себѣ никогда не судили и за которыми присяжные не признали преступленія? Значить ли это, что люди ссылаются на основаніи подозрѣнія?—Я отвѣтилъ утвердительно и перемѣнилъ разговоръ.

Теперь этотъ маленькій эпизодъ по ассоціаціи вызвалъ предомноу нѣсколько картинъ. Мнѣ припоминаются, прежде всего, два полотна, которые я видѣлъ въ Тейтсовской галлерей, въ Лондонѣ. На одномъ полотнѣ изображены греческіе юноши и дѣвушки, которыхъ съ плачемъ провожаютъ матери и отцы въ баркѣ. Это—обычныя жертвы, посылаемыя аеинянами на островъ Критъ, на сѣденіе Минотавру. Другая картина, написанная Уотсомъ, изображаетъ уродливое дѣтище Пазифаи, высматривающее съ парапета кноссійскаго лабиринта свою добычу, которую ему должны доставить. Въ этихъ картинахъ меня поражаетъ не беззаботность юношей и дѣвъ, обреченныхъ на гибель; не жестокость Минотавра, выписаннаго Уотсомъ съ необыкновенной силой, а отсутствіе фигуръ, забытыхъ художниками. Въ Аеинахъ, вѣроятно, у Минотавра были свои довѣренныя, чикеники что ли, которые отбирали юношей и дѣвъ для жертвы. Они, должно быть, вели списки и за усердіе, вѣроятно, получали

положенные награды отъ Минотавра. Жрецы помогали этимъ до-
вѣреннымъ и въ храмахъ поучали, что власть дѣтища Пазифа—
отъ Зевса *). Подвигъ Тезея, который привелъ въ такой во-
сторгъ Афинянъ, повергъ, вѣроятно, въ страшное отчаяніе довѣ-
ренныхъ Минотавра и жрецовъ. Можно думать, если бы они
знали заранѣе о намѣреніи Тезея, когда онъ сѣлъ на барку, они
постарались бы выдать его своему патрону и благодѣтелю. Вотъ
отсутствіе этихъ-то фигуръ меня поражаетъ на картинахъ Берн-
Джонеса и Уотса. Довѣренныхъ Минотавра я отнюдь не изобра-
зилъ бы, будь я художникомъ, звѣрски жестокими. По всей вѣ-
роятности, среди нихъ были даже добродушные, семейные люди,
любившіе своихъ дѣтей и потому спокойно приносившіе въ жертву
сотни чужихъ.

Теперь позволю себѣ привести двѣ картины изъ эпохи, болѣе
современной намъ. Набросаны онѣ у меня въ старой записной
книжкѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1887 г. „Бутырки“. По
синему небу, еще не пріобрѣвшему лѣтнюю глубину, несутся
бѣлые облака. Они то сплавляются въ компактную сѣроватую
массу, которая, закрывая солнце, заставляетъ чувствовать ве-
сенний холодокъ, то разрываются въ видѣ бѣлыхъ кусковъ ваты.
На тюремномъ дворѣ выстроились арестанты. На фонѣ широко
распахнутыхъ воротъ видны: громадный образъ, въ золотой ризѣ,
убранной цвѣтами и колокольное распатіе, нарисованное на по-
лотнѣ и вырѣзанное по контуру. У иконы нѣсколько священни-
ковъ въ облаченіи. Лѣвая сторона двора занята арестантами.
Лучи весеннего солнца весело освѣщаютъ перебитыя съ сине-
вой головы. Въ сѣрой толпѣ слышенъ сдержанный говоръ и ти-
хий звонъ цѣпей, когда кто-нибудь переступить съ ноги на ногу.
Первый флангъ заняли бабы. Онѣ стоятъ къ намъ спиной, такъ
что видны только бѣлые платки да сѣрые халаты съ однимъ или
двумя тузами изъ желтаго или чернаго сукна. За бабами вы-
строились дѣти уголовныхъ, а дальше отдѣльной группой мы,
которымъ предстоитъ путь къ Минотавру. Центръ занимаетъ на-
чальство въ парадныхъ мундирахъ съ коротенькими фалдочками
и въ сверкающихъ на солнцѣ ботфортахъ, затѣмъ стоятъ кон-
войные унтеръ-офицеры. Изъ оконъ второго и третьяго этажа
тюремного корпуса, окружающаго дворъ, изъ за рѣшетокъ ведутъ
выглядываютъ бритыя головы „кандальныхъ“, кудлатые перее-
ленцы, ссылаемые по приговору общества, любопытныя лица
женщинъ...

Началось молебствіе. Въ вoadухѣ заструнились голубоватыя

*) „Si la peste,—говорилъ Гельвешій,—avoit des jarretieres, des cordons
et des pensions à donner, il est des théologiens assez vils, et des jurisconsul-
tes assez bas, pour soutenir que le regne de la peste est de droit divin; et
que se soustraire à ses malignes influences, cest se rendre coupable au pre-
mier chef (De l'Esprit. Discours III. Oeuvres complet. V. I, 518. Edition 1776 г.).

волны дыма. Запахло ладаномъ. Лѣвый флангъ началъ креститься. Высокій стройный каторжникъ, съ бородкой, какъ у Генриха IV, перебритый и закованный, горячо молится, поднявъ глаза къ небу. Мальчикъ лѣтъ четырнадцати, тоже перебритый и тоже въ кандалахъ, быстро крестится и царапаетъ потомъ обезображенную бритвой голову. Лица,—большую частью—самыя обыкновенныя, будничныя. Грубыя, звѣрскія выраженія видны, только какъ рѣдкія исключенія. Въ особенности будничны и добродушны лица крестьянъ, которыхъ можно узнать сразу въ толпѣ, не смотря на халаты, кандалы и перебритыя головы...

Въ толпѣ заплакалъ ребенокъ. Вынесла его на рукахъ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Ребенокъ болѣзненный, зеленый, въ красной гарусной шапочкѣ съ кисточкой. Сѣденскій священникъ обратился къ арестантамъ съ проповѣдью. Онъ доказывалъ имъ, что они должны быть признательны начальству „за эти уши и стѣны“, которыя охраняють арестантовъ отъ новыхъ преступленій. Цѣпи и тюрьма, такимъ образомъ, дадутъ возможность каждому „помириться со своею совѣстью“ и стать новыми людьми...

Завтра открывается навигація, и московскій „центральный“ отправляетъ „по длинной дорогѣ“ первую партію въ Сибирь. Уголовные арестанты, которые пойдутъ завтра на востокъ, всѣ осуждены судомъ присяжныхъ. Среди нихъ есть, вѣроятно, жертвы судебныхъ ошибокъ. Таковъ, напр., добродушный малороссъ Чапчай, мой землякъ, въ невинности котораго я убѣжденъ. Но все же этихъ людей судили 12 безпристрастныхъ присяжныхъ, въ гласномъ судѣ, въ присутствіи публики. Въ нашей группѣ болѣе пятидесяти человекъ; мы всѣ идемъ тоже на востокъ, а нѣкоторые—на очень далекій сѣверо-востокъ; но никто изъ насъ не осужденъ судомъ присяжныхъ, да и вообще никакимъ судомъ. Насъ всѣхъ отправляютъ „административно“.

Дальше читатель найдетъ исторію одной брошюры, выпущенной теперь съ благословенія цензуры и продающейся во всѣхъ магазинахъ по двугривенному; а между тѣмъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ въ той группѣ, которую я описалъ, были люди, жестоко поплатившіеся за эту именно книжку.

Приведу вторую картину. На пустынной сѣверной рѣкѣ, разлившейся на безконечное пространство, пыхтитъ пароходъ. Онъ тащитъ за собою на длинномъ канатѣ крытую баржу въ видѣ громаднаго курятника. Эта „посудина“ далеко не такъ изящна, какъ та барка, въ которой на картинѣ Бернъ-Джонеса отправляютъ къ Минотавру юношей и дѣвъ, хотя назначеніе одно и то же. Изъ-за рѣшетки курятника слышится веселый, заразителный молодой смѣхъ, а порой—стройное пѣніе. Предположимъ, Минотавръ живетъ теперь не въ кносійскомъ лабиринтѣ, а въ такихъ мѣстахъ, какъ округи Нарымскій, Березовскій, Туруханскій, Верхоянскій, Вилюйскій, Колымскій, но жизнерадостность,

повидимому, совершенно безпричинная, если будетъ упущенъ изъ вида возрастъ находящихся въ кѣткѣ. Тамъ только два человека, которымъ за тридцать. Всѣ остальные—моложе 25 лѣтъ. Одной—семнадцать лѣтъ, двумъ мальчикамъ только что исполнилось шестнадцать.

III.

Кто выдумалъ осужденіе ссылки безъ защиты, безъ суда за убѣжденія; ту административную ссылку, которую видѣли въ недавнее время? Тьеръ, повидимому, склоненъ приписать честь изобрѣтенія или, точнѣе, обновленія стараго обычая,—своему идолу, предъ которымъ онъ такъ преклоняется. Во всякомъ случаѣ, Наполеону I принадлежитъ афоризмъ: „Déportation c'est le meilleur système à purger le monde ancien en peuplant un nouveau“ (осылка—лучшее средство населять новый міръ, очищая старый). Къ чести Тьера нужно сказать, что онъ неодобрительно относится къ своему герою за пренебреженіе къ судебнымъ формальностямъ, когда дѣло шло о расправѣ съ политическимъ противникомъ. Историкъ выясняетъ—„печальныя послѣдствія, происходящія отъ нарушенія обычныхъ формъ суда. Когда священныя формы, гарантирующія обвиняемому нелицепріятность суда, не соблюдаемы, обществу грозитъ самая серьезная опасность“ *). Собственно говоря, Наполеонъ I успѣлъ только административнымъ порядкомъ разстрѣлять герцога Энгіенскаго да набить тюрьмы. Войны помѣшали ему заняться ссылками. Афоризмъ Наполеона I, такимъ образомъ, примѣнили на практикѣ только его племянникъ Наполеонъ III. У насъ долго и упорно перенимали все уродливое и отжившее на Западѣ, а потомъ упорно отстаивали это, какъ глубоко самобытное. Въ свое время щедринскій генералъ-маіоръ Бритый посылалъ къ Персины въ Парижъ чиновниковъ изучать—„le meilleur système à purger le monde ancien“. И совершенно напрасно! Административная ссылка—наше глубоко національное изобрѣтеніе и широко практиковалась еще въ XVI вѣкѣ, хотя называлась тогда *оталой*. Безъ суда, на основаніи политическаго доноса Петра Волинца, былъ раззоренъ городъ. Тогдашніе охранители не могли простить окраинѣ ея самобытности, какъ это повторилось потомъ черезъ 335 лѣтъ. При Иванѣ III русскіе не могли даже кирпичей толкомъ обжигать; но при Иванѣ IV политическія преслѣдованія пробудили духъ изобрѣтенія: опричина придумала обжигать... не кирпичи, впрочемъ, а земщину. Заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности новгородцевъ—„пытали и жгли какою-то составною мудростію огненной,

*) *Thiers*, „Histoire du Consulat et de l'Empire“, livre XVIII, p. 674 (изданіе 1845 г.).

которую летописец называет *поджаромъ* *)). Далекія окраины большихъ имперій всегда соблазнили поклонниковъ осужденія безъ суда—послать туда изслѣдователей. Такъ, Наполеонъ III облюбовалъ Гвіану. Эти окраины иногда такъ далеко отстоятъ, что отправляемыхъ туда невольныхъ изслѣдователей забивали. При Елизаветѣ тщетно разыскивали въ Камчаткѣ и въ Якутской области сосланныхъ туда при Биронѣ безъ суда. Вѣроятно, для успѣшности розысковъ посылали на окраины новыхъ сомыслихъ. Въ Средне-Колымскѣ, напр., страдалъ и умеръ въ царствованіе Елизаветы изгнанникъ графъ Головкинъ, бывшій кабинетъ-министръ, за которымъ слѣдовала жена его. Устное преданіе вѣситъ тамъ, что въ праздничные дни больного силой приводили въ церковь, чтобы тамъ терпѣть поруганіе и слушать, какъ священникъ, по окончаніи литургіи, читаетъ обвинительный актъ его и приговоръ, составленный политическими врагами.

Но Головкинъ былъ еще, сравнительно, рѣдкой и ранней ласточкой. Высылки безъ суда стали широко практиковаться съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Читатели знаютъ, конечно, за какіе ничтожные проступки примѣнялась тогда кара. Лермонтова, напр., отправили на Кавказъ за стихи, которые можно теперь найти въ любой хрестоматіи. Герценъ рассказываетъ, за что его выслали въ Новгородъ, хотя проектировалось опять его отправить въ Вятку. Когда Герцена привезли въ зданіе у Цѣннаго моста, между писателемъ и однимъ изъ чиновъ третьяго отдѣленія, нѣкимъ г. Сахтынскимъ, произошелъ такой диалогъ, который наложенъ въ автобіографіи „Былое и думы“.

— Я совершенно ничего не понимаю,—сказалъ Герценъ.— За что меня взяли?

— Не понимаете?—это-то и плохо!.. Все политика, да моресуды, и все во вредъ правительству! Вотъ и договорились; наивъ васъ опытъ не научилъ? Почему вы знаете, что въ числѣ тѣхъ, которые съ вами толкуютъ, нѣтъ всякій разъ какого-нибудь морзавца, который лучше не просить, какъ черезъ минуту прийти сюда съ доносомъ.

— Если вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете, я ломаю себѣ голову и никакъ не понимаю, куда ведутъ ваши слова или на что намекаютъ.

— Куда ведутъ?.. Хм!.. Ну, а скажите, слышали вы, что у Синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ ночью человѣка?

— Слышалъ,—отвѣчалъ я пренебрежно.

— И можетъ повторилъ?

— Кажется, что повторилъ.

— Съ разсужденіями, а чай?

— Вѣроятно.

*) *Словесникъ*, Исторія Россіи, т. VI, стр. 174.

— Съ какими же разсужденіями?—Вотъ она наклонность къ перипатію правительства. Скажу вамъ откровенно, одно дѣлаетъ вамъ честь, это ваше искреннее сознаніе, и оно будетъ навѣрно принято графомъ (Бенкендорфомъ) въ соображеніе.

— Помилуйте—сказалъ я,—какое тутъ сознаніе? объ этой исторіи говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министерства, въ лавкахъ. Что-же тутъ удивительнаго, что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

— Разглашеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе, нетерпимое законами.

— Вы меня обвиняете, мнѣ кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ сказано только, что вы способствовали распространенію такого вреднаго слуха. Но что послѣдовала революція о возвращеніи васъ въ Вятку.—Черезъ два дня Герцена вызвали къ Дубельту.

— Я вамъ, генералъ, скажу то,—началъ Герценъ,—что сказалъ уже г. Сахтынскому, я не могу себѣ представить, чтобы меня выслали только за то, что я повторилъ уличный слухъ, который, конечно, вы слышали прежде меня, а можетъ быть, также рассказывали, какъ я.

— Да, я слышалъ и говорилъ объ этомъ и тутъ мы равны; но вотъ гдѣ начинается разница: — я, повторяя эту нелѣпость, клялся, что этого никогда не было, а вы изъ этого слуха одѣлали поводъ обвиненія всей полиціи. Это все несчастная страсть *de dénigrer le gouvernement*, страсть, развитая въ васъ во всѣхъ, господна, пагубнымъ примѣромъ Запада. У насъ не то, что во Франціи, гдѣ правительство на ножахъ съ партіями, гдѣ его тащутъ въ грязь; у насъ управленіе *отеческое*, все дѣлается какъ можно келейнѣе.—За тѣмъ черезъ нѣсколько дней Герцена вызвали къ самому Бенкендорфу, который окончательно сказалъ, что Вятка замѣнена Новгородомъ.

— Позвольте мнѣ откровенно сказать,—отвѣтилъ Герценъ,—что даже въ сію минуту я не могу вѣрить, чтобы не было другой причины моей ссылки. Въ 1835 г. я былъ сосланъ подѣлу праздника, на которомъ вовсе не былъ! Теперь я наказываюсь за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ! Странная судьба! *).

Герценъ отправился въ Новгородъ, гдѣ, служа совѣтникомъ губернскаго правленія, находился *у самого себя* подъ негласнымъ надзоромъ. Черезъ два года молодой Салтыковъ былъ отправленъ въ Вятку за рассказъ, пропущенный цензурой. Его имя открыло собою новый, длинный и увеселительный не оконченный еще списокъ писателей, первоклассныхъ и маленькихъ, занявшихъ уже прочное положеніе въ литературѣ и только что еще начинающихъ, от-

*) „Былое и думы“, часть III, глава XXV.

правленныхъ безъ суда или по пародіи на судъ на окраины *).

Съ теченіемъ времени ссылка безъ суда увеличивалась численно. Въ серединѣ прошлаго вѣка сосланные административнымъ порядкомъ направлялись, главнымъ образомъ, на окраины Европейской Россіи: въ Вятку, Пермь, Архангельскъ, Вологду, Петроваводскъ и пр. Въ семидесятыхъ годахъ, вмѣсто губернскихъ городовъ, сосланныхъ стали направлять въ уѣздные города и села. Тогда появились колоніи въ Колѣ, Пинежѣ, Шенкурскѣ и пр. Затѣмъ теченіе направилось въ Западную Сибирь, а потомъ—въ Восточную. Сперва выбирались города, какъ Енисейскъ, Ачинскъ, или какъ село Тунка, Иркутской губ., т. е. мѣста, сравнительно сносныя. Потомъ появились временные засельщики въ Туруханскѣ, въ селахъ по Тунгускѣ, въ Киренскомъ округѣ, а далѣе—и въ Якутской области. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подневольные туристы отправлялись въ Якутскую область, а въ особенности въ округи Верхоянскій и Колымскій, въ видѣ рѣдкаго исключенія. Съ середины восьмидесятыхъ годовъ стали посылать на Колыму цѣлыми партіями. Къ тому же времени измѣнился и срокъ административной ссылки. При Лорисъ-Меликовѣ ее ограничили пятью годами; но въ 1887 г. начались приговоры на 8, а потомъ и на десять лѣтъ. Если не ошибаюсь, официально и до сихъ поръ считалось, что больше, чѣмъ на пять лѣтъ, нельзя отправить безъ суда въ ссылку. Говорять, у насъ изучали у Наполеона III современную систему административной ссылки. Мы видѣли, что напрасно первенство необрѣтенія системы уступается Западу. Административная ссылка—единственный продуктъ „гнилого Запада“, до котораго у насъ добрались своимъ умомъ. Но если даже Персинъ училъ „генералъ-маіора Бритаго“, то ученикъ превзошелъ учителя. При Наполеонѣ III, всего за 18 лѣтъ, административнымъ порядкомъ сослано 1200 человекъ. У насъ только въ одну Сибирь сослано безъ суда въ 1894 г.—21 ч., въ 1895 г.—48, въ 1896 г.—53, въ 1897 г.—117, въ 1898 г.—47, въ 1899 г.—49, въ 1900 г.—49, въ 1901 г.—38, въ 1902 г.—115, въ 1903 г.—910 **).

Представляетъ ли дѣло Герцена, сосланнаго за разговоръ, или дѣло Салтыкова, отправленнаго за пропущенный цензурой раз-

*) Назову только нѣсколько именъ: Шевченко, Костомаровъ, Достоевскій, Ахшарумовъ, Плещеевъ, Михайловъ, Чернышевскій, Щаповъ, Наумовъ, Ядринцевъ, Левитовъ, Худяковъ, Прыжовъ, Якубовичъ-Мельшинъ, Короленко, Елпатьевскій, Мачетъ, Яковлевъ-Богучарскій, Богоразъ-Танъ, Строщевскій и др. Дальнія окраины изслѣдованы подневольными туристами: Потанинымъ (Монголія), Ядринцевымъ, Клеменцомъ, Строщевскимъ (якуты), Богоразомъ (чукчи), Кролемъ (буряты), Штернбергомъ (Сахалинъ). Труды эти оцѣнены по достоинству учеными всего міра.

**) Цифры эти взяты изъ только что вышедшей книги П. Н. Миланова: „Russia and its Crisis“, Chicago, 1905, p. 517.

сказъ—какое-нибудь исключеніе, давно отошедшее въ область преданій. Возможно ли было повтореніе чего-нибудь подобнаго? Отвѣтомъ послужить исторія одной брошюры.

IV.

Преде мною два перевода подъ разными названіями одной и той же нѣмецкой брошюры. Оба перевода вышли съ благословенія цензуры провинціального города. Эту цензуру я хорошо знаю на основаніи многолѣтняго опыта. Она — своего рода — застѣнокъ для мѣстной печати. Въ немъ калѣчили самыя безобидныя статьи, вычеркивались неизвѣстно на какомъ основаніи, по вдохновенію, отдѣльныя фразы и слова. Тамъ былъ цензоръ, вычеркнувшій изъ статьи слѣдующую характеристику Теофана Прокоповича: „Féofane est peut-être le seul sur lequel Pierre le Grand s'est trompé, c'était une canaille intelligente et je crois qu'il ne croyait à rien, ni a Dieu, ni au diable“ (т. е. „Теофанъ, быть можетъ, единственный человѣкъ, въ которомъ Петръ Великій ошибся. Это былъ умный мерзавецъ, вѣроятно, не вѣрившій ни въ Бога, ни въ чорта“). Цензоръ не могъ позволить отозваться неодобрительно о лицѣ, облеченномъ довѣріемъ начальства, хотя это лицо жило двѣсти лѣтъ тому назадъ и хотя характеристика сдѣлана Николаемъ I. Этотъ самый цензоръ передавалъ корректуры посланныхъ ему статей жандармскому полковнику.

И вотъ съ благословленія провинціального застѣнка выходятъ теперь два перевода „Манифеста“ Маркса и Энгельса. А между тѣмъ, какую печальную исторію въ связи съ такой брошюрой я знаю! Въ 1885 г. въ провинціальномъ городѣ Е., отстоящемъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ того центра, гдѣ отпечатанъ теперь „Манифестъ“, два ученика мѣстнаго реальнаго училища (одному было лѣтъ 17, другому лѣтъ 18) добыли какимъ-то образомъ эту брошюру, которая тогда еще не носила цензорскаго благословенія. Прочитали мальчики книжку и стали „распространять“ ее. Съ этой цѣлью переписали ее и воспроизвели на самодѣльномъ гектографѣ. Два экземпляра роздали гимназисткамъ, три или четыре знакомымъ обывателямъ, да нѣсколько книжекъ товарищамъ-студентамъ, раньше кончившимъ тоже самое учебное заведеніе и пріѣхавшимъ изъ технологическаго института на лѣтнія вакаціи. Затѣмъ лѣто кончилось, студенты разъѣхались; но за то въ Е. пріѣхалъ на службу молодой жандармскій штабсъ-ротмистръ Д., желавшій выдвинуться. Городъ Е. былъ въ то время самый мирный и спокойный, типичный глухой степной уголокъ. Пришлось искать цѣлую зиму и весну, покуда какимъ-то образомъ въ маѣ или въ іюнѣ 1884 г., штабсъ-рот-

мистру Д. попался засаленный, истрепанный экземпляр отгектографированнаго „Маннфеста“. Еще через двѣ или три недѣли въ мѣстной тюрьмѣ, перестроенной изъ частнаго женскаго пансіона, появились невиданные до тѣхъ поръ „политическіе“. Арестовали двухъ реалистовъ, потомъ гимназистку восьмого класса, потомъ другую—*четвертаго* класса (15 лѣтъ), а затѣмъ—студентовъ, пріѣхавшихъ опять на вакаціи. Далѣе забрали молодого купчика, торговавшаго при мамашѣ лѣсомъ, писмоводителя мирового судьи и еще кого-то. Возникло большое дѣло. Пунктами обвиненія было „храненіе литературы“, „составленіе сообщества“, организація „типографіи“ (т. е. гектографа). Писмоводитель привлекался, какъ „хозяинъ, конспиративной квартиры“ (другими словами, у него снималъ комнату одинъ изъ реалистовъ). Для гектографа нужны желатинъ, глицеринъ и анлиновыя краски. Все это вещи безобидныя, которыя можно купить у любого дрогиста. Но арестовали и продавца москательной лавки, какъ „соумышленника“. Въ тюрьмѣ, перестроенной изъ частнаго женскаго пансіона, набралось человѣкъ 18 политическихъ въ возрастѣ отъ 15 лѣтъ. Въ это время я пріѣхалъ на лѣто въ Е. и каждый день слышалъ, что „забрали еще“. Штабсъ-ротмистръ Д. былъ честолюбивъ и мечталъ о „большемъ процессѣ“, который устроить. Но въ перестроенномъ пансіонѣ былъ народъ все слишкомъ юный и слишкомъ безобидный для „процесса“. Это понималъ и Д. Понадобилось посадить кого-нибудь хоть съ какими-нибудь общественнымъ положеніемъ. Среди мальчиговъ, которыхъ нахватили зря, были два съ дрянными, мелкими натурами. Одинъ изъ нихъ, Х—ій, былъ просто неумный, безвольный, жалкій трусъ. Другой, N — тоже трусъ, но очень способный, даже талантливый, умный и злой. Ему-то первому пришла мысль отгектографировать брошюру, а такъ какъ онъ имѣлъ отличную память, то помнилъ, кому роздалъ экземпляры. На этихъ юношей штабсъ-ротмистръ сталъ дѣйствовать сперва угрозами, а потомъ посулами. Молодые люди стали „откровенничать“. У меня хранится любопытный документъ, покаянное письмо Х—аго, присланное намъ уже въ Вутыркахъ. „Я былъ арестованъ,—кается Х—ій. Описывать вамъ сцены выпытыванія, запугиванія и т. п.—я не буду, такъ какъ онѣ хорошо извѣстны каждому изъ васъ; но то, что на взрослога, здороваго человѣка не оказало бы вліянія, на мнѣ не могло не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ. Выпешши на свободу послѣ пятидесячнаго заключенія, я былъ вполне увѣренъ, что избавился отъ каторги и радовался. Но это было на первыхъ порахъ. Долго обманывать самого себя, успокоивать нелѣпыми афоризмами было невозможно. Начались мученія, вызываемыя угрызениями совѣсти, которыя возрастали по мѣрѣ возвращенія сознанія, овладѣвавшаго мною. Я готовъ былъ надѣлать массу ни съ чѣмъ не сообразныхъ поступковъ... Какъ

ни странно, но я способенъ былъ ходить къ жандармамъ, въ которыхъ, хотя и видѣлъ ближайшую причину моихъ несчастій, искалъ какъ будто бы утѣшенія; съ непонятнымъ для меня принизмомъ, я смѣялся надъ тѣмъ, чему недавно поклонялся. Это было состояніе изступленное, какое-то издѣвательство надъ самимъ собою... Это имѣло свои слѣдствія; мнѣ совѣтовали ѣхать въ Харьковъ, гдѣ бы я могъ найти себѣ должность, конечно, по протекціи харьковскихъ жандармовъ. Я бы солгалъ, говоря, что я не зналъ, что нужно было сдѣлать, чтобы добиться такой протекціи, но я поѣхалъ (при чемъ замѣчу, что какъ самая эта поѣздка, такъ и послѣдующія мои дѣйствія не были у меня проявленіемъ свободной воли; на сколько я умѣю анализировать себя,—это было одно изъ явленій гипнотизма)... Прошло мѣсяца два. Вѣроятно, я не проявлялъ ожидаемыхъ способностей: мѣста мнѣ не давали. Между тѣмъ оставаться далѣе въ Харьковѣ для меня было не возможно. Общественное мнѣніе клеймило меня безпощадно. Я бѣжалъ въ Е., преслѣдуемый призраками, создаваемыми преступной совѣстью"... Для характеристики Х. я могъ бы прибавить еще слѣдующее. Зналъ я его еще съ дѣтства. Вмѣстѣ мы поступили въ приготовительный классъ, но онъ засидѣлся потомъ въ нѣкоторыхъ классахъ и отсталъ. Когда я пріѣхалъ на лѣто въ Е.,—Х-ій сидѣлъ уже въ тюрьмѣ и про него ходили не хорошіе слухи, которымъ я никакъ не хотѣлъ вѣрить. Затѣмъ Х. выпустили на поруки. Говорили про него совсѣмъ не хорошо. Изъ старыхъ его знакомыхъ отъ него не отвернулся только я одинъ. Онъ приходилъ ко мнѣ, плакалъ навзрыдь, клялся, что его оклеветали, и, когда я его успокоивалъ, пытался цѣловать руки. Все это производило на меня тяжелое, непріятное впечатлѣніе; но я упрекалъ самого себя за это. Мнѣ не вѣрилось, что мой товарищъ дѣтства—предатель. Удивительна психологія человека! Тотъ самый Х-ій, который плакалъ предо мною и благодарилъ, что я одинъ не отвернулся отъ него,—отправлялся „съ рапортомъ“ на меня же къ штабъ-ротмистру Д.

И такъ жандармскій офицеръ сталъ дѣйствовать на Х-аго и на N угрозами и посулами. Добился онъ такихъ результатовъ. Молодые люди совмѣстно стали писать своеобразную „исторію“, внося туда каждый слухъ и упоминая, кого только знали. Подробно рассказано было, гдѣ достали авторы „Манифестъ“, какъ они его гектографировали, кому передавали экземпляры и при какихъ обстоятельствахъ. Появились цѣлыя главы о томъ, какъ гимназистки и реалисты читали вмѣстѣ „Манифестъ“, что при этомъ говорили и какіе планы строились. Память у N была удивительная, и онъ припоминалъ десятки фамилій. Исторія разрослась и превратилась въ объемистую рукопись, за которую хронографы получали „полистный“ гонораръ. Въ домахъ у знакомыхъ N встрѣчалъ людей, именъ которыхъ ему иногда почему

либо не называли. Н описывалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ ихъ лица, а иногда, какъ отличный рисовальщикъ, на память прилагалъ къ „исторіи“ ихъ портреты. Вѣроятно, такое усердіе нравилось Д., но ему для „процесса“ нужны были люди съ общественнымъ положеніемъ. Нужно было выставить, что пятнадцатилѣтнія гимназистки только „слабое орудіе“, жертвы въ рукахъ „опытныхъ вожаковъ“. Но гдѣ и какъ найти такихъ „вожаковъ“ въ глухомъ, сонномъ и мирномъ степномъ углу, какимъ былъ въ 1884 г. Е.? Забрали студентовъ, пріѣхавшихъ на дѣто. Но, въ концѣ концовъ, всё обвиненіи, если не считать „характеристикъ“, сдѣланныхъ въ „исторіи“ хронографами, сводились къ полученію гектографированнаго экземпляра „Манифеста“ и къ отказу сообщить, кому брошюра была передана дальше.

Роясь въ печатныхъ историческихъ документахъ, относящихся къ шестидесятымъ годамъ, я недавно нашелъ крайне любопытное дѣло о высылкѣ административнымъ порядкомъ изъ Чернигова нѣкоего Степана Носа. Дѣло это до такой степени любопытно, что приведу отсюда довольно большую выдержку.

„Черниговскій гражданскій губернаторъ 6 февраля 1860 г. доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что дошедшіе до министерства слухи о сборищахъ молодыхъ людей въ квартирѣ оператора черниговской врачебной управы Степана Носа—справедливы. Въ 1862 г., раннею весною, по полученнымъ отъ полиціи указаніямъ, губернаторъ приглашалъ Носа и ввухалъ ему, что сборища, на коихъ выражались бы такъ называемыя малороссійскія стремленія, ни подъ какимъ видомъ терпимы не будутъ, на что Носъ увѣралъ, что бывшіе у него посѣтителы не имѣли никакой въ означенномъ духѣ цѣли, и вмѣстѣ былъ положенъ всему этому конецъ. Стремленія кружка, собиравшагося у Носа и называвшагося въ публикѣ, въ видѣ насмѣшки, *курнемъ*, выражались тѣмъ, что участвовавшіе въ немъ лица носили крестьянскую одежду и занимались пѣніемъ малороссійскихъ пѣсень. По малому сочувствію, съ какимъ были встрѣчены подобныя выходки, и въ особенности по ничтожности значенія и вѣса въ чьихъ либо глазахъ лицъ, бывавшихъ у Носа, губернаторъ счелъ тогда возможнымъ ограничиться запрещеніемъ совывать у себя подобныхъ гостей *); тѣмъ же изъ сихъ послѣднихъ, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ въ малороссійской одеждѣ, губернаторъ сдѣлалъ у себя въ кабинетѣ негласную головомойку. Въ декабрѣ 1862 г. черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ объявилъ, что у Носа бывають

---

*) Щедринскій Прудентовъ въ своемъ „Уставѣ“ о благопристойномъ обывательствѣ въ своей жизни поведеніи снисходительнѣе. Семнадцатая статья „Устава“ гласитъ: „Пѣть и свистать (но не громогласно) не возбраняется, ибо сіе означаетъ удовольствіе. Для начальства же ничто столь не пріятно, какъ ежели подчиненные, безъ унылости и во всемъ располагаясь на волю онаго, время проводятъ“ (*Современная Идиллія*).

сходбища молодыхъ людей, вслѣдствіе чего губернаторъ снова приглашалъ къ себѣ Носа, и въ третій разъ призывалъ къ себѣ, когда получилъ запросъ изъ министерства и въ оба эти раза подтвердилъ ему то, что было сказано въ первый разъ, при чемъ Носъ далъ слово отстранить поводъ къ подобнымъ нареканіямъ.

О посѣщеніяхъ же его нѣкоторыми лицами онъ объяснилъ простымъ послѣдствіемъ долговременнаго его пребыванія въ Черниговѣ и обширнымъ кругомъ знакомства. Къ этому губернаторъ присовокупилъ, что, по его мнѣнію, полезно было бы ограничиться въ отношеніи Носа сдѣланнымъ ему внушеніемъ, ибо иначе онъ и лица, его посѣщавшія, достигнутъ нечаянной, по крайней мѣрѣ желаемой ими, цѣли—пріобрѣтенія какого-либо значенія. Прежде сего черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ 12 января 1863 г. секретною запискою доносилъ, что въ іюнѣ 1862 г. въ г. Черниговѣ нѣкоторые изъ дворянъ, по примѣру студентовъ кievскаго университета, начали ходить въ національныхъ малороссійскихъ костюмахъ, которые надѣвали и состоящіе на службѣ чиновники. Вслѣдствіе сего, по совѣщаніи съ начальникомъ губерніи, сообщено предсѣдателямъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы они не дозволяли подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ ходить въ непри svoенномъ одѣянніи, съ тѣмъ, что если кому-либо, одѣтому въ костюмъ простолюдина, будетъ оказана полицейскими служителями *невѣжливость, то жалобы на это будутъ оставляться безъ вниманія*. Этою мѣрою было прекращено кошеніе національной одежды. Впослѣдствіи дознано, что операторъ Носъ принималъ къ себѣ молодыхъ людей, безъ различія состоянія, лишь бы гость былъ одѣтъ въ національный костюмъ, и выѣзжалъ съ нимъ за городъ, гдѣ раскладывали огонь, жарили на палочкахъ сало, пили, пѣли малороссійскія національныя пѣсни, декламировали стихи Шевченка, но въ чемъ заключались ихъ толки—неизвѣстно, и такъ какъ все это велось въ секретѣ, то начальникъ губерніи потребовалъ къ себѣ Носа и объявилъ ему, что скандальные поступки *) его влекутъ за собою невыгодное мнѣніе о немъ начальства, и что если и за симъ въ его квартирѣ будутъ собираться молодые люди въ малороссійскихъ костюмахъ, то для прекращенія сего будутъ приняты болѣе серьезныя мѣры. Послѣ этого Носъ прекратилъ на нѣкоторое время свои загородныя прогулки и собраніе молодыхъ людей, но назвалъ свою квартиру куренемъ, выставилъ на стѣнѣ ящикъ, въ которъй посѣтители куреня были обязаны класть мелкія деньги, и сверхъ ящика прибилъ надпись: „Кто куре дудочку, той клади копійку, а кто молочу, той двѣ копійки, для добраго діла“.

Въ заключеніе черниговскій штабъ-офицеръ объяснилъ, что такъ какъ посѣтители куреня безпрестанно увеличиваются, то

*) Т. е. жаренье „на палочкахъ“ сала и пѣніе малороссійскихъ пѣсенъ?!

можно заключить, что поступки Носа могут имѣть дурныя послѣдствія, а потому ходатайствовалъ о переводѣ Носа, называя его главнымъ предводителемъ общества малороссофиловъ, на службу въ *отдаленныя* великороссійскія губерніи, гдѣ національность его не будетъ имѣть подражателей“ *).

Итакъ, административная ссылка за пристрастіе къ салу, „за-жаренному на палочкахъ“, къ малороссійскимъ пѣснямъ и къ костюму „простолюдиновъ“! Если бы не драматическій конецъ, то все это дѣло можно было бы принять за шуточную пародію. Я знаю такой же процессъ: „дѣло о е—скомъ украинскомъ кружкѣ“. Поднято оно было штабъ-ротмистромъ Д—ой и присоединено имъ къ дѣлу о брошюркѣ, изданной теперь съ благословенія цензуры.

Въ южныхъ городахъ, а въ особенности въ глухихъ,—въ то время, т. е. лѣтъ двадцать тому назадъ, можно было встрѣтить много такихъ людей, какъ Степанъ Носъ. „Крестьянскую одежду“, впрочемъ, они носили рѣдко, развѣ мелкопомѣстные землевладѣльцы. Все это былъ народъ очень хорошій, очень сердечный и въ высшей степени безобидный. Украинскія симпатіи выражались, главнымъ образомъ, въ предпочтеніи малорусскаго языка, въ записываніи народныхъ сказокъ и поговорокъ и въ горячей любви къ поэзіи Шевченко. Я какъ теперь помню немолодого уже пріятеля, который постоянно декламировалъ одну и ту же поэму малорусскаго поэта и постоянно заливался слезами, когда доходилъ до стиховъ:

„Заснула Вкраїна,
Бурьяномъ укрилась, цвѣлю завила,
Въ калюжі, въ болоті сердце прогнойіла
І въ дупло холодне гадюкъ напустила,
А дітямъ надію въ степу оддала.
А надію
Вітеръ по полю развіявъ,
Хвиля моремъ рознесла“.

Насколько помнится, всѣ эти украинскіе народники принадлежали къ слою, который англичане называли бы „middle classes“. Были тутъ врачи, мелкіе землевладѣльцы, секретари всякаго рода, два—три учителя и пр. Не знаю, какъ теперь, но тогда среди украинцевъ нельзя было совершенно встрѣтить рабочаго.

Такіе народники—украинцы были и въ Е. И на нихъ оставилъ свое вниманіе жандармскій штабъ-ротмистръ Д. Въ первую голову, какъ жертва, у него, очевидно, стоялъ нѣкто М—цъ. Я помню съ ранняго дѣтства эту эксцентричную фигуру. Получивъ образованіе въ духовной академіи, М., однако, не пошелъ въ священники, а былъ захваченъ народническимъ украинскимъ

*) Русская историческая бібліотека № 5, стр. 169—171.

движеніемъ шестидесятихъ годовъ. Онъ пошелъ по деревнямъ собирать сказки, поговорки и пословицы. Въ специальной этнографической литературѣ имя М. хорошо извѣстно и пользуется такимъ же почетомъ, какъ имя болѣе молодого собирателя народной литературы — Манжуры. Затѣмъ на М. обрушилось какое-то страшное семейное несчастье. Онъ поселился въ Е., открылъ здѣсь книжный магазинъ и поражаѣтъ обывателей эксцентричностью своихъ манеръ и способа торговли. Онъ жилъ совершенно одинъ, въ закутѣхъ при магазинѣ, и самъ страпалъ себѣ обѣды по собственнымъ рецептамъ. По воскресеньямъ по дорогѣ, ведущей изъ загородной роши, можно было видѣть высокую, не бритую фигуру, въ изломанной шляпѣ, увитой различными травами, въ тепломъ пальто, не смотря на южное лѣто, съ накинутаю женской шалью на плечахъ. То М. возвращался изъ загородной экскурсіи. Травы, которыми онъ собралъ, — онъ варилъ потомъ. Когда надъ степнымъ городомъ проносился ливень, М., совершенно голый, съ простыней на плечахъ, выходилъ изъ своего закутка и становился подъ водосточную трубу, изъ которой била вода. Это была его собственная манера брать душъ. Если въ магазинъ заходилъ покупатель, то изъ закутка раздавался басъ:

— Чого треба?

Покупатель отвѣчалъ.

— Шукайте, лышель, на полиціі! (т. е. поищите на полкѣ), — совѣтовалъ М. — Кредитъ онъ предлагалъ всѣмъ, даже совершенно незнакомымъ. Торговля, вѣроятно, не приносила никакихъ доходовъ, но и потребностей у М. не было никакихъ. На эту эксцентричную фигуру напѣлился Д., какъ на „вождя украинскаго кружка“, конечно, „революціоннаго“. У М — ча сдѣлали обыскъ — ничего не нашли. Даже Д. убѣдился, что нельзя арестовать человека только за эксцентричность манеръ, за то, что онъ двадцать лѣтъ тому назадъ ходилъ по деревнямъ и записывалъ сказки. Тогда Д. намѣтилъ другое лицо, очень популярнаго въ Е. врача М — ча, тоже „украинца“. Въ своей „исторіи“ N сообщилъ, что послалъ М — чу по почтѣ гектографированный экземпляръ „Манифеста“, и, кромѣ того, прибавилъ еще, что врачъ „несомнѣнный соціалистъ“. М — ча арестовали. Кромѣ оговора N, существовало еще одно обвиненіе. У М — ча былъ гимназическій товарищъ Топ — евскій, который въ началѣ семидесятихъ годовъ бросилъ университетъ и ушелъ „въ народъ“.

Топ — евскій черезъ годъ совершенно разочаровался, извѣрился, изнервничался, но былъ уже „нелегальный“. Началась ужасная драма. Къ нравственнымъ страданіямъ прибавилась отчаянная нищета. Топ — евскій голодалъ по нѣскольку дней. Въ минуту отчаянія онъ вспомнилъ о своемъ гимназическомъ товарищѣ и попросилъ прислать ему 15 руб. М — чъ сдѣлалъ это. Черезъ три или четыре мѣсяца Топ — евскій не выдержалъ и за-

страшился. Во время обыска у М—ча нашли почтовую квитанцию и по ней выяснилось, что врач „помогалъ революціонеру, жившему на нелегальномъ положеніи“. Я очень хорошо зналъ М—ча; вѣсть съ нимъ мы потомъ жили въ Москвѣ, странствовали вѣсть же до Иркутска. Мы обсуждали „дѣло о е—скихъ кружкахъ“, и я доподлинно знаю, что *никакихъ другихъ* обвиненій, кромѣ названныхъ, къ М—чу предъявлено не было. Тѣмъ не менѣе его два съ половиною года держали въ предварительномъ заключеніи. Центральная фигура для „процесса“ была найдена. Нужно было набрать „соумышленниковъ“. И Д. находилъ ихъ. Въ числѣ подобныхъ очутился и авторъ этихъ строкъ. Какъ ни усердствовалъ Д. (онъ заранѣе намѣчалъ при допросахъ, на сколько лѣтъ каторги пойдетъ каждый), но „процесса“ создать было не изъ чего. Слѣдствіе о брошюрѣ, которое носить громкое названіе „Дѣло о е—скихъ революціонныхъ кружкахъ“, кончилось административнымъ порядкомъ. Въ Восточную Сибирь пошли: семь человѣкъ срокомъ на 5 лѣтъ каждый, четыре человѣка — на трехлѣтній срокъ. Два человѣка отправились въ З. Сибирь, срокомъ на три года. Итого—*пятьдесятъ три* года ссылки въ Сибирь безъ суда за брошюру, которую теперь можно купить за двугривенный. До этого осужденные просидѣли въ одиночномъ предварительномъ заключеніи срокомъ отъ 6 мѣсяцевъ до 2½ лѣтъ. Нужно думать, что жардармскій штабсъ-ротмистръ Д. не сообщилъ ничего о томъ, какъ ему помогали „хронографы“. Они тоже, къ великому своему разочарованію, пошли въ Сибирь срокомъ на три года. Х—ій, впрочемъ, пробылъ въ ссылке не долго: его возвратили раньше срока; но на родинѣ отъ него отвернулись рѣшительно всѣ. Х—ій вторично „бѣжалъ“ въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ умеръ отъ разрыва сердца.

Теперь, послѣ привычки смотрѣть на элементарныя права человѣка и на правосудіе съ англійской точки зрѣнія, все это „дѣло“ мнѣ кажется дикимъ до нелѣпости. Меня поражаетъ также тотъ паническій страхъ, который нагналъ тогда на провинціальный городъ жандармъ. Массовые и безпричинные аресты возмущали всѣхъ, но протестовали только потихоньку. Люди, занимавшіе хорошее общественное положеніе въ нашемъ уѣздѣ, т. е. крупные землевладѣльцы, которые даже на лѣстницѣ служебной іерархіи стояли гораздо выше какого-то штабсъ-ротмистра,—теперь трепетали предъ нимъ. Д. получилъ Станислава за усердіе. Я доскажу теперь исторію г-на Д. Она такъ же нелѣпа, какъ все „дѣло“. Черезъ годъ онъ арестовалъ единственного сына очень богатой землевладѣльцы нашего е—скаго уѣзда—С—аго. Она совершенно потеряла голову. Д.—а предложилъ выпустить молодого человѣка за взятку въ сто тысячъ рублей. Безъ вѣдома сына, конечно, мать вступила въ упорный торгъ и обила взятку до пяти тысячъ руб. Черезъ три мѣсяца городъ

окой голова П—тинъ засталъ у своей жены Д—чу en flagrant délit. Жандармскій офицеръ бѣжалъ черезъ окно, безъ мундира и панталонъ. Мужъ тутъ же выгналъ жену. Черезъ часъ, конечно, о событіи зналъ весь городъ, а черезъ день—весь уѣздъ. Жена жандармскаго офицера пришла въ ярость. Она знала о взятіи и, чтобы отомстить мужу, донесла на него. Г-на Д. не отдали подъ судъ; но перевели только въ другой городъ; а затѣмъ все было забыто... Г-нъ Д., кажется, и теперь занимается „постъ“ (во всякомъ случаѣ, занималъ три года тому назадъ) въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ. Какіе-то процессы онъ создаетъ теперь? Всю эту исторію я сообщаю на основаніи документальныхъ данныхъ. Вотъ свидѣтели, если не ошибусь, еще живы.

V.

Касаясь вліянія изгнанія, Герценъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

„Тюрьма и ссылка въ молодыхъ лѣтахъ, во времена душнаго и сѣраго гоненія, чрезвычайно благотворны; это закалъ — одинъ слабая организація смиряется тюрьмой, тѣ, у которыхъ борьба была мимолетнымъ юношескимъ порывомъ, а не талантомъ, внутренней необходимостью. Сознаніе открытаго преслѣдованія поддерживаетъ желаніе противодѣйствовать, удвоенная опасность приучаетъ къ выдержкѣ, образуетъ поведеніе. Все это занимаетъ, разсѣиваетъ, раздражаетъ, сердитъ, и на колодника, или сосланнаго чаще находятъ минуты бѣшенства, чѣмъ утомительные часы равномернаго, обезсиливашаго отчаянія людей потерянныхъ на волѣ въ пошлой и тяжелой средѣ“ *). Съ Герценомъ согласятся нѣкоторые изъ тѣхъ, которые знаютъ, что такое быть путешественникомъ и этнографомъ поневолѣ. Иногда ссылка, въ особенности на далекія окраины, являлась школой, правда, очень суровой. Лично я вспоминаю пять лѣтъ, проведенныхъ въ Якутской области, безъ ненависти. Но можно ли забыть всѣхъ тѣхъ, которыхъ наломала и исковеркала ссылка, вымосила жизненные соки, а иногда—даже ясность ума? Вслѣдствіе отсутствія у насъ *Habeas Corpus Act*, арестованный можетъ сидѣть въ предварительномъ одиночномъ заключеніи два и даже три года. Увы! Я лично знаю много случаевъ, когда послѣ такого заключенія отправляли въ административную ссылку не людей, а развалины, умъ которыхъ погасъ въ тюрьмѣ. Въ одной партіи со мною было нѣсколько душевно-больныхъ. Изъ людей необыкновенно сердечныхъ, съ широкимъ кругозоромъ, съ яснымъ, свѣтлымъ умомъ они превратились въ мрачныхъ, злобныхъ, тупыхъ маніаковъ,

*) „Былое и думы“, часть IV, глава XXX. „Не наши“:

помѣшанныхъ на идеѣ, которая могла, повидимому, зародиться только въ мозгу какого-нибудь дикаго обскуранта. Вотъ, напр., П. А. М—нъ, который въ семидесятыхъ годахъ былъ преподавателемъ исторіи въ Рижельевской гимназіи. Во времена Панинщины его отправили въ Енисейскую губернію, откуда онъ возвратился въ 1882 или 1883 году. Черезъ годъ его опять арестовали. За что именно, у насъ въ партіи никто не зналъ. Говорили, что „гороховое пальто“ донесло, что видѣло, какъ М—нъ на Соборной площади бесѣдовалъ съ „незаконнымъ“, арестованнымъ въ послѣдствіи, но отрицавшимъ какъ бесѣду, такъ и знакомство. Во всякомъ случаѣ, М—нъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи два съ половиною года. Въ это время онъ сталъ проявлять признаки душевной болѣзни. Психіатры признали его помѣшаннымъ, но М—нъ все-таки отправился въ Восточную Сибирь на четыре года и шелъ со мной до самого Иркутска. М—нъ считалъ себя потомкомъ греческихъ императоровъ, которые оставили наследство въ пятнадцать милліоновъ. Чтобы овладѣть этими капиталами, составила „шайка изъ татаръ и евреевъ“, которая, систематически, въ продолженіе ряда вѣковъ, истребляла всѣхъ мужскихъ представителей рода М—овъ. Истребленіе производилось, главнымъ образомъ, „убійствомъ на разстояніи“, „при помощи магнетизма“. Инымъ представителямъ „давали нюхать нашатырный спиртъ, который запаскуднилъ всю ихъ мозговую оболочку“, другихъ—„кастрировали“ какимъ-то особымъ „венгерскимъ способомъ“, на разстояніи, „при помощи магнетизма“. У меня хранится копія любопытнаго документа, адресованнаго „начальнику иркутскаго жандармскаго округа“ и составленнаго М—омъ въ ночь съ 18 на 19 сентября 1887 г. въ камерѣ иркутской тюрьмы. Въ документѣ налагается исторія рода М—въ. „Дѣдъ мой и сынъ его,—пишетъ М—нъ,—были умерщвлены одинъ на 47 году, а другой—21 году своей жизни; отецъ мой, на что у меня есть достаточно осязательныя причины предполагать, умеръ гораздо ранѣе того срока, каковой сулили ему болѣе чѣмъ крѣпкій организмъ и здоровье; изъ нашего рода, который былъ заселитель Крыма и побережья Чернаго моря и числился цѣлыми сотнями и тысячами семей, осталось весьма немного, благодаря цѣлому ряду убійствъ и другихъ не менѣе неблагоприятныхъ средствъ: дядя мой умеръ бездѣтенъ, Мавро, Мавровіазо, Маврокордато, Вучило, Ираклиди, Калафати, Полетаки *) и мн. другіе умирали, не оставляя наслѣдниковъ въ то

*) Одна изъ типичныхъ чертъ болѣзни М—на это—„выискиваніе родственниковъ“. Услышавъ чью-нибудь фамилію въ первый разъ, онъ сразу, если въ ней былъ знакомый звукъ, спрашивалъ: „вы родственникъ такому-то?“ Если спрошенный отвѣчалъ: „нѣтъ, въ глаза не видалъ“, М—нъ авторитетно заявлялъ: „нѣтъ, вы родственникъ, я вамъ говорю это“. И на основаніи созвучія относился съ довѣріемъ или подозрительно къ новому челе-

время, какъ раньше семьи ихъ цѣли и множились; другія семьи вымирали отъ всякаго рода болѣзней, не свойственныхъ ихъ организмамъ и здоровью, которое прежде входило у всѣхъ въ половицу. Относительно моей семьи господа эти предприняли цѣлый рядъ организованныхъ попытокъ, главнымъ образомъ потому, что мы въ исторіи этого несчастнаго состоянія старшая линія. Еще въ Крыму, гдѣ цыгане и татары, руководимые евреями, создали моей сестрѣ болѣзнь, которая теперь вылилась въ припадкѣ падучей болѣзни (что подобный фактъ—не бредъ разстроеннаго воображенія говоритъ исторія многихъ нашихъ нервныхъ болѣзней, кликушества и т. д.); другую сестру на третьемъ году ея жизни смертельно испугали, что дало остановку роста умственныхъ силъ и полную затупѣлость; третью сестру тѣми же приемами довели почти до аневризма. Что касается до меня и моего брата, приемы ихъ нѣсколько были иные, главнымъ образомъ, потому, что мы мужская линія и даже въ нездоровомъ состояніи опасны для обокравшихъ мой родъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ покушеній на нашу жизнь, что выражалось въ обращеніи насъ съ высотъ съ причиненіемъ всякаго рода увѣчій, подведеніемъ насъ подъ всякія изнурительныя болѣзни, что у меня проявилось въ лихорадочности 3—4-хъ лѣтъ, а у брата дало въ молодости худосочіе и гнойный нарывъ на легкомъ (искусственность созиданія котораго могли бы даже въ настоящее время констатировать тѣ врачи, которые въ моемъ присутствіи лѣчили его). Настоящее время—время вскрытія незаконности обладанія этими господами нашего состоянія, и они, какъ мнѣ почти извѣстно, прибѣгли къ рѣшительнымъ мѣрамъ искорененія нашего рода. Брата моего за послѣдніе годы довели они, путемъ окачиванія сѣрою, до состоянія мѣднокраснаго, что я лично видѣлъ въ 86 году, во время нашего съ нимъ свиданія,—а это дѣйствуетъ крайне разрушительно на организмъ и источникъ всякихъ смертельныхъ болѣзней; меня же рѣшили они уничтожить упрощеннымъ способомъ злодѣйства“. М—нъ просилъ у жандармскаго полковника защиты на время жизни въ Сибири. „Подобная просьба,—продолжаетъ М—нъ,—потому уже у мѣста, что Сибирь въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ была ареною избіенія моего рода, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ шести линій моихъ близкихъ родственни-

---

вѣку. Путемъ „выискиванія родственниковъ“, М—нъ, носитель греческой фамиліи, пришелъ къ заключенію, что онъ прямой потомокъ Степана Разина и С. Жюста.

— Слушайте, берегитесь вашего родственника Шидловскаго,—сказалъ мнѣ М—нъ.—Онъ вамъ введетъ подъ мозгъ мыло“.—Я зналъ уже М—на, поэтому не сказалъ ему, что у меня нѣтъ никакого родственника Шидловскаго, и вообще не думаю, что кто-нибудь такъ коварно покушался на меня.

ковъ, золотопромышленниковъ Бенардаки, не осталось никого, и затѣмъ увѣренность, что враги моего рода и семьи не оставятъ меня ни въ иркутской тюрьмѣ, ни въ ссылкѣ въ покой“.

Я не могу забыть одну ночь, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ. Мы ночевали въ этапѣ за Нижне-Удскимъ. Въ сосѣдней камерѣ слышенъ былъ звонъ цѣпей уголовныхъ. Нервы развинтились совершенно, и дикіе кошмары давили меня. Часа въ два ночи меня разбудилъ М—нъ, лежавшій рядомъ со мной на нарахъ. При свѣтѣ полной луны я видѣлъ большую черную бороду его и сверкающіе, глубоко сидящіе черные глаза.

— Какъ брата, я прошу васъ, не спите, — началъ онъ съ дрожью въ голосѣ. — Я знаю, что сегодня ночью они замышляютъ что-то. Не спите, умоляю васъ. Хотите, будемъ разговаривать о чемъ-нибудь. Я расскажу вамъ кое-что.

Подъ подушкой у М—на лежалъ большой ножъ и молотокъ фунтовъ въ 10. Это онъ возилъ всегда съ собою на случай, если нападутъ *они*. М—нъ дѣйствительно „рассказалъ мнѣ кое-что“: до утра я слышалъ дикій бредъ про таинственную тайну, преслѣдующую потомковъ греческихъ императоровъ М—въ. На болезненные, развинченные нервы; на человѣка, который самъ досидѣлся до галлюцинацій, какинъ былъ слушатель М—на, — рассказъ дѣйствовалъ удручающе. Я чувствовалъ „комокъ“, подкатывающійся къ горлу и долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы не закричать, не начать биться головой о нары...

М—на свидѣтельствовали врачи въ Иркутскѣ и признали его совершенно помѣшаннымъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ выжилъ свои четыре года въ Балаганскѣ и только послѣ окончанія срока возвратился въ Одессу. Онъ не выздоровѣлъ и кончилъ полнымъ идиотизмомъ. Предо мною встаетъ другая жертва ссылки: молодой, двадцатилѣтній студентъ харьковскаго университета П—ій, жизнерадостный, блестящій, талантливый, попавшій въ дальній, глухой Багайнтайскій улусъ, Якутскаго округа, Якутской области. Въ „приложеніи къ всеподданнѣйшему отчету и. д. Якутскаго губернатора“ за 1885 г. *) говорится: „Государственные преступники, какъ проживающіе въ г. Якутскѣ, такъ и въ прочихъ городахъ и селеніяхъ области, никакихъ опредѣленныхъ занятій не имѣютъ, и потому нѣкоторые изъ нихъ пользуются отъ казны денежнымъ пособіемъ въ размѣрѣ 9 руб. въ мѣсяцъ. Заменутая жизнь ссыльныхъ этой категоріи, хотя и находитъ еодѣйствіе въ взаимопомощи, но дозволенный имъ закономъ кругъ дѣятельности слишкомъ ограниченъ, чтобы находить себѣ опростъ, и въ большинствѣ они претерпѣваютъ крайнюю нищету“.

„Крайнюю нищету“, которую справедливо отмѣчаетъ губер-

*) „Обзоръ Якутской области за 1885 г.“ Якутскъ, 1887 г., стр. 56.

наторъ, въ мое время, т. е. въ періодѣ 1887—1891 г.г., ссылки даже Колымскаго округа не то что переносили легко, а просто не замѣчали, если рядомъ были товарищи. Весь ужасъ ссылки въ Якутскую область чувствовался въ одиночествѣ, въ глухомъ „наслегѣ“, гдѣ, кромѣ пяти-шести инородцевъ, не говорящихъ по-русски,—никого нѣтъ. Если прибавить къ этому отсутствіе надежды выбраться когда-нибудь (ея нѣтъ у сосланныхъ по суду), то можно понять отчаяніе, охватывающее душу. Въ наиболѣе дикомъ и суровомъ округѣ Якутской области, въ Колымскомъ,—товарищи значили все. Существовала нравственная атмосфера, которая не давала слабovolнымъ опуститься совершенно. Такой атмосферы не было въ дальнемъ Багайнтаѣ, куда попалъ П—ій. Онъ былъ одинъ, совершенно одинъ на много дней пути кругомъ, безъ надежды выбраться. Въ XXXII пѣснѣ своей „комедіи“ великій флорентинецъ описываетъ „antenora“, тотъ кругъ ада, гдѣ грѣшники вмерзли, какъ „пузырьки“ въ громадной льдинѣ. Въ третьей пѣснѣ описывается „girona“, гдѣ грѣшниковъ преслѣдуютъ москиты и осы. Багайнтайскій улусъ, это — *antenora* зимой и *girona*—лѣтомъ. П—ій съ отчаянія, чтобы имѣть возлѣ себя живое существо, — женился на якуткѣ. Черезъ пять лѣтъ бывший товарищъ П-аго по университету, возвращаясь изъ Колымскаго округа въ Россію, предпринялъ изъ Якутска поѣздку въ Багайнтайскій улусъ. „Я увидалъ якута,—разсказываетъ этотъ путешественникъ,—но только съ бородой. — То былъ П ій. Въ юртѣ насъ встрѣтила якутка, не понимающая ни слова по русски,—жена П-аго. Трое якутятъ испуганно, какъ мышки, метнулись за камелекъ. Меня поразило, что мой, когда-то блестящій, талантливый, товарищъ не только разучился говорить по русски, но отвыкъ совершенно отъ всего, интересующаго насъ. Я заговаривалъ о нашемъ прошломъ, о будущемъ, — П-ій былъ совершенно равнодушенъ. Я прожилъ въ юртѣ около недѣли. Потомъ уже П-ій нѣсколько „оттаялъ“. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ мнѣ: „знаешь, мнѣ, братъ, крышка тутъ. Самое ужасное не то, что я разучился по-русски и потерялъ всякій интересъ къ книгѣ; не то, что женился на якуткѣ и наплодилъ якутятъ, а то, что даже *во снѣ* не вижу прошлаго. Сперва мнѣ снились лекціи, ссодки, жаркіе споры: теперь я вижу во снѣ, что нужно обмазать юрту, вычистить „хотонъ“ (хлѣвъ) или прорубить новый „ойбонъ“ (прорубь) на озерѣ“.

Приведу еще два негатива и ограничусь. Прежде всего одинъ изъ моихъ товарищей по жизни въ Средне-Колымскѣ Я—ій.

VI.

Пѣвцомъ нашего житія бытъ въ Средне-Колымскѣ явился Танъ. Къ его правдивымъ и талантливымъ очеркамъ жизни въ „Пропадинскѣ“ я отсылаю читателей. Не имѣя ихъ подъ рукой, я приведу выдержку изъ моихъ собственныхъ замѣтокъ. „Мы прїѣхали лѣтомъ 1888 г. и очутились въ такомъ же положеніи, какъ Робинзонъ послѣ крушенія. Не было у насъ ни квартиры, ни запасовъ на зиму, ни дровъ, все это надо было „доспѣвать“, выражаясь по мѣстному, во-первыхъ, самому, потому что лѣтомъ все населеніе было на промыслахъ, и, во-вторыхъ, въ самое короткое время, потому что была уже середина іюля, такъ что черезъ мѣсяцъ могли хватить морозы... Прежде всего мы принялись за сѣнокосъ для будущихъ коней, которые должны будутъ намъ доставлять дрова изъ лѣса. Выбрали мы для сѣнокоса громадный *салгытеръ* (поемный лугъ), на наиболѣе возвышенномъ мѣстѣ его соорудили шалашъ, возлѣ котораго было огнище. Въ пять часовъ утра всѣ, кромѣ одного, уходили на работу. Наши костюмы были смѣсью европейскихъ съ азіатскими. Косить приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между кочками, по колѣна въ ржавой, холодной водѣ. Наши косари были на славу: атлеты, деревенскіе жители, которые на каникулахъ, для отдыха отъ университетскихъ лекцій, принимались за косу и ходили съ ней съ заправскими косцами „въ первой рукѣ“. За то „громадильщики“ были типичные представители города: слабосильные, нервные, никогда не державшіе грабель въ рукахъ. На колымскихъ лугахъ приходится каждую охапку скошенной травы надѣвать на колъ, воткнутый въ кочку, иначе сѣно сгніетъ. Работающему приходится все время стоять почти по поясъ въ водѣ. И, не смотря на тяжелыя условія, работа шла весело, съ пѣснями и шутками. Къ двѣнадцати часамъ дня всѣ начинаютъ поглядывать на „штабъ-квартиру“, т. е. на шалашъ, который отстоялъ отъ мѣста работы на версту. Вотъ, наконецъ, показался дымокъ и глухо перекатился по лугу звукъ выстрѣла, возбуждая необыкновенную суматоху среди чаекъ, вившихся надъ озеромъ. За выстрѣломъ послѣдовалъ „флагъ“, т. е. громадный цвѣтной шарфъ, привязанный къ шесту. Это кашеваръ зоветъ обѣдать. Меню обѣда очень несложно: вареная рыба безъ хлѣба и кирпичный чай безъ сахара. Такъ какъ своихъ неводовъ у насъ еще тогда не было, то рыба, большею частью, была духовитая. Еще хуже бывало, когда и такой рыбы не удавалось достать, когда приходилось довольствоваться олениной. Что это была за оленина! Когда ее вытаскивали изъ лодки, всѣ отворачивали носы. Она вся ослизла и покрыта плѣсенью пальца на полтора. Прежде,

чѣмъ оунуть ее въ котель, кашеваръ полоскалъ ее въ озерѣ около получаса. Вода на далекомъ пространствѣ покрывалась тогда отвратительною мутью. Но работа заставляла ѣсть и такое мясо. Послѣ обѣда — отдыхъ въ часъ, а тамъ опять на работу до поздняго вечера, пока надъ озеромъ заволакуется туманъ молочнымъ покрываломъ и смолкнуть крикливыя гагары. Тогда выстрѣлъ опять сывалъ всѣхъ къ ужину, т. е. къ той же рыбѣ или оленинѣ и къ тому же кирпичному чаю... А потомъ сонъ, глубокий, охватывающій мгновенно, такъ что падаешь на оленью шкуру, какъ подстрѣленный За сѣнокосомъ — кладка печей. Былъ въ Средне-Колымскѣ когда-то сосланъ скопецъ, который смастерилъ около двухъ тысячъ кирпичей-сырца (глина здѣсь плохая, смѣшана съ иломъ, такъ что кирпичи не выдерживаютъ обжиганья). Потомъ скопца перевели въ Олекминскъ, а кирпичи лежали безъ употребленія. Мы ихъ скупили и затѣяли сложить изъ нихъ печи, вмѣсто деревянныхъ камельковъ, которыми отопляются обыватели. Тотъ товарищъ, которому предложили быть печникомъ, никогда не видалъ даже, какъ ихъ кладутъ. До всего нужно было доходить своимъ умомъ. Руководствомъ служили чертежи въ физикѣ Гано. „Печникъ“ (до того онъ извѣстенъ былъ подъ кличкой „Литература“) остался въ городѣ, а остальные уѣхали въ лѣсъ запастись дровами на зиму. Съ одной печкой „Литература“ провозился двѣ недѣли. Ему нужно было самому и воду таскать, мѣсить глину, таскать на плечахъ кирпичи и т. д. Если можно такъ выразиться, это была „теоретическая“ печь, правда, нѣсколько кривобокая, брехатая; но печь, которую не только можно было топить, но которая еще давала много тепла. Печникъ сталъ потомъ специалистомъ, сформировалъ на будущій годъ артель, лѣпившую кирпичи, изъ которыхъ ставилъ всѣмъ товарищемъ каминны, русскія печи, голландки и пр. Всѣ онѣ были на одинъ ладъ: неуклюжія, нѣсколько кривобокія („Литература“ никакъ не могъ выработать себѣ рабочей глазомѣры), но грѣли хорошо. Гдѣ тотъ бардъ, который воспоетъ „кирпичную“ артель! Нужно себѣ представить громадную яму, въ которой мѣсятъ глину босыми ногами, засучивъ штаны до коленъ и обливъ тѣло грязью, чтобы не такъ кусали комары, четыре артельщика, какъ ихъ называли. Такъ какъ среди нихъ два метафизика, то они ведутъ горячій споръ о томъ, какимъ образомъ переходятъ въ „міръ“ первообразы „воли“, „существующіе подобно кантовскимъ Dingen для себя и въ себѣ“. Вдругъ „Литература“, цитировавшій на память для доказательства своего мнѣнія „Трансцендентальную логику“ въ подлинникѣ, въ буквальномъ смыслѣ опускается съ грязь изъ эмпиреевъ и говоритъ:

— А что, господа, глина готова?

Забыта метафизика, и начинается формировка кирпичей, прерываемая иногда горькой жалобой одного изъ диспутантовъ:

— Господа, у меня форма кирпичемъ подавилась! То есть, кирпичъ не выходитъ *).

Самымъ тяжелымъ временемъ была долгая, полярная, безсолнечная зима. Тяжела она была не тѣмъ, что приносила съ собой хроническое голоданіе (это какъ-то не замѣчалось совершенно), а тѣмъ, что въ суровую двухмѣсячную полярную ночь особенно чувствовалась полная оторванность отъ всего міра. Единственная связь, почта—приходила разъ въ четыре мѣсяца. Въ безконечную полярную ночь, когда на улицахъ сотни ѣздовыхъ собакъ поднимали вой (колымскія собаки не умѣютъ лаять: онѣ, вѣроятно, потомки прирученныхъ волковъ), многіе изъ товарищей начинали чудить, а другіе—заговариваться. Если бы не тѣсная дружба, связывавшая тогда товарищей, многіе не выдержали бы первой зимы, 1888—89 г., когда было особенно плохо. Потому народъ привыкъ нѣсколько. Чтобы припасовъ хватало на всю зиму, общимъ совѣтомъ установленъ былъ „бюджетъ“, а хранителемъ его выбрали добрыйшаго въ мірѣ человека, но безпощаднаго, когда дѣло касалось общественнаго добра. Отъ него мы ежедневно слышали слово „бюджетъ“ въ видѣ своего рода *temento*. Публика помоложе (т. е. которой не минуло еще 22 года) то и дѣло бродила по „столовой“ въ поискахъ сѣстнаго. Такъ и вижу предо мною эту избу, или „Павловскій домъ“, съ намерзшими стѣнами, съ льдинами, вмѣсто оконъ, отопляемую брюхатымъ, кривобокимъ камелькомъ (одно изъ первыхъ произведеній „Литературы“) Единственная мебель—рахитичный, самодѣльный столъ, устроенный такъ странно, что ни съ того ни съ сего вдругъ падалъ грудью, т. е. столешницей, на полъ. Секретъ былъ тотъ, что столешница поддерживалась ножками въ видѣ буквы Х, связанными ремешками такъ, что они все сползали. Столъ покрытъ обѣдками, обглоданными костями, невытой сковородкой, съ застывшими слоями оленьяго и кобыльяго жира пальца въ полтора. На полу—грязь по колѣни. Тамъ лежать крѣпко примерзшіе къ полу кухонные остатки: хвосты и головы нельмъ и омулей, кости, клочья оленьей шерсти и пр. Тутъ же „староста“, въ громадной мѣховой шапкѣ и въ сѣрой однорядкѣ, перешитой изъ арестантскаго халата, тщательно срѣзываетъ съ оленьей туши весь жиръ на свѣчи.

— Амяксинъ (т. е. старуха, такъ окрестили товарища),—да вы бы оставили немного жира: мясо совсѣмъ сухое.

— А солнце зимой закатится, вы чѣмъ два мѣсяца освѣщаться будете: пальцемъ, что ли?—отзывается Амяксинъ.

Къ концу зимы молодая публика таскала свѣчи, отлитыя Амяксиномъ, чтобы... ѣсть ихъ. Каждую недѣлю Амяксинъ соби-

---

*) *Дионео*. „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“, Спб., 1895 г., стр. 181—183.

ралъ оходку для обсужденія бюджета, т. е., точнѣе, для вотированія сокращенія ежедневныхъ порцій оленины и рыбы. Одни терпѣть не могли этихъ собраній, потому что они отрывали отъ занятій (зимомъ пять—шесть человѣкъ усиленно „двигали науку“, какъ иронизировали тѣ, которые съ книжками были въ контрахъ). Другіе—потому, что на нихъ всегда шла рѣчь о сокращеніи ѣды.

— Прекрасно, Амяксинъ!—Все сокращать да сокращать!—выпалилъ разъ товарищъ съ раздраженнымъ аппетитомъ.—Но есть вѣдь minimum ѣды, дальше котораго идти некуда. Мы уже давно стоимъ на minimum'ѣ.

— Нѣтъ, можно и дальше идти,—не омушаясь, отвѣтилъ Амяксинъ:—еще есть хроническое состояніе вроголодь. Это нужно вотировать теперь.—„Бюджетъ“ окрылилъ даже одного изъ товарищей и онъ воспѣлъ его въ виршахъ, да еще въ малорусскихъ:

„Ой, бюджету, нашъ бюджету,
Лыхо намъ зъ тобою:
Ты запутавъ насъ вирвантомъ *)
Зъ чубомъ, съ головою.

Всякій ланецъ крыве пыку,
Якъ про насъ зачуетъ...
Гуде чутка, що зъ артели
Білий світъ кепкуе.

Цілий тыждень, мовъ ті злыдні,
Въ „Павловскомъ“ блукаемъ,
Дзбъ надыбать що поісты
Пільно всі шукаемъ“...

И т. д. куплетовъ двадцать. Вотъ эта-то пора и ассоціируется у меня съ воспоминаніемъ о Я—скомъ. Почти трехлѣтнее одиночное заключеніе, куда онъ попалъ по восемнадцатому году, превратило его въ полнаго маніака. Онъ цѣлыми недѣлями могъ сидѣть въ своей вонючей, до невѣроятности грязной, дымной и холодной юртѣ и все время писать. Онъ былъ маніакъ-графоманъ. Чего только и о чемъ только не писалъ онъ? Русскую исторію по старымъ календарямъ, по особому, собственному плану и методу, затѣмъ—фантастическія поэмы, сказки, повѣсти, фельетоны, навѣянные нашей текущей колымской жизнью. Онъ задумалъ юмористическій журналъ *Колыма* и наполнялъ его весь отъ заголовка до объявленій. Составивъ книжку, Я—ій собиралъ насъ въ „Павловскій домъ“ и читалъ намъ свой журналъ тоже отъ заголовка до объявленій. Нужно представить себѣ оборванную, грязную фигуру, съ всклокоченными жидкими русыми волосами, съ безумными тусклыми сѣрыми глазами, кото-

*) Цѣпью.

рая, захлебываясь, читаетъ *Колыму*. Я—скій принимался хохотать безумнымъ, деревяннымъ смѣхомъ, когда читалъ свои остроты. И этотъ смѣхъ билъ слушателей по надерганнымъ, слабымъ нервамъ (къ концу зимы нервы у многихъ сильно разстраивались, и были даже истеричные). Мы слушали Я—скаго отчасти изъ жалости, отчасти потому, что иначе онъ все равно обошелъ бы всѣхъ и на дому читалъ бы намъ свою *Колыму*. Я—скій, какъ и М—нъ, кончилъ полнымъ идиотизмомъ.

VII.

Послѣдній негативъ. То было въ мартѣ 1888 г. въ казармахъ въ Якутскѣ, гдѣ мы ожидали, покуда насъ пошлютъ въ Средне-Колымскъ. Къ намъ собрались мѣстные товарищи, для которыхъ мы, вышедшіе всего только годъ тому назадъ изъ Москвы, являлись свѣжими людьми. Было весело. Пѣли, шутили. Въ часъ ночи вдругъ отворилась дверь. Вбѣжалъ какой-то человѣкъ въ шубѣ, накинутой поверхъ бѣлья. То былъ одинъ изъ осмысленныхъ Г—нъ; но я его не узналъ: до такой степени лицо его было блѣдно и искажено ужасомъ. Онъ стремительно вскочилъ на нары, забился въ уголъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ вами?—спросили его.

— Спрячьте меня!—запыхталъ онъ:—я убилъ человѣка!

Всѣ вскочили съ мѣстъ и минуты двѣ стояли, какъ окаменѣлые. Всѣ поблѣднѣли, какъ Г—нъ, но только въ глазахъ не свѣтился такой ужасъ.

— Кого вы убили?—спросилъ, наконецъ, кто-то.

— К—ца!

Ужасъ увеличился. Съ одной изъ барынь сдѣлался нервный припадокъ. На ея квартирѣ жилъ К—цъ и тамъ же спалъ маленький сынъ барыни, Глѣбушка.

К—цъ былъ товарищъ, возвращавшійся изъ Средне-Колымска, гдѣ онъ жилъ совершенно одинъ, въ Россію. Я его видѣлъ дня за два до смерти. Онъ поразили меня своею мрачностью и равнодушіемъ ко всему. Одиночество въ Средне-Колымскѣ породило въ немъ тяжелое отвращеніе къ жизни (было ему лѣтъ 27—28, не больше). Общество тяготило его. Онъ могъ лежать молча цѣлый день, забывъ про ѣду. Только по нахмуреннымъ бровямъ видно было, что въ головѣ шевелится какая-то тяжелая, безотрадная, какъ полярная ночь, дума. Когда всѣ ушли къ намъ въ казармы, К—цъ остался дома. Съ нимъ оставили Г—на, чтобы тотъ присмотрѣлъ за товарищемъ.

— Вадоръ!—крикнулъ, наконецъ, одинъ изъ якутскихъ товарищей, который сидѣлъ у насъ.—Не можетъ быть! Г—нъ страдаетъ галлюцинаціями. Ему показалось!

— Нѣтъ! Я самъ видѣлъ!—сказалъ Г—нъ.—Убить. Свѣча потухла. Я зажегъ ее... Рана на лицѣ.

Впослѣдствіи мы узнали всѣ подробности драмы.

— Хочешь посмотришь мой револьверъ?—спросилъ внезапно К—цъ Г—на. У К—ца былъ хорошій, большой револьверъ, системы Смита и Вессена. Г—нъ досталъ револьверъ, повертѣлъ барабанъ и убѣдился, что онъ не заряженъ.

— Ну, цѣлся!—сказалъ К—цъ. Г—нъ нацѣлился въ стѣнку и сталъ щелкать куркомъ. Сдѣлалъ онъ это разъ двадцать.

— Дай-ка револьверъ сюда! Посмотрю, хорошо ли смазанъ!—сказалъ К—цъ.

Онъ взялъ револьверъ и перегнулъ, какъ это дѣлается въ оружіи этой системы, когда нужно осмотрѣть барабанъ или зарядить. Г—нъ въ это время подошелъ на минуту къ камельку, чтобы подбавить дровъ.

— Возьми,—спокойно сказалъ К—цъ, подавая револьверъ,—ну, цѣлся опять. Да что ты въ стѣнку все! Цѣлся въ меня. Прямо въ глазъ, вотъ такъ. Жаръ!

Г—нъ щелкнулъ куркомъ. Грянулъ выстрѣлъ. Свѣча потухла. Дрожа отъ ужаса, Г—нъ зажегъ ее. К—цъ лежалъ мертвый. На лицѣ, подъ глазомъ виднѣлось кровавое пятно. Смерть была моментальная. На губахъ лежала улыбка. К—цъ въ то время, какъ Г—нъ подошелъ къ камельку, успѣлъ вложить въ барабанъ патронъ (единственный, имѣвшійся у него). Отвращеніе къ жизни было такъ велико, что даже возвращеніе въ Россію не дѣйствовало. Невольный убійца въ ту же ночь явился въ полицію. На другой же день его освободили. Еще черезъ два дня мимо казармъ на дровняхъ провезли выкрашенный охрой гробъ съ тѣломъ К—ца...

Я хотѣлъ еще сказать про страшныя драмы и трагедіи, выросшія на почвѣ ссылки. Особенно былъ богатъ потрясающими трагедіями 1889 г., но статья моя страшно разрослась и замѣтки приняли уже слишкомъ пестрый видъ. Вотъ почему постараюсь подвести общіе итоги.

Я выбралъ административную ссылку темой статьи, потому что она являлась наиболѣе яркимъ доказательствомъ отсутствія элементарныхъ гарантій личности у насъ. На почвѣ существованія административной ссылки выросъ въ Россіи такой произволъ, предъ которымъ въ оцѣнѣннѣи останавливаются западно-европейскіе наблюдатели. Состояніе, счастье, спокойствіе, средства къ существованію сотенъ тысячъ мирныхъ людей находились въ зависимости отъ произвола единичныхъ личностей, представлявшихъ себѣ законъ не иначе, какъ собственной фантазіей, наложенной въ занумерованной бумагѣ. Я говорилъ только о ссылкѣ въ Сибирь. Въ Европейской Россіи изъ одного города въ

другой высылали даже не за брошюру, разрѣшенную теперь цензурой. Не церемонились ни съ адвокатами, ни съ врачами, ни съ литераторами, ни съ людьми, облеченными довѣріемъ общества. Прослѣдите по газетамъ за тѣмъ, что творилось недавно въ Одессѣ! Если не церемонились съ людьми, имѣющими видное общественное положеніе, то можно себя представить, какъ поступали съ рабочими или мѣщанами (о крестьянахъ уже не говорю).

Я позволю себя привести нѣсколько положеній, ставшихъ азбучной истиной въ западной Европѣ, но составляющихъ покуда еще *pia desideria* у насъ. Возьму эти азбучныя истины, какъ онѣ формулированы у Кондорсе.

„Такъ какъ цѣлью всякаго политическаго соединенія людей является желаніе охранить права естественныя, гражданскія и политическія, то эти права должны явиться основой общественнаго договора. *Декларация этихъ правъ должна предшествовать конституціи*, которая гарантируетъ имъ неприкосновенность. Права человека естественныя, гражданскія и политическія суть: свобода, безопасность, равенство предъ закономъ, собственность, общественная гарантія и сопротивленіе произволу.

Равенство состоитъ въ томъ, что каждый пользуется совершенно одинаковыми правами.

Свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ правамъ другихъ людей. Такимъ образомъ, естественное право каждого ограничено только тѣмъ же правомъ, гарантированнымъ остальнымъ членамъ общества.

Каждый человекъ воленъ выражать свои мысли и мнѣнія. Свобода печати (равно какъ и другія средства разглашать свои мысли) не можетъ быть запрещена, пріостановлена на время или ограничена. Каждый гражданинъ воленъ слѣдовать вѣрѣ, какую самъ изберетъ.

Безопасность состоитъ въ томъ, что общество гарантируетъ каждому неприкосновенность его личности, имущества и правъ. Никто не можетъ быть арестованъ, посаженъ въ тюрьму и наказанъ иначе, какъ по суду равныхъ (т. е. присяжныхъ), на основаніи точныхъ законовъ, изданныхъ *до преступленія*. Всякое иное дѣйствіе администраціи противъ гражданина составляетъ произволъ и незаконно. Люди, издающіе произвольныя распоряженія или исполняющіе ихъ,—подлежатъ суду и наказанію. Такому же суду подлежатъ публицисты, *соотвѣтствующіе* администраціи прибѣгать къ произволу. Граждане во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не только не обязаны повиноваться произволу, но имѣютъ законное право сопротивляться“ *).

*) Цитирую по *Louis Blanc*, „Histoire de la Révolution Française“, Livre IX, chap. V.

За это дѣтъ слишкомъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ впервые сформулированы эти положенія,—въ нихъ внесены поправки. Одной изъ самыхъ главныхъ является то, что общество должно гарантировать каждому сочлену право на трудъ и на продукты его. Орудія производства, для этого, должны быть достояніемъ всего общества, а не отдѣльныхъ лицъ. Что же касается взглядовъ Кондорса, то они не только приняты теперь во всѣхъ правовыхъ странахъ, какъ радикалами, такъ и консерваторами, но стали тамъ даже азбучной истиной. Вслѣдствіе привычки къ азбукѣ гражданственности, англичанинъ консерваторъ плохо вѣрить даже, когда слышитъ про жандармскіе обыски, про продолжительное сидѣніе и про ссылки „по распоряженію“ *).

— Зачѣмъ толковать про святость семейнаго очага,—говоритъ консерваторъ англичанинъ,—если ночью ко мнѣ въ домъ могутъ ворваться жандармы, заподозрившіе мои *мысли*, войти въ спальню моей жены, перервать всѣ бумаги и прочитать всѣ интимныя письма? Мои изліянія женѣ, когда она была еще моею невѣстой; зачѣмъ сообщеніе ея о томъ, что она ждетъ ребенка, все самое интимное и дорогое будетъ просматриваться посторонними людьми. Зачѣмъ воспитывать семью, если каждое мгновеніе можетъ „подуть вѣтеръ отъ пустыни“, какъ въ книгѣ Іова, и умчать моего сына или дочь на край свѣта, за полярный кругъ. Судьба моей семьи зависитъ всецѣло отъ профессиональнаго сикофанта, который, чтобы выдвинуться, не остановится передъ многочисленными жертвами. Зачѣмъ копить собственность, если я не могу строить плановъ на будущее, если тотъ же произволъ въ любой моментъ можетъ отобрать у меня безъ суда то, что я собиралъ годами. Я—человѣкъ, поэтому мое неотъемлемое право не только думать, но и выражать мои мысли вслухъ, все равно касаются ли онѣ вопросовъ литературы, политики, государственнаго хозяйства или вѣры. Если я считаю мысль вѣрной, то *мой долгъ*, а не то, что право, убѣждать другихъ въ томъ, что я признаю истиной. Если мнѣ *докажутъ*, что я ошибаюсь, — я соглашусь; но силой, а въ особенности насиліемъ, меня никто не заставитъ признать

*) Въ одесскихъ газетахъ печаталось «Постановленіе временнаго генерал-губернатора» за № 382 (августа 18-го дня 1905 г.). Въ немъ читаемъ, между прочимъ: 1) «Оштрафовать Бенціона Беккера въ 3,000 руб. 2) На недвижимое имущество, принадлежащее Бенціону Беккеру, заключающееся въ дачѣ № 15, и доходы съ него, наложить секвестръ на все время военнаго положенія. 3) Бенціона Беккера, жену его Лею, *12 лѣтнюю дочь Любу* (курсивъ мой) выслать изъ г. Одессы и ея градоначальства и уѣзда на все время военнаго положенія въ Могилевскую губернію».

Англичанинъ, читающій въ хартіи 1215 года: «Никто не можетъ быть лишень имущества или изгнанъ иначе, какъ на основаніи точныхъ законовъ страны, по приговору, вынесенному двѣнадцатью равными, т. е. присяжными»,—долженъ считать «распоряженіе за № 382»—невѣроятнымъ.

бѣлымъ, что мнѣ кажется чернымъ. Общество возможно только тогда, когда въ немъ крѣпокъ принципъ законности. Но то, что такое законность, опредѣляетъ не отдѣльное лицо или группа ихъ, а все общество. Граждане обязаны подчиняться только такимъ законамъ, которые сами выработали и приняли для себя.

Такъ разсуждаетъ консерваторъ англичанинъ. Онъ прибавитъ еще, что ученіе нужно начинать всегда съ азбуки. Это вѣрно, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Никакое возрожденіе страны невозможно безъ признанія, прежде всего, *азбуки гражданственности*, т. е. основныхъ человѣческихъ правъ. Когда она добыта, все остальное быстро и естественно „прилѣпится“ само.

Діонео.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Какъ солнце, мнѣ твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело—я пытку забываю...
Но тверже и острѣй я лезвѣя не знаю,
Чѣмъ блескъ очей твоихъ передъ лицомъ врага.

То—оскорбленная души твоей святыня
Глядитъ, безмолвная, какъ гордая звѣзда...
Я втайнѣ умиленъ, тебѣ молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь, какъ богиня!

II.

Снова въ путь-дорогу, старый вѣрный другъ!—
Золотыя грезы, видно, лгали намъ,
Что за нашей дверью смолкли стоны вьюгъ,
Отдохнуть пора измученнымъ костямъ.

Налетѣла буря, сжала страхомъ грудь...
Грозный мракъ кругомъ... Но ты сильна душой,
Смѣло ты стоять умѣешь подъ грозой:
Счастливъ, кто съ тобой свершаетъ жизни путь!
1905, январь.

П. Я.

СИЛЬВЕСТРО БОНДУРИ.

Романъ. *Эрколе Ривальта.*

Переводъ съ итальянскаго М. Т.

V.

Однажды Сильвестро поздно вечеромъ возвращался домой. Когда онъ вошелъ во дворъ, его поразили сильный шумъ. Стукъ падающихъ стульевъ прерывалъ отчаянные крики Филициты, вой отца и голоса Джузеппе и Клары.

Сильвестро быстро отворилъ дверь. Какъ разъ въ этотъ моментъ мать схватила мужа за шиворотъ.

На полу валялись разбитыя тарелки и опрокинутые стулья, а среди нихъ Фелицита преслѣдовала своего мужа, который былъ пьянъ, и ревѣлъ, какъ ребенокъ, при каждомъ новомъ ударѣ. Спасаясь отъ жены, онъ хваталъ стулья и тарелки, вертелъ ими въ воздухѣ и бросалъ на полъ. Джузеппе и Клара пытались остановить мать; но бѣшенство увеличивало ея силы: она вырывалась изъ рукъ сына и, багровая отъ гнѣва, опять кидалась къ мужу.

— Ради Бога, Сильвестро, не входи,—крикнула Клара, увидавъ брата.

Сильвестро бросился къ матери, но сильный ударъ въ грудь лишилъ его дыханія.

— Ты тоже,—истерженно кричала она, когда Джузеппе удалось, наконецъ, крѣпко обнять ее. Она повисла у него на рукахъ и старалась ногой ударить мужа, который визжалъ, хватаясь руками за уши и бедра, особенно пострадавшія въ борьбѣ. На минуту воцарилось молчаніе. Всѣ были истощены.

Пьяный старикъ обернулся къ женѣ и крикнулъ:

— Успокойся же, наконецъ!

— Успокойся!—и Фелицита оставила въ рукахъ Джузеппе клочки своего рукава.

Сторожъ пристѣлъ и съежился въ ожиданіи новаго удара.

Но ударъ попалъ въ Сильвестро, который бросился между ними. Это былъ жестокий ударъ въ лицо, какъ будто разби- ный ему черепъ.

Карло Бондури упалъ, всхлипывая:

— Бѣдный Сильвестро!

— Ничего, ничего,—успокоилъ Сильвестро сестру, подбѣ- жавшую къ нему.

— Скорѣе! Воды! Компрессъ... Онъ умереть еще... несча- стный... А, негодяй... теперь твоя очередь... я уже давно со- биралась поговорить съ тобою. Ты думаешь, что я ничего не вижу... Коли ужъ на то пошло, мы поговоримъ. Куда ты дѣлаешь свой заработокъ? Уплатилъ ты мнѣ за столъ и за квартиру?

Сильвестро давно уже ждалъ этой сцены, но онъ не предвидѣлъ той обстановки, въ которой она произойдетъ. Фелицита долго сдерживалась, и теперь изливала свое него- дованіе.

— Сегодня 14-ое, а жалованье ты получилъ 1-го. Гдѣ деньги? Куда ты ихъ дѣлаешь? Я знаю, куда... ты отдалъ ихъ своей содержанкѣ. Для нея есть, а уплатить за столъ не- чѣмъ! Воръ!.. ты самъ крадешь, а еще контролеръ.

Сильвестро поблѣднѣлъ. Онъ дѣйствительно не заплатилъ матери, такъ какъ Берта слишкомъ дорого оцѣнила свое про- щеніе. Онъ не могъ даже помогать больше дѣтямъ Маури- кія Веролы. Теперь его оскорбляли, и онъ не могъ даже за- щитаться. Ему было стыдно и больно отъ сознанія своего без- силія.

Джузеппе отошелъ въ сторону: слова матери въ немъ возбудили отвращеніе. Карло бессмысленно смотрѣлъ на жену и ничего не понималъ.

Фелицита почувствовала, что дѣти смотрять на нее съ отвращеніемъ, и, замолчавъ, приблизилась къ мужу.

— Встань! иди спать!—Она потащила его за пиджакъ.

— Оставь его!—строго сказалъ Джузеппе; его голосъ дро- жалъ отъ негодованія.

Фелицита повернулась къ нему:

— Ты какъ смѣешь такъ кричать! — воскликнула она и вышла изъ кухни.

Клара прервала тяжелое молчаніе.

— Тебѣ не больно?—спросила она у Сильвестро.

— Нѣтъ. Но расскажи же, что тутъ произошло?

— Папа пришелъ домой пьяный.

— Я не пьянъ,—пробормоталъ старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—успокоила его Клара; она не хотѣла поды- мать разговоръ и глазами просила Джузеппе увести отца на верхъ.

Джузеппе началъ уговаривать отца.

— Пойди, коли хочешь, самъ туда. Я съ этой колдуньей не лягу... Руки прочь! Оставь меня. Мнѣ и здѣсь хорошо: я буду здѣсь спать.

— Иди спать!—настаивалъ Джузеппе; ему всегда приходилось улаживать семейные раздоры.

— Она ѣстъ меня глазами, эта колдунья.

— Встань же!

— Оставь меня... или я прокляну тебя... не шути съ отцомъ. Здѣсь хорошо, и я здѣсь останусь.

Джузеппе приподнялъ его и толкнулъ къ двери.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и направился къ выходу; онъ рѣшилъ лечь въ мертвецкой.

— Тамъ очень хорошо.

Онъ не хотѣлъ больше видѣть эту колдунью и предпочиталъ общество мертвыхъ.

— Я останусь здѣсь!.. Твоя мать... понимаешь ли... твоя мать... больше я ничего не скажу... но если я потеряю когда-нибудь терпѣніе... Это — колдунья!.. ядъ... ты видѣлъ... изъ ея глазъ сочится ядъ... твоя мать... довольна!.. не надоѣдай мнѣ... Мертвые добры... съ ними хорошо... Уходи, или я прокляну тебя.

Сильвестро и Клара остались одни.

— Это ужасно!

— Но какъ это началось?

— Папа нашелъ мѣсто, гдѣ мать хранить деньги, онъ взялъ ихъ себѣ и напился... представь себѣ, какъ мама разсердилась!..

— Онъ ударилъ ее въ самое сердце,—съ горечью сказалъ Сильвестро.

— И какой еще ударъ!..

— Это видно было.

— Она никогда еще не устраивала такихъ скандаловъ.

— Спасибо и на томъ!

— Она насъ убьетъ когда-нибудь.

— Ее придется посадить въ клѣтку.

— Ты видишь, лучше было уйти отсюда.

— Твоя правда.

— Джузеппе, однако, удивительно терпѣливый человѣкъ: ты слышишь?—онъ все еще возится съ отцомъ.

Сильвестро прикоснулся рукой къ лицу. Онъ чувствовалъ сильную боль.

— Тебѣ еще больно; позволь, я вымою тебѣ лицо водой. Сильвестро было неловко передъ Кларою. Фелицита раскрыла сегодня тайну, которую самъ онъ никогда не рассказывалъ бы сестрѣ. Это была первая тайна, которую онъ скрылъ отъ нея.

— Завтра я пойду искать квартиру,—сказала Клара:—согласенъ?

Сильвестро потупился. Денегъ у него почти не было, а онъ долженъ былъ уплатить матери: за квартиру нужно было платить впередъ.

— А деньги?—спросилъ Сильвестро.

Клара посмотрѣла на него съ волненіемъ.

— Слушай! Есть средство!

— Достать?! Это немыслимо.

— Нѣтъ. Но я возьму квартиру на свое имя.

— Ты?

— Я.

— У тебя есть чѣмъ уплатить?

— Есть.

Она улыбнулась, замѣтивъ удивленное лицо брата.

— Я знала, что рано или поздно придется это сдѣлать, и сберегла восемьдесятъ лиръ...

Сильвестро прервалъ ее:

— Спасибо. Не хочу.

— Почему? Я нанимаю квартиру и сдаю тебѣ въаймы комнату... ты мнѣ за нее будешь платить, вотъ и все.

— Нѣтъ,—повторилъ Сильвестро,—нѣтъ!

— Да, почему?—плачущимъ голосомъ спросила Клара.— Я предлагаю отъ всего сердца.

— Спасибо. Но я не могу согласиться.

— Вѣдь ты возьмешь у кого-нибудь?

Сильвестро терпѣть не могъ брать въаймы. Онъ видѣлъ въ этомъ конецъ своей независимости. Онъ вздохнулъ.

— Это упрямство!.. Въ этомъ же нѣтъ ничего дурного.

— Но у меня нечѣмъ уплатить матери.

— Я беру все на себя. А въ концѣ мѣсяца...

Сильвестро улыбнулся.

— Ты не умѣешь считать... Здѣсь нужно дать 50 лиръ, на квартиру 30 лиръ, а ѣсть тоже нужно?

Клара не подумала объ этомъ. Сильвестро рѣшился.

— Я попрошу въаймы у Готти.

— Нѣтъ, нѣтъ,—неожиданно заволновалась Клара,—ты не долженъ брать у Готти: стыдно.

Сильвестро былъ тронутъ, что сестра такъ заботится о его чести.

— Это необходимо, Клара.

— Нѣтъ! Сказать, что у матери есть деньги, и она ихъ прячетъ! это поворъ!

Сильвестро опять прикоснулся рукой къ пылавшему лицу.

Въ эту минуту Фелицита вошла въ кухню. Она подошла

къ столу, взяла лампу и, не сказавъ ни слова, ушла, оставивъ дѣтей въ темнотѣ. Сильвестро вспыхнулъ, Клара засмѣялась.

— Мы объ этомъ завтра поговоримъ еще,—сказала она.

— Спасибо, спасибо, — прошепталъ Сильвестро, цѣлуя сестру.

Черезъ широко раскрытое окно спальни входила въ комнату прохладная тихая ночь. Поднявшись наверхъ, Сильвестро, не раздѣваясь, бросился на постель. Душа его была пресыщена ненавистью къ матери и къ Бертѣ. Куртизанка теперь, вѣроятно, отдыхала или ждала новыхъ друзей. Онъ къ ней не питалъ больше довѣрія, хотя ушелъ отъ нея всего два часа тому назадъ. Они сегодня вмѣстѣ ужинали. Бертѣ хотѣлось непременно приготовить самой для него ужинъ, и по случаю праздника Сильвестро долженъ былъ привести свой желудокъ въ жертву любовной идилліи. Ужинъ былъ очень скверный, хотя и стоилъ Сильвестро четырехъ дней заработка. Берта хотѣла этимъ путемъ разогрѣть его чувства, а онъ долженъ былъ теперь молча переносить оскорбленія матери. По винѣ Берты онъ не могъ больше посылать хлѣба дѣтямъ Веролы, не могъ дарить Кларѣ цвѣтовъ, не имѣлъ честной возлюбленной, какъ Августа... Онъ начиналъ ее ненавидѣть. Сегодня онъ замѣтилъ, что она стара и безобразна; въ первый разъ онъ увидѣлъ ея морщины, приторную пудру. Какъ онъ былъ глупъ! Какъ ловка эта женщина! Онъ былъ ослѣпленъ ею.

Онъ все еще чувствовалъ на лицѣ ударъ матери. Въ первый моментъ онъ думалъ, что она разбила ему черепъ. Онъ всталъ съ постели, обвязалъ себѣ голову и щеку мокрымъ полотенцемъ и усѣлся у окна.

Была безлунная ночь, и звѣзды ярко блестѣли. Внизу простиралось кладбище съ его рядами кипарисовъ, мраморныхъ памятниковъ и камней. Гдѣ-то трещалъ сверчокъ. Въ мертвецкой мерцалъ слабый огонекъ; онъ какъ будто сторожилъ трупы. Подъ сводами портиковъ тѣни сгущались; нѣсколько бѣлоснѣжныхъ памятниковъ прорѣзывали тьму: бѣлыя фигуры простирали свои руки съ проклятіемъ или съ мольбою надъ тѣснѣвшимися къ нимъ крестами и грудой камней. Съ кладбища несло запахомъ срѣзанныхъ цвѣтовъ, печально умиравшихъ на могилахъ. Это былъ запахъ сладострастной жизни на землѣ, глухо пожиравшей трупы людей. Порывы вѣтра приводили въ движеніе металлическіе листья вѣнковъ, и въ такой моментъ съ поля мертвыхъ доносился глухой шумъ и шуршанье, какъ будто шевелились кости и ударялись другъ о друга.

Сильвестро не замѣчалъ ничего. Онъ слишкомъ привыкъ

къ кладбищу и теперь наслаждался лишь свѣжестью ночи.

Уплатить матери? но для этого нужно достать денегъ. Готти и Гаронтъ, Гаронтъ и Готти—другого выбора не было. Но Гаронтъ былъ ниже его, а Готти сталъ бы выше, если бы Сильвестро обратился къ нему за помощью. Нѣтъ выхода! Его утѣшала лишь доброта Клары; изъ любви къ нему она хотѣла пожертвовать всѣми своими сбереженіями: преданность сестры увеличила его бодрость.

Сильвестро перебиралъ въ памяти всѣхъ своихъ сослуживцевъ: директоръ, служащіе въ конторѣ, надзиратели, рабочіе, Томболи, Верола, Маркини, женщины, молодя и старя, отвратительныя и привлекательныя,—весь этотъ маленькій міръ либо ненавидѣлъ его, либо не интересовался имъ. Не смотря на то, что онъ ежедневно сталкивался съ этими людьми, онъ не могъ понять ихъ; онъ понималъ лишь тайныя страданія Гаронта и двусмысленныя остроты мужчинъ, постоянно находившихся въ обществѣ женщинъ, которыя ихъ возбуждали и привлекали.

Освободившись отъ Фелициты, Сильвестро попалъ подъ вліяніе Берты. Раньше онъ былъ игрушкой въ сильныхъ рукахъ матери, теперь имъ распоряжались пухлыя развратныя руки продавщицы. Свою потребность въ любви, въ дружбѣ и въ общеніи онъ подавилъ въ интересахъ службы, и теперь ему не у кого было искать помощи, онъ долженъ былъ переносить оскорбленія и былъ такъ же бѣденъ, какъ и раньше. Сильвестро почувствовалъ себя невинно угнетеннымъ...

Ему показалось, что кто-то возится у воротъ, но онъ не обратилъ на это вниманія.

У него не было друзей; теперь онъ только замѣтилъ это, такъ какъ нуждался въ другѣ. Онъ хвастался своей дружбою къ Готти, но на самомъ дѣлѣ ихъ дружба сводилась къ воспоминаніямъ объ ударахъ, которые онъ получалъ въ школѣ. Услуга, оказанная ему Готти, скорѣе охладила ихъ дружбу, и всѣ ихъ отношенія ограничивались привѣтствіями и рукопожатіемъ. Мать назвала его воромъ; всѣ сказали бы, что она права. Да и самъ онъ признавалъ это.

Но все же онъ былъ невиненъ. Его преслѣдовали изъ зависти. Ему всѣ завидовали. Они не получили образованія, какъ онъ. Это—вульгарные люди. У него требуютъ денегъ въ то время, какъ онъ содержитъ такую интересную женщину. Тамъ, повыше, его поняли бы. Но если бы тамъ узнали, что, изъ за удовольствія быть благороднымъ любовникомъ, онъ не можетъ уплатить за столъ и квартиру! Меловѣкъ изъ хорошей семьи даже не думаетъ объ этомъ. Вотъ,

Джузеппе дѣйствительно счастливъ. У него есть друзья, и они любятъ его за силу и добродушіе; ему не приходится дѣлать долги: своимъ физическимъ трудомъ онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ Сильвестро интеллигентнымъ трудомъ, да къ тому же Августа не такъ жадна, какъ Берта... Но Сильвестро ни за что не согласился бы занять у брата денегъ. Онъ скорѣе принялъ бы предложеніе Клары. Онъ рѣшилъ не видѣть больше Берты. Никогда! Изъ-за нея онъ долженъ пользоваться сбереженіями сестры?!. И Сильвестро упрекалъ себя, что долженъ сравнивать эту порочную женщину съ чистымъ образомъ сестры... Можно попросить прибавки жалованья. Директоръ, навѣрное, уже оцѣнилъ его добросовѣстность. Онъ приноситъ заводу большую пользу и увеличилъ прибыль общества больше, чѣмъ на девяносто лиръ въ мѣсяцъ. Онъ поговорить объ этомъ съ Готти.

Понемногу онъ успокоился. Онъ опять намочилъ полотенце и положилъ на вздувшуюся щеку. Когда онъ поднимался, ему показалось, что въ тѣни кипарисовъ быстро промелькнула какая-то фигура.

Онъ посмотрѣлъ изъ окна, но никого не замѣтилъ. Ему, вѣроятно, почудилось. Кто рѣшится ночью пойти на кладбище?.. Ему не хотѣлось спать. Онъ сталъ мечтать о любви и, желая отогнать мысль о Бертѣ, которая настойчиво возвращалась къ нему, думалъ о Дѣвѣ, о Гардадриттѣ и другихъ работницахъ, въ которыхъ было столько привлекательнаго. Онъ вспомнилъ таинственную блѣдность Дѣвы, скрывающую подъ невинной внѣшностью болѣзненную чувственность; загадочное лицо Гардадритты, всегда строгое и спокойное, безъ движенія и безъ улыбки, какъ будто это лицо живетъ одною жизнью, а легко поддающееся любви тѣло—другою. Ему казалось, что онъ могъ бы своей страстью оживить безучастное лицо этого сфинкса, что ему удастся испытать всю чашу наслажденія въ объятіяхъ блѣдной голубоглазой Дѣвы. Какъ и полагалось представителю высшаго класса, онъ видѣлъ въ работницахъ только тѣло. Мечты о тѣлѣ утѣшали его, и онъ забывалъ мать и нанесенное ему оскорбленіе.

Но на кладбищѣ былъ какой-то человекъ. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Сильвестро слышалъ даже осторожные шаги. Онъ высунулъ было голову изъ окна, но быстро отступилъ назадъ. Неизвѣстный стоялъ и смотрѣлъ на окно Клары. Спрятавшись во мракъ комнаты, Сильвестро могъ наблюдать, оставаясь незамѣченнымъ. Онъ отбросилъ въ сторону полотенце и ждалъ, затаивъ дыханіе. Онъ не боялся мертвецовъ. Но человѣческая фигура внизу казалась

ему видѣніемъ. Все было на заборѣ, заборъ былъ высокъ, кто же могъ пробраться?

Однако загадочный призракъ двигался. Онъ дѣлалъ какіе-то знаки, какъ будто приглашая кого-то, но тотъ не хотѣлъ повиноваться. Сильвестро не могъ высунуть голову. Иначе его замѣтили бы. Но вотъ, тѣнь успокоилась. Сильвестро услышалъ легкій скрипъ. Этотъ звукъ ему былъ хорошо знакомъ. Это открывали калитку въ воротахъ кладбища. Тѣнь соскользнула съ своего мѣста и приблизилась къ Кларѣ. Да, тутъ была она! Она шла медленно и осторожно. Тѣнь хотѣла ее обнять. Она уклонилась. Сильвестро услышалъ шепотъ:

— Нѣтъ, не здѣсь,—и они молча удалились въ аллею и исчезли посреди нѣмныхъ могилъ въ тѣни кипарисовъ.

Сильвестро былъ такъ взволнованъ, что не былъ въ состояніи думать ни о чемъ. Онъ чувствовалъ только, что у него подергивается лицо.

„Нѣтъ, не здѣсь“ — слова Берты въ устахъ Клары. Эти слова служили прологомъ. Что будетъ дальше?

Теперь они обнимались. Гдѣ? Среди могилъ!.. Онъ чувствовалъ потребность кричать и не могъ двинуться. Это ужасно! Это святотатство—встрѣчаться съ любовникомъ здѣсь, среди могилъ! Ласки въ царствѣ ужаса, жизнь въ царствѣ смерти.

Сильвестро ловилъ всѣ звуки. Теперь онъ слышалъ шелестъ кипарисовъ, бряцанье металлическихъ вѣнковъ. Онъ чувствовалъ запахъ цвѣтовъ, умиравшихъ на бѣломъ мраморѣ. Онъ чувствовалъ все, чего раньше не замѣчалъ. Онъ былъ охваченъ ужасомъ кладбища. Онъ сознавалъ этотъ холодный ненарушенный миръ и боялся скелетовъ, блуждающихъ огоньковъ, воя вѣтра. Прорѣзывавшія тьму подъ портиками статуи казались живыми: онѣ молились и угрожали проклятіемъ. Онъ видѣлъ уже, какъ тѣни двигались вокругъ крестовъ. Кладбище жило, мертвецы воскресали... Привидѣнія склонялись къ памятникамъ...

— Не здѣсь!

Гдѣ же? На мраморной плитѣ, въ аллеѣ, или на землѣ, подъ которой еще не разложился недавно зарытый трупъ? И это Клара! Клара, произносившая тѣ же слова, что и Берта; Клара, столь же развращенная, какъ и Дѣва, столь же холодная въ любви, какъ Гардадритта! Она продавала себя среди могилъ, не чувствуя ни отвращенія, ни страха! И она могла такъ притворяться, что никто не подозрѣвалъ!.. Подъ ея усталой апатичной наружностью скрывался развратъ, подъ ея спокойствіемъ — коварное лицемѣріе. Какъ все это невѣроятно! Однако онъ не ошибся. Онъ ясно и точно слышалъ ея голосъ:

— Нѣтъ, не здѣсь.

А онъ! Кто онъ? Какъ онъ вошелъ? Какъ онъ рѣшился искать ночью любви на кладбищѣ?

Сильвестро хотѣлъ было спуститься внизъ. Но не могъ рѣшиться. Онъ боялся узнать все. Мать можетъ проснуться, узнать, въ чемъ дѣло. Она потомъ будетъ преслѣдовать Клару. Она опозоритъ сестру. Можетъ быть, есть еще надежда: вѣроятно, онъ ошибся. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что Клара здѣсь, такъ близко—отдается возлюбленному.

Вдругъ въ немъ вспыхнула властная потребность узнать все въ точности. Онъ осторожно спустился внизъ и подошелъ къ двери. Дверь была полуоткрыта.

— Значить, правда!

Съ кладбища доносились звуки металлическихъ вѣнковъ. Онъ остался неподвижно стоять у двери.

Это не первое ночное свиданіе. Если бы было такъ, Сильвестро вышелъ бы, нашелъ ихъ и помѣшалъ. Но это не первая встрѣча! Клара слишкомъ спокойно пошла къ нему, онъ ее слишкомъ увѣренно ждалъ. Теперь уже поздно! Клара давно погибла. Вѣдь не для разговоровъ же о любви они ночью встрѣчаются на кладбищѣ! Какая хитрость! Мертвецы не расскажутъ, а живые не догадаются: слишкомъ чудовищна такая любовь! Сильвестро вспомнилъ дни дѣтства. Онъ вспомнилъ, какъ онъ съ дрожью и съ робостью останавливался на порогѣ мертвецкой въ то время, какъ Джузеппе и Клара безопасно играли среди труповъ... Золотистые волосы Клары развѣвались, когда она со смѣхомъ кружилась вокругъ гробовъ. Она никогда не боялась мертвецкой. Теперь ея волосы также прикасаются къ могилѣ: она лежитъ въ объятіяхъ мужчины. Она перемѣнила лишь игру и продаетъ себя въ тѣни надгробныхъ памятниковъ.

Сильвестро ясно представлялъ себѣ это зрѣлище, и его сердце томилось отъ страха и отчаянія: рушилась его вѣра, жертвенникъ былъ разбитъ...

На кладбищѣ пахло мускусомъ, и Сильвестро напряженно вглядывался въ ночной мракъ, какъ будто ожидалъ появленія человѣка, который распространялъ этотъ странный, полный страсти запахъ. Онъ сталъ въ дверяхъ и наклонился впередъ. Какая тишина, какое молчаніе! Оно не нарушалось даже шелестомъ вѣнковъ и трещаніемъ свѣчки.

Его не тянуло дальше. Тамъ господствовала слѣпая равнодушная смерть; тамъ господствовалъ ужасъ, скрывавшій святотатственную любовь Клары.

Послышались шаги. Осторожные легкіе шаги. Онъ спрятался въ корридорѣ. Въ дверяхъ появился силуэтъ Клары.

Она проскользнула мимо него. Сильвестро не шелохнулся. Она безшумно поднялась по лѣстницѣ. Наверху тихо отворилась дверь и наступила полная тишина.

Состояніе неподвижности, которое Сильвестро раньше не могъ побороть, смѣнилось въ силу реакціи страстнымъ желаніемъ увидѣть мужчину. Сильвестро выбѣжалъ на улицу. Онъ увидѣлъ удалявшагося по дорогѣ въ городъ человѣка. Сильвестро послѣдовалъ за нимъ. Тотъ остановился. Его лицо озарилось свѣтомъ: онъ закуривалъ папиросу. Сильвестро поблѣднѣлъ. Спокойствіе и равнодушіе этого человѣка, обольстившаго Клару, приводили его въ изступленіе. Значить, тутъ была легкая побѣда, которая не волнуетъ, которую презираютъ. Онъ спрыгнулъ съ дороги на лугъ и бросился бѣжать. Онъ хотѣлъ опередить незнакомца и увидѣть его лицо. Онъ спрятался за деревомъ, стволъ котораго возвышался на самомъ краю дороги, и застылъ въ ожиданіи. Незнакомецъ поровнялся съ нимъ, и Сильвестро съ трудомъ удержалъ крикъ. Тотъ обернулся, но въ темнотѣ не замѣтилъ устремленныхъ на него ужасныхъ глазъ. Онъ спокойно продолжалъ свой путь. Сильвестро опять бросился впередъ, ему еще разъ удалось увидѣть лицо любовника своей сестры. Не было никакого сомнѣнія: то былъ Готти.

Онъ не остановилъ его. У него не хватило для этого смѣлости. Готти былъ такъ спокоенъ, такъ самоувѣренъ, что Сильвестро не могъ бы съ нимъ говорить. Но когда Готти исчезъ, Сильвестро поникъ головой и произнесъ вслухъ:

— Это слишкомъ.—И зарыдалъ.

Безсердечные! Они не знаютъ ни нѣжности, ни достоинства, ни жалости! Онъ боролся, онъ стремился вырваться изъ своей среды, гдѣ столько грязи и униженія. Это мать во всемъ виновата. Она приучила Клару лгать. Она никогда не прощала, и это сдѣлало дочь лицемѣрной. Идіотъ-отецъ никогда ни о чемъ не заботился, а мать могла всѣхъ ихъ погубить. Какой ужасъ! Сильвестро надѣялся уже, что наступило время жить съ достоинствомъ, и теперь такое позорное паденіе... И Готти!.. онъ, очевидно, рѣшилъ, что въ домѣ Бондури, какъ и на заводѣ, „можно все, но только осторожно“. Онъ видѣлъ, онъ смѣлъ видѣть въ Кларѣ только тѣло. Обитатели верхняго этажа берутъ для наслажденія женщинъ здѣсь, внизу. Сильвестро, Клара — все это люди низовъ. У нихъ нѣтъ чести. Они сотворены для того, чтобы доставлять удовольствіе высшимъ. Клара, это — рабыня безъ имени; она должна забавлять скужающаго барина.

Теперь онъ понялъ, кто была та подруга, про которую Клара не разъ говорила ему; онъ понялъ, почему Клара такъ рада была, когда Готти доставилъ ему мѣсто: это была

ея побѣда. Онъ здѣсь ни приче́мъ. Все, что онъ получилъ, все, чего онъ достигъ, это—цѣна за ея ласки. Это ужасно! Еще нѣсколько часовъ тому назадъ она предлагала ему свои сбереженія. Конечно, это деньги Готти, быть можетъ, то, что она выручила за продажу своего тѣла... Сильвестро надалъ въ пропасть. Его всѣ ненавидѣли, онъ лишилъ хлѣба дѣтей Веролы, онъ преслѣдовалъ людей—во имя чего? Нужно имѣть смѣлость назвать вещи своими именами: онъ исполнялъ роль шпиона. Онъ дѣлалъ это потому, что Клара продавала себя Готти. Это уже слишкомъ!

Но нѣтъ! Не зачѣмъ отчаиваться! нужно, по крайней мѣрѣ, спасти честь сестры. Нужно обдумать планъ дѣйствій. Не плакать нужно, а дѣйствовать... Онъ вернулся на кладбище. Да, Готти долженъ будетъ жениться на Кларѣ. Онъ заставитъ его сдѣлать это. Онъ невольно вспомнилъ, какъ Клара по утрамъ жалуется, что не выспалась, и улыбнулся.

— Если я выйду замужъ, я буду спать до десяти часовъ,—говорила она.

„Конечно, ей тогда не придется проводить ночей на кладбищѣ“.

Сильвестро плакалъ отъ горести. Онъ обдумалъ свой планъ дѣйствій: прежде всего откажется отъ мѣста контролера, заставить Готти жениться на Кларѣ, потомъ уѣдетъ искать счастья или умереть безъ позора и страданій на чужой сторонѣ. Сейчас же онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Отказаться отъ службы — не имѣетъ смысла: придется объяснить — почему, придется рассказать все родителямъ, опозорить Клару. Онъ долженъ спасти ее, но такъ, чтобы никто ничего не зналъ, и онъ долженъ все это сдѣлать самъ, безъ чьей бы то ни было помощи.

Онъ почти успокоился, обсуждая свой планъ, но въ его душѣ рождалась ненависть къ тѣмъ, кто унижилъ его гордость и вѣру, къ тѣмъ, кто обманулъ его увѣренность, что онъ самостоятельно выбился въ люди,—къ обитателямъ верхняго этажа. Это была безобидная ненависть слабого человека, робкая ненависть, которая не осмѣливается проявиться въ какомъ-либо дѣйствіи. Ему казалось, что онъ будетъ остороженъ, на самомъ же дѣлѣ боялся. О! онъ будетъ очень остороженъ, не поддастся безцѣльнымъ порывамъ гнѣва, онъ подавитъ свою горечь. Сильвестро проникался уваженіемъ къ себѣ: лишь сильные люди умѣютъ владѣть собою.

Наступило утро. Сильвестро всю ночь не смыкалъ глазъ. Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ большой синякъ подъ глазами. Ему стало стыдно. Съ такимъ лицомъ не возможно явиться на заводъ. Онъ услышалъ шаги Клары; она остановилась передъ его дверью.

— Сильвестро!—позвала она.

Онъ не откликнулся: она беспокоится за него, не страдаетъ ли онъ ночью послѣ вчерашняго удара, не боленъ ли онъ?

Она позвала его громче.

— Сильвестро!

— Что тебѣ?

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Недурно.

— Можно войти?

Сердце его стучало.

— Войди, если хочешь.

Клара изумилась, увидя его одѣтымъ въ постели.

— Ты не спалъ?—спросила она и хотѣла положить руку на его голову. Но онъ отодвинулся.

— Нѣтъ. Я не спалъ.

Клара посмотрѣла на него своими усталыми глазами.

— Я сидѣлъ у окна.

Она промолчала.

— Всю ночь.

Онъ испытующе посмотрѣлъ на нее. Но дѣвушка оставалась вполне спокойною.

— А ты?

— Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?

„Сколько спокойствія!“

— Безстыдница,—прошептала Сильвестро.

Она безнадежно махнула рукой. Глаза Сильвестро наполнились слезами. Она присѣла къ нему на кровать и обняла его. Онъ не уклонился отъ ласки.

— Я думалъ, что съ ума сойду,—жаловался онъ.

— Бѣдный Сильвестро!

— А ты! ты?!

— Онъ обѣщалъ жениться.

— Онъ обѣщалъ! Но когда онъ это сдѣлаетъ?

— Скоро,—сказала Клара.—Онъ знаетъ, что нужно торопиться, иначе на это обратятъ вниманіе.—Она покраснѣла въ первый разъ.

VI.

Готти былъ благородный человѣкъ. Клара правила ему, и онъ дѣйствительно собирался на ней жениться. Онъ откладывалъ день свадьбы лишь изъ боязни гнѣва родителей. Теперь нужно было торопиться, и Готти рѣшился.

Сильвестро ничѣмъ не обнаруживалъ своего неудовольствія и продолжалъ ходить на службу, не смотря на свое возвращеніе къ ней. Онъ мужественно вступилъ въ объясненіе

съ Готти, но затѣмъ его энергія ослабла: онъ получилъ согласіе Готти потому, что тотъ самъ собирался сдѣлать предложеніе.

Все же Сильвестро чувствовалъ удовлетвореніе. Фелицита, Карло и Джузеппе не знали исторіи этой любви и приписывали это неожиданное счастье вліянію Сильвестро на Готти. Женихъ каждый вечеръ приходилъ къ нимъ, цѣловалъ при всѣхъ Клара, но лишь одна Фелицита рѣшалась говорить ему „ты“. Клара оставалась равнодушной. Когда Сильвестро передалъ ей, что Готти согласенъ жениться, она не обнаружила большого довольства.

— Онъ мнѣ столько разъ обѣщалъ,—сказала она.

Даже въ день помолвки она не волновалась. Сильвестро недоумѣвалъ. Клара была такъ же спокойна и безпечна, какъ въ ту памятную ночь. По вечерамъ она провожала своего жениха. Когда она выходила съ нимъ, Сильвестро вспоминалъ, какъ спокойно Готти уходилъ послѣ того свиданія: тѣ же увѣренные, медленные шаги. Когда Клара возвращалась, она запирала дверь съ тѣмъ же спокойствіемъ, что и тогда. Она воодушевлялась, лишь когда думала о будущихъ удовольствіяхъ, о платьяхъ, о драгоценностяхъ. Глаза ея оживали, и Сильвестро дѣлалось непріятно. Неужели, въ этомъ ея единственная цѣль?

Фелицита такъ была поражена всѣмъ случившимся, что забыла даже про долгъ Сильвестро. Но онъ помнилъ ея оскорбительныя слова и молчалъ, потому что не имѣлъ денегъ. Онъ не зналъ, какъ выйти изъ критическаго положенія, и чувствовалъ себя достойнымъ презрѣнія.

На заводѣ онъ также не находилъ больше удовлетворенія первыхъ дней. Онъ часто смотрѣлъ на свою обшитую позументомъ фуражку и на вышитое серебромъ слово, которое раньше дѣлало его счастливымъ. Рѣшительно, его служба не представляетъ ничего хорошаго.

— Сколько ящиковъ?

— Куда отправляютъ?

— Ваше имя?

Сколько отвѣтственности, какой источникъ ненависти въ этихъ простыхъ вопросахъ!

Его окружало полное равнодушіе. Никто не интересовался имъ. Рабочіе видѣли въ немъ препятствіе, которое надо преодолѣть. Его обманывали, противъ него устраивали заговоры. Но у него уже не было силъ бороться ни съ чѣмъ, да и не стоило труда. Ради чего? ради тѣхъ, кто не замѣчалъ даже его преданности, кто не отдавалъ должной дани его воспитанію и поручилъ ему такіа двусмысленныя обязанности? ради тѣхъ, кто не сумѣлъ отличить его сестры отъ завод-

скихъ работницъ, и смотрѣлъ на нее, лишь какъ на источникъ чувственнаго наслажденія? Правда, Готти женится на Кларѣ; но тутъ не любовь. Онъ не уважаетъ ея. Онъ позволяетъ ее унижать. Никто изъ его родственниковъ не явился навѣстить семью Бондури, никто не считалъ нужнымъ даже познакомиться съ Кларой. Они подчинились выбору Готти, какъ подчиняются неизбежному несчастью; они считали этотъ бракъ позоромъ, — что больше всего возмущало Сильвестро.

Гаронтъ утѣшалъ его. Сильвестро все ему рассказалъ и каждый день жаловался ему на новыя обиды. Иногда Маркини также присутствовалъ при разговорѣ. Онъ опять работалъ на заводѣ и сталъ почти другомъ контролера. Ихъ сближала та сцена, что была вечеромъ на улицѣ. Сильвестро сначала колебался стать другомъ человѣка, который хвастался тѣмъ, что онъ — чернорабочій. Теперь онъ инстинктивно искалъ опоры и находилъ ее въ грубой честности и независимомъ характерѣ Маркини.

Однажды Сильвестро съ горечью говорилъ съ нимъ о предстоящей свадьбѣ.

— Она тщеславна, какъ и вы, — прервалъ его Маркини. — Да, какъ вы, — повторилъ онъ, видя, что Сильвестро нахмурился. — Я вамъ желаю добра и могу быть откровеннымъ. Почему вы не стали рабочимъ?

— Я получилъ образованіе, — отвѣтилъ Сильвестро.

— Очень небольшое. До того небольшое, что вы не могли даже, какую работу предложили вамъ.

— Это — служба честнаго человѣка, и этого достаточно.

— Да, честнаго человѣка, но гнусная служба. Вы думали, что хозяева васъ будутъ считать своимъ человекомъ? Но почему они не посадили въ эту будку кого-нибудь изъ своихъ? Они взяли бѣдняка, чтобы сторожить бѣдняковъ, и вы оказались для этого подходящимъ человекомъ. Вы согласились служить орудіемъ въ ихъ рукахъ... Да! и ваша сестра похожа на васъ. Она не полюбила рабочаго, она не имѣла достаточно мужества, чтобы обречь себя на трудовую жизнь, она хотѣла наслаждаться... и вотъ...

Они завтракали въ это время: Сильвестро — на столѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой, а Маркини — на скамеечкѣ и ѣлъ хлѣбъ съ саломъ.

— Тѣмъ болѣе удивительно, что вы не злы, — заключилъ Маркини. Сильвестро не зналъ, что отвѣтить.

Рабочій сказалъ то, что онъ самъ думалъ. Онъ думалъ такъ съ того времени, какъ почувствовалъ, что патроны относятся къ его семьѣ съ презрѣніемъ.

— Вы сердитесь? — спросилъ Маркини, не понявъ его молчанія. — Я говорю откровенно. Мы встрѣтились, когда

искали заработка. Позже я помогъ вамъ сдѣлать хорошее дѣло. Я думаю, что этого достаточно, чтобы стать друзьями.

— Конечно,—отвѣтилъ Сильвестро.— Но вы слишкомъ односторонне смотрите на вещи: съ вашей точки зрѣнія...

Сильвестро еще чувствовалъ себя связаннымъ съ высшимъ классомъ общества.

— Съ какой точки зрѣнія?

— Съ точки зрѣнія рабочихъ.

— Неправда. Я живу одинъ, я ни съ кѣмъ не связанъ... Я наблюдаю и молчу. Я жду, чтобы...—онъ прервалъ свою рѣчь.

— Говорите же.

— Безполезно. Вы меня не поймете.

— Вы считаете меня дуракомъ,—оскорбился контролеръ. Маркини засмѣялся.

— Нѣтъ, вы молоды и не страдали.

Тотъ же упрекъ дѣлалъ ему Гаронть.

— Не страдалъ? Я въ послѣднее время достаточно пережилъ, чтобы стать зрѣлымъ человѣкомъ.

— Да, вы становитесь опытнымъ. Я это вижу.

— То есть?

— Вы учитесь думать.

— А вы? Вы уже научились?

— Давно уже. Есть одно ремесло, страшное для тѣхъ, кто хотѣлъ бы, чтобы бѣдняки жили въ невѣжествѣ. Я знаю его съ дѣтства.

— Какое ремесло?

— Типографское. Я былъ наборщикомъ. Руки перебираютъ шрифтъ, а слова врѣзаются въ память. Потому руки раабиваютъ слова, но мысли остаются.

— Почему же вы теперь чернорабочій?

— По неволѣ.

— Какъ такъ?

— Я убилъ человѣка,—сказалъ Маркини.

Сильвестро съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Люди наказали меня очень легко. Я рѣшилъ самъ наказать себя.—Онъ засмѣялся и потомъ серьезно спросилъ.

— Васъ это удивляетъ? Я—честный человѣкъ.

— Но почему же...

— Я былъ влюбленъ... я ревнивъ и потерялъ голову.. я не могу себя простить этого.

— Здѣсь этого никто не знаетъ?

— Никто... это было далеко отсюда. Если бы я остался наборщикомъ, мнѣ пришлось бы сталкиваться съ людьми, которые знаютъ мое прошлое. Кто нибудь спросилъ бы меня: „Маркини, помнишь?..“ Нѣтъ, я предпочитаю жить такъ. Я

прихожу, ухожу, когда хочу. Никто не интересуется мною. Зла я никому не дѣлаю и живу въ неизвѣстности.

Маркини продолжалъ завтракать. Сильвестро удивлялся, что возлѣ него сидитъ убійца, и онъ не испытываетъ никакого ужаса.

Маркини спросилъ:

— Вы рассказываете, что связались со мною?

— Нѣтъ, что вы! мы останемся друзьями.

— Я въ этомъ увѣренъ. Теперь мы должны остаться друзьями.

— Почему теперь? А раньше?

— Раньше я бы вамъ ничего не рассказалъ. Вашъ торжественный титулъ мнѣ не нравился. Раньше вы старались быть пріятнымъ директору. Теперь вы—съ нами. Это мѣсто вамъ больше подходитъ.

Сильвестро отвѣтилъ фразой:

— Я всегда зналъ лишь одно мѣсто: мѣсто долга.

— О, конечно!

— Вы, кажется, думаете, что я измѣнился?

Обычное недовѣріе возвратилось къ Сильвестро. Онъ посмотрѣлъ на Маркини, который спокойно продолжалъ ѣсть. Раздался звонъ колокола, призывавшій къ работѣ. Маркини поднялся и протянулъ руку Сильвестро:

— Всего хорошаго!

Сильвестро остался одинъ и задумался.

Онъ и самъ чувствовалъ, что измѣнился. У него спала желена съ глазъ. Постоянныя униженія, которыхъ не чувствовали родители, но которыя такъ уязвляли Сильвестро, сдѣлали его болѣе отзывчивымъ къ чужимъ страданіямъ. Жизнь раскрыла передъ нимъ свои скорбныя страницы. Онъ увидѣлъ вокругъ себя горе и страданія. Онъ понималъ, что нужно прощать людямъ ихъ слабости и низости, потому что ихъ освящаетъ страданіе. Онъ возвысился надъ тѣснымъ маленькимъ міркомъ, гдѣ господствовали грубая власть Фелициты и тщеславныя мечты школьника.

Онъ испыталъ дѣйствительное горе и теперь искалъ дружбы, чувствовалъ себя братомъ угнетенныхъ, какъ въ тотъ день, когда созналъ необходимость жить самостоятельно. Онъ искалъ состраданія, такъ какъ его стремленія къ власти остались безуспѣшными. Онъ свалился внизъ и кричалъ угнетеннымъ и смиреннымъ: „подымите меня! я такъ же угнетенъ, какъ и вы“, но въ душѣ сожалѣлъ объ этомъ паденіи и не терялъ надежды опять подняться...

Но въ глазахъ рабочихъ онъ не измѣнился. Напротивъ, онъ теперь породнился съ Готти, и это окончательно приободнило его къ господствующему классу. Его отдѣляла

отъ нихъ еще большая пропасть, чѣмъ раньше. Они не знали его страданій, и ненавидѣли честолюбиваго и безжалостнаго контролера. Рабочіе его ненавидѣли, а тѣ, къ кому онъ стремился, его презирали—и онъ въ своемъ одиночествѣ жался въ отчаяніи къ своимъ единственнымъ двумъ друзьямъ, Маркини и Гаронту.

Съ Бертой онъ больше не разговаривалъ. Воспоминаніе о ея ласкахъ пробуждало въ немъ новое желаніе ласки, не не продажной, не ласки куртизанки. Онъ чувствовалъ потребность въ женской любви и не зналъ, гдѣ ее найти. Къ работницамъ онъ теперь относился иначе. Онъ жалѣлъ ихъ, онъ готовъ былъ сойтись съ ними: паденіе Клары возвысило ихъ въ его глазахъ. Но робость и гордость останавливали его.

Между тѣмъ, день свадьбы приближался. Приближался день, когда Фелицита должна была почувствовать удовлетвореніе своей мечты.

— Свиньи!—говорила мать по адресу родственниковъ жениха.—Можно жить и безъ нихъ. Намъ нечего стыдиться, слава Богу. Но если они придутъ потомъ, я ихъ прогоню.

Готти также торопился.

— Когда ты будешь моей женой, все это измѣнится.

— Ты думаешь? Они такъ упрямы.

— Тогда мы устроимся отдѣльно отъ нихъ.

Фелицита была того же мнѣнія.

Отецъ не разговаривалъ, онъ лишь наблюдалъ и напѣвалъ то романсъ изъ „Навуходоносора“, то маршъ изъ „Пуританъ“. Джузеппе былъ недоволенъ этимъ бракомъ. Онъ одинъ осмѣливался выражать это вслухъ. Онъ былъ демократъ и хотѣлъ бы выдать Клару за здороваго, сильнаго рабочаго, безъ претензій. Родители Готти ему не нравились. Чего они чванятся, эти... Сильвестро такъ уязвляли его сужденія, что онъ былъ почти доволенъ бракомъ. Все же думалъ Сильвестро, свадьба Клары будетъ пышнымъ празднествомъ, достойнымъ той родни, которую приобрѣтала семья Бондурри.

Но Готти за нѣсколько дней до вѣнчанія сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: въ церкви никого изъ родныхъ не будетъ, при вѣнчаніи будутъ присутствовать лишь свидѣтели и Сильвестро; никакого торжества, никакого шума; двѣ кареты, готовныя къ шести часамъ утра; дорожное платье; лишь только кончится обрядъ вѣнчанія, новобрачные поѣдутъ на вокзалъ и отправятся съ первымъ же поѣздомъ.

Сильвестро былъ возмущенъ. Они считаютъ эту свадьбу позоромъ? Это — преступленіе, которое нужно скрывать? Но онъ не смѣлъ сопротивляться: въ его памяти жива была сцена на кладбищѣ. Мать же ничего не знала; она метала громы и молніи. Она готова была задушить половину чело-

вѣческаго рода. Старикъ старался ее успокоить: она еще испортить все, она должна держаться съ достоинствомъ. Шутка сказать, какая знатная родня!

— Ради Бога, ради Бога,—стонать бѣдный старикъ.

Но ничто не помогало. Она непременно пойдетъ въ церковь. Она уже купила для Клары подвѣчное платье. Шесть дѣвушекъ должны сопровождать невѣсту. Необходимо послать приглашенія во все бюро похоронныхъ процессій и всемъ муниципальнымъ служащимъ. Двѣнадцать каретъ для гостей. Она надѣнетъ желтую шелковую юбку и черную шляпу съ перомъ. Потомъ дома ужинъ съ risotto и четырьмя индѣйками. На столѣ будетъ стоять гигантскій пирогъ. Когда его разрѣжутъ, въ немъ окажется чижъ съ привѣтственнымъ письмомъ.

Карло Бондури долженъ былъ стать посредникомъ. Онъ отправился къ будущему зятю, просилъ его, но безуспѣшно. Онъ печально вернулся домой.

— Онъ сказалъ: или такъ, или ничего.

— Тогда—ничего.

— Прекрасно! А потомъ?

Фелицита мало-по-малу успокоилась. Ея алчность взяла вверхъ. Она отказалась отъ всего. Ей удалось продать бѣлое платье Клары какой-то швеѣ, которая взялась приготовить погребальное платье для умершей на дняхъ богатой дѣвушки. Она отказалась даже отъ ужина, хотя это было особенно тяжело, такъ какъ она сама придумала форму и украшенія для пирога.

Угрюмая, сердитая, она постоянно придиралась къ Кларѣ до самаго послѣдняго дня и перестала разговаривать съ Готти, который притворился, что ничего не замѣчаетъ.

Послѣднюю ночь наканунѣ свадьбы Клара спала, какъ ни въ чемъ ни бывало. Сильвестро же не смыкалъ глазъ. Онъ долго сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на кладбище. Тамъ погибла его сестра. Тамъ два мѣсяца тому назадъ онъ потерялъ свою вѣру... Сестра проводить послѣднюю ночь подъ родительскимъ кровомъ. Теперь ему незачѣмъ здѣсь оставаться. Онъ скоро уйдетъ отсюда. Онъ будетъ здѣсь слишкомъ одинокъ.

Октябрьскій вѣтеръ шумѣлъ, кипарисы и гирлянды вѣнковъ дрожали. Та же мраморная рука кому-то угрожала, освѣщенная блѣднымъ свѣтомъ луны. Сверчокъ больше не трещалъ.

Ему казалось, что Клара все еще тамъ, въ объятіяхъ незнакомца. Онъ такъ любилъ ее!

Ее унижали, она была жертвой. Только Сильвестро принималъ это. Онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы обезпечить ей счастье. На его столѣ стоялъ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ, пригото-

женный имъ для новобрачной. Онъ взялъ его въ руки и жадно вдыхалъ запахъ цвѣтовъ.

Пусть будущее будетъ Клары такимъ же бѣлымъ и незапятненнымъ, какъ и букетъ, который онъ понесетъ завтра къ алтарю!

Слезы Сильвестро падали на цвѣты. Онъ поставилъ на мѣсто букетъ и заботливо покрылъ его тонкой бумагой, чтобы предохранить отъ разрушительнаго вліянія воздуха.

На зарѣ онъ былъ уже одѣтъ. Черный фракъ сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, но казался ему верхомъ совершенства. Клара постучала въ дверь.

— Ты готовъ?

— Входи.

Онъ ваялъ ее за руки, поцѣловалъ въ голову и въ лицо. Слезы катились у него изъ глазъ. Клара взглянула на него съ удивленіемъ.

— Что же ты плачешь?—спросила она его.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, овладѣвъ собою.

Внизу ихъ ждала карета. Готти поѣхалъ въ мѣрію одинъ. Они обнялись съ родными. Сильвестро былъ печаленъ, какъ на похоронахъ, Клара молчала: она думала о предстоящемъ путешествіи.

Готти и его друзья ожидали ихъ въ церкви. Они были очень скромно одѣты; Готти былъ въ дорожномъ платьѣ.

Клара была очень хороша въ своей маленькой шляпѣ, въ вуали и въ сѣромъ платьѣ, которое было ей къ лицу. Сильвестро былъ очень смѣшонъ въ своемъ торжественномъ фракѣ. Онъ чувствовалъ это и замѣтилъ улыбку на устахъ элегантныхъ, хотя и скромно одѣтыхъ молодыхъ людей.

Онъ сознавалъ себя крайне одинокимъ; даже букетъ, который онъ оросилъ слезами, не принадлежалъ больше ему. Онъ далъ его Кларѣ, и никто не замѣтилъ, что именно онъ принесть этотъ букетъ.

Въ церкви никого не было. Лишь три-четыре набожныя старушки сидѣли на скамьяхъ и съ любопытствомъ смотрѣли на молодыхъ. Они подошли къ алтарю: женихъ, невѣста и свидѣтели впереди, Сильвестро сзади. Супруги преклонили колѣни.

Свидѣтели стали по сторонамъ. Сильвестро остался одинъ, и ему казалось, что Клара окружена чужими, попала въ плѣнь. Она ушла въ другой міръ, и онъ остался одинъ со своей печалью.

Вдругъ у дверей послышался шумъ. Шея жениха покраснѣла. Онъ услышалъ голосъ Фелициты.

Въ самомъ дѣлѣ, это была она.

— Гдѣ новобрачные? Я—мать!—крикнула она служкѣ, ко-

торый получилъ отъ Готти строгое приказаніе никого не впускать. Служка удерживать ее, и шумъ увеличивался. Набожныя старушки съ лицемѣрной и хитрой улыбкой слѣдили за этой сценой.

Вдругъ служка покотился на полъ, и теща съ триумфомъ вошла въ церковь въ своемъ желтомъ платьѣ и въ маленькой черной шляпѣ, гдѣ гордо колыхалось большое перо.

— Уфъ! — отдышалась она, приблизившись къ алтарю и преклоняя колѣни. Всѣ притворились, что не замѣчаютъ ея.

Но когда церемонія кончилась, она съ рѣшительнымъ видомъ бросилась къ Кларѣ, покрыла ея лицо поцѣлуями, и обернулась къ супругу, который мрачно глядѣлъ на нее.

— Это мое право, дорогой мой! Она вышла отсюда. — Филицита указала рукой на свой животъ.

Потомъ она гордо кивнула головой свидѣтелямъ, которые съ насмѣшливой почтительностью отвѣтили ей на поклонъ, и ушла.

Сильвестро готовъ былъ плакать отъ стыда... Всѣ направились къ выходу. Свидѣтели поцѣловали руку Клары и одинъ изъ нихъ помогъ ей сѣсть въ карету. Сильвестро удалось еще разъ поцѣловать сестру. Съ Готти они тоже обнялись.

— Прости, — прошептала Сильвестро.

Лошади тронулись, Клара высунулась изъ окошка.

— Addio, Сильвестро, — и молодые привѣтливо махнули ему рукой. Свидѣтели обернулись къ Сильвестро.

— Прощайте, г-нъ Бондури.

— Прощайте синьоръ!

Карета уѣхала, и Сильвестро остался одинъ. Последнее прости Клары было обращено къ нему. Быть можетъ, дѣйствительно последнее? Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, и ему стало стыдно за свой черный фракъ, такъ неловко висѣвшій на немъ.

Нужно было отправиться домой, переодѣться и пойти на заводъ въ свою будку. Клара въ это время будетъ мчаться въ поѣздѣ; она уходила въ другой міръ, который закрывала передъ нимъ свои двери. Онъ вспомнилъ о томъ, что считалъ себя раньше связаннымъ съ тѣмъ міромъ, и горько засмѣялся. Онъ вспомнилъ свое дѣтство, свои мечты, тотъ день, когда въ первый разъ сѣлъ на гимназическую скамью, и съ ненавистью проклялъ этотъ день...

Когда Сильвестро увидѣлъ, наконецъ, Гароета, онъ почувствовалъ облегченіе. Этотъ рабочій былъ его истиннымъ другомъ, его утѣшеніемъ.

— Вы принесли конфеты? — спросилъ, улыбаясь, надзиратель.

— Входите! Садитесь! Я хочу рассказать вамъ все, что было.

— Мнѣ?

— Конечно, вамъ. Кому же иному?

— Ну, у васъ веселыя вѣсти. А я люблю горе. Я люблю утѣшать; это—моя специальность.

— Вы мнѣ ближе, чѣмъ отецъ, — сказалъ Сильвестро въ поривѣ нѣжности.

Гаронтъ посмотрѣлъ на него и увидѣлъ его измученное лицо со слѣдами слезъ.

— Отъ всего сердца, дитя мое! — и онъ поцѣловалъ его въ голову, думая, быть можетъ, что скорѣе видитъ передъ собою сына, нежели брата.

— Она уѣхала. Теперь у меня никого нѣтъ.

— Она вернется.

— Конечно. Но я потерялъ ее. Если бы вы видѣли?.. Ее окружили, ей кланялись, а мнѣ... Я стоялъ въ сторонѣ... Меня не замѣчали... Я былъ допущенъ къ вѣнцу, какъ представитель тѣхъ, кого хотѣли забыть... Моя Клара теперь—синьора Готти, а я, Сильвестро Бондури,—сынъ могильщика и работницы. Повѣрьте, я никогда не страдалъ такъ. Конечно, я могу встрѣчаться съ нею. Но какъ? Какъ низкій, какъ ничтожество; я такимъ былъ и буду.

— Но, г-нъ контролеръ! — упрекнулъ надзиратель съ отъѣикомъ ироніи.

— Вы смѣтаете надо мною, и вы правы.

— Я не смѣюсь. Я напоминаю вамъ, что раньше вы считали себя выше насъ, а теперь слишкомъ унижаете себя. Униженіе—паче гордости. Вы всегда преувеличиваете.

— Я былъ слишкомъ молодъ.

— Да... Вамъ не нравилось, когда я говорилъ вамъ это. Вы и теперь еще молоды.

— Маркини съ вами не согласенъ.

— И онъ тоже правъ.

— Я уже сталъ человѣкомъ, другъ мой.

— Почему же вы отчаиваетесь?

— Гаронтъ, не разсуждайте! Я ищу утѣшенія... Я страдаю... Я нуждаюсь въ друзьяхъ. Будьте добры со мною. Вы и Маркини—единственные люди, къ которымъ я могу обратиться за поддержкою.

— Хорошо и то, что вы замѣтили, что среди насъ есть честные люди.

Надзиратель былъ сегодня безжалостенъ.

— Вы—злой человѣкъ!—сказалъ Сильвестро.

Гаронтъ улыбнулся.

— Бѣдное дитя! Я хотѣлъ бы, чтобы горе стало источникомъ вашей силы.

— Ога ушла, Гаронтъ, и не вернется, — отвѣтилъ Сильвестро, который все думалъ о томъ же.

Старикъ печально отвѣтилъ.

— Только мертвецы не возвращаются.

— Они счастливы.

— Иногда мнѣ тоже такъ кажется.

— А моя мать! Если бы вы видѣли! Я чуть не плакалъ отъ стыда. Я долженъ былъ извиниться за нее. Свидѣтели смѣялись.

— Ее толкала материнская любовь.

— Какая любовь! Это ея новая юбка, эта ужасная юбка! Изъ-за матери мы всегда страдаемъ. Что за несчастье—имѣть такую мать...

— О матери нельзя плохо отзываться. Лучше молчать,—прервалъ его Гаронтъ.

Въ его упрекъ чувствовалась такая горечь, что Сильвестро замолчалъ. Гаронтъ поставилъ себя въ примѣръ этими словами: онъ никогда не жаловался на свою мать.

— Вы видите... Я теперь одинокъ...

— Вы и раньше были одиноки.

— А Клара...

— Скажите: вы давно ужъ замѣтили, что мы здѣсь не всѣ воры и мошенники?

Сильвестро потупился.

— Вы больше меня не спрашиваете, честенъ ли тотъ или другой рабочій. Вы больше не ставите такихъ вопросовъ. Вы смотрите на насъ съ состраданіемъ, а не съ ненавистью. Стало быть, вы теперь не одиноки. Тотъ, кто страдаетъ, имѣетъ всегда товарищей, такъ какъ страданіе дѣлаетъ людей братьями. Меня здѣсь любятъ, хотя я никому не говорилъ о своемъ горѣ. Заше горе такое же, какъ и мое. О такомъ горѣ не говорятъ, этихъ страданій никто не видитъ. Невоспитанные люди чешутся, когда чувствуютъ зудъ. Благовоспитанные не дѣлаютъ этого, хотя зудъ и имъ непріятенъ. Но страданіе дѣлаетъ человѣка добрымъ. Сегодня вы не прогнали бы Веролу, вы ограничились бы упреками и угрозами, и его дѣти были бы сыты, а на заводѣ было бы, быть можетъ, однимъ воромъ меньше.

Сильвестро покачалъ головой.

Гаронтъ продолжалъ говорить съ жаромъ.

— Вы думаете, что можно силою искоренить зло? Только терпѣніемъ и молчаливымъ сопротивленіемъ можно улучшить людей. Страданіе научить васъ этому.

Сильвестро задумался. Старикъ такъ мало учился, и такъ

хорошо знает жизнь. Сильвестро не могъ проникнуться мыслью старика, но ему казалось, что онъ слышитъ саму истину. Онъ зналъ раньше лишь мелкія страсти и тщеславіе, теперь отъ него требовали высокаго полета мысли. Ему было лишь ясно, что онъ — жертва несправедливости, что онъ — человѣкъ, оторванный отъ почвы, стремившійся къ сильнымъ и отвергнутый ими. И въ немъ говорило чувство протеста противъ такого положенія. Въ немъ кипѣла ненависть и, забывая слова Гаронта, онъ опять вернулся къ своимъ прежнимъ мыслямъ.

— Я не знаю, не могу понять... Я знаю лишь, что я одинокъ, и не по своей винѣ — чья это вина, не знаю. Быть можетъ, всѣхъ. Я всегда повиновался. Мнѣ говорили „учись“, и я учился; „жди“, и я ждалъ; „гни спину“, и я гнулъ; „будь контролеромъ“, и я сталъ шпиономъ. Это не по моей винѣ. Что мнѣ было дѣлать? Не могъ же я перемѣнить родителей.

— Нѣтъ, — сказалъ Гаронтъ, — но вы должны были быть скромнѣе.

— Они сами меня толкали вверхъ. Я не зналъ, что это ошибка.

Привратникъ принесъ Сильвестро письмо отъ директора. Прочитавъ письмо, Сильвестро протянулъ его надзирателю.

— Читайте, — сказалъ онъ съ горечью.

Гаронтъ внимательно прочиталъ и возвратилъ обратно.

— Вы можете быть довольны.

— Доволенъ? Я добросовѣстно служу, и онъ нашелъ возможность увеличить мнѣ жалованье. Но почему какъ разъ теперь? Потому, что я — шуринокъ Готти.

— Вы заслужили награду, и этого достаточно.

— „У меня будетъ болѣе свободы“, — подумалъ Сильвестро, перечитавъ письмо. — Онъ поздравляетъ меня... это — насмѣшка!

— Вы сегодня порядочный скептикъ.

— Онъ тоже притворялся, что не знаетъ ничего, и тоже считалъ эту свадьбу позоромъ. Почему же теперь поздравляетъ меня? — Вы помните слова знаменитаго Моска? Онъ сказалъ: „Увы, что сдѣлано, то сдѣлано“.

Сильвестро улыбнулся.

— Онъ, вѣроятно, боится, что я буду служить теперь мнѣ добросовѣстно, чѣмъ раньше, и старается меня задобрить.

— Охота вамъ думать объ этомъ. Старайтесь лучше дѣлать людямъ добро.

— Дѣлать добро? Кому? Никто не хочетъ со мною имѣть дѣла.

— Можетъ быть, вы ни съ кѣмъ не хотите...

Сильвестро чуть было не сообщилъ Гаронту, что онъ помогаль дѣтямъ Веролы.

Воспоминаніе объ этомъ благородномъ поступкѣ было его лучшимъ утѣшеніемъ въ этотъ печальный день. Онъ досаждалъ, что такъ мало сдѣлалъ для этихъ дѣтей, и съ обращеніемъ вспомнилъ про свою связь съ развратной продащицей табаку.

Они продолжали разговаривать. Гаронтъ провелъ у него въ будкѣ почти цѣлый день.

Позже пришелъ и Маркини. Онъ не задавалъ Сильвестро вопросовъ. Этотъ бракъ не нравился Сильвестро, и Маркини не любилъ говорить на эту тему.

Вечеромъ они вмѣстѣ отправились домой. У воротъ ихъ встрѣтилъ директоръ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ и позвалъ контролера.

— Бондури! Вы получили мое письмо?

— Да! Спасибо!—отвѣтилъ Сильвестро.

— Вы пользуетесь нашимъ довѣріемъ. Постарайтесь и впредь оправдывать его.

Директоръ сдѣлалъ общій поклонъ. Рабочіе сняли шляпы. Сильвестро присоединился къ товарищамъ. Онъ былъ блѣденъ. Всѣ слышали слова директора, и Сильвестро чувствовалъ себя опозореннымъ. Ему хотѣлось скрыться. Рабочіе со злобю глядѣли на него, какъ будто спрашивали, не заслужилъ ли онъ это довѣріе новою жестокостью. Маркини и Гаронтъ поняли его чувства и дружески взяли его подъ руки, чтобы показать всѣмъ, что они любятъ Сильвестро.

Сильвестро хотѣлось крикнуть рабочимъ:

— Я ничего не сдѣлалъ... ничего дурного... я такая же жертва, какъ и вы. Такой же угнетенный!.. Я зарабатываю лишь свой хлѣбъ. Пощадите меня!..

Рабочіе были удивлены. Контролеръ выходилъ подъ руку съ людьми, которыхъ они знали и любили. Онъ былъ блѣденъ и смущенъ. Его лицо выражало уныніе и страданіе. Трое друзей вышли за ворота, и за ними устремился цѣлый человѣческій потокъ.

На порогъ табачной лавочки сидѣла Берта.

Сильвестро притворился, что не видитъ ея.

Мимо него прошли Дѣва, Дьяволина и Лапка.

— Addio, дѣвушки!—привѣтствовалъ ихъ Гаронтъ.

— Addio! — отвѣтили работницы и улыбнулись тремъ товарищамъ.

VІІ.

Сильвестро тосковалъ. Онъ не могъ ничего забыть, не могъ успокоиться. Джузеппе пытался его развлечь и повелъ въ воскресенье въ кабачекъ. Сильвестро въ первый разъ напился до пьяну. Всю ночь онъ жаловался и стоналъ, а на утро всталъ еще болѣе печальный, чѣмъ раньше, и поклялся, что больше пить никогда не будетъ.

Джузеппе привелъ въ кабачекъ также и Августу. Граціозная, веселая дѣвушка очаровала Сильвестро; онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ эта крошка такъ умѣло укрощаетъ гиганта-брата, и сравнивалъ ее съ маленькими дѣтьми, ведущими на привязи мощныхъ быковъ.

Фелицита замѣтила, что Сильвестро пьянъ, но притворилась, что ничего не видитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Сильвестро зарабатывалъ четыре лиры въ день, Фелицита ему многое прощала. Она собиралась его женить и искала подходящую невѣсту. Клара сдѣлала блестящую партію, что бы ни говорили. Теперь очередь за сыномъ. Она хотѣла найти ему такую жену, которая слушалась бы ея и помогла бы ей удержатъ Сильвестро въ своей власти. Теперь послѣ свадьбы Клары, больше, чѣмъ когда бы то ни было, она надѣялась осуществить свои мечты. Ей везло: старый коллега Бондури догадался, наконецъ, умереть, и Карло со дня на день ждалъ повышенія. Сбереженія Фелициты увеличивались, такъ какъ сыновья ей теперь ничего не стоили.

Скоро наступитъ время, когда Фелицита ежедневно будетъ носить свою желтую юбку и маленькую шляпу съ жеромъ; теперь она одѣвала ихъ лишь по воскресеньямъ.

Фелицита уже намѣтила невѣсту для сына: дочь судебного пристава. Ея отецъ былъ взяточникъ, стало быть, партія вполне приличная. Приставъ торопился выдать замужъ свою дочь, такъ какъ она была очень некрасива. Это послѣднее обстоятельство тоже нравилось Фелицитѣ. У такихъ дѣвушекъ нѣтъ большихъ претензій. Однимъ словомъ, Фелицита надѣялась скорѣ присоединить хорошее приданое къ своимъ сбереженіямъ и создать настоящее богатство. Поэтому она прощала Сильвестро всѣ его грѣхи, боясь оттолкнуть его отъ себя. Она была недовольна Джузеппе, что тотъ отвлекаетъ брата отъ благороднаго стремленія къ богатству и влечетъ его въ среду рабочихъ: она не замѣчала, что въ душѣ Сильвестро происходитъ переломъ.

Сильвестро же продолжалъ скучать. Онъ совершалъ по вечерамъ длинныя прогулки и до поздней ночи оставался

иногда въ городскомъ саду, гдѣ провелъ ночь послѣ бѣгства изъ подъ родительскаго крова. Онъ встрѣчалъ тамъ влюбленные пары, и ихъ объятія и тихіе разговоры возбуждали въ немъ желаніе любви.

Однажды онъ встрѣтилъ въ саду Гардадритту и остановилъ ее. Была уже ночь.

— Куда вы?

— Гуляю.

— Пойдемте вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ.

Они направились въ тѣнистую аллею. Сильвестро вспомнилъ все, что ему рассказывали о его спутницѣ.

— Я живу здѣсь по близости.

— Это далеко отъ завода?

— Очень.

— Вы живете одна?

— Со мной сестра.

— Моложе васъ?

— Маленькая. Ей десять лѣтъ.

— А родители?

— Только сестра.

— Вы ее оставляете одну?

— О ней заботится сосѣдка.

Онъ взялъ Гардадритту подъ руку. Она улыбнулась.

— Что сказать бы директоръ, если бы насъ здѣсь увидѣлъ?

— Что я вашъ любовникъ.

Гардадритта засмѣялась.

— Да, люди обыкновенно такъ разсуждаютъ.

Сильвестро былъ возбужденъ прикосновеніемъ къ женскому тѣлу.

— А почему бы этому и не быть правдой? — спросилъ онъ ее.

Гардадритта не сразу отвѣтила.

— Вамъ нравится Дѣва, — сказала она.

— Кто вамъ сказалъ это?

Я замѣтила.

— Это невѣрно.

— Нѣтъ ужъ, мы никогда не ошибаемся.

— А если бы и такъ? — пошутилъ Сильвестро.

— Она красивая дѣвушка, — серьезно замѣтила Гардадритта.

— Но ты еще красивѣе.

— Это всегда такъ говорятъ.

Они присѣли. Она начала напѣвать печальную пѣсеньку, искажая слова и перевирая мотивъ. Сильвестро чувствовалъ,

что у него сжимается горло. Онъ положилъ руку на спину скамейки, и Гардадритта прижалась къ нему. Сильвестро поцѣловалъ ее въ щеку. Она не оборвала даже своей пѣсни. Тогда онъ обнялъ ее и притянулъ къ себѣ. Она не сопротивлялась и продолжала пѣть.

— Вамъ нравится эта пѣсня?

— Ты мнѣ еще больше нравишься,—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Сильвестро и крѣпко поцѣловалъ ее. Почему ты молчишь?—удивился онъ.

Она потянула его за усь.

— Эхъ, г-нъ контролеръ,—сказала она безъ всякаго выраженія. Потомъ освободилась изъ его объятий и поднялась.

— Пора идти.

— Я провожу тебя. — И, замѣтивъ, что она недовольна, онъ прибавилъ:—До двери.

Онъ хотѣлъ взять ее подъ руку, она уклонилась.

— Не надо.

Гардадритта опять начала говорить про Дѣву.

— А знаете, сколько ей лѣтъ?

— Не знаю.

— Ей за тридцать.

— Не можетъ быть!

— Перваго она имѣла тринадцать лѣтъ тому назадъ.

— Кого перваго?..

— Ребенка... отъ мясника.

— У Дѣвы былъ ребенокъ?

— Нѣтъ... мясникъ,—спокойно пояснила Гардадритта. — Она убѣждала съ нимъ, когда ей было 16 лѣтъ, потомъ у нея было еще двое дѣтей.

— Тоже отъ мясника?

— Не думаю... У нея былъ еще въ это время какой-то сержантъ.

— Сколько же у нея ихъ было? — воскликнулъ Сильвестро.

Гардадритта засмѣялась:

— Такія несчастья у всѣхъ бываютъ.

— А Юлія?—поинтересовался Сильвестро.

— Я почему знаю.

— А Дьяволина?

— Она чиста, какъ Мадонна, — серьезно отвѣтила дѣвушка.

Они подошли къ двери.

— Addio!—сказала она, протянувъ ему руку.

— Я къ тебѣ зайду на минуту.

— Нѣтъ. Тамъ—сестра.

— Что за бѣда! Я посижу недолго.

— Да зачѣмъ вамъ?

Сильвестро настаивалъ, утверждая, что у нея сидитъ любовникъ, и потому она не хочетъ впустить его.

Она опечалилась.

— Я живу въ мансардѣ,—сказала она.—Мы очень бѣдны.

Они молча стали подниматься по лѣстницѣ. Наконецъ, она остановилась передъ низкой дверью и тихо произнесла:

— Моя сестра испугается. Она никогда не видала меня съ мужчиной. Мы завтра увидимся.

Въ ея голосѣ звучалъ страхъ. Но Сильвестро не вѣрилъ.

— Мы скажемъ ей, что я—твой родственникъ, пріѣхавшій изъ Америки,—возразилъ онъ, смѣясь, и толкнулъ дверь.

Онъ увидѣлъ предъ собою ребенка съ задумчивымъ и худымъ лицомъ, освѣщеннымъ паромъ большихъ черныхъ глазъ. Его поразила голова дѣвочки съ рѣдкими волосами пепельнаго цвѣта.

— Кто это?—спросила она.

— Это я, Люція!—откликнулась сестра.

— Отчего такъ поздно?—упрекнула ее дѣвочка.

— Поздно?! Раньше обыкновеннаго.

— Вѣдь уже ночь.

— Дни стали короче, голубчикъ. Приближается зима.

Сильвестро снялъ шляпу и осмотрѣлся, смущенный этимъ діалогомъ. Дѣвочка упорно глядѣла на него. Бѣдность обстановки его тронула.

— Приближается зима,—съ грустью повторила Марія.

Съ какимъ ужасомъ онъ ждуть зимы въ этой бѣдной комнатѣ подъ самой крышей!

Сильвестро въ первый разъ видѣлъ настоящую нищету. Старый занавѣсъ скрывалъ единственную кровать, гдѣ зимой сестры согрѣвали другъ друга своимъ тѣломъ. Лампа слабо освѣщала столъ, оставляя углы и своды каморки во власти мрака.

Дѣвочка пристально смотрѣла на Сильвестро, и онъ почувствовалъ страхъ. Работница была права: ему не слѣдовало приходить сюда.

— Садитесь,—сказала Гарладритта, предлагая ему стулъ.

— Я тороплюсь. Спасибо. Это ваша сестра?

— Да. Она—хорошая дѣвочка. Правда, Люція?

У Сильвестро мелькнула счастливая мысль, и онъ съ изысканною вѣжливостью обратился къ ребенку:

— Я пришелъ пригласить васъ принять участіе въ воскресной прогулкѣ. Марія тоже пойдетъ.

Люція взглянула на старшую сестру.

— Кто-это?—спросила она.

— Это—другъ,—успокоила ее сестра.

— Согласны?

Ребенокъ опять вопросительно посмотрѣлъ на сестру.

— Поблагодари его.

— Спасибо,—сказала дѣвочка.

— Значить, рѣшено!

Сильвестро направился къ выходу. Марія пошла его проводить.

— Куда ты идешь, Марія?—остановила дѣвочка.

— Я не ухожу.

— Не уходи.

— Нѣтъ, нѣтъ.

Въ корридорѣ Марія шепнула Сильвестро:

— Прощайте.

— Извини меня! Я не зналъ.

— Спасибо за приглашеніе,—сказала она и быстро поцѣловала его.

— Прощай.

— Марія!—звала ее Люція.

— Addio. До завтра.

Сильвестро спустился внизъ. Онъ испытывалъ жалость. Жизнь показала ему одну изъ своихъ ранъ, и онъ не могъ забыть сцену въ мансардѣ... Онъ вспомнилъ одѣтыхъ Дѣвы, о невѣдомыхъ маленькихъ созданіяхъ, родившихся безъ имени и не знавшихъ матери. „Такія несчастья у всѣхъ бываютъ“, — сказала Марія. Въ воображеніи мелькнула аскетическая наружность Дѣвы, отдававшей то мяснику, то сержанту и многимъ другимъ. Любовь ей причиняла страданія беременности и позоръ. Зачѣмъ же она дѣлала это? Гардадритта стыдилась своей сестры и скрывала отъ нея свои любовныя похождения. Но если она считала ихъ позорными, зачѣмъ же она грѣшила? Сильвестро понималъ теперь, почему лицо Гардадритты оставалось такимъ безучастнымъ, когда онъ обнималъ ее. Передъ нею стоялъ образъ сестры въ убогой мансардѣ. Въ его объятіяхъ она думала о чистой дѣвственной ласкѣ Люціи. Что заставляло ее искать любви? Она вѣдь не продавала себя: онъ только что видѣлъ ея нищету. Сильвестро понималъ Бертю. Но Гардадритта? Она вѣдь съ такимъ уваженіемъ [относится къ добродѣтели Дьяволины...

Онъ невольно вспомнилъ смуглое лицо и энергичные черные глаза этой дѣвушки.

Послѣ перваго насмѣшливаго привѣтствія она больше не обращала на него вниманія. Только эта единственно чистая дѣвушка въ рабочей средѣ не интересовалась имъ. Она считала его врагомъ... Онъ—контролеръ, любовникъ куртизанки, и она не можетъ относиться къ нему съ довѣріемъ. Кто за-

служить ея любовь? Не онъ, конечно, но и никто изъ хозяевъ. Можетъ быть, какой нибудь Джузеппе, только болѣе умный, чѣмъ его братъ. И онъ, Сильвестро, могъ бы покорить ее, если бы не эти четыре класса гимназій, обратившіе его въ орудіе хозяевъ противъ рабочихъ. Сильвестро теперь досадовалъ на то, чѣмъ обыкновенно гордился.

Онъ опять началъ думать о маленькой Люціи. Какіе странные, испуганные глаза у этой дѣвочки! Ея образъ мѣшалъ ему мечтать о Гардадриттѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Гардадритта будетъ принадлежать ему, если онъ захочетъ, но при мысли о ней онъ вспоминалъ Люцію, и его охватывало чувство жалости.

На слѣдующій день, въ субботу, онъ рано пришелъ на заводъ. Онъ хотѣлъ увидѣть Марію и боялся, что она придетъ раньше его. Но она пришла позже обыкновеннаго. Сильвестро стоялъ возлѣ будки, и мимо него проходили всѣ работницы. Онъ замѣтилъ, что Дьяволина была очень мрачна, не смѣялась и ни съ кѣмъ не кланялась. Дѣва ему улыбнулась. Эта улыбка показалась ему притворной; онъ вспомнилъ ея прошлое и съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на нее. Наконецъ, показалась Марія. Она прошла мимо, и по ея суровому лицу пробѣжала чуть замѣтная улыбка.

— Addio, милая!—прошепталъ онъ ей.

Гардадритта не отвѣтила.

Сильвестро вошелъ въ будку. Часы протекали медленно и однообразно. Чувствовался запахъ химическихъ испареній. Изъ завода доносился нестройный гулъ...

Къ нему постучались. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ Дьяволину. Она подала ему пачку бумагъ и вышла. Онъ увидѣлъ изъ окна, какъ она направилась въ контору. Онъ хотѣлъ вернуть ее, чтобы послать директору недѣльный отчетъ, но рѣшилъ самъ отправиться наверхъ. Приведя въ порядокъ свои счета и полюбовавшись на стройный рядъ цифръ и буквъ, Сильвестро свернулъ бумаги и позвалъ Гаронта.

— Я долженъ отнести наверхъ эти бумаги,—сказалъ онъ ему.—Въ случаѣ нужды позовите меня.

Гаронтъ оказывалъ ему каждую субботу эту услугу.

— Будьте спокойны! Я буду здѣсь,—отвѣтилъ рабочій.

Сильвестро поднялся во второй этажъ. Въ передней никого не было. Онъ хотѣлъ уже постучать въ дверь, но остановился, пораженный страннымъ шумомъ. Можно было подумать, что въ комнатѣ директора дерутся. Онъ слышалъ глухія восклицанія и шумъ борьбы.

Сильвестро сталъ прислушиваться, не смѣя ни открыть дверь, ни уйти. Кто-то упалъ на полъ. Дверь быстро отворилась,

и изъ комнаты стремительно выбѣжала Дьяволина. Ея волосы были растрепаны. Глаза пылали. Она тяжело дышала. Сильвестро увидѣлъ, что директоръ поднимается съ полу и ищетъ очки. Дверь затворилась.

Дьяволина и Сильвестро взглянули другъ на друга. Она скорѣе смѣялась, чѣмъ сердилась.

Контролеръ энергично протянулъ ей руку.

— Bravo!—сказалъ онъ ей. Она подала ему руку, нѣсколько удивленная, и расхохоталась:

— Онъ упалъ, какъ мѣшокъ орѣховъ.

Сильвестро тоже засмѣялся.

— Эта свинья преслѣдуетъ меня уже два мѣсяца.

— Онъ еще услышитъ!

— Все равно! Онъ слышалъ и худшее, — прибавила она съ ироніей. — Ахъ, да, это можетъ скомпрометтировать г-на контролера...

— Вы любите шутить.

— Развѣ вы не контролеръ?

— Я такой же бѣднякъ, какъ и вы. Никто изъ васъ не хочетъ понять это...

Въ ея дерзкихъ глазахъ мелькнулъ теплый лучъ.

— Ну... помиримся.

— Мы уже помирились,—сказалъ Сильвестро, опять протягивая ей руку.

Дьяволина подозрительно посмотрѣла на него.

— Будьте осторожны. Я-то шутокъ не люблю.

— Я это видѣлъ,—улыбнулся Сильвестро.

— Помните же!

— Хорошо.

Сильвестро остался одинъ. Онъ не зналъ, что дѣлать, но, наконецъ, рѣшился и постучалъ въ дверь.

— Войдите. Вы здѣсь давно? — спросилъ директоръ съ сердитымъ лицомъ.

Сильвестро почувствовалъ въ себѣ дерзкую игривость: его заразилъ примѣръ Дьяволины.

— Да. Я ждалъ, пока выйдетъ работница.

Директоръ посмотрѣлъ на него изъ-за очковъ. Сильвестро выдержалъ взглядъ: маленькій человѣкъ былъ въ его рукахъ.

— Давайте сюда,—протянулъ директоръ руку за счетами. Его пальцы дрожали. Сильвестро готовъ былъ смѣяться.

— «Мѣшокъ съ орѣхами»,—вспомнилъ онъ.

— Хорошо,—сказалъ директоръ, пробѣжавъ глазами отчетъ, и поправилъ на носу очки.

До свиданья.

— Прощайте, г-нъ директоръ.

Затворивъ за собою дверь, Сильвестро задумался надъ своей новой позиціей. Онъ сжегъ корабли. Его прошлые мечты, его стремленіе къ повышенію, его рабство—все было кончено. Онъ чувствовалъ себя легко. Пришелъ часъ расплаты. Онъ бросилъ вызовъ обитателямъ верхняго этажа. Его друзья: Гаронтъ, Маркини, Марія, Дьяволина,—всѣ они принадлежатъ къ классу угнетаемыхъ; онъ будетъ съ ними.

Онъ вошелъ въ будку, бросилъ на столъ свою форменную фуражку и позвалъ Гаронта.

— Вы пользуетесь большимъ авторитетомъ среди рабочихъ. Окажите мнѣ услугу. Скажите имъ, что я принужденъ выполнять свой долгъ, но пусть они не воруютъ. Это тяжело и для нихъ, и для меня. Сдѣлаете вы это? .

Гаронтъ добродушно улыбнулся.

— Ребеночъ!

— Почему?

— Я вижу, что всегда былъ правъ.

— Въ чемъ?

— Считаю васъ хорошимъ человѣкомъ...

— Вы не кончили.

— Вы подозрѣваете, что я думалъ: плоды падаютъ недалеко отъ дерева...

— Можетъ быть.

— Или, что плоды всегда созрѣваютъ.

— Или?

— Или, что вы влюблены... Не правъ ли я?

— А вы какъ думаете?

Оба засмѣялись.

— Я, значитъ, угадалъ.

— Что?

— Она только что прошла... Вся горить.

— Кто?

— Не знаю.

Гаронтъ подмигнулъ ему глазомъ.

— Васъ сегодня понять нельзя...

Сильвестро смѣялся вмѣстѣ съ нимъ.

— Вся красная и улыбается,—сказалъ Гаронтъ.

— Но кто?

— Вы не знаете? Но вы молодецъ! Она—честная дѣвушка.

Сильвестро пожалъ плечами.

— А я то ничего не замѣчалъ,—смѣялся надзиратель.

— Да нечего было и замѣчать.

— Какъ такъ?

— Ничего нѣтъ.

— Даже надежды?

— Да.

— Тѣмъ хуже для васъ.

— Увѣряю васъ... Я никогда не думалъ о ней.

Гаронтъ, очевидно, сомнѣвался.

Сильвестро, дѣйствительно, раньше не думалъ о Дьяволинѣ, но подъ вліяніемъ разговора сталъ думать.

Онъ всегда интересовался Дьяволиной меньше, чѣмъ другими. Но въ этотъ день Дьяволина пробудила въ немъ мужество, вырвала его изъ апатіи, въ которой онъ находился со времени свадьбы. Ему пріятны были предположенія старика. Гаронтъ — умный человѣкъ и рѣдко ошибается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сильвестро казалось, что Дьяволина выше его. Она была какая-то недоступная, и, думая о ней, онъ не мечталъ о легкой минометной побѣдѣ и чувствовалъ, что самъ становится лучше и честнѣе, даже иначе относится къ Гардадриттѣ.

Гардадритта не назначала ему свиданья, но вечеромъ Сильвестро ждалъ ее въ саду. Она, дѣйствительно, пришла.

— Вы довольны моимъ поведеніемъ? Я стараюсь не компрометтировать васъ.

— Очень доволенъ, — сказалъ Сильвестро. Онъ не былъ такъ веселъ, какъ вчера.

— Что съ вами?—спросила Марія, замѣтивъ перемѣну.

— Ничего.

— Вы какъ будто печальны.

— Я же съ тобою.

— Что я для васъ?! Маленькое развлеченіе.

— Невѣрно, Марія!

— Вы очень любезны.

— Я вчера сожалѣлъ, что зашелъ къ тебѣ.

— Люція очень довольна приглашеніемъ.

— Бѣдное дитя!

— Это—сокровище!—съ нѣжностью сказала Гардадритта.— Она серьезна и добра... смотреть за хозяйствомъ... ухаживаетъ за мною... приноситъ мнѣ цвѣты... Что было бы со мною безъ нея!

Марія была взволнована. Глаза блистѣли, и холодное лицо воодушевилось и улыбалось. Вдругъ она опять опечалилась.

— Если бы она знала!... Я умерла бы отъ стыда.

Сильвестро хотѣлъ было спросить, почему она такъ боится сестры, но удержался.

— Она себя теперь шьетъ юбку изъ старыхъ тряпокъ.

— Почему ты не поешь?—спросилъ онъ.

— А вамъ нравится?

— Да. Пой, пожалуйста.

Ему хотѣлось разбудить въ себѣ желаніе, бывшее такимъ сильнымъ вчера.

Гардадритта заплѣла, но на него плѣніе не произвело ожидаемаго дѣйствія.

— Пойдемъ въ рошу,—предложилъ онъ.

Она охотно согласилась, и они углубились въ садъ, переходившій въ настоящую рошу.

Гардадритта прижалась щекой къ его щекѣ.

— Вы сегодня много думали о Дѣвѣ?

— Ни минуты. Я все думалъ о тебѣ.

— Неправда!

Она поцѣловала его.

— Присядемъ на траву,—сказалъ Сильвестро. Они устѣлись на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Вскорѣ Гардадритта растянулась на травѣ и заплѣла. Въ темнотѣ глаза ея блестѣли и вызывающе смотрѣли на Сильвестро.

Въ немъ уже начали говорить страсти...

— Пора домой. Поздно.

Они поднялись и, обнявшись, пошли.

— Ты меня любишь?—спросила она его послѣ долгаго молчанія.

— Очень.

— Радость моя!.. Въ концѣ концовъ,—подумавъ, прибавила она:—живутъ только одинъ разъ... У насъ нѣтъ другихъ удовольствій,—и ея лицо омрачилось.

Сильвестро почувствовалъ жалость. Теперь онъ получилъ отвѣтъ на занимавшій его вчера вопросъ.

„У насъ нѣтъ другихъ удовольствій“. А это удовольствіе ничего не стоитъ... Люди ищутъ наслажденій и берутъ ихъ, гдѣ можно...

При свѣтѣ фонаря Сильвестро посмотрѣлъ на Марію. Лицо ея опять стало холоднымъ и ждало уже поцѣлуя Люціи. Сильвестро почувствовалъ братскую привязанность къ этой дѣвушкѣ. Онъ понялъ, что Гардадритта тяготится своимъ позоромъ и нуждается въ утѣшеніи.

— Завтра я васъ буду ждать въ 10 часовъ на вокзалѣ,—сказалъ Сильвестро.—Мы поѣдемъ за городъ. Люція будетъ рвать цвѣты. Ты вѣдь ихъ любишь.

— Завтра нужно быть благоразумными.

— Конечно. Мы будемъ родителями Люціи.

— А если кто-нибудь васъ увидитъ съ нами?

— Кто это „вы“?—съ упрекомъ спросилъ Сильвестро.— Говори мнѣ „ты“.

Гардадритта улыбнулась и покраснѣла.

— Теперь я не могу.

— Ты должна привыкнуть.

— Попытаюсь.

— Что же ты хотѣла сказать?

— Если кто-нибудь тебя увидитъ съ нами...

— Что за бѣда! Я такой же бѣднякъ, какъ и ты, и мы любимъ другъ друга. Какое кому до этого дѣло!

Сильвестро выразилъ уже сказанную сегодня мысль Дьяволинѣ.

— Лучше, если бы Люціи не было.

— Да. Было бы лучше.

— Какъ поядно! Что она скажетъ?

Она заторопилась и ускорила шаги.

— Я пойду одна... Извините...

— Извините?!

— Извини.

Они разстались. Сильвестро чувствовалъ еще ея ласки. Ему хотѣлось купить для Люціи юбку. Онъ и раньше думалъ объ этомъ. Но теперь боялся своимъ подаркомъ оскорбить Гардадритту: пожалуй, подумаетъ, что вознагражденіе. Лучше купить цвѣтовъ, это доставитъ ей удовольствіе.

VIII.

Гардадритта была безконечно рада его подарку. Сильвестро вспомнилъ, какъ дорого ему стоили поцѣлуи Берты, и самъ удивился своей прежней глупости. Онъ хвастался еще этой связью, воображая, что она возвышаетъ его и дѣлаетъ порядочнымъ человѣкомъ съ изысканнымъ вкусомъ!

На вокзалѣ было много народу. Сильвестро искалъ вагонъ третьяго класса и мимоходомъ заглянулъ въ первый классъ. Ему показалось, что онъ видитъ тамъ Клару, уѣзжающую въ далекія незнакомыя страны.

„Addio, Сильвестро!“—вспомнилъ онъ и поникъ головой. Къ его рукъ прикоснулась маленькая холодная ручка.

— Въ какой вагонъ мы сядемъ?—спросила его Люція.

— Сюда!—Онъ усадилъ ее въ вагонъ 3-го класса, помогъ войти Маріи и послѣдовалъ за ними.

— Здѣсь хорошо, неправда ли?—спросилъ онъ ихъ, и друзья улыбнулись другъ другу.

Въхатъ было недалеко, но Сильвестро успѣлъ въ короткое время многому научить сестеръ. Онъ нашелъ благодарную и внимательную аудиторію; сестры всячески выражали ему свое удивленіе.

— Сколько книгъ ты прочиталъ!

— Не мало,—скромно отвѣтилъ Сильвестро.

Они говорили другъ другу ты; Сильвестро убѣдилъ ихъ, что родственникамъ не подобаетъ говорить „вы“.

Даже Люція привыкла къ нему, хотя ее очень трудно было приручить. Она уступила лишь послѣ того, какъ онъ отдалъ себя въ ея полное распоряженіе и отвѣчалъ на всѣ вопросы. Все возбуждало ея любопытство, по поводу всего она требовала объясненій.

На первой станціи нужно было сойти. Люція съ неудовольствіемъ покинула вагонъ.

— Теперь позаботимся о будущемъ,—сказалъ Сильвестро.—Закажемъ въ ресторанѣ ужинъ, отправимся гулять, а вечеромъ передъ отъѣздомъ поужинаемъ.

Сестры рѣшили, что это—прекрасная мысль. Они нашли ресторанъ, составили меню и пошли на лугъ. На воздухѣ Люція опять стала ребенкомъ. Ея глаза сузились, лицо потеряло болѣзненное старческое выраженіе. Она вырвала свою ручку изъ руки Сильвестро и стрѣлой бросилась въ поле. Скоро она вернулась, раскраснѣвшаяся, счастливая, довольная. Была осень, и цвѣтовъ уже не было, она находила лишь красные и желтые листья.

Сильвестро и Марія шли медленно и тихо. Листья устало падали съ деревьевъ на тропинку.

— Какъ хорошо здѣсь! Сколько воздуха!—говорила Гардадритта, вздыхая полною грудью.

— Осень уже... печальная осень,—замѣтилъ меланхолически Сильвестро.

— Нѣтъ. Здѣсь прекрасно! Я бы хотѣла всегда жить въ деревнѣ, среди луговъ. Въ городѣ скучно.

— Тебѣ бы и здѣсь надоѣло. Здѣсь слишкомъ однообразно. Никого не видишь, не съ кѣмъ поговорить.

— Это не важно. Здоровый воздухъ, чистая вода, немного пищи такой же, какъ и въ городѣ, и можно устроиться прекрасно. Здѣсь человѣкъ свободенъ... А потомъ ночь...—Она лукаво улыбнулась и прижалась къ нему. — Хорошо спать на свѣжемъ снѣгѣ...

Сильвестро посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Я всегда мечтала объ этомъ,—прибавила она.

Люція опять прибѣжала. Она нашла нѣсколько цвѣтовъ.

Она дала ихъ сестрѣ. Марія хотѣла ихъ прищипить къ корсажу. Сильвестро предложилъ было ей свою помощь. Но Люція была здѣсь.

— Спасибо!—сказала Гардадритта:—я сама справлюсь.

Когда дѣвочка опять убѣжала, она замѣтила:

— Нужно быть благоразумнымъ.—Въ ея голосѣ звучало сожалѣніе.

— Ты права. Мы пришли сюда для Люціи.

Они присѣли на травѣ подѣ дубомѣ.

Люція рѣзвилась: то присаживалась къ нимѣ, то убѣгала. Она была вся въ поту, глаза горѣли весельемѣ и задоромѣ, была точно совсѣмѣ другая Люція.

Марія рассказывала свое прошлое. Это былѣ не интересный, безсвязный рассказѣ, гдѣ маленькія происшествія были большими событіями, маленькія развлеченія большими удовольствіями, большая нищета маленькимѣ лишеніемѣ.

Она постоянно возвращалась къ одному и тому же: ей хотѣлось бы жить въ деревнѣ.

Мечта о деревнѣ была для нея мечтой о любви. Рожденная для вольной жизни на лонѣ природы и для чувственныхѣ наслажденій, она брошена была судьбой въ городѣ и тяготилась этимѣ.

Сильвестро объяснялѣ себѣ эти мечты ея неразвитостію, но и самѣ чувствовалѣ себя здѣсь другимѣ человекомѣ. Кладбище, семейство Бондури, пережитыя страданія — все это казалось далекимѣ. Всего нѣсколько часовѣ, какѣ онѣ покинулѣ городѣ, а будто онѣ уже оттуда давнымѣ-давно. Клара всегда была женой Готти, а Люція и Марія—друзья уже десятки лѣтъ. Онѣ чувствовалѣ себя спокойно и хорошо въ новой обстановкѣ.

Наконецѣ, дѣвочка утомилась и прилегла на травѣ возлѣ взрослыхѣ. Она принесла много цвѣтовѣ и, перебирая ихѣ, рассказывала свои приключенія. Она видѣла червяка и трехѣ ящерицѣ: двѣ съ хвостами, а третья безѣ хвоста. Первая ящерица ее испугала. Она хотѣла убѣжать, но стало стыдно. Закончивѣ свой рассказѣ, она задумалась.

— Какѣ хорошо!—прервала она свое молчаніе.

— Ты тоже хотѣла бы жить въ деревнѣ?—спросилѣ Сильвестро.

— Очень! Но это не возможно.

— Почему?

— Въ деревнѣ живутѣ только богачи.

Марія и Сильвестро засмѣялись. Марія объяснила, въ чемѣ дѣло.

— Лѣтомѣ богатые жильцы нижнихѣ этажей убѣждаютѣ въ деревню, поэтому она и думаетѣ, что въ деревнѣ нѣтъ бѣдняковѣ.

— Конечно,—серьезно сказала Люція

— Въ городѣ тоже хорошо,—замѣтилѣ Сильвестро.

— Что же тамѣ хорошего?

— Есть широкія улицы, кареты, красивые дома...

Это не убѣдило Люцію. Вдругѣ она вскрикнула. Оказалось, она разорвала свое воскресное платьѣ. Какое несчастье! Ея лицо выражало безконечное горе.

— Какъ это случилось?—спросила Марія.

— Не знаю,—отвѣтила Люція.

— Не стоитъ огорчаться. Можно купить другое, — успокоилъ ее Сильвестро.

Дѣвочка печально смотрѣла на свое платье.

— Завтра купимъ другое. Новую, хорошую юбку.

— Правда?

— Правда.

Люція обняла его и поцѣловала. Сильвестро былъ тронутъ. Дѣвочка усѣлась между нимъ и Маріей и обняла ихъ.

— Почему ты не женишься на Маріи?—спросила она.— Мы жили бы вмѣстѣ и ѣздили въ деревню.

Она рѣшила, что Сильвестро одинъ изъ тѣхъ счастливецъ, которые пользуются дачей. Марія покраснѣла и застѣнчиво смотрѣла на сухой свернувшійся листъ, упавшій возлѣ нея. Мысль сестры казалась ей абсурдной. Сильвестро также смутился. Ребенокъ не понималъ ихъ смущенія, и неловкость продолжалась недолго.

Сильвестро обнялъ дѣвочку и сталъ съ нею разговаривать. Марія тоже вставила нѣсколько словъ, и всѣ разсмѣялись. Общій смѣхъ разсѣялъ смущеніе.

— Ты голодна?—спросилъ Сильвестро.

— Очень,—отвѣтила Люція.

Они направились къ ресторану. Люція побѣждала было впередъ, но быстро вернулась.

— Тамъ люди!—сообщила она.

— Гдѣ?

— Въ ресторанѣ. Тамъ Дьяволина.

Сильвестро вдрогнулъ.

— Съ кѣмъ?—спросила Марія.

— Съ блѣдной дѣвушкой, что однажды была у насъ.

— Дѣва,—пояснила Гардадритта.

— И еще двое мужчинъ.

— Кто же это можетъ быть?—спросилъ Сильвестро.

— Пойдемъ въ другой ресторанъ.

— Тебѣ непріятно?

— Мнѣ-то ничего. Я о тебѣ забочусь.

— Если такъ, то пойдемъ туда.

Въ концѣ концовъ, въ правѣ же онъ дѣлать, что ему угодно?

Когда они вошли въ столовую, сразу воцарилось молчаніе. Всѣ были поражены.

— Здравствуйте, друзья!—крикнулъ Сильвестро.

Двое мужчинъ были Маркини и одинъ молодой рабочій почтительно поднявшійся при видѣ контролера.

— Не беспокойтесь,—сказалъ ему Сильвестро.

— Какими судьбами?—воскликнулъ Маркини.

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Женщины также поздоровались. Дѣва и Дьяволина поѣловали Люцію.

— Да садитесь же!—продолжалъ Сильвестро.—Для насъ уже готовы приборы.

Онъ пожалъ руку Дѣвѣ, Дьяволинѣ и рабочему. Дѣва двусмысленно улыбнулась.

— Сдвинемъ наши столы,—предложилъ Маркини.

— Прекрасно!

Они переставили столы и усѣлись.

— Какое счастье!—обратилась Дѣва къ Маріи.—Благодаря тебѣ, г-нъ Бондури съ нами.

Лицо Маріи стало опять холоднымъ.

— Это моя заслуга,—крикнула Люція.—Сильвестро—мой другъ. Онъ меня пригласилъ; правда, Сильвестро?

— Правда, правда.

Всѣ засмѣялись. Дьяволина усадила Люцію возлѣ себя. Сильвестро помѣстился съ другой стороны, Марія рядомъ съ нимъ, а Дѣва съ Маркини и молодымъ рабочимъ противъ нихъ. Кто изъ нихъ съ нею въ связи? Сильвестро никакъ не могъ угадать. Маркини? Но это казалось ему невозможнымъ. Почему же Маркини пришелъ сюда? Это такъ не похоже на него. Онъ всегда предпочитаетъ одиночество.

Они говорили всѣ вмѣстѣ, рассказывая, какъ провели день. Четверо друзей на зарѣ отправились за городъ пѣшкомъ. Было прохладно, и они не утомились. Такая прогулка—большое наслажденіе.

— А мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ!—воскликнула Люція.

Сильвестро замѣтилъ, что молодой рабочій ждетъ, чтобы Дѣва обратила на него вниманіе. У него было недовольное лицо, и онъ кисло улыбался. Очевидно, равнодушіе Дѣвы объяснялось присутствіемъ Сильвестро. Контролеръ былъ польщенъ. Рабочій заговорилъ, желая напомнить о себѣ.

— Скоро придутъ остальные.

— Остальные?—спросила съ удивленіемъ Марія.

— Да... Вотъ увидите...

— Нѣтъ! не говорите... тсс... это сюрпризъ,—прервали его, смѣясь, другіе.

Одинъ Маркини былъ угрюмъ и даже какъ будто чѣмъ-то опечаленъ. Онъ наклонился къ Гардадриттѣ и шепнулъ ей:

— Скажите ему, что, можетъ быть, и Томболи придетъ.

Марія предупредила контролера.

— Пусть приходитъ, — отвѣтилъ Сильвестро и безпечно улыбнулся.

Подали ужинъ. Всѣ были голодны и набросились на пищу. Дьяволина разрѣзала мясо для Люціи. Молодой рабочий ругалъ хозяина, что онъ медленно подаетъ. Маркини обратилъ вниманіе своихъ сосѣдей на Дьяволину, съ нѣжностью заботившуюся о Люціи.

— Настоящая мать,—сказалъ Сильвестро, и всѣ согласились.

Къ Сильвестро всѣ относились очень почтительно. Съ нимъ соглашались, его слушали. Онъ былъ центромъ общества. Люція восхищалась ужиномъ. Даже салатъ! даже десертъ! Ея радость всѣхъ забавляла.

Дѣва ѣла мало. Она кидала время отъ времени томные взоры на Сильвестро, жеманилась и кокетничала. Марія не замѣчала этого и часто жала руку Сильвестро, напоминая ему, что она возлѣ него.

Когда общество уже кончило ужинать, у входа послышался шумъ.

— Вотъ они!—воскликнулъ рабочий.

Вошла Лапка съ толстымъ старичкомъ. За нею Длинная Нога съ Томболи, усталымъ и покрытымъ пылью. Сильвестро подаль ему руку, глаза Дьяволины одобрили его, и онъ почувствовалъ себя львомъ. Здѣсь относились къ нему съ почтеніемъ, здѣсь было его мѣсто. Онъ чувствовалъ себя выше другихъ, и это опьяняло его. Часовой арміи хозяевъ сталъ во главѣ ихъ непріятелей.

— Впередъ! — говорили глаза Дьяволины, внушая ему хаосъ различныхъ желаній. Онъ забылъ Марію и Люцію, забылъ Дѣву, бывшую уже въ объятіяхъ молодого рабочего; забылъ Лапку, сидѣвшую на колѣняхъ своего старичка, бродячаго торговца башмаками, котораго она случайно подцѣпила и считала своимъ будущимъ мужемъ. Онъ забылъ Длинную Нogu, ухаживавшую за Люціей и повившук ее виномъ; забылъ Томболи, полоскавшаго себѣ горло большими глотками вина. Онъ видѣлъ лишь улыбку Дьяволины, мрачное лицо Маркини и тѣхъ, кто боролся съ общимъ врагомъ, и, поднявшись со стаканомъ въ рукѣ, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ братство рабочихъ!

Раздались апплодисменты.

— Хорошо сказано,—шепнула Лапка своему обожателю. Маркини поднялся, подошелъ къ Сильвестро и тихо спросилъ:

— Что съ вами сегодня?

— Я говорю то, что думаю.

— Вы раскаетесь.

— Никогда.

— Мы потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Охотно.

Сильвестро опьянѣлъ, хотя не выпилъ и стакана вина. Онъ много говорилъ о справедливости, объ униженіи, о бѣдности, о тайныхъ преступленіяхъ; его воодушевляли глаза Дьяволины.

— Это правда, правда!—говорили эти глаза. Между тѣмъ, вино оказало свое дѣйствіе на всѣхъ присутствующихъ. Дѣва улыбалась Сильвестро и обнимала молодого рабочаго. Длинная Нога заставляла Люцію пить вино и заплетающимся языкомъ рассказывала Маріи о какихъ-то друзьяхъ, нажившихъ баснословныя богатства. Продавецъ башмаковъ беззащитчиво щекоталъ Лапку.

Маркини, Сильвестро и Дьяволина серьезно поговорили между собою и вышли изъ трактира.

— Куда они пошли?—спросила Марія.

— Богъ ихъ вѣдаетъ,—отвѣтили ей.

Марія выпила еще стаканъ вина и успокоилась. Когда трое друзей вернулись, всѣ были уже пьяны... Марія пѣла, растегнувъ воротъ рубашки; ея лицо было очень блѣдно. Длинная Нога придерживала Томболи, падавшаго со стула. Люція испуганно смотрѣла на отвратительную сцену.

— Видите!—сказалъ Маркини Сильвестро.

— Это не по ихъ винѣ,—возразила Дьяволина.

Сильвестро въ первый разъ видѣлъ своихъ товарищей пьяными.

— Ужасно!—вздыхнулъ онъ.

— Съ этими людьми ничего нельзя подѣлать,—отвѣтилъ Маркини.—Предложите имъ выбрать между борьбою и выпивкой,—они предпочтутъ выпивку.

— Ты не вѣришь въ людей,—сказала ему Дьяволина.— Они не испорчены.

— И возродятся,—увѣренно произнесъ Сильвестро. Дьяволина согласилась съ нимъ.

Марія, шатаясь, подошла къ Бондури.

— Гдѣ ты былъ?

— Мы прогуливались въ саду.

— Отчего ты не позвалъ меня?

— Смотри!—онъ указалъ Маріи на Люцію. Дѣвочка дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Что съ тобою? Тебѣ дурно? Что съ тобою?—заволновались друзья.

— Больно,—прошептала дѣвочка.

— Гдѣ?

— Здѣсь и здѣсь,—она указала на животъ и коснулась рукой висковъ.

— Ее напоили,—сердито замѣтилъ Маркини.

— Какой негодяй это сдѣлалъ?

Никто не отвѣтилъ.

— Она выпила одной рюмкой больше,—сообщила послѣ нѣкотораго молчанія Длинная Нога.

— Колдунья!—пробурчала Маркини, но та притворилась, что не слышать.

Дѣвочка стонала. Сильвестро поднялъ ее и вынесъ изъ трактира на воздухъ.

— Бѣдная моя! тебѣ больно. Здѣсь хорошо. Смотри, сколько цвѣтовъ! Гдѣ тебѣ больно. Здѣсь? Хочешь спать?

Длинная Нога была недовольна.

— Столько шума изъ-за лишней рюмки вина!—ворчала она.

Марія послѣдовала за Сильвестро, вся въ слезахъ.

— Уходи! ты пьяна,—сказалъ ей контролеръ съ отвращеніемъ.

Она потеряла въ его глазахъ всякую прелесть.

— Почему ты ушелъ?

— Молчи,—грубо отвѣтилъ онъ ей.

Онъ не могъ простить ей, что она позволила напоить Люцію.

Къ нему подошла Дьяволина.

— Позвольте мнѣ отнести ее наверхъ. Я ее раздѣну, и она отдохнетъ. Это скоро пройдетъ.

Она взяла Люцію на руки. Сильвестро послѣдовалъ за нею. Они поднялись по сырой лѣстницѣ во второй этажъ. Люція дремала, и волосы ея свѣшивались внизъ. Дьяволина бережно несла ее въ своихъ сильныхъ рукахъ. Она уложила ее въ постель, сняла съ нея платье и разстегнула рубашку. Люція лежала, худая, неподвижная, какъ трупъ, покрытая сшитю изъ тряпокъ рубашенкой, украшенной большой буквой L.

— Бѣдное дитя! Бѣдное созданіе!—прошептала Дьяволина.—Какъ она худа!

Она смачивала виски Люціи холодной водой. Сильвестро съ нѣжностью слѣдилъ за ея движеніями. Ихъ раздѣляло только истощенное тѣло дѣвочки, и Сильвестро чувствовалъ себя безконечно близкимъ къ этой женщинѣ, связанной съ нимъ чувствомъ жалости.

Гарпадритта все еще плакала въ саду. Маркини молча смотрѣлъ на нее.

— Я очень несчастна,—сказала она.

— Ты теперь лишь это замѣтила!..

— Онъ меня не любитъ.

— А ты?

— Я?.. гдѣ Дѣва?

— Она тамъ... цѣлуется.

— Безстыдница!

Маркини засмѣялся.

— Она хорошо дѣлаетъ, — продолжала Гардадритта, — я тоже такъ буду поступать.

— А что ты до сихъ поръ дѣлала?

Марія раздраженно подняла голову и, встрѣтивъ ироническій взглядъ Маркини, опять заплакала.

— Я очень несчастна.

— Мы всѣ несчастны, — сказалъ про себя Маркини.

— Гдѣ сестра?.. Я хочу ее видѣть.

— Ты теперь только вспомнила о ней?

Она хотѣла пойти наверхъ, но Маркини удержалъ ее.

— Она спитъ. Не тревожь ее.

— Тогда я пойду къ другимъ, — и она направилась къ трактиру. Маркини проводилъ ее глазами и, посмотрѣвъ на окно второго этажа, позвалъ Бондури.

Сильвестро показался въ окнѣ.

— Что съ Люціей?

— Лучше. Она спитъ. Я иду внизъ.

Онъ присоединился къ Маркини. Изъ ресторана доносилось нестройное пѣніе.

— Бѣдная дѣвочка! Какъ она худа!

— Всѣ дѣти рабочихъ таковы, — сказалъ Маркини.

— Дьяволина ухаживаетъ за нею, какъ мать.

— Она — ангелъ и другъ всѣхъ сгорающихъ и смѣлыхъ, — подтвердилъ Маркини. — Лиза умѣетъ утѣшить и поддержать въ борьбѣ.

— Она всегда была такая?

— Всегда.

— Борецъ за освобожденіе! — задумчиво произнесъ Сильвестро.

— Да... страстный... немного слѣпой: она слишкомъ добра и молода.

— Вы не раздѣляете ея вѣры въ освобожденіе?

— Почему же?.. Но только для себя, а не для другихъ.

— Не понимаю.

Маркини указалъ рукой на трактиръ.

— Мужчины — рабы безстыдныхъ женщинъ... Женщины — животныя... у нихъ нѣтъ иллюзій.

— Вы надѣетесь на будущее?

— Да!.. но я не увижу его... Умереть много поколѣній прежде, чѣмъ все измѣнится.

— Въ вашемъ невѣріи много вѣры, — сказалъ Сильвестро. — Вѣра доставляетъ утѣшеніе.

Маркини грустно улыбнулся.

— Да... Надежда, это—радость.

— Вы уже давно такъ думаете?

— Со времени освобожденія изъ тюрьмы.

Сильвестро вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ. Я забылъ все и помнилъ только то, чему научился въ типографіи... Вамъ трудно понять, что можетъ сдѣлать съ человѣкомъ сознаніе, что онъ убилъ другого. Я не сумѣю вамъ это объяснить... Видите ли... если бы вы ранили человѣческое тѣло, вы полюбили бы потомъ это тѣло, его боли, вы полюбили бы его, потому что жалѣли бы... Это—не просто жалость... Это—что-то другое... Я не могу объяснить вамъ... И потомъ угрызения совѣсти, мучительныя, неотвязныя... они хлещутъ, какъ бичъ... Вы меня поняли?

— Это ужасное страданіе,—замѣтилъ Сильвестро.

— Конечно... Радость и горе—жизнь.

— Васъ трудно понять.

— Не такъ легко, легче напиться до пьяну.

— Да.—Сильвестро опять вспомнилъ сцену въ ресторанѣ.—Жалко, что бѣдныя такъ безобразны.

— А богатые! У нихъ только все шито-крыто.

— Вы думаете?

Маркини засмѣялся:

— Расскажите имъ мое прошлое, — они назовутъ меня темнымъ, подозрительнымъ человѣкомъ и скажутъ, что я ловлю рыбу въ мутной водѣ...

Сильвестро улыбнулся.

— Поэтому я и живу одинъ.

Дьяволина сидѣла у окна. Маркини, замѣтивъ ее, испуганно прошепталъ:

— Она слышала?

— Развѣ она не знаетъ?—спросилъ Сильвестро.

— О, ей я бы никогда не могъ бы сказать...

И на его лицѣ опять появилось скорбное выраженіе, замѣченное Сильвестро раньше въ трактирѣ.

— Который часъ?—тихо спросила Дьяволина.

— Поздно. Ее пора уже разбудить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ее понесу на рукахъ... сейчасъ я ее одѣну.

— Пойдемъ, посмотримъ на нашихъ спутниковъ,—предложилъ Маркини.

— Они, вѣроятно, уснули. Что-то не слышать ихъ.

Они вошли въ трактиръ. Никого не было, кромѣ молодого рабочаго и Гардадритты. Длинная Нога увела съ собою Дѣву; рабочій и Гардадритта утѣшали другъ друга.

— Не стѣсняйтесь,—сказалъ, смѣясь, Сильвестро.

— Это—мой женихъ,—торжественно заявила Марія.

— Поздравляю васъ,—сказалъ Маркини.

Они были пьяны и сидѣли, обнявшись. Сильвестро обратился къ Маркини.

— Люцію придется на ночь куда нибудь увести.

— Конечно. Она будетъ ночевать у Лизы.

— У Дьяволины?

— Да. Она согласится.

— Она живетъ одна?

— Съ матерью. Очень добрая старушка.

Дьяволина спустилась внизъ съ Люціею на рукахъ.

— Я пойду впередъ.

Маркини крикнулъ жениху и невѣстѣ:

— Поднимайтесь! Мы опоздаемъ на поѣздъ.

— Иду,—отвѣтилъ рабочій, взявъ Гардадритту подъ руку.

Общество двинулось въ путь въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ явилось сюда.

Люція проснулась, когда поѣздъ уже тронулся. Она раскрыла на минуту глаза и тотчасъ опять закрыла ихъ. Была уже почти ночь. Дьяволина разговаривала съ Маркини. Гардадритта и рабочій пѣли, а Сильвестро смотрѣлъ въ окошко на мелькавшія деревня и думалъ о всемъ пережитомъ за этотъ день. Теперь онъ немного жалѣлъ, что произнесъ свою рѣчь, но желаніе быть самому себѣ господиномъ брало верхъ... Онъ хотѣлъ быть сильнымъ и броситься въ битву со знаменемъ угнетенныхъ въ рукѣ. Между ними — покорными и невѣжественными—онъ чувствовалъ себя героемъ, и его четыре класса гимназіи опять получали значеніе. Онъ мечталъ уже о баррикадахъ... Вдохновленный поцѣлуемъ Дьяволины, онъ ведетъ народъ... къ побѣдѣ... Она будетъ одержана, въ этомъ былъ увѣренъ даже Маркини... Тысячи рукъ протягиваются къ нему... Онъ освободитель... Онъ, сынъ народа...

Онъ почувствовалъ на себѣ тяжесть. Это была Люція. Она смотрѣла на него пьяными глазами, странно выдѣлявшимися на маленькомъ страдальческомъ личикѣ. Гардадритта обнималась со своимъ женихомъ. Сильвестро почувствовалъ жалость; мечты его потускнѣли, и въ немъ заговорила лишь природная доброта. Нужно спасти этого ребенка, сестра его погубить. Сегодняшній день не предвѣщаетъ ничего добраго.

— Хочешь остаться со мною?—спросилъ Сильвестро.

— Да, навсегда.

— А съ Дьяволиной?

— Тоже.

— А съ Маріей?

№ 10. Отдѣлъ I.

- Нѣтъ. Лучше съ тобою.
— Я буду приходить каждый день.
— Хорошо.
— Ты будешь заниматься, работать...
— Да.
— Ты меня любишь?

Она охватила своими худенькими ручками его шею, пригнула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Отъ нея пахло еще виномъ.

Маркини попросилъ Дьяволину взять дѣвочку къ себѣ.

— Я беру расходы на себя,—прибавилъ Сильвестро.

— Почему же? Мы всѣ...

— Нѣтъ ужъ, извините! Она—моя, и я самъ хочу ей помогать.

Маркини не возражалъ. Люція положила голову на руки Сильвестро и заснула. Онъ заботливо положилъ ея головку къ себѣ на грудь, боясь, чтобы толчки поѣзда не разбудили ея. Въ его мечтахъ эта маленькая свѣтлая головка преображалась... Это Клара отдыхала у него на груди. Его Клара—опять дитя... и она не разстанется съ нимъ...

Они сошли съ поѣзда. Лиза подошла къ Гардадриттъ:

— Я возьму Люцію къ себѣ,—сказала она.

Марія не осмѣлилась протестовать и только спросила:

— А завтра?

— Завтра посмотримъ.

Сильвестро позвалъ извозчика и усадилъ въ карету Лизу и ребенка.

— Addio, Сильвестро!

— До завтра.

— Addio.

Маленькая ручка высунулась изъ окошка, на подобіе ручки Клары, только меньше и безъ колецъ. Это тронуло Сильвестро. Онъ простился и пошелъ рядомъ съ Маркини. Марія освободилась изъ объятій рабочаго и подошла къ контролеру. Она немного протрезвилась.

— Прости меня!—сказала она.

— Ладно,—отвѣтилъ, смѣясь, Сильвестро.

— Онъ обѣщалъ жениться на мнѣ.

— Прекрасно.

— Ты не сердишься?

— Нисколько.

— Мы остаемся друзьями?

— Конечно.

— Прощай. Спасибо за прогулку.

Сильвестро увидѣлъ, какъ рабочій вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ Маріей.

— Все равно,—подумалъ онъ.—Люди тамъ больше не
будеть.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*
* * *

Дни скорби и стыда!.. Сжимаютъ горло слезы,—
Мнѣ стыдно за тебя, возлюбленный народъ!
Такъ скоро отцвѣли мечтаній яркихъ розы,
Такъ онъ далекъ опять, спасительный исходъ!
И съ болью вижу я, что надъ твоей душою
Еще простерта ночь, витаютъ злые сны,
И ты не видишь ихъ,—укрытыхъ темнотою,—
Всесильныхъ хищниковъ родимой стороны!
На нихъ поднялся-бъ ты могучей бурей мщенья,
Изъ жалкаго раба бойцомъ свободнымъ сталъ...
Но ты на слабого напалъ безъ сожалѣнья,
Ты у несчастнаго младенцевъ растерзалъ!
Позора, скорби дни...

П. Я.

Изъ крестьянскихъ настроеній.

I.

Московский съездъ.

— Тогда явился земскій начальникъ, собралъ черную сотню, мѣстныхъ богачей и старшину. Послали доношеніе, куда слѣдуетъ. Потомъ созвалъ сельскій сходъ, говорятъ прямо: „Если попадутся вамъ братья Крамаренки, избейте ихъ!“—Тутъ зашумѣли: „За что?“—„Цыцъ! Молчать, не разговаривать!..“

Между тѣмъ, по округѣ пошелъ слухъ, стали къ намъ являться люди изъ разныхъ волостей. — „Просить васъ покорно прійхать приговоръ писать!“ — И вездѣ постановляли то же о землѣ и о собраніи народныхъ представителей“...

Съездъ заседаетъ подѣ Москвой въ сельской мѣстности. Участвуютъ больше ста делегатовъ изъ двадцати пяти русскихъ губерній. Большая часть великороссы, есть бѣлороссы и малороссы. Иностранцевъ нѣтъ ни одного. Есть нѣсколько газетныхъ корреспондентовъ, секретарей и пр.

Мѣстомъ собранія служитъ большой старый сарай, укромно расположенный въ сторонѣ отъ дороги. Не смотря на полтора ста присутствующихъ, въ сараѣ полная тишина. Публика слушаетъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Многіе встали съ мѣста и подошли къ самому столу. Другіе сидятъ на импровизированныхъ скамьяхъ изъ досокъ, положенныхъ на чурбаны и кое-какъ прибитыхъ гвоздями. Огромное большинство въ высокихъ сапогахъ, поддевахъ и косовороткахъ. У многихъ одежда совсѣмъ старая, въ заплаткахъ. Руки у всѣхъ обросли мазолами и тверды, какъ желѣзо. Щеки обвѣтрены и шеи сожжены отъ работы подѣ солнцемъ и открытымъ небомъ. Мѣстами встрѣчаются славныя молодые лица, открытые взгляды, напоминающіе учащуюся молодежь. Но у большинства широкія бороды, часто подернутыя мросѣдью, глаза у нихъ суровые и добь въ морщинахъ. Всѣ молчатъ и слушаютъ, какъ въ церкви. И, не смотря на убогую обстановку, собраніе дышитъ какой-то особой торжественностью, и высокая

кровля сарая, прорѣзанная въ разныхъ направленіяхъ тонкими стропилами, похожа на острый куполъ готическаго храма.

— Тогда пріѣхалъ непремѣнный членъ, — продолжаетъ ораторъ, — собралъ выборныхъ отъ всѣхъ десяти волостей на нашей сельской площади „для усовершенствованія приговоровъ“. — „Пишите, — говорить, — только о мѣстныхъ нуждахъ, на примѣръ, о прірѣзкѣ выгона. Не вступайтесь въ высокія дѣла!..“

— Не надо!.. — Чернобородый мужикъ, стоящій въ переднемъ ряду, неожиданно вмѣшивается въ рѣчь оратора. У него голая грудь, огромная мохнатая голова. Рукава у него засучены, какъ будто бы онъ приготовился къ какой-то спѣшной работѣ. И, глядя на него, я вспоминаю крылатое слово одного моего знакомаго изъ саратовскихъ крестьянъ: „Кудлатые заворошились!“

— Мѣстныя нужды было прежде обсуждать, — заявляетъ чернобородый. — Теперь не время. Намъ, быть можетъ, больнѣе, что наше отечество гибнетъ, чѣмъ имъ... Пропадаетъ оно и дома, и на полѣ... Ъздаютъ на насъ, душатъ, обдираютъ, какъ бѣлку, истязуютъ невинныхъ людей!..

Голосъ у чернобородаго запальчивый, съ надрывомъ, глаза горятъ мрачнымъ огнемъ. Гдѣ я видѣлъ эту злобщую фигуру? И вдругъ мнѣ вспоминается парижскій Салонъ, большое полотно молодого художника Лафорта: толпа идетъ въ лохмотьяхъ и шерстяныхъ колпакахъ, босикомъ или въ деревянныхъ лаптяхъ. У всѣхъ колья, косы, желѣзныя палки. Впереди огромная чернобородая фигура съ желѣзными вилами въ рукахъ. И на вилахъ болтается какой-то ужасный, безформенный, кровавый лоскутъ...

— Двадцать пять приговоровъ, — продолжаетъ докладчикъ и поднимаетъ со стола пачку сѣрыхъ документовъ. — Сколько тысячъ подписей, а скрѣплены печатами. Люди приходили слишкомъ за 60 верстъ. А то побѣгутъ съ косовицы, по дорогѣ рѣка. Обходить греблю далеко и некогда. Вотъ они скинутъ одежду и переплывутъ на нашу сторону. Въ чемъ мать родила, приходятъ подписываться...

— Изъ другихъ волостей насъ звали, да мы сюда уѣхали. И даже на вокзалъ намъ три подписки принесли отъ новыхъ обществъ: „Что для крестьянскаго союза вы дѣлать будете, мы заранѣе согласны и во всемъ томъ спорить и прекословить не будемъ“.

— Въ нашей губерніи то же самое, — говоритъ другой делегатъ. — Узнали про указъ изъ газетъ и отъ добрыхъ людей, собрались обсудить противъ этого. Старшина запретилъ и урядникъ потому-жъ. Тутъ всѣ вотрепенулись. Почему скрываютъ, или, можетъ, языкомъ прибалтываютъ?.. Вотъ будутъ народные выборные. Надо съѣхаться намъ въ селѣ Хомутахъ. Сейчасъ старшина послалъ къ земскому нарочнаго. Узнали про нашъ интересъ. Прі-

ѣхалъ къ намъ въ четыре часа утра, всталъ насъ спящихъ, моѣхалъ, конечно, въ экономію, къ барину.

— Является въ восемь часовъ, напятавшись экономическимъ духомъ, а можетъ и шампанскимъ...

Публика смѣется.—Извѣстно, стаканники они, — продолжаетъ ораторъ,—чужое вино стаканами пьютъ, отъ волостного судьи до самаго земскаго...

— Велѣлъ намъ земскій обратиться въ классъ,—продолжаетъ ораторъ,—въ земскую училищу. Мы всходимъ въ классъ и рѣшили: полицію не пускать. Такихъ смѣлыхъ людей поставили у дверей, не пускать и только. Стражники не уходятъ.

— Почему не пускаете насъ? — Потому, мы не арестанты и не японцы, чего вамъ надо на нашемъ сходѣ?.. Можетъ, намъ радости привезъ начальникъ, ласковый манифестъ.

— Тутъ приходитъ земскій.—„Покорнѣйше прошу васъ не волноваться“.—А что правда, что есть царскій указъ отъ 18 февраля? Почему вы скрывали четыре мѣсяца?..

— „Писаря своего спросите, почему онъ не объяснилъ“.—Эй, писаря сюда.—А писарь убѣжалъ со схода.. А земскій кричить: „Не волноваться!.. Вспомните сосѣдей вашихъ, село Шахово. Три года тому назадъ пришла на нихъ воинская сила, разбила, изувѣчила. И вамъ то же будетъ. Чѣмъ смуту заводить, теперь такое время, надо за отечество стоять!..“

— Я впереди стоялъ и отвѣчаю къ нему: — Я согласенъ стоять, но если я паду, потомъ мои дѣти пойдутъ побираться. У васъ собакъ много, а крестьянамъ подать нечего...

— Тутъ онъ разсерчалъ: „Отвести его къ дверямъ“.—Я отошелъ шагъ къ дверямъ, на мое мѣсто вступилъ другой товарищъ, можетъ говорить еще хлещѣ меня. Такъ у насъ было сформировано, пока онъ шампанскимъ наливался.

— А земскій опять говорить: „Вамъ лучше положиться на насъ. У меня есть дядя, знатный сановникъ. Онъ составитъ для васъ милостивый проектъ, чтобы примѣрно переселить васъ на казенныя земли, отъ сотворенія міра никѣмъ не паханныя. Тамъ строевого лѣсу много. И даже валежники по восьми сажень“.

— А мой товарищъ говорить:—Не хотите ли вы сами, господа дворяне, этотъ валежникъ корчевать? У насъ и такъ спины трещать!

Новый ораторъ быстро вскакиваетъ на скамью. Онъ тонкій и злой, въ рѣчи волнуется и сильно размахиваетъ руками.

— Земскій начальникъ, какъ чирей,—кричитъ онъ,—наболѣло отъ него. Только доткнися, ревня реветъ... Мы дожили до конца. Дальше жить нечѣмъ. У всего народа земельная болѣзнь. Вездѣ смута аргарная.—Онъ произноситъ *аргарная*, а не *аграрная*.—Не прежде всего свобода, всеобщій и равный приговоръ, законодательный разборъ...

Одинъ ораторъ смѣняетъ другого. Всѣ они рассказываютъ изумительныя вещи.

— У насъ десять приговоровъ, — говоритъ одинъ, — восемь послали въ комитетъ министровъ, а два задержаны...

— Въ нашемъ уѣздѣ было собраніе, шестьдесятъ уполномоченныхъ. Полиція переписала, но крестьяне отказались разойтись...

— У насъ въ кружкѣ двадцать два человѣка, можно бы двѣсти, но это пока. Тоже выбираемъ не зря. Другіе бываютъ болтуны... Но если угодно, за нами пятьсотъ пристанутъ...

— У насъ въ одиннадцати уѣздахъ организація, голые крестьяне. Только теперь стали интеллигенцію привлекать, да она идетъ туго...

— У насъ было собраніе въ четыреста человѣкъ изъ всѣхъ селъ, рѣшили: передать всю землю въ руки народа.

— У насъ было сходбище въ пять тысячъ человѣкъ, въ городѣ, у земскаго дому. Прочитали петицію, согласились, выбрали уполномоченнаго. А онъ теперь въ Харьковской тюрьмѣ казенныхъ блохъ кормитъ...

Не менѣе поразительныя вещи они рассказываютъ о матеріальномъ состояніи деревни.

— Неурожай у насъ. Яровые на траву скосили. Коней кормить нечѣмъ, саміи голодъ. Дѣти мрутъ, народъ пухнетъ, милостыню некому подавать...

— У насъ другой годъ подати не платятъ. Пробовали худобу продавать, никто покупать не смѣетъ. Боятся кулаки. Теперь искать перестали.

— А у насъ наберутъ недомышниковъ въ холодну, а они не входятъ всѣ. Десятскій и пойдетъ къ старшинѣ, что не хватаетъ мѣста ихъ садить...— „Нужно ли ихъ садить! пусть постоятъ, не велики бары!“—Съ тѣмъ и набьютъ ихъ въ холодну, какъ огурцовъ въ кадку, и двери замкнуть. Стойте тамъ!

Среди делегатовъ есть двое увѣчныхъ. У одного отрѣзаны по локоть обѣ руки, онъ потерялъ ихъ на фабрикѣ, подъ маховымъ колесомъ. У другого параличныя ноги, и онъ кое-какъ ползаетъ по землѣ при помощи двухъ костылей. Они присланы сюда, вѣроятно, какъ неспособные къ той страшной земледѣльческой работѣ, которая теперь кипитъ во всѣхъ концахъ Руси. Впрочемъ, я замѣчалъ, что увѣчные часто становятся деревенскими интеллигентами. Работоспособность, покинувъ руки, уходитъ въ голову, и физическій трудъ замѣняется чтеніемъ и размышленіемъ. Повторяется старая исторія Игнатія Лойолы и Тихо де-Браге.

Безрукій делегатъ выходитъ впередъ. Онъ не можетъ дѣлать жестовъ. Быть можетъ, поэтому рѣчь его имѣетъ медленный и торжественный характеръ.

— Имѣю честь привѣтствовать первое собраніе крестьян-

екихъ депутатовъ для великаго дѣла земли русской. И желаю передать собранію отъ имени пославшихъ меня товарищей общій подъемъ, энергію и силу движенія, которое охватило нашу дорогую страну. Натяжка гнетъ, какъ тугая струна, вотъ-вотъ оборвется. Они просили меня передать вамъ ту вѣру, ту надежду, и чтобы не забывать намъ крестьянамъ, что насъ 120 миліоновъ, и легко мы можемъ отбѣнить все злое надъ нами...

— Сравнивая разницу газетъ „Сынъ Отечества“ и „День“, просили передать тотъ плевокъ, котораго достойны эти самозванные пустохвалы. Какое право имѣютъ курскіе кабатчики или разныя Амалии Карлы говорить отъ крестьянскаго имени? И просили меня передать порицаніе чернымъ сотникамъ и хулиганамъ, но выразить подлинное довѣріе интеллигенціи, нашимъ истиннымъ радѣтелямъ. Если намъ соединиться съ нашими учеными братьями изъ интеллигентовъ, то едва ли найдется сила, которая предъ нами не уступитъ.

Публика рукоплещетъ.—Ура!—стремительно восклицаетъ чернобородый.—Теперь все поняли. Студенты, головы клади за нихъ, больше ничего!..

Я не ожидалъ отъ этой черной фигуры такого экспансивнаго довѣрія въ „ученнымъ братьямъ“. Но я вспоминаю изъ своихъ волжскихъ наблюденій, что терминъ: „студентъ“ теряетъ свой учебный характеръ и превращается въ политическую категорію. О жителяхъ дѣлаго ряда селеній говорятъ, что они „поверстались въ студенты“.

Между прочимъ, за Невскою заставой старики говорятъ то же самое о сознательной рабочей молодежи.

Въ селѣ Ивановкѣ Второй, Балашовскаго уѣзда, въ моемъ присутствіи большой сельскій хоръ, человѣкъ около восьмидесяти, обоюго пола, подъ управленіемъ регента и съ аккомпаниментомъ скрипокъ, торжественно распѣвалъ извѣстную студенческую пѣсню: „Тамъ, гдѣ тинный Булакъ со Казанкой рѣкой“... Когда тонкіе женскіе голоса стали съ задоромъ и одушевленіемъ выводить припѣвъ: „Веречумъ, веречумъ, я студентъ!“, мнѣ пришлось признать, что ходячее опредѣленіе, соединяющее крестьянскую молодежь со студентами, имѣетъ за собой нѣкоторыя основанія. Съ другой стороны, могу сообщить слѣдующій, совершенно достоверный фактъ. Изъ селенія П., расположеннаго въ глухой части Петровскаго уѣзда, пріѣхало въ торговое село Л. пять человѣкъ искать, *гдѣ записываются въ студенты.*—„Такіе, говорятъ, студенты, которые бунтуются, а при томъ деньги за аренду велятъ убавлять“...

Послѣ безрукаго вышелъ пожилой крестьянинъ, одѣтый нѣсколько лучше общаго уровня, по профессіи садоводъ и плотникъ, и произнесъ прекрасную, тщательно обдуманную рѣчь.

— Есть проектъ,—сказалъ онъ,—чтобы дать права богачамъ

а народу ничего. Бойтесь этого. Если теперь плохо, тогда будетъ стократно хуже. Потому чиновникъ не такъ держится за свое, какъ богатъ и воѣ его домоладцы. Даже, коснись дѣло до земли, есть изъ крестьянъ, которые прикупили участки, они говорятъ: у насъ есть земля, а до другихъ намъ дѣла нѣтъ. И, напримѣръ, въ несчастной Англіи свобода такая, о которой еще только начинаемъ мечтать, а землю прозѣвали, теперь и огородовъ нѣтъ. Если и мы прозѣваемъ теперь, то на триста лѣтъ, да и никогда не поправимъ. Когда начнутся выборы, то намъ будетъ ловко на предвыборныхъ совѣщаніяхъ заявить свою волю, что мы добиваемся всеобщаго, для всѣхъ равнаго права. Конечно, у тѣхъ, кто надъ нами, есть такая думка, чтобъ сдѣлать выборы тихо да гладенько, безъ лишняго разговора, какъ у Шевченки сказано: „на всихъ языкахъ вси мовчать, бо благоденствуютъ“... А только мнѣ вспоминается хохлацкая присказка, какъ человекъ снялъ со столба веревочку, а на веревочѣ были привязаны волю, а за волами была повозка. Нельзя протащить веревку, чтобы выѣсть не прошли и волю и возъ. А безъ воловъ одна веревка не стоитъ ничего.

— Такъ уже сбылось у насъ въ Черниговской губерніи. Губернаторъ пригласилъ выбирать депутатовъ въ комиссію по крестьянскому положенію, гдѣ засѣдаютъ Стишинскій и Плеве. Такіе друзья крестьянскіе, что одобряютъ крестьянскую обособленность въ безправіи и безземельѣ. Отъ каждой волости выбрали по двое уполномоченныхъ. А десятка два уполномоченныхъ отъ cadaго уѣзда выбрали по три депутата, всего 45 депутатовъ отъ 15 уѣздовъ. Одного губернаторъ не хотѣлъ позвать, одного арестовалъ, а еще шесть по назначенію. А когда губернаторъ сталъ имъ говорить о старыхъ сословныхъ правахъ, они и слушать не захотѣли.

— „Эти законы, говорятъ, нужно давно въ архиву сдать. А если вы одобряете наши отдѣльныя права, то возьмите ихъ себѣ, а намъ дайте общія, для всѣхъ равныя!“ — А потомъ написали петицію, чтобъ дать землю всѣмъ народамъ, кто бы ни былъ, евреямъ, полякамъ и другимъ, кто хочетъ. И общее образованіе на государственный счетъ, какъ общую повинность. И законодательное собраніе. Подали губернатору, а онъ читать не сталъ, а сталъ говорить напротивъ. Тутъ самый старый сказалъ: „Мы не для этихъ рѣчей пріѣзжали, намъ эти рѣчи давно надобѣли. Пойдемте, лишень, отсюда!“.. Да такъ всѣ и ушли, только шесть назначенныхъ остались...

Настроеніе собранія растеть. Со всѣхъ сторонъ требуютъ слова, перебиваютъ другъ друга, говорятъ по двое. Предсѣдатель все время звонить въ колокольчикъ, но съ трудомъ поддерживаетъ необходимый порядокъ.

— Кто работаетъ, долженъ пожинать плоды. Кто нѣтъ, пусть голодаетъ. А у насъ наоборотъ, на резиновыхъ клинахъ, ѣздить за границу, трудомъ тысячь рукъ нашихъ братьевъ...

— Трудно приходится жить. Мы плакали, просили, но без всяких послѣдствій. Теперь приходится принять другія мѣры...

— На что намъ переселеніе? Мужикъ летитъ въ пропасть, такъ соломиной не поддержишь...

— Начальства слишкомъ много: земскіе, урядники, стражники, старшины, сотскіе, не перечесть: пусть одни народные представители распоряжаются!

Вскакиваетъ какой-то растрепанный паренъ совсѣмъ первобытнаго вида и заявляетъ:

— Отъ попа крестьянамъ еще хуже, чѣмъ отъ земскаго. Открылась чайная, сталъ ѣздить. Евангеліе мѣшаетъ читать: „Не вашего ума!“ Устроили спектакль, произвели театръ, сталъ говорить: оттого и дождь не идетъ, наряжаетесь въ хари. „Сказано, говорить, отдавайте кесарево кесарю“, а самъ наложилъ на дѣвокъ налогъ, по полтиннику съ головы. Какой же въ этомъ кесарь?

Это заговорили народные иѣдра, вплоть до самыхъ застѣнчивыхъ и безсловесныхъ.

Съ открытія засѣданія прошло шесть часовъ, а высказалось не болѣе четверти присутствующихъ. Не смотря на весь интересъ ихъ разсказовъ, собраніе начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе. — „Время дорого, — раздаются голоса, — надо приступить къ программѣ“ — „Будемъ засѣдать сплошь, — предлагаютъ самые ретивые, — съ утра и до утра. Кто знаетъ, удастся-ли еще разъ собраться“.

Первые три пункта программы проходятъ быстро и единогласно. Всѣ новыя личныя права, семь свободъ, четыре хвоста известной избирательной формулы, законодательное собраніе. Равенство языковъ и національностей. Тѣ же начала и въ мѣстномъ управленіи. Никакой администраціи, кромѣ выборной на срокъ, выборные судьи, полиція по назначенію отъ мѣстной выборной власти и прочая и прочая. Даже параграфъ: безъ различія половъ — проходить съ полнымъ единодушіемъ. Одинъ старикъ мотивируетъ женское равноправіе оригинальными аргументами. — „Мы хотимъ земельного надѣла на женскую душу. Больше этого права нѣтъ. Остальныя права въ приложеніи“...

Хохлы требуютъ областного самоуправленія. „Намъ болятъ наши нужды по полосамъ, по областямъ“. Больше говорить объ областяхъ некому, ибо на этомъ замѣчательномъ стѣздѣ нѣтъ никого, кромѣ русскихъ, изъ половины губерній, обозначенныхъ въ положеніи о Государственной Думѣ.

Вопросъ о народномъ образованіи проходитъ тоже гладко. Общее, обязательное, бесплатное, по расширенной программѣ, кормежка дѣтей въ школахъ. Отмѣнить Законъ Божій совсѣмъ, или по желанію родителей. Даже отмѣнить ѣ и з. Со всѣхъ сторонъ сыплются добавочныя предложенія, свидѣтельствующія о томъ, что надъ этимъ вопросомъ много и тщательно думалось.

Связать низшее образованіе съ среднимъ, а среднее съ высшимъ. Обязательный учебный возрастъ до 13 лѣтъ. Пятилѣтній срокъ низшей школы. — Какой съ малолѣтка работникъ, только убивать его! — мрачно заявляетъ чернобородый мужикъ съ голой грудью и тотчасъ же выражаетъ желаніе, чтобы государство давало стипендіи всѣмъ способнымъ дѣтямъ, желающимъ продолжать образованіе, дабы не пропадали русскіе таланты.

Собраніе всетаки продолжаетъ проявлять нетерпѣніе. — „Давайте говорить о землѣ!“ — раздаются голоса. — Ибо „земельная болѣзнь“ составляетъ центральную ось всего этого совѣщанія.

Вопросъ о казенной землѣ проходитъ очень быстро. — То наша казна, — заявляютъ съ разныхъ сторонъ. — Та земля для насъ, а не для купцовъ брать ее съ торгу. — Я Костромской губерніи — заявляетъ одинъ делегатъ, — такого-то уѣзда, такого то села. У насъ земли только по одной десятинѣ. Фабрикъ нѣтъ, одно крестьянство, а землишка плохенькая. Сей годъ самъ второй не придетъ. Кругомъ насъ земля удѣльная. Мы видимъ, прекрасные луга сгниваютъ безъ всякой пользы, лѣсъ сохнетъ, а если потрава, то приходится стрѣлокъ и беретъ съ насъ полный штрафъ. Такимъ хозяйствомъ заниматься нельзя. Надо удѣльную землю приспособить крестьянамъ“.

— Драгуны! — раздается со двора предостерегающій окрикъ. У воротъ и на перекресткѣ стоятъ люди „на стрѣмъ“. Это они подають свой голосъ. По большой дорогѣ, саженахъ въ двухстахъ, медленно пробѣгаетъ эскадронъ драгунъ. Онъ тянется, Богъ знаетъ откуда, длинной, узкой и прямой лентой. Переднія лошади приближаются къ боковой дорожкѣ. — Свернуть, или не свернуть? — Всѣ глаза напряженно слѣдятъ за движеніемъ всадниковъ.

— Прогуливаются они! — Вдохъ облегченія вырвался изъ полутора ста грудей. Драгуны проѣхали поворотъ. Мало по малу эскадронъ сползъ внизъ, по скату широкой ложбины, и скрылся изъ виду. Въ глубинѣ дороги показался второй эскадронъ, потомъ третій. Оба проѣхали мимо. Потомъ одинъ вернулся и также медленно проѣхалъ назадъ.

Вечеръ стоитъ чудной красоты. Тихо, ясно. Легкая роса ложится на траву и на листья молодыхъ березъ. Быть можетъ, эта красота искушаетъ кавалерію продолжать свою прогулку. Мѣсто собранія выбрано не безъ лукаваго расчета въ центрѣ расположенія драгунскихъ полковъ, и даже изъ дверей сарая легко различить на крышахъ ближайшихъ избъ странные значки, указывающіе число расквартированныхъ лошадей, легкими шариками, плавно раскачивающимися на тонкихъ соломенныхъ жгу-тахъ...

Совѣщаніе давно возобновилось. Вопросъ о землѣ возбуждаетъ

такой интересъ, что никакія опасенія посторонняго нашествія не могутъ заглушить его.

— Объявить всю землю владѣніемъ народа. Кто работаетъ своими трудами, пускай получаетъ участокъ. Остальная отходить для общаго владѣнія.

Предложеніе проходитъ въ полномъ единодушіи. Полтавцы, черниговцы и херсонцы поддерживаютъ его еще ревностіе обшинниковъ великоруссовъ.

Вопросъ какъ-то самъ собой сводится къ самому щекотливому пункту: о выкупѣ частновладѣльческихъ земель.

Мнѣ пришлось въ одномъ очень почтенномъ собраніи либеральныхъ землевладѣльцевъ рассказывать о крестьянскомъ движеніи по видѣннымъ мною примѣрамъ. Когда я коснулся аграрной программы, слушатели прервали меня единодушнымъ вопросомъ:

— А признаютъ ли они выкупъ?

Я могъ только сказать, что я лично признаю выкупъ.

Теперь оказывается, что большая часть членовъ сѣзда отнюдь не раздѣляетъ моего взгляда на вещи.

— Какой выкупъ?—заявляетъ одинъ за другимъ.—Земля—Божій даръ, какъ воздухъ или свѣтъ. Кому сколько нужно, тотъ пусть и возьметъ!

— Мы крестьяне при землѣ, а дворяне при дворѣ, а земля придастокъ. Намъ земля, а имъ окладъ.

— Землю люди не робили, Богъ или Духъ Святой. Ее захватано князьями, да графами. Это надо нарушить. Перешелъ въ другую профессію, тогда окладъ, земли не надо. Кузнецу, столяру, плотнику.

— Наша собственная земля!.. Сколько мы заплатили въ видѣ выкупныхъ платежей. Теперь развѣ съ помѣщиковъ потребовать выкупъ.

Предложеніе нравится многимъ. Они предлагаютъ отобрать у помѣщиковъ инвентаръ и составить кредитный капиталъ для ссудъ бѣднымъ крестьянамъ.

Другіе предлагаютъ общѣе: взять у богачей часть ихъ капитала и уплатить изъ него государственные налоги.

Рѣчи противъ выкупа становятся все страстнѣе.

— Зачѣмъ выкупать землю, мы не продавали ее. Мы ее давно окупили работою за безбожную цѣну. Есть хутора, зимою поденщина по гривеннику, а лѣтомъ и по воскресеньямъ работаютъ.

— Выкупъ меня возмущаетъ,—заявляетъ непримиримый голосъ.—Тотъ, кто устраиваетъ изъ народной жизни скачку съ препятствіями, черезъ барьеръ... Вспомните, какъ нашихъ бабушекъ и пробабушекъ продавали въ придачу къ шарабану, заставляли щенковъ грудью кормить. Это развѣ не выкупъ? Это кровавый выкупъ. Бочками кровь проливали. Неужели еще бочки

волета? А лучше по моему: „Встань, проснись, пахарь-другъ, разогни-ка спину. Брось на время свой плугъ и возьми дубину“...

— Браво!—кричатъ со всѣхъ сторонъ, рукоплещутъ и топчутъ ногами, не смотря на шипѣніе предсѣдателя, требующаго сдержанности.

Нѣкоторые голоса, однако, начинаютъ высказываться за выкупъ. Первый голосъ подаетъ человѣкъ культурнаго облича, въ воротничкахъ и пиджакѣ. Это—бывшій волостной писарь, нынѣ гласный отъ крестьянъ и членъ земской управы.

— Какъ же безъ выкупа?—говоритъ онъ.—Фабрика и земля одинаковое средство. Многіе помѣщики перекупили свою землю.

Публика принимаетъ эти аргументы очень холодно.

— Навѣрное, самъ владѣлецъ,—говоритъ мой сосѣдъ,—по наличію видно.

Въ собраніи есть еще нѣсколько такихъ делегатовъ въ воротничкахъ. Они говорятъ по разнымъ вопросамъ, но не пользуются особымъ вліяніемъ.

Безногій крестьянинъ медленно выползаетъ на передній планъ, перебирая костылями. Онъ произноситъ свою рѣчь, полулежа на землѣ и раскинувъ врозь свои длинныя деревянныя опоры. А публика стоитъ на скамьяхъ и смотритъ на него внизъ. Я невольно соображаю, какого труда ему должно было стоять добраться съ далекаго юга до Москвы.

— Мы не имѣемъ нравственнаго права,—тихо говоритъ онъ,—вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ питаніе и выбросить ихъ на улицу. Дать имъ пожизненную пенсію. Пусть тоже живутъ...

— Дать пенсію по триста рублей въ годъ,—соглашается черниговскій,—сколько пригодно для безбѣдной жизни культурнаго человѣка.

Начинается ожесточенный споръ. Особенно рѣзкія рѣчи раздаются противъ дворянскихъ латифундій.

— Я живу въ селеніи Ограда, графа ***, но только чья ограда, не наша, а его. Онъ имѣетъ имѣніе кругомъ моего дома. Курицу прогнать на водопой—надо деньги платить. Въ селеніи двѣ церкви, одна для насъ, другая для него, и попъ особый, а служба начинается съ десяти часовъ. Передъ церковью онъ поставилъ Катерину, свою „пралюбительницу“, къ себѣ, значить, грудями, а къ паперти задомъ. Выкупиться у него только четверо могли, а мы все въ кабалѣ. Теперь у него есть 300,000 десятинъ. Какъ ему выкупъ платить, откуда такую уйму денегъ взять?

— Мы тоже помнимъ, откуда они земли получали,—подхватываетъ другой.—Екатерина да Павелъ тысячами десятинъ раздавали... Даромъ получили, въ банкахъ за большія деньги заложили да перезаложили, а за что же еще выкупъ. И такъ они воспользовались. А лучше банковые кредиты на себя перенять.

Вопросъ переходить къ выкупу мелкихъ владѣній и даже крестьянскихъ участковъ.

— Не надо выкупа,—заявляютъ непримиримые.—Кто хоть двадцать десятинъ купилъ, то не мозолистыми руками. Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

— Кто хоть пять десятинъ купилъ,—заявляетъ южанинъ холода,—то за чужой трудъ. У меня есть десятина купленная, я не стою за нее.

Одинъ изъ поволжскихъ делегатовъ немедленно идетъ дальше.

— Дѣдъ мой двадцать лѣтъ копилъ грошъ къ грошу, купилъ 35 десятинъ земли. Мы довольно пользовались ею, теперь отдаю ее въ земельный фондъ, на общую пользу... Не надо выкупа!..

Но черниговскій делегатъ не хочетъ уступать.—Я три губернии пѣшкомъ исходилъ,—сообщаетъ онъ,—Черниговскую, Воронежскую, Тамбовскую. Наши крестьяне не сдаются на безвыкупъ. Напримѣръ, въ Усманскомъ уѣздѣ мужики весь скотъ продали на приплату къ банковскимъ. Кто раньше молоко пилъ, теперь не имѣетъ, дѣти тощаютъ, за то съ землею. Станутъ картошку копать, да такъ сырую, какъ орѣшки, въ ротъ и бросаютъ,—такъ истошали. Это ихъ не сласть приучила, а нужда. А теперь они попользоваться не успѣли, а мы у нихъ безъ выкупа отнимемъ. Въ этомъ нѣтъ справедливости. Насъ теперь въ разныхъ мѣстахъ называютъ Христолюбивое войнство, какъ первые христіане.—то намъ надо не отгонять, а пріобрѣтать оторванниковъ. А такъ многихъ отгонимъ.

Споръ разгорается. Нѣкоторые предлагаютъ уплатить всѣ „кредиты“, т. е. банковскіе долги, тяготящіе на частновладѣльческихъ земляхъ, но болѣе осторожные продолжаютъ настаивать на выкупѣ.

— Нельзя не платить,—доказываетъ южанинъ.—У насъ не проведешь такъ. У насъ крестьяне хотятъ, что надо, платить, но только надо сбить цѣну.

— Если я найду два рубля,—аргументируетъ другой, опять южанинъ,—то беру себѣ. Каждый старается самъ для себя. Поэтому надо уплатить чужія деньги.

Средняя партія предлагаетъ компромиссъ, минимальный выкупъ до пятидесяти или до ста десятинъ или же до десяти тысячъ рублей по умѣренной оцѣнкѣ естественной стоимости земли.

Но непримиримые настаиваютъ на своемъ.

— Хорошо, что только землю,—иронически говоритъ одинъ,—а если бы захватили свѣтъ, воздухъ, воду, такъ тоже выкупать?.. Но если кто изъ бѣдныхъ купилъ десятину или двѣ, кто у него отберетъ?.. Ему еще прибавится. А если сто или двѣсти десятинъ, такой крестьянинъ еще хуже помѣщика.

— Полно спорить,—предлагаетъ, наконецъ, новый голосъ,—

во всемъ свѣтѣ это самое трудное о землѣ. Вотъ выберемъ народныхъ представителей въ законодательное собраніе, пускай сговариваются между собой и рѣшаютъ, какъ лучше.

На дворѣ давно стемнѣло, но въ этомъ старомъ сараѣ было бы несвоевременно зажечь огонь. Совѣщаніе продолжается въ темнотѣ, и лица ораторовъ еле выступаютъ изъ густѣющей мглы.

— Кого принимать въ члены,—поднимается вопросъ черниговецъ, — насъ пока двадцать или тридцать тысячъ, ничтожная горсточка. Нужно привлекать многихъ. Требуется ловкость, политика. Нельзя безъ ума.

— Крестьянъ принимать, другихъ не надо, — раздаются голоса.

— Интеллигентовъ принимать, городскихъ и деревенскихъ!..

Предложеніе объ интеллигентахъ проходитъ безъ возраженій.

— А принимать ли землевладѣльцевъ? — спрашиваетъ какой-то не совсѣмъ увѣренный голосъ. — Есть люди полезные!..

— Не надо помѣщиковъ,—кричатъ со всѣхъ сторонъ,—„хвали траву въ стогу, а барина въ гробу“.

Низенькій пожилой крестьянинъ выходитъ впередъ.

— Разные бываютъ господа,—заявляетъ онъ.—Я имѣю честь быть потомкомъ барскаго человѣка отъ полковника Пестеля. Мы помнимъ, какъ онъ пострадалъ, и знаемъ за что. За то самое, чего и мы теперь добиваемся. И братъ его былъ честный господинъ, всю землю отдалъ мужикамъ безъ копѣйки. Надо разбираться не по состоянію глядя, а по человѣку.

Вопросъ сорванъ и оставленъ открытымъ на разрѣшеніе мѣстныхъ совѣщаній.

— Городскихъ рабочихъ привлекать,—предлагаетъ голосъ.

— Городскіе рабочіе—наши братья,—отвѣчаютъ съ разныхъ сторонъ,—они такіе же трудящіе...

Кто-то предлагаетъ резолюцію:

„Только въ союзѣ и солидарности съ рабочими крестьяне могутъ добиться освобожденія“.

Одинъ изъ интеллигентовъ пробуетъ развивать передъ собраніемъ точку зрѣнія безземельнаго прогресса, но не имѣетъ успѣха. Ибо вмѣсто безземельнаго прогресса собраніе настаиваетъ на націонализациі земли.

Интеллигентъ говоритъ длинно, и собраніе слушаетъ не безъ нетерпѣнія.

Временами между ораторомъ и слушателями завязываются отдѣльные діалоги.

— Вы хотите, господа,—говоритъ ораторъ,—передать всю землю въ руки народа. Я не придаю этому особаго значенія. Напримѣръ, фабрики и заводы нельзя передать. Стало быть, и землю также...

— Отчего стало быть?—возражаетъ голосъ изъ толпы.—Вы не съ того конца зашли. Начали съ меньшаго, а перешли въ большому... Вы начните отъ земли, а перейдите къ фабрикамъ...

— Если передать крестьянамъ всю обработанную землю, какая есть въ Россіи, — продолжаетъ ораторъ, — на каждую душу придется не больше одной десятины прибавки...

— Ничего, намъ хватитъ,—успокоительно сообщаетъ тотъ же голосъ. — Вы считайте лучше по иному: примѣрно, крестьяне одну часть работаютъ на своей землѣ, другую на арендованной, а третью въ господскихъ экономіяхъ. Надо передать крестьянамъ всѣ три части. Больше того, сколько есть земли, мы не ищемъ...

— Чѣмъ станетъ бѣдный крестьянинъ обрабатывать увеличенный надѣлъ?—вопрашаетъ ораторъ, — у него инвентаря не хватитъ...

— Найдется, — упорно возражаетъ тотъ же голосъ. — Въ аренду беремъ, да находимъ, чѣмъ пахать. Для собственной какъ не найти?..

— Я знаю,—продолжаетъ ораторъ,—многіе изъ васъ стоятъ за поземельную общину. А въ сущности, общину создала казна для круговой поруки при уплатѣ податей. Многіе крестьяне хотятъ разрушить общину...

Въ разныхъ концахъ собранія раздается ропотъ.

— Потомъ можно будетъ устроить новую общину, свободную,—успокоительно сообщаетъ ораторъ.—Я тоже признаю преимущество общиннаго владѣнія...

Онъ начинаетъ довольно подробно описывать преимущества общиннаго владѣнія земель.

Собраніе успокаивается.

Начинаются послѣднія рѣчи.

— Почтить память всѣхъ жертвъ вставаніемъ,—предлагаетъ голосъ. Въ сарай совершенно темно. Только слышно, какъ вся масса быстро вскочила на ноги.

— Поздравляю васъ съ первымъ всероссійскимъ совѣщаніемъ крестьянъ, — говоритъ предсѣдатель. — Желаю вамъ вернуться сюда съ новыми отрядами. Каждому вернуться корпуснымъ командиромъ.

— Ура!..

Теперь слишкомъ поздно для какой-либо опасности. Собраніе кричитъ и рукоплещетъ, не стѣсняясь. Ворота сарая открываются, и группа темныхъ призраковъ начинаетъ исчезать во мракъ...

Танъ.

висьлицѣ... а она подѣ конецъ стала такой религіозной. Господи Іисусе Христе!

— Перестаньте вопить! Вѣдь это ни къ чему не ведетъ. Не слѣдуетъ поминать имени Господа всуе... Что сдѣлала Мютцель?

— Она, безумная, убила всѣхъ,—вырвалось у Притцки.— Всѣхъ убила, г. пасторъ... посудите, какое несчастье! Сама же, несчастное созданіе, едва дышетъ, а осталась невредимой, всѣ же остальные... ахъ, Царь Небесный!

Сердце Готхольда на минуту остановилось въ груди.

— У-би-ла? —пролепеталъ онъ, остановившись и сжимая сердце рукою.—Мютцель?.. Вы не шутите? Опомнитесь, что вы говорите!

— Да, да, да,—зарыдала женщина,—это вѣрно, г. пасторъ, клянусь Господомъ и Спасителемъ, правда! Она умышленно напустила угару и отравила всю семью—мужа и дѣтей. Всѣ трое умерли. Только старикъ еще живъ, но совсѣмъ помѣшался, хотя первый поднялъ крикъ и этимъ спасъ себя. Люде, конечно, былъ пьянъ, какъ стелька, ничего не замѣтилъ; такъ во хмелю и умеръ. Дѣти тоже ничего не могли понять, не знали бѣдныя крошки, что происходитъ. Такія слабенькія и несчастныя... что они могли сдѣлать?.. Было уже поздно, когда сбѣжался народъ и раскрыли всѣ окна, чтобы разогнать страшный угаръ... Просто загадка, какъ могла все это устроить смертельно больная женщина, при своей слабости,—раскалить печку и закрыть трубу? Она должна была работать втихомолку, тайно нѣсколько дней, чтобы приготовить все, и вотъ, когда всѣ улеглись сегодня спать, она затопила печку. Сама она лежала въ комнатѣ Мице, гдѣ докторъ велѣлъ держать окно всегда открытымъ,—и осталась цѣла! Этого она не предусмотрѣла, иначе ничего понять нельзя. Теперь она сидитъ на своей постели, смотритъ страшными глазами, все молится и молчитъ. И ни одного признака раскаянія или страха, г. пасторъ!.. Ей показали мертвыхъ дѣтей—даже бровью не повела. Позвали полицію, двухъ-трехъ докторовъ. Они испробовали все, что въ человѣческихъ силахъ, но мертвыхъ не воскресить... Что дѣлать съ Мютцель? —смотреть съ недоумѣніемъ другъ на друга,—никто ничего не придумаетъ. Тутъ они и послали меня къ вамъ, г. пасторъ: можетъ быть, вы чтонибудь предпримете... Тащить ее въ тюрьму, конечно, нельзя: она при смерти... Ну, а безъ висьлицы дѣло не обойдется. Убить своихъ собственныхъ дѣтей и мужа,—хотя онъ былъ и не настоящій,—вѣдь это, дѣйствительно, самое ужасное преступленіе... Не сошла-ли она съ ума, г. пасторъ, какъ вы думаете? Можетъ быть,

съ легких болѣзнь бросилась въ голову? Въдь это возможно... Ахъ, Боже мой, Боже мой, какая польза отъ ея религіозности, если теперь она будетъ лишена даже честнаго погребенія и надгробнаго слова надъ открытой могилой? О, Богъ мой!

Она продолжала болтать. Готхольдъ не проронилъ ни слова и не предложилъ ей больше ни одного вопроса. Руки его безпомощно болтались, онъ былъ совершенно разбитъ. Только сердце немилосердно билось и стучало въ вискахъ. Передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, собралась толпа, едва сдерживаемая полицейскимъ, Готхольдъ взглянулъ на небо. Это былъ вопрошающій, ищущій чего-то взгляды, понятный только ему одному. Когда они протискивались сквозь толпу, стоявшую въ корридорѣ и по лѣстницѣ квартиры Мютцель, у него мелькнула мысль: „только бы здѣсь не было Гельги Леръ!“ Ему казалось, что въ эту минуту встрѣча съ нею была бы страшномучительной.

Въ подвалѣ они нашли все еще въ большомъ безпорядкѣ. Попытки оживить Людвигъ Мютцель и дѣтей были тщетны, смерть всѣхъ троихъ была констатирована, и теперь собирались перевезти тѣла въ городскую покойницкую. Докторъ Леръ возился еще со старикомъ, корчившимся въ судорогахъ на постели и бормотавшимъ какія-то непонятныя слова. Не смотря на широко открытыя окна, въ комнатѣ чувствовался еще удушливый запахъ, оставлявшій горечь на языкѣ и въ глоткѣ. Одинъ изъ городскихъ принялся удалять изъ комнаты непрошенныхъ посѣтителей, а другой у стола сообщалъ тихимъ голосамъ свѣдѣнія полицейскому офицеру, составлявшему протоколъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ прежде жила Мице, лежала больная. Одинъ изъ врачей, застѣнчивый, неуклюжій молодой человѣкъ въ очкахъ, отошелъ отъ ея кровати и направился къ Готхольду. На ходу онъ пробормоталъ свое имя, поклонился и сказалъ:

— Мы очень рады, г. пасторъ, что вы здѣсь. Можетъ быть, вамъ удастся добиться чего-нибудь отъ этой женщины. Съ нами она не говорить.

— Ну, чего тамъ еще добиваться?—раздался упрямый, раздражительный голосъ доктора Лера, успокоившаго, наконецъ, старика.—*Furor religiosus—furor fanaticus*,—это ясно, какъ день, и встрѣчается чаще всего.

Широко разставивъ ноги и заложивъ руки въ карманы брюкъ, онъ стоялъ съ злымъ выраженіемъ, на какое только было способно его красное, круглое лицо, и бросалъ на Готхольда свирѣпыя взгляды. Тотъ слегка съежился и молча подошелъ къ постели больной. Она лежала на подушкахъ

съ молитвеникомъ въ рукахъ. На торчащихъ скулахъ мертвенно блѣднаго лица выдѣлялись ярко красныя пятна; большіе, лихорадочно блестящіе, безумные глаза пристально смотрѣли въ пространство. Бѣлыя губы непрерывно бормотали слова отходной молитвы:

— Пошли мнѣ праведную смерть, ибо я твердо вѣрю въ Тебя и въ Твою непреложную справедливость!.. Прости всѣ мои прегрѣшенія ради крови Господа нашего и Спасителя!.. Прими отъ меня жертву, принесенную тебѣ, и дай сподобиться съ небснаго блаженства! Аминь...

Готхольдъ стиснулъ зубы, чтобы не вскрикнуть. Онъ схватилъ обѣ руки больной своими руками и спросилъ дрожащимъ, полнымъ страданія голосомъ:

— Что вы сдѣлали? Зачѣмъ?

Не получивъ отвѣта, онъ повторилъ свой вопросъ еще съ большимъ страданіемъ въ голосъ... Она слегка вадрогнула, но не остановила взора на немъ, хотя онъ и старался заставить ее встрѣтиться съ нимъ глазами...

— ...Ибо я твердо вѣрю... И прими жертву, какую я принесла тебѣ...—продолжала она бормотать отдѣльные слова.

— Я спрашиваю, зачѣмъ вы это сдѣлали?—воскликнулъ Готхольдъ исполненнымъ страха и вмѣстѣ повелительнымъ тономъ, сжавъ ея руки.—Развѣ вы не узнаете меня? Отвѣчайте же мнѣ.

Въ первый разъ въ глазахъ ея мелькнулъ проблескъ сознанія.

— Г. пасторъ,—пробормотала она,—да, г. пасторъ...

Глаза ея неожиданно встрѣтились съ его глазами; она испугалась ихъ выраженія, и звукъ его голоса отозвался въ ней. Въ лицѣ ея появилось удивленіе и испугъ.

— Зачѣмъ сдѣлала? Да вѣдь мы пойдемъ къ Богу всѣ вмѣстѣ.

— Знаете ли вы, что вы—убійца, что вы совершили самое страшное преступленіе, какое есть на землѣ? Вы забыли пятую заповѣдь: убили своихъ дѣтей и отца вашихъ дѣтей. Хотѣли вы этого?

— Да, я хотѣла,—возразила она совершенно просто и беззвучно.

— Зачѣмъ же? Опомнитесь! Вы же знаете, что нельзя убивать.

— А что же было иначе?—спросила она устало.—Теперь имъ уготовано небесное блаженство, иначе они продолжали бы жить въ грѣхѣ, погибли, и мы не увидѣлись бы больше. Я не хотѣла оставлять ихъ однихъ: Люде—потому, что онъ становился все хуже и хуже, и я не могла допустить, что-

бы онъ остался съ Мице; дѣтей,—потому, что они погибли бы. Если она, какъ это видѣли всѣ, могла тайно изо дня въ день встрѣчаться съ Люде, пока жила у васъ, и прикидывалась религіозной и богомольной... то можно было ждать и самого худшаго. Она стала бы обманывать мужа, какъ обманывала меня, васъ и весь свѣтъ, уморила бы дѣтей голодомъ или заколотила до смерти. Ужъ лучше такъ, лучше пусть они будутъ со мною; Люде я все еще люблю, не смотря на то, что онъ сталъ хуже. Вѣдь вы сами говорили, г. пасторъ, что лучше раньше умереть, чѣмъ продолжать жить во грѣхѣ. И здѣсь, въ книгѣ написано то же самое. Вы говорили, что за всѣ грѣхи можно вымолить прошеніе, если только истинно и твердо вѣрить и постоянно обращать взоры на страсти Іисуса Христа. Вы говорили, что нѣтъ такого грѣшника, чтобы, осужденный на вѣчную муку, онъ не могъ путемъ вѣры достигнуть вѣчнаго блаженства, какъ нѣкогда разбойникъ на крестѣ, увѣровавшій во Христа. А я такъ много молилась, г. пасторъ: навѣрное, мы всѣ попадемъ на небеса и увидимъ чудеса рая... Люде не хотѣлъ повѣнчаться со мною на моемъ смертномъ одрѣ...

Мысли ея стали путаться, голосъ прервался. Послышались истерическія рыданія. Во время перерывовъ она снова пробовала молиться, но молитва походила на стонъ. Искушавшія, блѣдныя руки не могли держать молитвенникъ. Задыхаясь, она лишилась чувствъ; на губахъ ея показалась кровавистая пѣна.

Готхольдъ съ ужасомъ отскочилъ отъ кровати. Докторъ Леръ и другой врачъ въ очкахъ подбѣжали къ больной оказать ей помощь. Остальные присутствовавшіе поспѣшили уйти въ сосѣдную комнату, гдѣ безумный старикъ спалъ теперь спокойнымъ сномъ. Трупы были унесены, любопытные изгнаны. Полицейскій офицеръ сложилъ свои бумаги и всталъ со вздохомъ:

— Нѣтъ ли у васъ съ собою вина, Унгертъ? Мнѣ дурно,—сказалъ онъ.

Городовой вытащилъ изъ бокового кармана мундира плоскую бутылку.

— Къ вашимъ услугамъ, г. офицеръ. Ну и проклятая исторія!.. Господъ судейскихъ мы не станемъ будить. Побѣга или скрытія сущности дѣла бояться нечего: все тщательно занесено въ протоколъ, а съ арестомъ придется подождать. Едва ли эта особа проживетъ... Благодарю васъ, радъ, что пригодилась...—Онъ взялъ обратно бутылку съ виномъ.—Не нужно ли намъ еще выслушать господъ врачей, г. офицеръ?

Полицейскій безъ стѣсненія зѣвнулъ.

— Да, да...

Онъ замѣтилъ Готхольда. Блѣдный, борясь съ припадкомъ слабости и закусивъ нижнюю губу, пасторъ опустился на плетеный стулъ, принявъ неестественно-натянутое положеніе. Ноги его дрожали.

— Какая роковая исторія, г. пасторъ! Произведетъ колоссальное впечатлѣніе. Какъ разъ на руку этимъ свин... этой бандѣ социаль-демократовъ. Эти негодяи, конечно, извлекутъ изъ нея выгоды. Готовъ держать пари, что завтра, въ переловой статьѣ ихъ дрянной газеты появится: „Смерть цѣлой пролетарской семьи отъ голода“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. А въ дѣйствительности дѣло лишь въ религіозномъ помѣшательствѣ. О голодѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Гдѣ бываетъ докторъ Леръ, тамъ не голодають... Одна боязнь, что этотъ пьяный негодяй, ея любовникъ, не попадетъ на небо, если она сейчасъ не возьметъ его съ собою... Вы плохо себя чувствуете, г. пасторъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Да, вась это, конечно, разстроило. Нашъ братъ болѣе привыченъ къ такимъ вещамъ, хотя и намъ лучше было бы заниматься чѣмъ-нибудь другимъ.

Онъ снова зѣвнулъ, закрывъ на этотъ разъ ротъ рукою. Затѣмъ, заглянувъ въ сосѣдную комнату, гдѣ было все тихо, онъ опять вернулся назадъ.

— Кстати, г. пасторъ, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ этой легкомысленной бабочки, взятой вами къ себѣ въ домъ. Этой исторіи надо положить конецъ. Дѣвченка убѣгаетъ тайно изъ вашего дома каждую ночь и шатается съ мужчинами. У меня на этотъ счетъ есть вѣрныя свѣдѣнія. Мы должны арестовать ее при первомъ же удобномъ случаѣ. Лучше будетъ, если вы предварительно прогоните ее. Спасти ее нельзя: испорченная натура... Жаль, что вы вмѣшались въ это дѣло... А, господа врачи идутъ, наконецъ!

Вошли доктора, и онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Ну, какъ, милостивые государи?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

— Умираетъ,—отвѣтилъ коротко докторъ Леръ и сталъ искать свою шляпу.

— Опять милость Божія!—замѣтилъ полицейскій офицеръ, справляя свой мундиръ.

Бѣлокурый врачъ въ очкахъ потеръ пальцемъ переносье и небрежно произнесъ:

— Уважаемый коллега думаетъ, что она не проживетъ до конца дня. Я... я не могъ бы сказать... я этого не утверждаю, далеко не утверждаю. Но противъ ея перемѣщенія въ арестантскую больницу мы рѣшительно протестуемъ... Теперь она спитъ, и мы можемъ идти.

Офицеръ вздохнулъ.

— Унгертъ, вы, значить, останетесь здѣсь одинъ для надзора. Кромѣ извѣстныхъ лицъ, не пускайте сюда никого... Господа врачи, будьте такъ любезны подписать эту бумагу. Слава Богу, все кончено.—Онъ надвинулъ на лобъ свою каску.

Врачи подписали положенную на столъ бумагу, и полицейскій офицеръ спряталъ ее въ портфейль. Всѣ устали, хотѣли спать и собрались уходить. Городовой отдалъ честь. Только Готхольдъ не трогался съ мѣста. Офицеръ подошелъ къ нему. Ему показалось, что онъ спитъ, и хотѣлъ тронуть его за плечо; но при словѣ: „г. пасторъ“, Готхольдъ посмотрѣлъ на него живымъ пристальнымъ взглядомъ.

— Я останусь здѣсь; подожду, пока она проснется. Если конецъ ея такъ близокъ, то я хочу быть при немъ.

Всѣ трое нерѣшительно переглянулись.

— Зачѣмъ же, г. пасторъ?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ полицейскій, съ разстановкой и съ отгѣнкомъ явнаго неудовольствія.

— Я не могу допустить, чтобы она ушла отсюда, не раскаявшись.

— Не понимаю, г. пасторъ... вѣдь васъ всегда можно позвать въ случаѣ крайности.

— Я остаюсь здѣсь, г. офицеръ.—Голосъ его прозвучалъ спокойно и твердо.

Полицейскій пожалъ плечами, пошпентался съ городовымъ, приложилъ два пальца къ козырьку и послѣдовалъ за врачами, бросивъ съ досадою:

— Какъ желаете, г. пасторъ!

Наконецъ, все стихло. Дверь дома захлопнулась; на улицѣ замолкли торопливые шаги ушедшихъ. Заперевъ дверь на лѣстницу, городовой ушелъ въ кухню и спокойно улегся подлѣ старика, продолжавшаго мирно спать на кровати, откуда только что унесли трупы его сына и внуковъ.

Готхольдъ сидѣлъ у открытаго окна, куда врывался мягкій вѣтеръ лѣтней ночи. Его била лихорадка; ужасъ охватывалъ его въ тишинѣ, при воспоминаніи о всемъ, что произошло здѣсь. Нѣсколько разъ онъ вставалъ, на ципочкахъ подходилъ къ больной и прислушивался къ ея дыханію.

Иногда ему казалось, что она не дышетъ, и онъ наклонялся къ ней съ замирающимъ сердцемъ. Нѣтъ, еще жива,—и, успокоенный, онъ садился на прежнее мѣсто: лишь бы только не умерла безъ покаянія, не обвинила его передъ Вѣчнымъ Судіей, будто онъ внушилъ ей, что одной вѣры и молитвы достаточно, чтобы войти въ Царствіе небесное, и

при этомъ можно грѣшить и дѣлать все, что угодно... Вдругъ его охватилъ страхъ, въ вискахъ застучало и продолжало стучать: „ты виноватъ, ты виноватъ во всемъ этомъ ужасѣ, въ этомъ чудовищномъ несчастии... Ты... Если бы ты не явился съ своей проповѣдью, этого бы не случилось... Ты напугалъ и намучилъ эту умирающую ожидавшей ее загробной жизнью; страхъ помутилъ ей рассудокъ, сдѣлалъ фанатичной ханжей и толкнулъ на муже- и дѣто-убійство“... „Но вѣдь я не хотѣлъ этого!—протестовало внутри его:—я хотѣлъ только научить ее молиться, открыть ей вѣчную истину, какъ то повелѣвалъ мнѣ мой долгъ“... Истина?—вдругъ пронеслось въ его головѣ. Что есть истина?.. Онъ схватился обѣими руками за горѣвшую, какъ въ огнѣ, голову. Боже! Не сошелъ ли онъ съ ума? Онъ, онъ пересталъ понимать, что есть истина?.. Онъ вскочилъ, бросился на каменный жолъ и склонилъ голову на руки: молиться! Молиться... Но развѣ онъ можетъ молиться?

„Боже мой, Боже, зачѣмъ оставилъ Ты меня!“ стонало въ его душѣ. Но такъ молился и взывалъ Тотъ, Кто не былъ Сыномъ Божиимъ, а человѣкомъ, какъ всѣ. Была ли истина то, что онъ слышалъ вчера, когда трудящіеся и обремененные слушали новое евангеліе съ блестящими отъ восторга глазами? Или въ другомъ мѣстѣ найдетъ онъ ее, эту желанную истину? Молиться! Молиться! Но кому же? Человѣку вѣдь нельзя молиться. И они говорятъ: Бога вовсе нѣтъ; міръ, это—огромная машина, движущаяся по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ; все живетъ и все развивается; не было никакого Творца и когда-нибудь не станетъ ни земли, ни человѣка. Всѣ они проповѣдуютъ разную истину, и каждый оспариваетъ свою, увѣренный, что она единственная, необходимая и прекрасная, и только она приведетъ къ вѣчному блаженству. Кто изъ нихъ правъ? Кто единственный обладатель истины? И одинъ ли онъ владѣетъ ею? Существуетъ ли истина вообще? Какая волнующаяся смѣна мыслей, неразрѣшенныхъ, неразрѣшимыхъ сомнѣній! обураваетъ его? Откуда налетѣли онъ вдругъ? Зачѣмъ кружатся надъ нимъ, какъ стая испуганныхъ птицъ, заставляя чувствовать тревожный замахъ своихъ крыльевъ? Что нарушило его гордый покой?.. Молиться! Молиться! Богъ, которому онъ служить и вѣрить, можетъ вернуть ему покой, и нѣтъ покоя внѣ Его... Молиться! Но у него нѣтъ теперь ни одной ясной мысли, онъ не находитъ болѣе связныхъ словъ.

Тысячи противорѣчивыхъ ощущеній волновали его, и свѣтъ какъ бы подернулся легкимъ туманомъ. И, какъ только онъ хотѣлъ молиться, передъ нимъ вставала Гельга Леръ;

онъ видѣлъ, какъ останавливались на немъ ея ясные, спокойные глаза; слышалъ ея голосъ, принимавшій такой удивительно печальный отгѣнокъ, не смотря на то, что она говорила увѣренно и твердо. И ему было стыдно передъ ней, передъ этой язычницей, все же проникшейся духомъ Евангелія!

Что есть истина? услышалъ онъ въ первый разъ слова Пилата изъ устъ стараго Гадебуша, и его возмутило это богохульство служителя церкви, хотя въ душѣ старикъ, навѣрно, хранилъ честную, непоколебимую вѣру, но былъ далекъ отъ мысли навязывать ее ему или кому бы то ни было и считать ее безусловной.

Высказанный или не высказанный, этотъ вопросъ вѣчно звучалъ въ ухахъ и душѣ Готхольда и во всей путаницѣ его новой жизни; и сегодня онъ внезапно пробудился въ немъ, жегъ и сверлилъ его, не давая покоя: что есть истина? Что есть истина? Всѣ они проповѣдуютъ то, что считают истиной, или то, что имъ внушили, какъ истину. Каждый вѣритъ въ неоспоримость *своей* истины, но она не одна и та же: истина отверженныхъ и обездоленныхъ не та, что истина сытыхъ и богатыхъ, истина рабовъ -- не истина господъ, и между проповѣдниками всѣхъ истинъ есть добрые и злые, низкіе и возвышенные. Дѣло, слѣдовательно, не въ вопросѣ: служишь ли ты истинѣ, или: что ты призналъ за истину, а только единственно въ томъ: что ты за человѣкъ? Человѣкъ ли ты вообще въ чистѣйшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова? Если такъ, ты достигъ величайшаго, что доступно человѣку, и не долженъ трепетать ни передъ какой будущей жизнью.

Готхольдъ снова сжалъ свои виски руками. Что все это значить? Говорить ли это дѣйствительно въ немъ... въ немъ? И какъ попали эти чуждыя капли въ его кровь? Благодаря Курту Вельманну? Благодаря Гельгѣ Леръ? Благодаря всѣмъ сочиненіямъ, заполняющимъ его письменный столъ, и чтенію ихъ въ ночной тиши? Благодаря событіямъ послѣдней ночи? Или благодаря вообще всему, что онъ пережилъ физически и нравственно за послѣднее время? Но тогда значить, такъ хотѣлъ самъ Богъ, а самъ онъ не виноватъ... Онъ тихо застоналъ и поникъ головой. Его внезапно охватила глубокая усталость. Только бы не думать больше, не думать! Онъ съ ума сойдетъ, если будетъ продолжать думать... Онъ не могъ выносить болѣе жара и стука въ вискахъ... Уснулъ! И лучше бы не пробуждаться больше!.. Но онъ снова всталъ, чтобы подойти къ умиравшей и послушать ея дыханіе. Все еще жива и все еще спитъ, — глубоко и крѣпко. Иногда только изъ открытыхъ губъ ея вырывался тихій стонъ

или отрывистое слово. Съ трепетомъ услыхалъ Готхольдъ жалобу:

— Я вѣдь не жена твоя, Люде... поэтому...

Съ головной болью и дрожащими колѣнями, вернулся онъ ощупью назадъ и опустился на стулъ у окна.

Онъ пристально всматривался въ темноту ночи, прорѣзавшюся первыми предрассвѣтными лучами. Всѣ эти быстро проносившіяся мысли роились и путались въ его мозгу. Голова опустилась на грудь. Его охватила физическая слабость, и онъ почувствовалъ себя свободнѣе и легче. Нѣкоторое время онъ смотрѣлъ въ темноту и прислушивался. До слуха доносился лишь шорохъ и какой-то слабый шелестъ. Были ли то голоса ночи, или призрачный шепотъ звуковъ, пробуждающихся по временамъ между небомъ и землей, особенно когда надъ домомъ вѣетъ черное крыло смерти?—онъ не зналъ; холодъ снова леденилъ его тѣло. Передъ нимъ появлялись призрачныя тѣни и безмолвно исчезали. Онъ смотрѣлъ на нихъ, чувствуя, что его давитъ что-то страшное и тяжелое. Защищаться не было силъ, да онъ и не хотѣлъ. Готхольдъ потерялъ сознание...

Онъ проснулся съ необъяснимымъ чувствомъ страха отъ какого-то легкаго прикосновенія къ его плечу. Онъ быстро протеръ глаза... Неужели передъ нимъ Гельга Леръ? Вѣдь это—не сонъ: уже бѣлый день. Онъ вскочилъ въ тревогѣ.

— Если вы хотите помолиться съ нею, то, думаю, теперь время...—сказала она спокойно.

Онъ смотрѣлъ на нее еще въ полубезсознательномъ состояніи. Какъ въ туманѣ, замѣтилъ онъ сумасшедшаго старика, расположившагося на своемъ обычномъ мѣстѣ, на окнѣ, какъ будто ничего не случилось. Съежившись, съ очками въ оловянной оправѣ на лбу, онъ внимательно смотрѣлъ безумными глазами на все происходившее вокругъ него, перебирая свои сапожные инструменты и куски кожи. Только иногда онъ растерянно опускалъ взоръ подъ ноги, точно искалъ дѣтей, игравшихъ обыкновенно на этомъ мѣстѣ, и удивлялся, что ихъ тамъ нѣтъ... Раздался первый ударъ его молотка...

У двери сосѣдней комнаты стоялъ городской, съ заспаннымъ и угрюмымъ лицомъ. Изъ комнаты доносились тихіе, болѣзненные стоны; съ улицы врывались разнообразные звуки пробуждавшейся жизни.

— Какъ попали вы сюда... и въ такой часъ?—спросилъ Готхольдъ Гельгу Леръ, едва начиная приходить въ себя.

— Отецъ сказалъ мнѣ, что все должно кончиться сегодня ночью. Чуть наступило утро, я и пришла.

Она направилась къ больной, и онъ послѣдовалъ за нею.

Ему было стыдно, что она нашла его спящимъ... ему показалось, что этой дѣвушки онъ будетъ всегда стыдиться. Онъ стоялъ вмѣстѣ съ ней у постели умирающей и чувствовать, что долженъ сказать что-то Гельгѣ, но не зналъ хорошенько, что?.. Вдругъ онъ замѣтилъ, что взоръ стеклянныхъ глазъ больной устремился на него съ выраженіемъ горячѣй, полной отчаянія мольбы. Что ей нужно? Не хочетъ ли она возложить на него отвѣтственность за все случившееся? Онъ вадрогнулъ... Ея взоръ искалъ чего-то въ немъ, былъ прикованъ къ нему. Онъ готовъ былъ громко кричать: нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Не я виновать въ этомъ ужасѣ! Не на мнѣ тягѣть ея преступленіе!

— Вы хотите молиться?—медленно произнесъ онъ, наклонившись къ ней. Губы ея безвучно зашевелились, и она не спускала съ него глазъ... Ужасъ охватывалъ его все больше и больше. Никогда въ жизни онъ такъ не чувствовалъ своей человѣческой слабости, какъ въ эту минуту. Онъ не былъ болѣе священникомъ; ему казалось, что онъ внезапно лишенъ сана,—всего, что возвышало его надъ толпой, и что онъ сталъ однимъ изъ малыхъ сихъ, трепещущихъ передъ своимъ Богомъ. Всякое сознаніе правоты исчезло въ немъ за эту ночь. Онъ растерянно смотрѣлъ вокругъ, ища помощи. Гельга отошла въ сторону, и онъ искалъ ее.

— Я ея не понимаю,—сказалъ онъ ей тихо и беспомощно. Дѣвушка приблизилась и склонилась надъ умирающей, пытаясь обнять ее за шею. Казалось, ее внезапно охватилъ страхъ передъ тѣмъ, что въ ней готовъ изсякнуть источникъ жизни, и она всѣми силами цѣплялась за нее. Ея стеклянные глаза дѣлались все неподвижнѣе, изъ стѣсненной груди вылетало отрывистое дыханіе, по исхудавшимъ членамъ пробѣгала дрожь. Черезъ минуту Гельга съ усиліемъ выпрямилась.

— Она хочетъ, чтобы вы обѣщали ей, что она войдетъ въ Царствіе небесное,—сказала она.

Готхольдъ нерѣшительно потупился. Обѣщать! Въ эту минуту онъ сотворитъ грѣхъ, если сдѣлаетъ это. Развѣ онъ Христосъ, простившій разбойника на крестѣ и общавшій, что въ тотъ же день онъ будетъ съ Нимъ въ раю? А что если они, утверждающіе, что нѣтъ никакого неба послѣ этой земли, правы?.. Мысли его снова стали путаться.

— Покайтесь!—произнесъ онъ и взглянулъ на искаженное страхомъ лицо умирающей, руки которой все еще держала Гельга,—теперь вы должны покаяться въ своемъ грѣхѣ.

Испуганное изумленіе появилось на лицѣ умирающей. Что-то въ родѣ улыбки искривило углы ея рта. Глаза ея все расширялись и она, казалось, хотѣла спросить его:—По-

каяться? Въ чемъ? Я должна была сдѣлать это и также поступила бы во всякое время.—Можетъ быть, онъ приписывалъ ей свои собственные мучительныя мысли и переносилъ ихъ въ шевелившіяся, но не произносившія ни звука уста умирающей. Ея тяжелое состояніе угнетало его. Онъ опустился на колѣни по другую сторону кровати и шепталъ ей на ухо:

— Покайтесь... покайтесь!

Отвѣтомъ былъ все тотъ же изумленный взглядъ и подобіе улыбки. Онъ замолкъ. Съ этимъ взглядомъ и съ этой улыбкой больная уснула. И когда онъ рѣшилъ молиться, Гельга сдѣлала знакъ рукой, что все уже кончено. Онъ не хотѣлъ вѣрить, но она закрыла глаза усопшей и встала.

— Легкая смерть послѣ долгихъ страданій и тяжелой жизни!—произнесла она тихо.

Готхольдъ поднялся. Онъ сложилъ на груди похолодѣвшія руки умершей и провелъ рукою по своему лбу. Конечно! Все кончено! Она не раскаялась, не поняла даже, что должна раскаяться. И таковъ конецъ, — результатъ пробужденія и обращенія, чѣмъ онъ такъ гордился!.. Онъ и самъ не могъ молиться у этого смертнаго одра и молча стоялъ въ ногахъ кровати, глядя на покойницу. Гдѣ остановится теперь ея отлетѣвшая душа? Долженъ ли онъ осуждать ее, или завидовать ей? Отъ охватившаго его трепета передъ таинственной, вѣчной загадкой его мысли разлетѣлись въ беспорядкѣ. Онъ склонился передъ тѣмъ, надъ чѣмъ никакая человѣческая сила не имѣетъ и, пожалуй, не будетъ имѣть власти, что дѣлаетъ равными сильныхъ и слабыхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ. Въ эту минуту онъ забылъ о своемъ священническомъ санѣ, о религіи, служителемъ и проповѣдникомъ которой былъ; онъ думалъ только о ничтожествѣ всего человѣчества и о проклятіи, тяготящемъ надъ нимъ. Это ничтожество и это проклятіе заставляютъ людей то съ трусливой безнадежностью унижаться другъ передъ другомъ, то снова выпрямляться...

Вдругъ съ улицы донесся колокольный звонъ; робкій затерявшійся лучъ солнца скользнулъ змѣйкой по мертвому, теперь спокойному и прекрасному, лицу усопшей. Готхольдъ слегка вадрогнулъ. Сегодня воскресенье!.. Колокола призываютъ въ храмъ. Съ башни церкви Іакова надъ безмолвнымъ городомъ неслось гвѣніе, какъ и въ то первое воскресное утро. На улицѣ, освѣщенной яркими лучами солнца, играли дѣти, свободныя отъ школьных занятій. Воскресенье! Онъ долженъ сегодня сказать проповѣдь съ церковной кафедры. Но въ состояніи ли онъ? И что онъ скажетъ? Въ памяти не сохранилось ни слова изъ составленной вчера проповѣди.

Точно все погасло!.. Вчера! Ему казалось, что между вчерашнимъ и настоящимъ днемъ прошли недѣли.. Онъ съ усиленіемъ оторвался отъ своихъ мыслей и перешелъ въ соседнюю комнату. Тамъ Гельга, также собравшаяся уйти, разговаривала еще въ полголоса съ городовымъ, почтительно стоявшимъ передъ ней. Готхольдъ взялъ свою шляпу. Удары молотка сумасшедшаго, сидѣвшаго на подоконникѣ со своей работой, стучали въ его въ головѣ, причиняя физическія страданія.

— Будьте здоровы, — сказалъ онъ и протянулъ Гельгѣ руку.

— Я иду съ вами, — отвѣтила она тихо, будто боясь разбудить спящую.

Когда они вышли на улицу и очутились среди яркаго солнечнаго свѣта проснувшагося дня, онъ съ горечью прошепталъ:

— Итакъ, фрейлейнъ Леръ, у васъ есть всѣ основанія торжествовать. Вы оказались правы. Я потерпѣлъ жестокое крушеніе. Лучше бы мнѣ никогда не прѣзжать сюда.

Онъ покачалъ головой съ выраженіемъ тихой грусти.

— Торжествовать! — посмотрѣла она на него съ укоризной, — только потому, что я не вѣрю въ вашего Бога? Что же можемъ мы, люди, дѣлать иное, какъ не поступать по своему внутреннему убѣжденію? Мы сильно нуждаемся въ снисхожденіи другъ къ другу.

Опустивъ голову, она протянула ему руку.

— Будьте здоровы.

Нѣсколько мгновеній онъ держалъ ея руку въ своей, желая сказать еще что-то, но не находилъ подходящихъ словъ. Они разстались.

ЧАСТЬ II.

XIV.

Собравшіеся въ церкви прихожане довольно долго ждали начала службы. Канторъ игралъ на органѣ одну прелюдію за другой, а пѣніе все еще не начиналось. Среди присутствующихъ замѣтно было нѣкоторое безпокойство. Коммерціи совѣтникъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи дочери и племянника, также сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, онъ всталъ и направился въ ризницу переговорить съ кистеромъ. Послѣдній, взволнованный и возбужденный, только что вернулся изъ города и сообщилъ, что совѣтовалъ г. на-сторю, потерявшему, повидимому, всякое понятіе о времени,

взять экипажъ и ѣхать какъ можно скорѣе. Онъ и общалъ пріѣхать немедленно, распорядившись, что могутъ пока начинать хораль, но чтобы пѣли не выбранное вчера: „Спокойны всѣ лѣса“, а „Христосъ—моя надежда“. Въ этомъ не было бы ничего особеннаго, что могло бы обратить на себя вниманіе, но г. пасторъ имѣлъ такой странный видъ, говорилъ такъ безсвязно, былъ такъ блѣденъ и растерянъ, что дѣлалось страшно. Служанка сообщила, что его цѣлую ночь не было дома. А что ему предстоитъ сегодня проповѣдь, онъ, казалось, совершенно забылъ, хотя и замѣтилъ: „Да, да, я скажу проповѣдь... скажу!“ И произнесъ эти слова какимъ-то почти угрожающимъ тономъ, какъ будто только теперь вспомнилъ о проповѣди. Ему, кистеру, стало прямо страшно, и онъ поспѣшилъ уйти... Но, вотъ, слышенъ шумъ экипажа: должно быть, г. пасторъ: нужно передать приказаніе кантору.

Если ему, кистеру Штиръ, дозволено будетъ почтительно замѣтить, что прошло уже добрыхъ полчаса сверхъ положеннаго времени, то, можетъ быть, г. коммерціи совѣтникъ найдетъ лучшимъ не задерживать сейчасъ г. пастора... Коммерціи совѣтникъ дѣйствительно ушелъ. Онъ даже ободряюще улыбался, когда вернулся на свое мѣсто, чѣмъ лучше всего успокоилъ публику. Кистеръ сообщилъ объ измѣненіи хора, заигралъ органъ, и молитвенники съ шумомъ стали перелистываться. Казалось, все вошло въ обычную колею.

Когда Готхольдъ, въ таларѣ и бѣломъ воротничкѣ, вышелъ изъ двери ризницы, то нѣкоторыхъ поразили его блѣдное лицо и лихорадочно блестящія глаза; большинство же едва взглянуло на него. Только Валеска фонъ-Виллингъ шепнула погрубившемуся въ соотвѣтственное молитвенное настроеніе совѣтнику правленія:

— Не правда-ли, сегодня кузенъ очень интересенъ?

Губертъ Виллингъ сдѣлалъ отрицательный жестъ правой рукой, обгнутаго черной перчаткой и державшей блестящій, какъ зеркало, цилиндръ; вокругъ его рта мелькнуло выраженіе неодобренія.

Хораль кончился, и Готхольдъ Венденъ взошелъ на кафедру. Но, взявъ Евангеліе, чтобы прочесть текстъ, составлявшій предметъ проповѣди, онъ также прочелъ не то мѣсто, какое намѣтилъ вчера, а дрожащимъ голосомъ произнесъ слова изъ перваго посланія къ Коринѣянамъ: „Не можетъ глазъ сказать рукѣ: я въ тебѣ не нуждаюсь, или голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“, и началъ говорить, что никто не долженъ презирать другого или думать, что можно обойтись безъ него. Не должны всѣ дѣлать одно и то же, а каждый, по своему призванію и способностямъ, обязанъ служить дру-

гому. Ибо всѣ люди—члены одного тѣла и хотя отличаются другъ отъ друга, но одинаково и каждый по своему должны служить этому тѣлу.

— Трудиться, трудиться, пока свѣтитъ солнце,—продолжалъ онъ,—вотъ первая основа всякой христіанской жизни. Гдѣ нѣтъ труда, будь то богатый или бѣдный, мужчина или женщина, тамъ нѣтъ и подражанія Христу. И трудиться во имя любви къ Христу значить трудиться въ интересахъ другихъ. Христіанская жизнь, это—добровольное служеніе. „Рабъ да знаетъ, что передъ Богомъ онъ не рабъ, а свободный человѣкъ, спасенный во Христѣ; господинъ да знаетъ, что и надъ нимъ есть Властитель, Коему онъ служить“. Такъ писалъ апостолъ Павелъ. Ибо оба должны дать отчетъ Господу въ томъ, какъ исполняли свой долгъ. И Господь судить не по высокому или низкому званію человѣка, для Него имѣетъ значеніе не лицо, а его совѣсть. Когда отъ Филимона убѣждалъ его рабъ, то Павелъ, обратившій раба, вернулъ его къ господину, дабы рабъ исполнялъ свой долгъ, нарушенный имъ такъ грубо, и въ то же время внушалъ и господину христіанскія обязанности по отношенію къ рабу. „Ты примешь его, какъ меня самого,—писалъ онъ Филимону,—а если онъ причинилъ тебѣ вредъ, или виноватъ передъ тобою, то зачти это мнѣ“.

— Снисхожденіе и прощеніе! Вотъ первыя и важнѣйшія христіанскія обязанности, дорогіе мои. Но прежде всего любви; ибо всѣ мы—грѣшники. То, что нынѣ проповѣдуютъ социаль-демократы, страшно ошибочно и неисполнимо: никакого равенства въ ихъ смыслѣ быть не можетъ, потому что люди созданы не одинаковыми по своимъ качествамъ и способностямъ, и было бы нелѣпо требовать отъ всѣхъ одного и того же. Каждый даетъ только то, что можетъ и что способенъ дать. Каждый членъ можетъ только по своему служить тѣлу.

Если на землѣ не можетъ быть равенства въ узкомъ смыслѣ этого слова, то обязательно можетъ и должно быть другое, чѣмъ теперь, ибо теперь у насъ очень худо, и мы не имѣемъ никакого права называть себя христіанами. Каждый дѣлаетъ, что можетъ, но долженъ дѣлать въ общихъ интересахъ—это неизмѣнно. А многіе ли изъ насъ могутъ похвалиться, что заботятся о другихъ, а не только о себѣ? Каждый долженъ имѣть свое, чтобы не быть въ тягость другимъ, пишетъ Павелъ. Но каждый изъ насъ, со всѣмъ имуществомъ, что имѣетъ, есть только довѣренный отъ Господа. Многообразныя бѣдствія сулитъ писаніе тѣмъ богачамъ, что накапливаютъ богатства и пользуются ими только для себя; и особенно горе тѣмъ, кто обчитываетъ рабочаго, ибо онъ стоитъ

своей платы. „Что вы сдѣлали одному изъ меньшихъ братьевъ Моихъ, то вы сдѣлали Мнѣ“,—говорить Христось.

„Всякій слуга—братъ“, читаемъ мы уже въ третьей книгѣ Моисея, друзья мои! Не строгостью и произволомъ должны мы управлять ими. „Ты не долженъ притѣснять ихъ“, сказано въ писаніи. И „ты не долженъ отпускать раба съ пустыми руками, но дай ему отъ овецъ твоихъ, отъ гуменъ, отъ виноградниковъ; ибо ты даешь изъ того, чѣмъ благословилъ тебя Господь, твой Богъ!“ Поступаемъ ли мы всѣ согласно этимъ заповѣдямъ?.. Тамъ, гдѣ жилища рабочихъ не отвѣчаютъ самымъ скромнымъ требованіямъ гигиены и нравственности; гдѣ получаемого содержанія едва хватаетъ на самыя необходимыя потребности, а женщины чуть ли не принуждаютъ къ разврату; гдѣ нѣтъ воскреснаго отдыха; гдѣ въ рабочихъ не видятъ ни людей, ни братьевъ, а только орудіе обогащенія, — тамъ нѣтъ христіанства, друзья мои! Здѣсь не поможетъ благотворительность во имя христіанства; во имя его гораздо необходимѣе разбудить совѣсть пользующихся чужимъ трудомъ. Это право и обязанность каждаго христіанина, а тѣмъ болѣе христіанскаго проповѣдника! Этотъ призывъ христіанской совѣсти къ пробужденію несется теперь грознымъ, громовымъ раскатомъ по нашей странѣ и по всему культурному міру. Онъ призываетъ не къ благотворительности, а къ исполненію долга. Нравственная сила слова Божія должна воздѣйствовать: это—задача церкви и тѣхъ, кто ей служить. Ибо какая польза въ молитвѣ и въ хожденіи въ церковь; что значить даже жизнь, далекая отъ грѣха и алодѣяній, если слова Писанія не служатъ ко благу меньшихъ братьевъ? Мы осуждаемъ и преслѣдуемъ социаль-демократовъ, выставаемъ ихъ антихристами и бунтовщиками, призываемъ къ оружію противъ нихъ, требуемъ болѣе строгихъ законовъ, чтобы поразить ихъ. Во многомъ они достойны осужденія, во многомъ заблуждаются, и слѣдуетъ бороться съ ними и образумлять ихъ. Но въ сущности, друзья мои, мы должны быть имъ благодарны, потому что ихъ страстная агитація открыла намъ глаза на то, на что мы не обращали вниманія, она заставила биться наши сердца и пробудила наши души. Мы были слѣпы—теперь мы проарѣли; мы были тупы — теперь наши сердца открылись для нашихъ братьевъ.

Но не въ социаль-демократовъ хотимъ мы обратиться, мы хотимъ быть христіанами въ истиннѣйшемъ смыслѣ этого слова, дѣйствовать во имя его и помогать нашимъ братьямъ, какъ братья. Когда мы будемъ поступать и жить, какъ сказано въ Писаніи, тогда не будетъ никакихъ социаль-демократовъ, друзья мои! И вотъ путь, на коемъ мы хотимъ и

должны одолѣть ихъ! Отнимемъ у нихъ предлогъ для волненій, раздѣлимъ все, что имѣемъ, между нашими братьями, вспомнимъ слова Павла, что всѣ мы—члены одного тѣла, и настанетъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе! Аминь!

Готхольдъ спустился съ кафедръ: нѣсколько разъ онъ чувствовалъ приступы головокруженія. Онъ хотѣлъ и долженъ былъ сказать гораздо больше, чѣмъ сказалъ: его волновалъ цѣлый хаосъ неспредѣленныхъ мыслей, гдѣ ясно было лишь горячее желаніе, искавшее выхода. Страстная увѣренность, что онъ найдетъ этотъ выходъ, охватила его, какъ небесный огонь. То, что слушатели въ продолженіе проповѣди переглядывались съ выраженіемъ все возрастающаго удивленія и недоумѣнія на лицахъ и съ смущеніемъ и любопытствомъ оглядывались на коммерціи совѣтника фонъ-Виллинга, онъ также мало замѣчалъ, какъ и то, что послѣдній уже нѣсколько разъ неодобрительно кашлилъ и шаркалъ ногами, видимо, готовый уйти; но, крѣпко стиснувъ губы, съ выраженіемъ безпокойства въ глазахъ, все же оставался на мѣстѣ. Готхольдъ ничего не замѣчалъ, но если бы и зналъ, то врядъ ли это смутило бы его. Онъ долженъ былъ облегчить свою душу, и никакое противодѣйствіе въ мірѣ не могло помѣшать ему. Но теперь силы оставили его, и въ то время, какъ органъ снова началъ хоралъ, онъ прошелъ нетвердыми шагами въ ризницу. Когда съ послѣдними звуками органа туда же вошелъ и коммерціи совѣтникъ, то оказалось, что Готхольдъ уже уѣхалъ домой.

Съ нахмуреннымъ лбомъ сѣлъ Виллингъ въ свой экипажъ, гдѣ его уже ждали Валеска и племянникъ.

— Что это, однако, за проповѣдь, папа?—сказала Валеска.—Какой-то безсвязный вздоръ. Ровно ничего нельзя было понять. Религіозная фантазія! Мнѣ не понравилась. Не могу понять, что ты въ ней нашелъ.

— А за тобою онъ всетаки не ухаживаетъ,—замѣтилъ совѣтникъ правленія съ язвительною улыбкой.—Вотъ Бренкендорфъ на это мастеръ! Впрочемъ, дядя, дѣйствительно, это была не настоящая проповѣдь. Она отзывалась современной пастырской демагогіей. Послѣ всего, что я слышалъ о кузенѣ Готхольдѣ и что видѣлъ самъ, я ждалъ совсѣмъ другого. Изъ его поученія я ничего не вынесъ. Сегодня пойду къ вечерней службѣ, чтобы поднять свое религіозное настроеніе.

Коммерціи совѣтникъ въ продолженіе всего пути тербиль свою великолѣпную бороду украшенными перстнями пальцами. Кто его зналъ, могъ по улыбкѣ, мелькавшей вокругъ его рта, узнать, что онъ взволнованъ. По временамъ онъ кусалъ губы, но не произносилъ ни слова.

— Неужели все это действительно написано въ священномъ писаніи?—спросила Валеска, качая головой.—Никогда не могла бы повѣрить.

— Письма апостола Павла и прочее, дѣйствительно, существуютъ,—замѣтилъ совѣтникъ.

— Тогда я не понимаю, зачѣмъ мы всегда ссылаемся на Евангеліе и такъ крѣпко держимся за него. Вѣдь въ концѣ концовъ можно все доказать на основаніи его. Ужасная чепуха!

— Милая Валеска...—сказалъ Губертъ Виллингъ съ упрямомъ и сморщилъ лобъ.

— Ну, конечно,—упрямо продолжала она. —Его величество,—это мнѣ говорилъ Бренкендорфъ, — во время приведенія рекрутовъ къ присягѣ, опять сказалъ, что солдаты должны быть готовы къ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ. А подъ ними онъ могъ подразумѣвать только социаль-демократовъ. Кузенъ же Готхольдъ хочетъ убѣдить насъ, что они правы, что мы могли бы у нихъ многому поучиться и что въ сущности это хорошіе, милые люди. Эти-то дикіе звѣри!.. Ужъ дальше идти нельзя. И при томъ говорить такъ, точно для бѣдныхъ ничего не дѣлается. Я ему уже это разъ говорила, что мы все дѣлаемъ для нихъ, а онъ возражаетъ: „далеко не достаточно и не по настоящему“!.. Мнѣ кажется, онъ считаетъ необходимымъ выстроить мраморные дворцы для этихъ братьевъ-пьяницъ. Да и вообще, говорить съ церковной каеедры о такихъ вещахъ, какъ вознагражденіе за трудъ и прочее! Мнѣ прямо было стыдно. Вѣдь это неприлично. Знаешь что, Губертъ? Кузенъ Готхольдъ разсуждалъ бы совсѣмъ иначе, если бы не вышелъ изъ своего сословія. Владѣй онъ своимъ старымъ родовымъ имѣніемъ въ качествѣ барона, онъ не сталъ бы дѣлать глазки этому милому народу. Это мы знаемъ. Онъ просто въ оппозиціи потому, что принужденъ корчить изъ себя пастора.

Губертъ пощипывалъ свои узкія бакенбарды кончиками пальцевъ, затынутыхъ въ черныя перчатки.

— Ты довольно не сдержана, милая кузина. Нельзя все говорить, что думаешь. Въ этомъ сильно провинился сегодня и твой кузенъ Готхольдъ. Но какой у него былъ жалкій видъ!

— Да, совсѣмъ мокрая курица. Совсѣмъ не тотъ красивый человѣкъ, какимъ казался прежде.

— Я нахожу, однако, милая Валеска, что твое знакомство съ Бренкендорфомъ сдѣлало тебя въ послѣднее время...

Окончаніе фразы было заглушено скрипомъ колесъ по гравію въ воротахъ виллы и мальчишескимъ смѣхомъ Валески.

Только около пяти часовъ вечера коммерціи совѣтникъ позвонилъ у дверей Готхольда.

Пасторъ уже давно поджидаль его и потому встрѣтилъ спокойно. У Виллинга также было достаточно времени, чтобы вполне овладѣть собою. Къ его обѣду собрались гости, и на этотъ разъ онъ показалъ себя болѣе любезнымъ и внимательнымъ хозяиномъ, чѣмъ когда либо. Онъ былъ очень остроуменъ, развертывалъ широкіе планы, какъ бы намекая на свои проекты, развивалъ политическія перспективы, обнаруживая себя тонкимъ знатокомъ положенія дѣлъ, ко всему готовымъ и рѣшительнымъ. Гости—фабриканты изъ другихъ промышленныхъ округовъ и нѣсколько офицеровъ въ чинахъ—разъ два апплодировали его яснымъ и рѣшительнымъ выводамъ, что еще больше воодушевляло его. Впрочемъ, и вино было великолѣпно... Утренній гнѣвъ Виллинга исчезъ. Этотъ молодой человѣкъ, Готхольдъ, былъ разстроенъ; послѣ тревожной безсонной ночи, полной душевныхъ волненій, подъ впечатлѣніемъ горя и нищеты, взошелъ онъ на церковную кафедру. Его мягкое сердце и недостатокъ житейскаго опыта позволили ему увлечься до импровизаціи; къ счастью, никто почти не понялъ ея, да и самъ Готхольдъ едва ли вполне сознавалъ, какую собственно программу онъ хотѣлъ развить... Необходимо наставить его на путь истинный, и это главное. Въ юности у каждаго бываютъ проповѣдническія наклонности. Онъ не разъ замѣчалъ это.

— Ты, конечно, знаешь, зачѣмъ я пришелъ,—сказалъ коммерціи совѣтникъ, опускаясь на стулъ въ рабочемъ кабинетѣ Готхольда.

— По крайней мѣрѣ, могу догадываться. Тебѣ не по сердцу то, что я говорилъ сегодня.

Виллингъ поднялъ глаза. Послѣ обильныхъ яствъ и непрерывнаго разговора онъ чувствовалъ нѣкоторую усталость. Усѣвшись поудобнѣе, онъ намѣревался съ полнымъ спокойствіемъ образумить горячую, молодую голову. Но этотъ тонъ не понравился ему. Что это: отпоръ ожидаемымъ упрекамъ: готовность протестовать всѣмъ существомъ, или?..

— Ты говорилъ несоотвѣтственно своимъ обязанностямъ, милый Готхольдъ!

— Милый дядя, я не могу слѣдовать твоимъ наставленіямъ, какъ бы полезны они для меня ни были. Я уже вышелъ изъ подъ опеки и никому, кромѣ церкви и Бога, не обязанъ отдавать отчетъ, какъ я исполняю свой долгъ.

— Скажите, пожалуйста! Какъ это гордо и неприступно.

Виллингъ все еще сохранялъ хладнокровіе и, прищурившись, съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣлъ на Готхольда; спокойно и неподвижно сидѣвшаго на своемъ стулѣ.

— И ты полагаешь, что твое церковное начальство, подь „опекой“ коего ты всетаки отчасти состоишь, останется довольно твоей сегодняшней рѣчью?.. потому что вѣдь проповѣдь ее назвать нельзя.

— Увидимъ.

— А ты... ты самъ доволенъ ею?

— Нѣтъ.

— А-а, ну...

— Я говорилъ недостаточно ясно и рѣшительно и высказалъ лишь самую незначительную частицу того, что хотѣлъ. Я самъ еще не подготовленъ.

Коммерція совѣтникъ опустилъ голову.

— Вотъ это честно! Тутъ собственно и кончается наша бесѣда. Ты, дѣйствительно, не подготовленъ, мой милый. Больше того: грустный опытъ и тяжелыя происшествія повергли тебя въ сомнѣніе и заставляютъ потрясать наше общественное зданіе. Это понятно, весьма понятно. Я же отношусь къ событіямъ безъ всякаго трагизма. До сихъ поръ ты видѣлъ и зналъ жизнь очень мало; поэтому-то тебѣ и приходятъ въ голову разныя неожиданности. Ты убѣдился, что не все хорошо на землѣ... Точно для насъ самихъ это не ясно, милый Готхольдъ! Съ Божьей помощью все должно пойти и пойдетъ къ лучшему, насколько это возможно при несовершенствѣ міра, — но со временемъ и по законному пути. Я искренній другъ социальнаго законодательства, оно принесло намъ уже много добра. Подъ вліяніемъ случайныхъ явленій въ жизни и часто вымышленныхъ разсказовъ, ты сразу сталъ недоувѣрчивымъ и въ своемъ, гнѣвомъ пробужденномъ, состраданіи все сваливаешь въ одну кучу. Молодому, легкомысленному человѣку, конечно, это простибельно, но ты—священникъ, мой другъ; на тебѣ лежитъ тяжелая отвѣтственность, ты не долженъ поддаваться слабости. Слушая тебя сегодня, можно было подумать, что ты одинъ изъ демагоговъ въ таларѣ, разжигающихъ теперь, къ великому огорченію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, ненависть въ промышленныхъ округахъ и въ большихъ городахъ противъ землевладельцевъ и фабрикантовъ. Берегись! Не слѣдуетъ шутить съ огнемъ. Тебѣ извѣстно, что ядъ можетъ служить лѣкарствомъ, когда онъ употребляется въ минимальныхъ дозахъ. Ты рассыпаешь и разбрызгиваешь его вокругъ себя, точно имѣешь дѣло съ безвредными душистыми веществами. На первый разъ могу приписать это твоему минутному настроенію и простить тебя: наши крѣпкія головы здѣсь не такъ быстро воспламеняются, слава Богу!—но на будущее время ты дол-

женъ твердо помнить, что ты здѣсь поставленъ проповѣдывать слово Божіе, а не выражать свое негодованіе или скорбь по поводу непріятнаго положенія дѣлъ. Сегодня ты забылъ, гдѣ ты живешь, Готхольдъ!—закончилъ Виллингъ отечески, благосклоннымъ тономъ и, вставъ, положилъ руку на плечо Готхольда.

Послѣдній слушалъ его молча, плотно сжавъ губы и мѣрно покачивая головой. Горькая складка вокругъ рта скорѣе выражала безконечную грусть, нежели раздраженіе и упрямство. Онъ точно говорилъ себѣ: тутъ соглашеніе немислимо; да и возможно ли оно вообще?

— Благодарю тебя, дядя, за добрый совѣтъ, — сказалъ Готхольдъ.—Но ты ошибаешься во мнѣ. Я твердо стою на почвѣ религіи, когда говорю то, что высказалъ сегодня. Ты совершенно неправильно судишь о задачахъ современнаго духовенства. Оно не должно больше оставаться бездѣятельнымъ, стоять въ сторонѣ, быть безвольнымъ орудіемъ определенной политической партіи или отдѣльной классовой группы. Ему нельзя уже ограничиваться только однимъ изложеніемъ священнаго писанія. Я борюсь съ Евангеліемъ въ рукахъ, но борюсь.

— Ну, да вы всѣ молодые, честолюбивые новаторы въ рясахъ стараетесь сдѣлаться современными Лютерами!—засмѣялся Виллингъ, съ замѣтнымъ раздраженіемъ.—Это извѣстно. Но, подобно Лютеру, вы должны держаться и современности: вѣдь онъ писалъ въ свое время противъ возмущившихся крестьянъ. Теперь другія времена, другіе нравы.

— Совершенно вѣрно, дядя. И именно поэтому мы должны теперь быть дѣятельными и проповѣдывать въ смыслъ первыхъ христіанъ. Время вполне назрѣло. И, чтобы предотвратить варывъ, всюду подготавливающийся уже втихомолку, мы должны говорить сильнымъ міра сего: образумьтесь, пока еще не поздно; насталъ часъ дѣлъ; словами не удержать больше въ уздѣ голодную массу.

Виллингъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Обычныя фразы! Прежде ты думалъ и говорилъ иначе.

— Да, но вѣдь ты самъ сказалъ, дядя, что я не зналъ жизни. Я претерпѣлъ всевозможныя внутреннія превращенія и все еще не дошелъ до конца. Но я на истинномъ пути—это я чувствую, я знаю. Уже никому не удастся совратить меня. Ты говоришь объ отдѣльныхъ фактахъ, о мимолетномъ настроеніи. Нѣтъ, дѣло идетъ о болѣе существенномъ: объ обращеніи людей; но обратитъ хотимъ мы не къ социализму и не къ демагогіи, какъ ты говоришь, а къ истинному ученію Иисуса Христа. Государство назначило меня однимъ изъ служителей и проповѣдниковъ, какъ я полагалъ, знакомаго

мнѣ ученія, и я держался догмъ и постановленій церкви. Теперь я возвращаюсь къ источнику, чтобы очиститься въ немъ, ибо только въ немъ наше исцѣленіе—нынѣ и во вѣки вѣковъ. И это мое убѣжденіе я буду проводить вездѣ; гдѣ и какъ могу, буду бороться съ враждебнымъ Богу социализмомъ и съ узкимъ партійнымъ догматизмомъ нашей современной плутократіи. Я прозрѣлъ, дядя, и хочу идти по дорогѣ, указанной мнѣ моимъ Христомъ.

Виллингъ опустил голову.

— Мечты! — сказалъ онъ, какъ бы про себя. — Я такъ и думалъ. Это особенность Венденовъ; къ счастью, не опасная. Но я раскаиваюсь, что вызвалъ тебя сюда. Ты здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

— Можетъ быть, дядя. Бывали часы и дни, когда и мнѣ казалось то же... Но теперь я благодаренъ тебѣ или, лучше, тому, чьимъ слѣпымъ орудіемъ ты былъ. Здѣсь долженъ я пережить періодъ искушенія и просвѣтленія, чтобы ясно понять самого себя. Какая польза въ вѣрѣ, не подвергающейся никакимъ испытаніямъ и сомнѣніямъ? Я только здѣсь завоевалъ свою вѣру и ежедневно дальше буду завоевывать ее. Только тогда она и будетъ благословеніемъ и силой. Какія великія обязанности налагаетъ на насъ христіанство; въ какія смутныя сомнѣнія оно повергаетъ, на какіе поступки, противорѣчащіе часто нашимъ наклонностямъ и желаніямъ, оно вынуждаетъ, я постигъ только теперь и, можетъ быть, въ будущемъ мнѣ предстоитъ узнать еще болѣе ужасное и мучительное. Но это не страшитъ меня. Я нашелъ, наконецъ, почву, куда могу бросить свой якорь. Не мѣшай мнѣ идти своею дорогой.

Голосъ Гогхольда звучалъ подъ конецъ мягко и нѣжно, внутренній свѣтъ преобразилъ его черты. Онъ протянулъ Виллингу руку, но тотъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить ее.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ съ нахмуреннымъ лбомъ, заложивъ руки за спину, напрасно стараясь казаться спокойнымъ. Онъ хотѣлъ бы увѣрить себя, что все это дѣйствительно не что иное, какъ фантазіи и неясныя мечты юной, пылкой головы, но чувствовалъ, что передъ нимъ угрожающе неожиданно выросъ опасный противникъ тамъ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить дѣятельнаго союзника. Если бы этотъ огонь горѣлъ не для этихъ *хорошихъ* дѣлъ! Но, несомнѣнно, можно еще привлечь къ себѣ этого добродушнаго мечтателя, Можетъ быть, не жестокостью и угрозами, а какими-нибудь другими средствами; во всякомъ случаѣ, надо осторожно подходить къ дѣлу и не раздражать его.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, минуту спустя, — но къ сожалѣнію, мы не можемъ вѣдъ вернуться къ первобытн.

христианству, какъ ты желалъ бы, милый Готхольдъ. Такъ называемая социальная часть ученія Новаго Завѣта, то и дѣло приводимая въ доказательство фанатиками, соотвѣтствовала примитивному состоянію Востока того времени, и очень трудно примѣнить ее теперь къ нашимъ сложнымъ условіямъ почти двухъ тысячъ лѣтъ культурной работы. Мы изъ Евангелія можемъ усвоить только его нравственную и религіозную сторону,—вѣдь это же ясно, какъ день.

Готхольдъ покачалъ головой.

— Здѣсь не можетъ быть того или другого. Одну часть нельзя отдѣлить отъ другой. А если раздѣленіе было бы возможно, то гдѣ же начало и гдѣ конецъ? Мы должны или вполнѣ стоять на почвѣ христианства, какъ учить тому Новый Завѣтъ, или не стоять на ней; третьяго положенія быть не можетъ. Наши противники, правы когда упрекаютъ насъ въ томъ, что мы выкраиваемъ себѣ изъ христианства только пригодное для собственнаго удовольствія и собственныхъ потребностей... Большихъ благъ нашей культурной работы, милый дядя... я, конечно, не отрицаю; но развѣ они были бы возможны безъ христианства? И почему же они должны вдругъ стать въ противорѣчіе съ нимъ? Тогда культура не благо, а ложь и вырожденіе. Нѣтъ, милый дядя, въ это убѣжище напрасно прячется теперь наше корыстолюбіе. Вѣчно-человѣческое содержаніе Евангелія не зависитъ ни отъ опредѣленныхъ условій, ни отъ мѣста и времени; оно примѣнимо ко всякимъ условіямъ и ко всѣмъ вѣкамъ челоуѣчества.

Мы—члены одного и того же тѣла, и ниодинъ членъ не долженъ мнить себя выше другого, тѣмъ паче извлекать изъ него пользу, мучить или презирать... Развѣ то, что проповѣдывалъ Христосъ бѣднымъ рыбакамъ и ремесленникамъ на Генесаретскомъ озерѣ, онъ не сказалъ бы теперь фабричнымъ рабочимъ и поденщикамъ? И обращеніе его къ имущимъ не подходитъ ли больше къ современнымъ богачамъ? Нѣтъ и нѣтъ, дядя, міръ, не смотря на всю нашу культурную работу, все тотъ же, но теперь онъ стоитъ подъ знаменемъ креста. Мы не нуждаемся ни въ какомъ христианствѣ—по времени. Намъ нужно лишь честное намѣреніе всѣхъ безпристрастно и дѣятельно любить, жить и поступать по Евангелію. И тогда мы побѣдимъ.

Виллингъ уже нѣсколько разъ обнаруживалъ знаки растущаго нетерпѣнія.

— Новая глава твоей проповѣди! — пробормоталъ онъ, наконецъ, съ досадой.—И это все, что ты можешь мнѣ сказать? Слова и слова! Извини, если сегодня у меня нѣтъ больше времени слушать тебя. Я глубоко увѣренъ, что рано или

поздно ты самъ увидишь, что съ такими мечтами на дѣлѣ далеко не уйдешь. Все, что ты говорилъ, — не ново, и подѣ главными пунктами мы, конечно, всѣ охотно подпишемся. Но съ подобными разговорами можно топтаться только на одномъ мѣстѣ. Ко всему, что мы сдѣлали уже для рабочихъ и что впредь рѣшили дѣлать, ты, кажется, относишься съ пренебреженіемъ. Въмѣсто того, чтобы постоянно обращать на это ихъ вниманіе, ты будишь и питаешь алчность четвертаго сословія. Это тѣмъ болѣе опасно, что проповѣдь исходитъ отъ духовнаго лица. Потомъ тебѣ это самому станетъ ясно. Сегодня съ тобой нечего разговаривать. Я уйду, но считаю своею обязанностью еще разъ напомнить: берегись! Ты играешь съ огнемъ... До свиданія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ!

Онъ кивнулъ Готхольду и, не подавая руки, вышелъ, видимо, взволнованный.

Послѣ его ухода Готхольдъ простоялъ нѣкоторое время у окна, прижавшись горячимъ лбомъ къ стеклу и глядя на угасавшій день. Онъ закрылъ глаза, когда взоръ его упалъ на строящуюся церковь. Теперь онъ, можетъ быть, дѣйстви-тельно никогда не войдетъ на каедрю, если всемогущій Виллингъ не захочетъ этого. И съ сегодняшняго дня ихъ дороги будутъ расходиться все больше и больше. Странно, онъ не чувствовалъ при этомъ никакого сожалѣнія, никакой боли, хотя ему казалось, что только теперь онъ могъ бы молиться, когда такъ много свалилось съ его души и онъ чувствовалъ себя такъ свободно... Ему страстно захотѣлось быть съ человѣкомъ, способнымъ выслушать и понять его. Чувство одиночества приводило его въ грустное настроеніе. Ему, пылавшему такой горячей любовью къ людямъ и ко всѣмъ страдающимъ братьямъ, не къ кому обратиться. Къ кому? Ирма, послѣ вчерашней отвратительной исторіи, заперлась совершенно и не пускаетъ его къ себѣ. Она еще „недостаточно успокоилась, чтобы видѣть его“, сказала она ему черезъ дверь. Онъ замѣтилъ, что она молилась, не переставая, такъ усердно и страстно, что онъ пришелъ въ ужасъ. А она была самое близкое ему существо! Къ Виллингамъ онъ не рѣшился бы пойти сегодня—можетъ быть, и никогда. А какое участіе встрѣтилъ бы онъ у своихъ товарищей по службѣ? Мейнертъ не понялъ бы его, вѣроятно, совсѣмъ, или ласково и заботливо попросилъ не компрометтировать себя; Гадебушъ, хотя и похлопалъ бы его по плечу съ грубоватой веселостью и посовѣтовалъ не терять хорошаго расположенія духа, но настоящаго пониманія того, что происходитъ у него въ душѣ и ищетъ выхода, врядъ ли нашелъ бы у него. Этотъ добрякъ все же испеченъ изъ болѣе гру-

баго тѣста. На другихъ еще менѣе можно рассчитывать: суперъ-интендантъ, наприимѣръ, сталъ бы трусливо предостерегать его, наговорилъ бы тысячу пошлостей, не понявъ дѣла и не уяснивъ себѣ, надо ли говорить за или противъ...

А всѣ его бѣдныя и больныя? Онъ имъ долженъ приносить утѣшеніе, а не ждать его отъ нихъ. Его мысль перенеслась къ Курту Вельманну. Но онъ покачалъ головой. Не смотря на все, ихъ раздѣляла пропасть даже и теперь. А Гельга? Вѣроятно, никто не понялъ бы его такъ хорошо, какъ она; но въ то же время, быть можетъ, онъ ни передъ кѣмъ не смирился бы такъ неохотно, какъ передъ ней. И вотъ, одинъ... одинъ!

Онъ сѣлъ за письменный столъ и снова раскрылъ книгу. Наступили сумерки, и на улицѣ въ этотъ воскресный вечеръ было тихо. Готхольдъ не подвигался впередъ въ своемъ чтеніи и даже не замѣчалъ, что стало уже очень темно. Сердце его ныло отъ непонятной грусти и нѣжной тоски по родинѣ, какъ о чемъ-то навсегда потерянномъ.

Кто-то тихо дернулъ колокольчикъ у входа, такъ тихо, что прислуга въ кухнѣ не слыхала звонка; черезъ минуту звонокъ зазвенѣлъ снова. Нѣсколько времени спустя служанка постучала въ дверь кабинета.

— Г. пасторъ, васъ спрашиваютъ.

Со вчерашняго вечера она измѣнила свой тонъ; она говорила теперь съ нимъ не то застѣнчиво, не то дерзко. Готхольдъ чувствовалъ, что она потеряла къ нему довѣріе.

Не дожидаясь отвѣта, она впустила посѣтителя и затворила за нимъ дверь. Готхольдъ поднялся и, къ своему изумленію, узналъ въ темной, согбенной фигурѣ, робко остановившейся у входа, патера Бенедикта Гегелера.

— Добрый вечеръ!—смущенно пролепеталъ онъ. Готхольдъ отвѣтилъ на привѣтъ и прибавилъ:

— Извините, я сейчасъ зажгу лампу.

Но тотъ, почти умоляюще, прервалъ его:

— Ахъ, прошу васъ, не надо... если только не затруднить васъ... Я хотѣлъ бы... мнѣ легче въ темнотѣ... можетъ быть, вы позволите... такъ лучше чувствуется...—Голосъ его звучалъ еще болѣе смиренно и кротко, чѣмъ прежде. Онъ, казалось, еще болѣе согнулъ.

— Какъ хотите,—отвѣтилъ Готхольдъ.—Садитесь, пожалуйста. Что привело васъ ко мнѣ?

— Благодарю, благодарю...

Онъ присѣлъ на стулъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Готхольда, но потомъ всталъ и переставилъ стулъ нѣсколько ближе, вѣроятно, чтобы не говорить слишкомъ громко. За-

тѣмъ успѣлся такъ, что слабый свѣтъ, проникавшій еще черезъ окошко, не падалъ на его лицо.

— Я хотѣлъ бы... у меня большая просьба... странная... но... если то, что мнѣ сказали, справедливо...—Онъ сидѣлъ, склонившись впередъ, съ опущенными глазами; пальцы рукъ безпокойно двигались...

— Говорите же, прошу васъ,—поощрялъ его Готхольдъ,—если я могу чѣмъ нибудь помочь вамъ...

Патеръ слегка вздохнулъ.

— Мнѣ сказали, — заговорилъ онъ шепотомъ, — что вы строгій и непреклонный служитель вашей церкви, г. пасторъ, гораздо болѣе строгій, чѣмъ другіе. И именно поэтому... я хотѣлъ бы... Вы знаете, я принадлежу къ другому исповѣданію, состою даже священникомъ и, собственно, не долженъ былъ бы... Но здѣсь у меня нѣтъ товарищей по службѣ. Да я и не хотѣлъ бы идти къ кому-нибудь другому для... исповѣди... Я долженъ обратиться къ вамъ: иначе исповѣдь не казалась бы мнѣ правильной, не тѣмъ, что мнѣ нужно. Я хотѣлъ бы слышать мнѣніе лица, не знающаго меня вовсе, не питающаго ко мнѣ ни ненависти, ни симпатіи, но справедливаго... и строгаго судьи, серьезно относящагося къ себѣ и другимъ. При этомъ, я думаю, религія не можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ при всякой можно подходить къ человѣку съ высокимъ нравственнымъ масштабомъ. И какъ разъ отъ человѣка другой вѣры я хотѣлъ бы услышать, какъ онъ смотритъ на мой случай, и какъ бы поступилъ онъ на моемъ мѣстѣ. Я не знаю... Вамъ, конечно, кажется очень страннымъ... но это такъ облегчить меня, и я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы чистосердечно, по совѣсти, строго и безпощадно... Могу я говорить, г. пасторъ?

— Конечно, можете. Благодарю васъ за довѣріе, оно дѣлаетъ мнѣ честь, и я постараюсь оправдать его.

Голосъ Готхольда слегка дрожалъ. Исповѣдь, признаніе! И отъ священника, принадлежащаго къ другой церкви! Но не это волновало его. Онъ думалъ: достоинъ ли быть его судьей? Можетъ ли осмѣливаться на это? Развѣ самъ онъ не слабъ, не колеблется и не грѣшенъ?

Бенедиктъ Гегелеръ заговорилъ, и въ словахъ его звучало какъ бы подавленное рыданіе.

— Вы помните ту дѣвушку, къ смертному одру которой вы позвали вы меня тогда, не правда-ли? Я пришелъ слишкомъ поздно и не засталъ ея уже въ живыхъ. Потомъ ее схоронили. Эта дѣвушка... видите ли... эта дѣвушка—моя дочь.

Эти слова слетѣли съ его устъ, какъ вздохъ, и одновре-

менно онъ устремилъ свои полные страха глаза на Готхольда. Первое мгновеніе тотъ чуть не вскочилъ, но принудилъ себя остаться на мѣстѣ, чтобы еще больше не испугать этого человѣка. и безъ того напуганнаго своимъ собственнымъ мучительнымъ признаніемъ. И, какъ бы очнувшись отъ глубокаго, болѣзненнаго ощущенія, онъ тихо повторилъ:

— Ваша дочь...

— Да, признаюсь,—отвѣтилъ, вздохнувъ, пастеръ и вытеръ лобъ большимъ бумажнымъ платкомъ, въ красныхъ клѣткахъ.—Вы не предполагали и не подозрѣвали этого, не правда ли? Да и какъ могли вы это предположить? Вѣдь она была протестантка... Пасторъ Гадебушъ... думаю, всегда подозрѣвалъ кое-что,—не все, конечно, иначе онъ намекнулъ бы мнѣ, но нѣтъ... хотя у него такіе зоркіе глаза, онъ видитъ все. Къ тому же онъ такъ добръ... и прощаетъ все... все человѣческое. Поэтому то я и не пошелъ къ нему... Я не нахожу больше покоя, я не могу больше одинъ носить свою тайну въ себѣ. Онъ сталъ бы оправдывать и утѣшать меня, конечно; я это знаю: онъ слишкомъ слабъ со всеми страждущими и просящими... они прямо злоупотребляютъ его слабостью. Но вы... Я хотѣлъ бы рассказать вамъ, какъ все случилось, потому что должны же вы все знать прежде, чѣмъ судить.

Онъ мялъ въ рукахъ платокъ, продолжая свою рѣчь:

— Это было въ другомъ городѣ, въ какомъ—все равно. Я пріѣхалъ туда совсѣмъ молодымъ священникомъ, очень убѣжденнымъ, исполненнымъ огня къ своей священной задачѣ и нетерпимаго презрѣнія ко всѣмъ иновѣрцамъ. Я былъ викаріемъ при старомъ приходскомъ священникѣ въ маленькомъ католическомъ приходѣ, среди коренного протестантскаго населенія... совершенно какъ здѣсь. Но тогда я считалъ своей высшей обязанностью способствовать расширенію и увеличенію моей маленькой общины: вѣдь только моя церковь и могла спасти душу. И я началъ свою просвѣтительную дѣятельность. Я не зналъ, какъ удовлетворить свою жажду плодотворнаго вліянія въ духѣ католической церкви, и искалъ всюду приложенія...

Съ тѣми же намѣреніями пришелъ я и... къ одной дѣвушкѣ. Она была учительница музыки, съ трудомъ добывавшая свой скудный кусокъ хлѣба... изъ хорошей семьи, но рано осиротѣвшая и безъ средствъ... Она была предоставлена исключительно самой себѣ... была добра и религіозна... но протестантка, слѣдовательно, по моимъ понятіямъ тогда — вредная еретичка. И я приложилъ всѣ старанія, чтобы обратить... спасти ее. Не думаю, чтобы съ самаго начала къ горячему желанію сдѣлать ее причастной ко благамъ нашей церкви

присоединилось еще другое... Вѣроятно, постепенно два желанія слились во едино. То было яркое пламя, вспыхнувшее въ моей душѣ и охватившее также и ея душу. Быть можетъ, небесный и земной огонь находятся вообще въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—не знаю. Вѣрно только то, что я овладѣлъ ею, прежде чѣмъ это мнѣ самому стало яснымъ, и могъ требовать отъ нея всего. Требовать? Нѣтъ. Требованія не было, было желаніе и исполненіе его, слившіяся вмѣстѣ и вырвавшіяся, какъ пламя, и уничтожившія все...

Патеръ развернулъ платокъ и спряталъ на минуту свое лицо. Онъ горько рыдалъ. Затѣмъ, измѣнившимся, прерывистымъ голосомъ продолжалъ:

— Я буду кратокъ. Вѣдь это такая простая исторія... и не рѣдкая... Я достигъ цѣли. Она поддалась моему обращенію — и стала католичкой. А для меня... больше... Въ одинъ прекрасный день она бросилась къ моимъ ногамъ и сообщила... сказала... Я не помню уже, какъ она мнѣ это сказала, и чего она отъ меня требовала тогда... да и требовала ли чего-нибудь? Развѣ, быть можетъ, только, чтобы мы умерли вмѣстѣ. Ничего другого, собственно, и не оставалось: я былъ священникомъ и не могъ сдѣлать ее честной женой. Мой смертный грѣхъ мнѣ могъ быть отпущенъ. Но если бы меня даже осудили, это не помогло бы ей, несчастной. У меня было для нея банальное утѣшеніе... что я не оставляю ея... что небо проститъ намъ наши грѣхи, если отнынѣ мы будемъ жить, какъ раскаившіеся и сокрушающіеся грѣшники, и посвятимъ жизнь покаянію и благотворительнымъ дѣламъ... и прочее въ этомъ родѣ. Мірское и духовное все опять перемѣшалось, но я хорошо видѣлъ, что этого ей недостаточно и не вернетъ ей покоя. Мнѣ показалось, что въ ея душу вкралось презрѣніе ко мнѣ, когда я ничего не нашелъ ей сказать и хотѣлъ успокоить только дешевыми, пошлыми увѣреніями. Она замерла, поникла и на другой день исчезла...

Патеръ всталъ и нервными, шаркающими шагами прошелся раза два по комнатѣ. Потомъ остановился, глубоко вздохнулъ и со стономъ снова опустился на свое мѣсто.

— И она ничего не сообщила вамъ о себѣ? — спросилъ Гогхольдъ черезъ минуту. Казалось, патеръ забылъ, что еще не окончилъ своего разсказа.

— О, да... да,—отвѣтилъ онъ.—Но въ письмѣ было только, чтобы я не искалъ ея, такъ какъ не найду. Въ общемъ, было короткое, холодное, прощальное письмо. Я понялъ, что любовь ея ко мнѣ прошла, и что она давно горько раскаялась во всемъ... вплоть до обращенія; она могла подозрѣвать, что я устроилъ все это единственно для того, чтобы завлечь и

обольстить ее. Я, действительно, показался ей слабым и малодушным въ послѣднее наше свиданіе, а это—смертельный ударъ для любви. Я понялъ, что денегъ она также не возьметъ отъ меня, хотя и была въ крайней бѣдности: этого не позволяла ей гордость... Она исчезла. Повѣрите ли, въ первое время я почувствовалъ даже какое-то облегченіе. До того я былъ ничтоженъ. Мнѣ казалось, что съ моихъ плечъ свалилось тяжелое бремя, и грѣхъ меньше жегъ мою душу. Въ сущности, это было сознаніе, что пропалъ страхъ передъ оглаской и послѣдствіями моего поступка. Но это чувство избавленія длилось не долго. Страсть и раскаяніе, всевозможные упреки самому себѣ и сознаніе вины, тщетно усмиряемые покаянiемъ, мучили меня; я былъ близокъ къ отчаянію... Я наводилъ справки объ ней, но онѣ не дали никакихъ результатовъ. Тогда я открылся своему духовнику. Тотъ отнесся къ моему признанію такъ мягко и снисходительно, что я не почувствовалъ облегченія отъ своей исповѣди. Кромѣ обычной епитимьи и наставленія, что я въ своемъ званіи долженъ строго относиться къ исполненію обязанностей и къ самому себѣ, онъ не зналъ, что сказать мнѣ. Да и что можно было сдѣлать на самомъ дѣлѣ? Развѣ донести обо мнѣ епископу, какъ о недостойномъ священникѣ, и требовать моего исключенія? На это онъ не рѣшился бы, да и епископъ не уволилъ бы меня. Такимъ образомъ, все осталось по старому. Все, что самъ я могъ придумать для вящаго своего покаянiя, — это стать самымъ ревностнымъ и неутомимымъ священникомъ, какого можно было себѣ только представить, въ особенности въ дѣлахъ милосердія. Но это не приносило мнѣ спокойствія, не давало умиротворенія. Сознаніе вины не покидало меня, напротивъ, давило все больше и больше, не смотря на молитвы и раскаяніе. Такъ проходили годы, и я ничего не зналъ объ исчезнувшей... Среди однообразія обстановки постепенно блѣднѣло воспоминаніе о ней и обо всемъ происшедшемъ. Я поклялся не обращать больше вниманія и остался твердъ и непреклоненъ въ этомъ рѣшеніи... Жизнь моя текла въ полномъ одиночествѣ. Я совсѣмъ зарылся въ свои книги... Вдругъ, черезъ много лѣтъ, я получилъ извѣстіе отъ той, которую сдѣлалъ и счастливой, и несчастной, — такъ говорила она сама въ своемъ письмѣ. Письмо было написано за много лѣтъ раньше, чѣмъ писавшая умерла въ нищетѣ и горѣ, едва давъ жизнь своему ребенку... Письмо это, написанное, вѣроятно, въ предвидѣніи близкой смерти, въ тяжелой для нея моментъ, было найдено добрыми бѣдняками, пріютившими сиротку, въ карманѣ одного изъ оставшихся послѣ матери платьевъ. Годъ за годомъ перешивали они дѣвочки

платья изъ ея гардероба. И они переслали мнѣ старое письмо, вмѣстѣ съ рассказомъ о случившемся. Что я отецъ ребенка, которому они замѣнили родителей, они не догадывались. Никто не зналъ, что умершая была католичка, и оставшійся ребенокъ, мой ребенокъ, былъ крещенъ по протестантскому обряду... Они и не представляли себѣ, какъ все поразило меня. Изъ моего искусственнаго спокойствія я снова былъ брошенъ въ бездну заботъ, страха и сомнѣній... Самъ не подозрѣвая, я сдѣлался убійцей любимой женщины! О, Боже, какъ все кричало и стонало во мнѣ, какъ уносило мои силы. Въ такія минуты постигаешь тщету священническаго высокомерія и становишься ничтожнѣйшимъ изъ смертныхъ, нуждающимся въ Божьемъ милосердіи. Нѣсколько недѣль я былъ совершенно разбитъ, не зналъ, что дѣлать, сознавая, что никто мнѣ помочь не можетъ. Потомъ у меня явилось горячее желаніе быть тамъ, гдѣ мой ребенокъ, жить съ нимъ... вблизи своего ребенка. Это желаніе не покидало меня. Я дѣлалъ все, чтобы меня перевели сюда, и это удалось, хотя и не скоро... Я пріѣхалъ сюда и нашелъ свою дочь. Она походила на мать, какъ почка на распутившійся цвѣтокъ, и не подозрѣвала, кто я, не думала, что своею жизнью она обязана моему смертному грѣху. Я чувствовалъ, какъ это благопріятно, и остерегался нарушить ея покой или открыть кому бы то ни было свою тайну. Я сблизился съ нею, какъ другъ и духовный пастырь ея покойной матери. Какъ таковой, былъ принятъ и людьми, выросшими ея. Что мать была католичка, стало, конечно, извѣстно, но я не думалъ объ обращеніи дочери. Напротивъ: по моему, я и тогда совершилъ тяжкую несправедливость, заставивъ мать измѣнить своей вѣрѣ только потому, что она любила меня. Мнѣ казалось, что я могу загладить свою вину, если отрекусь отъ вліянія на душу дочери, хотя, собственно, и могъ бы требовать ея обращенія... И вѣдь приходятъ въ голову такія глупыя, нелѣпыя мысли! Повѣрите ли, я дѣйствительно находилъ утѣшеніе въ томъ, что рѣшился такъ вести себя. Я грубо нарушалъ свои обязанности, какъ католическій священникъ, но, какъ человекъ,—вѣрилъ, что совершаю актъ искупленія, ибо за свои поступки долженъ былъ самъ строго карать себя. Я считалъ, что такое самобичеваніе загладить хоть отчасти мои старыя грѣхи, и находилъ отраду въ своемъ сознательномъ неправильномъ образѣ дѣйствій. Да, какъ только ни заблуждаются люди! Человѣческая душа такой лабиринтъ, даже самая спокойная и самая простая съ виду. Я не понималъ, что сознаніе вины еще больше угнетало меня, что я вваливалъ на себя еще новыя сомнѣнія и страхи. Съ теченіемъ времени должны были и самой Матильдѣ придти

въ голову различныя мысли, способныя нарушить ея покой. Не было и недостатка, въ доброжелательныхъ сосѣдкахъ, мучившихъ и ее, и ея пріемныхъ родителей внушеніями, что она должна принять религію своей матери, разъ та была католичка. Въ этихъ случаяхъ ужъ мнѣ приходилось возражать, успокаивать и въ то же время стараться не выдать себя. Мнѣ такъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь для этой дѣвушки, такъ хотѣлось многому научить ее, поднять до болѣе высокой, независимой жизни! Но сама она не хотѣла даже и знать, кто я для нея, чтобы она могла принимать мою помощь. Служитель другой церкви, слѣдовательно—ничто. Позволить себѣ пользоваться моими благодѣяніями — значило подчиниться мнѣ цѣликомъ, а этого она не хотѣла; въ глубинѣ души ее влекло къ ея религіи, и она прямо-таки боялась католицизма. Странно, но несомнѣнно, что у лютеранъ какая-то инстинктивная боязнь католицизма, поддерживаемая средневѣковыми, полными тайнъ, легендами. По убѣжденію, по доброй волѣ или изъ благодарности ко мнѣ, она не хотѣла мѣнять религію, но мечтала объ этомъ ради своей матери.

Такимъ образомъ, началась у нея душевная борьба. Она колебалась между внутреннимъ убѣжденіемъ и чувствомъ долга, а тутъ еще грубыя сосѣдки и кумушки, считавшія себя въ правѣ во всемъ копаться, всюду вмѣшиваться, отнимали покой у бѣднаго созданія. Она не могла отнестись ко всему съ высоты развитого ума; это было дитя народа, она выросла среди суевѣрныхъ предрассудковъ. И когда пасторъ Гадебушъ или я хотѣли разсѣять ея неосновательныя тревоги (мы оба считали ихъ излишними), она всегда думала что каждый изъ насъ старается только для себя, и настоящаго утѣшенія мы дать ей не могли. Вдобавокъ, рано лишившись своихъ пріемныхъ родителей, она сама должна была добывать себѣ хлѣбъ тяжелой работой, и хотѣла этого. Иначе я охотно избавилъ бы я ее отъ труда! Чрезмѣрный трудъ изнурялъ ее, а она и такъ была не изъ крѣпкихъ. Въ своей гордости она прилагала всѣ старанія, чтобы не прибѣгать къ сторонней помощи, скорѣе сама помогала другимъ. Да, я могъ бы ею гордиться... и вся она была въ мать, какъ двѣ капли воды. Тутъ она еще полюбила очень строгаго протестанта, сына кистера, и полюбила какъ разъ въ то время, когда почти на половину уже рѣшилась сдѣлаться католичкой. Она увѣряла, что мать приходила къ ней ночью нѣсколько разъ и требовала принять ея вѣру. И вотъ, когда началась жестокая душевная драма, совершенно истерзавшая бѣдную дѣвушку!.. Но къ чему рассказываю я вамъ всѣ подробности? Будьте снисходительны ко мнѣ. У меня все спуталось въ головѣ, я совершенно забылъ, что все это можетъ быть для васъ ни-

сколько не интересно, и что многое вы сами уже знаете... Она быстро приближалась къ концу съ своей болѣзью сердца, и никто не могъ помочь ей... Она умерла и похоронена, какъ протестантка... Съ тѣхъ поръ я каждый день молюсь на ея могилѣ; бремя жизни, тяжкое для меня уже давно, сдѣлалось почти невыносимымъ. И непрерывно, неустанно я спрашиваю себя: долженъ ли я оставаться священникомъ, католическимъ священникомъ, — когда ношу въ себѣ смертный грѣхъ и молюсь на могилѣ протестантки, своей дочери? Я не обратилъ ее, я сотни разъ уговаривалъ ее остаться протестанткой, и послѣ этого я все же католическій священникъ? То, что я сдѣлалъ, можно оправдать и понять по человѣчеству, и съ высшей точки зрѣнія мой поступокъ независимый и похвальный. Тотъ, кто судить людей не по ихъ дѣламъ, а по побужденіямъ могъ бы простить меня; но долженъ ли самъ оставаться служителемъ церкви? И это мучить меня, не даетъ мнѣ покоя и привело меня къ вамъ. Развѣ не грѣхъ, въ моемъ священническомъ санѣ, выносить такія терзанія? Не долженъ ли я сдать свои пастырскія обязанности своему духовному начальству или уйти въ монастырь и посвятить покаянію остатокъ дней своихъ?

Вотъ что я хотѣлъ бы разъяснить и отъ васъ, какъ священникъ отъ священника, жду отвѣта. Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ? Какъ судить строгій служитель другой церкви о моемъ поведеніи? Вы скажете мнѣ, быть можетъ: если вы сами не увѣрены въ своей правотѣ и вообще сомнѣваетесь, законно ли носите свой священническій санъ, — то лучше отказаться отъ него. Это вѣрно. Но не забудьте, что въ моемъ положеніи я могу сдѣлать много добра, и мой маленькій приходъ любить меня и не можетъ безъ меня обойтись. Годы слишкомъ тѣсно спаяли насъ и, можетъ быть, благодаря мнѣ, мы, затерявшаяся горсточка, живемъ здѣсь съ другими религіями въ мирѣ и согласіи, а это не мало и не всѣмъ дается. Не всякій священникъ могъ бы добиться такого результата, и безъ хвастовства скажу, что могу сдѣлать здѣсь много добра для своихъ прихожанъ. Господь часто выбираетъ недостойное орудіе для исполненія своей святой воли. И потому-то... видите ли, я и колеблюсь. И это не изъ страха и не изъ-за своихъ пастырскихъ правъ, о Боже, нѣтъ! Во мнѣ нѣтъ ни властолюбія, ни сознанія силы... Но я не могу быть счастливымъ, если не чувствую себя достойнымъ своего званія? Иногда мнѣ кажется, что я не долженъ уходить и обязанъ терпѣть все ради своего прихода, не смотря на сомнѣнія и муки; гдѣ Господь поставилъ меня, тамъ я и долженъ служить до послѣдняго издыханія... И

вотъ я не въ силахъ рѣшить самъ, пришелъ къ вамъ и... повторяю все одно и то же. Вы знаете уже достаточно. Вы сами священникъ и можете сказать мнѣ, долженъ ли я оставаться на своемъ посту?

Онъ замолчалъ въ изнеможеніи, и его добрые, печальные глаза устремились со страхомъ на Готхольда, поднявшагося съ мѣста, чтобы успокоить свое внутреннее волненіе. Онъ подошелъ къ окну и какъ бы всматривался въ спускавшуюся ночь. Стало такъ темно, что собесѣдники могли различать только контуры другъ друга. Нѣкоторое время длилось молчаніе. Затѣмъ Готхольдъ, глубоко тронутый, близко подошелъ къ Бенедикту Гегелеру и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— Вы истинный священникъ,—сказалъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ,—потому что вы истинный человѣкъ. Оставайтесь тамъ, гдѣ поставилъ васъ Господь! Продолжайте дѣйствовать, продолжайте страдать! Ваша жизнь — покаяніе ваша дѣятельность — награда. У меня больше нечего сказать вамъ.

Изъ груди Бенедикта Гегелера вырвалось рыданіе. Онъ схватилъ руки Готхольда и въ волненіи поднесъ бы ихъ къ своимъ губамъ, если бы тотъ не воспротивился. Долго онъ не могъ выговорить ни слова. Когда же, наконецъ, овладѣлъ собой, онъ только спросилъ:

— Это серьезно, пасторъ Венденъ? Это—ваше святое убѣжденіе?

— Да, серьезно и мое святое убѣжденіе.

— Благодарю васъ.

Еще минуту держалъ онъ руки Готхольда въ своихъ рукахъ, затѣмъ медленно всталъ. Онъ какъ будто выросъ противъ прежняго, и весь дрожалъ, точно отъ радостнаго ожиданія или миновавшаго напряженія.

— Я иду,—сказалъ онъ,—спокойной ночи. Еще разъ благодарю васъ, пасторъ Венденъ. Вы сняли съ моей души большую тяжесть. Мнѣ было бы горько и тяжело разстаться съ могилой моей дочери. Доброй ночи!

Онъ вышелъ своей быстрой шаркающей походкой.

Готхольдъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ человѣкъ, одержавшій надъ собою трудную побѣду. На душѣ его стало свѣтлѣе. Не пастеръ долженъ благодарить его, а, наоборотъ, онъ долженъ благодарить его.

На безпросвѣтномъ пути.

I.

„Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма неласково, напоминаетъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа бессильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которыми выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладеваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задерживаетъ

жала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и может пригодиться къ тому, чтобы на полу-русскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ... Великорусская... грамота непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ“.

Эти слова могутъ привести въ удивленіе лицъ, не знакомыхъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Украинѣ и полагающихъ, что въ этой области обстоитъ тамъ все благополучно, т. е. не хуже, чѣмъ въ Великороссіи, и не только привести въ удивленіе, а и просто показаться преувеличеніемъ, доведеннымъ до абсурда. А между тѣмъ слова эти принадлежатъ лицу, высокая авторитетность котораго въ педагогическихъ вопросахъ находится внѣ всякаго сомнѣнія: авторомъ ихъ является К. Д. Ушинскій *). Мнѣніе такого педагога не можетъ не возбудить вниманія тѣмъ болѣе, что затронутый имъ вопросъ является вопросомъ огромной важности. Въ самомъ дѣлѣ: украинцевъ въ Россіи 23—25 милліоновъ, и если Ушинскій правъ, то значить эти милліоны не только лишены необходимѣйшаго средства просвѣщенія—порядочной школы, но еще и подвергались въ теченіе многихъ десятиковъ лѣтъ вліянію учрежденія, которое дѣлаетъ „хуже, чѣмъ ничего“, такъ какъ „задерживаетъ на нѣсколько лѣтъ естественное развитіе дитяти“, а душу человѣка „не развиваетъ, а портитъ“. Иными словами: если Ушинскій правъ, то все до сихъ поръ дѣлавшееся въ сферѣ народнаго образованія въ Украинѣ является даже не нулемъ, а минусомъ въ дѣлѣ народнаго развитія. Естественно поэтому желаніе проверить мнѣніе Ушинскаго.

Но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса по существу, считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь, что, говоря такимъ образомъ, Ушинскій совсѣмъ не былъ одинокъ. Наоборотъ, мы видимъ, что въ томъ же направленіи высказался цѣлый рядъ другихъ педагоговъ и различныхъ компетентныхъ лицъ, а также земствъ и иныхъ общественныхъ учреждений.

Вопросъ о необходимости учить украинцевъ на ихъ родномъ языкѣ сдѣлался такимъ, повидимому, запутаннымъ лишь впоследствии, первоначально же онъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній, такъ для всѣхъ казалось простымъ и яснымъ, что обучать дѣтей нужно на томъ языкѣ, на какомъ они говорятъ. Для возможности такого обученія начали создаваться и учебники—еще со второй половины 50-хъ годовъ XIX в.; прежде всего это были буквари и книжки для школьнаго чтенія: Кулиша (два, 1857 и 1861), Шевченка (1861), Азбука по методу Золотова (1861), Шейковского

*) Ушинскій, Педагогическая поѣздка по Швейцаріи. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія, 1863, январь, отд. III, 13—14; перепечатанно въ «Собраніи педагогич. сочиненій» Ушинскаго, Сп., 1875, стр. 379—380.

(1860, 1861), Гатдука (1861), Ященка (1862), затѣмъ арифметики: Мороза (1862) и Конисскаго (1863), свящ. исторія Олатовича (1863) и пр. „Основа“ помѣстила рядъ статей какъ по поводу учебниковъ, такъ и вообще по вопросу о языкѣ школьнаго преподаванія (между прочимъ—статья Костомарова). Практически прилагались къ дѣлу эти учебники и вообще принципы обученія на родномъ языкѣ въ возникавшихъ съ 1859 г., сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, воскресныхъ и ежедневныхъ школахъ, основывавшихся студентами-украинцами и другими лицами, а также и во временной педагогической школѣ въ Кіевѣ. Въ 1862—1863 гг. выдвинулся вопросъ о народномъ образованіи на юго и сѣверо-западѣ Россіи, и мѣстные педагоги высказывались за введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украинскаго, въ школы. Заявленія въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ запискахъ педагоговъ вилenskaго и кіевского учебныхъ округовъ, помѣщенныхъ въ „Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана народныхъ училищъ“ (1862).

Наиболѣе ясно освѣтили этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія педагогической, педагоги кіевского учебнаго округа. Почти всѣ гимназіи подали здѣсь голоса въ пользу народныхъ языковъ — бѣлорускаго и особенно украинскаго, при чемъ обстоятельнѣе говорятъ по этому поводу: совѣтъ 2-й кіевской гимназіи и директоръ житомирской гимназіи г. Пристюкъ. Совѣтъ гимназіи считаетъ невозможнымъ наглядное обученіе безъ народнаго языка, а потому находитъ необходимымъ „начинать наглядное обученіе и первоначальную грамоту на мѣстномъ народномъ языкѣ“.

Г. Пристюкъ предлагаетъ внимательно обсудить вопросъ: „не будетъ ли успѣшнѣе идти обученіе здѣшняго народа, если начать учить его грамотѣ не на великорусскомъ, а на малорусскомъ нарѣчій, на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету, и потомъ получилъ первыя человѣческія понятія“? На вопросъ этотъ онъ отвѣчаетъ утвердительно и проектируетъ для школъ книги для класснаго чтенія съ украинскимъ языкомъ.

Другой педагогъ, г. Вессель, впоследствии членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ статьѣ: „Мѣстный элементъ въ обученіи“ (журналъ „Учитель“ 1862, стр. 839, 893, 949 и слѣд.), высказалъ положеніе, что общее образованіе безъ споры на мѣстный элементъ не возможно, и находилъ необходимымъ, чтобы была „составлена книга для чтенія и на малороссійскомъ языкѣ, которой, хотя бы нѣсколько сносно, до сихъ поръ у насъ не существуетъ, такъ что въ Малороссіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ не по чему и учить дѣтей родному языку. А не обучать народъ родному языку, значитъ не дозволить развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ си-

ламъ народа, значить оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ. Если же мы начнемъ обучать народъ не его языку, а хоть самому сродному, ближайшему, то сдѣлаемъ еще хуже: мы извратимъ самостоятельное умственное развитіе народа, мы извратимъ всю духовную природу его“.

Въ то же время 84 учителя кievскихъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ (между прочимъ П. Чубинскій, В. Антоновичъ, М. Драгомановъ) подали въ с.-петербургскій комитетъ грамотности мотивированное заявленіе о необходимости преподаванія на украинскомъ языкѣ въ школахъ. Комитетъ отнесся къ этому очень сочувственно и возбудилъ въ подлежащихъ сферахъ соответствующее ходатайство, но оно осталось безрезультатнымъ *). Въ то же время комитетъ издалъ „Списокъ русскихъ и малороссійскихъ книгъ, одобренныхъ комитетомъ грамотности для народныхъ учителей и школъ и для народнаго чтенія **).

Тогда же появилась и цитированная нами выше статья Ушинскаго, а другой педагогъ, В. И. Водовозовъ, разбирая ***) вышедшую въ Вильнѣ въ 1863 г. книгу для народныхъ школъ виленскаго учебнаго округа, въ которой было помѣщено небольшое количество матеріала по-бѣлорусски, высказался за необходимость комбинировать въ элементарной книгѣ для чтенія общеобразовательный матеріалъ съ народнымъ, за мѣстный элементъ и мѣстное нарѣчіе, даже если оно русское, полагая, что на немъ должна быть написана, по крайней мѣрѣ, треть школьной книги для чтенія.

Вопросъ былъ поставленъ совершенно правильно—на педагогическую почву и, казалось, долженъ былъ и разрѣшиться удовлетворительно. Къ сожалѣнію тѣ, кому сіе было нужно, сейчасъ же осложнили его введеніемъ въ дѣло постороннихъ мотивовъ, главнымъ образомъ политическихъ. Началось это собственно еще съ изданія первой украинской азбуки—„Граматы“ Кулиша (1857): польскіе помѣщики-крѣпостники сдѣлали на нее доносъ, будто она призываетъ къ гайдамацкой рѣзнѣ, и книжка была запрещена администраціей,—впрочемъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра она продавалась довольно свободно. Затѣмъ появились печатные доносы на „сепаратизмъ“ украинцевъ. Въ первый разъ это слово сказано было еврейской газетой „Сіонъ“, а затѣмъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ подхватили это обвиненіе, дополнивъ

*) См. объ этомъ: Д. Протопоповъ, Исторія С.-Петербургскаго комитета грамотности, состоявшаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ (Спб., 1898), стр. 20, 79—84. Того же мнѣнія о роли украинскаго языка въ школахъ для украинцевъ держался комитетъ и въ 1894 г.,—см. стр. 126—127 той же книги.

**) Ibid., 276—283. Списокъ выдержалъ четыре изданія, украинскихъ книгъ включено было въ него довольно много, напр., въ беллетристическомъ отдѣлѣ: число украинскихъ книгъ равнялось числу книгъ русскихъ.

***) „Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія“, 1863, май, отд. V, 90 — 101..

его другимъ: что украинцы и польскіе паны-повстанцы чуть ли не одно и то же, не смотря на то, что именно польскіе помѣщики засыпали извѣстнаго Н. И. Пирогова, тогда попечителя кievскаго учебнаго округа, а также и различныхъ вышнихъ лицъ администраціи, жалобами и доносами на украинскія народныя школы и высмѣивали въ своихъ органахъ украинскую литературу. Второй силой, поднявшейся противъ этихъ школъ, было высшее духовенство, особенно митрополитъ Исидоръ, бывшій сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, — съ этой стороны украинскія школы обвинялись въ вольнодумствѣ, нерелигіозности и пр. Вскорѣ (въ 1862) всѣ воскресныя школы въ Россіи были закрыты по обвиненію въ неблагонадежности, а изъ временной педагогической школы и вообще изъ школъ былъ изгнанъ украинскій языкъ. Въ новомъ школьномъ уставѣ слова „отечественный языкъ“ были замѣнены словами „русскій языкъ“ (преподаванія). Нѣкоторые изъ дѣятелей украинскихъ воскресныхъ школъ (Стронинъ, Ковисскій и др.) были высланы на сѣверъ *). Вопросъ былъ сдвинутъ съ надлежащаго мѣста на политическую почву, и въ 1863 г. послѣдовало запрещеніе украинской литературы, кромѣ пронаведеній изящной словесности, „пропускомъ-же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, (приказано было) пріостановиться“ **).

Съ этого времени крики со стороны охранительной прессы объ украинскомъ сепаратизмѣ и украинской хлопотаніи поднимались каждый разъ, какъ только возникалъ въ печати вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ школахъ. Оставляя въ сторонѣ эти плоды охранительной пронипательности, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что высказано было по интересующему насъ вопросу людьми, знавшими дѣло и правильно ставившими его на педагогическую почву, при чемъ, конечно, будемъ отмѣчать лишь болѣе значительное и существенное.

Въ 1862—1864 гг. М. П. Драгомановъ, позже профессоръ кievскаго университета и извѣстный ученый, принималъ участіе въ преподаваніи въ кievскихъ воскресныхъ и временной педагогической школахъ. Практика дѣла убѣдила его въ необходимости украинскаго языка при обученіи народа и свои мысли по этому вопросу онъ изложилъ въ статьѣ, напечатанной въ 1865 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 317, 318) и затѣмъ въ статьяхъ въ той-же газетѣ: „Земство и мѣстный элементъ въ народномъ образованіи“ и „Педагогическое значеніе малорусскаго

*) Подробности см. въ ст. „Українія“: „Антрактъ в історії українофільства“. (Правда, 1876, № 12, стр. 471 и слѣд.), а также въ вышеупомянутой „Исторіи С.-Петерб. Комит. Грам.“, стр. 18, 79.

**) См. это распоряженіе въ книгѣ г. Лемке: „Эпоха цензурныхъ реформъ“, 302—304.

языка" (1866, № 93); здѣсь былъ представленъ имъ также и планъ книги для школьнаго чтенія, основанный на принципѣ: отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. По поводу этихъ статей въ томъ же направленіи высказались (въ той же газетѣ) и два земца: г. Закревскій и бар. Корфъ (въ статьѣ „Земскій вопросъ“). Шире и основательнѣе разъяснено это дѣло въ другой статьѣ Драгоманова и его жены, напечатанной (за подписью Л. Д.) въ „Вѣстникѣ Европы“ (1874, VIII): „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи“, гдѣ приведенъ былъ и обзоръ мнѣній по вопросу французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ и педагоговъ.

Но наиболѣе обстоятельному разсмотрѣнію подвергъ этотъ вопросъ Драгомановъ въ статьѣ „Народні школы“, гдѣ дано также много матеріала и для исторіи дѣла. Указывая здѣсь на плохую постановку народнаго образованія вообще въ Россіи, онъ говоритъ, между прочимъ: „Къ такой бѣдѣ со школами, общей для всей Россіи, у насъ въ Украинѣ присоединяется еще своя особая. У насъ съ самаго начала учатъ на чужомъ языкѣ, по книгамъ, не приспособленнымъ къ нашей странѣ и жизни. Это бѣда такая, которая тянется десятки лѣтъ и сама по себѣ можетъ поставить нашъ народъ позади почти всѣхъ народовъ русскаго государства. И именно этой бѣды не хотятъ видѣть не только правящія сферы, но даже и большая часть тѣхъ, которые заботятся въ Россіи о народномъ просвѣщеніи, какъ напр., комитеты грамотности, педагогическія общества, газеты и земства. Одни не хотятъ сознаться, а другіе прямо боятся сказать, что нашъ народъ дѣйствительно не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, школьнаго языка, который чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе становится изъ омѣшаннаго церковно-русскаго прямо великорусскимъ“ (стр. 143). По поводу заглавій распространенныхъ въ то время книгъ для школьнаго чтенія онъ говоритъ: „Родное слово“, „Родной міръ“!—прекрасныя слова. Но кому родныя? Великоруссамъ или украинцамъ? Что одному родное, то для другого является чужимъ“ (Стр. 153) *). Онъ находитъ, что „необходимо разсмотрѣть въ подробностяхъ такое великое горе народное, какъ недостатокъ хорошей и своей школы, необходимо разъяснить его множествомъ отдѣльныхъ примѣровъ, чтобы для каждаго сдѣлалось очевиднымъ, что такъ дальше жить невозможно“ (стр. 120). Разсмотрѣвъ вопросъ, насколько позволяли ему матеріалы, онъ

---

*) Сравн. мнѣніе одного крестьянина изъ Полтавск. губ.: „Прежде чѣмъ устраивать артели нужно дать образованіе и—лучше и прежде всего—на родномъ языкѣ; слѣдуетъ сдѣлать учебники въ школахъ доступными пониманію крестьянскихъ дѣтей, а то просто становится страннымъ: мальчику 8 лѣтъ даютъ „Наше родное“ (Баранова), которое есть въ сущности не наше родное, а „Наше чужое“, потому что ученикъ читаетъ какіе-то щи, супъ, уха-ватъ, кулебяка и т. п., то, чего онъ никогда не слышалъ и не слышитъ кругомъ себя“. „Хуторянинъ“, 1900, № 51. (Корреспонденція изъ Гадяча).

приходить къ тому выводу, что „никогда не можетъ быть живой научной школы въ Украинѣ безъ украинскаго языка“ (стр. 208), а безъ такой школы невозможно самое дѣло народнаго просвѣщенія.

Мы уже упоминали, что извѣстный земскій дѣятель по народному образованію бар. Н. А. Корфъ высказался въ пользу введенія украинскаго языка въ школу по поводу статей Драгоманова. Въ другомъ мѣстѣ, въ своемъ „Отчетѣ члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта“ (1868), онъ рядомъ примѣровъ удостовѣряетъ, что украинскій ребенокъ не знаетъ того языка, на которомъ его будутъ обучать. (Стр. 87 — 88). Въ своемъ руководствѣ для земскихъ гласныхъ и народныхъ учителей: „Русская начальная школа“, бар. Корфъ школу съ русскимъ языкомъ среди украинцевъ приравниваетъ къ школѣ среди инородцевъ (стр. 44), а о послѣдней говоритъ слѣдующее: „Русская школа для инородцевъ отнюдь не должна посягать на національную особь инородцевъ и все, что ей дорого: религія, обычаи инородцевъ должны остаться неприкосновенными, языкъ инородцевъ долженъ найти мѣсто въ русской инородческой школѣ, насколько онъ не помѣшаетъ изученію ими русскаго языка (?); нѣсни и историческіе рассказы, хотя бы послѣдніе и совершались на русскомъ языкѣ, должны напоминать инородцамъ о преданіяхъ ихъ національности, для того, чтобы національное чувство ихъ было внѣ всякой опасности въ русской школѣ, которая явилась бы въ глазахъ инородцевъ учрежденіемъ, воспитывающимъ дѣтей въ уваженіи ко всякой національности и обучающимъ русскому языку, какъ такому, безъ котораго невозможно обойтись инородцамъ, живущимъ въ Россіи, и который со многими можетъ соперничать въ богатствѣ и красотѣ. Только та русская школа, которая пойдетъ такимъ путемъ, доведетъ питомцевъ своихъ до любви къ Россіи, какъ отечеству, въ которомъ всему разноплеменному населенію дышится легко“ *).

Не будемъ останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ, появившихся по занимающему насъ вопросу въ русской и украинской прессѣ и рѣшавшихъ его въ томъ же направленіи, какъ и поименованные авторы; отмѣтимъ лишь, что изъ этихъ статей въ русской журналистикѣ наиболѣе интересная принадлежитъ А. Я. Ефименко: „Малорусскій языкъ въ народной школѣ“ **).

Съ 1870 г. вопросъ этотъ былъ поднятъ и земствомъ. Гласный Н. Константиновичъ внесъ въ черниговское уѣздное земское собраніе предложеніе ходатайствовать предъ правительствомъ о

*) „Русская начальная школа“, изд. V, 1876, стр. 191—192.

**) „Слово“, 1881, № 1. Перепечатана во второмъ томѣ сборника статей г. жи Ефименко „Южная Русь“. Въ украинской прессѣ см. статью г. П. Вартового „Яка теперь народня школа на Вкраїні“ („Житє і слово“, 1896); вышла и отдѣльной книжкой.

правахъ „мѣстнаго нарѣчія“ при преподаваніи въ школахъ и указывалъ на то, что русскій языкъ „вовсе почти непонятенъ для нашихъ крестьянскихъ мальчиковъ“. Собраніе постановило возбудить ходатайство *).

Въ 1881 году вопросъ этотъ поднятъ былъ и въ черниговскомъ губернскомъ земствѣ. Школьная коммисія въ своемъ докладѣ указывала на необходимость, чтобы „при организаціи школъ были приняты во вниманіе какъ этнографическія особенности населенія, при рѣшеніи вопроса на какомъ языкѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы при составленіи матеріала для учебныхъ книгъ“. Изгнаніе изъ школы родного языка учащихся и обученіе ихъ на русскомъ „приводитъ, во-первыхъ, къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства... и, во-вторыхъ, устанавливаетъ извѣстный разладъ между семьей и школою и увеличиваетъ въ населеніи мѣстностей тотъ вредъ полубразованія, который отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьѣ и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполняетъ ихъ новымъ содержаніемъ“. Земское собраніе постановило ходатайствовать: „о допущеніи народнаго мѣстнаго языка въ школьное преподаваніе и о разрѣшеніи изданія учебниковъ, составленныхъ, согласно этой потребности, на народномъ языкѣ“ **).

Отвѣта на ходатайство не было получено никакого, и этотъ вопросъ былъ вновь поднятъ черниговскими земцами. Гласный И. Л. Шрагъ выступилъ съ докладомъ „О допущеніи народнаго языка въ народную школу“, въ которомъ находилъ необходимой эту мѣру, при чемъ опирался какъ на практику дѣла, такъ и на рядъ мнѣній авторитетныхъ въ вопросѣ лицъ. Докладъ этотъ былъ поддержанъ губернской земской управой и постановленіемъ *борзенскаго* земства, и въ 1900 г. по немъ было возбуждено соответствующее ходатайство, которое также остается до сихъ поръ безъ отвѣта ***).

Херсонское губернское земство подняло тотъ же вопросъ по инициативѣ съѣзда народныхъ учителей, происходившаго въ 1881 г. подъ руководствомъ Н. А. Корфа, и на возбужденное земскимъ собраніемъ ходатайство также не было дано отвѣта ****). Аналогичное ходатайство, по докладу гл. П. А. Зеленаго (впослѣдствіи городской голова г. Одессы), было возбуждено въ 1895 г. и *елисаветградскимъ* земствомъ *****).

*) *Черниговск.*, „Вопросъ о народномъ языкѣ въ школахъ“. („Южныя Записки“, 1904, № 12).

**) См. отчетъ о черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи сессіи 1880 г., состоявшемся въ январѣ 1881 г., стр. 664—666 и 206.

**) „Стенографическій отчетъ засѣданій черниговскаго губ. земскаго собранія XXXVI очередной сессіи 1900 г.“, стр. 490—514;—Черниговецъ „Вопросъ о народномъ языкѣ въ школахъ“ („Южныя записки“, 1904, № 12).

****) „Сборникъ херсонскаго земства“, 1901, май, земская хроника, 212.

*****) „Журналъ елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія 1895 г.“.

Въ *полтавскомъ* губернскомъ земствѣ вопросъ о введеніи украинскаго языка въ школу былъ затронутъ въ 1900 году по поводу наданія для школы книгъ, доступныхъ населенію по языку и содержанію, гл. В. Н. Леонтовичемъ, которымъ затѣмъ и былъ представленъ собранію докладъ: „Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ Полтавской губ.“ (Полт. 1901). Докладъ этотъ является лучшимъ изъ всего, что было дано по этому вопросу въ земской литературѣ. Подробно указавъ вредъ, происходящій отъ чужезычной школы, г. Леонтовичъ высказывается за введеніе въ школу украинскаго языка, какъ языка преподаванія, за допущеніе въ школу украинскихъ учебниковъ и другихъ книгъ и за оти́ну существующихъ ограниченій украинскаго слова *). Вопросъ этотъ разсматривался въ губернскомъ собраніи въ декабрѣ 1904 г., и собраніе согласилось съ пожеланіями г. Леонтовича, поставивъ вопросъ собственно о языкѣ преподаванія такимъ образомъ: „малорусскій языкъ въ школахъ долженъ быть поставленъ не только какъ помогающій объясненію, но какъ изучаемый на ряду съ государственнымъ. Помимо того педагогическаго значенія, какое можетъ имѣть для успѣшнаго хода ученія родной языкъ, есть еще и другая сторона—нравственно-воспитательная: изученіе родной рѣчи въ школахъ заставитъ дѣтей уважать тотъ языкъ, который есть достоиніе его семьи, и не стараться, яко-бы во имя ложной культурности, говорить на какомъ-то коверканномъ языкѣ, отдаленномъ значительно отъ родного и еще болѣе не дошедшемъ до правильной русско́й рѣчи. Въ виду этихъ мотивовъ, собраніе постановило ходатайствовать о допущеніи права земствамъ вводить въ школьный курсъ изученіе малорусскаго языка, проводя это изученіе черезъ всю школу“ **).

Двѣ городскія думы также недавно (въ настоящемъ году) занялись этимъ вопросомъ. Въ одномъ изъ засѣданій *полтавской* думы единогласно, безъ предварительныхъ преній, возбуждено ходатайство, чтобы въ учреждаемой думой школѣ имени И. П. Котляревскаго обученіе производилось такимъ образомъ: „1) Преподаваніе грамоты должно начинаться съ обученія чтенію и письму на малорусскомъ языкѣ по малорусскимъ букварямъ и книгамъ для чтенія. 2) Преподаваніе закона Божія и ариметики должно происходить также на малорусскомъ языкѣ, по малорусскимъ учебникамъ. Въ особенности это представляется необходимымъ въ преподаваніи закона Божія, который, по своему вліянію на душевное развитіе учащихся, требуетъ какъ можно болѣе доступнаго для дѣтей изложенія. 3) Обученію чтенію и письму по

*) Ниже мы останавливаемся подробнѣе на нѣкоторыхъ пунктахъ этого интереснаго доклада.

**) „Кіевская Старина“, 1905, I, Документы, извѣстія и замѣтки, 32.

русскому языку должно начинаться со 2-го года обучения и составлять отдельный необходимый и важный предмет. 4) Обучение родиноуваженію и естествознанію должно начинаться съ изученія близкой ученику мѣстности и природы черноземной полосы и въ дальнѣйшемъ прохожденіи охватывать характерныя особенности Южной Руси, ея физической природы, бытовыхъ, экономическихъ и историческихъ условій прошлой и современной жизни ея населенія. 5) При ознакомленіи учащихся съ русской литературой, учителя должны знакомить ихъ и съ лучшими образцами литературы малорусской“ *).

Одесская дума рассмотрѣла докладъ городского головы П. А. Зеленаго, доказывающій, что „мѣстному учителю приходится преодолевать невѣроятныя затрудненія даже при обученіи русскому букварю, такъ какъ сразу-же малорусскій ребенокъ наталкивается на непонятныя, хотя и простые для великоросса слова“, при чемъ существующія книги для школьнаго чтенія не обращаютъ вниманія на мѣстныя культурныя, географическія и историческія особенности; докладчикъ присоединяется къ мнѣнію Ушинскаго о малорусской школѣ и указываетъ на то, что современная система преподаванія не дала ничего даже для (поставленной бюрократіей) цѣли—ассимиляціи малороссовъ съ великороссами **). По этому докладу возбуждено ходатайство объ отгнѣннѣ запрещеній украинскаго слова, о допущеніи въ школьныя (и народныя) бібліотеки учебниковъ и книгъ для чтенія на украинскомъ языкѣ, о допущеніи хотя бы объясненій учителя по украински, „если-бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, а русскій языкъ сдѣлать особымъ предметомъ преподаванія“ ***).

Затѣмъ дѣйствовавшіе съ 1902 г. сельско-хозяйственные комитеты также не прошли мимо этого вопроса. Комитеты *хотинскій, бердянскій, ананьевскій, лубенскій, полтавскій, леманецкій, черниговскій, конотопскій, воронежскій* высказались въ томъ же направленіи, находя необходимымъ введеніе, въ той или иной формѣ, въ народную школу украинскаго языка. Въ докладахъ этихъ комитетовъ указывается на непоправимыя трудности обученія дѣтей на чужомъ языкѣ, а также и на то, что современная школа не способна развить любовь къ знанію, самообразованію (хотинскій комитетъ), что пренебреженіе народнымъ языкомъ порождаетъ невольное неуваженіе и къ самому народу, говорящему на этомъ языкѣ ****).

*) „Кіевскіе Отклики“, 4 апрѣля 1905, № 94.

**) „Кіевская Старина“, 1904, Документы, извѣстія и замѣтки, 23—27.

***) „Кіевская Старина“, 1905, III, Докум., изв. и замѣтки, 259—260.

****) См. сводъ мнѣній комитетовъ въ статьѣ г. Черниговца. „Народный языкъ въ школѣ и книгѣ“. („Южныя Записки“, 1904, № 25).

Въ 1903 г. бывший въ Петербургѣ Техническій съѣздъ нашелъ нужнымъ вообще введеніе народнаго языка въ первоначальное преподаваніе *).

Наконецъ, въ самое послѣднее время совѣтъ харьковского университета, принявъ „Записку“, выработанную комиссіей профессоровъ университета по вопросу о запрещеніи украинскаго языка, единогласно высказался противъ стѣсненій украинскаго слова и между прочимъ постановилъ: „Не касаясь вопроса о языкѣ преподаванія въ первоначальной школѣ въ малороссійскихъ губерніяхъ, такъ какъ этотъ вопросъ совершенно изъять изъ обсужденія, совѣтъ во всякомъ случаѣ находитъ необходимымъ, чтобы въ начальныхъ школахъ въ мѣстностяхъ съ малороссійскимъ населеніемъ было введено обученіе малороссійскому чтенію и письму и чтобы предоставлено было право помѣщать въ русскихъ учебникахъ переводы и объясненія малопонятныхъ для дѣтей малороссовъ русскихъ словъ и выраженій, равно какъ издавать на малорусскомъ языкѣ литературныя хрестоматіи и другія педагогическія пособія“ **).

Эта статья уже была приготовлена къ печати, когда въ „Полтавщинѣ“ появилась записка, поданная въ комитетъ министровъ 50-ю воспитанниками одной учительской семинаріи на югѣ Россіи, говорящая о нуждахъ украинской школы. Изъ подписавшихъ записку болѣе 10 душъ были уже народными учителями, а составъ ихъ по происхожденію таковъ: 25 крестьянъ, 17 козаковъ и пр. Они приходятъ къ выводу, „что украинская народная школа достигнетъ желательныхъ результатовъ только тогда, когда преподаваніе въ ней будетъ вестись на языкѣ украинскомъ“ ***).

II.

Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣлый рядъ педагоговъ, земствъ, городскихъ думъ и другихъ учреждений высказался въ томъ же духѣ, какъ и Ушинскій, т. е. отрицательно по отношенію къ существующей для украинцевъ чужезычной школѣ и за замѣну ея школой съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Необходимость этого вытекаетъ прежде всего изъ факта непонят-

*) Ibid., стр. 9.

**) „Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ“. Харьк., 1905, отдѣльн. оттискъ, стр. 15.

***). См. „Полтавщину“ отъ 6 мая 1905 г., № 117, „Любопытный документъ“, кромѣ того, тамъ говорится: „Какъ средства вспомогательныя и переходныя къ болѣе широкой постановкѣ и созданію національной школы, считаемъ необходимымъ введеніе въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и особенно такихъ, откуда выходятъ учителя для народной школы, какъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія: а) украинскаго языка, б) исторіи украинской литературы, в) исторіи Украины“.

ности школьнику-украинцу русского языка, на которомъ ведется въ настоящее время обученіе.

Но дѣйствительно ли эта непонятность такъ велика?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ фактамъ, къ тому матеріалу, который даютъ намъ школьные учебники и сообщенія, какъ печатныя, такъ и письменныя, различныхъ лицъ о томъ, какъ понимаются эти учебники дѣтьми-украинцами.

Для примѣра возьмемъ первыя четыре строки одной изъ популярнѣйшихъ басенъ Крылова, попадающей чуть не въ каждой школьной книжкѣ *)—„Лягушка и вола“.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,—
И ну топорищиться, пыхтѣть и надуваться.

Разсмотримъ это слово за словомъ.

Лягушка, а по-украински—*жаба*.

На лугу. Русскій *лугъ* называется по-украински *лука*, а украинское слово *луг* значитъ: а) лѣсъ на низинѣ, б) щелокъ: такимъ образомъ для украинскаго школьника выраженіе *на лугу* будетъ равносильно русскимъ: *на лѣсу* или *на щелкѣ*, т. е. будетъ казаться несообразностью; кромѣ того правила украинскаго склоненія требуютъ въ этомъ надежѣ формы: *на лузі*.

Увидѣвши, а по-украински—*побачивши*.

Затѣяла—по-украински *витіяла*, *выгадала*, *замірилась*.

Въ дородствѣ. *Дородство* по украински—*огрядність*, *гладкість*. Кромѣ того по-украински нельзя сравниться *въ чемъ*, а лишь „зрівнятися чимъ“ (творит. пад.)

(*съ*—по-украински *з*).

Сравняться—*зрівнятися*.

Она—*вона*.

Завистлива—*завидюща*, *зяздра*.

Была—*була*.

Топорищиться—*пидрючитися*, *надиматися*.

Пыхтѣть—*пухтіти*, *пухкати*.

Надуваться—*надиматися*.

И такъ, оказывается, что если оставить въ сторонѣ дважды повторенный союзъ *и* и два предлога *на* и *въ*,—изъ остальныхъ 17 словъ популярнѣйшей въ школахъ басни лишь три по своему написанію будутъ понятны нашему школьнику: *сама*, *вола*, *нимъ*, при чемъ два послѣднія выговариваются по-украински иначе, чѣмъ по-русски. И въ такомъ родѣ вся басня до конца.

Каждая страница обращающихся въ школѣ учебниковъ можетъ служить такимъ же точно примѣромъ. Возьмемъ, напр.,

*) См. напр., „Букварь“ гг. Тихомировыхъ, изд. 147-е, Москва, 1903, гр. 30.

4-ую и 5-ю страницы букваря Тихомировыхъ, гдѣ помѣщены слова для самыхъ начальныхъ упражненій въ чтеніи. Не считая слоговъ и повтореній, мы находимъ тамъ 36 словъ, и изъ нихъ *двадцать* непонятны нашему начинающему ученику (ау, Маша, мамаша, Саша, сума, суша, малъ, Маша, шалашъ, шла, ушла, сусло, ура, моръ, ромъ, соръ, ссора, росъ, русло, шаръ), а изъ остальныхъ 16 большая часть выговаривается иначе. И это съ перваго же урока!

Еще хуже положеніе, когда встрѣчаются слова приблизительно однозвучныя съ украинскими, но имѣющія совершенно иное значеніе, напр. русское слово *шаръ* значитъ по-украински — *слонъ*, *малыка*—курительная трубка, *луна*—эх, *наглый*—скоропостижный, русское *уродливый*, по-украинскому произношенію *уродливый*—значитъ красивый и пр. и пр. Намъ припоминается одна учительница-великоруска, которая, попавъ въ школу въ Украину, по началу крайне возмущалась тупостью и глупостью своихъ учениковъ, приводя этому и примѣры. Читала она, напр., съ ними какой то рассказъ и встрѣтилась тамъ фраза: „Красная роза выставилась изъ калитки“.

— И представьте себѣ, какъ мнѣ они это передали? — негодовала учительница.—Я не могу рассказать это по-ихнему, но смыслъ тотъ, что кто-то рвалъ цвѣты и вынималъ изъ кошелька!

Передача являлась очевидно недѣльной, а между тѣмъ ученики по-своему были правы. *Красный*—по-украински значитъ красивый, *роза*—роза или мальва, *калитка*—кошелекъ, такимъ образомъ приведенная фраза могла быть понятой или въ такомъ смыслѣ: красивая роза (мальва) выставилась изъ кошелька.

Нужно еще принять во вниманіе, что при разницѣ склоненій и спряженій въ сравниваемыхъ языкахъ русская глагольная форма звучитъ иногда какъ украинское существительное или прилагательное, падежъ существительнаго — какъ глаголъ и пр., напр., русское прошедшее время отъ глагола пить — *пилъ* однозвучно съ украинскимъ существительнымъ *пил* — родъ низкихъ палатей, замѣняющихъ въ хатахъ кровати; родительный падежъ русскаго существительнаго пасть — *пасти* будетъ украинскими учениками понятенъ лишь какъ неопредѣленное наклоненіе глагола *пасти* (пасть скотъ, напр.) и пр. Затрудненія, создаваемыя всѣми такими созвучіями, гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя происходятъ отъ несходства словъ, относящихся къ одному и тому же понятію. Имѣя предъ собою просто незнакомое слово, ученикъ естественно желаетъ узнать его значеніе, „здѣсь же слово, повидимому, знакомо, надъ нимъ нечего задумываться, ученикъ храбро читаетъ далѣе и, конечно, теряетъ смыслъ прочитаннаго, оно представляется ему какою-то странною бессмыслицею, наборомъ словъ, не относящихся другъ къ другу, и когда ученикъ, вѣря авторитету книги, и пытается все же разобрать ся.

въ этомъ наборѣ сбивающихъ его словъ, подыскиваетъ объясненія, могущія, по его мнѣнію, какъ-нибудь связать ихъ, тогда у него, при малыхъ его знаніяхъ и развитіи, возникаютъ самыя нелѣпыя и фантастическія построенія, ничуть не похожія на сказанное въ книгѣ *)).

До какой степени нелѣпости и фантастичности могутъ доходить эти построенія, можно было бы показать на массѣ фактовъ, взятыхъ изъ жизни школы. Вотъ кое-что.

Во 2-й части „Родного слова“ Ушинскаго есть статейка „Уточка“ (стр. 45-я, 63-го изд.): „Сидитъ Вася на берегу, смотреть онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются“ и проч. Дальше рассказывается, какъ „сталъ Вася уточекъ кликать: ути, ути!“ и пр. Сейчасъ же послѣ этого рассказа слѣдуютъ три статейки о гусяхъ съ картинкой, изображающей этихъ птицъ. Ученикъ, третій годъ учащійся въ школѣ, передалъ рассказъ объ уткахъ такимъ образомъ:

— Сиділа Васька на березі та прудила блохи та ще й лається: „Тю! тю! які здорові,—наче гуси! **).

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: „Сидѣла Василиса на берегу и выгоняла изъ одежды блохъ, да еще и ругается: „Тю! тю! (выраженіе, обозначающее здѣсь сильное удивленіе) какія большія,—словно гуси!“

Эта удивительная передача прочитаннаго получилась слѣдующимъ образомъ: *Вася, Васька*—по-украински имя не мужского, а женскаго рода—Василиса; *прудь*—по-украински называется *став*; но русское слово *прудь* по созвучію напоминаетъ нашему школьнику глаголъ *прудити*—изгонять изъ одежды насекомыхъ; *ути, ути* напоминало также по созвучію *тю, тю*, а рядомъ находящіяся заглавія и картинка съ гусями подсказали сравненіе блохъ, явившихся вслѣдъ за глаголомъ *прудити*, съ этою почтенною птицею.

Благодаря ненужности подобнаго улавливанія смысла прочитаннаго, между учениками и преподавателями происходятъ вѣчныя недоразумѣнія. Читаютъ, напр., статью о коровѣ, а въ ней фразу: „Напьемся мы теплаго *парного* молока прямо изъ-подъ коровы“. При пересказѣ ученикъ излагаетъ:

— Есть такія коровы, которыя даютъ „уже парене молоко“.

Удивленный учитель спрашиваетъ:

— Гдѣ же ты видѣлъ такихъ коровъ, которыя даютъ *не* парное молоко?

На это ученикъ отвѣчаетъ, что такихъ коровъ онъ видѣлъ вездѣ, и у насъ, молъ, такія, а вотъ тѣхъ, у которыхъ парится

*) В. Леонтовичъ. Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ Полтавской губ., стр. 10.

**) Власьевскій. Народопроевітні книжки (Літературно-визуковий Вистник, 1901, XII, 115.

молоко само въ животѣ,—такихъ онъ не видалъ... Дѣло въ томъ, что русское слово *парное* ученикъ понялъ какъ украинское *парне*, т. е. кипяченое *).

Или вотъ еще картинка съ натуры изъ жизни одной школы Нѣжинскаго уѣзда.

Приѣзжаетъ въ школу инспекторъ и приказываетъ ученикамъ читать что-то изъ школьной хрестоматіи. Читаютъ описаніе церкви, начинающееся фразой: „Когда ты въѣзжаешь въ городъ или село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза?—Церковь... Волоколюню ты еще версты за двѣ завидѣлъ...“ **). По прочтеніи ученики не могли пересказать, и инспекторъ помогаетъ имъ наводящими вопросами:

— Ну, скажите, что бросается въ глаза, когда вы въѣзжаете въ село?

Ученики подумали и отвѣтили:

— Собаки.

Послѣ долгихъ переспросовъ ученики назвали, наконецъ, *церковь*.

— Что же вы видите прежде всего въ церкви?

— Бабів та дівчат у бабинці,—отвѣчаютъ дѣти (Женщинъ и дѣвушекъ въ притворѣ).

Инспекторъ начинаетъ уже сердиться, но все же продолжаетъ добиваться своего.

— А на церкви выше всего—что вы видите?

— Баню! (буполь)—хоромъ отвѣтили ученики.

— Да что они,—смѣются надо мной, что ли?—раскричался на учительницу инспекторъ. — Какая можетъ быть баня на церкви?

Подобныхъ примѣровъ недоразумѣній между учениками и учителями и вообще удивительнѣйшихъ по своей несообразности объясненій русскихъ словъ и выраженій можно было бы привести множество ***). Совершенно естественно поэтому, если въ

*) „Педагогическая хроника“, 1879, № 4. Съ юга Россіи.

**) Статейка Рожественскаго, — можно найти въ различныхъ хрестоматіяхъ.

***) Для интересующихся помѣщаемъ здѣсь кое что изъ нашего собственнаго запаса, а также и изъ матеріала уже опубликованнаго (см. Вартовій, 28). Впереди мы ставимъ русское слово, затѣмъ одно или нѣсколько его объясненій, сдѣланныхъ учениками и, наконецъ, въ скобкахъ, переводъ этихъ объясненій по-русски. Предупреждаемъ, что нелѣпость ученическихъ объясненій во многихъ случаяхъ, такъ сказать, лишь кажущаяся, ибо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ребенокъ имѣлъ въ своемъ собственномъ языкѣ основаніе именно для такого, а не иного объясненія; конечно, это въ свою очередь не исключаетъ возможности объясненій, сдѣланныхъ прямо наугадъ со стороны учениковъ, отчаявшихся въ возможности разобратъ въ путаницѣ непонятныхъ словъ и принявшихъ за угадываніе: авось попаду какъ разъ на то, что нужно!

Кладъ—кладка (узкій мостикъ черезъ ручей).

письменных работахъ учениковъ постоянно попадаются такіе, напр., перлы: „Вилы—травоядная животная“, „Слива—плодоядное (вм. плодовое) дерево“ и пр.

Но этими трудностями дѣло не ограничивается. Грамматика

Глупость — як не чути нічого (время, когда ничего не слышно; сравн. *глуха ніч*—глухая ночь).

Пенька—пеньюк, опеньки, піна (пень, грибъ *Agaricus melleus* Wahl., пѣна).

Муравей—журавель (журавль).

Прибыль—прибули (прибыли).

Шмель—хміль, шенеля (хмѣль, шинель).

Вьки—як вітер віє; як хто вмере, дак вік виживе (когда вѣтъ вѣтеръ; если кто умреть, то вѣкъ отжилъ).

Водоворотъ—воду возять (возять воду).

Кустъ—капуста; хага пустка (капуста; пустая изба).

Кротъ—птиця; рот; коротке шо небудь (птица; ротъ; что-нибудь короткое).

Указка—казка (сказка).

Колоколь—як шо колють (когда что-либо колятъ).

Букашка—птичка; на жито плугом залізнякъ букарють (птичка; особый родъ вспашки подъ рожь).

Лучи—там, де лучше (тамъ, гдѣ лучше).

Бабочки—жінка; балочка; бабки ростуть на шпилі (женщина; степной оврагъ; родъ растенія).

Площадь—дошка (доска).

Жуток—тихо; жарко; дуби шумлять (тихо; жарко; дубы шумять).

Около мпы—коло ока літають, хочуть укусити (вокругъ глаза летаютъ желая укусить).

Улитка—літо; улік; дівчину звать; як птиця літає (лѣто; улей; ния дѣвушки; полеть птицы).

Прудъ—як вода прудко йде та крутиться (водоворотъ).

Сурожъ—лопата (лопата).

Ель—як собака їсть, як хто їде (если собака ѣсть; если кто ѣдетъ).

Роща—лощина; дощ (ложбина, дождь).

Щежа—по щоках б'ють (бьютъ по щекамъ).

Туловище—як затуляють (когда заслоняютъ).

Бобъ—Бог; тхорик; чирвак (Богъ, хорець, червякъ).

Щи—щітка, зуби (щетка, зубы).

Бреско—як різун заріже або палець обірве (если рѣзь въ живото́ или нарывъ на пальцѣ).

Ехо—лихо; хворий каже; ех! (бѣда; больной говоритъ: эх!)

Мель—міль, мідь; шо мелють (мель; мѣдь; то что мелятъ).

Ежъ—як кто їсть (если кто-нибудь ѣсть).

Качель—як хто ткаче (если кто-нибудь ткачъ).

Аистъ—як кто їсть, то й аїст (если кто-либо ѣсть, тотъ и аистъ).

Шорокъ—шахта (шахта).

Чинovníкъ—той, шо шкіри чинить (тотъ кто выдѣлюваетъ кожи).

Жилище—залізо (желѣзо).

Соты—ними орють (ими пашутъ).

Лиза—як чешуть, то волосся лізе (когда причесываютъ, вылазять волосы).

Морковь—м'ясо жарене (жареное мясо).

Всѣ эти объясненія даны учащимися первый годъ.

См. еще статью г. Б. Д-ра: „Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога“. (Кіевск. Старина, 1884, XII, 75).

и синтаксисъ языковъ русскаго и украинскаго разнятся не мѣнѣе, чѣмъ лексика. Такъ, однозначашіе глаголы и предлоги управляютъ въ нихъ разными падежами; въ обоихъ языкахъ есть формы и обороты, не присущіе другому, и пр. Когда, напр., украинскій ребенокъ читаетъ: „она пошла за водой“, — это ему кажется смѣшнымъ, такъ какъ по-украински можно сказать только *по воду*, а *за водой* значить, что ее понесло по теченію воды. Метаформы и прочіе образы и украшенія прибавляютъ новыя трудности къ пониманію русской рѣчи: дѣло въ шляпѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ, убить время, вышелъ изъ себя, сгорѣла со стыда, смотреть сентябремъ, войти во вкусъ и пр., и пр.—всѣ эти прекрасныя выраженія являются причиной постоянныхъ мученій учениковъ и учителей,—такъ трудно ихъ объяснить.

Къ этому необходимо еще прибавить, что даже общія обоимъ языкамъ слова, за крайне малыми исключеніями, выговариваются украинцами совсѣмъ иначе: *о* никогда не выговаривается какъ *а*, *е* = *э*, *и* = звуку среднему между *я* и *и*; *е* никогда не произносится какъ *ѣ* и именно въ концѣ словъ выговаривается какъ полугласная, средняя между *е* и *у*; *г* = латинскому *h*; *ф* огромное большинство украинцевъ совсѣмъ не выговариваетъ, замѣняя его звуками *х*, *хв*, *п* или *т* и пр. Поэтому рѣчь говорящаго по-русски учителя кажется нашему ученику крайне странною и непонятною даже тогда, когда слова и могли бы быть понятны. Насколько это важно,—мы сами отлично знаемъ на тѣхъ примѣрахъ, когда человѣкъ хотя бы и хорошо *теоретически* знающій иностранный языкъ, впервые попадаетъ среди людей, говорящихъ на этомъ языкѣ: первое и иногда долгое время онъ совершенно не въ состояніи различать даже отдѣльных словъ. Приученіе же учениковъ при чтеніи книги и отвѣтахъ къ великорусскому выговору — это просто каторга для украинскаго ребенка, и сказать правильно по-русски такую простую фразу, какъ: „подайте огурцовъ“ является для него крайне затруднительнымъ, такъ какъ онъ здѣсь долженъ выговорить иначе чѣмъ написано, цѣлыхъ пять звуковъ (два *о*, *е*, *г* и *ѣ*).

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ удареніи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ неодинаковомъ въ обоихъ языкахъ, — обстоятельство особенно неудобное при заучиваніи стиховъ.

До сихъ поръ мы говорили лишь о русскомъ языкѣ. Но въ школѣ, съ перваго же года, начинается и изученіе языка церковно-славянскаго, являющагося обязательнымъ предметомъ для народной школы. Для русскаго ребенка изученіе этого предмета ведется такимъ образомъ, что церковно-славянскія слова и выраженія объясняются языкомъ, понятнымъ ребенку, такъ какъ ребенокъ самъ его употребляетъ; для ребенка же украинскаго дѣло происходитъ иначе. Обученіе должно вестись по русски, значить и церковно-славянскія слова и выраженія ученикъ дол-

женъ уиѣтъ передавать также по-русски; но этихъ русскихъ выражений онъ не понимаетъ, такъ какъ говоритъ своимъ языкомъ; поэтому приходится дѣлать такъ: переводя ц.-славянскую фразу по-русски, переводить затѣмъ и русскую фразу по-украински, т. е. ребенокъ долженъ съ самаго начала обученія сразу изучать два языка: одинъ неизвѣстный при помощи другого неизвѣстнаго! Я попросилъ бы читателя представить себѣ, что онъ, не зная ни латинскаго, ни французскаго языковъ, изучаетъ первый при помощи второго, переводя каждое латинское выраженіе по-французски, а затѣмъ французскій переводъ, чтобы понять его, еще и по-русски! Можно съ увѣренностью сказать, что для едва научившагося читать украинскаго школьника трудность церковно-славянскаго языка равносильна трудности, которую пришлось бы одолевать моему взрослому и образованному читателю при изученіи латинскаго языка по рецепту, употребляемому въ народной школѣ. Какіе отъ этого получаются результаты, среди какихъ нелѣпостей вѣчно путаются несчастные школьники при этой двухстепенной системѣ изученія языка,—понятно безъ поясненій и примѣровъ.

III.

Указанными препятствіями на дорогѣ къ просвѣщенію не ограничиваются тѣ трудности, какія приходится преодолевать украинскому школьнику. Въ учебникахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чуждъ ему не только языкъ, но и содержаніе, такъ какъ весь удобный матеріалъ въ нихъ приспособленъ не для украинской, а для великорусской школы *). Вотъ, напр., описаніе родины.

„Невзрачна, некрасива наша деревенька: кое-гдѣ торчатъ около почернѣлыхъ избъ березки; румяная раскидалась рябина съ своими ярко красными кистями; иногда деревянный рѣпеекъ (рѣзной изъ дерева кругъ въ родѣ флага) развѣвается надъ крышей съ мочальной лентой, либо деревянный рѣзной пѣтушокъ торчатъ надъ свѣтелкой“ (Изъ хрестоматіи „Родина“ Радонежскаго, 61).

Или такъ:

„Деревня Горки—моя *родина*. Всего въ деревнѣ 20 избъ. Онѣ

---

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы разсматриваемъ содержаніе школьныхъ учебниковъ только съ избранной нами точки зрѣнія. Мы не касаемся поэтому тѣхъ тенденцій управы благочинія и обузданія, которыми проникнуто и давящее большинство особенно новѣйшихъ книгъ для школьнаго чтенія. Съ этой точки зрѣнія почти всѣ употребляющіяся въ школѣ книги для класснаго чтенія прямо должны быть подвергнуты изгнанію изъ нея — безразлично, для кого бы школа ни предназначалась, что и будетъ, конечно, сдѣлано въ обновленной народной школѣ.

построены изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ. Недалеко отъ деревни лѣсъ начинается мелкимъ ельникомъ и соснякомъ. Много елей и толстыхъ сосенъ... но попадаются также и бѣлоствольныя березы и осины съ трепещущими листьями“ *).

Но вѣдь это совершенно чуждо нашему ребенку: наши хаты не строятся изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ; рѣпейковъ, вырѣзныхъ пѣтушковъ и мочальныхъ лентъ на нихъ нѣтъ; стѣны ихъ не чернятъ, а бѣлятъ; березы возлѣ нихъ не торчатъ, а растутъ вишнявыя деревья, вербы и пр.; если есть лѣсъ, то онъ не еловый и пр., и пр. Что, кромѣ унылаго недоумѣнія, можетъ вызвать такое описаніе въ душѣ нашего ученика? Развѣ это его родина?.. Но иной родины въ книгѣ нѣтъ, и ему приказываютъ считать своей ту, которая полагается по программѣ.. А по этой программѣ уже въ концѣ августа морозъ сковываетъ землю, пахутъ не употребляющейся у насъ сохой, хлѣбъ сушатъ въ не существующихъ у насъ овинахъ, подъ овиннымъ хлѣбъ пахутъ незадолго передъ посѣвомъ...

Вонъ:

„Зайчика у елочки попрыгиваетъ...“

Видали у насъ зайчика, но что такое „елочка“? И почему нигдѣ нѣтъ задумчиво свѣсившихся вербъ, тополей, калины?

Вонъ иззябшій зайчикъ мечтаетъ:

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужиченкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, въ лапоткахъ ходить,
Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своей хозяйшкой сѣренькой,
Пирогѣ бы мнѣ ѣсть, да все съ капусткою,
Пирогѣ бы со сладкою морковкою;
На полатяхъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать **);

Ну, развѣ же украинскій заяцъ могъ бы такъ мечтать при отсутствіи лаптей, пироговъ съ морковью, полатей? Для нашего ребенка, которому извѣстна совсѣмъ другая картина жизни крестьянина, эти заячьи мечтанья кажутся какой-то несообразностью. Положимъ, имъ учитель уже объяснилъ что такое „лапотки“, но вѣдь это-же безобразно! Сапоги гораздо удобнѣе и красивѣе! А пироги съ морковью! Какъ это должно быть невкусно! Вотъ если бы вареники съ сыромъ или съ вишнями!.. Такъ на полати лѣзутъ вверхъ, какъ на чердакъ? Какъ это смѣшно и неудобно!.. Да и глупый же этотъ заяцъ!..

А что это за штуки такія ѣдятъ люди: щи, овсяныя лепешки, толокно, тюря, кулебяка? А сарафанъ, кокошникъ, кафганъ, ар-

*) Бунakovъ. „Въ школѣ и дома“, см. статьи: „Моя родина“ и „Окрестности моей родины“.

**) Ушинскій, Родное слово, II, 95.

някъ—это что такое? Поютъ какія-то подблюдныя пѣсни... Такъ вотъ все и кажется, что подъ большимъ блюдомъ лежатъ пѣсни!.. Но развѣ возможно положить пѣсню хотя бы и подъ блюдо? Вотъ если бы пѣли *колядки, щедрівки, веснянки*, — ну, это другое дѣло!..

„Радоница! бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестеръ на кладбище!..“ Но что такое радоница? ученики не знаютъ, да не вѣдаетъ и учитель... Празднуютъ какой-то семизъ... И ужасно любятъ зиму!.. „Въ зимній холодъ всякій молодець“. А у насъ говорятъ: „Діти, діти! добре вамъ в літі, а зімувати — то горювати!“ *).

„Холодная зима—благодать“. А у насъ всѣ жалуются на холодную зиму: и топить нечѣмъ, и недавно родившіяся телятенокъ замерзъ, а мать изъ хаты не пускаетъ... Всѣ боятся зимы...

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи,
На тебѣ горять алмазы,
Словно яркіе лучи...
Намъ не страшень снѣгъ суровый:
Съ снѣгомъ—батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ...
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша добрая забава,
Молодецкая зима! **)

Можетъ быть это и хорошо все, но у нашего ребенка съ всего этого чуждаго ему холода сжимаетъ холодомъ душу... А тутъ еще г. Рождественскій въ своей „Родинѣ“ приводитъ и конецъ этого стихотворенія, отброшенный Бунаковымъ.

Скоро масленицы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой
Закутитъ крещеный міръ.
Игры, братскія попойки,
Настежъ двери и сердца,
Пляшутъ бѣшенныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца (стр. 103)...

Гдѣ же это такъ бываетъ?—спросить нашъ ученикъ послѣ переводовъ и разъясненій учителя. Да, но хорошо и положеніе этого учителя: изволь вѣдрять въ сердца учениковъ симпатіи.

*) Дѣти, діти! хорошо вамъ лѣтомъ, а зимовать это—бѣдствовать.

**) Бунаковъ, „Въ школѣ и дома“, I, 72.

не только къ морозу и зимѣ, но и къ „настойкамъ“, „братскимъ попойкамъ“ и „бѣшеннымъ тройкамъ“,—которые несутъ закутывшій крещеный міръ—куда?—не въ увеселительное ли заведеніе?

Родныя картинки... да, но кому?

Лучшія книги для школьнаго чтенія въ значительной мѣрѣ заполнены народнымъ русскимъ матеріаломъ: пословицами, пѣснями, сказками. Приѣмъ совершенно раціональный: это лишь увеличиваетъ пригодность книги, приближая ее къ народному пониманію и вкусу. Но опять таки къ какому? Къ великорусскому? Что-же касается украинскихъ дѣтей, то чѣмъ болѣе матеріалъ для чтенія специфически-великорусскій, тѣмъ онъ дальше отъ нихъ пониманія и вкуса. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ болѣе матеріалъ народный великорусскій, тѣмъ болѣе въ немъ отразились природа, бытъ и міровоззрѣніе великорусскіе; но у насъ все это вѣдь иное! Такимъ образомъ то, что вообще составляетъ достоинство книги для класснаго чтенія, для насъ, при существующихъ условіяхъ, является крупнымъ недостаткомъ! Возьмемъ для примѣра изъ такихъ книгъ нѣсколько пословицъ:

„Не учась и лапта не сплетишь“. Быть можетъ, но у насъ не знаютъ трудное или нѣтъ дѣла лапти плести.

„Держись за сошеньку, за кривую ноженьку“. Да, но у насъ держатся за плугъ, а *соха* у насъ совсѣмъ не кривая, а прямая съ развилиной на концѣ.

„Что русскому здорово, то нѣмцу смерть“. Пустяки: нѣмцы у насъ живутъ цѣлыми колоніями и такъ же, какъ и мы, пахутъ и сѣютъ, ѣдятъ тѣ-же продукты, что и мы ѣдимъ, и смерти имъ отъ этого не бываетъ.

А вотъ пословицы, вводящія насъ въ область географіи:

„Славна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями“. Но что такое Астрахань? А Сибирь у насъ славна только каторгой.

„Волга добрая лошадка,—все свезетъ“. Какъ странно называютъ лошадей! У насъ говорятъ просто: *сірый, гндий*...

Не только въ пословицахъ, но и вообще въ географическомъ отдѣлѣ страницы испещрены Волгой, Окой, Саратовомъ, Москвой, Казанью, Тулой... Двѣпръ и Кіевъ едва мелькнутъ, да и то въ такихъ статьяхъ, что ихъ и не поймешь *).

Съ исторіей еще хуже. Вотъ, напр., „Книга для чтенія“

*) А вотъ, для примѣра, отрывокъ изъ статьи: „Наше отечество“. „Все населеніе Россіи дѣлится на нѣсколько племенъ... Главныя изъ этихъ племенъ: славянское, литовское, финское и татарское. Славянское племя самое многочисленное и образованное; оно дѣлится на два народа: русскихъ и поляковъ. Русскіе подраздѣляются на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, которые... говорятъ однимъ языкомъ и различаются между собою лишь нѣкоторыми обычаями, немного своимъ внѣшнимъ видомъ и рѣчью“. (Одинцовъ и Богоявленскій, Книга вторая для чтенія въ церк.-приход. школахъ. Спб., 1899, стр. 113—114).

Баранова (14-е изд.): въ ней на двадцать одной страницѣ историческаго отдѣла ни слова объ Украинѣ, если не считать сообщенія о кievскомъ періодѣ, рассказанномъ какъ часть *великорусской* исторіи. Въ „Новой книгѣ для класснаго и домашняго чтенія“ Ермина и Вологовскаго (2-е изд.) исторіи посвящена пятьдесятъ одна страница и объ Украинѣ ни слова. Въ „Дѣтскомъ мірѣ“ Ушинскаго (110 страницъ) то же, что и у Баранова. Въ „Книгѣ для первоначальнаго чтенія“ Водовозова вся наша исторія представлена маленькимъ отрывкомъ изъ „Тараса Бульбы“ Гоголя. Изъ 96 страницъ, посвященныхъ (въ двухъ мѣстахъ) исторіи въ книгѣ Поливанова „Первая пчелка“ о насъ ничего. Почти то же и въ „Родинѣ“ Радонежскаго и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ нашъ ребенокъ оказывается человекомъ безъ родины и исторіи: раньше его родина подмѣнена великорусскою, теперь то же самое дѣлается съ исторіей. Знакомство съ прошлымъ своего края, съ дѣятельностью предшественниковъ, столь развивающее общественныя чувства, пробуждающее сознание долга предъ современнымъ обществомъ и будущими поколѣніями,—для нашего ученика вещь невозможная. Удивительно ли, что эти общественныя чувства не только не развиваются, но регрессируютъ въ народѣ при данной обстановкѣ? Вѣдь нѣтъ ничего, что могло бы ихъ поддерживать.

Правда, иногда дѣлаются слабыя попытки дать что-либо изъ быта и даже исторіи Украины, но все это такъ ничтожно, такъ тонетъ въ общей массѣ чуждаго украинскому ребенку матеріала! Отрывокъ изъ Гоголя, отрывокъ изъ А. Толстого—блестящія въ литературномъ отношеніи вещи, но такія трудныя для пониманія ребенка, даже знакомаго съ русскимъ языкомъ! Да и можно ли знакомить ребенка съ родиной на чужомъ языкѣ, который ничѣмъ не связанъ съ этой родиной—ни однимъ словомъ, ни однимъ образомъ? Никогда такое знакомство не затронетъ сердца ребенка, не заставитъ его любить родной край! И сколько бы ни помѣшали въ такихъ книжкахъ изъ Гоголя или кого бы то ни было на русскомъ языкѣ,—все это будутъ мертвые, холодные, ненужные намъ звуки...

Впрочемъ, вотъ и Шевченко... Единственный разъ, правда, и даже почему-то безъ обозначенія автора, но все же отрывокъ изъ „Катерины“ *). Но... онъ въ переводѣ по-русски. Конечно русскимъ дѣтямъ такъ и нужно, но нашимъ... Вѣдь это же полный абсурдъ, наглядная, такъ сказать, несообразность—читать своего родного поэта, но не иначе какъ въ переводѣ! Нелѣпость съ педагогической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія національнаго чувства все это кажется прямо какимъ-то издѣвательствомъ!... **).

*) Тихомировъ, „Букварь“ (147-е изд.), 42.

**) Аналогичные факты: „Наймичка“ Шевченка запрещена для школь-

А каковы иногда бываютъ свѣдѣнія о насъ въ такъ называемыхъ „дѣловыхъ“ статьяхъ школьныхъ книгъ! Вотъ, напр., статейка: „Лѣтнія занятія малороссовъ“. Сказавъ о страдной порѣ и молотѣбѣ, авторъ продолжаетъ:

„На баштанахъ тоже кипитъ дѣятельность. Огромные арбузы, золотистыя дыни и тыквы совсѣмъ налились, созрѣли и лежатъ на грядкахъ, прося рабочихъ рукъ. Подсолнухи и усатая кукуруза выросли во всю свою вышину и далеко видѣются своими верхушками. Старый оѣдой сторожъ, охраняющій бакчи, съ напускной важностью покрикиваетъ на деревенскихъ ребятишекъ, выгоняя ихъ оттуда, но маленькіе плутишки хорошо знаютъ, что дѣдко шутить,—бѣгаютъ съ веселыми криками по баштану и преусердно набиваютъ свои карманы и рты подсолнухами и огурцами“ *)

Интересно знать, какое довѣріе будутъ имѣть къ книгѣ наши школьники, прочитавъ въ ней, будто арбузы, дыни и тыквы лежатъ на грядкахъ, будто ребятишкамъ дозволяютъ толпой бѣгать по баштану и будто они набиваютъ себѣ карманы и ротъ огурцами (перезрѣлыми уже) въ то время, когда есть спѣлыя дыни и арбузы и пр.?

Или вотъ, напр., въ книгѣ Бунакова „Въ школѣ и дома“ есть статейка: „Казачество и Малороссія“. Вотъ, между прочимъ, что тамъ говорится:

„Во время татарскаго раззоренія на Руси было много людей бездомныхъ, обездоленныхъ. Такіе люди, прозванные казаками, стали уходить въ южно-русскія степи. Тамъ подъ предводительствомъ выборныхъ атамановъ они собирались въ шайки, чтобы заниматься разбѣмъ, грабежемъ и войною съ татарами... Главныя казацкія поселенія были по нижнему теченію Дона и по Днѣпру. Шайка донскихъ казаковъ, какъ намъ извѣстно, завоевала Сибирское царство, а при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всѣ Донскіе казаки признали надъ собой власть Москвы. Казаки, поселившіеся по Днѣпру, образовали Малороссійское или Украинское казачество, и вся страна, населенная ими, стала называться Малороссіей. Бесемейные-же (?) удалцы изъ малороссійскихъ казаковъ стали уходить на Днѣпровскіе острова, ниже пороговъ, и здѣсь образовали удалое военное братство—Запорожскую Сѣчь. Малороссія добровольно признала надъ собой власть польскаго

ныхъ библіотекъ въ оригиналѣ и дозволена въ переводѣ; „Кобзарь“ для сельскихъ библіотекъ запрещенъ по-украински и дозволенъ въ переводѣ... „Дешо про свѣтъ божій“ не только запрещено для библіотекъ, но и не разрѣшается для печати, какъ книжка научно-популярная, а русскій переводъ выдержалъ уже 10-е или 11-е изданіе и допущенъ во всѣ библіотеки и т. д.

*) *Одинцовъ и Болявинскій*, Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ. (Спб., 1899), 137.

короля, но Запорожская Сѣчь не хотѣла признать этой власти" и т. д. (Часть II, изд. 30-е, 1903, стр. 47—48).

Итакъ, выходитъ, что украинскій народъ образовался изъ шаекъ, вышедшихъ, очевидно, изъ центральной, московской Руси во время татарскаго раззоренія; выходцы эти по національности то же, что и донскіе казаки,—о какомъ либо національномъ различіи нѣтъ и рѣчи; шайки эти, занимаясь разбоемъ и грабежемъ, поселились по Днѣпру,—очевидно, тамъ раньше никто не жилъ,—и такъ какъ онѣ назывались малороссійскимъ казачествомъ, то и страна получила имя Малороссіи; ясно: украинцы ведутъ свое происхожденіе отъ шайки великорусскихъ разбойниковъ; къ тому же они сотворили и измѣну: вмѣсто того, чтобы покорствоваться московскому царю, они признали надъ собой власть польскаго короля. Кіевскій и литовскій періоды нашей исторіи для автора не существуютъ; но за то Запорожская Сѣчь оказывается существующей еще до соединенія страны съ Польшей и т. д.

Крайняя невѣжественность этой статейки очевидна безъ дальнейшихъ поясненій; но статейка, кромѣ того, еще и оскорбительна для украинцевъ, такъ какъ о нашемъ народѣ говорится какъ о шайкѣ разбойниковъ, которой онъ былъ будто бы въ тотъ періодъ, когда онъ уже далъ и Владиміра и Ярослава, и автора „Слова о полку Игоревомъ“ и другихъ дѣятелей кіевского періода украинской исторіи.

Что же въ подобныхъ случаяхъ остается дѣлать учителю: возвращать истину въ угоду книгѣ или объявить, что учебная книга говоритъ неправду? Первое очевидно невозможно; но вѣдь и второе подрываетъ вѣру и въ книгу, и въ школу... А затѣмъ еще одно обстоятельство: если возможны составители школьных книгъ, пишущіе такіе статейки, то конечно, возможны и учителя, вѣрящіе этимъ книгамъ,—какія-же свѣдѣнія останутся въ головѣ у учениковъ, когда такой учитель прочтетъ съ ними подобную статейку?

Есть еще одинъ важный, съ нашей точки зрѣнія, недостатокъ книгъ для класснаго чтенія, отмѣченный вышеупомянутымъ докладомъ г. Леонтовича, мнѣнія котораго, какъ земскаго дѣятеля, особенно цѣнны въ данномъ случаѣ. Онъ говоритъ: „Важнѣйшими же для крестьянскаго ребенка нужно признать тѣ знанія, которыя или помогутъ исправить существующія у него ложныя понятія о природѣ и обществѣ, или пригодятся ему въ его будущей трудовой жизни. Но для того, чтобы надлежащимъ образомъ сдѣлать такой выборъ, составитель учебника долженъ быть хорошо ознакомленъ съ условіями жизни, бытомъ, міровоззрѣніемъ и предрассудками того населенія, для котораго предназначаетъ онъ свою книгу. Съ этой точки зрѣнія природоописательныя статьи школьнаго учебника должны быть направлены къ опроверженію предрассудковъ, существующихъ именно въ данной мѣстности, а

не гдѣ-то въ отдаленныхъ губерніяхъ; агрономическія, техническія и другія практическаго характера статьи должны давать описанія лишь такихъ культуръ и промысловъ, которые распространены или могутъ развиваться въ данной мѣстности съ ея климатическими, почвенными и экономическими условіями; статьи юридическія,—выясняющія положеніе, права и обязанности человека въ обществѣ, какихъ, къ сожалѣнію, вообще очень немного въ школьныхъ книгахъ, также должны быть подобраны въ соответствии съ юридическими воззрѣніями и правами населенія“ (стр. 2—3). А между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ слѣдующее: „Статьи природоописательныя и безсистемно подобраны, и приспособлены къ условіямъ центральныхъ губерній, а не Полтавской: *) для иллюстраціи общихъ положеній въ нихъ даются примѣры характерныя для природы того края и не встрѣчающіеся у насъ, а разбираемые въ этихъ статьяхъ ложные взгляды и предразсудки въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ распространенія въ Полтавской губерніи. Что касается агрономическихъ и техническихъ статей въ учебникахъ, то, благодаря все тому же стремленію приноровить ихъ къ условіямъ центральныхъ губерній, онѣ даютъ для Полтавской губерніи и невѣрные описанія, и неправильные или ненужные совѣты; рекомендуется, напр., пахать подъ озимый хлѣбъ незадолго передъ посѣвомъ, дается описаніе льна на волокно и т. д.“ (стр. 5—6).

До сихъ поръ мы говорили лишь о книгахъ для чтенія. Но въ школѣ, кромѣ учебниковъ по Закону Божію, которыхъ мы не касаемся, употребляются еще арифметическіе задачникѣ. Достаточно бѣлаго просмотра ихъ текста, чтобы убѣдиться, до какой степени условія задачъ не соответствуютъ нуждамъ школы. Совершенно справедливо по этому поводу говорить г. Леонтовичъ: „Что касается арифметическихъ задачъ, то условія ихъ слѣдовало бы брать изъ мѣстной крестьянской жизни на такія отношенія, съ которыми ученикамъ придется сталкиваться въ ихъ будущей практической дѣятельности, такъ какъ, во 1-хъ, заинтересованность учащихся рѣшеніемъ такихъ задачъ подняла-бы успѣшность ихъ занятій, а во 2-хъ, умѣть разбираться въ этихъ случаяхъ для крестьянъ особенно важно, а народная школа не располагаетъ достаточнымъ количествомъ времени, чтобы развить способность одинаково быстро и хорошо рѣшать задачи всякаго рода“ (стр. 4). А между тѣмъ въ дѣйствительности „условія задачъ, предлагаемыхъ ученикамъ сельской школы, часто являются примѣрами случаевъ невозможныхъ не только въ Полтавской губерніи, но и въ сельской жизни вообще. Условія нѣкоторыхъ изъ нихъ по своей несерьезности и ненужности для практиче-

---

* То, что здѣсь и ниже г. Леонтовичъ говоритъ о Полтавской губерніи, примѣнимо, конечно, почти ко всей территоріи украинскаго народа.

ской жизни не только отнимают у дѣтей охоту работать надъ ихъ разрѣшеніемъ, но и вызываютъ смѣхъ“ (стр. 6).

Нельзя не присоединиться къ этому мнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ смѣха, можетъ вызвать у ученика народной школы въ Украинѣ такая, напр., задача:

„Пастуха наняли пасти 54 коровы, 56 овецъ и 24 козы и заплатили“ (Евтушевскій, 1, № 576)...

Во-первыхъ: гдѣ у насъ въ селѣ можно набрать 24 козы? во-вторыхъ: каждый нашъ школьникъ отлично знаетъ, что коровъ и овецъ насутъ у насъ отдѣльно.

Или, напр., такое условіе:

„Портной купилъ кусокъ бархата и рассчиталъ, что линія этого бархата стоитъ 5 коп.“ (Шохоръ-Троцкій, № 178)...

Но какой же портной будетъ тратить время на совершенно ненужное для него вычисленіе стоимости линіи бархата? И не напоминаютъ ли подобныя задачи тѣ извѣстныя фразы для переводовъ въ учебникахъ иностранныхъ языковъ, гдѣ „скромный слонъ встрѣчаетъ на улицѣ большого господина“, „прилежная собака имѣетъ сладкій виноградъ“, а „мы любимы въ Мюнхенѣ и ненавидимы въ Дрезденѣ“?

Или вотъ у того же Шохоръ-Троцкого: *).

„Въ главѣ третьей Евангелія отъ Іоанна вдвое менѣ стиховъ, чѣмъ въ 14-й гл. Евангелія отъ Марка, а въ этой послѣдней на 10 ст. болѣе, чѣмъ въ главѣ 10-й Евангелія отъ Луки, въ которой на 18 ст. менѣ, чѣмъ въ первой главѣ того же Евангелія, содержащей 80 ст. Спрашивается, сколько стиховъ въ 3-й гл. Евангелія отъ Іоанна?“ (№ 142). И такихъ задачъ на стихи и главы подрядъ пять штукъ!

А какъ близки условія задачъ къ нашей народной жизни! Вотъ примѣры (изъ 1-й части Евтушевскаго):

„Кадеты отправились изъ Петербурга въ Петергофъ (№ 201)... Въ квартирѣ 34 стула: въ залѣ дюжина, въ столовой—10, а всѣ остальные стулья стоятъ поровну въ спальнѣ и кабинетѣ... (№ 234). Мальчикъ собралъ во время лѣта 58 насѣкомыхъ и желаетъ насадить всѣхъ этихъ насѣкомыхъ на булавы (№ 382)... На балу было 27 мужчинъ и 35 дамъ; 18 человекъ не танцевало, а всѣ остальные составили кадрили. Сколько паръ было въ кадрили и сколько мужчинъ не танцевало (413)? Дочь получила въ приданое отъ матери... 36 ложекъ чайныхъ, 15 столовыхъ, а всѣ остальные десертныя (№ 435). У перчаточника было въ картонкѣ 72 пары перчатокъ (№ 520). Сколько бордюру нужно купить для оклейки двухъ комнатъ (№ 697)... Изъ всего куска золота... сдѣлали браслеты (№ 722). Отецъ купилъ дочери для при-

*) Арифметическій задачникъ для учениковъ, в. 1, изд. 11-е, 1903 г. 201000—225000 экз.).

даного серебряныхъ вещей, вѣсомъ 200 фунтовъ, и на эту покупку изтратилъ 6000 рублей (№ 960)... По смерти банкира осталось (№ 988)... Игрокъ сѣлъ играть, имѣя при себѣ 76 руб. (№ 995)... Въ одномъ государствѣ вся пѣхота состоитъ изъ 388 полковъ и въ каждомъ полку 2325 чел. Поскольку человѣкъ придется назначить въ каждый полкъ, если все это войско захотятъ переформировать въ 868 полковъ (№ 1011)?

Но довольно!.. Я думаю, что у моего читателя уже зарябило въ глазахъ отъ этого винегрета, на смотря на то, что слова для него являются совершенно понятными. Но въ какомъ же положеніи находится нашъ ученикъ, если для него непонятенъ и самый языкъ задачъ, и если всѣ эти браслеты, кадеты, кабинеты, Петергофы, десертныя ложки, кадрили, бордюры, пѣхоты, банкиры и пр., и пр. столь же для него знакомыя вещи, какъ и китайская грамота? Какъ онъ можетъ хорошо рѣшить задачу, если для того лишь, чтобы онъ понялъ условіе, необходимо не только перевести ему фразу за фразой на его родной языкъ, но еще и пояснить—что это за предметы обозначены словами, подобными вышеприведеннымъ? И на практикѣ постоянно происходитъ такъ, что даже способные ученики путаются при рѣшеніи задачи: вѣдь для ребенка необходимо большое умственное напряженіе для того, чтобы во все время рѣшенія задачи удерживать въ головѣ соотношеніе данныхъ цифръ и путь, по которому онъ долженъ идти къ полученію отвѣта; при этомъ захватывается обыкновенно все вниманіе учащагося, а между тѣмъ, при такихъ условіяхъ задачъ, онъ долженъ еще помнить и что значать всѣ тѣ только что узнавныя мудренныя слова, при томъ же относящіяся къ предметамъ совершенно ему неизвѣстнымъ и далекимъ отъ его жизненнаго обихода. Не удивительно послѣ этого, что иногда на самую простую, повидимому, задачу тратится масса времени, и задача все же разрѣшается съ трудомъ.

Факты, приведенные нами въ предыдущей и настоящей главахъ, сами по себѣ достаточно краснорѣчивы, чтобы указать несостоятельность современной школьной системы, основанной на отрицаніи языка и жизненной обстановки учащихся, т. е. иными словами, на отрицаніи основного принципа всякаго обученія: отъ извѣстнаго и близкаго идти къ неизвѣстному и болѣе далекому. Но еще яснѣе обнаружится предъ нами положеніе дѣла послѣ разсмотрѣнія тѣхъ результатовъ, къ какимъ эта система приводитъ.

Б. Гринченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Литература молодых демократій.

ГЛАВА I.

Перемѣщеніе центра.—Новая демократія.—Австралийская поэзія.—Адамъ Гордонъ и Кэнделль.—Четыре фазиса австралийской жизни и бытописатели ихъ.—Романисты Австраліи.—Маркусъ Кларкъ.—„For the Term of his Natural Life“.—Каторжный фазисъ.

I.

Мнѣ приходилось уже выяснять въ высшей степени интересное явленіе, наблюдаемое теперь въ Британской имперіи: перемѣщеніе центра вслѣдствіе отлива наиболѣе энергичныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и цвѣта пролетаріата, къ периферіямъ, въ самоуправляющіяся колоніи. „Тамъ могучее дерево англосаксонской свободы, вызывавшее справедливый восторгъ еще въ энциклопедистахъ, пустило великолѣпные побѣги. На новой почвѣ геній англо-саксонской расы проявился въ созданіи новыхъ общественныхъ формъ, поразившихъ старый міръ одинаково, какъ своею смѣлостью, такъ и практичностью“ *). Причины, содѣйствующія „перемѣщенію центра“, многочисленны. Главнѣйшія изъ нихъ, экономическія,—какъ чрезмѣрное развитіе биржевого капитала, появленіе на мировыхъ рынкахъ, бывшихъ когда-то промышленными вассалами Англіи новыхъ мощныхъ конкурентовъ, техническая отсталость и пр.,—подробно рассмотрѣны мною когда-то на страницахъ „Русскаго Богатства“. Цвѣтъ англійскаго пролетаріата въ трудную минуту предпочитаетъ идти въ сторону наименьшаго сопротивленія, т. е., переселяться въ колоніи, гдѣ условія труда такъ благопріятны и гдѣ технически обученныхъ работниковъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями въ городахъ, а мускулистыхъ, сильныхъ людей — на фермахъ. Канадское правительство посылаетъ спеціальныя миссіи въ Англію съ цѣлью подбивать энергичныхъ людей къ переселенію. Въ эпоху промышленнаго кризиса, какъ, напр., теперь, когда оказывается много безработныхъ,—явленіе „отлива населенія“ принимаетъ поразительные размѣры. Съ одной стороны, англійскимъ работникамъ гораздо легче „сняться“ и поѣхать за океанъ, чѣмъ нѣмцамъ, напр. Нѣмецъ-эмигрантъ ѣдетъ въ новый міръ, къ чужимъ людямъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ. Англичанинъ ѣдетъ къ „своимъ“, въ нѣкоторомъ родѣ къ себѣ домой. Съ другой стороны, богатые классы, страшась безработныхъ, усиленно поощряютъ

*) Дюнео. „Очерки Современной Англіи“.

тѣхъ, которые могутъ устроить эмиграцію въ широкихъ размѣрахъ. Этимъ объясняется необыкновенный почетъ, оказываемый теперь „генералу“ Бузсу изъ Арміи Спасенія царями лондонскаго Сити, относившагося всегда враждебно къ пролетариату. „Генералъ“, котораго не такъ давно Сити называло шарлатаномъ и эксплуататоромъ душевнаго подъема въ массахъ, становится почетнымъ гражданиномъ корпорацій. Лордъ-мэръ подноситъ ему почетный дипломъ. Бузсъ обѣщаетъ вывести въ Канаду и въ Австралію сто тысячъ безработныхъ. Позавидовавъ славы „генерала“, конкурирующая съ Арміей Спасенія „Церковная Армія“ берется отправить въ колоніи, если ей дадутъ деньги, сорокъ тысячъ семействъ. Магнаты биржи усиленно стали подписывать деньги и Церковной Арміи. Безработные—безпокойны, и Сити лучше предпочитаетъ имѣть ихъ подальше отъ себя. Эмиграцію устроили въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что англійскія газеты забыли, не безъ основанія, тревогу. „Въ нашей странѣ устраиваютъ колоссальное кровоупусканіе“,—говорятъ онѣ.—„По винѣ лэндлордовъ,—пишутъ Daily News,—Ирландія опустѣла. Цвѣтъ ея населенія переселился за океанъ. На родинѣ остались лишь старики да калѣки. Теперь наступила очередь Англіи. Лэндлорды и магнаты биржи желаютъ превратить нивы въ садки для фазановъ или въ верешаки для куропатокъ... Вывозятъ въ колоніи цвѣтъ населенія. Немошныхъ стариковъ и слабоумныхъ оставляютъ намъ на разводъ“. *) „Экспортъ сильныхъ людей процвѣтаетъ и обѣщаетъ превратиться въ то, что американцы называютъ boom, — говоритъ радикальная газета Star.—Церковная Армія рѣшила затмить Армію Спасенія въ усиліи вывоза цвѣта населенія и берется, если дадутъ деньги, переселять въ Канаду сорокъ тысячъ семействъ ежегодно. Обѣщаніе это—ужасное. Въ самомъ скоромъ времени двѣ „арміи“ выточатъ изъ Англіи всю кровь и превратятъ нашъ островъ въ другую Ирландію. Канада, Новая Зеландія и Австралія получатъ цвѣтъ нашего населенія. При содѣйствіи Арміи Спасенія и Церковной Арміи Англія скоро превратится въ госпиталь для неизлѣчныхъ больныхъ, съ одной стороны и въ увеселительное мѣсто для магнатовъ денежнаго рынка, съ другой. Мѣсто крестьянъ займутъ фазаны. (There will be *pheasants* instead of *peasants* *).“

Итакъ, главными факторами отлива цвѣта населенія отъ центра къ периферіямъ Британской имперіи являются причины экономическія, усиливающіяся съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста биржевого капитала.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить еще рядъ другихъ факторовъ, важныхъ, когда дѣло идетъ о среднихъ классахъ. Слѣдуетъ ска-

*) Daily News, September, 28.

**) Star, September, 29.

зять о страсти англичанъ къ передвиженіямъ, къ морю, приключеніямъ, дикой жизни въ погоню за матеріальнымъ благосостояніемъ. Любимое чтеніе англичанъ—путешествія. Отчеты о новой полярной экспедиціи, о походѣ въ Тибетъ, объ изслѣдованіяхъ на берегахъ Лобъ-Нора или по Курупатубѣ въ неизвѣстной Бразильской Гвіанѣ появляются прежде всего на англійскомъ языкѣ. И не смотря на то, что книга стоитъ отъ одной до двухъ гиней (10—20 руб.) — она быстро раскупается. Въ Англіи не только всѣ читаютъ и перечитываютъ по многу разъ такія книги, какъ „Путешествіе вокругъ свѣта на бригѣ *Бигль*“, Дарвина или „Впечатлѣнія въ Южной Америкѣ“, Гумбольта (ихъ можно найти въ каждой частной библіотекѣ), но многочисленныхъ читателей находятъ также постоянно безхитростныя замѣтки туристовъ, въ родѣ: „Мое путешествіе отъ болотъ Чарайесъ, черезъ Санта Крузъ де ла Сіера и Кчабама въ Икуикуэ“. Многимъ ли у насъ извѣстенъ такой капитальный трудъ, какъ напр., „Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ“, Бэтса, переведенный уже лѣтъ сорокъ тому назадъ и до сихъ поръ не распроданный? На англійскомъ языкѣ литература про морскія приключенія и кораблекрушенія—безконечна. Въ народныхъ балладахъ и пѣсняхъ—море играетъ важную роль. Въ нихъ говорится про пѣнящіяся волны, про широкій просторъ океана.

„White waves heaving high, my boys,
The good ship tight and free—
The world of waters is our home,
And merry men are we“,

—говорится въ народной пѣснѣ (т. е. „Ребята, кругомъ пѣнятся и вздымаются высокія волны; корабль нашъ свободенъ и крепокъ. Мы веселы; весь водный просторъ,—нашъ домашній очагъ“). Старинная баллада, съ которой англичане знакомятся съ ранняго дѣтства говоритъ про морскіе походы корсара сэра Ральфа; про то, какъ онъ отъ злости потопилъ сигнальный колоколъ на скалѣ Инчкэпъ, подвѣшенный тамъ аббатомъ Абербротокскимъ и какъ смѣлый корсаръ, возвращаясь съ богатой добычей, наскочилъ потомъ со своимъ кораблемъ на эту самую скалу. Съ дѣтства англичане находятъ чарующую прелесть въ мрачной „Пѣснѣ стараго матроса“ Колериджа. Отъ гордаго народнаго гимна Англіи вѣетъ просторомъ океана и пахнетъ соленой водой.

When Britain first at Heaven's command
Arose from out the azure main,
This was the charter of her land,
And guardian angels sang the strain:
Rule Britannia! Britannia rules the waves!
Britons never shall be slaves!“

(т. е. „Когда Британія по волѣ Неба поднялась надъ лазуревымъ океаномъ, этотъ данъ ей былъ харііей въ удѣлъ, а ангелы хра-

нители пропѣли напѣвы: „Властвуй, Британія! Британія, властвуй на волнахъ. Британцы никогда не должны быть рабами!“).

Приключенія не только корсара сэра Ральфа но и Фрэнсиса Дрэка или Кука отошли въ область балладъ и преданій. Крушеніе большого почтового парохода, liner'a, теперь рѣже, чѣмъ столкновеніе поѣздовъ. Поѣздки въ Австралію мимо мыса Доброй Надежды и возвращеніе въ Англію мимо мыса Горна можно теперь свершить въ своего рода плавучей гостиницѣ. Приключенія отошли въ область преданій, но страсть къ передвиженіямъ у англичанъ не только осталась, но еще усилилась. Въ Порт-овъ-Спейнъ, на Караибскіе острова, англичане отправляются для увеселительной прогулки; торговые дѣла требуютъ постоянно „слетать“ на нѣсколько дней въ Деаконъ, на Ріо Тянто, чтобы поторопить съ грузомъ краснаго дерева или въ Ціудадъ Боливаръ на Ориноко. Родители, принадлежащіе къ среднимъ классамъ, отправляютъ своихъ дѣтей, когда имъ минетъ лѣтъ 20, попытаться счастье на окраинахъ имперіи. Тамъ молодой человекъ въ теченіе 10—12 лѣтъ ведетъ тяжелую, но такъ привлекательную для англичанъ, жизнь фермера, скотопромышленника или пріискателя. На окраины родители и родственики посылаютъ также буйныхъ молодыхъ людей, дикимъ силамъ которыхъ возможно развернуться на родинѣ только въ мірѣ преступленій. По такой причинѣ, напр., былъ отправленъ родителями въ Австралію величайшій поэтъ колоніи—Адамъ Гордонъ, о которомъ дальше.

„Across the trackless seas I go,
No matter when or where;
And few my future lot will know,
And fewer still will care.

„My parents bid me cross the flood,
My Kindred frowned at me;
Thy say I have belied my blood,
And stained my pedigree“.

Такъ писалъ Гордонъ предъ отъѣздомъ въ Австралію (въ 1853 г.) т. е. „я плыву за безконечныя моря, неизвѣстно куда и когда. (Немногіе узнаютъ про мою дальнѣйшую судьбу; еще меньше такихъ, которыхъ это будетъ занимать... Родные мои приказываютъ мнѣ переселиться; близкіе—хмурятся, завидѣвъ меня; они говорятъ: — я опозорилъ нашъ родъ и запятналъ родословную“).

Нѣкоторые изъ такихъ молодыхъ людей возвращаются въ Англію. Другіе—остаются на новой родинѣ. На далекихъ окраинахъ Британской имперіи, такимъ образомъ, накапливается все больше и больше энергичныхъ, способныхъ, сильныхъ людей, вышедшихъ изъ различныхъ классовъ англійскаго общества, но утратившихъ совершенно на новой родинѣ всѣ кастовыя разграниченія. Въ пятьдесятъ третьемъ году въ Австраліи на пріискахъ работалъ,

рядомъ съ фермерами, покинувшими поля, съ бѣглыми матросами, съ разношерстными авантюристами изъ всѣхъ странъ, — молодой человекъ, который впоследствии былъ премьеромъ Британской имперіи и назывался лордомъ Солсбери.

На окраинахъ возродилась новая Англія, болѣе мощная, чѣмъ старая. Она выработала для себя новый политическій строй, смѣлостью и демократичностью котораго восторгаются въ старомъ мірѣ. Какъ извѣстно, въ геологическомъ отношеніи Австралія на нѣсколько эпохъ отстала отъ Европы. Тамъ есть еще млекопитающія, кладущія яйца, рыбы, дышашія легкими (*Ceratodus Forsteri*; въ Европѣ находятъ только въ юрской формации кости этой двоякодышавшей рыбы), деревья, сбрасывающія кору. Самое крупное млекопитающее Австралія — „не научилось еще ходить на четверенькахъ“, по выраженію романиста антиподовъ—Гольфа Больдервуда. Европа далеко опередила Австралію въ геологическомъ отношеніи; но за то Австралія такъ же далеко опередила Европу въ отношеніи политическомъ. Строй новыхъ демократій и смѣлые социальные опыты, сдѣланные нѣкоторыми изъ нихъ, усиленно изучались въ послѣднее время. Въ Англіи, во Франціи и въ Германіи — появилось много хорошихъ книгъ по этому вопросу, и нѣкоторыя изъ нихъ переведены или изложены у насъ. Но въ Россіи совершенно неизвѣстна литература молодыхъ демократій; между тѣмъ, она существуетъ уже не одно десятилѣтіе. Въ ней отразилось все прошлое, пройденное демократіями и намѣчены идеалы будущаго. Я постараюсь познакомить читателей „Русскаго Богатства“ съ наиболѣе крупными явленіями въ этой области и начну съ австралійской литературы

До послѣдняго времени, за единственнымъ исключеніемъ, австралійской поэзіи, навѣянной непосредственно мѣстными настроеніями или мѣстными идеалами—не существовало, собственно говоря. Австралійскій мрачно-унылый ландшафтъ, съ эвкалиптами, „сальными“ деревьями, и „подагровольниками“ (*Gouty-Stemmed tree*), обозначающими ложе высокихъ рѣкъ; знаменитыя „заросли“, bushes, изъ кустовъ мали, тянушіяся на сотни верстъ и особенно удручающія своимъ мертвеннымъ видомъ переселенцевъ; схематичные лѣса, какъ будто съ декадентской картины, съ непоющими птицами и не пахнущими цвѣтами;—весь этотъ антиидеальный ландшафтъ третичнаго періода нашелъ въ австралійской литературѣ до послѣдняго времени только одного цвѣта, и то второстепеннаго—Генри Кларенса Кэнделла. Идеалы молодой демократіи тоже только въ самое послѣднее время стали выражаться въ стихахъ на страницахъ наиболѣе оригинальнаго и характернаго созданія австралійской литературы — въ *Sydney Bulletin*.

Въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ австралійскихъ романовъ, въ „It is never too late to mend“ есть сцена, какъ приска-

тели издалека собираются въ кабаки, открытый въ „бушахъ“ только что прїѣхавшимъ переселенцемъ, чтобы послушать пѣніе привознаго жаворонка (австралійскіе жаворонки — не поютъ). Такимъ же „привознымъ жаворонкомъ“ до послѣдняго времени, за единственнымъ исключеніемъ, являлась австралійская поэзія. Поэты въ странѣ антиподовъ пѣли далекую родину и переживали старыя впечатлѣнія. Таковъ „австралійскій Уордсвортъ“ — Чарльзъ Харперъ и Ліонель Майкель, авторъ крайне популярнаго въ Австраліи сборника стиховъ. „Пѣсни безъ напѣва“ (*Songs without Music*). Таковъ величайшій поэтъ Австраліи — Адамъ Лайндси Гордонъ, художникъ съ крупной и ярко выраженной индивидуальностью. Гордонъ — оригинальная и типично англійская личность.

Такіе, какъ онъ, въ XVII вѣкѣ становились товарищами Френсиса Дрека, бороздили океанъ, открывали новыя земли, брали на бордажъ испанскіе корабли и, въ концѣ концовъ, становились героями народныхъ балладъ. Въ XIX вѣкѣ такіе, какъ Гордонъ, удалялись въ новыя колоніи, воевали съ черными, перерѣзывали пустыни въ поискахъ за золотомъ. Въ Англіи имъ тѣсно. Кипучимъ, дикимъ силамъ негдѣ развернуться. Гордонъ былъ сынъ англійскаго сквайра. Съ ранней юности на поэта смотрѣли съ ужасомъ, какъ на выродка, который несомнѣнно опозоритъ старинный родъ Гордоновъ. Мальчика удалили за буйный нравъ изъ двухъ школъ. Онъ любилъ лошадей, бѣшеную скачку съ головоломными препятствіями, собачью охоту, деревенскія ярмарки съ ихъ пьянымъ разгуломъ, съ балаганами кулачныхъ бойцовъ. За ярмарочную исторію Гордонъ былъ разъ арестованъ и присужденъ къ непродолжительному тюремному заключенію. Родные, чтобы избавиться отъ буйнаго сына, предложили ему переселиться въ Австралію. Повидимому, самъ Гордонъ считалъ свою жизнь неудавшейся и разбитой.

„I once had talents fit to win
Success in life's career;
And if I chose a part of sin,
My choice has cost me dear“.

Писалъ онъ предъ отъѣздомъ въ Австралію (т. е. „У меня были когда-то таланты, чтобы добиться успѣха въ жизни; если я выбралъ путь грѣха, то мой выборъ стоилъ мнѣ дорого). Въ 1853 г. Гордонъ переселился въ Австралію и здѣсь десять лѣтъ прожилъ въ „заросляхъ“, на громадной фермѣ, гдѣ служилъ укротителемъ лошадей. *Sydney Bulletin* далъ какъ-то яркое описаніе работниковъ въ „заросляхъ“. Живутъ они совершенно одиноко, верстахъ въ двадцати другъ отъ друга. Съ зарей выѣзжаютъ они, чтобы выискивать растерявшуюся въ кустахъ *малли* скотину и только съ закатомъ возвращаются въ свою лачугу. Въ теченіе многихъ

дней у работника нѣтъ другихъ собесѣдниковъ, кромѣ собаки. Это—еще большее одиночество, чѣмъ у нашихъ чабановъ, какими они были лѣтъ сорокъ тому назадъ. Но отъ чабановъ австраійскіе пастухи отличаются неизмѣримо высшею культурностью. Среди австраійскихъ пастуховъ много людей, получившихъ отличное образованіе, но удалившихся въ пустыню по тѣмъ или по другимъ соображеніямъ. Одни изъ нихъ учатся управляться съ стадами, чтобы стать самими „скуотерами“; другіе — не приспособились къ мирной, будничной жизни культурной страны. Даже среди рядовыхъ пастуховъ нѣтъ неграмотныхъ. — Полное одиночество, желаніе вырваться изъ пустыни и обидѣть монотонность ея на шумное оживленіе,—по словамъ *Sydney Bulletin*, — объясняютъ въ значительной степени, почему въ 1900 — 1901 гг. австраійскіе волонтеры отправились въ Южную Африку.

Гордонъ не стремился вырваться изъ „зарослей“ въ городъ. Дикая, суровая жизнь нравилась ему. Здѣсь, въ пустынѣ, началъ складывать онъ тѣ стихотворенія, которыя посылалъ въ печать анонимно. Они доставили ему славу, когда Гордонъ не подозревалъ даже этого. Что же воспѣвалъ поэтъ? Лошадей, бѣшеную скачку, смѣлую охоту, когда всадники перескакиваютъ черезъ заборы и рвы, опьяненные охотничьимъ поделикомъ „тали-го!“ Главный сборникъ произведеній Гордона состоитъ изъ „стихотвореній, сложенныхъ на полномъ скаку“ (*Galloping rhymes*). Каждый австраіецъ знаетъ хотя бы нѣсколько строкъ изъ поэмы „Now we beat the Favourite“. Это—разсказъ про то, какъ кобыла *Изельта* обогнала на скачкахъ *Клоуна*. Стихи—удивительны по звучности, красотѣ и силѣ. Поэтъ передаетъ впечатлѣніе даже стука копытъ:

„And forcing the running, discarding all cunning,
A length to the front went the rider in green;
A long strip of stubble, and then the big double,
Two stiff flights of rails with a quickset between“.

Русскій читатель знаетъ по сценѣ скачекъ въ *Аннѣ Карениной*, что и такую тему можетъ использовать большой художникъ для сильной картины. Поэма Гордона говоритъ много англичанину, приходящему въ восторгъ отъ статей скаковой лошади; но, долженъ сознаться, оставляетъ совершенно равнодушнымъ чело-вѣка, никакъ не постигающаго притягательную силу скачекъ.

Гордонъ десять лѣтъ прожилъ въ „заросляхъ“; но напрасно стали бы мы искать отраженіе австраійской жизни въ поэмахъ его. Онѣ съ одинаковымъ удобствомъ могли бы быть сложены въ Англіи, гдѣ-нибудь въ глуши Кента или Девоншира. У Гордона есть поэма „Whispering in the Wattle Boughs“ (Шопотъ вѣтвей), но то не отраженіе голосовъ австраійскаго лѣса, а воспоминанія о печальной юности и тоска по родинѣ изгнанника. Другая поэма называется „Song of Autumn“ (Осенняя пѣсня);

она навѣяла не австраійской осенью, а размышленіями о неудачно сложившейся жизни. Въ поэмѣ предсказывается смерть поэта. Къ сожалѣнію, предсказаніе сбылось: Гордонъ застрѣлился въ 1870 г., тридцати семи лѣтъ отъ роду. Поэмы Гордона напомнили мнѣ въ извѣстномъ отношеніи произведенія, которыя я читалъ лѣтъ восемнадцать тому назадъ въ рукописномъ „Улусномъ сборникѣ“, выходившемъ въ Якутскомъ округѣ. Тутъ были прочувствованныя стихотворенія, талантливыя рассказы; но всѣ они были навѣяны не окружающимъ, а далекой родиной. Авторы—люди, не имѣвшіе надежды когда-либо возвратиться въ Европейскую Россію,—жили только воспоминаніями о прошломъ. И нужно было только поражаться, какъ ярко въ памяти это прошлое, отдѣленное отъ настоящаго продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, харьковскимъ „централомъ“, Карой и безконечными свѣтами...

Въ трехъ томахъ произведеній Гордона есть только три стихотворенія, навѣянные не Англіей: „The Sick Stockrider's Review“, „Кораблекрушеніе“ и „Wolf and Hound“ (*Волкъ и собака*: борьба между бушрэнджеромъ, т. е. бѣглымъ каторжникомъ, и выслѣдившимъ его солдатомъ).

Въ Южной Австраліи, въ Маунт-Гамбьерѣ, поставленъ своеобразный памятникъ Гордону: каменный обелискъ отмѣчаетъ то мѣсто, гдѣ поэтъ въ 1868 г. свершилъ удивительный прыжокъ на лошади черезъ ограду и трещину въ скалѣ въ 40 ф. шириной. Невѣрный прыжокъ, и всадникъ полетѣлъ бы вмѣстѣ съ лошадью въ озеро, съ высоты въ 200 футовъ.

Отраженіе австраійской жизни мы находимъ впервые въ произведеніяхъ несчастнаго и больного поэта-неудачника Генри Кларенса Кенделля (1841—1882). Гейне когда-то замѣтилъ, что поэтовъ можно сравнить съ дынями: и тѣ и другія хороши, когда *полежатъ на соломѣ*. Несчастный Кенделль лежалъ на соломѣ; но произведенія его, очень популярныя теперь въ Австраліи, рѣдко поднимаются надъ посредственностью. Поэту пришлось прозябать въ большомъ городѣ, на крошечной правительственной должности, которую онъ ненавидѣлъ отъ всей души и которую потерялъ потомъ, потому что страдалъ слабостью къ вину. Скончался онъ въ отчаянной нищетѣ. Сборники стихотвореній Кенделля носятъ названія: „Листья изъ Австраійскаго лѣса“, „Пѣсни и поэмы“ и „Пѣсни изъ горъ“. Поэтъ беретъ исключительно мѣстныя темы, какъ „Сентябрь въ Австраліи“, „Хижина у Чернаго болота“, „Смерть въ заросляхъ“. Борьба поселенца съ дикой природой посвящена самая большая поэма Кенделля — „Орара“.

Томленіе по далекой родинѣ, стоны раздавленнаго судьбой и болѣзнью существованія прекращаются въ австраійской поэзи въ самое послѣднее время, когда на сцену выступаетъ жизнера-

достная, могучая, полная кипучихъ силъ молодая демократія. Вокругъ *Sydney Bulletin*, являющагося главнымъ выразителемъ стремленій этой демократіи, группируется плеяда молодыхъ поэтовъ глубоко національныхъ и создавшихъ совершенно особенный жанръ, который они любятъ называть „балладами“. Форма мало заботитъ поэтовъ. Сантиментальность имъ чужда. Охотнѣе всего они берутся за сатиру. Поэты изъ школы *Sydney Bulletin*, по преимуществу, тенденціозны, потому что въ молодой Австраліи политическая борьба занимаетъ всеобщее вниманіе.

„O People of this large
Lone Land, where all is new
Take care who has the charge
Of making laws for you!“

пишетъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ поэтовъ этой школы. Гривъ Ро (т. е. „Народъ населяющій громадный и одинокій континентъ, гдѣ все ново, берегись тѣхъ, обязанность которыхъ создавать для тебя законы“).

Объ этихъ поэтахъ я скажу болѣе подробно дальше, когда коснусь исторіи *Sydney Bulletin*.

III.

До самаго послѣдняго времени по австралійскимъ поэтамъ было бы крайне трудно составить себѣ какое-нибудь представленіе о настроеніи или объ идеалахъ австралійцевъ. Отраженіе австралійской жизни въ различныхъ фазахъ ея мы за то находимъ въ мѣстныхъ романахъ, по которымъ мы можемъ прослѣдить всѣ четыре періода развитія австралійскаго общества.

Ранній періодъ, кончившійся полвѣка тому назадъ и отошедшій совершенно въ область преданій это—эпоха „каторжной Австраліи“. То было время, когда весь континентъ, а въ особенности острова Тасманія и Норфолькъ являлись мѣстами ужаса. Каторжная система не только разбила тысячи человѣческихъ существованій: при ея существованіи Австралія была почти также бесполезна, какъ и Сахалинъ. Впрочемъ, сравнивая далекія преданія австралійской ссылки съ рассказами о каторгѣ на Сахалинѣ, нужно сказать, что мы всетаки побии рекордъ: на Сахалинѣ человѣческая личность была больше раздавлена и растоптана, чѣмъ даже на Норфолькѣ. „Каторжный періодъ“ въ Австраліи исчезъ безслѣдно. Уже полвѣка, какъ тамъ сожгли всѣ казармы, уничтожили старые тюремные архивы, чтобы и памяти не сохранилось. Тасманія теперь самоуправляющийся штатъ демократической республики. Страшный островъ Норфолькъ теперь живущій садъ, населенный 800 колонистовъ. Островокъ тоже имѣетъ свое собственное самоуправленіе. Каторга, однако, нашла.

своего бытописателя въ лицѣ наиболѣе талантливаго писателя Австраліи—Маркуса Кларка. Главное произведеніе его—*„For the Term of his Natural Life“* („Въ пожизненную каторгу“) — романъ историческій. Маркусъ Кларкъ описывалъ въ 1873 г., когда каторга была уже давно уничтожена, нравы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Читатель долженъ имѣть это въ виду. Но такъ какъ въ 1873 г. были живы еще герои романа; такъ какъ авторъ тщательно изучилъ документы и мѣста и такъ какъ онъ обладалъ большимъ талантомъ и сильнымъ воображеніемъ, то далъ въ своей книгѣ поразительную картину. Романъ *„For the Term of his Natural Life“*, по общему признанію, даетъ лучшее представленіе о „доисторической“ Австраліи, чѣмъ десятки историческихъ трудовъ.

Второй періодъ австралійской жизни это—время *скуотеровъ*, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ и скотопромышленниковъ. Городская жизнь, которая теперь въ Австраліи поглощаетъ большую часть бѣлаго населенія,—тогда только что еще намѣчалась. Въ „заросляхъ“, далеко на границахъ пустыни, встрѣчались „ранчи“ скотопромышленниковъ, имѣвшихъ по сотѣмъ тысячъ овецъ. На „ранчи“ изъ бѣлыхъ людей заглядывали порой только бѣглые каторжники, „бушрэнджеры“. Послѣдніе, въ свою очередь, тоже давно уже отошли въ область преданій, но въ свое время явились героями многихъ романовъ. Въ семидесятыхъ годахъ англійскій романъ изъ австралійской жизни былъ немислимъ безъ *бушрэнджеровъ*. Жизнь скуотеровъ и та эпоха, когда австралійскія газеты полны были рассказами про походы шаяекъ бушрэнджеровъ и ихъ „капитановъ“ (атамановъ) Мунлайта, Келли и др.—отразилась всецѣло въ романахъ Генри Кингсли и Рольфа Болдервуда (исевдонимъ Томаса Александра Броуна). Таковы романы: *„Geoffrey Hamlyn“*, *„The Hillyars and the Burtons“*, *„Robbery under Arms“*, *„A Modern Buccaneer“* и *„The Squatter's Dream“*, о которыхъ будетъ сказано подробно дальше.

Третій періодъ австралійской жизни начинается открытіемъ, золота въ началѣ пятидесятихъ годовъ; тогда со всего міра устремились въ Австралію десятки тысячъ прискателей. Въ пустыни появились громадныя лагеря. Съ поразительной быстротой выросли города, какъ Мельбурнъ. Золотая горячка нашла своихъ пѣвцовъ въ лицѣ Рида (*Never too late to Mend*) и упомянутого уже Рольфа Болдервуда (*A Canvas Town Romance*).

Затѣмъ наступилъ четвертый, современный періодъ. Австралійская демократія всюду взяла верхъ, стала у власти и выработала рядъ поразительныхъ по смѣлости и по практичности законовъ, составляющихъ предметъ удивленія для всего міра. Австралійская жизнь выдвинула премьеровъ, начавшихъ свою дѣятельность трактирщиками въ далекихъ „заросляхъ“, сена-

торовъ, которымъ товарищи приносятъ извѣстiе объ избранiи въ то время, какъ будущiй законодатель лежитъ въ корабельномъ котлѣ и накладываетъ заклепки. Сенаторъ снимаетъ рабочiй передникъ и прямо изъ мастерской, безъ сюртука, съ засученными рукавами рубахи, отправляется въ ратушу, гдѣ восторженные избиратели ждутъ отъ него рѣчи. Городская жизнь въ Австралиi начинается сильно преобладать надъ сельской. Нѣкоторые штаты, какъ Викторiя и Новый Южный Уэльсъ, становятся промышленными центрами. Нарождается на ряду съ новой рабочей партией новая, крайне своеобразная австралийская плутократiя. Все это отражается въ романахъ „Тасмi“ (литературный псевдонимъ миссисъ Кувреръ): „Uncle Piper of Piper's Hill“, „The Tenants of Portia James“ и „In her Earliest Youth“, Кэмпбелль Предъ: „Policy and Passion“, „The Romance of a Station“ и Джорджа Эгертона (псевдонимъ молодой писательницы Гольдингъ Брайтъ). Но въ особенности послѣднiй перiодъ австралийской жизни отразился на страницахъ *Sydney Bulletin*. Крупныя по размѣрамъ литературныя произведенiя исчезаютъ. Своеобразный и типичный журналъ создаетъ особый типъ коротенькихъ повѣстей, — *Bulletin's novels*, — какъ создалъ особый видъ поэзи. Познакомимся теперь съ выдающимися бытописателями каждаго изъ четырехъ указанныхъ перiодовъ и съ наиболѣе типичными романами.

Самый талантливый романистъ и публицистъ Австралиi, создавшiй тамъ цѣлую школу, Маркусъ Кларкъ, родился въ Лондонѣ въ 1896 г. Отецъ его — адвокатъ — отличался эксцентричными манерами и литературными вкусами. Талантливый, очень рано развившiйся мальчикъ росъ въ кругу старыхъ холостяковъ, воспитавшихся въ традицiяхъ философиi XVIII вѣка. Для упражненiя въ латинскомъ языкѣ мальчику давали заучивать стихи Лукреція въ родѣ: „Hinc Acherusia fit stultorum denique vita“ (старые глупцы становятся жертвами суевѣрiй), а французскому языку его учили по „Философскому словарю“ Вольтера. Многие біографическiе чертъ мы находимъ въ рассказѣ Маркуса Кларка — „Human Repetends“.

Когда Кларку было восемнадцать лѣтъ, умеръ послѣднiй родственникъ его, старый дядя. Мальчикъ остался одинъ и въ 1864 г. эмигрировалъ въ Австралию, чтобы тамъ пытать счастье. Определеннаго плана у юноши не было. Другъ дяди, жившiй въ Мельбурнѣ, нашелъ для Кларка мѣсто въ банкѣ; но конторщикъ изъ молодого человѣка вышелъ совершенно неудачный и черезъ два мѣсяца онъ оставилъ службу. Покровитель, не зная что дѣлать съ Кларкомъ, отправилъ его въ Гленорчи, на „станцію“, находящуюся верстахъ въ трехстахъ отъ Мельбурна, на границѣ пустыни. Эти „Sheep-stations“ составляли и составляютъ еще въ значительной степени и теперь одну изъ характерныхъ чертъ австралийской жизни. Удобныя пастыныя земли вдоль окраинъ

материка давно уже расхватаны. Каждый штатъ, правда, имѣетъ еще обширныя государственныя земли, но это такія территоріи, которыя капиталисты не пожелали взять, какъ не пригодныя для обработки.

То—пустыни, поросшія колючимъ и уродливымъ кустарникомъ *малли*, состоящимъ изъ длиннаго, совершенно голаго стебля съ зонтикомъ кожистыхъ листьевъ наверху. Между кустарниками, во время короткаго дождливаго періода, появляется быстро выгорающая отъ солнца трава. Теперь пустыня сдается въ наемъ участками, равными цѣлому уѣзду, для выпаса овецъ. Безконечное пространство въ десятки верстъ обносятъ проволоочнои изгородью, туда загоняютъ громадныя стада овецъ. Здѣсь онѣ пасутся безъ всякаго надзора. Кое-гдѣ въ этихъ изгородяхъ вырыты артезіанскіе колодцы, и къ нимъ сами овцы находятъ дорогу. Машина, приводимая въ движеніе вѣтромъ, накачиваетъ воду въ корыта. Верстахъ въ двадцати другъ отъ друга разбросаны одинокія избы объѣзджиковъ, живущихъ въ пустынѣ безъ семьи, только со своей библіей и музыкальнымъ ящикомъ. Еще рѣже встрѣчаются два—три домика вмѣстѣ, гдѣ живетъ главный управляющій. Это и есть „станція“. *) Кромѣ домика управляющаго, здѣсь находится громадный амбаръ для шерсти и бараки для кочующей арміи работниковъ, стригущихъ овецъ (*shearers*). Во время сезона они появляются на „станціи“ артелями въ двадцать—тридцать человѣкъ, съ ножницами у пояса и котелекомъ (*billy*) за плечами. За артелью слѣдуютъ кони, навьюченные пожитками. „*Shearers*“—это наши южныя „полтавцы“, но только получающіе большую заработную плату и обладающіе вполне развитымъ самосознаніемъ. Бродячіе работники кочуютъ въ пустынѣ, подъ открытымъ небомъ. Фермы отстоятъ другъ отъ друга иногда на разстояніи трехъ—четырехъ дней пути. Такимъ образомъ, артель пересѣкаетъ значительную часть материка, подвигаясь съ сѣвера на югъ, изъ жаркаго Квинслэнда, гдѣ сезонъ стрижки овецъ начинается рано, въ умѣренную Викторію. Иныя артели переправляются даже въ Новую Зеландію, гдѣ успѣваютъ еще захватить „сезонъ“. Работникъ получаетъ не фунту за сто выстриженныхъ овецъ, при чемъ въ день можетъ выстричь около восьмидесяти овецъ. Это бродячее населеніе сыграло важную роль въ исторіи Австраліи за послѣднее десятилітіе. „*Shearers*“ объединились въ одинъ громадный, крѣпко сплоченный союзъ и составили ядро рабочей партіи, подъ вліяніемъ которой австралійскіе парламенты провели рядъ смѣлыхъ баллей.

*) См. *Albert Metin, Législation Ouvrière et Sociale en Australie et Nouvelle Zélande.*

IV.

Но въ то время, когда Маркусъ Кларкъ попалъ на „станцію“, движеніе еще не начиналось. Въ пустынь было просто убійственно скучно. Кларкъ не любилъ, какъ Гордонъ, лошадей. Австралійскій ландшафтъ своею унылостью нагонялъ на него отчаянную тоску. Опытъ превращенія Кларка въ хорошаго управляющаго не удался, какъ и попытка сдѣлать изъ него конторщика. Маркусъ Кларкъ жестоко тосковалъ и заполнялъ большой досугъ чтеніемъ, по преимуществу французскихъ авторовъ. Время отъ времени набѣжалъ верхомъ на станцію д-ръ Льюинсъ, австралійское изданіе д-ра Крупова. Онъ сильно подружился съ молодымъ человѣкомъ и указалъ ему другое чтеніе, кромѣ Бальзака, которыми Кларкъ увлекался особенно сильно. Подъ вліяніемъ д-ра Льюинса, Кларкъ познакомился съ Контомъ, Вюхнеромъ и Фейербахомъ. Въ дневникѣ молодого человѣка мы находимъ такіа выписки:

„Тонъ „хорошаго общества“, нейтральный, безстрастный, тонъ условныхъ иллюзій и лжи, есть господствующій, нормальный тонъ нашего вѣка—тонъ, какимъ надо говорить не только о лицахъ собственно-политическихъ, что понятно само собою, но и о вещахъ метафизическихъ и научныхъ. Этотъ тонъ—зло нашего времени. *Призракъ*, ханжество составляютъ *сущность* нашего вѣка; наша политика, наша нравственность, наша метафизика, наша наука—одинъ призракъ. Кто говоритъ нынѣ истину, тотъ нетерпимъ, невѣжливъ, безнравственъ. *Истина* для нашего вѣка стала *безнравственностью*“.

„Нравственна нынѣ одна ложь, потому что она обходитъ, утаиваетъ отъ очей свѣта зло истины, или, что то же, истину зла“.

„Наука въ сущности своей сдѣлалась теперь безвредною, не и бесполезною игрою растлѣннаго разума, она стала заниматься для жизни, для человѣка безразличными вещами, а если касается иногда и вопросовъ важныхъ, животрепещущихъ, то относится къ нимъ съ такимъ индифферентизмомъ, съ такимъ хладнокровіемъ, что не приведетъ въ волненіе ни одного человѣка. Безчувственность въ головѣ, холодъ въ сердцѣ, отсутствіе чувства истины,—словомъ, безхарактерность составляетъ теперь необходимое свойство каждаго „истиннаго“, рекомендуемаго ученаго... А ученый съ неподкупнымъ чувствомъ истины, съ характеромъ рѣшительнымъ, влагающій перстъ свой прямо въ болящую рану, поражающій зло въ его корни, неудержимо идущій на пути своихъ изслѣдованій до кризиса, до окончательнаго рѣшенія,—предается проклятію, его объявляютъ Геростратомъ“.

Своему другу Льюису Маркусъ Кларкъ передалъ свое завѣтное желаніе: стать писателемъ. Оно осуществилось въ очень скромныхъ размѣрахъ: д-ръ Льюисъ нашелъ для Кларка маленькую, но постоянную газету *Melbourne Argus*. Бреть Гартъ началъ еще скромнѣе—наборщикомъ въ калифорнской газетѣ *Золотой Вѣкъ*. Кларкъ умеръ очень рано: ему едва было тридцать четыре года; но какую пеструю картину представляетъ его литературный формуляръ! Тутъ „Критика системы позитивной философіи Конта“, этнографическіе очерки „Будущность австралійской расы“, рядъ рѣзкихъ теологическихъ памфлетовъ „Цивилизація безъ обмана“, рассказы, большой романъ, безконечное число газетныхъ фельетоновъ, драма, *пантомима* (т. е. родъ оперетки съ куплетами на темы дня), „психологическій опытъ“ *Cannabis Indica*, внушенный, вѣроятно, Теофиломъ Готье. Что-нибудь пестрѣе этого литературнаго наслѣдства трудно себѣ представить. Маркусъ Кларкъ никогда не написалъ ни строчки, за которую ему пришлось бы краснѣть потомъ; но онъ напоминалъ человѣка, беззаботно разбрасывающаго во все стороны золотыя монеты, нисколько не интересуясь тѣмъ, куда онѣ упадутъ; не думая о томъ, что, расшвырявъ ихъ въ грязь, онъ остается рѣшительно безъ всего. Онъ къ тому же отличался особой ненавистью собирать свои статьи сборниками, поэтому ихъ нужно разыскивать въ нумерахъ старыхъ журналовъ. Единственное исключеніе—большой романъ Кларка, собранный и выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, впрочемъ, не авторомъ, а друзьями его.

Кларкъ первый указалъ на народненіе новой австралійской націи. До тѣхъ поръ принято было смотрѣть на Австралазію, какъ на англійскую провинцію, только нѣсколько болѣе отдаленную. Маркусъ Кларкъ видѣлъ уже тогда, что молодой австралійской демократіи предстоитъ широкое поле дѣятельности, и восторженно привѣтствовалъ ее. Но въ Австраліи тогда въ силѣ была партія плутократическая. Колонизація началась съ того, что нѣсколько крупныхъ капиталистовъ расхватили все лучшія земли. Правительство доставляло помѣщикамъ дешевый каторжный трудъ. Очень часто эти крупные землевладѣльцы были въ то же время правительственными чиновниками и завѣдывали колоніями ссыльно-поселенцевъ. Такимъ образомъ, трудъ ужъ имъ ничего не стоилъ. Когда австралійскія колоніи получили самоуправленіе, эти крупные землевладѣльцы очутились также у власти. Противъ нихъ ополчился Кларкъ. Онъ выводилъ столповъ общества въ рядѣ остроумныхъ и злыхъ статей, появившихся въ *Мельбурнскомъ Аргусѣ* подъ общимъ заглавіемъ: „Наблюденія философа перипатетика“. Съ крупными землевладѣльцами заодно было духовенство. Оно составило настоящій заговоръ съ цѣлью захватить въ свои руки всецѣло дѣло народнаго образованія въ колоніяхъ. Крупные землевладѣльцы поддерживали духовен-

ство въ парламентѣ. Безстрашнымъ вождемъ борцовъ съ клерикалами явился тотъ же Кларкъ. Онъ выступилъ противъ главы церковной партіи, — мельбурнского епископа, — рядомъ памфлетовъ подъ названіемъ „Цивилизація безъ обмана“. Епископъ въ началѣ пробовалъ бороться теоретически. Онъ отвѣтилъ двумя памфлетами; но противникъ оказался ему не по силамъ. Маркусъ Кларкъ развѣялъ, какъ пухъ, аргументацію епископа и, затѣмъ, не поскупился на насмѣшки. Тогда епископъ прибѣгъ къ болѣе легкому и удобному способу полемики. Онъ велѣлъ обличать въ церквахъ „безнравственность“ обличителя. Должно быть, это повело къ крупнымъ неприяностямъ, потому что друзья Кларка сочли необходимымъ выступить съ защитой личной жизни публициста.

Маркусъ Кларкъ создалъ тотъ удивительный оригинальный типъ еженедѣльной австралійской газеты, лучшимъ представителемъ котораго является теперь „Sydney Bulletin“, соединяющій въ себѣ и чисто литературный журналъ, и боевую газету, и карикатурный листокъ. Австралійскій журналъ это, выражаясь фигурально, — военный отрядъ, заключающій представителей всякаго рода оружія. Тутъ и артиллерія, и пѣхота, и легкая конница, дѣйствующая наскокомъ. Широкая политическая жизнь выработала злую, безпощадную, смѣлую политическую карикатуру, которой журналъ усиленно пользуется.

Въ памфлетахъ и въ публицистическихъ статьяхъ Кларка на первый планъ выступаетъ художникъ, тонкій и остроумный наблюдатель. Микрокосмомъ его былъ Мельбурнъ, и Кларкъ изучилъ жизнь города въ совершенствѣ. Онъ зналъ отлично, какъ вышшую среду, такъ и „ларининовъ“, т. е. австралійскихъ золоторотцевъ, отличающихся отъ русскихъ большею смѣлостью, большею самостоятельностью, сознаниемъ своего человѣческаго достоинства и своеобразной организаціей, такъ какъ они образуютъ свой собственный цехъ. Кларкъ обладалъ такимъ же умѣніемъ дѣлать наблюденія, какъ и Бальзакъ (мы видимъ это въ романѣ *For the term of his natural life*); но съ обидной расточительностью беззаботный авторъ разбрасывалъ свои образы и наблюденія въ мелкихъ газетныхъ статьяхъ. Когда ему нужно было писать, Кларкъ бралъ свой лучший матеріалъ. Если можно такъ выразиться, онъ не останавливался предъ тѣмъ, чтобы изрубить доску изъ драгоцѣннаго полисандроваго дерева для простой записки въ загородѣ для телятъ: въ какой-нибудь газетной статьѣ мы находимъ матеріалъ, который, очевидно, былъ приготовленъ для повѣсти или для романа. „Если бы Кларкъ не умеръ такимъ молодымъ, — говоритъ австралійскій историкъ Десмондъ Байришъ, — онъ, несомнѣнно, далъ бы такой же полный зоологическій атласъ нашей городской жизни, какъ Тэкерей для Лондона тридцатыхъ годовъ“.

Изучая такъ внимательно австралійскую жизнь, Кларкъ не могъ не обратить вниманія на тѣ черты грубости, жестокости и черствости, которыхъ было много прежде въ мѣстномъ обществѣ. Наблюдателю казалось, что онъ нашелъ причину. Многое объясняется,—думалъ Кларкъ,—системой каторги, которая такъ долго существовала въ трехъ главныхъ колоніяхъ.

Шестьдесятъ лѣтъ Англія отправляла туда невольничьи корабли. Крупные австралійскіе землевладѣльцы усиленно просили метрополию объ усиленіи „груза“.

„Главной заботой Англіи было возможно скорѣе избавиться отъ лишняго бремени и свалить его, гдѣ придется,—говоритъ австралійскій историкъ Гэтэуэй.—Вся исторія ссылки къ намъ бросаетъ очень некрасивый свѣтъ на національный характеръ Англіи... Государство установило правильную торговлю бѣлыми невольниками *). Каторжникъ становился рабочимъ скотомъ и собственностью государства. Услуги его продавались съ аукціона. Покупатель пріобрѣталъ право перепродать каторжника на извѣстный срокъ плантатору, фабриканту и т. д. Средняя стоимость каторжника была пять фунтовъ. Искусные мастера, художники или учителя шли по двадцати пяти фунтовъ... Одинъ изъ этихъ оптовыхъ покупателей каторжниковъ въ показаніяхъ, данныхъ парламентской комиссіи, жалуется, что барыши его совсѣмъ не такъ велики, какъ выставлено въ газетахъ: „Дѣло падаетъ,—вздыхалъ онъ.—Правда, ремесленники въ хорошемъ спросѣ, но барыши, получаемые отъ ихъ продажи, едва покрываютъ убытки. Партія покупается „оптомъ“, включая слабосильныхъ, стариковъ и калѣкъ, а ихъ приходится отдавать за даромъ“.

Покупались не только работники. Въ Мельбурнѣ, въ Сиднейѣ, въ Гобартѣ (въ Тасманіи) жили многія „вольныя“ женщины, которыя, разбогатѣвъ и состарившись, покупали себѣ мужей въ каторжныхъ колоніяхъ. Если жена была недовольна мужемъ, она отправляла его назадъ въ каторжную казарму. Такое поправленіе человѣческихъ правъ не могло не отразиться на характерѣ населенія. И вотъ Кларкъ задумалъ написать „историческій романъ“ и изобразить въ немъ систему каторги и ссылки. Нужно было, кромѣ того, навсегда охранить какую бы то ни было часть континента, хотя бы и отдаленную, отъ превращенія въ каторжную колонію. Кларкъ съ увлеченіемъ занялся новой работой. Онъ объѣхалъ Тасманію и Норфолькъ, рылся въ архивахъ, опрашивалъ многочисленныхъ свидѣтелей, и въ результатъ, въ 1871, въ *Australasian Journal* сталъ появляться романъ „Въ пожизненную каторгу“ („For the term of his natural life“),

*) Нужно помнить, что дѣло идетъ о тридцатыхъ годахъ, о временахъ, которыя были и быльемъ поросли.

который былъ законченъ только черезъ три года. Произведеніе имѣло колоссальный успѣхъ, какъ въ Австраліи, такъ и въ Англіи, гдѣ считается однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе низкихъ романовъ XIX вѣка.

V.

Романъ Кларка вполнѣ „тенденціозный“ въ томъ смыслѣ, что у автора была совершенно опредѣленная цѣль, которую онъ и не думалъ скрывать. „Въ романѣ я желалъ выставить англійскую систему ссылки и результаты ея,—пишетъ Кларкъ въ предисловіи къ изданію 1878 г.—Я желалъ показать, къ какимъ ужасамъ приводитъ ссылка въ отдаленныя мѣста, гдѣ нѣтъ общественнаго контроля и гдѣ все зависитъ отъ личнаго произвола тюремщиковъ... Правда, англійское правительство прекратило теперь ссылку въ Австралію, но методъ наказанія, порожденный тогда, когда ссылка составляла часть ея,—остался. Портъ Влэйръ (на Андаманскихъ островахъ) является теперь новымъ Норфолькомъ, но только съ каторжниками индійцами, вмѣсто англичанъ. Франція имѣетъ свою Новую Каледонію, въ которой неизбѣжно должно повториться то же самое, что было въ Тасманіи и въ Норфолькѣ“.

Герой романа Кларка—Ричардъ Дивайнъ, молодой сынъ баронета, осужденъ по ошибкѣ въ пожизненную каторгу за убійство, котораго не совершилъ. Желая спасти честь своей матери, онъ не можетъ назвать себя и беретъ вымышленное имя Руфуса Дауса. Авторъ описываетъ плаваніе каторжнаго корабля въ Австралію. Дѣло происходитъ въ 1827 г. Путь лежитъ кругомъ мыса Доброй Надежды и продолжается около шести мѣсяцевъ. (теперь почтовый пароходъ достигаетъ Сиднея въ 37—40 дней) Положеніе каторжниковъ на кораблѣ было страшно тяжелое. Иногда болѣе половины „груза“ погибало въ пути. Наконецъ, корабль прибылъ въ Тасманію. Прежде всего авторъ описываетъ каторжную тюрьму въ Macquarie Harbour (на западномъ берегу Тасманіи), на островѣ Марин, или „Адскія Ворота“. „Дисциплина здѣсь была такъ сурова, а жизнь до того ужасна, что каторжники рисковали всѣмъ, чтобы избавиться отъ нея,—говоритъ Кларкъ.—Въ одинъ годъ изъ 85 смертей, бывшихъ тамъ, только одна треть произошла отъ естественныхъ причинъ. Двадцать семь человѣкъ утонуло, восемь—убиты случайно, троехъ пристрѣлили солдаты, а двѣнадцать—убиты товарищами. Въ одинъ годъ изъ 182 каторжниковъ 169 были наказаны плетью. За десять лѣтъ существованія изъ „Адскихъ Воротъ“ бѣжало 112 человѣкъ, изъ которыхъ 62 были найдены потомъ умершими отъ голода. Не будучи въ состояніи выносить каторгу, арестанты предпочитали

лучше смерть въ болотахъ, чѣмъ жизнь въ тюрьмѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Кларкъ съ поразительнымъ реализмомъ описываетъ побѣги каторжниковъ. Девять человѣкъ скрылись въ „бушахъ“, т. е. въ дикихъ заросляхъ. Изъ нихъ черезъ два мѣсяца только одинъ добрался до другого берега Тасманіи, гдѣ былъ арестованъ. Остальные были убиты и съѣдены товарищами.

Русскаго читателя, знающаго сахалинскіе нравы, хотя бы по книгамъ А. П. Чехова или В. М. Дорошевича, эти строки не могутъ привести въ такой ужасъ, какъ англичанъ. Побѣги каторжниковъ на Сахалинѣ происходили еще при болѣе ужасныхъ условіяхъ, чѣмъ на Тасманіи. Потрясающая „Онорская исторія“ говоритъ о случаяхъ людоедства не въ тридцатыхъ годахъ, а въ наше время. В. М. Дорошевичъ въ своей талантливой книгѣ „Сахалинъ“ даетъ нѣсколько яркихъ портретовъ онорскихъ людоедовъ, которыхъ онъ видѣлъ во время посѣщенія каторжнаго острова.

Тасманія теперь цвѣтущая, свободная, самоуправляющаяся колонія съ энергичнымъ, талантливымъ населеніемъ. Что же касается Сахалина, то только чистая случайность временно упразднила существовавшій тамъ адъ.

Дореформенная Англія, отдѣленная отъ настоящаго времени, какъ глубокой пропастью, двумя великими биллями, призавшими къ общественной дѣятельности массы,—знала только безпощадныя наказанія для разрѣшенія важныхъ соціальныхъ вопросовъ. Смертная казнь примѣнялась тогда за цѣлый рядъ преступленій, въ томъ числѣ за кражу. Въ то время широко практиковалась ссылка въ Австралію маленькихъ преступниковъ, девятилѣтнихъ и десятилѣтнихъ дѣтей, уличенныхъ въ кражѣ платка изъ кармана или хлѣба съ лотка. Боялись, что изъ маленькаго ворюшки вырастетъ большой воръ, который не удовлетворится однимъ хлѣбомъ, и спѣшили заранѣе упрятать потенциальнаго преступника. Въ своемъ романѣ Кларкъ изображаетъ Пойнтъ-Пюръ въ Тасманіи, гдѣ находилась исправительная колонія для малолѣтнихъ.

„Въ утро въ Пойнтъ-Пюръ случилось небольшое происшествіе. Строптивый двѣнадцатилѣтній ворюшка Питеръ Броунъ прыгнулъ со скалы въ море и утонулъ на глазахъ у надзирателей. Такіе случаи стали повторяться въ колоніи особенно часто“. Надзиратель, вмѣстѣ съ капитаномъ Фереромъ (смотрителемъ), просматриваютъ кондуктныи списокъ маленькаго самоубійцы.

„Двадцатаго ноября,—читаютъ они,—за безпорядки — двѣнадцать плетей. 24 ноября, за дерзость больничному служителю — уменьшить діету. Четвертаго декабря, за похищеніе шапки у другого арестанта — 12 плетей. 15 декабря, за молчаніе на повѣркѣ—два дня въ карцерѣ. 23 декабря, за нарушеніе дисциплины—два дня въ карцерѣ. Восьмого января, за дерзость—12 плетей. Двадцатаго января, за дерзость—12 плетей. 22 февраля,

за дерзость — 12 плетей и на недѣлю въ карцерѣ. 6 марта, [за дерзость—20 плетей.

— Это было вчера?—спросилъ капитанъ Фереръ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ надзиратель.

— И послѣ этого, онъ, гм... гм... сдѣлалъ это?

— Такъ точно.

„Послѣ обѣда капитанъ Фереръ осматривалъ тюремную школу. Все было въ образцовомъ порядкѣ. Въ обширной комнатѣ священникъ Микинъ рассказывалъ о томъ, какъ Христосъ любилъ маленькихъ дѣтей, а за стѣной былъ дворъ, гдѣ надзиратель отпускалъ имъ „двадцать плетей“. Пока капитанъ осматривалъ образцовую колонію, жена его Сильвія оставалась на берегу, на той скалѣ, съ которой утопился Питеръ Броунъ.

„Вдругъ молодая женщина услышала робкіе шаги. Обернувшись, она увидала маленькаго, десятилѣтняго мальчика, съ шапкой въ одной рукѣ и съ молоткомъ въ другой. Было много патетическаго въ маленькой фигурѣ, одѣтой въ сѣрое платье не по возрасту и державшей молотъ, слишкомъ тяжелый для крошечной рученки.

— Что тебѣ, крошка?—спросила Сильвія.

— Мы желали посмотрѣть на него, — сказали мальчикъ, раскрывъ широко глаза, когда услышалъ ласковый голосъ.

— На него? На кого?

— На Броуна, на того, который сдѣлалъ „это“ сегодня утромъ. Онъ былъ нашъ товарищъ. И мы хотимъ посмотрѣть, счастливое ли у него теперь лицо?..

„Изъ-за угла вышелъ еще меньшій мальчикъ, тоже съ шапкой въ одной рукѣ и молотомъ въ другой.

— Это—Билли,—объяснилъ первый мальчикъ.

„Когда Сильвію позвали, Томми и Билли привели въ исполненіе планъ, который обдумывали уже нѣсколько недѣль.

— Теперь я могу сдѣлать это,—сказалъ Томми.

— Будетъ очень больно?—спросилъ Билли, не отличавшійся такою храбростію, какъ его товарищъ.

— Нѣтъ, когда съвуютъ, такъ больнѣе.

— Боюсь, Томми, тутъ такъ глубоко! Не покидай меня.

„Старшій мальчикъ снялъ платокъ съ шеи и привязалъ имъ свою лѣвую руку къ правой товарища.

— Теперь я тебя не могу оставить,—сказалъ онъ.

„И мальчики поцѣловались и бросились въ море.

„...Въ книгахъ отмѣтили событіе. Никто имъ не заинтересовался. Лондонскія тюрьмы переполнены такими Билли и Томми“.

Не въ далекой Тасманіи, а въ Европейской Россіи до пятидесятихъ годовъ происходили гораздо болѣе ужасныя явленія, описанныя, между прочимъ, съ поразительною яркостью А. И. Герце-

номъ („Былое и Думы“, часть II, глава XII), а именно: забираіе дѣтей въ кантонисты.

„Привели малютокъ и построили въ правильный фронтъ,—ишетъ Герценъ.—Это было одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя я видалъ—бѣдныя, бѣдныя дѣти! Мальчики двѣнадцати, тринадцати лѣтъ еще кой-какъ держались, но малютки восьми, десяти лѣтъ... Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстѣ.

„Блѣдныя, изнуренныя, въ неловкихъ, толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ, съ стоячимъ воротникомъ, обращающаго какой-то безпомощный жалостный взглядъ на гарнизонныхъ солдатъ, грубо ровнявшихъ ихъ; бѣлыя губы, синіе круги подъ глазами показывали лихорадку или энцефалитъ. И эти больныя дѣти безъ ухода, безъ ласки, обдуваемые вѣтромъ, который безпрепятственно дуетъ съ Ледовитаго моря, шли въ могилу... Мнѣ хотѣлось рыдать, я чувствовалъ, что не удержусь... Какія чудовищныя преступленія безвѣстно скоронены въ архивахъ... Мы къ нимъ привыкли, они дѣлались обыденно, дѣлались какъ ни въ чемъ не бывало, нѣмъ не замѣченныя, потеряныя за страшной далью, беззвучно заморенныя въ нѣмыхъ канцелярскихъ омотахъ, или задержанныя полицейской цензурой“.

VI.

Крайне характерно, что одинаковыя условія безправія и попранія человѣческой личности создаютъ одинаковыя условія, все равно, на Сахалинѣ ли или въ странѣ антиподовъ. Одна изъ наиболѣе благородныхъ и привлекательныхъ чертъ въ характерѣ англо-саксонскаго народа—глубокое уваженіе къ женщинѣ. Чувство это совсѣмъ не то, что галантная любезность французовъ, въ сущности говоря, оскорбительная для женщины. Въ англо-саксонскомъ мірѣ каждая женщина находится подъ защитой всѣхъ мужчинъ. Этимъ объясняется, что молодыя англичанки не только безбоязненно путешествуютъ одиѣ по Англіи, но отправляются даже въ Индію или въ далекія колоніи. Изъ чувства *self-respect*, т. е. самоуваженія, англичанинъ не пристанетъ къ путешествующей одинокой дѣвушкѣ съ навязчивой любезностью или съ паточными комплиментами; но сочтетъ своимъ долгомъ джентельмена защитить ее отъ приставаній. И это явленіе наблюдается не только въ Англіи, но въ Соединенныхъ Штатахъ и во всѣхъ британскихъ колоніяхъ. Отличительной чертой австралійскихъ грубоватыхъ и неотесанныхъ фермеровъ, прискателей, пастуховъ тоже является рыцарское отношеніе къ женщинѣ. Объясняется это, между прочимъ, и тѣмъ, что всѣ дѣйствительно сильные и свободные люди всегда сентиментальны и мягки съ беззащит-

ными. Жестокость по отношенію къ слабымъ—одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ раба и труса.

Система каторги и связанное съ ней безграничное право произвола съ одной стороны и уничтоженіе личности—съ другой,—даже у англичанъ вытравили отличительную черту англосаксонскаго характера. Въ Австраліи, въ каторжный періодъ, ссоздались совершенно особыя отношенія къ женщинамъ, какъ къ невольницѣ, которыя исчезли безъ слѣда вмѣстѣ со старымъ строемъ.

„Губернаторъ Тасманіи,—говоритъ Кларкъ,—былъ развратникъ. Своимъ поведеніемъ онъ подавалъ примѣръ всѣмъ другимъ чиновникамъ. Каждый изъ нихъ держалъ у себя любовницу каторжницу. Снисходительность послѣднихъ доставляла имъ облегченіе участи; съ другой стороны, ходили упорные слухи про жестокія преслѣдованія каторжницъ, дерзнувшихъ уклониться отъ чиновничьихъ ласкъ“. На Сахалинѣ черезъ семьдесятъ лѣтъ, когда отъ каторжныхъ нравовъ въ Тасманіи не осталось и воспоминанія,—дѣло происходило гораздо проще и откровеннѣе. „Когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ,—писалъ Чеховъ,—то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшись подъ тяжестью уловъ и котомокъ, плетутся по шоссе, вялая, еще не пришедшія въ себя отъ морской болѣзни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Аливѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ, желающихъ полакомиться икряной сельдкой. Мужики поселенцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: имъ нужна хозяйка. Бабы смотрять, нѣтъ ли въ новой партіи землечекъ. Писарямъ же и надзирателямъ нужны „дѣвочки“. На другой день происходитъ „распределение“ живого груза“.

Вандименова земля (Тасманія) являлась преддверіемъ каторжнаго ада. Пекломъ былъ островъ Норфолькъ. Я упоминалъ уже, что теперь это—мирный, одинокій (болѣе тысячи верстъ отъ берега) крошечный островокъ, въ 10 верстъ въ ширину и 6 въ длину, представляющій сплошной садъ. Островъ—маленькая республика, въ которой всѣ дѣла рѣшаются на сходѣ, всѣмъ населеніемъ (800 человекъ). Года два тому назадъ норфолькцы послали заявленіе въ имперскій парламентъ, что если имъ не установятъ правильнаго пароходнаго сообщенія съ Сиднеемъ разъ въ два мѣсяца, то они поведутъ переговоры о томъ же съ Соединенными Штатами. Островокъ не на шутку сознаетъ свою независимость и народоправство свое желаетъ проявить заключеніемъ „международнаго трактата“ съ великой американской республикой.

Въ каторжный періодъ крошечная вольная колонія предстала слѣдующій видъ.

„Прежде всего бросались въ глаза каторжныя казармы, занимавшія пространство въ три акра и окруженныя высокою стѣной. Казармы выѣхали отъ 700—900 человѣкъ. Всего на островѣ было около 2000 человѣкъ“...—Такъ пишетъ въ своемъ дневникѣ тюремный священникъ, герой романа Кларка.—„Сегодня я посѣтилъ казармы и возвратился въ отчаяніи. То, что я видѣлъ, не поддается описанію. Каторжники, только что прибывшіе изъ Англіи (исторія многихъ изъ нихъ очень трогательна), обезумлены грубыми ругательствами и безстыднымъ поведеніемъ старыхъ арестантовъ, являющихся подонками тюремъ Портъ-Артура (въ Таасманіи) и Кокату-Айленда. Самыя мерзкія преступленія свершаются шутки ради. Здѣсь каторжники, языкъ и поведеніе которыхъ напоминаютъ безумныхъ Бэдлама. Они убили своихъ товарищей и хвастаютъ этимъ. А рядомъ съ ними—крестьяне изъ Англіи, сосланные за хлѣбные мятежи, или работники, которыхъ пригнали за стачки. Къ толпѣ примѣшаны китайцы изъ Гонъ-Конга, дикари изъ Новой Голландіи, негры изъ Вестъ-Индіи, греки, кафры, малайцы, бывшые солдаты, идіоты, душевно-больные, карманщики и конокрады“.

О томъ, какъ чувствовали себя каторжники на Норфолькѣ, можетъ дать представленіе слѣдующая сцена. Въ камерѣ, послѣ наказанія плетью, сидятъ три арестанта: Блэндъ, старикъ Муни и Дауэсъ. Блэндъ предложилъ проектъ, который долженъ кончиться успѣхомъ, по крайней мѣрѣ для двухъ участниковъ. Проектъ былъ отчаянный, прибѣгали къ нему на Норфолькѣ каторжники только въ случаѣ крайности. Но по тюремному обычаю „ring“ (группа изъ трехъ заключенныхъ) долженъ былъ осуществить проектъ, разъ за него подавали два голоса.

„Какъ всѣ великія идеи, проектъ былъ поразительно простъ. Въ тотъ же вечеръ, когда кончилась повѣрка, Блэндъ передалъ товарищамъ соломенку. Дауэсъ разорвалъ ее на три неравныя части, которыя передалъ Муни. Счастливецъ — будетъ, кто вытащить длинную соломенку,—сказалъ старикъ.—Ну, ребята, тяните жребій.—„Счастье“ заключалось въ свободѣ. Два арестанта вытащили жребій и затѣмъ взглянули одинъ на другого. „Счастье“ сталося въ мѣшекъ. Самая длинная соломенка выпала на долю старика Муни. Руки Блэнда дрожали, когда онъ сравнивалъ свою соломенку съ долей товарища. Наступило молчаніе на нѣсколько мгновеній.

— Я вытащилъ самую короткую. Ты, Блэндъ, долженъ сдѣлать „это“.

— Я радъ!—вставилъ Муни.

Пораженный ужасомъ, Блэндъ смялъ свою соломенку и съ проклятіемъ сталъ грызть руку. Муни вытянулся на нарахъ.

— Ну, товарищъ, я готовъ,—сказалъ онъ.

Дрожащей рукой Блэндъ схватилъ Дауэса за рукавъ.

— Сдѣлай ты „это“: ты—храбрѣ меня,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтилъ Дауэсъ, который былъ такъ же блѣденъ, какъ его товарищъ.—Я по совѣсти тянулъ жребій. Ты самъ предложилъ пытаться счастье.

Блэндъ усѣлся въ углу, сжалъ голову руками и качался изъ стороны въ сторону.

— Не могу!—сказалъ онъ, наконецъ.—Лицо его было блѣло, какъ полотно, и мокро отъ слезъ.

— Почему вы медлите?—спросилъ „счастливый“ Мунн.—Идите. Я готовъ...

Когда надзиратель на другой день отперъ камеру, онъ увидалъ на нарахъ трупъ задушеннаго ночью Мунн.

— Мы тянули жребій, который достался ему,—началъ Дауэсъ, указывая на Блэнда, прижавшагося въ углу.—Я былъ свидѣтелемъ.

— Тебя тоже за это повѣсятъ,—сказалъ надзиратель.

— Надѣюсь!—отвѣтилъ Дауэсъ.

„Проектъ заключается въ слѣдующемъ. Жребій опредѣляетъ, кому быть убитымъ и, такимъ образомъ, освободиться отъ каторги. Вытащившій длинную соломенку былъ этимъ счастливецомъ. Его убивали. Убийцей былъ, кто вытащивалъ среднюю соломенку. Его вѣшали. Несчастливымъ считался третій,—свидѣтель. Конечно, былъ счастливый шансъ, что и его повѣсятъ; но судьба его все же представлялась неопредѣленной“ *).

Когда Австралія добилась полного самоуправленія, первымъ дѣломъ она поспѣшила изгладить даже память о каторгѣ и о сопряженныхъ съ нею ужасахъ. Правительство Тасманіи и Новаго Южнаго Уэльса распорядилось потопить даже всѣ тѣ корабли, на которыхъ возили ссыльных. Только одно судно „Успѣхъ“, которое раньше было продано предприимчивому антрепренеру, избѣгло общей участи. Владѣлецъ корабля показывалъ его въ Австраліи, какъ рѣдкость. Но видъ судна до такой степени былъ ненавистенъ австралійцамъ, что ночью, когда оно стояло на рейдѣ въ Сидней, кто-то пустилъ его ко дну, прорубивъ киль. Владѣлецъ поднялъ корабль и переправился на немъ въ Англію, гдѣ мрачное парусное судно демонстрируется до сихъ поръ.

При помощи каторжнаго труда въ Австраліи ничего не удалось сдѣлать. Въ доисторическое время колонія была не только

---

*) Въ официальномъ отчетѣ, изданномъ въ 1838 г. (Report of a Select Committee), одинъ изъ свидѣтелей, свящ. Вильямъ Уллаторнъ говоритъ: „Когда послѣ бунта на о. Норфолькѣ вызывали осужденныхъ на смертную казнь, они становились на колѣни и благодарили Бога, что избавляются, такимъ образомъ, отъ ужасовъ каторги. Прощенные же бунтовщики, напротивъ, были въ отчаяніи, что остаются въ живыхъ и плакали. То было самое ужасное зрѣлище, которое я когда либо видѣлъ“.

(Цитировано по приложенію къ макмилановскому изданію „For the Term of his Natural Life“, London, 1899, p. 472).

адамъ, но и дорого стоящимъ учрежденіемъ на придачу. Человѣкъ рожденъ для свободы и изъ-подъ палки, по приказу, ничего не можетъ сдѣлать. Палка забиваетъ инициативу человѣка индивидуальность его. Послѣ уничтоженія каторги, Австралія развилась съ поразительной быстротой. При старомъ порядкѣ не удалось ничего сдѣлать даже изъ такого благодатнаго края, какъ Тасманія. Свободные люди, которымъ дали землю и волю, быстро заселили Викторію и Новый Южный Уэльсъ. Во времена каторги губернаторъ увѣрялъ, что эти колоніи абсолютно никуда не годятся. Мы увидимъ по романамъ періода австралійской исторіи, какъ боролись съ природой первые колонисты. Романъ Маркуса Кларка произвелъ громадное впечатлѣніе, какъ въ Австраліи, такъ и въ Англіи, и усиленно читается до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—единственное, вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ произведеніе наиболѣе крупнаго писателя Австраліи. Маркусъ Кларкъ скончался въ 1884 г., тридцати восьми лѣтъ. Традиціи его сохранились до сихъ поръ въ періодической австралійской литературѣ.

Діонео.

Литературныя наблюденія.

«Сборникъ „Знанія“, книги 4—6; гг. Купринъ, Гусевъ-Оренбургскій, Найденовъ и Чириковъ—о „странѣ отцовъ“ и г. Андреевъ—о „ворѣ“).

Самой значительной вещью въ 4—6 книгахъ „Сборника“ является несомнѣнно „Поединокъ“ г. Куприна... Кто они—эти люди, которымъ еще на-дняхъ была ввѣрена „честь Россіи“ на поляхъ далекой Манчжуріи? Чѣмъ они связаны между собой? Чѣмъ связаны съ сѣрой массой, которую они должны были вести умирать „за родину“? Чѣмъ сами жили, когда готовились въ мирное время умѣть умирать и въ чемъ видѣли смыслъ своей готовности „умереть, когда прикажутъ“?.. На эти вопросы прежде всего и отвѣчаетъ авторъ „Поединка“, наблюдательный и яркій въ подробностяхъ, вплоть до надобныхъ анекдотовъ „установленнаго образца“, которыми занимаютъ другъ друга его персонажи.

Мѣсто дѣйствія „Поединка“—одинъ изъ тѣхъ тихихъ уголковъ, гдѣ обывателя, по гиперболическому выраженію Щедрина, „со скуки рветъ“. Это обстоятельство, естественно, отражается на галлерей дѣйствующихъ лицъ въ „Поединкѣ“ и придаетъ персонажамъ г. Куприна въ ихъ подобранности нѣсколько музейный характеръ, вполне совмѣстимый, однако, съ реальностью и

правдивостью каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Среда въ „Поединкѣ“—не средній нормальный типъ офицерской среды, какою она *должна* быть по условіямъ, неизбежнымъ для всякой военной среды. Это—рѣзко опредѣлявшіеся результаты естественнаго подбора, который въ N—скомъ полку, изображенномъ г. Купринимъ, шелъ двумя путями: кто могъ,—уходилъ, и оставались только тѣ, кто неспособенъ былъ никуда бѣжать, кому некуда или незахѣмъ было бѣжать, въ родѣ Сливы—капитана послѣ 25 лѣтъ службы.

Дальше начиналась роль чисто психологическаго подбора—у оставшихся и приспособившихся. Всѣ красочные элементы жизни силой обстоятельствъ, естественно, аннулировались, и жизненный укладъ опредѣляли однѣ низшія стороны человѣческой природы. Все, что способно было принизить жизнь и людей, въ „берлогѣ“ N—скаго полка находило исключительно благопріятную почву и, конечно, расцвѣтало пышнымъ цвѣткомъ...

На фонѣ повальной деградации жизни, которая управляется однимъ принципомъ: день да ночь—сутки прочь; на фонѣ заплатанной нужды и пошлости, повальнаго разгула и азартной игры, взаимнаго ненавистничества въ отношеніяхъ людей равныхъ и одиналаго озвѣрѣнія въ отношеніяхъ такъ называемой подчиненности,—авторъ „Поединка“ развертываетъ, ради контраста, личную драму своего центрального лица—юнаго подпоручика Ромашова, который только 1½ года какъ покинулъ скамейку кадетскаго корпуса въ смутной увѣренности, что теперь-то и начнется для него то, что называется „настоящей“ жизнью.

Несомнѣнно, художникъ сдѣлалъ удачный выборъ центрального лица для своей повѣсти. Этимъ выборомъ онъ упростилъ (хотя и не всегда, — но объ этомъ позже) свою художественную задачу и усугубилъ ея внутренній интересъ. Герой „Поединка“ отнюдь не отрицатель и не протестантъ во имя какихъ-либо идеологическихъ требованій высшей категоріи. Надѣвая погоны, онъ несомнѣнно рассчитывалъ принять жизнь, какъ она есть, не мѣряя ее никакимъ теоретическимъ масштабомъ, и—въ изображеніи г. Куприна—ему кажутся одинаково привлекательными и мечта отличиться въ бою съ внѣшними врагами, и мечта отличиться при усмирении рабочихъ беспорядковъ „на большомъ заводѣ“, когда онъ такъ эффектно, послѣ тщетныхъ уговариваній, командуетъ: „Прямо по толпѣ, пальба ротою... Рота-а, пли!“ и „сто выстрѣловъ“ такъ же эффектно „солятся въ одинъ“, обезпечивая ему „благодарность начальства и награду за примѣрное мужество“... Герой г. Куприна меньше всего способенъ быть бойцомъ или реформаторомъ; онъ просто симпатичный по натурѣ человѣкъ, средній по своимъ нравственнымъ силамъ, самъ нуждающійся въ томъ, чего какъ разъ нѣтъ въ его жизни: въ воспитательномъ и стимулирующемъ влѣяніи окружающей среды.

Одинъ изъ его сослуживцевъ, изъ числа пріобрѣвшихъ трезвый взглядъ на вещи, въ минуту пьянаго лиризма привѣтствуетъ Ромашова стихами: „Люблю въ тебѣ я прошлое страданье и юность улетѣвшую мою“. Быть можетъ, послѣдній черезъ нѣсколько лѣтъ самъ привѣтствовалъ бы какого-нибудь другого „подпоручика Ромашова“ тѣми же стихами о „прошломъ страданьи“. Это больше, чѣмъ вѣроятно. „Въ васъ что-то есть, какой-то внутренний свѣтъ... Но въ нашей берлогѣ его погасятъ“, точно характеризуетъ и вполнѣ увѣренно пророчить Ромашову Назанскій, даровитый и случайный членъ „общества офицеровъ“ И—скаго полка... Но пока этого еще нѣтъ—смерть на поединкѣ—или, вѣрнѣе, убійство на поединкѣ—устранила возможность сбыться мрачнымъ предсказаніямъ о неизбежной деградации жизни героя г. Куприна—и пока передъ нами непогашенный человекъ, въ которомъ есть еще „внутренний свѣтъ“, о какомъ говоритъ Назанскій. И въ этомъ личная драма „институтки“, какъ именуютъ Ромашова сослуживцы. Онъ еще не въ состояніи „трезво“ относиться къ жизни; ему еще нужна осмысленная красота въ жизни, хотя и не богъ вѣсть какого достоинства; онъ еще не способенъ бить солдатъ и не мучиться, когда другіе бьютъ; не способенъ безъ упрека совѣсти дѣлить свое время между буфетомъ и карточнымъ столомъ, какъ добрый и мягкій Вѣткинъ; не способенъ безъ протеста принять жизнь, въ которой люди, претендующіе на роль первыхъ номеровъ въ обществѣ, сбиваютъ шапки съ мимоидущихъ на возвратномъ пути изъ публичнаго дома, занятаго на нѣсколько часовъ „семьей офицеровъ“, какъ красиво выражается командиръ полка Шульговичъ... Герой г. Куприна слишкомъ не стоекъ морально и слишкомъ одинокъ, чтобы не быть вовлеченнымъ въ этотъ обиходъ. Онъ самъ участвуетъ, въ нетрезвомъ видѣ, въ побѣдномъ занятіи публичнаго дома „Шлейферши“ съ объявленіемъ его табу для всѣхъ „шпаковъ“, но онъ правильно оцѣниваетъ свое участіе и знаетъ, что это признаки моральной гангрены, отъ которой онъ не спасется. И, участвуя въ попойкахъ и разгулѣ, онъ чувствуетъ тоску и отвращеніе ко всему, въ чемъ участвуетъ по своей безвольности...

Не можетъ герой г. Куприна примириться и съ своей ролью человека, которому, по долгу службы, „не полагается думать“, какъ выражается Вѣткинъ. Мечтатель г. Куприна годы мечталъ о томъ важномъ дѣлѣ, къ которому онъ готовилъ себя на школьной скамейкѣ. И вдругъ оказывается, что никакого важнаго дѣла отъ него не требуется, а требуется только, чтобы онъ умѣлъ не рассуждать и „ма-алчать“...

Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать...

говорить величайшій поэтъ Россіи, бьетъ котораго одинъ изъ

героевъ г. Куприна прострѣливаетъ въ качествѣ мишени, не зная даже, чей это бюстъ... Этого человѣческаго счастья, единственнаго, которое „возможно“, не знаютъ герои г. Куприна и не должны знать для своего благополучія Ромашовъ. Какъ мы уже видѣли, герой „Поединка“ отнюдь не теоретикъ-мыслитель. Онъ самъ о себѣ „жалобно и кротко“, въ минуту тяжелыхъ сомнѣній, говоритъ: „Я вѣдь ничего не знаю... ничего не знаю“. Онъ не повиненъ въ тѣхъ красочныхъ мечтахъ о человѣкѣ, которыми наслаждается Назанскій, испрашивая себѣ служебные отпуски специально для того, чтобы пить и жить искусственно-возбужденной мыслью на верхахъ міровой жизни вдали отъ N—скаго полка... Для Ромашова все это было бы еще съ поль-горя. Отъ „возвышенныхъ матерій“, отъ вышнихъ категорій человѣческихъ символовъ вѣры,— иначе: отъ завиральныхъ идей—Ромашовъ пока еще очень далекъ и его гнететъ другая необходимость—необходимость отказаться отъ права думать и понимать вообще—вплоть до мелочей, изъ которыхъ складывается его собственная жизнь, подпоручика Ромашова, и съ которыми ему приходится имѣть дѣло изо дня въ день. Это и понятно. Къ счастью или къ несчастью, но *ополовинить* человѣка нельзя и нельзя потребовать отъ человѣка отказа отъ „возвышенныхъ матерій“—не больше. Если теорія потребуетъ только этого половиннаго отказа, то практика исполнителей усовершенствуетъ теорію и потребуетъ, ради выщей надежности, полного отказа вообще отъ всякой мысли и всякой критики, хотя бы и въ интересахъ того дѣла, которому служить. Практика жизни въ городѣ, котораго нѣтъ ни на какой географической картѣ, какъ выражается Шурочка въ „Поединкѣ“, не замедлила, конечно, оправдать эту теорему практической психологіи, со всѣмъ логически вытекающимъ приниженіемъ жизни, не исключая, конечно, и того, что опредѣляется таинственнымъ словомъ: служба... Герой г. Куприна не былъ склоненъ преуменьшать это таинственное слово, когда впервые надѣвалъ свои погоны. Но оказалось, что оно въ дѣйствительности просто синонимъ „страха“. Въ N—скомъ полку не оказалось ничего другого. Есть только страхъ, который считается животворящей силой и который доходитъ въ самыхъ младшихъ до ужаса передъ самымъ старшимъ, на котораго они глядятъ, „не моргая, едва дыша, вытягиваясь въ ужасѣ всѣмъ тѣломъ“... Этотъ страхъ, доходящій до ужаса, и составлялъ единственный цементъ, который соединялъ N—скій полкъ въ одно цѣлое—въ то, что „нужно“. На одномъ концѣ только чувствовали этотъ созидающій страхъ, на другомъ только внушали—въ промежуткахъ между наѣздами высшего начальства.

Герой г. Куприна оказался между этими крайними предѣлами: онъ могъ внушать, но не избавленъ былъ отъ необходимости чувствовать. Уже черезъ три дня послѣ своего появленія въ

ислукъ онъ принужденъ былъ, по его выраженію, стоять, „какъ оплеванный“, передъ человѣкомъ, у котораго на погонахъ было одной звѣздочкой больше, чѣмъ у него, Ромашова, такъ какъ поручику Аргаковскому, съ которымъ онъ пилъ пиво, вздумалось обидѣться, что подпоручикъ назвалъ его поручикомъ безъ прибавки слова „господинъ“. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока обладателя лишней звѣздочки на погонѣ не „осадили“ подполковникъ Лехъ, въ качествѣ человѣка, имѣющаго уже не звѣздочку лишнюю, а лишній просвѣтъ на погонахъ.

Юнецъ г. Куприна не можетъ сразу признать это опрощеніе своей красивой мечты о службѣ въ рядахъ арміи. При случаѣ онъ и сейчасъ пробуетъ, повинаясь нравственному толчку, объяснить своему начальнику, что „вѣренный“ ему, Ромашову, рядовой-татаринъ, который ничего не понимаетъ по-русски, но котораго за провалъ на испытаніи въ тонкостяхъ солдатской „словесности“ все-таки вѣрно подвергнуть наказанію, не такъ ужъ виноватъ, чтобы ему нужно было грозить, что онъ „сгніетъ подъ ружьемъ“, но уже первыя слова Ромашова о томъ, что татаринъ „ничего не понимаетъ по-русски“, оказываются служебнымъ проступкомъ, влекутъ за собой окрикъ: „Что? Разговаривать? Ма-ал-чать!“ и арестъ за отсутствіе „настоящихъ понятій о служебномъ долгѣ“, такъ какъ „настоящіе понятія о служебномъ долгѣ“ его, Ромашова, заключаются только въ томъ, чтобы онъ „молчалъ“, когда полковникъ Шульговичъ „разноситъ“.

Онъ долженъ „молчать“ и тогда, когда на его глазахъ бѣгутъ безответныхъ людей, вопреки прямому запрещенію закона—единственного, въ цѣлесообразности котораго сомнѣваются персонажи г. Куприна. Онъ не обязанъ „молчать“ только тогда, когда нарушаютъ законъ подчиненные ему унтеръ-офицеры, но и тѣ повинуются его запрещенію, отданному „навсегда“, съ „чуть замѣтною насмѣшливою улыбкою“: настолько имъ кажется забавнымъ „миндальникъ“-офицеръ, полагающій, что можно обойтись „безъ этого“. „Часто издали,“ во время подготовки къ смотру, „Ромашовъ наблюдалъ, какъ какой-нибудь разсвирѣпѣвшій ротный принимался хлестать по лицамъ всѣхъ своихъ солдатъ по-очередно, отъ лѣваго до праваго фланга. Сначала беззвучный взмахъ руки и — только спустя секунду — сухой трескъ удара и опять, и опять, и опять... Въ этомъ было много жуткаго и омерзительнаго“...

Не остается даже утѣшенія думать, что онъ случайно столкнулся съ жестокими отъ природы людьми. Передъ читателемъ „Поединка“ проходятъ вереницею не жестокіе, а исковерканные жизнью люди, съ различнымъ числомъ звѣздочекъ и просвѣтовъ на погонахъ, ожесточенные нуждой и тѣмъ, что называютъ „службой“. Они жестоки прежде всего потому, что такъ естественно мѣрять тою же мѣрою, какой имъ мѣрится. Слива искренно воз-

мущенъ тѣмъ, что отъ него, Сливы, можно потребовать по чьему-то внезапному „капризу“ признанія личности въ сѣромъ матеріалѣ его роты: „Ударить его, каналью, — не смѣй, — говоритъ Слива. — Нѣ-ѣ-ѣтъ... Помилуйте — онъ личность, онъ человекъ! Нѣтъ-съ, въ прежнее время никакихъ личностей не было, и лупили ихъ, скотовъ, какъ сидоровыхъ козъ, а у насъ были и Севастополь, и итальянскій походъ, и всякая такая вещь.“ — „Ты меня хоть отъ службы увольняй, энергично заканчиваетъ свою тираду Слива, а всетаки, когда мерзавецъ это заслужилъ, я загляну ему куда слѣдуетъ! Это вѣрно“.

И логика вещей, конечно, на сторонѣ стараго „бурбона“. Какъ онъ, Слива, можетъ внезапно, послѣ 25 лѣтъ службы, считаться съ личностью во всевозможныхъ Никифорахъ и Сѣроштаняхъ, когда онъ самъ, Слива, не личность, у которой есть какія бы то ни было „прирожденные“ права? Естественно, что для Сливы всѣ вопросы разрѣшаются съ чисто технической стороны; естественно, что для него всѣ средства хороши, чтобы добиться „строевой красоты“, разъ они цѣлесообразны. И, конечно, его, Сливы, „средства“, — средства испытанныя, оправданныя исторіей и Севастополя, и итальянскихъ походовъ, и отвергать ихъ можно только во имя той самой идеологіи, во имя того довѣрія къ сознательной мысли, любви къ родинѣ и ея интересамъ, о которыхъ никогда не помышлялъ Слива, а если бы могъ помышлять, конечно, обозвалъ бы „философіей“ или „чепухой и мандрагоріей“, по его излюбленному выраженію... Тамъ, гдѣ мысль изгнана, какъ нѣчто подозрительное и ненадежное, никакихъ „личностей“, конечно, не можетъ быть, и стихійно-соблазнительное чувство власти не встрѣтитъ никакой сдержки ни внутри человека — въ прочныхъ пріобрѣтеніяхъ культуры духа, ни вовнѣ. Глѣбъ Успенскій, описывая препариваніе осетровъ на рыбныхъ промыслахъ, думаетъ, что, если бы рыба была въ состояніи кричать, рыбаки не были бы въ состояніи продѣлывать съ нею всѣ тѣ жестокія операціи, которыя они продѣлываютъ. Но въ „Поединкѣ“ люди, на долю которыхъ достаются минусы человѣческаго существованія, нѣмъ не меньше, чѣмъ рыбы на промыслахъ, о которыхъ говоритъ Глѣбъ Успенскій. И это, естественно, облегчаетъ возможность быть жестокими даже и не жестокимъ людямъ. Шульговичъ, „разнося“ Ромашова, не слышитъ ничего, кромѣ своего собственнаго раскатыстаго голоса, и отдаваясь безпрепятственно на волю своихъ собственныхъ словъ, осыпаетъ „мальчишку“ и „желторотаго птенца“ всевозможными оскорбленіями, но только до тѣхъ поръ, пока онъ отдѣленъ отъ оскорбляемаго человека отсутствіемъ у послѣдняго внѣшнихъ проявленій муки. Эта сцена — одна изъ лучшихъ въ повѣсти — написана съ той наблюдательностью, которая составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ подробностей въ дарованіи автора „Поединка“.

Шульговичъ—къ слову замѣтить, тоже одна изъ наиболѣе яркихъ вводныхъ фигуръ въ повѣсти г. Куприна, нѣсколько напоминающая моряковъ Станюковича, — внезапно для себя начинаетъ *сидеть* то, что онъ дѣлаетъ, — *понимать* душевную муку у человека, который до сихъ поръ былъ для него только объектомъ служебнаго „разноса“. И это сразу мѣняетъ добраго, но недалекаго полковника, сдѣлавшаго всю свою служебную карьеру не за счетъ выдающихся способностей, а за счетъ своего „знаменитаго голоса“: „въ глазахъ Шульговича попеременно отразились удивленіе, страхъ, тревога, жалость“:

„Фу, чортъ... какой же вы обидчивый... Да садитесь же, чортъ васъ задержит! Ну, да... всё вы вотъ такъ. Глядите на меня, какъ на звѣря. Кричить, молъ, старый хрѣнь безъ толку, безъ смысла, чортъ бы его дралъ. А я,—густой голосъ заколыхался теплыми взволнованными нотами—а я, ей Богу, мой милый, люблю васъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Что же, вы думаете не страдаю я за васъ? Не болѣю? Эхъ, господа, господа, не понимаете вы меня“...

Читатель, конечно, не имѣетъ основанія не вѣрить этому заводлинованному старику. Если онъ, Шульговичъ, требуетъ, чтобы „молодежь“ „жучили“ служаки въ родѣ грубаго Сливы; если онъ, Шульговичъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы на него „люди“ (технический терминъ) смотрѣли, „не моргая, едва дыша, вытягиваясь въ ужасъ всѣмъ тѣломъ“, то это вовсе не нужно ему самому, Шульговичу, это нужно „дѣлу“, которому онъ служить по мѣрѣ разумнія. Другого средства „служить“ онъ не знаетъ и свое непосредственное человѣческое чувство приноситъ въ жертву свирѣпому Молоху служебнаго долга.

Возмездіе приходитъ неожиданно, хотя и по правиламъ логики. Можно, конечно, отречься отъ счастья, какъ понималъ его Пушкинъ,—счастья „мыслить и страдать“; можно заглушить въ себѣ прирожденное человѣку чувство состраданія; можно жить ополовиненной и урѣзанной жизнью, не чувствуя радостнаго сознанія, что дѣлаешь красивое, большое и всѣмъ нужное дѣло,—но нельзя остановиться на этомъ. Естественная реакція. Естественно, что героямъ г. Куприна нуженъ какой-нибудь запой, въ переносномъ или буквальномъ смыслѣ, чтобы имѣть возможность уйти отъ самихъ себя. Авторъ „Поединка“ рисуетъ—мастерски рисуетъ: холодно на душѣ становится—картины моральнаго небытія, котораго жаждутъ по временамъ его персонажи. Единицы бѣгутъ въ „академію“, которая отодвинетъ ихъ въ даль отъ черной работы; единицы замыкаются въ звѣринецъ, въ родѣ „подполковника Брема“, единицы уходятъ въ свой полугаремъ, въ родѣ симпатичнаго Стельковскаго. А масса—въ самый дикій разгулъ. Соответствующія картины—самыя мастерскія въ „Поединкѣ“. Здѣсь есть все, что можетъ придать ироническій характеръ

всякимъ гордымъ словамъ о человѣкѣ. Отмѣтимъ только слѣдующую деталь. Во время попойки Ромашовъ заходитъ въ такъ называемую „мертвецкую“ и застаётъ тамъ двухъ прославленныхъ пьяницъ, которые, въ моментъ его прихода, пьютъ по стакану водки „подъ стукъ телѣги“ въ качествѣ закуски. Это значитъ, что они съ налитыми стаканами дожидаются, когда подъ окнами застучитъ какая-нибудь телѣга, чтобы по этому условленному сигналу выпить. Безъ этой „закуски“ пьянство приобрѣло для нихъ чересчуръ скучный характеръ... „А изъ столовой (офицерскаго собранія) въ это время доносились смягченные, заглушенные стѣнами и отъ того гармонично-печальные звуки церковнаго пѣва, похожаго на отдаленное погребальное пѣніе“... „Ромашовъ всплеснулъ руками и схватился за голову. „Господа, ради Бога, оставьте: это страшно“... И это, дѣйствительно, страшно, если никого не пугаетъ, кромѣ „институтковъ“ и „прапоровъ“ въ родѣ Ромашова“...

... Вотъ отвѣтъ, который даетъ авторъ „Поединка“ на вопросъ: кто эти люди, которымъ была вѣрена „честь Россіи въ далекой Манчжуріи, и чѣмъ они—къ своему собственному несчастію—жили, когда готовились умѣть умирать.

II.

Какъ мы уже упоминали, выборомъ центральнаго лица для своего „Поединка“ г. Купринъ одновременно и упростилъ, и усложнилъ свою художественную задачу. Если бы авторъ „Поединка“ живымъ масштабомъ для изображаемой среды выбралъ сколько-нибудь крупнаго человѣка, такъ же случайно оказавшагося въ обществѣ офицеровъ N-скаго полка, какъ оказался, напр., Назанскій,—онъ могъ, конечно, создать желательное для художника чувство контраста, но этотъ контрастъ не былъ бы достаточно убѣдителенъ: между крупнымъ и рядовымъ всегда и при всякихъ условіяхъ есть существенная разница. Но взявъ „героемъ“ самаго маленькаго человѣка, съ самыми маленькими запросами, бѣгающаго, какъ всѣ, на вокзалъ искать жизненныхъ красокъ, завидующаго пассажирамъ курьерскаго поѣзда, которые ему кажутся представителями „какого-то недоступнаго, изысканнаго, великолѣпнаго міра, гдѣ жизнь—вѣчный праздникъ и торжество“; сдѣлавъ центральнымъ лицомъ въ разсказѣ этого маленькаго человѣка, отличающагося отъ другихъ только тѣмъ, что въ немъ „что-то есть“, есть какой-то внутренній свѣтъ,—и тѣмъ не менѣе создать яркое чувство контраста между нимъ и окружающей средой, значитъ, конечно, поставить свою задачу въ наиболѣе выгодныя, хотя и не легкія, условія... Но, съ другой стороны, избравъ этимъ центральнымъ лицомъ человѣка въ

періодъ становленія, если воспользоваться этимъ неуклюжимъ образчикомъ философской терминологіи, художникъ, естественно, затруднилъ свою художественную задачу.—Все равно фонъ въ „Поединкѣ“ давитъ собой все остальное: психологическая проблема, которую одновременно хотѣлъ дать въ своемъ „Поединкѣ“ г. Купринъ, все равно ступшевывается, и волей-неволей на первый планъ выдвигается рядъ жанровыхъ картинъ, крупнаго литературнаго значенія которыхъ самъ авторъ, естественно, не пожелалъ обезцѣнить. Его герой, смѣшно мечтающій о себѣ въ третьемъ лицѣ фразами, понадерганными изъ мелкосортныхъ французскихъ романовъ, по цѣлымъ часамъ занятъ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между „я“ и „не-я“. Но для психологической проблемы, имѣющей цѣлью изображеніе человека *im Werden*, этого не достаточно: Ромашовъ все-таки остается только подробностью общей жанровой картины,—а для мимолетнаго эпизода („гордые, важныя мысли“ о томъ, что весь міръ—это собственное „я“ мечтателя, предшествуютъ „разносу“ его со стороны Шульговича) это слишкомъ подробно и нѣсколько утомительно.—То же самое приходится сказать и о другой психологической задачѣ, которую поставилъ себѣ авторъ „Поединка“,—дать анализъ чувства любви, оставаясь на почвѣ жизненныхъ фактовъ, не приукрашенныхъ никакими иллюзіями, т. е. на почвѣ чисто сексуальнаго влеченія.

Единственный плюсъ, который оказался въ жизни смѣшного мечтателя (къ слову замѣтить, его неизмѣнныя цитаты о себѣ изъ романовъ слишкомъ преслѣдуютъ вниманіе читателя), это—короткая ласка со стороны чужой жены, одаренной, но „странной“ и „непонятной“ женщины, со страстной энергіей выбивающейся изъ берлоги N—скаго полка... Этотъ мимолетный просвѣтъ въ жизни Ромашова, приводящій его въ финалъ къ „поединку“ и смерти, даетъ случай автору „Поединка“ подвергнуть анализу чувство любви, въ которомъ то, что обыкновенно подразумевается молча, выдвинуто сознательно на первый планъ, какъ нѣчто непостыдное и потому подлежащее тайнѣ въ художественномъ произведеніи... Мы думаемъ, однако, что авторъ, оставаясь вполнѣ правымъ съ философской точки зрѣнія, не правъ съ чисто художественной точки зрѣнія. Его герой и женщина, которую онъ любитъ, называютъ свое короткое счастье „сказкой“:

— Это сказка! —прошепталъ онъ тихо, однимъ движеніемъ рта.

Да, милый, сказка...

Но вѣдь у сказки, какъ согласится, конечно, авторъ „Поединка“, есть свой стиль и свои художественныя формы. Нельзя написать сказку, пользуясь языкомъ ученой статьи или учебника по физиологіи. А авторъ „Поединка“ именно это и пробуетъ сдѣлать: рассказать сказку безъ сказочныхъ элементовъ. Въ ре-

зультатъ у читателя остается впечатлѣніе психологической не-совѣстимости; возможно что-нибудь изъ двухъ: или при наличности „сказки“—тотъ разговоръ немыслимъ, который ведутъ Ромашовъ и Шурочка, возмущающаяся тѣмъ, что мужъ ей задаетъ „мерзкіе“ вопросы, или же „сказка“ невозможна при наличности такихъ разговоровъ съ точками надъ соотвѣтствующими і... Создается впечатлѣніе искусственного, надуманнаго и въ то же время лишеннаго красоты обычной „сказки“...

Мы думаемъ, что задача психологическаго пересмотра рѣшеній вопроса о любви сложнѣе, чѣмъ это показалось автору „Поединка“... Но объ этомъ въ другой разъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ деталямъ, отмѣтимъ то, что мѣшаетъ читателю „Поединка“.—чувство холодка, съ которымъ авторъ рассказываетъ тяжелыя вещи. Самого автора въ этихъ случаяхъ не чувствуется. Конечно, нельзя спорить противъ общей манеры писателя, нельзя требовать отъ него излюбленной читателемъ манеры, но можно, несомнѣнно, желать, чтобы принятая манера была цѣльно-выдержанной. Нельзя сказать, напримѣръ, что авторъ „Поединка“ никогда не выдвигается въ рассказѣ, какъ авторъ, со своей личной оцѣнкой того, о чемъ онъ говоритъ. Онъ, напримѣръ, называетъ обстановку комнаты Ромашова „пошлой“. Это, конечно, не объективный терминъ описанія. Но если художникъ выдвигается въ мелочахъ, то нѣтъ причинъ ему не выдвигаться въ крупномъ и важномъ, а если онъ все-таки не выдвигается, то это не можетъ не производить впечатлѣнія извѣстнаго равнодушія къ затронутой темѣ... Нужно, конечно, думать, что эти субъективные характеристики въ мелочахъ—результатъ простого корректурнаго недосмотра, совершенно такъ же, какъ и противорѣчія въ деталяхъ, временами встрѣчающіяся въ повѣсти г. Куприна,—въ родѣ того, напр., что полковой адъютантъ именуется то поручикомъ Федоровскимъ, то штабсъ-капитаномъ Федоровскимъ; мѣсто дѣйствія въ повѣсти называется то городомъ, то мѣстечкомъ и проч.

Чтобы покончить со всѣмъ, что мѣшаетъ читателю яркой повѣсти г. Куприна, отмѣтимъ недостаточную реальность и противорѣчивость самому себѣ—Назанскаго, представляющаго новый вариантъ на тему „Чернаго монаха“ Чехова и въ изображеніи г. Куприна восклицающаго: „О радость! о божественная красота жизни!“—хотя онъ *пьетъ* именно для того, чтобы утопить сознание отвратительной дѣйствительности, которая его окружаетъ. При такихъ условіяхъ возможно *открыть*, что жизнь *можетъ* быть прекрасной, но „благодарнаго восторга“ передъ „прекрасной“ жизнью почувствовать нельзя,—безъ внутренняго противорѣчія.

Еще существеннѣе неясность въ обрисовкѣ Шурочки... Когда повѣсть неожиданно заканчивается смертью Ромашова на поединкѣ, который долженъ былъ быть простой симуляціей дуэли,

долженъ былъ быть простымъ обмѣномъ выстрѣловъ на воздухъ, — читателя останавливаетъ вопросъ: кто же инсценировалъ это убійство?.. Такъ какъ люди, благожелательно настроенные относительно „странной“ и „непонятной“ Шурочки, характеризуютъ ее, какъ женщину, которая „никогда и никого не любила, кромѣ себя“ (Названскій), и такъ какъ это она предложила вмѣсто дуэли оимунляцію, не допуская никакихъ разъясняющихъ вопросовъ со стороны Ромашова („Вы непременно должны завтра стрѣляться. Но ни одинъ изъ васъ не будетъ раненъ... Нѣтъ, не спрашивай о мужѣ, онъ знаетъ. Я все, все, все сдѣлала“), то у читателя невольно складывается предположеніе, что она и является истиннымъ виновникомъ всего, что произошло. Это кажется даже наиболѣе вѣроятнымъ... Но, съ другой стороны, г. Купринъ даетъ такія указанія, которые, повидимому, совершенно исключаютъ возможность этого предположенія... Конечно, возможно объяснить подробности послѣдней сцены свиданія между Шурочкой и Ромашовымъ тѣмъ, что въ душѣ Шурочки все время жила и живетъ искательница приключеній. Это возможно... Но какъ тогда объяснить, что она не была такой искательницей приключеній и остроты адюльтерныхъ отношеній раньше—въ періодъ того, что она называла „сказкой“? Какъ объяснить, что она, больше всего страшась полуголодной доли матери—въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она живетъ—перестаетъ ея бояться въ тотъ моментъ, когда приходитъ обмануть Ромашова и подставить его подъ пулю своего недалекаго мужа?.. Допустить и эту возможность, значитъ, конечно, допустить, что героиня г. Куприна—настоящій геній зла, если говорить языкомъ романовъ, которыми такъ пропитанъ герой „Поединка“. Но Шурочка, конечно, не „геній зла“, а потому намъ кажется несомнѣннымъ, что со стороны художника требуются какія-то дополнительные подробности въ обрисовкѣ второго главнаго лица повѣсти...

Переходя къ цѣннымъ деталямъ „Поединка“, отмѣтимъ, что повѣсть изобилуетъ интересными замѣчаніями относительно мелочей душевной жизни персонажей „Поединка“; напомнимъ, напримѣръ, розыскъ въ своей душѣ, что именно — забытое—создало то чувство тревоги, которое цѣлый день не покидаетъ Ромашова (онъ успокоивается только тогда, когда убѣждается, что это въ немъ недостаточное чувство отъ неясно-тревожной фразы въ письмѣ, которое онъ получилъ), или хотя бы замѣчаніе о „смѣшномъ, мелкомъ уваженіи“, которое чувствуетъ Ромашовъ къ полковому адъютанту, умѣющему съ достоинствомъ пить водку у полкового командира (Ромашовъ знаетъ, что съ его стороны это—„смѣшное и мелкое“ уваженіе, но все-таки чувствуетъ его и чувствуетъ даже „зависть“ къ тому, кто могъ его внушить)...

Само собой разумѣется, что отмѣченные выше недостатки въ обрисовкѣ героевъ, какъ уже было замѣчено, не мѣшаютъ „По-

единку“ быть одной изъ самыхъ значительныхъ вещей въ текущей художественной литературѣ.

III.

У г. Гусева-Оренбургскаго русская современность получаетъ освѣщеніе съ другой стороны. Передъ читателемъ „Страны отцовъ“ : провинціальное духовенство въ его отношеніяхъ къ родной „странѣ отцовъ“ или, точнѣе, къ „странѣ дѣтей“, угрожающей придти на смѣну „странѣ отцовъ“.

Нельзя больше плыть по теченію со всѣми. Нельзя! больше жить съ людьми, которые кощунственно чменуютъ себя „полипейскими Бога вышняго“; нельзя больше повторять: „воздайте Божіе Богови, а кесарево—кесарю“ и не знать, не задумываться самому: гдѣ же грань, раздѣляющая то, что принадлежитъ въ душѣ „Богови“, отъ того что, согласно толкованій епархіальнаго начальства и авторовъ всевозможныхъ „обязательныхъ постановлений“, принадлежитъ „кесарю“, т. е. отчасти „принадлежитъ“ мѣстному становому, отчасти Широкозатову? Плыть по теченію, хотя и противъ голоса священнической совѣсти, было мыслимо, пока молчали сами пасомые. Жизнь никогда не отвѣчала голосу священнической совѣсти, но она всетаки допускала возможность плыть по теченію, пока молчали тѣ, кто могъ и долженъ былъ требовать отъ священника, чтобы онъ не произносилъ имени Бога „всуе“. Въ изображеніи г. Гусева-Оренбургскаго, это заслуга черныхъ сотенъ Широкозатовыхъ: это они сдѣлали невозможной дальнѣйшую безропотность людей, обнявшихъ даже въ благословенномъ Житницкомъ уѣздѣ Старомірской губерніи „Страны отцовъ“: „Эти черныя сотни вышли на широкую арену безсознательнаго творчества исторіи и общими силами взялись за ея гигантское колесо, не подозревая, что колесо это вертится только въ одну сторону: къ ихъ фатальной гибели. Экономическая драма, въ которой они играли свою жестокую роль, разросталась въ драму социальную, въ великую драму пробуждающагося среди крови и слезъ сознания вѣками угнетаемой личности“...

Въ массѣ проснулось сознаніе своихъ правъ и своей обиды, и о. Иванъ, главное дѣйствующее лицо въ „Странѣ отцовъ“—священникъ съ чуткой совѣстью, приглушенной былой безмолвностью паствы, внезапно чувствуетъ, что и отъ него требуется опредѣленный отвѣтъ: на чьей онъ сторонѣ, на сторонѣ Широкозатовыхъ и „полипейскихъ Бога вышняго“ или на сторонѣ строгихъ и строгихъ ими? — Обстоятельства личной жизни о. Ивана особенно благопріятствуютъ освободительному процессу въ его душѣ. Ничто не тянетъ его внизъ продолжать жить по-старому, вопреки рѣшенію по совѣсти, и онъ въ нѣсколько дней

приходить къ рѣшительному выводу: снять рясу и „служить свободному Богу“ въ качествѣ „свободнаго человека“—священника безъ рясы.

Вотъ основа интересной по замыслу повѣсти г. Гусева-Оренбургскаго... Къ сожалѣнію, она слишкомъ теряетъ отъ конструктивныхъ погрѣшностей, допущенныхъ авторомъ не только въ мелочахъ, но и въ основномъ настроеніи повѣсти... Мы остановимся только на этихъ важнѣйшихъ погрѣшностяхъ и потому только мимоходомъ отмѣтимъ, что языкъ въ „Странѣ отцовъ“ портится преувеличенными выраженіями въ родѣ: „вулкановъ гнѣва“ и „скаль, покрытыхъ пометомъ исторіи“, а характеристики дѣйствующихъ лицъ (одновременно и схематичныя, и гиперболическія) такими подробностями, которыя уместны только въ области карикатуры и шаржа (напр., одинъ изъ вводныхъ персонажей въ „Странѣ отцовъ“—человѣкъ, которому превосходительный земскій начальникъ, разсмѣявшись по поводу сальнаго анекдота, обрывгалъ слюною лицо, — въ изображеніи г. Гусева-Оренбургскаго, „незамѣтно отошелъ въ сторону и тамъ не безъ почтительности отеръ свое лицо, послѣ чего посмотрѣлъ на платокъ съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ поцѣловать его“); также мимоходомъ отмѣтимъ, что въ „Странѣ отцовъ“ передъ читателемъ обыкновенно два лица: художникъ, едва намѣчающій контуры дѣйствующихъ лицъ и положеній, и публицистъ, подсказывающій читателю тѣ выводы, которые онъ *долженъ* сдѣлать изъ прочитаннаго (напр., послѣ одной массовой сцены, гдѣ фигурируютъ забастовщики-рабочіе, автору оказывается необходимой слѣдующая ремарка: „Они пошли, и что-то особенное, *не стадное* было въ ихъ походкѣ“... — авторъ точно боится, что онъ не сумѣлъ обезпечить себѣ такой выводъ, какъ художникъ-изобразитель)... Но все это, сравнительно, мелочи. Гораздо существеннѣе конструктивныя погрѣшности, допущенныя г. Гусевымъ-Оренбургскимъ въ общемъ развитіи своей повѣсти... Не смотря на то, что повѣсть г. Гусева-Оренбургскаго проникнута подкупающимъ чувствомъ живѣйшей радости самого рассказчика по поводу того, что онъ видѣлъ и о чемъ онъ рассказываетъ, это всетаки не создаетъ „заражающей“ атмосферы и не объединяетъ автора и читателя общимъ или аналогичнымъ настроеніемъ по поводу основной темы разсказа... Правъ или не правъ—*фактически* — рассказчикъ, когда онъ заставляетъ одно изъ вводныхъ лицъ утверждать, что текущая жизнь готовитъ „побѣду новаго міра надъ старымъ“, правъ онъ или не правъ *фактически*, заставляя главное дѣйствующее лицо придти къ выводу, что „жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль“,—онъ не правъ, какъ художникъ-изобразитель. *Не могъ* о. Иванъ, который до момента разсказа въ изображеніи г. Гусева-Оренбургскаго жилъ обычной деревенской жизнью, далекій отъ какого бы то ни

было подозрѣнія о назрѣвающей эволюціи въ жизненныхъ отношеніяхъ (и въ частности, *въ деревнѣ*); жилъ простецкой жизнью— „какъ всѣ живутъ“—деревенскаго священника и дѣловитаго хозяина, которому не чужды типичные признаки хозяйственной дѣловитости, вплоть до спанаванія мужиковъ-прихожанъ водкою (чтобы получить въ свои руки „лучшую по округѣ“ „землицу“, какъ онъ самъ о себѣ простоудушно рассказываетъ: „...Мои дуга начались... смотри! Хороши?... Землица-то это не даромъ мнѣ досталась! По округѣ лучшая! *Три года воевалъ! Сколько водки спилъ!*...“); не могъ этотъ „трезво“ настроенный и практичный человекъ, *въ нѣсколько дней*—въ три дня—убѣдиться, что „*всѣ* вокругъ... ищутъ рая правды, рая справедливости, страстно борятся за свой идеалъ“, и, стало быть, не могъ произносить, какъ онъ дѣлаетъ это въ „Странѣ отцовъ“, своихъ горячихъ рѣчей о томъ, что „жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль“... Съ художественной точки зрѣнія это перерожденіе о. Ивана слишкомъ неожиданно: оно не имѣетъ за собой достаточныхъ причинъ ни во внутренней, ни во внѣшней жизни о. Ивана, а потому всѣ его пылкія рѣчи граничатъ съ чѣмъ-то въ родѣ психологическаго чуда, съ чѣмъ-то въ родѣ наитія на него общаго настроенія „Страны отцовъ“.

Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ мало вѣроятна общность въ настроеніи читателя и автора, и то, что при другихъ условіяхъ могло создать ее (любовное отношеніе художника къ тому, что онъ изображаетъ), при данныхъ условіяхъ совершенно аннулируется недостаточно вѣроятною стремительностью въ развитіи основныхъ событій повѣсти. Во всей „Странѣ отцовъ“ спокойно написана только великолѣпная туча, разражающаяся бурей надъ рѣкой, черезъ которую на паромѣ переплываетъ главный герой повѣсти (описанія природы вообще удачны въ „Странѣ отцовъ“). Все остальное—портреты и массовыя картины—опредѣляется не рѣдкимъ въ повѣсти словомъ: „метнулся“: „метнулся“—говорится о паромщикѣ, который устанавливаетъ на паромѣ тарантасъ о. Ивана, „взметнулся“—говорится объ „языкѣ пламени“, когда идетъ рѣчь о пожарѣ, „метнулась“—говорится о главной героинѣ повѣсти. Такъ же точно „метнулся“ въ повѣсти и о. Иванъ, „метнулся“ изъ одного міроотношенія въ другое.

Какъ невыгодно отражается это на интересной темѣ, затрогнутой авторомъ, становится очевидно при первой же попыткѣ вспомнить содержаніе повѣсти и сжать его въ короткую хроніку событій... Въ этомъ случаѣ стремительность событій уже не скрадывается объемомъ повѣсти, и потому получается приблизительно слѣдующее... Къ о. Ивану, деревенскому священнику, который пока живетъ, „какъ всѣ живутъ“, „радуется своему хозяйству“ и своимъ полямъ, огорчаясь только, когда мужики производятъ у него потравы (на „лучшей по округѣ емлицѣ“), — къ этому простецу-священнику прѣзжаетъ другой

деревенскій священникъ—о. Матвѣй, у котораго бѣда случилась: жена „сбѣжала“, не будучи въ состояніи выносить дольше жизнь „въ подземельи“, какъ фигурально выражается она въ оставленномъ мужу письмѣ. Помимо того, что этотъ разрывъ представляется о. Ивану „соблазномъ“, неудобнымъ для „матушки“, о. Иванъ думаетъ, что „съ такими идеями“—не проживешь, и потому соглашается на просьбу прѣхавшаго—поѣхать съ нимъ въ губернскій городъ, разыскать бѣглицу и уговорить вернуться къ мужу привлекательную и умную женщину, которая давно ненавидитъ мужа-священника, не брезгающаго, когда нужно, доносомъ (этихъ подробностей о. Иванъ почему-то не знаетъ до разговора съ о. Матвѣемъ), и любитъ о. Ивана (объ этомъ о. Иванъ тоже почему-то не догадывается, хотя находится въ давнихъ отношеніяхъ къ о. Матвѣю и его женѣ и въ глубинѣ души самъ неравнодушенъ къ „Павлинкѣ“)...

Случилось, однако, не то, что предполагалось ради избѣжанія „соблазна“. Разыскавъ въ губернскомъ городѣ бѣглицу и, придя убѣдить ее, о. Иванъ попадаетъ, такъ же, какъ и сама бѣглица, въ какой-то водоворотъ жизни, точно специально для нихъ на эти три дня приготовленный. Прежде всего о. Иванъ встрѣчаетъ дочь перваго мѣстнаго богача и кровопійцы—Широкозадова, которая съ первыхъ же словъ говоритъ, что „не любитъ священниковъ“, такъ какъ „они служатъ злу“, и затѣмъ указываетъ на новое теченіе, которымъ охвачены всѣ люди. Какъ бы въ подтвержденіе ея словъ, являются на дворѣ рабочіе, у которыхъ въ это время стачка и которые пришли съ просьбой о посредничествѣ къ отцу Павлинки. Послѣ этого дочь Широкозадова, которая уже назвала себя демократкой, ведетъ о. Ивана и Павлинку на конспиративное собраніе, гдѣ говорятся горячія рѣчи. Предварительно, однако, они случайно попали на демонстрацію, гдѣ о. Иванъ, прочтя одну надпись на знамени, „испуганно вздохнулъ“. Возвращаясь изъ собранія, о. Иванъ признается, что онъ въ первый разъ началъ думать... Затѣмъ оба священника и Павлинка ѣдутъ домой... По дорогѣ, когда они были на паромѣ, поднялась буря, оторвался канатъ. Всѣмъ угрожала неминуемая гибель, но о. Иванъ бросился въ рѣку, выплылъ съ канатомъ на берегъ и спасъ всѣхъ (настолько, въ изображеніи г. Гусева-Оренбургскаго, не чувствуя въ этомъ никакого подвига, что, когда впослѣдствіи его поступокъ на самомъ дѣлѣ называли подвигомъ, то онъ „удивленно взглянулъ“ на говорившаго: „То-мутъ развѣ было? *Вѣдь у меня на паромѣ свои кони стояли*“).

Такъ какъ послѣ случившагося необходимо было обсушиться, то путники по дорогѣ свертываютъ къ благочинному. Здѣсь они застаютъ сборище гостей и споръ, во время котораго сынъ благочиннаго, студентъ, отчитываетъ духовныхъ, а Павлинка, которую жена благочиннаго пробуетъ оскорбить, душивъ ее

ей адресу такую выходку, что гости „фыркнули и чуть не попадали со стульев“,—особенно резко почувствовалъ отвращеніе ко всѣмъ окружающимъ, отзывается въ сторону (въ чуланъ) о. Ивана, называетъ его героемъ, цѣлуетъ и проситъ сбросить съ себя духовный санъ... На слѣдующее утро происходитъ крестьянскій бунтъ... Подъ натискомъ случившагося о. Иванъ резко чувствуетъ свою священническую неправоту передъ жизнью, и, когда одинъ дьяконъ, котораго онъ обозвалъ „шпіономъ“, говоритъ о. Ивану, что священнику не подобаетъ такъ браниться, о. Иванъ истерически кричитъ: „Не священникъ я“! А потомъ произноситъ пламенную рѣчь, въ которой онъ, преображенный и просвѣтленный, говоритъ, что „жизнь уходитъ отъ насъ въ оіяющую даль... а мы (духовенство) стоимъ на мѣстѣ, окаменѣлые, черною стѣною... сами не идемъ и мѣшаемъ идти другимъ“... „Мы все безумцы! Живемъ бессознательно, — мыслимъ навязанными мыслями... мыслями рабовъ“... „Я хочу быть свободнымъ человекомъ, служить свободному Богу“... И т. д., и т. д.

Не ясно ли, что это какое-то чудо просвѣтлѣнія, какой-то стремительный потокъ событий, непонятно вытекающій изъ внутренняго ничего и потому нуждающійся въ ремаркахъ въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются въ драматическихъ произведеніяхъ: между такимъ-то и такимъ-то явленіями проходитъ столько-то времени, хотя они и слѣдуютъ передъ глазами зрителя одно непосредственно послѣ другого? Не ясно ли (къ сожалѣнію), что это—не законченная выполненіемъ вещь, а только эскизъ для интересной и значительной вещи, какую могло бы сдѣлать цѣнной авторское знаніе среды, въ которомъ не можетъ сомнѣваться читатель, и то любовное (вѣрнѣе, страстное) отношеніе автора къ поставленной себѣ литературной задачѣ, которое ясно было бы читателю и безъ принятаго авторомъ эпиграфа изъ Ничше: „Изгнанныками должны вы быть изъ страны отцовъ вашихъ. Страну дѣтей вашихъ должны вы любить“.

IV.

Въ драматическихъ произведеніяхъ гг. Найденова („Авдотьиная жизнь“) и Чирикова („Иванъ Миновичъ“) передъ читателемъ снова „страна отцовъ“.—Въ „Авдотьиной жизни“ г. Найденова передъ читателемъ среда русской буржуазіи, если взять на душу грѣхъ примѣненія этого термина къ Широкозадовымъ г. Гусева-Оренбургскаго и Хвостовымъ г. Найденова. Отцы гордятся тѣмъ, что губернаторы привѣтствуютъ ихъ словами: „Жму вашу благородную руку“, и „по-старинкѣ“ исповѣдуютъ, что другого средства обезпечить въ семьѣ порядокъ, кромѣ какъ „взять коосу,

намотать на руку"... „а то и въ харю раза два,“ — нѣтъ. А „дѣти“ чего-то хотятъ, чѣмъ-то мучатся; тѣ, что хотятъ чего-то и чѣмъ-то мучатся, ведутъ грубую войну съ тѣми, кто безропотно покорился сполна, а послѣдніе, въ свою очередь, мучатся отъ этой войны, не умѣя уже, какъ „отцы,“ водворить кулакомъ если не миръ, то безмолвіе вокругъ себя. Но для непримирившихся или не оказывается мѣста въ окружающей ихъ жизни (въ пьесѣ она символизируется „рвомъ съ непросыхающей зловонною водой, который проходитъ подъ самыми окнами и о зловонности котораго въ газеткахъ десять лѣтъ пишутъ“), или они не пригодны для своей роли непримиримыхъ (этого авторъ не одѣлалъ яснымъ)—во всякомъ случаѣ и „отцы“, и „дѣти“, и „непримирившіеся“, и „примиренные“ въ пьесѣ кончаютъ однимъ и тѣмъ же: въ 10 часовъ вечера ѣдутъ компаніей въ баню, въ излюбленные два номера, заказанные „по телефону“ любителемъ этого развлечения—главой дома, у котораго губернаторъ пожималъ благородную руку. На этомъ и кончается личная драма героини г. Найденова: дальше, очевидно, „Авдотьяна жизнь“ пойдетъ безъ осложненій и конфуза для семьи.

Въ пьесѣ г. Чирикова передъ читателемъ—Иванъ Мироничъ, педагогъ русскаго захолустья или, вѣрнѣе, заслуженный спеціалистъ по изготовленію „примиренныхъ“ съ жизнью людей: примиренныхъ со всѣмъ, что бы ни дѣлали съ ними, — примиренныхъ со всѣмъ, что бы ни дѣлалось съ ними. — О знаменитомъ Муравьевѣ (Виленскомъ) рассказывали, что во всякомъ дѣлѣ его прежде всего занималъ вопросъ: съ кого онъ будетъ взыскивать за упущеніе? Все прочее въ глазахъ Муравьева должно было само собой приложиться... Въ этомъ глубоко убѣжденъ и Иванъ Мироничъ. Не допустить, чтобы какое-нибудь уклоненіе отъ предписаннаго прошло безъ возмездія, значить, въ его глазахъ, упорядочить жизнь и приготовить счастливыхъ людей, насколько это возможно въ юдоли плача и скорби. И онъ со спокойной совѣстью можетъ подвергнуть суровой карѣ „вѣреннаго“ ему юнца, — неизвѣстно: по близорукости или умышленно — не отдавашаго ему, инспектору, должный поклонъ. Для Ивана Миронича, какъ это удостовѣряетъ его „мамаша“ (самое удачное лицо въ „Иванѣ Мироничѣ“), это не существенный вопросъ—вопросъ о наличности „злой воли“ въ томъ, что совершилось. Инспекторъ не получилъ того, что долженъ былъ получить, и, слѣдовательно, кара должна быть наложена, чтобы устранить въ корнѣ соблазнъ не снять шапку передъ тѣмъ, передъ кѣмъ ее снять должно. Пусть это окажется несправедливымъ относительно предполагаемаго виновника — въ данномъ случаѣ. И это не бѣда въ глазахъ Ивана Миронича: въ жизни его воспитанники встрѣтятъ много несправедливостей, противъ которыхъ они окажутся безсильными не менѣе, чѣмъ сейчасъ относительно Ивана

Мируныча, и къ этому имъ нужно уметь привыкнуть съ самаго начала „во избѣжаніе тяжелыхъ разочарованій“ въ будущемъ... И потому Иванъ Мирунычъ можетъ жить и на самомъ дѣлѣ живетъ съ спокойной душою человѣка, который правъ и который совсѣмъ не воля по природѣ. Онъ искренно не понимаетъ, вмѣстѣ со своей „мамашей“, какой-токой „новой“ жизни хотѣть и требуютъ его вторая жена и взрослая дочь отъ перваго брака, когда иной жизни, чѣмъ та, которою живетъ онъ, нѣтъ и быть не можетъ...

Въ пьесѣ г. Чирикова нѣтъ собственно драматическаго движенія. Его „Иванъ Мирунычъ“ только прологъ къ драмѣ, которая не сегодня—завтра разыграется въ домѣ Ивана Мируныча. *Наступное* будетъ, — въ этомъ впечатлѣніи существенное отличіе „Ивана Мируныча“ отъ „Авдотьиной жизни“ г. Найденова. Пока въ домѣ Ивана Мируныча все такъ же оскорбительно, какъ и на берегу „рва съ непросыхающей зловонною водою“ въ „Авдотьиной жизни“. Но это не безпросвѣтно, какъ у г. Найденова. Въ изображеніи г. Чирикова все только „пока“ и за прологомъ не можетъ не придти настоящая драма,—къ счастью для однихъ и къ вѣщему недоумѣнію для другихъ.

Авторъ „Ивана Мируныча“, какъ всегда, не бичуетъ (это не его жанръ),—онъ только осмѣиваетъ. Въ этомъ и слабая, и сильная сторона г. Чирикова, какъ художника... Когда г. Чириковъ жестоко осмѣиваетъ и человѣка, и систему, создающую уродовъ въ родѣ Ивана Мируныча, у читателя всегда остается чувство, что все это не неизбѣжно, что это—не корень вещей, а какая-то, пожалуй, хрупкая скорлупа. „Страшно“ за человѣка не становится.—Рясуя самыя неприглядныя стороны жизни, г. Чириковъ явно остается оптимистомъ, и его обыденщина не гнететъ непосредственное чувство зрителя-читателя, какъ это бывало съ обыденщиной Чехова, принимавшей въ глазахъ художника мрачный характеръ полу-стихійнаго явленія...

Недостатки „Ивана Мируныча“ тѣ же, что и всегда у г. Чирикова—наклонность къ преувеличенію и шаржу и въ комическихъ персонажахъ и положеніяхъ, и въ драматическихъ (вдо-вѣцъ-учитель въ „Иванѣ Мирунычѣ“). Авторъ „Ивана Мируныча“, если воспользоваться терминомъ актеровъ,—слишкомъ часто „переигрываетъ“, не умѣя заставить себя остановиться во время при разработкѣ деталей. Это, конечно, и портитъ впечатлѣніе, и мѣшаетъ, если такъ можно выразиться, серьезному отношенію къ произведенію со стороны читателя-зрителя.

V.

Среди участниковъ въ 4—6 книгахъ „Сборника“, отразившихъ— въ изображеніяхъ разной художественной цѣнности—почти всю современную Россію (М. Горькій далъ тюрьму—„національно-самобытную“ тюрьму; г. Купринъ—захолустную военную среду; г. Гусевъ—Оренбургскій — русское духовенство; г. Найденовъ—россійское купечество; г. Чириковъ—россійскихъ педагоговъ, изготовляющихъ во всѣхъ слояхъ—или долженствующихъ изготовлять— „истинно-русскихъ“ людей), — исключительное мѣсто занимаетъ г. Андреевъ. Его тема далека отъ острыхъ вопросовъ современной русской жизни; его литературная задача—чисто психологическаго значенія.

На нашъ взглядъ, задача, поставленная себѣ авторомъ „Вора“, поставлена не правильно, и потому она не понятна въ самой основѣ своей. „Значенія этого онъ не понять“. Этими словами заканчивается рассказъ г. Андреева, и этими словами въ концѣ концовъ формулируется существенное во впечатлѣніяхъ самого читателя „Вора“. Чувство не-яснаго не проходитъ даже при вторичномъ чтеніи рассказа. Для читателя по прежнему остается загадочнымъ, что именно произошло съ воромъ, о которомъ рассказывалъ г. Андреевъ. И думается, что это—вина не читателя...

Тургеневъ когда-то упрекалъ русскихъ писателей въ недостатокъ „выдумки“. Г. Андрееву въ этомъ отношеніи нельзя одѣлать упрекъ. Когда появился такой исключительный по темѣ и подробностямъ рассказъ, какъ „Въ туманѣ“, трудно было думать, что у писателя хватить мрачной фантазіи на что-нибудь новое— столь же необычное и столь же поражающее. Но у г. Андреева мрачной фантазіи оказалось достаточно: онъ вышелъ побѣдителемъ: послѣ „Въ туманѣ“ далъ не менѣе экстраординарную и мрачную „Жизнь Василя Оивейскаго“, переполненную всякими несчастіями, какія только можно было свалить на голову несчастнаго Василя Оивейскаго. Установился какой-то своеобразный литературный рекордъ на исключительные сюжеты и необычныя подробности: за „Жизнью Василя Оивейскаго“ послѣдовали „Призраки“, блѣдно, но своеобразно толкуюшіе жизнь — такимъ образомъ, что никакъ нельзя разобрать, кто собственно сумасшедшіе: тѣ, кого лѣчатъ въ качествѣ больныхъ душой, или тѣ, кто въ качествѣ здоровыхъ призваны лѣчить больныхъ. За „Призраками“ явился „Красный Смѣхъ“, въ которомъ главное событіе, перевернувшее русскую жизнь, разсматривалось, мѣстами съ потрясающей силой, сквозь призму двойного умопомѣшательства: помѣшательства того, кто рассказывалъ о войнѣ, и помѣшательства того, кто записалъ этотъ рассказъ... Теперь передъ

читателемъ „Сборника“ — психологія профессиональнаго вора, который — неудачно — хочетъ, чтобы его всё считали честнымъ нѣмецъ-бухгалтеромъ Генрихомъ Вальтеромъ.

Облюбовавъ область исключительнаго и необычнаго, г. Андреевъ вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ своимъ послѣднимъ произведеніямъ намѣренную недосказанность и отрывочность въ изложеніи. Читателю оставлена широкая область для его собственныхъ дополняющихъ догадокъ. Это, конечно, право художника. Но такъ же точно не подлежитъ сомнѣнію, что для возможности овладѣть психологической задачей, которую поставилъ себѣ художникъ, необходимо, чтобы читателю было оставлено—по обычному выраженію — „широкое поле“ для догадокъ, а не лѣсная заросль, какъ у г. Андреева, — въ родѣ кавказскихъ зарослей, черезъ которую не проберешься безъ топора... Вѣдь и въ „Красномъ Смѣхѣ“ самые внимательные читатели, читая, не догадывались, кто собственно авторъ отрывковъ первой части: офицеръ, оплатившій „безуміемъ“ испытанный „ужасъ“, или его братъ?.. Въ такой же мѣрѣ затрудненія возникаютъ и при чтеніи смутно-сжатаго, недоговореннаго и противорѣчиваго „Вора“... Профессиональный воръ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ гости къ возлюбленной—преституткѣ (знакомая подробность). Онъ одѣтъ, „какъ порядочные люди“, пообѣдалъ въ буфетѣ 1-го класса и, приятно настроенный, чувствуетъ себя въ положеніи „порядочнаго человѣка“, котораго никакимъ образомъ нельзя не признать за порядочнаго человѣка. Чтобы ясно почувствовать это, онъ пробуетъ въ вагонѣ II класса завязать разговоръ съ сосѣдами, но къ кому бы онъ ни обращался, — къ этимъ ли сосѣдамъ, къ кондуктору ли, сопровождающему поѣздъ,—всѣ говорятъ съ нимъ, точно ихъ отталкиваетъ невидимое клеймо вора, принявшаго личину „порядочнаго человѣка“... Воръ г. Андреева теряетъ душевное равновѣсіе, начинаетъ бояться: ему начинаетъ казаться, что его ловятъ, согласно какой-то полученной телеграммѣ, и въ результатъ онъ въ паническомъ страхѣ бросается подъ встрѣчный поѣздъ... Г. Андрееву былъ сдѣланъ мимоходомъ упрекъ, что онъ тратитъ свой крупный талантъ на психологію какого-то вора. Это, конечно, несправедливо, и человѣкъ, не одобряемый „Уложеніемъ о наказаніяхъ“, совершенно такая же законная тема для психологической проблемы, какъ и всякая другая. Но проблема должна быть ясна. Должно быть понятнымъ, что именно произошло... Что создало страхъ и что превратило этотъ страхъ въ ужасъ, заставившій человѣка броситься подъ поѣздъ? Клеймо вора? Но въ чемъ же оно заключалось для „вора“ г. Андреева? Если это клеймо въ его собственномъ воображеніи, то почему онъ не чувствовалъ этого клейма въ буфетѣ 1-го класса, сидя среди тѣхъ же пассажировъ, и почему могъ радостно ожидать, что вотъ сейчасъ онъ поѣдетъ въ вагонѣ II класса и всё будетъ.

принимать его за „Генриха Вальтера“?—Если это клеймо не въ его сознаниі, а въ его обиходѣ, въ его навязчивости,—является другой вопросъ: впервые оказался „воръ“ въ такомъ положеніи челоѵка съ клеймомъ или онъ всегда былъ въ этомъ положеніи? Если впервые, то почему же всё сразу, всё вдругъ—и дама, и офицеръ, и оберъ-кондукторъ, и кондукторъ, во время остановки—на законный вопросъ „вора“: почему поѣздъ слишкомъ долго стоитъ, отвѣчаютъ: оттого, что машинистъ пошелъ танцовать,—почему всё они точно сговорились травить „вора“? Если же это всегда было съ нимъ (хотя для вора, „работающаго“ въ чистой публикѣ, это невѣроятно), то почему же онъ такъ остро чувствуетъ этотъ эпизодъ въ день разсказа, — настолько остро, что бросается подъ встрѣчный поѣздъ?

Все это не только не ясно—что называется—само собой (какъ хотѣлъ бы читатель), но и не поддается никакой примирительной догадкѣ при попыткѣ читать „Вора“, штудирруя, т. е. оставаясь уже не на цѣломъ, а на содержаніи отдѣльных фразъ,—въ предположеніи, что эти отдѣльныя фразы могутъ дать необходимый психологическій ключъ къ разсказу. Отъ штудирования выигрываетъ въ яркости только выщепитированная конечная фраза: „Значенія этого (т. е. огня паровоза, приближавшагося къ вору, бросившемуся на рельсы) онъ не понялъ“, приобретаая, неожиданно для самого читателя, символическій характеръ и выпуклость, которой меньше всего, конечно, хотѣлъ авторъ.

А. Е. Рѣдько.

Очерки заводской жизни.

(Окончаніе.)

III.

Административный строй завода всегда представлялся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ громаднаго пресса, посредствомъ котораго изъ рабочихъ выжимаютъ необходимую для государства эссенцію.

Работа этимъ прессомъ поручена частнымъ лицамъ, при чемъ вознагражденіе производится „задѣльно“: „больше выжмете, больше и получите“! Станина и всё другія части пресса устроены возможно солидно и прочно, но тѣмъ не менѣе порою онъ не выдерживаютъ давленія. Выжимаемый матеріалъ попадаетъ разнаго сопротивленія и иной разъ бываетъ настолько крѣпокъ, что ломается даже самый прессъ, а чаще всего поршень пресса,—мастеръ, такъ

какъ на немъ сосредоточивается вся сила пресса и все сопротивление со стороны выжимаемыхъ.

Это сравненіе не точно только въ томъ отношеніи, что въ заводской жизни выжимаемый перѣдко самъ обращается въ выжимателя,—рабочій переходитъ на положеніе мастера. Какъ это дѣлается, я сейчасъ расскажу, но раньше сдѣлаю небольшое отступленіе.

За 10 лѣтъ жизни среди рабочихъ мнѣ лишь очень рѣдко приходилось встрѣчать такихъ рабочихъ, которые бы не мечтали перемѣнить свою профессію.

Исключеніе составляли только тѣ, кто былъ связанъ съ своей средой какой-нибудь высшей идеей, но ихъ было сравнительно немного. Всѣ же остальные дѣлѣли надежду рано или поздно, скопивши хоть немножко деньжонокъ, уйти съ завода и не быть связанными никакимъ начальствомъ, никакими гудками. Одни мечтали о собственномъ домишкѣ въ городѣ, другіе о деревнѣ, третьи о какой-нибудь торговлѣ. Эти мечты, конечно, рѣдко сбываются, и громадное большинство всю жизнь проводитъ въ заводской, оставаясь въ одномъ и томъ же званіи „рабочаго“. Но заводъ ничѣмъ ихъ къ себѣ не привязываетъ. Мало того. Они каждую минуту могутъ быть уволены и могутъ очутиться за воротами завода, на улицѣ. Неудивительно, что съ годами въ нихъ лишь усиливается желаніе ни отъ кого не зависѣть, ни въ комъ не нуждаться,—желаніе, вполне естественное и законное.

Если сравнить въ этомъ отношеніи служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ съ фабрично-заводскими рабочими, то между ними окажется довольно большая разница. На желѣзныхъ дорогахъ, хотя и не всѣмъ, но все же многимъ работникамъ дана возможность занять, съ теченіемъ времени, болѣе значительное служебное положеніе и получать повышенное жалованье. На заводѣ же самое большее, чего можетъ достигнуть рабочій, это—сдѣлаться бригадиромъ (или старшимъ), помощникомъ мастера или же, наконецъ, мастеромъ; впрочемъ, последнее требуетъ такой затраты силъ, энергіи и совѣсти, что простые рабочіе и не мечтаютъ объ этомъ.

Старшой въ партіи или бригадиръ встрѣчается только тамъ, гдѣ какія-нибудь однообразныя работы производятся партіями рабочихъ. Это тотъ же рабочій, получающій свое жалованье по-дневно или поштучно, но пользующійся львиной долей заработка, вырабатываемого его подручными. Во всемъ остальномъ старшой нисколько не отличается отъ простыхъ рабочихъ и держится съ ними совершенно наравнѣ. Занимать эту должность постоянно почти никому не приходится. Малѣйшее пренипрательство съ мастеромъ или несогласіе съ объявленной имъ цѣной влекутъ за собой смѣщеніе, и бывшій старшой обращается въ простого члена партіи.

Гораздо щекотливѣе положеніе помощника мастера. За все время работы онъ находится буквально между двухъ огней. Съ одной стороны, рабочіе, съ которыми онъ такъ еще недавно тянулъ одну и ту же лямку, предъявляютъ свои требованія на почвѣ солидарности, съ другой — мастеръ говоритъ о необходимости держаться съ рабочими построже и доносить ему обо всѣхъ нарушеніяхъ внутренняго безпорядка мастерской. Нужно много такта и умѣнья, чтобы не вызвать рѣзкихъ выходовъ съ обѣихъ сторонъ, и потому помощникъ мастера обыкновенно предпочитаетъ держаться неопредѣленно, „ни нашимъ, ни вашимъ“. Бываетъ и такъ, что, побывши въ этой должности нѣкоторое время, помощникъ мастера становится опять за тиски, не желая возбуждать противъ себя товарищей. Но это случается рѣдко. Чаще помощникъ мастера болѣе или менѣе благополучно обходитъ подводныя мины и скалы. Тогда, съ увольненіемъ или со смертью мастера, высшая администрація назначаетъ на эту должность бывшаго помощника. Но для простого рабочаго почти невозможно добиться однимъ своимъ трудомъ мѣста мастера. Безъ протекціи объ этомъ нечего и думать, а, чтобы пріобрѣсти ее, нужно частенько не считаться съ голосомъ совѣсти, на что, конечно, не всякій способенъ. Во всякомъ случаѣ вотъ наиболѣе испытанный способъ получить такую протекцію.

Положимъ, вы только что поступили на заводъ и рѣшили во что бы то ни стало выдвинуться. Первымъ долгомъ вы начинаете стараться работать. Съ мастеромъ вы не спорите, не ругаетесь, работаете за ту цѣну, которую онъ вамъ даетъ, прибавки не просите, прогуловъ не дѣлаете, а если явится необходимость пропустить одинъ рабочій день, то заявляете объ этомъ за 2, за 3 дня, а накануне ужъ берете увольнительную записку... Словомъ, вы дѣлаетесь образцовымъ работникомъ. Но это еще не все. На заводахъ есть много образцовыхъ работниковъ, которые всю жизнь и остаются ими. Главное еще впереди.

Изъ частныхъ источниковъ вы узнаете, что у мастера есть дочка на возрастѣ... Вотъ тутъ-то и требуется вся ваша ловкость, чтобы познакомиться съ нею. Черезъ извѣстный промежутокъ времени вы дѣлаете ей предложеніе и, если оно принимается, ваше дѣло въ шляпѣ.

Если у вашего мастера нѣтъ дочери, всетаки отчаяваться не слѣдуетъ. Присмотритесь и къ другимъ мастерамъ, быть можетъ, у кого и найдется, а мастера живутъ между собою дружно. Въ крайнемъ случаѣ женитесь на комъ угодно, но посажегымъ отцомъ пригласите своего мастера.

Еще лучше, если удастся стать замѣтнымъ въ глазахъ вышшаго начальства. Я знаю одного мастера, который, судучи рабочимъ, женился на горничной холостяка инженера и сейчасъ же получилъ должность мастера, хотя ему въ то время, вѣроятно,

не было и 20-ти лѣтъ. Хорошо также имѣть какіе-нибудь таланты (кромѣ литературныхъ), въ родѣ способности къ музыкѣ, напримѣръ, тогда можно предложить свои услуги устроить заводскій оркестръ или пѣвческій хоръ. Я слышала про одного рабочаго, который, благодаря такому таланту, сразу получилъ мѣсто мастера и въ такомъ цехѣ, о существованіи какого онъ даже и не подозрѣвалъ. Другой мастеръ попалъ на мѣсто, благодаря протекціи тетюшки, имѣвшей въ Измайловскомъ полку собственный домъ, гдѣ квартировали инженеры даннаго завода.

Интересно, какъ чувствуютъ себя подобные мастера первое время.

„Прихожу это я въ мастерскую—разсказывалъ мнѣ одинъ такой мастеръ:—осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, зашелъ въ контору и оѣлъ обдумывать свое новое положеніе. Въ эту минуту заходитъ старшой и спрашиваетъ: „какую мѣдь составлять для арматуры?“ а я себѣ думаю—да, чорта-съ два я тебѣ знаю, какую тамъ мѣдь нужно, но самъ отвѣчаю ласковымъ голосомъ:

— „Да составляй, братецъ, такую же, какъ и вчера составлялъ.

„А онъ отвѣчаетъ тоже очень ласково:

— „Вчера, мастеръ, мы совсѣмъ арматуры не лили.

— „Ну,—говорю я,—ты теперь составь, какую самъ знаешь, а вечеромъ въ „Ливадіи“ мы обсудимъ вмѣстѣ, какая лучше будетъ. Да скажи всѣмъ литейщикамъ, что мастеръ сегодня будетъ привальную ставить, такъ чтобъ послѣ шабашу не расходились... и старшой ушелъ, видимо, очень довольный моимъ рецептомъ.

„Вечеромъ пришлось угостить всѣхъ литейщиковъ, а старшого, кромѣ того, пригласить еще къ себѣ на квартиру“.

Поздравлять мастера со вступленіемъ въ должность принято повсемѣстно, хотя въ последнее время, когда между мастеромъ и рабочими начинаютъ устанавливаться чисто официальные отношенія, этотъ обычай понемногу сходитъ со сцены. Молодые рабочіе, по большей части уже отрѣшившіеся отъ заискиванія передъ мастерами, не видятъ нужды въ соблюденіи стараго обычая. Не соблюдаютъ его и тѣ изъ мастеровъ, которые знаютъ свое дѣло и не нуждаются въ задобриваніи рабочихъ.

Вспоминается мнѣ одинъ случай такого рода. Какъ-то къ намъ въ литейную поступилъ новый мастеръ. Конечно, мы сразу разузнали всю его подноготную: гдѣ раньше служилъ, на комъ женатъ, что изъ себя представляетъ, какъ человѣкъ, и т. д. Преобладающее мнѣніе о немъ было такое: свое дѣло онъ знаетъ прекрасно, „кому хочешь, двадцать очковъ впередъ дать“. Одно слово—„орелъ“, но, какъ человѣкъ, — „собака“. „Сумѣетъ такъ облаять, что лучше и не выдумать“. Не смотря на такую характеристику, старички литейщики все же рѣшили устроить ему „бенефисъ“ и привѣтствовать его согласно старинному цеховому обычаю.

Обычай этотъ заключается въ слѣдующемъ. Какъ только на-
мѣвится первый ковшъ чугуна, одинъ изъ литейщиковъ пригла-
шаетъ мастера къ вагранкѣ и передаетъ ему въ руки „запорку“—
длинный желѣзный пруть, на концѣ котораго налѣпленъ кусокъ
глины. „Запорку“ для этого случая украшаютъ разноцвѣтными
листами и бумажками, а рукоятку обвязываютъ платкомъ. Ва-
гранщикъ пробиваетъ отверстіе въ металлопріемникѣ, и, когда
стекающій по жолобу чугунъ наполнитъ ковшъ до верху, мастеръ
долженъ собственноручно запереть отверстіе. Послѣ этого онъ,
конечно, обязанъ расплатиться за оказанную ему честь.

Всѣ приглашенія были одѣланы еще наканунѣ и, хотя
молодежь предупреждала ватѣйщиковъ: „не дѣйте вы къ нему,
вамъ же худо будетъ“, но старики не послушались и на дру-
гой день, когда наступилъ требуемый моментъ, отправились къ
мастеру. Встрѣтилъ онъ ихъ очень сурово.

— Вы что пришли?

— Къ вашей милости, Егоръ Егорычъ.

— Въ чемъ дѣло?

Рабочіе замаялись. Староста Мартынычъ выступилъ впередъ.

— Егоръ Егорычъ!—сказалъ онъ:—какъ вообще полагается
по обычаю...

Грозныя очи мастера, какъ стрѣлы, вонзились въ его тощую
старческую фигуру. Мартынычъ смутился...

— Сами знаете,—залепеталъ онъ вдругъ жалкимъ, дрожащимъ
голосомъ,—дѣла по дѣламъ... Судъ по формѣ...

Свади кто-то не вытерпѣлъ и сказалъ:

— На счетъ привальной мы пришли. Какъ, будетъ или нѣтъ?

— Что такое?—переспросилъ мастеръ.

— Привальную, говоримъ!

Мастеръ минутку помолчалъ, потомъ отвѣтилъ:—Я вамъ за-
даю такую привальную, что вы вѣкъ не забудете. Ишь, что вы-
думали? Сейчасъ же расходиться по мѣстамъ.

Литейщики повѣсили носы и гурьбой вышли изъ конторы. А
въ мастерской ихъ уже ждала молодежь. Увидѣвъ ихъ понуря
фигуры, всѣ тотчасъ смѣтили, какой пріемъ нашли они у ма-
стера, и шутки и смѣхъ посыпались градомъ.

— Что, разогнались съ ковшомъ на брагу?!

— Когда-жъ привальную будемъ пить?! Сегодня или завтра?

Произволъ мастера, какъ мнѣ уже приходилось упоминать,
играетъ громадную роль въ жизни рабочаго. Системати-
чески понижая расцѣнку работы, мастеръ можетъ заставить
любого рабочаго уйти съ завода, при чемъ въ расчетной книжкѣ
будетъ обозначено, что рабочій увольняется „по собственному же-
ланію“; точно такъ же мастеръ можетъ увеличить заработокъ симпа-

тичнаго ему рабочаго, оплачивая его трудъ нѣсколько выше обычной оцѣнки. Не мудрено, что одинъ мало развитой рабочій на вопросъ интеллигента,—что изъ себя представляетъ мастеръ, отвѣтилъ: „мастеръ, это—такой человекъ, который, кого хочешь, сдѣлаетъ счастливымъ“. Имѣя возможность безконтрольно влиять на расцѣнку, мастеръ можетъ вліять на высоту заработка каждаго рабочаго. Большинство рабочихъ борется съ такимъ порядкомъ, но попадаютъ среди нихъ и такіе, которые мало довѣряютъ этой борьбѣ и рѣшаютъ, что лучше какими-нибудь путями добиться расположенія мастера и не въ примѣръ прочимъ получить заработокъ немного повыше. Какъ относится къ такимъ попыткамъ масса рабочихъ, можетъ показать хотя бы слѣдующій примѣръ, живо запомнившійся мнѣ.

Осенью прошлаго года пріѣхали къ намъ на заводъ нѣсколько новыхъ рабочихъ и между ними одинъ, по фамиліи Пановъ, по профессіи токарь. Какъ работникъ, онъ былъ не лучше и не хуже другихъ, но ему вдругъ захотѣлось составить себѣ карьеру и выдвинуться въ глазахъ нашего мастера Иванова. Женитьба ему не могла помочь, такъ какъ онъ былъ уже женатъ. Взятокъ съ рабочихъ Ивановъ никакихъ не бралъ. Но вотъ однажды въ мастерской пронесся слухъ, что мастеръ женится. Кой-у кого зачесались руки сдѣлать ему подарокъ, но такъ какъ большинство не сочувственно относится къ подобнымъ выходкамъ, то образовался замкнутый кружокъ единомышленниковъ, руководить которыми взялся Пановъ. Прежде всего, конечно, возникъ вопросъ: что именно преподнести? Одни предлагали часы, другіе—портсигаръ, третьи—сервизъ, но все это не подходило, потому что кружокъ былъ слишкомъ маленькимъ и не могъ пойти на большіе расходы. Наконецъ, кто-то предложилъ хлѣбъ-соль. Согласіе получилось полнѣйшее. Заказали серебряную солонку, купили хлѣбъ и на другой день послѣ свадьбы Пановъ и еще два товарища отправились къ новобрачнымъ...

Мастеръ встрѣтилъ ихъ въ передней.

— Вы что?—спросилъ онъ.

— Вашей милости хлѣбъ-соль!—отвѣчаетъ Пановъ,—поздравляемъ съ законнымъ бракомъ!..

— А?!.. Хорошо!—отвѣтилъ мастеръ—спасибо вамъ, спасибо.— Затѣмъ онъ обернулся и крикнулъ:—Матрена! Вотъ мои рабочіе пришли; проводи ихъ на кухню и дай по стакану водки!

Неизвѣстно, пошли ли они на кухню или нѣтъ, но только, къ ихъ ужасу, на другой же день этотъ визитъ сталъ извѣстенъ всей мастерской. Боже, что только было! Съ какими подробностями и иллюстраціями передавались всѣ слова и поступки мастера и депутатовъ...

Говорили, будто бы мастеръ и невѣсту свою позвалъ, чтобы показать, какіе у него рабочіе, будто бы кухарка вмѣсто одной

рюмки водки дала имъ по двѣ. Неудачныхъ поздравителей извонили самымъ невозможнымъ образомъ. Доморощенный художникъ нарисовалъ мѣломъ на желѣаномъ листѣ такую картину: впереди, согнувшись, идетъ Пановъ и несетъ узелокъ съ хлѣбомъ-солью, зади него двое другихъ депутатовъ съ палочками въ рукахъ, а вдали виднѣется мастеръ Ивановъ съ графиномъ водки. Нѣсколько поэтовъ общими усилиями „составили“ подходящее къ случаю стихотвореніе, которое долго распѣвалось въ мастерской.

Подобныхъ случаевъ безпощаднаго осмѣянія со стороны массы рабочихъ всякой попытки заискиванія передъ мастеромъ въ заводской жизни бываетъ не мало.

Еще лѣтъ 15 тому назадъ отношенія рабочихъ къ мастерамъ носили на заводахъ совсѣмъ другой характеръ. Достаточно сказать, что въ то время далеко не рѣдко попадались мастера, которые примѣняли со взрослыми, самостоятельными рабочими даже кулачную расправу. Старики рассказывали мнѣ массу примѣровъ такого рода, и не вѣрить имъ я не имѣю никакихъ основаній. Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуваженія не были въ то время такъ развиты въ русскомъ рабочемъ, какъ теперь. Тогда имѣло значеніе только одно — заработокъ. Чѣмъ больше мастеръ давалъ зарабатывать, тѣмъ больше къ нему питали и уваженія. Однажды старикъ рабочій рассказывалъ мнѣ, какъ когда-то они всею мастерской бросили работу и отправились пѣшкомъ верстъ за пять, чтобы проводить уволеннаго за какой-то проступокъ мастера, хотя этотъ мастеръ давалъ своимъ кулакамъ такую волю, что „ежели чуть что не по немъ, сейчасъ въ морду“. Заслужилъ же онъ такую симпатію рабочихъ исключительно тѣмъ, что клалъ хорошій расцѣнокъ. „До ста рублей выгоняли! А возьми-ка теперешнихъ мастеровъ, гдѣ ты такого найдешь?“—съ сожалѣніемъ говорилъ старикъ. Теперь, дѣйствительно, если не такихъ мастеровъ, то такого отношенія къ нимъ не найти, потому что вмѣстѣ съ хорошимъ заработкомъ современный рабочій требуетъ также и хорошаго обращенія, и достаточно мастеру замаяхнуться на рабочаго рукой или толкнуть его, какъ мгновенно, какъ бы отъ электрическаго тока, вспыхиваетъ вся мастерская и пламя ея нерѣдко зажигаетъ весь заводъ. Въ лѣтописяхъ русской промышленности послѣдняго времени найдется не мало забастовокъ и бунтовъ, первоначальной причиной которыхъ было оскорбленіе дѣйствіемъ рабочаго со стороны мастера. Но забастовка часто невыгодна для рабочихъ. Расплачиваться за нее приходится подчасъ черезчуръ дорогой цѣной и, чтобы обуздать не въ мѣру зарывшагося мастера, чаще всего примѣняютъ другой хорошо испытанный способъ—вывоза мастера на тачкѣ. Способъ этотъ примѣняется у насъ рѣшительно вездѣ—на Уралѣ, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ и во вну-

треннихъ фабрично-заводскихъ районахъ Россіи, а потому о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Расправѣ съ мастеромъ предшествуетъ обыкновенно заговоръ единомышленниковъ. Они заблаговременно готовятъ тачку и мѣшокъ. Мѣшокъ нарочно стараются чѣмъ-нибудь вымазать: нефтью, сажей, грязью, или просто выбираютъ мѣшокъ изъ-подъ угля. Выждавъ моментъ, когда мастеръ проходитъ по мастерской, одинъ или два рабочихъ подкрадываются къ нему и набрасываютъ мѣшокъ на голову. Затѣмъ къ нимъ подбѣгаетъ еще нѣсколько человекъ и окончательно напаяливаютъ мѣшокъ на мастера. Крики и сопротивленіе со стороны мастера по большей части ни къ чему не ведутъ. Другое дѣло, если онъ обратится къ рабочимъ съ просьбой въ такомъ родѣ: „Братцы, за что жъ вы меня? Отпустите, братцы... Вѣдь я не виноватъ, съ меня тоже требуютъ... Отпустите же!.. Ну, если обидѣлъ кого, не по своей же я винѣ“ и т. д. Такая просьба не рѣдко дѣйствуетъ, и рабочіе отпускаютъ мастера, при чемъ принимаются всѣ мѣры, чтобы не выдать себя и остаться незамѣченными. Многие мастера послѣ такого урока перемѣняютъ свое обращеніе съ рабочими и тогда рабочіе говорятъ: „А вѣдь подѣйствовало!... Шелковый сталъ“!... Но если мастеръ очень ужъ обозлилъ рабочихъ, то ему нечего ждать пощады: какъ только одѣнуть на него мѣшокъ, сейчасъ же подвозятъ тачку и его, какъ какой-нибудь грузъ, сваливаютъ на нее и везутъ при общемъ хохотѣ и свистѣ. Чаше всего вывозятъ только за ворота мастерской и оставляютъ тамъ, покуда чья-нибудь сострадательная рука не развяжетъ мѣшокъ. Но въ Западномъ краѣ, гдѣ народъ не такъ добродушенъ, норовятъ не только вывести изъ мастерской, но и свалить въ какую-нибудь канаву или рѣку.

Иногда даже ученики и подручные, безъ участія взрослыхъ рабочихъ, рѣшаются продѣлать эту операцію съ мастеромъ, но это возможно только въ томъ случаѣ, когда взрослые рабочіе хотя бы молчаливо сочувствуютъ ей.

Иногда для воздѣйствія на мастера достаточно бываетъ одной угрозы тачкой. Я помню, какъ однажды на воротахъ нѣкоторыхъ мастерскихъ появилось такое объявленіе: „если мастеръ N самъ не уйдетъ съ завода, то мы его вывеземъ на тачкѣ. А кто сорветъ это объявленіе, мы тому голову сорвемъ. Тачка будетъ окрашена въ черный цвѣтъ“. Прочитавъ это объявленіе мастеръ N и предпочелъ подать прошеніе объ отставкѣ. Но далеко не всегда, конечно, столкновенія съ мастеромъ оканчиваются для рабочихъ такъ благополучно. Бываетъ и такъ, что администрація завода, особенно дорожа наиболѣе непріятнымъ для рабочихъ мастеромъ, беретъ его подъ свою дѣятельную охрану. Въ такихъ случаяхъ столкновеніе разрастается, такъ

какъ рабочимъ приходится имѣть дѣло уже не съ отдѣльнымъ мастеромъ, а со всей заводской администраціей.

IV.

„Работы нѣтъ“. Эта фраза виситъ надъ всѣмъ заводомъ и передается изъ однихъ устъ въ другія.

Все чаще и чаще мастера посылаютъ рабочихъ гулять. „Погулай сегодня, — говорятъ они, когда рабочій придетъ за работой, — быть можетъ, завтра что-нибудь найдется“. Приходить рабочій на завтра, — повторяется то же самое. Увольненія на каждомъ шагу и нѣтъ такого поступка со стороны рабочаго, который не припомнился бы ему въ это время. Тотъ — бунтовщикъ, другой — дерзакъ, третій — постоянно выпрашиваетъ прибавки, и всѣ находятся на первой очереди очутиться за воротами. Наконецъ, вывѣшивается объявленіе, что съ такого-то числа по субботамъ работы производиться не будетъ. Съ тревогой смотритъ рабочій на будущее, но угадать ничего не можетъ. Проходятъ недѣли двѣ и опять объявленіе — кромѣ субботы отмѣняется и понедѣльникъ. Четыре рабочихъ дня въ недѣлю!.. и хоть бы эти-то четыре дня можно было отработать полностью или по той цѣнѣ, что и раньше, но нѣтъ, мастера категорически заявляютъ, чтобы не торопились и сдавали вещей никакъ не больше положеннаго количества, а чаще всего уменьшаютъ расцѣнку, иной разъ больше, чѣмъ на половину. „Вашей работы совсѣмъ не нужно, — заявляютъ они, — все идетъ въ запасъ, который потребуется или нѣтъ — не извѣстно, а работать я не принуждаю: хотите — работайте, хотите — нѣтъ. Дѣло ваше“. Въ иныхъ мастерскихъ ту работу, которую выдавали на одного, даютъ на двоихъ. Заработокъ неизмѣнно понижается: вмѣсто 50—60 рублей получаютъ 8—10 и рабочій соглашается на все. Въ такія минуты онъ готовъ и работать за безцѣнокъ, и выслушивать отъ мастера самыя грубыя оскорбленія, лишь бы остаться, лишь бы не потерять хоть этого куска хлѣба.

Попутно производятся и расчеты. Въ первую очередь попадаютъ, конечно, всѣ привередливые и дерзкіе. Но вотъ они рассчитаны. Остались самыя примѣрные, къ которымъ ни въ чемъ нельзя придираться. Дня на два расчеты затихли. У нѣкоторыхъ изъ оставшихся отлегло отъ сердца. Но вотъ въ одинъ прекрасный день въ мастерскую заходитъ фабричный инспекторъ въ сопровожденіи мастера. Рабочіе сразу затихаютъ, ожидая какой-то страшной новости. Инспекторъ проходитъ къ конторѣ и говоритъ: „хотя мы васъ и жалѣемъ и вашу работою, а такъ же и поведеніемъ очень довольны, но кризисъ, который теперь переживаетъ наша промышленность, вынудилъ администрацію этого за-

вода почти на половину сократить число рабочих вашей мастерской, поэтому вам заявляют заблаговременно и дают отработать два недѣли. Расчетъ будетъ производиться въ порядкѣ платежнаго списка черезъ одного человѣка, такъ что никакихъ претензій и подозрѣній на свое начальство вы имѣть не можете. Слышали?”

Въ отвѣтъ слышится какой-то неопредѣленный гулъ. Инспекторъ считаетъ свою миссію оконченной и уходитъ въ другую мастерскую, а рабочіе сумрачно расходятся по своимъ мѣстамъ. Проходятъ два недѣли и половина мастерской получаетъ расчетъ. Къ этому времени лишніе деньги израсходованы, лучшее платье продано или лежитъ въ ломбардѣ, а въ семьѣ всѣ расходы урѣзаны до крайности: изъ квартиры переселились въ комнату, изъ комнаты въ „полъ комнаты“, а оттуда въ уголъ. Начинается продажа всего, что только можно продать: продаются бутылки, старые сапоги, женина кофта, молотокъ, лишній жилетъ и т. д., и, наконецъ, все имущество сводится къ одной кровати, на которой спать отецъ, мать и трое—четверо дѣтей. Наводится экономія и на пищу. Мясо совсѣмъ сходитъ со стола и уступаетъ мѣсто селедкѣ, водѣ и хлѣбу. Да и селедка служитъ только для того, чтобы вызвать жажду, такъ какъ съ водой легче ѣсть хлѣбъ.

И вотъ, наконецъ, наступаетъ день расчета. Что дѣлать рабочему въ этотъ день? Куда идти? Домой? Но развѣ дома онъ найдетъ успокоеніе? Тамъ заплачетъ жена, поднимутъ крикъ дѣти... Чтобы отдалить эту минуту, многіе въ день расчета идутъ въ трактиръ и пропиваютъ, а главное—растериваютъ весь свой заработокъ. Не все ли равно, недѣлей раньше или недѣлей позже идти побираться? Единственное счастье, что семейный очагъ рабочаго представляетъ собою братскій рабочій союзъ. Живя постоянно среди рабочихъ, поминутно сталкиваясь съ ихъ семейной жизнью, я ни разу не слышалъ, чтобы жена бросила мужу упрекъ въ томъ, что онъ женился, не имѣя средствъ содержать семью. Здѣсь жена другъ и товарищъ мужа. Она сама напрягаетъ всѣ силы, чтобы не быть мужу въ тягость. Если по-чему-либо ей нельзя поступить на фабрику, она подыскиваетъ какую-нибудь домашнюю работу, шьетъ по 8 коп. отъ пары бѣлье въ рынокъ или снимаетъ квартиру и одну—два комнаты сдаетъ одинокимъ квартирантамъ, готовитъ имъ обѣдъ, стираетъ бѣлье,—словомъ, прилагаетъ всѣ силы, чтобы увеличить бюджетъ своей семьи.

Я знаю даже ужасный случай: жена безработнаго кузнеца, когда всѣ средства существованія изсякли, *пошла въ проститутки и полтора года кормила своего мужа*, пока онъ снова не поступилъ на работу. Гуляла она не на Невскомъ проспектѣ, а въ своихъ же рабочихъ кварталахъ. Ею пользовались люди, ра-

ботавшіе когда-то рядомъ съ ея мужемъ, и никто никогда не осмѣлился бросить ей или ему какое-нибудь обвиненіе.

— Развѣ милостину просить лучше?—говорили мнѣ,—развѣ христарадничать благороднѣй, чѣмъ работать? А вѣдь „это“ ея работа... „Это“ хлѣбъ ея семьи.

Да, нищенство хуже проституціи. Нищенство, это—поворъ для всякаго рабочаго, и нынѣшней весной, вѣроятно, многимъ петербуржцамъ приходилось встрѣчать нищихъ рабочихъ, которые плакали отъ стыда, протягивая руку за подавнѣемъ. Просить и плакать! Что можетъ быть ужаснѣй этого?

Всякая забастовка, какъ бы долго она ни длилась, все же въ тысячу разъ лучше безработицы.

При стачкѣ рабочаго всегда поддерживаетъ сознаніе, что отъ него самого и отъ его товарищей зависитъ работать или нѣтъ, что всѣ они одинаково или почти одинаково переживаютъ нужду и до нищенства не дойдутъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ всегда будетъ имѣть то, что было у него раньше.. Все это даетъ ему силу и увѣренность въ себя. При безработицѣ же рабочій чувствуетъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ своего міра. При забастовкѣ вопросъ пріисканія работы почти отсутствуетъ, а безработица — вѣчное странствованіе съ одного завода на другой въ поискахъ за работой.

Раннее утро. Морозъ и вѣтеръ. У проходныхъ воротъ толпа безработныхъ. Всѣмъ холодно, всѣ кутаются въ свои лохмотья и прячутъ въ нихъ обнаженное тѣло. Никакого помѣщенія, хотя бы клѣтушки или сарайчика, не сдѣлано для нихъ. „Договоръ найма“ производится подъ открытымъ небомъ, точно безработные люди—скотъ, который царь голодъ выгналъ на продажу.

Не рѣдко, не найдя работы, рабочіе простуживаются, заболѣваютъ, и ко всѣмъ несчастьямъ прибавляется еще одно — рабочій попадаетъ въ больницу, оставляя семью на произволъ судьбы.

Въ одно изъ своихъ скитаній за работой я увидѣлъ картину, которой, вѣроятно, никогда не забуду. Было утро глубокой осени. Въ воздухѣ царилъ промозглая сырость, подъ ногами хлюпала раскисшая грязь пополамъ со снѣгомъ. Насъ, ищущихъ работы, человекъ 7, всѣ съ разныхъ заводовъ и разныхъ специальностей, такъ что мы смотримъ другъ на друга какъ-то безразлично. Нѣтъ озлобленія, нѣтъ боязни конкуренціи. Молчаливо стоимъ мы, прижавшись къ забору; всѣмъ холодно, и всѣ мы дрожимъ, выбивая зубами мелкую дробь. Кто-то закурилъ папиросу изъ махорки. Къ нему подходятъ другой и говорить:

— Можешь, тамъ у тебя есть еще, дай-ка, братъ, и мнѣ на папиросочку, курить ужъ больно охота.

Рабочій, только что закулившій папироску, отвѣтилъ:

— Ну, братъ, и у меня нѣтъ, послѣдній высыпалъ. Я лучше покурю, а потомъ тебѣ дамъ.

Опять всё замолчали. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то прошепсѣлъ: „и какъ это люди натошакъ курятъ. Я такъ не могу“.

— Охъ, братецъ ты мой,—отвѣтилъ рабочій, беря тлѣющіеся окурокъ. — Я уже третій день натошакъ. Такъ, значить, мнѣ и курить не надо?

Въ другое время это могло бы сойти за шутку, но въ ту минуту не разсмѣшило никого. Всѣ находились почти въ такомъ же положеніи. Вдобавокъ, всѣмъ было холодно, и всякій ежился, точно стараясь сдѣлаться какъ можно меньше. Въ головѣ у каждого носились какіе-то обрывки мыслей, сводившіеся, впрочемъ, къ однимъ и тѣмъ же вещамъ: поступленіе на работу и семья.

Наконецъ изъ за угла показался какой-то человѣкъ. „Котельный мастеръ“—сказалъ кто-то. Отъ насъ отдѣлилось двое рабочихъ и пошли къ нему навстрѣчу. Мы стали наблюдать за ними. Вотъ они встрѣтились съ нимъ. Одинъ старый, другой молодой, вѣрно, котельщикъ и его подручный. Вотъ старый снялъ шапку и началъ что-то говорить, мастеръ отмахивается рукой и прибавляетъ шагъ. Рабочіе отстали. Потомъ, взглянувъ другъ на друга, они безнадежно опустили головы и пошли, не сказавъ ни слова.

Черезъ нѣкоторое время показался токарный мастеръ. Точно такъ же одинъ изъ насъ пошелъ ему навстрѣчу, но и на этотъ разъ повторилась та же самая сцена. Только теперь рабочій-токаръ посмотрѣлъ было на насъ, точно думая: сказать ли намъ о своей неудачѣ или нѣтъ, потомъ махнулъ рукой, какъ бы рѣшивъ, что это будетъ бесполезно, и пошелъ въ сторону. Наконецъ, показался еще одинъ мастеръ. Теперь къ нему пошелъ тотъ рабочій, который просилъ покурить. Вотъ онъ подошелъ къ мастеру совсѣмъ близко и начинаетъ что-то говорить. Мастеръ, видимо, отвѣчаетъ отказомъ. Рабочій снимаетъ шапку и продолжаетъ говорить. Мастеръ хочетъ миновать его, но вдругъ рабочій падаетъ на колѣни, обхватываетъ руками грязные сапоги мастера и начинаетъ цѣловать ихъ. Тутъ мастеръ освободилъ одну ногу и что есть силы ударилъ его по лицу. Рабочій совсѣмъ повалился на землю и зарыдалъ. Зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ, всхлипывая и вздрагивая плечами. Его слезы мѣшались съ кровью разбитого лица и грязью отъ сапога мастера.

Это было на харьковскомъ парово-строительномъ заводѣ 20-го ноября 1899 года, и эта картина останется у меня въ памяти навѣки.

V.

Нынешний годъ, давший такъ много матеріала для будущаго историка рабочаго движенія въ Россіи, особенно изобилдовалъ требованіями рабочихъ объ отміну штрафовъ за прогулъ и уплатѣ денегъ за бракъ, происшедшій не по винѣ рабочаго. Что такое прогулъ—я сейчасъ объясню.

Когда чиновникъ беретъ отпускъ, онъ прежде всего заботится о томъ, чтобы получить жалованье и во время отлучки. Это называется отпускомъ съ сохраненіемъ содержанія. Если же начальство на такой отпускъ не согласно, чиновнику даютъ отпускъ безъ жалованья, и это считается уже неудачей. Что же сказать о рабочихъ, которымъ не только не платятъ за время отлучки, но еще съ нихъ же вычитаютъ тѣ деньги, которыя они заработали вчера? Рабочій считаетъ счастьемъ, если мастеръ дастъ ему увольнительную записку: только въ этомъ случаѣ его не оштрафуютъ. Если же принять во вниманіе, что „увольнительныя записки“ выдаются мастерами очень не охотно (хотя бы потому, что вмѣстѣ съ „увольнительной“ нужно писать и „пропускъ“, безъ котораго сторожа не выпустятъ изъ завода, а все это отнимаетъ „драгоценное время“), то не трудно будетъ понять, почему штрафы „за прогулъ“ въ жизни рабочаго занимаютъ самое видное мѣсто.

Мнѣ, какъ на чудо, указывали на одного рабочаго, который проработалъ на заводѣ 7 лѣтъ и не заплатилъ ни копейки штрафа. По мнѣнію самихъ рабочихъ, это было что-то необычайное... Нужно быть идеальнымъ работникомъ, мало того, нужно быть другомъ, братомъ или отцомъ своему мастеру, и только тогда возможно избавиться отъ штрафовъ за прогулъ. Для всѣхъ же другихъ, повторяю, такой штрафъ—самое обычное явленіе.

Уставъ о промышленности разрѣшаетъ штрафовать только за три проступка: 1) за неисправную работу, 2) за прогулъ и 3) за нарушеніе порядка. „Никакія взысканія не могутъ быть налагаемы по другимъ поводамъ“ (ст. 143, уст. о пром.). Но довольно и этого. Изъ этихъ трехъ „поводовъ“ иные заводы раздуютъ 30—35 §§ и каждый изъ нихъ угрожаетъ рабочему то молотниникомъ, то рублемъ. Кроме того, какъ извѣстно, „распоряженіе заведывающаго фабрикой или заводомъ о наложеніи на рабочихъ взысканій обжалованію не подлежитъ“ (ст. 151). Слѣдовательно, каждому мастеру предоставляется почти неограниченная возможность штрафовать рабочихъ *).

*) Эта же статья даетъ право фабричной инспекціи привлекать заведующихъ къ отвѣтственности, если „будетъ обнаружено изъ заявленій, слѣ-

Передо мною „табель взысканій“ одного изъ лучшихъ механическихъ заводовъ Петербурга. Первая статья этой табели говорить о штрафѣ за прогуль.

Размѣръ штрафа находится въ зависимости отъ количества прогульнаго времени и характера заработной платы. Такъ, напр., работающему *поденно*—за каждый прогульный день не только не платятъ, но еще и вычитаютъ изъ его заработка стоимость одного рабочаго дня. Если въ теченіе мѣсяца было нѣсколько прогульныхъ дней, то общая сумма вычета не должна превышать *шестидневнаго* заработка такого рабочаго.

Для получающихъ *сдѣльную* плату „взысканіе за прогуль“ опредѣляется въ размѣрѣ не свыше одного рубля за прогульный день и не свыше трехъ рублей въ общей сложности“.

Чтобы судить о справедливости такого подраздѣленія, достаточно напомнить, что рабочіе, получающіе поденную плату, зарабатываютъ въ мѣсяцъ 17—25 р., рабочіе же, получающіе сдѣльную плату,—80—90 р.; между тѣмъ первые могутъ быть обязаны уплатить штрафу въ мѣсяцъ отъ 4 р. 20 к. до 7 р. 20 к., вторые—3 р.

Бываетъ и такъ, что, вмѣсто вычетовъ за прогуль деньгами, рабочаго — обязываютъ *отработать* свой прогуль. Если рабочій одинъ день не вышелъ на работу, то слѣдующій день онъ работаетъ бесплатно; если рабочій прогулялъ полъ дня, то отработываетъ бесплатно тоже полъ-дня; если рабочій утромъ придетъ на работу съ опозданіемъ хоть на 10 минутъ, то до обѣда работаетъ бесплатно. Такой порядокъ мнѣ встрѣтился въ Екатеринодарѣ на заводѣ Миллеръ, Ланге и К°. въ 1898 году. Быть можетъ, мѣстами онъ существуетъ и сейчасъ.

Иногда же, вопреки всякимъ правиламъ внутренняго распорядка, мастера сами выдумываютъ наказанія за прогуль. Такъ, напр., одинъ знакомый мнѣ мастеръ за прогуль одного дня не штрафовалъ, а просто посылалъ рабочаго гулять и слѣдующій день. Если было пропущено два дня, то рабочій гулялъ и слѣдующіе два дня и т. д.

Приведу еще нѣсколько §§ о штрафахъ изъ упомянутой уже табели:

„За входъ или выходъ изъ завода или мастерской черезъ не назначенные для сего ворота—до 1 руб.“

„За проходъ съ одной стороны завода на другую безъ пропуска отъ мастера до 1 р.“

„За проносъ хмѣльныхъ напитковъ на заводъ до 1 р.“

„За явку въ нетрезвомъ состояніи на работу или въ больницу

ланныхъ рабочими, несогласное съ требованіями закона наложеніе на нихъ взысканій“. Но кто же изъ рабочихъ пойдетъ заявлять самому себѣ *расчетъ*?

до 1 руб. "; кроме того, провинившийся рабочий удаляется из завода или больницы, при чемъ день явки въ нетрезвомъ видѣ считается прогуломъ—а, слѣдовательно, рабочий можетъ быть оштрафованъ такъ же и за прогулъ.

„За прекращеніе работы и выходъ изъ мастерской до свистка или назначеннаго часа до 1 руб.“

„За куреніе табаку въ мастерскихъ и помѣщеніяхъ, гдѣ таковое запрещено,—до 1 руб. или же по ст. 105* (т. е. разсчитать).

„За перемѣну утерянныхъ или испорченныхъ а) разсчетныхъ книжекъ взымается съ рабочаго за каждую—15 коп., в) инструментальныхъ книжекъ или книжекъ заводской лавки—штрафъ въ 15 коп., с) номерныхъ бляхъ—штрафъ 50 коп.“

Номинальная цѣна номерныхъ бляхъ самое большое 2 коп., но, видимо, здѣсь цѣнится не стоимость бляхи, а нарушеніе дисциплины. Въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ бляхъ совсѣмъ не существуетъ, а взамѣнъ ихъ выдаются билеты, за утерю которыхъ рабочаго прежде цѣлыхъ два дня не допускали на работу и, кроме того, штрафовали на 1 рубль, а теперь берутъ 1 рубль штрафа и 1 день не допускаютъ къ работамъ.

„За нарушеніе во время нахожденія въ заводѣ и мастерской, а также въ заводской лавкѣ тишины и порядка шумомъ, крикомъ, бранью или дракою—до 1 рубля за каждый случай нарушенія морадка“.

„За непослушаніе или обманъ мастера или другого заводскаго начальства—до 1 руб.“

„За нерадѣніе къ работѣ или лѣность—до 1 руб.“

„За устройство игръ въ карты, орлянку и т. д. во время нахожденія въ заводѣ или мастерской—до 1 руб.“

„За смазку станковъ и проводовъ на ходу или за перестановку рѣзцовъ и обрабатываемыхъ предметовъ во время хода станка—до 1 руб.“

Этотъ параграфъ представляетъ собою примѣръ радѣнія завода о рабочихъ. Жаль только, что заводъ въ подобныхъ случаяхъ отдѣливается одними лишь угрозами и не принимаетъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы оградить рабочихъ отъ возможности увѣчий. На этомъ же заводѣ есть мастерская, гдѣ не найдется ни одного станка, который послѣ остановки, минувъ черезъ пять, не закрутился бы самъ по себѣ, произвольно. Инженеры знаютъ, почему это происходитъ, но никто не хочетъ приложить рукъ, чтобы уничтожить это явленіе, и вотъ, въ то время, когда токарь мѣняетъ шестерни, станокъ вдругъ начинаетъ вращаться и отрѣзаетъ рабочему пальцы на рукѣ.

„За несоблюденіе обязательныхъ правилъ предосторожности при перевозкѣ тяжестей и матеріаловъ заводскими паровозами и на ручныхъ тѣлѣжкахъ штрафъ до 1 рубля“,—грозитъ табель. Но никакихъ обязательныхъ правилъ на этотъ счетъ не суще-

ствуешь, если не считать одного параграфа о томъ, что въ ночное время паровозъ долженъ быть освѣщенъ двумя фонарями. Нагружаютъ же вагонетки, какъ кому вздумается.

Далѣе въ табели слѣдуютъ штрафы за опозданія и прогулы.

За опозданіе до $\frac{1}{4}$ часа	20 к.
„ „ „ $\frac{1}{2}$ „	30 к.
„ „ свыше $\frac{1}{2}$ „	50 к.
За уклоненіе отъ работы штрафъ до	1 р.

Въ табели взысканій не объяснено, что называется уклоненіемъ отъ работы, вообще ли нежеланіе работать, или же несогласіе съ той цѣной, какую предлагаетъ мастеръ за эту работу. Но „нежеланіе работать“, въ особенности при задѣльной платѣ, никогда не встрѣчается, слѣдовательно, этотъ параграфъ устанавливаетъ кару за несогласіе съ цѣною за работу и такимъ образомъ не можетъ быть подведенъ ни подъ одинъ изъ „поводовъ“, за которые уставъ о промышленности разрѣшаетъ карать рабочихъ.

„За порчу работы—продолжаетъ табель—штрафъ до 1 руб.

Заводоуправленіе можетъ, въ зависимости отъ размѣра убытковъ, причиненныхъ ему порчей, искать убытки судомъ“.

Къ этому пункту я долженъ сдѣлать маленькую оговорку: хотя уставъ о промышленности и даетъ хозяину право взыскивать стоимость убытковъ съ рабочаго, но на практикѣ мнѣ этого наблюдать не приходилось, за исключеніемъ развѣ одного приводимаго ниже случая.

„За утрату инструмента или имущества, порученнаго рабочему, или штрафъ до 1 руб. или заводу предоставляется искать убытки съ рабочаго судомъ“.

„За забытіе контрольнаго №—15 коп.“.

„За неосторожное обращеніе съ огнемъ штрафъ до 1 руб. или увольненіе отъ службъ“.

И т. д., и т. д.

Всякая табель взысканій даетъ администраціи такую широкую возможность штрафовать рабочихъ направо и налѣво, что уберечься отъ штрафа никто не можетъ. Всякій поступокъ, какъ бы малъ и незначителенъ онъ ни былъ, можетъ вызвать штрафъ, а такъ какъ право штрафовать или миловать принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ мастеру, то послѣдній можетъ путемъ штрафовъ выжить изъ своей мастерской любого рабочаго. Жаловаться некому, а если и пожалуешься, то все равно придется сейчасъ же брать расчетъ, такъ какъ начнутся такіа притѣсненія, о которыхъ никто изъ постороннихъ и понятія не имѣетъ. Мало того, каждый мастеръ можетъ штрафовать рабочаго за всякую бездѣлицу, которую иной разъ даже самыя подробныя инструкціи упускаютъ изъ вида. Такъ, напр., одинъ изъ моихъ товарищей на работѣ былъ разъ оштрафованъ за то, что оста-

вплз на ночь въ землѣ чугунную модель колосника. Отъ этого ей, конечно, ничего не сдѣлалось, и всякій изъ насъ тысячи разъ поступалъ точно такимъ же образомъ, но въ данномъ случаѣ мастеру не понравилось, что это сдѣлалъ Сергѣй Носковъ, котораго онъ вообще не долюбивалъ, и въ результатѣ явился рублевый штрафъ, при чемъ причиной было выставлено „небрежное отношеніе къ работѣ“. Небрежности, въ сущности, здѣсь никакой не было, а просто Носкову не хотѣлось работать лишнее время.

Штрафы, это — безконечный источникъ печалей рабочихъ класса. Это самая досадная „статья расхода“, и никакія утѣшенія въ родѣ того, что штрафной капиталъ обращается въ пользу самихъ же рабочихъ, не помогаютъ.

Одинъ изъ рабочихъ какъ-то высказалъ мнѣ такое мнѣніе о штрафахъ: „всякій штрафъ, если только онъ не поступаетъ въ карманъ заводчика, совершенно безсмысленъ, какъ для одной, такъ и для другой стороны, въ особенности же, если онъ налагается за прогулъ. При существующей системѣ оплаты труда и при настоящей низкой заработной платѣ, рабочій такъ сильно дорожитъ каждымъ рабочимъ днемъ, что если и рѣшается когда-либо не выйти на работу, то только въ томъ случаѣ, когда къ этому является крайняя необходимость. Онъ заранее знаетъ, насколько у него уменьшится общій заработокъ, и впередъ примиряется съ этимъ. Штрафы за прогулъ совсѣмъ не уничтожили самого прогула. Рабочій опять-таки знаетъ, на какую сумму его оштрафуютъ, и, если „гуляетъ“, т. е. если рѣшается подвергнуть свой заработокъ уменьшенію, то, безусловно, имѣетъ къ этому уважительныя причины. Зачѣмъ же озлоблять рабочаго? Что касается другихъ штрафовъ за всякаго рода проступки, то и они не достигаютъ цѣли. Какой смыслъ или расчетъ рабочему причинять убытки своему хозяину? Отъ этого въ большинствѣ случаевъ можетъ пострадать самъ же рабочій. А главное—удалите поводъ къ этимъ поступкамъ и никакихъ проступковъ не будетъ“.

Другой рабочій совершенно серьезно недоумѣвалъ: ради какихъ соображеній штрафуютъ рабочихъ хозяева, если штрафъ идетъ не въ ихъ карманъ? По его предположенію, происходитъ одно изъ двухъ: или хозяева по прежнему запускаютъ въ штрафной капиталъ свои лапки, и съ нимъ вообще дѣло не чисто, или же хозяева хотятъ выразить свое глумленіе надъ рабочими и держать его въ озлобленіи, постоянно напоминая ему о той зависимости, въ какой онъ находится *).

*) Кстати — теперь почти вездѣ прекратился обычай выѣшивать обя-

Наряду съ требованіемъ отиѣны штрафовъ за прогулъ, рабочіе, какъ было уже упомянуто выше, не менѣе настойчиво представляютъ требованіе о томъ, чтобы за бракъ, происшедшій не по винѣ рабочаго, заводъ уплачивалъ стоимость затраченного времени.

Это требованіе такъ невинно и законно, что даже для несторонняго человѣка покажется заслуживающимъ полнаго удовлетворенія. Въ самомъ дѣлѣ: за что рабочій будетъ терять свой заработокъ, если онъ нисколько не виноватъ въ бракѣ? Вещь не годилась по чужой винѣ, при чемъ же тутъ онъ?

Разумѣется, подобная несообразность можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ практикуется задѣльная плата. При поденной ничего подобнаго не встрѣчается. Тамъ рабочій получаетъ известную плату за день, и ниѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не случилось наблюдать, чтобы за бракъ, происшедшій даже по винѣ рабочаго, изъ его заработка высчитывалась сумма, равная стоимости потраченного времени. Но при задѣльной платѣ этимъ случаямъ нѣтъ конца.

Нѣкоторые изъ нихъ я рѣшаюсь сообщить читателю.

Для примѣра беру опять-таки литейную мастерскую, такъ какъ она ниѣ ближе известна, да и бракъ въ литейной работѣ встрѣчается чаще всего.

Прежде всего нужно замѣтить, что иногда бываетъ очень трудно опредѣлить, по чьей винѣ произошелъ бракъ. Часто какой-нибудь недостатокъ въ конструкціи или невѣрность расчетовъ инженера вызываетъ бракъ, за который страдаетъ рабочій. На харьковскомъ заводѣ ниѣ, напримѣръ, вспоминается одинъ ступенчатый шкивъ, который дѣлали 7 или 8 разъ, и постоянно получался бракъ, вслѣдствіе раковинъ. Никакія мѣры съ цѣлью избѣжанія ихъ не приводили къ желательнымъ результатамъ. Рабочіе, конечно, за этотъ бракъ не получали ни копейки, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не измѣнили конструкцію шкива. Въ одной изъ желѣзнодорожныхъ литейныхъ, гдѣ ниѣ привелось работать, существовали какія-то особенныя паровозныя буквы, которыхъ пришлось отлить штукъ тридцать или сорокъ, и всѣ онѣ оказывались бракомъ. За всѣ эти буквы литейщикамъ не заплатили ни копейки, мотивируя тѣмъ, что бракъ произошелъ по винѣ рабочихъ. Когда же модель была измѣнена,

---

явленія о приходѣ и расходѣ штрафнаго капитала. Если фабричные инспектора, какъ официальные блюстители его, дорожатъ своей репутацией, то необходимо обязать заводчиковъ ежемѣсячно вывѣшивать отчеты съ обозначеніемъ №№ рабочихъ, которые были оштрафованы, а такъ же и суммы ихъ штрафа. Писать фамилій не слѣдуетъ, такъ какъ тогда оштрафованный рабочій будетъ чувствовать себя выставленнымъ какъ бы на посмѣшнѣе.

бракъ совершенно прекратился. И подобные случаи знаетъ, вѣроятно, каждая литейная.

А вотъ другой, часто повторяющійся случай.

Вы только что собрали свою форму и ожидаете чугуна. Мастеръ, увидѣвъ васъ, кричитъ:

— Иванъ, вотъ остался чугунокъ. Бери, лей!

Вы измѣряете содержимое ковша. Иногда вамъ кажется, что чугуна недостаточно, что имъ не заполнить всей вашей формы, но вы все-таки начинаете лить, такъ какъ мастера не любите, если кто-нибудь начинаетъ имъ „указывать“.

Вотъ вы выливаете послѣднія капли, и чугуна дѣйствительно не хватаетъ. Вы „зарѣзали“ свою форму и виноваты опять-таки вы.

Конечно, если вы вполне увѣрены въ томъ, что чугуна не хватитъ, и, кромѣ того, держитесь съ мастеромъ вполне независимо, то вы можете и не позволить заливать вашу „штуку“, и такимъ образомъ спасете ее. Но не нужно забывать, что, откладывая заливку на слѣдующій день, вы уже не можете начать другой работы: у васъ или будутъ заняты опоки, или же за недостаткомъ мѣста негдѣ начинать ее, или, наконецъ, у мастера не окажется для васъ подходящей работы. И въ результатѣ вы принуждены терять цѣлый рабочий день. Бываетъ и такъ, что въ силу какихъ-нибудь техническихъ условій вамъ необходимо залить форму въ тотъ же день, и вы, конечно, съ радостью берете тотъ чугунокъ, который вамъ даютъ, полагаясь при этомъ единственно на „авось“, а если чугуна не хватитъ, то мастеръ первымъ деломъ обвинитъ васъ же: „зачѣмъ лить?“ Разговаривать съ нимъ въ такихъ случаяхъ совершенно бесполезно.

Благодаря тому, что часто приходится лить тѣмъ чугуномъ, который даетъ мастеръ, бываетъ и такъ, что на поверхности, которая должна обрабатываться, получается усадка или раковины.

— Отчего-жъ бы это?—спрашиваете вы подошедшаго къ вамъ мастера.

— „Отчего“?—передразниваетъ онъ васъ—отъ сырости или отъ туготы *)! Наквасилъ форму, а потомъ и спрашиваешь, отчего.

Но вы не вѣрите, что это „отъ сырости или туготы“. Правда, бываютъ и отъ этого раковины, но эта-то форма была и набита, какъ слѣдуетъ, и не слишкомъ сыра. Да къ тому же, быть можетъ, вы сдѣлали ихъ нѣсколько штукъ вполне хорошихъ, слѣдовательно, уже приковались къ этой работѣ.

---

*) Туго набитая форма не даетъ свободного выхода газамъ, находящимся въ формѣ во время ея заливки, а потому на поверхности ея образуются раковины.

Дѣло въ томъ, что чугуны бываютъ разнаго достоинства. Плохой чугунъ выдѣляетъ изъ себя плакъ и газы не только во время плавки, но и все время, пока совершенно не остынетъ. Такой чугунъ, будучи налитъ въ форму, и тамъ образуетъ пустоты и раковины, которыя, естественно, всплываютъ на верхъ и прикасаются къ поверхности формы.

Иногда же эти раковины могутъ оказаться въ обработкѣ, т. е. въ то время, когда вашу штуку возьмутъ на станокъ и начнутъ обтачивать. Въ такихъ случаяхъ ее возвращаютъ обратно въ литейную. Мастеръ отыскиваетъ литейщика, хозяина этой штуки, дѣлаетъ ему „нагоняй“ и заставляетъ его сдѣлать бесплатно вторую, такъ сказать, „взаимнъ брака“ или же высчитываетъ изъ заработка уплаченные за нее деньги.

Я слышалъ, что прежде на многихъ заводахъ литейщика обязывали сдѣлать другую штуку взаимнъ брака и, кромѣ того, изъ его заработка вычитывалась стоимость чужой работы — токаря, слесаря, строгальщика. Такъ, напр., если раковина оказалась во время обтачивания и токарь проработалъ надъ этой штукой два дня, то за эти дни ему обязанъ былъ заплатить литейщикъ.

Лично мнѣ наблюдать это уже не приходилось.

Есть и еще случаи, когда литейщикъ рѣшительно не виновать, но все же за работу ему не платятъ и, онъ работаетъ, какъ говорятъ мастеровые, „на царя“. Особенно часты такіе случаи при одной работѣ — отливкѣ шкивовъ. Извѣстна она, вѣроятно, всѣмъ литейщикамъ и на ней чаще всего приходится терпѣть убытки.

Шкивъ представляетъ собою колесо съ широкимъ ободомъ, который соединяется съ центромъ (муфтой) тонкими спицами. Такъ какъ муфта гораздо массивнѣе всѣхъ другихъ частей шкива, то остываніе ея происходитъ гораздо позже, и въ то время, когда спицы совершенно остыли и, слѣдовательно, уменьшились въ объемъ, муфта только что начинаетъ охлаждаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „садится“. Происходитъ стягиваніе обода спицами, и, если они не достаточно толсты, то они не выдерживаютъ этого давления и лопаются.

Виновнымъ въ этомъ случаѣ всегда считается рабочій, и за этотъ бракъ ему никогда не платятъ. Но бываетъ иной разъ и еще хуже.

Вы только что отлили свой шкивъ вполне благополучно и отправили его въ обрубную въ полной увѣренности, что вашъ шкивъ совершенно хорошъ. Но черезъ полъ-часа къ вамъ приходитъ старшій обрубщикъ и говорить:

— Зачѣмъ шкивъ лопнувшій прислалъ?

— Какъ, лопнувшій? — спрашиваете вы.

— Очень просто! Въ двухъ мѣстахъ спица лопнула.

— Разбили, вѣрно, черти, а теперь и говорите, что лопнула.

— Ничего не разбили! Вѣрно, у тебя глазъ не было, когда отправлялъ. Поди, посмотри самъ.

Вы идете въ обрубную и видите что опилка на самомъ дѣлѣ въ двухъ мѣстахъ дала трещины. Начинаете тщательно осматривать его, ищете слѣдовъ молотка и зубила, предполагая, что трещины получились отъ неосторожнаго удара, и, дѣйствительно, гдѣ-нибудь находите.

— Это что?—показываете вы нѣсколько свѣтлыхъ слѣдовъ отъ зубила.

— Да я началъ было рубить,—отвѣчаетъ вамъ обрубщикъ,—а потомъ замѣтилъ, что онъ лопнувшій, и бросилъ.

Обрубщикъ въ душѣ чувствуетъ себя виноватымъ, уже потому, что согласно установившемуся правилу онъ не долженъ былъ начинать обрубку, пока не убѣдился, что вещь совершенно годна. Впрочемъ, мало толку, если вы и сами убѣдитесь и его заставите согласиться, что шкивъ разбилъ онъ самъ. Вы можете, правда, пожаловаться мастеру, и обрубщика оштрафуютъ на 1 р., но все же вамъ придется дѣлать взамѣнъ испорченнаго шкива еще одинъ и, разумѣется, бесплатно.

Всѣхъ подобныхъ случаевъ не перечислить, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ часто при существующихъ порядкахъ рабочему приходится платиться своимъ заработкомъ за чужую вину.

П. Тимофеевъ.

Шлиссельбургскіе мученики.

Не тотъ, кто на землю упалъ, — побѣжденъ,
Не тотъ, кто разить,—побѣдитель.

П. Я.

Пристальное изученіе всемірной исторіи даетъ намъ глубокую и отрадную увѣренность въ томъ, что начала свободы и разума въ концѣ концовъ восторжествуютъ, что человѣчество достигнетъ когда-нибудь на землѣ такой степени счастья, о какой въ настоящее время возможно лишь мечтать. Конечно, это такъ. Съ грустью приходится, однако, сознаться, что побѣдное шествіе человѣчества впередъ покупалось и до сихъ поръ покупается немовѣрно-дорогой цѣной—цѣной неисчислимыхъ страданій массъ, цѣной гибели тысячъ героевъ и мучениковъ, сознательныхъ борцовъ за всемірное братство и свободу. Страницы исторіи обгажены ихъ кровью, и безпристрастный историкъ будущаго, вѣроятно, сильно затруднится сказать, гдѣ и когда больше она пролита — въ древніе, средніе или новые вѣка. Точно ли

правда, что человѣческіе нравы въ послѣднее столѣтіе такъ быстро смягчаются? Точно ли правда, что борьба принимаетъ все болѣе культурныя и человѣчныя формы? Не рано ли еще обольщаться такой надеждой? Вѣдь такъ недавно — можно окрывать, на дняхъ — прошли передъ нашими глазами ужасы войны, вѣроятно, одной изъ самыхъ кровопролитныхъ, какія видѣло человечество. А сейчасъ — когда темная орда хищниковъ, почувывшихъ свою близкую гибель, возбуждаетъ внутри самой Россіи братоубійственную войну и всю страну заливаютъ кровью? Да, кровь льется, какъ она лилась и столѣтія назадъ. Витаетъ еще надъ человечествомъ и мрачный духъ Торквемады. Давно ли содрогались мы отъ жалости и гнѣва, когда въ передовой цивилизованной странѣ темныя силы милитаризма, же-патріотизма и поповскаго ханжества пытались замучить и убить заведомо невиннаго человѣка? Его удалось вырвать изъ пѣпкихъ когтей, — и лучшіе умы и сердца Франціи, всей Европы привѣтствовали освобожденіе Дрейфуса, какъ свою побѣду. Но въ то же самое время, на глазахъ у той же Европы, въ странѣ, которая также считается цивилизованной, совершалось злодѣйство, несоизмѣримо болѣе страшное и грандіозное, какъ по количеству жертвъ, такъ и по долговременности и чисто-каннибальской жестокости ихъ мученій, — и Европа, и весь міръ молчали, дѣлая видъ, что ничего не видятъ и не слышатъ, что это страшное дѣло ихъ не касается... Я говорю объ ужасномъ шлиссельбургскомъ гробѣ, гдѣ въ теченіе 21 года похоронены были десятки лучшихъ людей Россіи, недобитыхъ жертвъ нашего абсолютизма. Жестокому побѣдителю долгіе годы неизмѣнно сопутствовали удачи и счастье; за его тріумфальной колесницей бѣжала шумная свора льстецовъ и хищниковъ; на родинѣ и за границей ему одинаково пѣлись громкіе хвалебные гимны, заглушавшіе стоны замученныхъ жертвъ. Побѣдителей вѣдь не судятъ, побѣжденных не считаютъ...

Но ничто подъ луной не вѣчно. И вотъ, зарвавшееся самовластье Толстыхъ, Сипягиныхъ и Плеве упало въ ту яму, которую рыло. Грозная манчжурская трагедія, небывалый разгромъ при Мукденѣ и Цусимѣ до дна всколыхнули народное море, раскрывъ глаза и самымъ слѣпымъ людямъ.

И все, какъ буря, закипѣло!..

Эпическое по героизму и численности борцовъ освободительное движеніе привело Россію къ знаменательному акту 17 октября...

Конечно, праздновать побѣду еще рано, солнце свободы еще только показалось надъ русской землей, залитой слезами и кровью, но кое-что уже сдѣлано: завоеваны свобода печати, свобода союзовъ и собраній, изъ тюремъ и ссылки освобождено большинство заключенныхъ, и даже мрачный шлиссельбургскій гробъ пріот-

крылся... Восемь изъ тринадцати заключенныхъ въ немъ, въ силу обнародованнаго закона частичной амнистіи, уже перевезены изъ Шлиссельбурга въ Петропавловскую крѣпость, хотя, увы! не освобождены, не возвращены теперь же въ нашу среду. Но подъ большимъ сомнѣніемъ остается вопросъ, совѣмъ ли упраздняется этотъ средневиковой застѣнокъ, не будетъ ли онъ сохраненъ для тѣхъ пятерыхъ, которыми амнистія только уменьшила наполовину срокъ каторги? Вѣдь мы знаемъ, что число заключенныхъ въ Шлиссельбургъ уже много лѣтъ не превышало 15 человекъ, и, однако, ради этого небольшого числа арестантовъ, правительство продолжало держать тамъ отдѣльное жандармское управленіе и при немъ сотню пѣшей жандармской команды, тратя на все это по 75 тысячъ рублей въ годъ... Это дѣлалось изъ „принципа“: страшная одиночная крѣпость должна была играть роль постоянной угрозы революціонному движенію, быть можетъ, даже болѣе дѣйствительной, чѣмъ угроза смертной казни... Не останется ли и правительство графа Витте вѣрнымъ этому безчеловѣчному плану? Нельзя забывать, что учрежденіе Шлиссельбургской тюрьмы въ 1884 г. было облечено въ форму закона, а графъ Витте все время не устаетъ подчеркивать, что, не смотря на объявленные въ манифестѣ 17 окт. свободы, всѣ прежнія узаконенія, даже и самыя несправедливыя, должны сохранить свою силу впредь до пересмотра ихъ Государственной Думой...

Но русское общество должно, съ своей стороны, употребить всѣ усилія—не допустить этого. Теперь же, немедленно и навсегда, шлиссельбургская одиночная тюрьма должна быть закрыта. Ужасы, которые десятки лѣтъ творились въ закрѣпощенной, мертвымъ сномъ спавшей Россіи, не могутъ имѣть мѣста въ Россіи, проснувшейся и наполовину уже свободной. Надо надѣяться, что сами освобожденные вскорѣ познакомятъ насъ самымъ подробнымъ образомъ съ тѣмъ, что такое Шлиссельбургская крѣпость, какихъ людей заключало туда царское самодержавіе и что оно дѣлало съ ними.

На всѣ эти вопросы отчасти данъ уже отвѣтъ въ напечатанныхъ за границей мемуарахъ Людмилы Волкенштейнъ, Панкратова и Поляванова. Но, къ сожалѣнію, благодаря тяжелымъ цензурнымъ условіямъ, давившимъ до послѣднихъ дней русскую печать, мемуары эти неизвѣстны большинству нашей публики, да и у меня ихъ нѣтъ сейчасъ подъ рукой. Я могу напомнить только, основываясь на тѣхъ же запискахъ, а также на нѣкоторыхъ устныхъ разсказахъ и письмахъ, наиболѣе потрясающіе эпизоды и черты изъ мрачной исторіи Шлиссельбурга.

Итакъ, прежде всего, какія событія привели къ восстановленію въ 1884 г. этого страшнаго застѣнка, въ которомъ нѣкогда замурованъ былъ несчастный даревичъ Іоаннъ Антоновичъ?

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка самоуправство прави-

тельственной камарилы достигло, казалось, своего апогея. Народная казна открыто расхищалась; крестьянскія массы, освобожденные въ 61 г. отъ помѣщичьей власти, но раззоренныя выкупомъ и малоземельемъ, сознательно держались въ ужасающемъ невѣжествѣ; грубый полицейскій кулакъ затыкалъ ротъ всѣмъ независимымъ органамъ печати, не смѣвшимъ писать даже о необходимости государственной организаціи переселеній; казематы тюремъ были переполнены арестованными „крамольниками“, сотнями и тысячами молодыхъ людей обоего пола, ходившими передъ тѣмъ въ народъ для пропаганды идей социализма. Чаша терпѣнія, казалось, переполнилась... Небывалое негодованіе загло почти поголовно русскую молодежь — и міръ сталъ свидѣтелемъ легендарно-героическаго поединка кучки свободныхъ людей съ огромной арміей жандармовъ, прокуроровъ и сыщиковъ. Знаменитый процессъ 193, по которому большая часть подсудимыхъ была оправдана и выпущена на волю, озлобленная трехлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ въ тюрьмахъ, — далъ движенію опытныхъ и закаленныхъ вождей. Къ сожалѣнію, широкіе круги общества и массы народа въ то время еще объаты были тяжелымъ кошмарнымъ сномъ — и исходъ начавшейся борьбы былъ этимъ заранее предрѣшенъ... То ослабѣвая, то усиливаясь, схватки революціонеровъ съ самодержавіемъ продолжались около 5—6 лѣтъ (если считать началомъ этого фазиса движенія выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ январѣ 1878 г., а концомъ его — разгромъ допетровской организаціи въ концѣ 1884 года). Самодержавіе напрягло всѣ усилія, мобилизовало всѣ свои темныя силы, на самоотверженные подвиги молодежи отвѣтило безпощадными казнями, разстрѣлами, висѣлицами, тюрьмами, Сибирью, Шлиссельбургомъ, а также неслышанно-свирѣпымъ подавленіемъ всякаго живого голоса въ странѣ — и побѣда осталась, въ концѣ концовъ, за нимъ. На этотъ разъ за нимъ...

Изъ осужденныхъ, которымъ правительство придавало наибольшее значеніе, но которымъ, въ силу случайныхъ соображеній минуты, оно „даровало жизнь“, были заточены въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Каторжный одиночный режимъ этой крѣпости, находившейся въ центрѣ столицы, былъ такъ безчеловѣченъ, что заключенные вскорѣ стали одинъ за другимъ умирать отъ цынги, туберкулеза и сумасшествія (такимъ образомъ погибли: Александръ Михайловъ, Оболеневъ, Бараниковъ, Клѣточниковъ, Лангансъ, Колодзевичъ, Шаревъ, Телаловъ и многіе другіе извѣстные дѣятели революціи). Возникло опасеніе, что въ самый короткій срокъ переумрутъ всѣ заключенные... Къ тому же, въ 1882 году былъ случайно открытъ заговоръ среди гарнизона, который сторожилъ Нечаева: солдаты поддались вліянію этого замѣчательнаго агитатора и устроили ему сношенія съ волей... Это былъ тотъ самый Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ, выдачи ко-

того у Швейцарии русское правительство добилось въ 1872 году путемъ грубаго обмана,—давъ обѣщаніе, что будетъ судить его, какъ уголовного, а не политическаго преступника. Комедія уголовного суда была, дѣйствительно, честно продѣлана.. Нечаева приговорили къ 10 годамъ каторжныхъ работъ, и если бы онъ отбывалъ это наказаніе въ качествѣ уголовного же преступника, то черезъ какихъ нибудь 3 — 4 года былъ бы выпущенъ изъ тюрьмы въ такъ называемую вольную команду. Но Нечаевъ былъ нуженъ самодержавію не потому, конечно, что совершилъ преступленіе противъ общаго права: нѣтъ, оно не могло забыть и простить этому видному революціонеру-агитатору его дерзкой попытки въ 1869 году, когда все въ Россіи молчало и работѣствовало, создать обширный политическій заговоръ. Немедленно же послѣ суда Нечаевъ былъ запертъ въ каменный мѣшокъ Алексѣевского рavelина, гдѣ и прожилъ безвыходно 10 лѣтъ. Неизвѣстно, какъ бы распорядились съ нимъ по истеченіи этого срока, но самъ Нечаевъ, очевидно, плохо вѣрилъ въ близкое освобожденіе. Впрочемъ, говорятъ, еще въ 1877 г. онъ далъ пощечину навѣстившему его въ казематъ шефу жандармовъ Потапову, за что былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ вѣчному заточенію...

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, вѣроятно, не десятки, а сотни заключенныхъ перебивали въ Алексѣевскомъ рavelинѣ; среди нихъ не было, конечно, недостатка въ людяхъ отважныхъ, энергичныхъ, горячо вѣровавшихъ въ свое дѣло и беззавѣтно любившихъ свободу, и, однако, ни одному изъ нихъ не удалось разрушить чары тяготившаго надъ этой тюрьмой мрачнаго режима: солдаты оставались глухи ко всѣмъ страданіямъ заключенныхъ, безотвѣтны на всѣ ихъ попытки вести пропаганду... И только Нечаевъ сумѣлъ сдѣлать невозможное—привлечь къ себѣ эти загрубѣлыя сердца и сдѣлать ихъ послушными орудіями своей воли. Преданность ему распропагандированныхъ солдатъ, — не иначе называвшихъ Нечаева, какъ „нашъ орелъ“, — была такъ велика, что они изъявляли, напр., готовность арестовать самого императора въ одно изъ его посѣщеній крѣпости... Что усвоеніе ими идей революціоннаго социализма не было вообще какимъ либо преходящимъ увлеченіемъ, доказала послѣдующая судьба этихъ солдатъ, и въ Сибири, въ ссылкѣ, принадлежавшихъ къ ч. слу наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ товарищей (Тонышевъ, Штырловъ).

Опираясь на сочувствіе и помощь гарнизона, Нечаевъ, черезъ сидѣвшаго въ томъ же Алексѣевскомъ рavelинѣ народовольца Степана Шарьева, завелъ регулярныя сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Послѣдній поставилъ, между прочимъ, передъ Нечаевымъ дилемму: новая попытка царубійства, или освобожденіе изъ крѣпости всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и самого Нечаева. Второе исключало, конечно, первое: совершись, въ самомъ

дѣлѣ, такое крупное событіе, какъ побѣгъ изъ Петропавловской крѣпости, — изъ этой надежнѣйшей твердыни самодержавія, — его алчѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ; — и напуганный царь, навѣрное, поспѣшилъ бы герметически закупориться въ одномъ изъ своихъ отдаленныхъ дворцовъ-крѣпостей; террористическіе планы Исполнительнаго Комитета на долгое время были бы разрушены.

Безъ малѣйшаго колебанія, Нечаевъ отклонилъ проектъ своего освобожденія. Событіе 1 марта 1881 г. совершилось...

Но, когда партія „Народной Воли“, какъ извѣстно, подверглась послѣ этого небывалому разгрому, полиція напала случайно на какую-то нить, доведшую ее и до Нечаева. Сорокъ нижнихъ чиновъ были арестованы и отданы подъ судъ въ декабрѣ 1882 года. Дальнѣйшая судьба самого Сергія Нечаева покрыта мракомъ тайны... Ходилъ слухъ, что осенью 1884 года онъ былъ еще живъ, и его повезли въ устроенный къ тому времени Шлиссельбургъ. По одной версіи, онъ бросился съ парохода въ Неву и утонулъ, по другой — выскочилъ изъ кареты и былъ застрѣленъ. Третьи думаютъ, что онъ погибъ уже въ стѣнахъ Шлиссельбурга...

Я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Послѣ открытія заговора въ Петропавловской крѣпости правительствомъ было окончательно рѣшено подальше убрать политическихъ каторжниковъ, и изобрѣтательная мысль тогдашняго палача русской свободы Дмитрія Толстого остановилась на историческомъ застѣнкѣ самодержавія — Шлиссельбургской крѣпости. Ее спѣшно ремонтировали, и съ августа 1884 года въ нее начали свозить заключенныхъ не только изъ Алексѣевского рavelина, но и изъ многихъ другихъ тюремъ Россіи. При этомъ рѣшеніе вопроса, кто именно заслуживалъ Шлиссельбурга, всецѣло предоставлено было *усмотрѣнію* департамента полиціи, широко воспользовавшагося этой дискреціонной властью: такъ, на ряду съ осужденными на пожизненное заключеніе, въ Шлиссельбургъ очутились: — приговоренный всего къ четыремъ годамъ каторги Василій Карауловъ и никакимъ судомъ не осужденный, присланный на пять лѣтъ *административнымъ порядкомъ* офицеръ Михаилъ Лаговскій. Но этого мало: когда означенныя пять лѣтъ прошли, департаментъ полиціи, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и основаній, продлилъ заключеніе Лаговскаго еще на одно пятилѣтіе... Что значили для гг. Плеве и Дурново годы человѣческой жизни и свободы! Они смѣялись надъ закономъ, справедливостью и, тѣмъ болѣе, надъ общественнымъ мнѣніемъ!

Въ августѣ 1884 года поплыла въ Шлиссельбургъ первая баржа съ двѣнадцатью узниками изъ Алексѣевского рavelина. Но пусть не подумаетъ читатель, что хоть это короткое время путешествія по Невѣ несчастные узники пользовались свободой сношеній между собою. Нѣтъ, врагъ ихъ не былъ такъ простъ и

мягкосердеченъ. Закованные въ ручные и ножные кандалы, они размѣщены были въ одиночныхъ кельяхъ, расположенныхъ на подобіе кѣтокъ шахматной доски, и никакія сношенія, разговоры и перестукиванье не допускались. Мрачная пловучая тюрьма, въ которой царило гробовое безмолвіе, нарушаемое лишь плескомъ [волнъ, кнѣла соглядателями-жандармами... Таковъ былъ зловѣщій прологъ къ кровавой шлссельбургской трагедіи.

Къ концу 1884 года въ Шлссельбургскихъ казематахъ уже скопилось 36 человѣкъ заключенныхъ: одиннадцать или двѣнадцать (если считать Нечаева) изъ Алексѣевского рavelина (Фроленко, Морозовъ, Тригони, Грачевскій, Арончикъ, Исаевъ, Юрій Богдановичъ, Поливановъ, Златопольскій, Клименко, морской офицеръ Бупевничъ); одиннадцать привезенныхъ съ Кары (Мышкинъ, Поповъ, Малавскій, Долгушинъ, Щедринъ, Вуцинскій, Кобылянский, Минаковъ, Геллисъ, Юрковский, Крыжановскій); одиннадцать по петербургскому процессу Вѣры Фигнеръ (сама Вѣра Фигнеръ, Людмила Волкенштейнъ, Немоловскій, Василій Ивановъ, Суровцевъ и офицеры—Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Ювачевъ, Тихановичъ, Шгромбергъ, Рогачевъ, — послѣдніе двое немедленно по привозѣ повѣшены) и четверо по кievскому процессу (Карауловъ, Шебалинъ, Панкратовъ, Мартыновъ).

За слѣдующіе два года прибавились немногіе: Игнатій Ивановъ изъ казанскаго дома умалишенныхъ, Манучаровъ изъ Одессы, упомянутый выше Лаговскій да Яновичъ и Варынский (по варшавскому процессу „Пролетаріата“). Только 1887 годъ, когда происходило нѣсколько громкихъ политическихъ процессовъ, привелъ въ Шлссельбургъ цѣлую вереницу новыхъ жертвъ, и то многихъ лишь для того, чтобы черезъ два—три дня отдать ихъ въ руки палача: здѣсь именно повѣшены были пятеро „первомартовцевъ“ 1887 года (Ульяновъ, Генераловъ, Осипановъ, Андрѣюшкинъ, Шѣвыревъ)... Остались жить двое ихъ товарищей (Новорусскій, Лукашевичъ) и пятеро такъ называемыхъ лопатинцевъ (Лопатинъ, Стародворскій, Конашевичъ, Антоновъ, Сергій Ивановъ); къ нимъ присоединился вскорѣ Борисъ Оржикъ. Съ этого времени политическіе процессы въ Россіи, какъ извѣстно, почти прекратились; во избѣжаніе шума и огласки, правительство стало рѣшительно предпочитать административную расправу, и съ конца 87 года вплоть до послѣднихъ дней, когда прокатилась новая кровавая волна революціоннаго движенія, освободившая шлссельбуржцевъ, т. е. за цѣлыхъ 17 лѣтъ всего лишь 11 новыхъ жильцовъ прибавилось въ Шлссельбургъ (Софья Гинцбургъ, Карповичъ, Валмашевъ, Качура, Гершуни, Мельниковъ, Сазоновъ, Сикорскій, Гершковичъ, Васильевъ и Каляевъ), да и изъ нихъ пятеро очень недолго прогостили въ крѣпости...

Такимъ образомъ, за 21 годъ существованія этой страшной тюрьмы въ ней перебивало ровно *шестьдесятъ* самъ человѣкъ.

Изъ этого числа амнистія 21 октября застала сидящими въ заключеніи всего лишь тринадцать человѣкъ (Попова, Фроленко, Морозова, Новорусскаго, Лукашевича, Лопатина, Иванова, Антонова, Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго); четырнадцатый, Стародворскій, перевезенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость еще въ сентябрѣ нынѣшняго года. За всѣ предыдущіе годы были увезены изъ Шлиссельбурга и возвращены живыми не болѣе пятнадцати человѣкъ. Судьба остальныхъ 37 отмѣчена высокимъ трагизмомъ: 13 человѣкъ были разстрѣляны и повѣшены въ стѣнахъ тюрьмы *); четверо тамъ же покончили съ собой **); трое застрѣлились вскорѣ послѣ освобожденія... ***) Изъ сошедшихъ съ ума одинъ умеръ въ больницѣ Николая Чудотворца ****), двое, въ состояніи безнадежнаго умопомраченія, и сейчасъ еще влечать страдальческую жизнь въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ *****); наконецъ, 15 человѣкъ умерли отъ чахотки, цинги и сумасшествія въ самомъ Шлиссельбургѣ *****)...

Режимъ тюрьмы временъ 80-хъ годовъ, когда во главѣ русской жандармеріи стояли такіе незабываемыя фигуры, какъ Шебеко и Оржевскій, отличался самой безчеловѣчной свирѣпостью, являясь, въ сущности, продолженіемъ режима Алексѣевского рабства. Даже смотрителемъ крѣпости въ эти годы былъ переведенный оттуда же бездушный Соколовъ, котораго заключенные звали „Иродомъ“. Этотъ „безъ лести преданный“ солдатъ, тупой и невѣжественный, готовъ былъ, какъ самъ признавался, убить, по приказанію начальства, родного отца. „А если прикажутъ—стану рябчиками кормить!“—гордо заявлялъ онъ заключеннымъ. По своему онъ даже любилъ ихъ, какъ можетъ палачъ любить свою жертву. Вѣроятно, онъ былъ бы искренно огорченъ, если бы въ одно прекрасное утро нашелъ своихъ питомцевъ мертвыми, и не потому только, что испугался бы отвѣтственности: нѣтъ, его идеаломъ было, чтобы заключенные возможно долгое, неопредѣленное время владели жизнью подъ неукоснительно-строгимъ надзоромъ его полицейскаго ока, и чтобы они были при этомъ здоровы и спокойны... Зла онъ не желалъ имъ... Перестукиванье (единственный способъ сношенія между арестантами), пѣніе, свистъ, слишкомъ быстрая ходьба, всякій излишній шумъ, всякое обнаруженіе того, что человѣкъ живетъ, а не прозябаетъ, что въ немъ копошится духъ

*) Мышкинъ, Минаковъ, Ульяновъ, Генераловъ, Осипановъ, Андрѣюшкинъ, Шевыревъ, Штромбергъ, Рогачевъ, Балмашевъ, Гершковичъ, Васильевъ и Каляевъ.

**) Клименко, Тихановичъ, Грачевскій, Софья Гинцбургъ.

***) Мартыновъ, Яновичъ и Поливановъ.

****) Похитоновъ.

*****) Шедринъ и Конашевичъ.

*****) Нечаевъ, Исаевъ, Арончикъ, Богдановичъ, Златопольскій, Малавскій, Буцинскій, Буцевичъ, Кобылянскій, Геллисъ, Долгушинъ, Юрковскій, Игнатій Ивановъ, Немеловскій, Людвигъ Варыинскій.

неповиновения и самостоятельности, — свирѣпо и безпощадно преслѣдовалось: непокорныхъ били, вязали, заключали въ карцеръ, лишали прогулокъ, обѣда. Имъ всёми говорили „ты“. Грубая солдатская пища, при томъ въ явно недостаточномъ количествѣ, а часто и изъ прямо гнилыхъ продуктовъ, давалась даже и тяжело больнымъ. Когда въ крѣпости началась повальная цынга, и у начальства явилось опасеніе, какъ и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, что они всё перемерутъ, наиболѣе слабымъ стали давать по нѣскольку ложекъ молока въ день и увеличивать время прогулокъ; но какъ только человѣкъ начиналъ оправляться и крѣпнуть, молоко тотчасъ же убавляли или отнимали совсѣмъ... Никакихъ книгъ, кромѣ евангелія, не полагалось. Сторожившіе жандармы были нѣмы, какъ рыбы, и не отвѣчали ни на какіе вопросы заключеннаго... Железная кровать съ ранняго утра поднималась и запиралась на замокъ, и даже больнымъ заключеннымъ, иногда умирающимъ, приходилось лежать на холодномъ асфальтовомъ полу... На этотъ же полъ чахоточные выхаркивали мокроту и сгустки крови, заражая такимъ образомъ камеры... Сошедшій съ ума и разбитый параличомъ Арончикъ два или три года пролежалъ безъ движенія, и отъ грязи и плохого ухода все тѣло его покрылось въ концѣ концовъ язвами, въ которыхъ кишѣли черви. Рассказываютъ, что когда онъ умеръ, и зритель увидѣлъ воочию трупъ отстрадавшаго мученика, у него вырвалось восклицаніе: „Боже мой, до чего довели человѣка!“

Въ качествѣ карцера служили казематы такъ называемой старой тюрьмы, отдѣльнаго корпуса, сырого и слабо освѣщеннаго, известнаго у заключенныхъ подъ именемъ „сарая“. Тамъ же содержались, иногда по нѣсколько лѣтъ, всё новички (напр., сейчасъ—Сазоновъ и Сикорскій), а также тѣ революціонеры, которыхъ правительство наиболѣе ненавидѣло. Вообще есть много данныхъ думать, что къ отдѣльнымъ лицамъ примѣнялась особозвѣрская, утонченная свирѣпость... Такъ, еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ было нѣсколько совершенно изолированныхъ и усиленно охраняемыхъ камеръ, куда не могли достигнуть никакіе ступи товарищей, и о судьбѣ заключенныхъ тамъ революціонеровъ никто ничего не знаетъ. Изъ нихъ, кромѣ Нечаева, прежде всего слѣдуетъ помянуть Александра Михайлова и Клѣточникова. Александра Михайлова, на ряду съ Желябовымъ, дѣйствительно, можно назвать душою народовольческаго движенія; его замѣчательнымъ конспираторскимъ талантамъ оно обязано было успѣхомъ самыхъ смѣлыхъ и сложныхъ своихъ предпріятій, и ненавидѣть этого человѣка у русскаго правительства было достаточно оснований. Именно Александръ Михайловъ пристроилъ своего товарища Клѣточникова на службу въ знаменитое третье отдѣленіе, эту грозную цитадель тогдашняго самодержавія. Ономо трехъ лѣтъ работалъ тамъ Клѣточниковъ, не переставая все

время осторожно сносятся съ членами исполнительнаго комитета, и начальство было имъ такъ довольно, что быстро вышло по служебной лѣстницѣ и осыпало наградами. Въ одинъ прекрасный день ему былъ пожалованъ орденъ Станислава, и народовольцы, шутя, поздравляли другъ друга съ полученіемъ ордена. Благодаря Клѣточникову, у третьяго отдѣленія все валилось изъ рукъ, неудача постигала его за неудачей, а предпріятія исполнительнаго комитета, напротивъ, увѣчивались блестящими успѣхами. Надъ знаменитымъ учрежденіемъ уже начинали витать подозрѣнія, и императоръ Александръ II получилъ однажды формальный доносъ, что тамъ именно гнѣздится нѣмѣна... Переполохъ былъ огромный, и, однако, самъ Клѣточниковъ оставался внѣ тѣни какого-либо подозрѣнія. Его погубила пустая случайность. Въ квартирѣ, на которую онъ явился для свиданія съ товарищами-заговорщиками, въ ночь передъ тѣмъ произведенъ былъ обыскъ и арестъ, по предписанію второстепенной полицейской власти, о чемъ Клѣточниковъ еще не былъ извѣщенъ, — и онъ попался въ ловушку...

Злобѣ жандармовъ не было границъ, и когда, осужденный въ февралѣ 1882 года на смерть, но, „помилванный“, онъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій рavelинъ, къ нему примѣнены были самыя изысканныя мучительства, о подробностяхъ которыхъ пока молчать жандармскіе застѣнки...

Ужасный шлессельбургскій режимъ постепенно дѣлалъ свое злое дѣло—и герои „Народной Воли“ сходили одинъ за другимъ въ могилу, въ гордомъ молчаніи, не проронивъ ни одного звука раскаянія или мольбы о пощадѣ. А именно мольбы о пощадѣ и добивались, во что бы то ни стало, Оржевскіе, Шебеки и Плеве. Съ безстыднымъ цинизмомъ объясняли они значеніе и цѣль тѣхъ нечеловѣческихъ пытокъ, которыя устроили въ Шлессельбургѣ: цѣлью ихъ было—„сломить волю“ заключенныхъ...

Сердце содрогается отъ той ужасной картины, которую рисуетъ порой воображеніе. Длинный, мрачный корридоръ, еле освѣщенный коптящими керосиновыми лампами и по всѣмъ угламъ усяянный шепчущимися жандармами. Одна за другой, тянутся глубокія темныя ниши плотно запертыхъ дубовыхъ дверей съ огромными засовами и замками. Вездѣ гробовая тишина... И только гдѣ-то далеко, за этими зловѣщими черными дверями, слышатся порой тяжкіе вздохи и одавленные стоны больныхъ и умирающихъ заключенныхъ... И такъ проходили дни, мѣсяцы, годы...

Да! они и умирали въ одиночествѣ, безпомощные, покинутые, забытые... И когда приходила смерть—избавительница, когда затихалъ послѣдній страдальческій стонъ, наглухо закрытая до тѣхъ поръ камера шумно распаивалась,—бряцающая шпорами, входили въ нее жандармы, грубыми, безжалостными руками хватали бездыханное тѣло и уносили невѣстно куда. И лишь по этому

утомленному стuku дверей и топоту людей, волочивших по корридорy что-то тяжелое, заключенные узнавали, что не стало еще одного товарища, что очередь теперь за другимъ... Какой трогательной душевной красотой и горделивой вѣрностью идеалу вѣсть отъ трагическихъ образовъ этихъ загубленныхъ апостоловъ свободы! Нельзя читать безъ слезъ разсказъ Поливанова о томъ, какъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ онъ перестукивался съ доживавшимъ уже послѣдніе дни Колодѣвичемъ. Когда онъ (Поливановъ) унывалъ и помышлялъ о самоубійствѣ, умирающій Колодѣвичъ подползалъ на костыляхъ къ своей стѣнѣ и неизмѣнно выстукивалъ товарищу слова утѣшенія и ободренія. Но въ одно мрачное утро стукъ Поливанова остался безъ отвѣта: вскорѣ онъ услышалъ только, какъ сосѣдняя дверь загремѣла, и жандармы осторожно понесли что-то по корридорy...

Само собой разумѣется, что всѣ эти безчеловѣчныя надругательства и пытки вызывали нерѣдко бурные протесты со стороны замурованныхъ въ страшную крѣпость молодыхъ, полныхъ жизни и энергіи людей. Не одинъ разъ заключенные, какъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, такъ и въ Шлиссельбургѣ, приступали къ частной и къ общей голодовкѣ. Такъ, Михаилъ Шебалинъ цѣлыхъ 30 дней отказывался принимать пищу, протестуя противъ незаконнаго заточенія его въ Шлиссельбургъ и требуя увоза въ Сибирь, къ женѣ и сыну (онъ не зналъ объ ихъ смерти въ московской пересыльной тюрьмѣ)... Позже, въ 1889 г., *одиннадцать* дней голодала вся тюрьма изъ-за того, что правительство вздумало ограничить разрѣшенную уже библіотеку. Но этотъ способъ протеста, необыкновенно мучительный для самихъ протестующихъ (и безъ того уже истомленныхъ многолѣтнимъ ежедневнымъ недоуданіемъ), обыкновенно мало дѣйствителенъ, такъ какъ, въ сущности, не доставляетъ тюремщикамъ никакого особеннаго огорченія: они отлично знаютъ, что умереть отъ голода трудно, что лишь отдѣльныя немногія единицы сумѣютъ голодать до конца, и что въ крайнемъ случаѣ измученнаго и ослабѣвшаго человѣка можно накормить силой. Послѣднее и дѣлалось не разъ въ Шлиссельбургѣ правительственными лакеями, носившими громкое и гуманное званіе врачей... Кажется, еще въ 1885 году Ипполитъ Мышкинъ, въ припадкѣ бѣшенства, пустилъ оловянную тарелку въ голову одного такого лакея (доктора Заркевича) и былъ судимъ за это военнымъ судомъ, который приговорилъ его къ смертной казни. Мышкинъ былъ разстрѣлянъ. Объ этомъ извѣстномъ героѣ-революціонерѣ скажу подробнѣе.

Въ юности онъ служилъ стенографомъ-репортеромъ въ редакціи „Моск. Вѣдомостей“ и въ 1871 году былъ посланъ Катковымъ на извѣстный политическій процессъ Успенскаго, Кузнецова и др. (по нечаевскому дѣлу) для составленія о немъ отчета. Здѣсь-то Мышкинъ и познакомился впервые съ револю-

идеями, и его горячая прямолинейная натура сразу и беззаветно отдалась имъ. Въ 1875 году, переодѣтый жандармскимъ офицеромъ, Мышкинъ является въ Вилюйскъ (Якутской обл.), гдѣ томился въ тюрьмѣ Чернышевскій, и дѣлаетъ попытку освободить любимого писателя. Онъ представилъ мѣстному исправнику подложное предписаніе иркутскаго жандармскаго управленія немедленно передать Чернышевскаго ему, Мышкину, для отвоза въ Иркутскъ; но оказалось, требовалось такое же предписаніе еще и отъ губернатора... Говорятъ также, будто кто-то изъ полицейскихъ агентовъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что у мнимаго жандарма аксельбанты находились не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ полагается быть... Мышкинъ, увидавъ, что дѣло плохо, бросился въ лодку и поплылъ вверхъ по Лѣнѣ; догонять его кинулись два казака — онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ... Тогда въ погоню отправленъ былъ уже цѣлый отрядъ казаковъ. Мышкинъ былъ пойманъ и отвезенъ въ Россію, гдѣ давно уже искали его по дѣлу устроенной имъ же тайной типографіи. Просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, Мышкинъ судился по такъ называемому большому процессу (193) и произнесъ на судѣ пламенную рѣчь, въ которой бросилъ правительству и судьямъ въ лицо очень рѣзкія обвиненія. Эта знаменитая рѣчь, — наравнѣ съ рѣчью рабочаго Петра Алексѣева (по процессу 50), — не одну пылкую душу направила на путь самоотверженной борьбы съ произволомъ. Но она же рѣшила судьбу Мышкина, и, приговоренный къ 10 годамъ каторжныхъ работъ, онъ уже не увидалъ больше свободы. Долго протомившись въ бѣлгородской центральной тюрьмѣ, откуда едва не устроилъ смѣлаго побѣга при помощи подкупа, онъ былъ высланъ, наконецъ, на Кару. По дорогѣ, въ иркутской тюремной деревнѣ, при отпѣваніи умершаго товарища Дмоховскаго, онъ опять произнесъ смѣлую рѣчь, которую закончилъ словами: „И на почвѣ, политой кровью мучениковъ, вырастетъ дерево свободы“. Тюремный поэтъ, стоявшій съ кадиломъ въ рукѣ, не вытерпѣлъ и громко сказалъ: „Врешь, не вырастетъ“... За эту рѣчь Мышкину набавили срокъ каторги. Но энергія этого человѣка была несокрушима. Онъ и съ Кары пытался бѣжать и успѣлъ уже выѣхать съ рабочимъ Хрущовымъ пробраться во Владивостокъ... Вся Сибирь была поднята правительствомъ на ноги, и только-какая-то пустая, глупая случайность отдала Мышкина въ руки полиціи. Тогда правительство рѣшило, наконецъ, упрятать его въ Шлиссельбургскій тайникъ, гдѣ эта пламенная душа и нашла себѣ безвременную могилу.

За Мышкинымъ последовалъ вскорѣ Минаковъ, также оскорбленный дѣйствіемъ кого-то изъ тюремщиковъ и также разстрѣлянный...

Грубость и дерзость тюремщиковъ въ первые годы существо-

ванія Шлиссельбурга не поддаются описанію. Когда однажды Василій Ивановъ переступивался съ кѣмъ-то изъ товарищей, оранжандармовъ съ „Иродомъ“ во главѣ, ворвавшись въ камеру, жестоко избила его, связала и отвела въ карцеръ. Побой были такъ безчеловѣчны, что еще недѣлю спустя докторъ видѣлъ на его тѣлѣ синяки и кровоподтеки. Черезъ полгода послѣ того тюрьму навѣстили шефъ жандармовъ Оржевскій. Но когда Ивановъ пожаловался на произведенное надъ нимъ насиліе и сослался на свидѣтельство доктора, послѣдній отъ всего отнерся... Переступиванье черезъ стѣну, бывшее долгіе годы единственнымъ средствомъ общенія съ товарищами, доставляло, конечно, великую отраду, ради которой можно было многимъ жертвовать; но иногда, когда разстраивались нервы и хотѣлось прежде всего покоя, во что бы то ни стало покоя, эта отрада превращалась въ пытку. Товарищъ стучалъ, вызывая на бесѣду,—быть можетъ, большой, умирающій товарищъ, которому необходимо было передать живымъ свое послѣднее слово,—а говорить было тяжело, малѣйшій стукъ раздражалъ издерганные нервы... „И вотъ,—рассказываетъ В. Н. Фигнеръ,—больная и измученная, со слезами на глазахъ, я всетаки подходила къ стѣнѣ и стучала“... Въ довершеніе всего, неожиданно распахивалась дверь, и жандармы врываются въ нее съ грознымъ окрикомъ: „не стучать!“ Слышно было, какъ стучавшаго товарища уже волокли въ карцеръ... Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Вѣра Николаевна сказала кричавшему на нее Ироду: „Что же, вы и меня потащите?..“ Онъ смѣрилъ взглядомъ ея маленькую, изможденную фигуру и какъ бы дрогнувшимъ жалостью голосомъ, въ свою очередь, спросилъ: „Да кого тутъ тащить-то?!“ Однако, и ее отвелъ въ старую тюрьму...

Между прочимъ, изъ высшаго начальства, посѣщавшаго Шлиссельбургъ, наибольшей грубостью отличался Оржевскій, одинъ изъ всѣхъ позволявшій себѣ говорить заключеннымъ „ты“ (другіе предпочитали безличную форму). Впрочемъ, и Шебеко былъ хорошъ. Ему показалось однажды, что Шебадинъ окинулъ его неповолиительно-гордымъ взглядомъ, и онъ выбѣжалъ изъ его камеры съ крикомъ: „Это что за дерзкая рожа?!“ Когда волидъ затѣмъ Шебеко вошелъ къ сосѣдкѣ Шебакина, Л. А. Волкенштейнъ, и та въ негодованіи отвернулась отъ него, онъ закричалъ еще громче: „Имъ нужны плети! Имъ нужны плети!“

Года два спустя тотъ же Шебеко разлетѣлся къ Людмилѣ Волкенштейнъ съ любезной улыбкой и словами привѣта отъ ея матери. Но Волкенштейнъ отвѣтила: „Даже о матери я ничего не хочу слышать *отъ васъ*“.

Тяжела была эта беспросвѣтная, полная униженій и страданій, жизнь, но всего невыносимѣе была одна пытка, придуманная безжалостнымъ врагомъ,—это пребываніе адорovýchъ рядомъ съ пошлѣшными... Игнатій Ивановъ, до устройства Шлиссельбургжизнѣ въ Ка-

зани, въ домѣ умалишенныхъ, былъ привезенъ оттуда, вѣроятно, специально для этой цѣли, такъ какъ и самый темный эскулапъ не могъ, конечно, признать его оправившимся. Вскорѣ заболѣли также психическимъ разстройствомъ Щедринъ, Арончикъ, Ювачевъ, потомъ — Похитоновъ и Конашевичъ. Последний съ большимъ трудомъ выносили уже и предварительное трехлѣтнее заключеніе въ Петропавловской крѣпости — и на судѣ, въ ожиданіи смертнаго приговора (онъ убилъ вмѣстѣ съ Стародворскимъ пресловутаго Судейкина, инспектора тайной полиціи въ Петербургѣ), въ защитительной рѣчи сказалъ своимъ судьямъ лишь слѣдующія слова: „Пощады я не прошу и не желаю“... Одиночному заключенію онъ предпочиталъ висѣлицу, но его „помиловали“ и отправили на пожизненное заключеніе въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ скоро и помышался. Кромѣ названныхъ лицъ, временное помраченіе сознанія замѣчалось и у многихъ другихъ шлиссельбуржцевъ... У однихъ помѣшательство было тихое, безобидное, у другихъ, напротивъ, съ буйными приступами ярости, вспышками шумнаго горячечнаго бреда. Они громко хохотали, пѣли, рычали, и эти дикіе звуки среди могильной тюремной тишины потрясали нервы здоровымъ заключеннымъ. Какъ о высшемъ счастьи, приходилось мечтать объ увозѣ несчастныхъ товарищей въ психіатрическія лѣчебницы. Объ этомъ заключенные и просили иногда не только смотрителя, но и высшее петербургское начальство, навѣщавшее время отъ времени тюрьму, но оно оставалось глухо къ этимъ просьбамъ. Почему? Кто посмѣетъ сказать, въ защиту департамента полиціи, что онъ не могъ ихъ исполнить? Вѣдь позже, когда и въ Шлиссельбургъ проникли сравнительно мягкія вѣянія, увезены же были Щедринъ, Конашевичъ и Похитоновъ.

И еще слѣдуетъ упомянуть объ одной звѣрской пыткѣ. Всѣхъ приговоренныхъ къ смертной казни, о помилованіи которыхъ самодержавіе Толстыхъ, Плеве и Треповыхъ не хотѣло и думать, привозили для чего-то изъ Петропавловской крѣпости въ стѣны того же Шлиссельбурга — для того только, чтобы черезъ 2 — 3 дня отправить здѣсь на висѣлицу. И несчастные заключенные не могли каждый разъ не догадываться, что въ ихъ проклятомъ жилищѣ готовится что-то особенное: прогулки на это время прекращались; по корридору слышалась усиленная бѣготня жандармовъ; временами доносились стукъ воздвигаемаго во дворѣ эшафота... Говорятъ, нѣкоторые изъ заключенныхъ видѣли даже изъ своихъ оконъ верхушки вѣщальныхъ столбовъ... Такъ въ 1884 году въ Шлиссельбургъ повѣшены были Рогачевъ и Штромбергъ, а въ 1887 году пятеро юношей-студентовъ, присужденныхъ къ смерти за приготовленіе къ покушенію на жизнь императора Александра III... Такъ въ недавнее время казнены были тамъ же Балмашевъ и Калевъ... Извѣстны наводящія ужасъ подробности казни Степана Валерьяновича Балмашева. Когда приговоренный къ смерти ге-

рой, въ сопровожденіи жандармовъ, шелъ черезъ тюремный дворъ въ назначенный ему для послѣдняго ночлега казематъ, онъ все время махалъ фуражкой, улыбался и низко кланялся, глядя на окна тюрьмы, очевидно надѣясь, что старики - народовольцы его видятъ. И онъ не ошибся: это было время сравнительно облегченнаго режима, и заключенные, дѣйствительно, смотрѣли въ окна, уже зная, что въ тюрьму ведутъ новаго товарища, которому они, впрочемъ, никогда не пожмутъ руки. Въ утро послѣ казни Балмашева нѣкоторые видѣли уходившихъ со двора солдатъ, отряхавшихъ съ себя известку, и скоро узнали, что это значило: радомъ съ вѣнницей, на томъ же дворѣ, была вырыта яма, наполненная негашеной известью, куда и былъ брошенъ трупъ казненнаго... Затѣмъ вся эта часть двора была заложена высокими полѣнницами дровъ...

Точно такимъ же образомъ, и именно въ Шлиссельбургѣ (мнѣ извѣстно это изъ вполне достовѣрнаго источника) казнены были нѣмнѣйшимъ дѣломъ два *несовершеннолѣтнихъ* юноши — Хаймъ Гершковичъ и Александръ Васильевъ. Первый изъ нихъ, принадлежа къ партіи соц.-революціонеровъ, оказалъ, какъ извѣстно, вооруженное сопротивленіе полиціи въ домѣ на Фонтанкѣ, причемъ слегка ранилъ околodочнаго. По общимъ отзывамъ это былъ замѣчательно чистый, беззапятно преданный дѣлу революціи юноша; предсмертное письмо Гершковича къ матери трогаетъ до слезъ... Ему было всего 19 лѣтъ... Что касается 18-ти лѣтняго рабочаго Александра Васильева, то онъ застрѣлилъ пристава Каволина за то, что тотъ нѣсколько разъ звѣрски избивалъ его, Васильева, въ участіи и вообще всячески преслѣдовалъ. Мотивы убійства были, такимъ образомъ, чисто личные, чуждые всякой политики, — и, тѣмъ не менѣе, ген.-губ. Треповъ отклонилъ всѣ просьбы (и матери, и защитника) о помилованіи и отправилъ Васильева въ Шлиссельбургъ для совершенія казни. Нужно прибавить, что и этотъ несчастный юноша мужественно встрѣтилъ смерть. — Оба похоронены вонзѣ тюремной стѣны, и на мѣстѣ могилы, какъ бы для сокрытія слѣдовъ преступленія, сложенъ высокій штабель дровъ...

Такъ, одинъ за другимъ, сходили въ могилу герои Шлиссельбурга.

Какъ я уже говорилъ, съ 1887 вплоть до 1901 года, когда Карповичъ принесть вѣсти о начавшемся новомъ движеніи, ни одинъ живой звукъ не проникалъ изъ вольнаго міра въ этотъ мрачный гробъ. Единственнымъ привезеннымъ за эти годы въ Шлиссельбургъ человекомъ была Софья Михайловна Гинцбургъ, но она посажена была въ отдѣльное зданіе, гдѣ вкорѣ и погибла, не успѣвъ войти съ товарищами въ сношенія. Казалось, вся Россія превратилась въ одно огромное кладбище, казалось—въ ней остановились всякія попытки вырваться на свѣтъ и свободу. Холодное

отчаяніе могло закрасться въ душу и самыхъ смѣлыхъ людей, но великая честь и слава шлиссельбургскимъ мученикамъ: ни одинъ изъ нихъ не поддался отчаянію, ни одинъ не дрогнулъ въ эти долгіе, безпросвѣтно-мрачныя годы и не пошелъ въ Каноссу... Герои предпочитали умирать.

Здѣсь я не могу не выразить чувства особеннаго, благоговѣйнаго удивленія передъ тѣми двумя героинями русской революціи, которыя вмѣстѣ съ мужчинами-товарищами десятки лѣтъ дѣлили нечеловѣческія муки, и не только дѣлили, но и умѣли вносить въ крошечный шлиссельбургскій адъ лучъ свѣта и любви, духъ несокрушимой бодрости. Значеніе и красота ихъ историческаго подвига безпримѣрны, и имена Вѣры Николаевны Фигнеръ и Людмилы Александровны Волкенштейнъ будутъ горѣть въ памяти потомства ореоломъ вѣчной мученической славы...

Но могу удержаться—не привести стихотворенія Вѣры Николаевны „Къ матери“, написаннаго ею 31 декабря 1887 г., т. е. въ первый еще, самый тяжелый періодъ существованія шлиссельбургской тюрьмы:

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть въ мірѣ святого,
Чистаго, вѣчнаго, намъ дорогаго,
Дай обо мнѣ ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ишу я удѣла иного —
Всѣмъ идеаломъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь первое время,
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломить меня...
Но не сломило! Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю
Мать дорогую обнять.
Мать не прошу я любить: сердце чувствуетъ,
Что и безъ просьбы она поминетъ, горюетъ.
Образъ мой въ сердцѣ хранишь.
Но пусть не плачетъ, меня вспоминая:
Я весела, я борда... Пусть родная
Горемъ себя не томить!
Пусть лишь въ молитвахъ меня поминаетъ,
Пусть лишь крестомъ издали осѣняетъ,—
Дочь трудный путь да свершитъ!..

Стихотвореніе это по задушевной трогательной нѣжности можно поставить рядомъ развѣ лишь съ предсмертнымъ письмомъ къ матери же великой другой героини русской революціи—Софьи Петровской... Къ несчастью, мрачное предчувствіе не обмануло Вѣру Николаевну: ей не пришлось „мать дорогую обнять“. Ста-

рушка умерла ровно за годъ до выхода изъ тюрьмы нѣжно любимой дочери *)...

Характерно, что процентъ покончившихъ въ крѣпости самоубійствомъ былъ ничтоженъ, — всего четыре человека: повѣсился Клименко и Тихановичъ, сжегъ себя живьемъ Грачевскій и Гинцбургъ зарѣзалась. Грачевскій добивался, чтобы его разстрѣляли, какъ Минакова и Мышенна, и, подобно имъ, не въ силахъ выносить тягостный и унижительный режимъ, оскорбилъ дѣйствіемъ кого-то изъ начальства. Но его признали сумасшедшимъ и отказались судить. Онъ хотѣлъ уморить себя голодомъ—его стали кормить насильно. Тогда онъ облилъ себя керосиномъ изъ лампочки, постоянно горѣвшей въ камерѣ, и зажегъ. Смерть пришла не сразу, и душу раздирающіе крики умирающаго страдальца были слышны въ самыхъ отдаленныхъ казематахъ... Жертва эта не осталась напрасной. Предсмертный вопль Грачевскаго дошелъ, повидимому, до Петербурга и, должно быть, шевельнулъ какое-нибудь бюрократическое сердце, потому что шлиссельбургскій режимъ началъ съ этого дня быстро смягчаться. Кажется, къ началу 1889 года была нѣсколько улучшена пища, устроена маленькая библиотека, заведены мастерскія, также огородныя работы; на перестукиванье начали глядѣть сквозь пальцы; наконецъ, заключеннымъ доволнены были прогулки вдвоемъ, при чемъ выбрать себѣ товарища имъ предоставлялось самимъ, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, — „великодушіе“ самодурства! — чтобы не мѣнять выбора раньше, какъ черезъ полгода...

Въ 1891 году произошелъ третій и послѣдній случай самоубійства: Софья Гинцбургъ перерѣзала себѣ горло ножницами, которыя были даны ей для какой-то работы... Этотъ новый трагическій случай, вѣроятно, также не остался безъ вліянія на дальнѣйшее смягченіе шлиссельбургскаго режима, и живо погребенные мученики добились, наконецъ, того, что могли хоть умирать не въ полномъ одиночествѣ. Такъ, у смертнаго одра Юрковского, славнаго нѣкогда „Сашки-инженера“, день и ночь дежурили по очереди товарищи, а къ тѣлу его были допущены проститься всѣ заключенные. Смягченіе общихъ порядковъ отразилось и на нравахъ жандармовъ, тѣхъ самыхъ жандармовъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ, по приказу „Ирода“, готовы были смертнымъ боемъ бить заключенныхъ. Одинъ старый жандармъ, надѣвая чистое бѣлье на тѣло Юрковского, сказалъ: „Послужу тебѣ въ послѣдній разъ, Федоръ Ивановичъ!“—*Sancta simplicitas!*...

Не нужно, однако, преувеличивать тѣхъ „облегченій“, какія слѣданы были живымъ мѣртвецамъ шлиссельбургскимъ въ послѣдніе годы. Разрѣшенная переписка съ родными была довольно

*) Надъ Михаиломъ Тригоми судьба насмѣялась еще злѣе: его мать умерла за одинъ мѣсяцъ до освобожденія сына...

призрачна: обмѣниваться письмами можно было только разъ въ полгода, касаясь лишь здоровья и чисто семейныхъ дѣлъ. Стоило той или другой сторонѣ немного выйти изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ—и письмо задерживалось, о чемъ адресату не сообщалось, и новое письмо разрешалось послать лишь черезъ новыхъ полгода. Вообще всѣ облегченія не разъ снова уничтожались по самому пустому поводу, опять смѣняясь прежнимъ суровымъ режимомъ. Такъ, года два или три назадъ было отнято право пользоваться прошлогодними журналами и введены другія стѣсненія изъ-за того, что Михаилъ Поповъ отправилъ какимъ-то нелегальнымъ путемъ совершенно невинное письмо къ матери; письмо было перехвачено—и репрессіи обрушились на всю тюрьму... Въ другой разъ, изъ-за придирокъ къ Карповичу, котораго тюремная администрація пыталась изолировать отъ остальныхъ заключенныхъ, вся тюрьма отказалась отъ прогулокъ, а когда черезъ нѣкоторое время большинство прекратило эту форму протеста, Лопатинъ одинъ продолжалъ его цѣлыхъ полтора года...

Я закончу свою замѣтку напоминаніемъ, что изъ тринадцати послѣднихъ шлиссельбуржцевъ, дождавшихся амнистіи, восемь человекъ провели въ одиночномъ заключеніи отъ 21 до 26 лѣтъ, т. е. болѣе четверти вѣка. Страхъ и ужасъ внушаютъ тѣ подробности шлиссельбургской жизни, которыя я пытался только что припомнить и изложить, но всего грознѣе былъ Шлиссельбургъ именно этой долговременностью и *безнадежностью* заключенія въ немъ. Этой угрозой всего больше и дорожило самодержавіе; чтобы не нарушать *принципа*, оно упорно отказывалось примѣнять къ заключеннымъ въ Шлиссельбургѣ манифесты, и мы знаемъ, что смягченія по этимъ манифестамъ коснулись лишь очень немногихъ, какъ рѣдкія и случайныя исключенія. Известно, между прочимъ, что въ 1896 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ представилъ его величеству докладъ о *непримѣненіи* къ Герману Лопатину манифеста 14 мая, „въ виду особой важности (?) его вины“, и докладъ этотъ былъ, конечно, высочайше утвержденъ, а не дальше какъ въ прошломъ году либеральнѣйшій изъ преемниковъ Горемыкина, „творецъ эпохи довѣрія“, кн. Святополкъ-Мирскій отказался примѣнить къ тому же Лопатину и манифестъ 11 августа иначе, какъ съ особаго высочайшаго соизволенія, „для полученія какового заключенный можетъ—де *самъ* обратиться съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ“. Память объ этой возмутительной провокаціи либеральнаго князя должна сохраниться въ потомствѣ... Всѣ усилія самодержавнаго правительства клонились къ тому, чтобы не только общество, но и сами шлиссельбуржцы глядѣли на себя, какъ на заживо погребенныхъ. И такими они, действительно, были. На дверяхъ, которыя вели въ шлиссельбургскіе казематы, было какъ бы начертано: „Оставь надежду на-всегда“!..

Я напомним при этомъ, что одинъ изъ заключенныхъ, дольше всѣхъ товарищей сидѣвшій въ тюрьмѣ, Михаилъ Родионовичъ Поповъ, сосланъ былъ первоначально въ Сибирь, на знаменитую Кару. Когда въ 1882 году оттуда пытались бѣжать 8 политическихъ (Мышкинъ и другіе, всѣ немедленно пойманные), департаментъ полиціи распорядился „въ наказаніе“ перевести изъ Карійской каторжной тюрьмы въ Петропавловскую крѣпость (тогда уже готовившаяся Шлиссельбургъ) 16 человѣкъ, наиболѣе, по его мнѣнію, выдающихся и энергичныхъ: въ этотъ-то проскрипціонный списокъ и попалъ Поповъ, даже не бывшій въ числѣ бѣглецовъ. Почти всѣ его товарищи по Карѣ погибли въ Шлиссельбургѣ: нѣкоторые, какъ Минаковъ и Мышкинъ, были разстрѣлены; другіе, какъ Буцинскій и Юрековскій, умерли отъ цынги и чахотки; третьи, какъ Щедринъ, сошли съ ума,—выжилъ и уцѣлѣлъ одинъ Поповъ. Его, какъ и большинство шлиссельбургскихъ узниковъ, миновали всѣ манифесты; очевидно, его никогда-бы не пощадило тупое и бездушное самодержавіе... при обычномъ теченіи жизни. Освободила бы только смерть...

Изъ другихъ живыхъ еще шлиссельбуржцевъ наибольшее значеніе правительство придавало всегда Герману Александровичу Лопатину, арестованному 5 октября 1884 года, осужденному 5 июня 1887 года. И это, дѣйствительно, выдающійся человѣкъ, всю жизнь отдавшій дѣлу борьбы за народное освобожденіе. Еще и до Шлиссельбурга Лопатинъ много лѣтъ провелъ въ разныхъ тюрьмахъ Россіи и Сибири, въ ссылкѣ и въ изгнаніи. Замѣчательно образованный человѣкъ, онъ былъ другомъ Лаврова и Карла Маркса, и ему принадлежитъ въ значительной долѣ переводъ на русскій языкъ I тома „Капитала“. Удивительный агитаторъ, одаренный блестящимъ краснорѣчіемъ, остроуміемъ и личнымъ обаяніемъ, онъ всегда былъ бѣльмою на глазу у жандармовъ и полиціи, и, когда былъ арестованъ въ послѣдній разъ, они употребляли всѣ усилія, чтобы подвести его подъ смертную казнь. Военный судъ, однако, отвергъ главное обвиненіе—организацию убійства Судейкина... Тѣмъ не менѣе, департаментъ полиціи отправилъ Лопатина, — послѣ замѣны смертной казни пожизненнымъ заключеніемъ,—въ Шлиссельбургъ. Въ настоящее время этому доблестному борцу свободы уже за 60 лѣтъ, и физическое здоровье его, какъ, впрочемъ, и всѣхъ товарищей по заключенію, сильно расшатано. Выпущенная въ прошломъ году Вѣра Николаевна Фигнеръ рассказываетъ, что Морозовъ, — поэтъ „Народной Воли“, — такъ худъ, что напоминаетъ фигуры тѣхъ индусовъ, которыхъ рисовали въ англійскихъ иллюстраціяхъ во время голода въ Индіи...

И этимъ-то страдальцамъ, такъ свирѣпо и неоправедливо затравленнымъ, старикамъ и больнымъ, правительство графа Витте, вызывающее къ обществу о довѣріи и сулящее обновить и освободить Россію, отказывается дать полную амнистію.

По отношенію къ нимъ, какъ и по отношенію къ декабристамъ. не исполнится, такимъ образомъ, пророчество поэта:

..... Свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ!

Ужъ не боится ли гибнущее самодержавіе, что вмѣстѣ съ живыми еще мучениками выйдетъ на волю и безконечная вереница погибшихъ, казненныхъ и замученныхъ въ стѣнахъ Шлиссельбурга, чтобы рассказать намъ о тѣхъ великихъ, непрощаемыхъ злодѣйствахъ, свидѣтелями которыхъ были эти проклятыя стѣны?..

Какъ-никакъ, однако,—въ силу уже и этой половинчатой амнистіи,—для восьми человѣкъ Шлиссельбургъ больше не существуетъ. Разбитыхъ физически и истерзанныхъ нравственно, шлисельбургскихъ узниковъ встрѣчаетъ теперь отрадная вѣсть о свободѣ родины. Не тщетны были принесенныя безкорыстныя жертвы Идеи, а не грубая сила штыка, одержала верхъ въ долгой кровавой борьбѣ!

Привѣтствуя всѣмъ сердцемъ освобождаемыхъ братьевъ и товарищей, мы, страдавшіе безконечно меньше, пожелаемъ имъ скорѣйшаго исцѣленія ранъ, сами же дадимъ клятву — *не забывать незабываемое*. Да, Шлиссельбургъ съ его безпримѣрными страданіями отнынѣ не будетъ забытъ нами. Мы свято будемъ помнить, что пятеро несчастливцевъ еще томятся подъ его проклятыми сводами, и что двое изъ нихъ — такъ передаютъ освобожденные—Сазоновъ и Сикорскій находятся въ особо тяжкомъ заключеніи, совершенно изолированные отъ товарищей. Промучившаяся общественная совѣсть не примирится съ этимъ фактомъ. По всей странѣ прозвучитъ грозный кличъ: долой Шлиссельбургъ! Долой позоръ и мучительство одиночнаго заключенія! Россія должна стать свободной и счастливой!

Л. Мельшинъ.

Хроника внутренней жизни.

XXX. О голодѣ и писательскомъ безиліи. — XXXI. На маленькой станціи. — XXXII. Временное правительство приказчика русскаго самодержавія. — XXXIII. Передъ лицомъ социальной революціи. — XXXIV. † Кн. С. Н. Трубецкой.

Только разъ въ мѣсяцъ встрѣчаемся мы съ читателемъ, и на этотъ разъ мы встрѣтимся совсѣмъ не тамъ, гдѣ въ прошлый разъ разстались. Новымъ порывомъ захватившаго страну вихря мы переброшены изъ взволнованнаго моря въ бурный океанъ; пе-

редъ нами открылись невиданные еще горизонты, надъ нами нависли еще болѣе сгустившіяся тучи, вокругъ насъ бушуютъ ни разу еще такъ высоко не вздымавшіяся волны... И сами мы уже не тѣ, что были мѣсяцемъ раньше: измѣнились не только окружающія насъ условія, но и внутреннее наше состояніе...

Настоящая статья написана въ разное время. Я началъ ее еще до забастовки, а кончаю уже послѣ кронштадтскихъ событій. Я взялся за перо подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ цензурнаго произвола, а положу его возбужденный мыслью: „выходимъ безъ цензуры“... Я понимаю, какъ неудобно предлагать читателямъ такую разно-настроенную статью. Правильнѣе всего, конечно, было бы откинуть то, что написано въ отличныхъ отъ даннаго момента условіяхъ, въ отличномъ отъ даннаго момента настроеніи. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы отбросить прежде всего ту часть, которая посвящена голоду. Несомнѣнно, что я теперь подошелъ бы къ этой темѣ иначе: основныя мысли, конечно, остались бы тѣ же, но я изложилъ бы ихъ нервнѣе и свободнѣе. Главное же, я поставилъ бы ихъ въ непосредственную связь съ тѣмъ, что заполняетъ сейчасъ меня и читателей. Но написать эту часть заново—некогда, а отложить эту тему не мыслимо.

И я рѣшаюсь печатать эту статью такъ, какъ она написана. Надѣюсь, что читатель самъ одѣлаетъ тѣ поправки, которыя я не успѣлъ или не сумѣлъ дать въ дальнѣйшихъ изложеніи.

XXX.

Центральный статистическій комитетъ, какъ сообщили газеты, подвелъ итоги: весь сборъ хлѣбовъ въ Россіи въ настоящемъ году опредѣлился въ 2.535 миллионѣвъ пудовъ,—менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, на 789 милл. пудовъ или на 28%. По сравненію со среднимъ сборомъ за предшествующее пятилѣтіе недоборъ достигаетъ 316 милл. пудовъ. „Нормальной“ цѣной ржи министерство считаетъ въ настоящее время 75 коп. за пудъ *). При такой цѣнѣ исчисленный статистическимъ комитетомъ недоборъ составитъ: по сравненію съ неблагополучнымъ пятилѣтіемъ почти 240 милл. рублей, а по сравненію съ прошлымъ годомъ—болѣе 570 милл. рублей.

Но центральный комитетъ считалъ только зерно. Недоборъ

*) „Сынъ Отечества“, 2 октября. Средняя цѣна ржи обыкновенно бываетъ близка къ средней цѣнѣ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, производимыхъ въ Россіи, и потому можетъ служить основаніемъ для приблизительной оцѣнки жатвы. Необходимо, однако, замѣтить, что въ дѣйствительности цѣна на рожь во многихъ неурожайныхъ губерніяхъ уже превысила министерскую „норму“. Въ Псковской, напримѣръ, губерніи за мѣшокъ муки (4½ п.) платить уже 5 руб.

въ сѣнѣ, соломѣ, картофелѣ, льнѣ, пенькѣ, молокѣ и другихъ продуктахъ долженъ составить, быть можетъ, такую же сумму. Общую цифру недобора нужно, такимъ образомъ, вѣроятно, удвоить. Получится милліардъ или полъ-милліарда, смотря по тому, съ чѣмъ мы будемъ сравнивать.

Японская война стоила, какъ предполагаютъ, около двухъ милліардовъ, но они будутъ разложены на много лѣтъ, на нѣсколько поколѣній. Эту же сумму — сумму недобора — страна должна такъ или иначе оплатить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Милліардъ или полъ-милліарда — эта „общая“ цифра, общая для всей Россіи. Едва ли нужно пояснять, что она въ данномъ случаѣ значитъ. Достаточно напомнить, что эти самые „общіе итоги“, когда они не были еще извѣстны въ цифровыхъ знакахъ, наши оффиціозы пытались использовать въ цѣляхъ успокоенія публики. Выходило чуть ли не полное благополучіе.

Если — читали мы — урожай нынѣшняго года въ отдѣльныхъ районахъ и ожидается весьма неблагоприятнымъ, то въ общемъ итогѣ, насколько можно судить по даннымъ „Торгово-Промышленной Газеты“ и „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“, положеніе представляется не столь мрачнымъ, какъ это можно было бы думать по газетнымъ оцѣнкамъ, авторы которыхъ допустили въ своихъ выводахъ рискованныя обобщенія... Объ общемъ неурожаѣ въ странѣ говорить нѣтъ никакого основанія; недоборъ въ однихъ районахъ компенсируется излишками сбора въ другихъ, и потому по общимъ экономическимъ итогамъ сельско-хозяйственный годъ, надо полагать, не будетъ ниже средняго *).

Оффиціозъ обманулся въ своихъ расчетахъ: сельско-хозяйственный годъ „по общимъ экономическимъ итогамъ“ оказался ниже средняго, по крайней мѣрѣ, на полъ-милліарда. Но и помимо этого общій итогъ представляетъ не что иное, какъ самое „рискованное обобщеніе“. Недоборъ однихъ районовъ въ немъ „компенсированъ“ излишками другихъ. Откиньте эти излишки, вернитесь отъ итога къ слагаемымъ, — и передъ вами окажутся несравненно болѣе „мрачныя“ цифры.

За 15 лѣтъ — писалъ предсѣдатель тульской губернской управы въ своемъ воззваніи — пятая голодовка и такая, какой мы еще не видѣли... Не родилась рожь — нѣтъ хлѣба, нѣтъ соломы, единственнаго топлива черноземной полосы. Не родились овсы и травы — нѣтъ корма. До послѣднихъ дней была надежда на просо, гречъ, картофель, ячмень и другіе подспорные хлѣба, но засуха послѣдняго мѣсяца унесла и эти надежды **).

Весь хлѣбъ — лишутъ теперь изъ Епифанскаго уѣзда — уже съѣденъ. Гумна пусты. Соломы нѣтъ. Топятъ конскимъ навозомъ, медленно и съ трудомъ собирая его по полямъ. Нѣтъ ни сѣна, ни корма для скота; нѣтъ молока для малолѣтнихъ ребятъ ***).

*) „Торгово-Промышленная Газета“; цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 27 іюня.

**) „Русь“, 11 августа.

***) „Сынъ Отечества“, 7 октября.

„Ничего нѣтъ“—таковы нѣкоторые изъ величинъ, какія перенесли собою „рискованное обобщеніе“. Какъ великъ недоборъ безъ компенсаціи его излишками, мы узнаемъ не прежде, чѣмъ появятся подробныя публикаціи центральнаго комитета. Тогда приведенныя мною цифры придется, быть можетъ, еще разъ удвоить. И значеніе ихъ, конечно, нисколько не можетъ умалить то соображеніе, что оплатить этотъ милліардный счетъ придется не всей странѣ, а только двадцати тремъ губерніямъ.

Весь вопросъ сейчасъ въ томъ, чѣмъ онѣ его оплатятъ? Гдѣ и какъ „ѣнъ достанетъ“?

„Скотъ безъ цѣны: лошади продаются за 2—3 рубля, жеребята за нѣсколько гривенниковъ и тутъ же, на глазахъ своихъ бывшихъ хозяевъ, рѣжутся на шею. Не дай Богъ кому-либо видѣть такія картины... *) „Близки осенніе холода, а теплая одежда заложена лавочникамъ и кулакамъ съ весны. Выкупить, конечно, нечѣмъ... „Работъ, какъ всегда въ неурожайные годы, нѣтъ“... **) „Взрослый сильный народъ, бросая хозяйство, бѣжитъ на сторону, бѣжитъ въ города, въ Москву, забивъ свои избы, распахавъ по софдамъ своихъ женъ, дѣтей, стариковъ. И не мало заколоченныхъ избы виднѣется въ каждой деревнѣ“ ***).

Какъ бы то ни было, „ѣнъ“ проявляетъ всю свойственную ему изобрѣтательность.

Кто-то изъ дѣтей—разсказываетъ г-жа Авилова—бросилъ нашей собакѣ кусокъ хлѣба. Но въ это время входитъ во дворъ нищая, и собака, не съѣвъ хлѣба, съ лаемъ бросается къ ней. Нищей даютъ какую-то монету, но она не уходитъ. Она на что-то рѣшается и не можетъ рѣшиться.

— Родименькіе!—наконецъ, говоритъ она молящимъ голосомъ. — Вотъ хлѣбца-то кусочекъ... должно, брошенъ?.. Пожертвуйте... Дозвольте... Для дѣточекъ... для дѣточекъ!.. ****).

Такова дѣйствительная, а не мнимая „компенсація“. Какъ просто и легко достигается эта самая „компенсація“ на бумагѣ, но съ какимъ трудомъ, съ какими невыразимыми муками дается она въ жизни!

Милліардъ и брошенная собакамъ корка... Рѣзкое это сопоставленіе и даже нелѣпое. Но несомнѣнно, что таковъ именно основной смыслъ тѣхъ фактовъ, совокупность которыхъ называется голодомъ...

Съ мѣсяца на мѣсяцъ я откладываю эту тему. Недоумѣваютъ товарищи, недоумѣваютъ, быть можетъ, и читатели. Не „Русскому Богатству“, казалось бы, молчать о голодѣ...

И не мнѣ, теперешнему его обозрѣвателю... Восемь лѣтъ я

*) „Русскія Вѣдомости“, 14 августа.

**) „Русскія Вѣдомости“, 23 августа.

***). „Сынъ Отечества“, 7 октября.

****). „Русскія Вѣдомости“, 23 августа.

работаю въ журналѣ и своимъ перомъ участвовалъ уже въ четырехъ голодныхъ кампаніяхъ. Тема для меня знакомая, особенно близкая и особенно сильно всегда волнующая. Но на этотъ разъ у меня нѣтъ желанія на нее отозваться. Еще ни разу я не чувствовалъ такъ остро своего писательскаго безсилія...

Припоминается первая голодная кампанія, въ которой мнѣ пришлось принять участіе. Это было въ 1897—8 году, въ министерство И. Л. Горемыкина, когда голодъ особенно усиленіе отрицался. Я тогда былъ статистикомъ въ одной изъ пострадавшихъ губерній. Помню, какъ нервно работали мы, снѣша установить размѣры нужды. Недоборъ у крестьянъ по нашимъ даннымъ опредѣлился въ 13 с лишкомъ милліоновъ рублей. Мы приняли въ расчетъ всѣ заработки, какіе населенію могли быть доступны, и всю экономію, на какую оно было способно; оказалось, что и за всѣмъ тѣмъ ему не хватить 4 милліоновъ рублей. Два милліона изъ этой суммы еще могли быть покрыты распродажей менѣе необходимаго имущества, какое могло найтись у болѣе зажиточныхъ группъ, но два милліона падали на тѣхъ, кому продавать было нечего. Покрыть эти два милліона населеніе могло только „дальнѣйшимъ, крайне опаснымъ обращеніемъ своего потребления“...

Съ этими данными губернская управа и явилась въ губернское совѣщаніе. Но у губернатора имѣлись другія данныя, которыя доставили ему „ближе проникнувшіе нужду крестьянъ“ земскіе начальники. Впрочемъ, не въ данныхъ, какъ оказалось потомъ, было дѣло. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ губернатора, что за недостаткомъ средствъ изъ имперскаго продовольственнаго капитала можетъ быть отпущено на нашу губернію не болѣе 300 тыс. руб. И данныя нужны были лишь за тѣмъ, чтобы легче было заставить совѣщаніе „проникнуть“ въ определенную такимъ путемъ нужду населенія. Достигнуть этого при хорошо подобранномъ составѣ совѣщанія было не трудно. Послѣ нѣкоторыхъ довольно беззастѣнчивыхъ манипуляцій надъ цифрами уѣздныхъ земствъ, среди которыхъ оказались не сумѣвшія во время проникнуть въ тайны данной губернатору инструкціи, совѣщаніе опредѣлило размѣры нужды въ 306 тыс. руб. Оставалось только округлить эту цифру, что и было выполнено съ успѣхомъ...

Земская статистика была тогда еще новинкой въ губерніи. Этимъ, конечно, и объясняется, что она не была устранена своевременно. Собранныя статистиками данныя были всетаки оглашены въ совѣщаніи. Создалась неловкость, съ особою рѣзкостью бросающаяся въ глаза на бумагѣ: съ одной стороны, таблицы, нормы, всякіе расчеты, съ другой—одно лишь „проникновеніе“. Долго губернаторская канцелярія составляла журналъ совѣщанія и много ему было написано... не о продовольственныхъ нуждахъ

губерніи, а о бесполезности и даже вредоносности земской статистики.

Съ тѣхъ уже поръ мнѣ знакомо чувство безсилія... Мы стали собирать корки. Нѣкоторые изъ статистиковъ сдѣлались посредниками между вольно-экономическимъ обществомъ и голодающими. Но въ этомъ не было уже увлеченія: все это было слишкомъ ничтожно, и, я думаю, напрасно такъ сильно беспокоилась по этому поводу мѣстная полиція. Оставалась, однако, еще одна инстанція — общественное мнѣніе. Когда жизнь со свойственною ей суровостью начала оправдывать наши расчеты, въ газетахъ стали появляться корреспонденціи, основанныя на официальныхъ документахъ. Новое безпокойство для мѣстной администраціи. Приказано было найти корреспондентовъ. Определить мѣсто, гдѣ засѣли газетчики, было не трудно, трудно было лишь назвать ихъ имени. Какъ лицу, отвѣтственному за всю статистику, мнѣ было сдѣлано предупрежденіе, что въ случаѣ дальнѣйшихъ газетныхъ разоблаченій я долженъ буду прекратить службу въ губерніи. Съ своей стороны мнѣ оставалось предупредить управу, чтобы она тотчасъ же подумала о моемъ замѣстителѣ: чрезъ двѣ или три недѣли въ „Русскомъ Богатствѣ“ появилась корреспонденція за моею подписью...

Общественное мнѣніе всетаки сослужило свою службу. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ, какъ трудно ему было тогда выказаться. Только одна газета („С.-Петербургскія Вѣдомости“) рѣшалась прямо говорить о голодной нуждѣ, другія же должны были ходить вокругъ да около. Противъ вольно-экономическаго общества, поднявшаго шумъ по поводу голода, были пущены въ ходъ репрессіи. Даже въ высокихъ сферахъ разговоры на эту тему велись только шепотомъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, столь же таинственная, сколь и высокая миссія г. Клопова. Напоръ общественнаго мнѣнія оказался, однако, достаточно сильнымъ, и къ веснѣ нужда была признана. Не прошли безслѣдно появившіяся въ это время газетныя корреспонденціи и для нашей губерніи. Отъ губернатора были затребованы объясненія, и въ концѣ концовъ ссуда для губерніи была болѣе, чѣмъ удвоена. Правда, было уже поздно, и использовать ее въ полной мѣрѣ, кажется, было уже невозможно. Но всетаки... всетаки была какая-то сила, на которую можно было опереться въ борьбѣ съ голодомъ.

Недавно это было, но какимъ далекимъ и наивнымъ кажется это время. Подумайте только: боялись разговоровъ о голодѣ, стѣснились народнаго рубища, считались съ силою мнѣнія...

Теперь уже нѣтъ ни этого стыда, ни этого страха. Всѣ завы уже оголены, и если офиціозы пытаются еще подчасъ навесить лоскъ благополучія, то дѣлаютъ это только въ силу привычки. Тифъ, цынга... не развѣ эти картины могутъ смутить тѣхъ, кто

видѣлъ кровь, трупы? Что касается словъ, то смѣшно даже подумать, что въ наши дни можно чего нибудь добиться, напримѣръ. корреспонденціей. Слово „голодъ“ теперь можно писать всѣми буквами, но никто отъ него не вадрогнетъ, никто не покраснѣетъ.

Не перо теперь нужно... Сила слова уже исчерпана. Настало время другихъ средствъ, сильнѣе дѣйствующихъ. Нужны эти средства и въ борьбѣ съ голодомъ.

Борьба съ голодомъ... Это, конечно, анахронизмъ. Оборотъ рѣчи, которымъ по привычкѣ мы пользуемся, давно уже утратилъ свой смыслъ. Съ чѣмъ или кѣмъ въ самомъ дѣлѣ боролися хотя бы В. Г. Короленко въ 1891 году?—съ голодомъ или „лукояновцами“? Уже тогда борьба имѣла двойственный характеръ.

Съ теченіемъ же времени центръ тяжести все больше перемѣщался: борьба съ голодомъ все больше и больше уступала мѣсто борьбѣ за голодающихъ. Сошлюсь на только что приведенную страничку изъ личныхъ воспоминаній. Наша борьба съ голодомъ силою вещей осклалась въ самомъ началѣ, закончилась собираніемъ и разработкой ни на что не пригодившихся статистическихъ данныхъ. На столовые и хлѣбопекарни у насъ увлеченія уже не хватило. Впрочемъ, и съ ними мы все равно далеко не уѣхали бы. Я уже упомянулъ, какъ зорко полиція слѣдила за тѣмъ, чтобы мы не вошли въ какія либо сношенія съ голодающими.

Въ 1897 — 98 году эти попытки принять въ той или иной формѣ непосредственное участіе въ борьбѣ съ голодомъ были всетаки еще многочисленны. Потомъ и онѣ прекратились. Возможность пробраться къ голодающимъ, стать лицомъ къ лицу съ голодомъ, съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе проблематичной. Въ 1901 году продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства и въ немъ всецѣло воцарилось „проникновение“. Въ томъ же 1901 году частная благотворительность отдана была подъ надзоръ полиціи.

Надѣюсь, — пишетъ теперь А. А. Стаховичъ, — что сумѣю оградить отъ притѣсненія администраціи лицъ, которыя пожелаютъ личнымъ трудомъ участвовать въ дѣлѣ помощи голодающимъ *).

Нужно надѣяться, — говорить въ своемъ воззваніи епифанскій предводитель дворянства кн. Голицынъ, — что въ настоящее время частной благотворительности на мѣстахъ не будетъ ставиться формальныхъ препятствій; устраненіи ихъ ходатайствовало недавно епифанское земство... **).

Надѣюсь, нужно надѣяться... Но увѣренности нѣтъ даже у предводителей дворянства. Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, въ наши дни можетъ быть увѣренность? Графъ Бобринскій изъ Богородиц-

*) „Новое время“, 9 сентября.

**) „Русскія Вѣдомости“, 1 августа.

каго уѣзда пишетъ воззванія, а противъ графини Вобринской, тоже принимающей участіе въ борьбѣ съ голодомъ, въ томъ же самомъ уѣздѣ организуется черная сотня.

... Нынѣшнимъ лѣтомъ, — рассказываетъ, между прочимъ, она — въ Тульскую губернію отправлено было до 14-ти отрядовъ сыщиковъ и при этомъ посланы тайные циркуляры прямо изъ Петербурга мелкимъ мѣстнымъ властямъ. Говорилось особенно о трехъ циркулярахъ. Въ одномъ предписывалось всѣмъ властямъ вплоть до урядника принимать мѣры противъ всѣхъ собраний, созываемыхъ на основаніи рескрипта 18 февраля; за превышеніе власти не полагается ответственности, за нерѣшительность въ дѣйствіяхъ виновный исключается изъ службы безъ права пенсіи...

Другихъ циркуляровъ можно не излагать; довольно одного этого. Не трудно себѣ представить, что послѣдуетъ, если одинъ изъ „отрядовъ“ или какая-либо „мелкая мѣстная власть“ сочтутъ пріѣхавшихъ „на голодъ“ за тѣхъ, противъ кого они должны принимать мѣры, не опасаясь никакой ответственности. Что это исполнѣ возможно, едва ли нужно даже говорить. Если полиція не побоялась проявить „рѣшительность“ по отношенію къ графинѣ, мѣстной землевладѣлицѣ, то съ какими-нибудь курсотками и подавно она церемониться не станетъ. Въ каждой столовой бывають вѣдь „собранія“, а кто же тамъ разберетъ, на основаніи какого рескрипта ѣдятъ кашницу голодающіе. Что изъ себя представляютъ наѣзжіе и доморощенные „ловцы челоувѣковъ“ — читатели уже знаютъ изъ статьи Петрищева.

Я не знаю, на кого надѣются г. Стаховичъ и кн. Голицынъ. Можетъ быть — на губернаторовъ. Какъ „ограждаютъ“ губернаторы — это мы видѣли въ Балашовѣ. Да и что они могутъ сдѣлать, если бы даже желали? Вѣдь отряды и циркуляры, какъ утверждаетъ графиня Вобринская, посылаются „прямо изъ Петербурга“...

Ну, а тамъ всегда больше думали о крамолѣ, чѣмъ о голодѣ.

Борьба съ голодомъ, повторяю, это — анахронизмъ, и говорить о ней теперь можно только по недоразумѣнію. Въ дѣйствительности давно идетъ иная борьба, и въ нее ушли уже всѣ живыя силы.

Возгорѣлась она около голодающихъ. Начало переживаемаго нынѣ общественнаго подъема многіе относятъ именно къ 1891 году. Кровообращеніе въ обезсиленномъ и какъ бы омертвѣвшемъ общественномъ организмѣ возобновилось, можно думать, нѣсколько раньше *), но видимые признаки жизни общество обна-

*) Въ замѣткѣ „Изъ исторіи читателя“ („Жизнь“, 1899 г.) мною были приведены какъ то статистическія данныя, заставляющія думать, что оживленіе въ читательской средѣ, послѣ рѣзкаго паденія въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, появилось и стало нарастать уже съ конца этого десятилѣтія. Вообще статистика можетъ дать, какъ я думаю, не мало цѣнныхъ указаній

ружило только во время голода. Общественныя силы пробудились от летаргіи, и тогда же произошли первыя схватки съ „дуконовцами“.

Въ начавшейся борьбѣ общество несло поражение за поражениемъ, и едва ли не самыя тяжкія изъ нихъ имѣли мѣсто на продовольственной аренѣ. Въ 1901 году, какъ я уже упомянулъ, съ послѣдней общественныя силы были окончательно вытѣснены. „Бороться съ бѣдствіемъ при новомъ продовольственномъ уставѣ,—говорить предсѣдатель тульской губернской управы кн. Львовъ,—можно, только откинувъ всякіе счеты съ закономъ“. Но не это сейчасъ мѣшаетъ обществу предпринять борьбу съ голодомъ.

Не смотря на пораженія, общественныя силы все время росли. Въ начавшемъ пробуждаться организмѣ все новыя и новыя частички приходили въ движеніе, и теперь уже всколыхнулась почти вся масса. Теперь общество, быть можетъ, и не испугалось бы „счетовъ съ закономъ“. Не испугалось бы оно, вѣроятно, и неизбежной встрѣчи съ черной сотней. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ уже слышится призывы и при томъ со стороны лицъ, еще недавно щеголявшихъ въ наглухо-застегнутомъ мундирѣ лояльности, да и сейчасъ далеко не совсѣмъ его сбросившихъ.

Русское общество—лишь, напримѣръ, проф. В. И. Вернадскій—можетъ завоевать себѣ новыя, исторически неизбѣжныя права и иное болѣе его достойное положеніе въ государствѣ не только путемъ приобрѣтенія юридическаго акта, въ которомъ эти права и это положеніе опредѣлены,—оно можетъ добиваться ихъ путемъ фактическаго удовлетворенія своихъ нуждъ... Неурожай наступилъ. Въ борьбѣ съ нимъ русское общество немедленно должно осуществлять свободную общественную инициативу и самодѣятельность, фактическій контроль и регулированіе дѣятельности правительственныхъ органовъ *).

Силы, можетъ быть, и нашлись бы, и на нихъ, конечно, скорѣе можно было бы положиться, чѣмъ на ходатайства земствъ и даже личныя предствѣтельства гг. предводителей передъ гг. губернаторами. Но ихъ трудно передвинуть на продовольственную арену. Почему трудно—это ясно изъ призыва г. Вернадскаго. Какую, въ самомъ дѣлѣ, „нужду“ онъ считаетъ возможнымъ и необходимымъ „фактически удовлетворить“? Не голодающихъ накормить. Нѣтъ! эта нужда, хотя онъ и ваялся о ней говорить, въ концѣ концовъ, незамѣтно, можетъ быть, для него самого, исчезла и на ея мѣстѣ оказалась другая: „свободная обществен-

---

относительно возникновенія и наростанія современнаго общественнаго движенія. Видимому теперь движенію массъ несомнѣнно предшествовало задолго ранѣе начавшееся молекулярное движеніе, и статистическія кривыя, какъ приходится теперь убѣждаться, отмѣчали подъемъ уже тогда, когда другихъ, доступныхъ наблюденію, признаковъ его еще не было.

*) „Русскія Вѣдомости“; цитирую по перепечаткѣ въ „Смыслъ Отечества“, отъ 6 августа.

ная инициатива и самостоятельность, фактический контроль и регулирование деятельности правительственных учреждений". Вместо хлеба, оказалась конституция.

Не въ качестве упрека г. Вернадскому я констатирую эту неидею. Не камнем онъ подмываетъ хлебъ, который нуженъ голодающимъ. Я знаю, какъ настоятельна выдвигаемая имъ нужда, какъ много шире она продовольственной нужды 23 губерній. Вопросъ идетъ о жизни цѣлаго народа. Но всетаки борьба, къ которой онъ зоветъ, не есть борьба съ голодомъ.

Между тѣмъ, къ этой подвѣи склонно сейчасъ почти все русское общество. Борьба, начавшаяся когда-то около голодающихъ, постепенно вся перешла на другую арену. Хлебъ отодвинулся вдаль, и его въ глазахъ многихъ цѣликомъ заслонила свобода. Съ русскимъ обществомъ произошло въ сущности то же, что и съ русской бюрократіей. Привлечь сейчасъ его вниманіе къ голоду такъ же трудно, какъ и бюрократію заставить думать о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ ерамоны.

Противопоставлены двѣ силы, напряженная борьба идетъ по всей линіи, можетъ быть, близокъ Мукденъ русской бюрократіи. Привлечь въ эту минуту вниманіе къ голодающимъ не только трудно, прямо не мыслимо. Вѣдь это только среда, только фонъ картины.

И когда я всматриваюсь въ нее, мнѣ все время мерещатся китайцы. Кто, въ самомъ дѣлѣ, думалъ объ этихъ несчастныхъ, когда вокругъ нихъ ревели пушки и лопались шрапнели? Кто думалъ объ ихъ истоптанныхъ поляхъ и разрушенныхъ фанзахъ, объ ихъ боляхъ и мукахъ, объ ихъ раззореніи и ихъ голодѣ? Вниманіе всего міра было приковано къ русскимъ и японцамъ. Англичане и нѣмцы, французы и американцы выражали свое сочувствіе тѣмъ или другимъ изъ воюющихъ и оказывали болѣе или менѣе серьезную, болѣе или менѣе замаскированную помощь. Что касается матеріальныхъ знаковъ этого сочувствія, то въ этомъ отношеніи главную роль игралъ, конечно, расчетъ, а не безкорыстное чувство. Но всетаки... Собирали деньги на раненыхъ, собирали ихъ на саблю Стесселю и кортики Оямѣ. Китайцамъ же никѣмъ не было оказано даже этой милостыни вниманія: къ нимъ не было послано ни одного врача, на помощь имъ не было собрано ни одного сантима. Про самихъ воюющихъ, конечно, и говорить нечего. У каждого изъ противниковъ были свои горя и заботы, свои герои и мученники. Ихъ вниманіе къ несчастіямъ китайцевъ было меньше нуля: оно было съ отрицательнымъ знакомъ.

И я думаю, что мнѣ не напрасно мерещатся китайцы. Въ происхожденіи голодающихъ есть нѣчто съ ними общее. Борьба, которою захвачено русское общество, конечно, не пройдетъ безслѣдно для дальнѣйшихъ голодовокъ. Можно даже сказать, что

въ конечномъ счетѣ борьба ведется изъ-за голодающихъ. Но сейчасъ они въ этой борьбѣ чужіе, сторонніе люди. И пока они не входятъ въ составъ освободительной арміи, къ нимъ трудно привлечь вниманіе не только активныхъ участниковъ освободительнаго движенія, но даже зрителей.

Конечно, можно въ этомъ отношеніи строить самые фантастическіе планы, можно предпринимать самые экстравагантные акты. Дѣятели общеземской организаціи, напимѣръ, надумали объединить русскихъ и японцевъ въ цѣляхъ попеченія о внутреннихъ манзахъ. Въ цѣлесообразности объединенія подѣ однимъ флагомъ ихъ убѣдили, какъ сообщаютъ газеты, очень важныя практическія соображенія...

„Помогайте, жертвуйте голодающимъ“—пишетъ г. Стаховичъ и печатаетъ свои воззванія въ „Новомъ Времени“. Онъ, конечно, знаетъ, что въ томъ же самомъ „Новомъ Времени“, изъ того же самаго Елецкаго уѣзда мѣсяцемъ раньше писалъ (да и послѣ, конечно, писать будетъ) г. Иванюшенковъ, который доказывалъ (и будетъ, конечно, доказывать), что на счетъ голода беспокоиться нечего. Въ виду этого, должно быть, г. Стаховичъ поднимался подъ воззваніемъ „членомъ елецкой земской управы“, хотя его имя и такъ, конечно, извѣстно, какъ участника общеземскихъ съѣздовъ. Г. Иванюшенковъ же, это—маклеръ елецкой хлѣбной биржи и, какъ сообщали газеты, идейный вдохновитель мѣстной черной сотни. По крайней мѣрѣ, въ числѣ образчиковъ погромной литературы уже не разъ упоминались издаваемые имъ биржевые бюллетени...

Я не знаю, какія это важныя практическія соображенія убѣдили общеземскую управу... Не берусь я также судить, насколько основательны окажутся надежды, возлагаемыя г. Стаховичемъ на читателей газеты, которую заполняютъ столичные и провинціальныя Иванюшенковы... Но я чувствую, какъ безсильно замираютъ въ воздухѣ эти воззванія. Впрочемъ, не только эти. Безсильны сейчасъ и тѣ, которые сторонятся возмущающихъ общественную совѣсть „объединеній“. Да, я чувствую, какъ замираютъ эти вопли, не вызывая подъема и не встрѣчая почти отклика.

Можно предвидѣть, что и самыя воззванія въ концѣ концовъ прекратятся. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, братья за перо, когда оно утратило свою силу въ борьбѣ съ голодомъ?!

„Мы,—писалъ въ своемъ воззваніи богородицкій предводитель дворянства гр. Бобринскій,—люди, близко стоящіе къ народу, люди, которымъ онъ вѣритъ и отъ которыхъ ждетъ помощи,—мы должны говорить, мы должны громко призывать на помощь своимъ братьямъ“ *). Спусти два—три мѣсяца послѣ

*) „Русскія Вѣдомости“, 5 іюля.

этого телеграфное агентство сообщило, что наиболее вѣроятнымъ кандидатомъ въ Государственную Думу отъ Тульской губерніи считается организаторъ консервативной партіи гр. Бобринскій, за котораго, какъ предполагаютъ, будутъ голосовать крестьяне, благодарные за помощь, какую онъ оказываетъ имъ во время голода. Я долженъ прибавить, что объ этомъ гр. Бобринскомъ мнѣ уже приходилось упоминать въ своихъ обзорѣхъ. Весною въ его имѣніи былъ пожаръ довольно сомнительнаго свойства. „Прямыхъ уликъ—говорилъ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ—нѣтъ, но поведеніе крестьянъ даетъ полное основаніе думать, что поджогъ произведенъ ими. Такъ говоритъ и самъ графъ и служащіе на хуторѣ“. Въ поведеніи крестьянъ, какъ оно со словъ графа описывалось корреспондентомъ, тогда вовсе не было замѣтно выдвигаемыхъ теперь на первый планъ вѣры, любви и надежды. Я приводилъ тогда этотъ случай, какъ характерный образчикъ озлобленія *).

Не на личности графа желалъ бы я остановить вниманіе читателей. Передъ его душевными качествами, поскольку они выразились въ воззваніи, можно только преклониться. Онъ зоветъ на помощь „своимъ братьямъ“,—недавнимъ, быть можетъ, поджигателямъ. Онъ поступаетъ воистину по-евангельски. Сказано бо есть: „заповѣдь новую даю вамъ—любите враговъ вашихъ, благославляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ...“ Графъ и поступаетъ такъ, какъ требуетъ эта великая заповѣдь. Дѣло, повторяю, не въ немъ лично, и, если я буду упоминать его имя, то исключительно въ нарицательномъ смыслѣ,—съ одной стороны, какъ крупнаго помѣщика и сахарозаводчика, съ другой—какъ виднаго благодѣтеля, и съ третьей, наконецъ,—какъ достаточно опредѣленнаго общественнаго дѣателя.

Я продолжаю поиски, я ищу отвѣта на мучительный вопросъ, сформулированный мною въ самомъ началѣ: какъ оплатить миллиардный счетъ, называемый голодомъ? Съ этою цѣлью я и взялъ воззваніе графа въ той стильной рамѣ, въ какую его вставилъ живень.

Предъ лицомъ бѣдствія—обыкновенно слышимъ мы—необходимо прекратить всѣ политическіе и соціальные счеты, нужно помнить только, что люди—братья. Высокій образецъ такого поведенія и даетъ намъ гр. Бобринскій. Тѣми же, вѣроятно, соображеніями руководился и г. Стаховичъ, обращаясь со своимъ воззваніемъ къ „братьямъ“—нововременцамъ. Сторонники такого метода борьбы съ голодомъ вообще еще очень многочисленны въ русскомъ обществѣ. Голодъ для нихъ, это — только бѣдствіе, только несчастье; самое большее, на что могутъ разсчитывать голодающіе, съ этой точки зрѣнія, сводится къ милосердію; самое

*) „Хроника внутренней жизни“, іюль.

большее, чего можно требовать у общества—впрочемъ, мягче: чего можно просить, вымаливать,—это состраданіе.

И какъ много искренняго чувства подчасъ вкладывается въ эти мольбы, въ эти воззванія! какая сильная вѣра звучитъ въ нихъ!

Идешь по деревнѣ—пишетъ г-жа Авилова—и думаешь о томъ, что ее ожидаетъ. И чѣмъ ужаснѣе и мучительнѣе подробности, тѣмъ больше въ душѣ нарастаетъ увѣренность, что такой бѣдѣ надо и можно помочь. Наде и можно, потому что иначе—слишкомъ ужасно!.. Если бы слова могли передавать впечатлѣнія, то и не было бы ужасовъ бѣдствій, такъ какъ состраданіе успѣло бы устранить ихъ... Необходимо возможно громче говорить, и просить, и молить: Да обратите же вниманіе! Услышите! Увидите! Вы, сильные тѣмъ, что васъ такъ много, вы однимъ легкимъ, но дружнымъ усиліемъ, какъ волшебнымъ словомъ, можете отогнать наступающій кошмаръ. Вы—сытые и обезпеченные. Вы—далекіе, но отзывчивые и сострадательные. И вы, которые знаете, что значить страданіе, нужда, утрата дѣтей. Вы можете помочь, если не откажетесь послать каждый, что можетъ, и это не будетъ стоить вамъ никакихъ жертвъ, а только милости и вниманія. Вамъ стоитъ захотѣть, и не будутъ бить ребенка за то, что онъ кричитъ отъ голода; не будутъ морить близкихъ и любимыхъ людей только за то, что они слабы или стары... Конечно, то, что я написала, такъ слабо и блѣдно сравнительно съ дѣйствительностью. Пусть же сама говоритъ за себя та мать, которая выпрашивала кусокъ хлѣба, брошенный собацѣ: „Вотъ хлѣбца-то кусочекъ, должно, брошенъ... Пожертвуйте... Дозвольте... Для дѣточекъ! Для дѣточекъ! *).

Но у меня нѣтъ этой вѣры въ „милость и вниманіе“... И я не знаю такихъ словъ, которыя могли бы отогнать наступающій кошмаръ. Я знаю другое: проповѣдь любви и милосердія стара, какъ стара сама „новая заповѣдь“, даже много старше. Много было проповѣдниковъ и много было у нихъ прозелитовъ. Своимъ словомъ они покорили уже полъ-міра,—но не прекратили ужасовъ бѣдствій ни на одной еще пяди покоренной ими земли. Видъ эта мать, за которую прячется въ концѣ концовъ г-жа Авилова, на нашей памяти пятый уже разъ („пятая голодовка“—пишетъ предсѣдатель тульской губернской управы) бредитъ подъ окнами тульскихъ помѣщиковъ, выпрашивая милость и вниманіе и высматривая брошенныхъ собакамъ корни. Пятый уже разъ графъ Бобринскій изъ Тульской губерніи громко зоветъ братьевъ на помощь своимъ братьямъ. Но кошмаръ все тутъ, онъ давитъ все сильнѣе и все еще нѣтъ людей, которые „дружнымъ усиліемъ, какъ волшебнымъ словомъ“, могутъ отогнать его. Могутъ, но не слышать? или не желаютъ? Нѣтъ! очевидно, состраданіе ихъ не выдвинетъ.

Не трудно, конечно, понять, почему такъ живуча эта вѣра въ силу любви и милосердія, почему у нея такъ много адептовъ. Съ нею такъ просто жить на свѣтѣ: она мирится со всякимъ

*) „Русскія Вѣдомости“, 23 августа.

общественнымъ строемъ, и ее можно примирить со всякой социаль-
ной позиціей. Посмотрите, напримѣръ, какъ просто гр. Бобрин-
скій рѣшаетъ вопросы.

Правительство—пишетъ онъ—знаетъ о нуждѣ; мы ему сказали. Теперь
пусть знаютъ русскіе люди, и я вѣрю, что общество поможетъ.

„Мы сказали“—наши общественныя обязанности, стало быть,
выполнены. Теперь у графа Бобринскаго остаются только личныя
дѣла: во-первыхъ, варить сахаръ и кормить имъ англійскихъ сви-
ней, получая отъ этой операціи изрядные дивиденды; во-вторыхъ,—
продать хлѣбъ, который онъ, не утруждая рукъ своихъ, собралъ
въ житницы свои; и, въ-третьихъ,—организовать консервативную
партію, которая окажетъ въ нынѣшнюю трудную минуту под-
держку правительству, хотя бы послѣднее ни гроша не дало го-
лодающимъ, и грудью встанетъ на защиту общественнаго строя,
хотя онъ не предотвратилъ и не предотвратитъ голодовки.
Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что евангельская заповѣдь гр. Боб-
ринскимъ будетъ выполнена...

И голодающіе получаютъ то, что имъ полагается по евангелію.
Сказано бо есть: „Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Ла-
заръ, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ на-
питься крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя,
лизали стружья его“ *). Голодающіе и получаютъ эти крошки,
какъ они получали ихъ во всѣ прежнія голодовки. Настоящую
же компенсацію они найдутъ на томъ свѣтѣ, въ лонѣ Авраама...

Нѣтъ! я не вѣрю въ силу любви и милосердія, какъ въ сред-
ство борьбы съ голодомъ. Я знаю, что голодъ—не несчастье, не бѣд-
ствіе только. Голодъ, это—преступленіе. Знаю я и то, кто—пре-
ступники. Да и кто же этого не знаетъ? Кто не знаетъ про мил-
ліарды, которые были отправлены на Дальній Востокъ, и про
милліоны, которые подъ видомъ домашнихъ вещей перевозились
котомъ оттуда? Вѣдь одного милліарда было бы достаточно,
чтобы предотвратить голодъ, и одна накладная на „домашнія
вещи“ могла бы дать больше, чѣмъ сотня самыхъ прочувство-
ванныхъ воззваній. Кто не знаетъ, далѣе, какую роль „биржевые
маклеры“ играли въ экономическихъ судьбахъ Россіи? И сейчасъ
играютъ, въ моментъ голода. Не Иванюшенковыхъ я имѣю въ
виду, хотя и они, конечно, заработаютъ малую толику на го-
лодныхъ цѣнахъ. Мы знаемъ маклеровъ покрупнѣе, которые воро-
чали милліардами. И сейчасъ ворочаютъ, ублажая, напримѣръ, разыг-
равшіеся аппетиты нефтепромышленниковъ. Ну, а сахарозавод-
чики? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, англійскія свиньи создавали
ихъ жирныя дивиденды? Вѣдь даже неучившіеся въ семинаріяхъ
знаютъ, что свиньи не способны создавать цѣнности. Кто, далѣе.

*) Евангеліе отъ Луки, гл. 16, ст. 20—21.

не знает, что помѣщики начали собирать „голодную ренту“ раньше, чѣмъ появились на русской сценѣ многомилліонныя массы голодающихъ?.. И сейчасъ, во время голода, подѣ аккомпаниментъ прочувствованныхъ воззваній, они не прочь, гдѣ это возможно, извлечь лишній рубль изъ своей „вѣрной статьи дохода“. „Заработковъ въ нашей мѣстности,—пишутъ изъ Богородицкаго уѣзда,—почти нѣтъ, а если какіе и есть въ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Вобринскихъ и др., то на эти заработки едва въ состояніи прокормиться и одѣться одинъ работающій, и это при нетребовательности нашего крестьянина... Помѣщики, пользуясь безысходной нуждой мужика, сбавили и безъ того ничтожную плату за трудъ“ *). Пеназенскіе помѣщики, пользуясь всею же безысходною нуждою, спѣшатъ нажить на хлѣбѣ и берутъ за него съ голодающихъ такую цѣну, которую даже въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ могутъ объяснить только „волчьимъ аппетитомъ“ **). Трудно даже перечислить, какъ много мы знаемъ вообще и о данномъ голодѣ въ частности.

И странно мнѣ было въ воззваніи комитета объединившихся для борьбы съ голодомъ 16 обществъ и союзовъ прочитать такія строки:

Одновременно съ оказаніемъ помощи комитетъ имѣетъ въ виду использовать настоящую продовольственную кампанію для изученія причинъ не прекращающихся въ послѣднее десятилѣтіе сплошныхъ неурожаевъ и массовыхъ голодовокъ въ Россіи, собирая для этой цѣли чрезъ заведующихъ столовыми, яслями, пунктами и др. лицъ необходимыя свѣдѣнія ***)...

Господа! зачѣмъ эта фальшь? Неужели же вы до сихъ поръ не знаете, отчего бываетъ голодъ на свѣтѣ? И неужели вы въ серьезъ будете изучать его причины въ ясляхъ и столовыхъ? Не обмолвка ли эта?—такая же, какъ и „десятилѣтіе“, о которомъ вы упоминаете, хотя, конечно, хорошо знаете, что массовыя голодовки начались съ 1891 года. За пятнадцать лѣтъ, казалось бы, пора узнать и понять, отчего онѣ происходятъ. И если уже звать людей „на голодъ“, если обѣщать имъ какія-либо другія функціи, кромѣ кормешки, то, конечно, не „собираніе свѣдѣній“. Собирали уже довольно! Пора русской интеллигенціи—даже въ широкихъ ея объединеніяхъ—понять, что спасать душу, занимаясь статистикой и молча разоблачая, какъ выразился Г. Ш. Успенскій ****), „плутуватыя цифры“, позволительно было только въ годы безвременья.

*) „Сынъ Отечества“, 19 іюля.

**) „Сынъ Отечества“, 2 октября.

***) „Русскія Вѣдомости“, 8 октября.

****) „Чуткое сердце“, т. III, стр. 430—431.

Теперь новое евангеліе нужно намъ. „Не миръ, а мечъ—говорилъ Спаситель,—принесъ я міру“. Не миръ, а мечъ должна русская интеллигенція нести народу.

Милости и вниманія просили уже довольно! Я понимаю, конечно, г-жу Авилу. Когда видишь вблизи всѣ ужасы бѣдствія, то такъ естествененъ этотъ вопль о помощи, и такъ понятна эта вѣра въ состраданіе. Если бы я былъ на ея мѣстѣ, то тоже, быть можетъ, взывалъ бы къ любви и милосердію. Но въ качествѣ публициста я не могу сказать своимъ читателямъ:

— Бросьте голодающимъ корку — вотъ и все, что отъ васъ требуется въ борьбѣ съ голодомъ...

Читателямъ трудно представить, съ какой болью, съ какою мукой я пишу эти страницы. Компенсация вѣдь нужна. Если не будетъ хлѣба, то голодающіе оплатятъ предъявленный имъ счетъ своею жизнью. Въ 1891—1892 гг. статистика насчитала 650 тысячъ лишнихъ смертей въ Россіи. Этого количества жизней хватило бы на нѣсколько кровопролитнѣйшихъ войнъ, а ихъ взяла одна голодная кампанія. Нынѣшній неурожай по общимъ отзывамъ интенсивнѣе неурожая 1891 г., и голодъ въ охваченныхъ имъ мѣстностяхъ предвидится еще ужаснѣе. Я знаю, какъ дорога сейчасъ тамъ каждая корка. И вотъ я готовъ „просить и молить“. Если у васъ нѣтъ большаго для голодающихъ, то бросьте имъ хотя бы корку. Если у васъ нѣтъ болѣе прямого пути, то передайте вашъ рубль графу Бобринскому. Не смущайтесь тѣмъ, что онъ явится, быть можетъ, крестьянскимъ представителемъ. Представителя можно перемѣнить, но тѣхъ, кто умеръ, возвратитъ невозможно. Умрутъ же дѣти, главнымъ образомъ дѣти. Умрутъ — и не будутъ они жить въ свободной Россіи.

Не за тѣмъ я пишу, чтобы опустилась рука, протянутая съ подаваніемъ. Нѣтъ! въ такомъ случаѣ я не сталъ бы писать. Я предпочелъ бы наединѣ съ собой пережить муку безсилія. И если я пишу, то только потому, что у меня не изсякла еще вѣра въ возможность иныхъ, болѣе сильныхъ методовъ борьбы съ голодомъ.

Я еще вѣрю, что хотя часть общественныхъ силъ направится въ эту сторону. Не диверсію, предложенную г. Вернадскимъ, имѣю я въ виду. Какой тамъ, въ самомъ дѣлѣ, „фактическій контроль“ и какое тамъ „регулированіе дѣятельности правительственныхъ органовъ“! Не за „отрядами“ же, о которыхъ пишетъ гр. Бобринская, наблюдать и не ихъ же дѣятельность регулировать! Все это только словесность, представляющаяся достаточно серьезнымъ дѣломъ лишь изъ профессорскаго кабинета.

Нѣтъ! я имѣю въ виду другое. Не единою свободою жива русская интеллигенція. Въ ея средѣ, какъ я думаю, найдутся силы, которыя сумѣютъ сочетать свободу съ хлѣбомъ и при томъ не въ туманной только дали, но и сейчасъ,—съ тѣмъ насущнымъ хлѣбомъ, который нуженъ голодающимъ.

О голодѣ, какъ я уже упомянулъ, мнѣ приходится писать не первый разъ.

Самъ мужикъ въ голодныхъ кампаніяхъ,—писалъ, между прочимъ, я въ 1900 г.,—неизмѣнно играетъ пассивную роль. Для всѣхъ, это—объектъ для экспериментовъ или попеченій, а не живая личность, сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, заинтересованная въ собственномъ благополучіи. Никому и въ голову не приходитъ самого мужика привлечь къ борьбѣ съ невзгодами, въ немъ самомъ найти опору для лучшаго будущаго. Его стараются спасти, какъ спасаютъ утопающаго, не за руку, а за волосы, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не помѣшалъ собственному спасенію *)...

Уже тогда я вѣрилъ въ возможность „одухотворить активныя силы массъ“ и считалъ необходимымъ самого мужика призвать къ борьбѣ съ голодомъ. И чѣмъ больше послѣ того я вглядывался въ русскую дѣйствительность, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что это не только самый надежный, но и единственно возможный путь, что въ этомъ не только главная, но и единственная задача интеллигенціи. Все сильнѣе и сильнѣе меня охватывало желаніе обратиться къ самому мужику. „Вставай, братъ голодный!“ И я думаю, что для этого у меня нашлись бы достаточно сильные слова, и что я не чувствовалъ бы такъ остро своего писательскаго безсилія.

Сейчасъ у меня въ этомъ направленіи сконцентрировались всѣ надежды. Впрочемъ, это уже не надежды, это увѣренность, ибо я воочію вижу „вещей обличеніе невидимыхъ“.

Около мѣсяца тому назадъ въ совѣщаніи нефтепромышленниковъ министръ финансовъ заявилъ, что на голодающихъ отпущено уже 25 милліоновъ. Въ пострадавшихъ уѣздахъ насчитывается 20 милліоновъ человѣкъ. Выходитъ, такимъ образомъ, по 1 р. 25 коп. на каждого, — и на обѣщаніе, и на продовольствіе, и на кормъ скоту, и на топливо. Но вѣдь и этого могло не быть. Въ канцеляріяхъ, несомнѣнно, существовали предположенія обойтись на этотъ разъ совсѣмъ безъ суда. Въ Моршанскѣ (это было въ іюлѣ)

предсѣдатель собранія, а также одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ, заявили собранію, что ими получено увѣдомленіе отъ губернатора, которымъ они предупреждены, что имперскій капиталъ изсякъ и что вообще на казенныя средства для продовольствія населенія рассчитывать не слѣдуетъ **)...

*) „На очередныя темы“. Сяб. 1904 г. „Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи“, стр. 344.

**) „Русскія Вѣдомости“, 9 августа.

Продовольственная кампанія началась съ обычныхъ ссылокъ на недостатокъ ресурсовъ, съ обычнаго желанія не дать или дать возможно меньше. И къ этому, казалось бы, была полная возможность. Оправданіе подсказывала сама жизнь: продовольственный капиталъ нязякъ, другіе ресурсы поглощены войной. При томъ: „недоборъ въ однихъ районахъ компенсируется вѣдъ валишками сбора въ другихъ“...

Общественнаго давленія, всегда имѣвшаго очень большое значеніе въ этомъ отношеніи, на этотъ разъ почти не было,—и не только потому, что общественное вниманіе было отвлечено въ другую сторону, но и потому, что общество какъ бы заранее примирилось со скудостью правительственныхъ ассигнованій и безъ возраженій принимало только что приведенные резоны канцелярій. Возьмемъ уже цитированныя воззванія:

На помощь отъ казны,—читаемъ въ воззваніи кн. Голицына,—разсчитывать трудно.

Правительственная помощь,—пишетъ гр. Бобринскій,—несомнѣнно будетъ, но можно ли разсчитывать, что она будетъ достаточна? Вѣдъ средствъ у казны теперь мало...

Правительству,—говоритъ г. Стаховичъ,—придется помогать населенію пережить голодъ съ опустѣвшимъ государственнымъ казначействомъ, тотчасъ послѣ раззорительной войны, обошедшей намъ, кажется, свыше 1,300 милліоновъ...

Съ трепетомъ,—пишетъ кн. Е. Г. Львовъ,—ожидаемъ мы будущаго, зная скудость средствъ, поглощаемыхъ войной, предвидя всю трудность добычанія, ихъ запоздалость и недостаточность...

Государственные средства отвлечены войной, а имперскій продовольственный капиталъ всецѣло истраченъ,—говоритъ г. Вернадскій, перечисляя условія, могущія неурожай превратить въ голодъ.

Ослаблены,—читаемъ мы въ воззваніи комитета объединенныхъ обществъ и союзовъ,—способы къ удовлетворенію продовольственной нужды, какъ со стороны правительства, въ виду наличности финансовыхъ затрудненій, такъ и со стороны земства...

Такимъ образомъ, всѣ согласны, что на казну разсчитывать нечего, и это обстоятельство всѣ принимаютъ, какъ нѣчто неизбежное и чуть ли не должное.

Все, такимъ образомъ, благопріятствовало сбереженію казенныхъ ресурсовъ. Государственное казначейство, казалось бы, могло считать себя гарантированнымъ отъ всякихъ покушеній со стороны непрощенныхъ заступниковъ голодающихъ. Тѣмъ не менѣе 25 милліоновъ уже отпущены, и несомнѣнно, что на этомъ дѣло не остановится. Очевидно, нашлась всетаки какая-то сила, которая открыла двери государственнаго казначейства.

Какая это сила,—догадаться не трудно. Во всѣхъ сужденіяхъ по продовольственному вопросу, въ воззваніяхъ и ходатайствахъ упорно звучитъ неслыханная до сего времени нота. „Люди, близко стоящіе къ деревнѣ и сельско-хозяйственному дѣлу,—ни-

саль уже въ іюлѣ мокшанскій корреспондентъ „Руси“,—не могутъ не глядѣть съ тревогой въ глаза ближайшему будущему. Крайне нервное и приподнятое настроеніе деревни общается мало хорошаго, и потому простое благоразуміе требуетъ, чтобы послѣдствія неурожая были теперь же сколько возможно ослаблены... Положеніе серьезно и медлитъ, повторяемъ, опасно *). Не менѣе рѣшительно подчеркиваетъ это обстоятельство въ своей статьѣ и г. Вернадскій:

Настроеніе народныхъ массъ,—говоритъ онъ,—повышено, и онѣ не будутъ переносить такъ безропотно и покорно страданіе и раззореніе, какъ это было раньше, и въ то же время онѣ не имѣютъ никакихъ легальныхъ средствъ воздѣйствія на правительство и общество. Къ тому же правительственная машина дезорганизована несравненно сильнѣе, чѣмъ въ 1892 г. Теперь нельзя допустить безъ крайней опасности для государства перехода неурожая въ голодъ.

Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ „опасности“. Изъ этого дѣлались и дѣлаются, конечно, разные выводы. Одни, какъ г. Вернадскій, напримѣръ, призываютъ общество спасти „государство“. Другіе, конечно, надѣются спасти еще „машину“, и нѣкоторые земскіе начальники представили даже цѣлые планы спасенія, поставивъ себя въ центрѣ спасательныхъ отрядовъ. Нашлись, съ другой стороны, цѣлые уѣздные сѣзды, которые по такому случаю обнаружили склонность къ самоуправденію и предложили возратить продовольственное дѣло земствамъ...

То, чего не могли бы сдѣлать всѣ ужасы бѣдствія, всѣ вошл и муки, то сдѣлала „опасность“, т. е. повышенное настроеніе народныхъ массъ, активное состояніе деревни. Опасеніе, что голодающіе не будутъ безропотно и покорно переносить страданіе и раззореніе, и оказалось, нужно думать, тѣмъ волшебнымъ ключомъ, который отперъ двери государственнаго казначейства и при томъ такъ легко, что какъ будто онѣ сами пріоткрылись.

Есть основаніе думать, что „опасность“ сыграетъ крупную роль не только въ центральныхъ канцеляріяхъ, но—что, быть можетъ, еще важнѣе—и тамъ на мѣстахъ, въ жизни. Выше я упомянулъ объ обычныхъ, имѣющихъ мѣсто и въ настоящемъ году, попыткахъ эксплуатировать безысходную нужду голодающаго населенія. Можно, однако, надѣяться, что онѣ будутъ на этотъ разъ и менѣе многочисленны, и менѣе беззастѣнчивы. Многіе и многіе, вѣроятно, призадумаются прежде, чѣмъ выжать послѣднюю каплю пота или вырвать послѣднюю копейку у голодающаго. Въ извѣстныхъ органахъ печати уже приходится встрѣчать ламентации объ излишней „уступчивости“ и въ связи съ этимъ объ „ослабленіи закона и власти“.

*) „Русь“, 31 іюля.

Народъ замѣчаетъ,—пишетъ корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Симбирской губерніи,—что съ нимъ избѣгаютъ какихъ-либо недоразумѣній, стараются даже съ нимъ ладить. А народъ совсѣмъ не привыкъ къ тому, чтобы съ нимъ считались. Мелкія потравы и порубки многими владѣльцами какъ бы не замѣчаются, а какъ умѣть „ладить“ начальство—примѣръ на лицо. Еще весной въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства крестьяне начали безъ разрѣшенія пасти скоть. Тогда имъ предложены были бесплатные билеты на право пастбища, очевидно, съ той цѣлью, чтобы въ глазахъ крестьянъ оформить это дѣло. Кто взялъ, а кто и отказался отъ этой чести, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „скотина и безъ билета проходить“. Съ такой неопровержимой логикой начальство, конечно, согласилось. Все совершающееся крестьяне объясняютъ себѣ ослабленіемъ закона и власти. *)

Подтянуть опять деревню едва ли, однако, удастся. Начальству такъ или иначе придется примириться съ „неопровержимой логикой“ жизни и волей-неволей оно „привыкнетъ“ ладить съ народомъ. Должно оно будетъ „поладить“ и съ голодающими... И—кто знаетъ!—быть можетъ, двери государственнаго казначейства откроются еще на распашку. Да и со стола графа Бобринскаго голодающимъ, быть можетъ, достанутся не однѣ только крохи...

Нѣтъ! не безнадежно я смотрю на борьбу съ голодомъ. Главная сила, о которой я такъ мечталъ, появилась, наконецъ, на продовольственной аренѣ. Мужикъ еще не сказалъ своего слова по вопросу о голодѣ, но своимъ возбужденнымъ видомъ онъ оказалъ уже вліяніе на ходъ продовольственной операціи. Если его молчаливая фигура производитъ такое впечатлѣніе, то тѣмъ большую мощь будетъ имѣть его слово. И я вѣрю въ силу этого слова, потому что, въ случаѣ надобности, не перомъ только оно можетъ быть поддержано. То, чего не могли и не могутъ сдѣлать мольбы, быть можетъ, еще сдѣлаютъ требованія.

„Требованіе“—слово новое въ русской землѣ и для массъ заключается въ немъ цѣлое откровеніе. Это, можно сказать, введеніе въ евангеліе. „Покайтесь!“—такъ начинали свою проповѣдь апостолы личнаго возрожденія. „Требуйте!“—начинаютъ свою рѣчь провозвѣстники социальнаго преобразованія.

И едва ли гдѣ это слово такъ нужно, едва ли гдѣ оно такъ умѣстно и едва ли гдѣ оно можетъ быть такъ властно, какъ въ деревнѣ, охваченной голодомъ...

— Требуйте! — вотъ что нужно сказать сейчасъ голодающимъ.—Если же и требованій вашихъ не послушаютъ, то становитесь сами на мѣсто тѣхъ, которые должны вести борьбу съ голодомъ...

*) „Новое Время“, 29 сентября.

XXXI.

Съ первымъ почтовымъ поѣздомъ я долженъ отправить свою статью. Но я не знаю, когда пойдетъ этотъ первый поѣздъ...

Я живу при маленькой станціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Немногіе, вѣроятно, читатели знаютъ, какимъ образомъ я здѣсь очутился. Между тѣмъ, это обстоятельство можетъ съ извѣстнымъ правомъ быть занесено въ „Хронику внутренней жизни“. Оно имѣетъ связь съ историческимъ днемъ 9 января. Фонтаномъ брызнула тогда кровь и сплошь залила она одну изъ страницъ русской исторіи. Но были и всякія другія брызги. Въ качествѣ одной изъ такихъ не совсѣмъ еще высохшихъ брызгъ январскихъ дней я и пребываю на дачѣ.

Не разъ уже я испытывалъ за эти мѣсяцы неудобства своего пребыванія на отлетѣ. Приходилось жить отраженными впечатлѣніями: газетными свѣдѣніями и рѣдкими встрѣчами. Непосредственнаго ощущенія жизни не было. Едва ли нужно говорить, что это значить для писателя, въ особенности въ моемъ положеніи, въ положеніи лица, обязаннаго отзываться на самыя животрепещущія темы,—и при томъ въ такое время, когда событія несутся вихремъ, вопросы встаютъ оптомъ. Вѣдь это почти то же, что слѣдить за преніями въ бурномъ и многолюдномъ собраніи все время черезъ переводчиковъ.

Сейчасъ же мое положеніе—исключительное по своей нецѣлостности. Забастовка порвала послѣднія нити, связывавшія меня съ внѣшнимъ міромъ. Вотъ уже шесть дней, какъ нѣтъ ни газетъ, ни писемъ... Происходить, несомнѣнно, что-то крупное и до извѣстной степени, быть можетъ, рѣшающее. Я не могу ни о чемъ другомъ думать, ни на чемъ другомъ сосредоточиться. И писать я долженъ непремѣнно объ этомъ, въ равной мѣрѣ захватившемъ и меня, и читателей. Но нельзя же писать о неизвѣстности. Между тѣмъ, статью я долженъ отправить съ первымъ поѣздомъ.

Конечно, и другихъ темъ много. Передо мною лежатъ матеріалы, подобранные по цѣлому ряду вопросовъ. Среди нихъ, несомнѣнно, окажутся потомъ такіе, которые можно будетъ поставить въ непосредственную связь съ тѣмъ, что происходитъ. Но трудно что-нибудь выбрать, когда не знаешь, куда уклонится мысль читателей. Впрочемъ, писать все равно не мыслимо. Измѣнится вѣдь настроеніе, измѣнятся точки зрѣнія, измѣнятся предѣлы обсужденія... И я съ тревогой жду перваго поѣзда. Откуда онъ покажется? придетъ ли онъ съ сѣвера и сразу подавить меня массой впечатлѣній? или, надвинувшись съ юга, захватить меня съ не дописанной страницей?

Я просилъ редакцію телеграфировать „важнѣйшія событія“.

14-го я получил вѣсточку. Вотъ эта телеграмма „отъ собственнаго корреспондента“ (со служебной отиѣткой: „передается въ обходъ, за прекращеніемъ дѣйствія“):

„Вастуютъ всѣ дороги кромѣ Финляндской приказчики конки Харьковъ Екатеринославъ серьезныя событія здѣсь пока и только столкновений нѣтъ ожидаютъ важныхъ актовъ“.

Отсутствіе знаковъ препинанія, какъ всегда, рождаетъ недоумѣнія. Гдѣ вастуютъ приказчики и конки? въ Петербургѣ или въ Екатеринославѣ и Харьковѣ? И, главное: гдѣ серьезныя событія? „здѣсь“ или въ Харьковѣ и Екатеринославѣ? „Серьезныя событія“—выразиться конкретнѣе, очевидно, не рѣшились, и я безропотно мирюсь съ этимъ. „Столкновений нѣтъ“—хоть маленькое успокоеніе: возможность мирнаго исхода, стало быть, еще не утеряна...

„Пока и только“... Но вѣдь послѣ того идутъ четвертые сутки. Телеграммъ я больше не жду. Уже приведенная телеграмма на нашей полузабастовавшей станціи породила осложненія. „За чѣмъ принялъ?“—негодовали на телеграфиста...

Сама станція живетъ слухами, неизвѣстно откуда берущимися. Какъ и всегда, по мѣрѣ наростанія неизвѣстности, они становятся все грандіознѣе, все невѣроятнѣе. „Въ Петербургѣ 60.000 убитыхъ“. „Разграбленъ арсеналъ, дворецъ разрушенъ до основанія“. „Обуховскій заводъ обращенъ въ крѣпость и рабочіе стрѣляютъ оттуда изъ пушекъ“... Болѣе вѣроятнымъ представляется слухъ о Двинскѣ. Онъ не выходитъ изъ предѣловъ обыденныхъ за послѣдній годъ возможностей, и при томъ, передавая его, осылаютъ на то, что кто-то былъ въ Псковѣ и кто-то разговаривалъ оттуда по телефону съ Двинскомъ: „убито 15 желѣзнодорожныхъ служащихъ и 30 евреевъ“...

Въ Псковѣ—сходки, сначала самовольныя, потомъ съ разрѣшенія. „Не ходите только въ городъ“...

— Я самъ приѣду къ вамъ,—говорилъ губернаторъ,—только не пускайте постороннихъ. Развѣ вы не знаете, что за человѣкъ Н.? а онъ говоритъ у васъ рѣчи и вы слушаете...

Это уже совсѣмъ конкретные факты. Н. тутъ всѣ знаютъ—онъ жилъ въ нынѣшнемъ году здѣсь на дачѣ. Не знаетъ только машинистъ, застрѣвшій здѣсь со своимъ паровозомъ.

— Писатель, человѣкъ съ головой...—поясняетъ ему рассказчикъ.—Только вотъ умнымъ людямъ ходу то у насъ нѣтъ...

Какъ, однако, мѣняются люди и отношенія! Мѣсяцъ тому назадъ этому самому рассказчику, казалось, не было никакого дѣла ни до головы Н., ни до того, имѣютъ или нѣтъ у насъ ходъ умные люди. Теперь Н. сдѣлался близкимъ человѣкомъ, а вопросъ объ умныхъ людяхъ вызываетъ оживленные реплики въ обратную сторону около рассказчика кучей...

Вообще нашу станцію трудно даже узнать: люди какъ будто

переродились. Новые интересы, новые вопросы, новые даже слова... Общественное движение, бывшее до сих пор чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ, стало своимъ, кровнымъ. Эту „кровность“ вы прямо чувствуете. Съ кѣмъ изъ низшихъ служащихъ ни встрѣтитесь, обязательно разговоръ о двѣнадцати-рублевомъ жалованьи:

— Посудите сами: какъ тутъ жить... Мука, вонъ она — пять рублей мѣшокъ... Опять же сапоги... А тутъ вычеты, штрафы... За то, за это — иной разъ все отымутъ...

И мнѣ, дачнику, понятно, что жить дѣйствительно невозможно. Двѣнадцати-рублевое жалованье, урѣзываемое еще штрафами и вычетами, обобщаетъ для меня цѣлый рядъ картинъ, которыхъ не мало уже пришлось насмотрѣться около будокъ...

Въ этихъ будкахъ такъ много ребятишекъ... Мы пріѣхали сюда въ самомъ началѣ марта, и одно изъ первыхъ впечатлѣній, помню, намъ доставили именно ребятишки, выныпавшіе на проталину. Вонъ и Ванюшка — немного намъ уже знакомый. Въ прошломъ году я еще спрашивалъ, сколько ему лѣтъ, и онъ не могъ отвѣтить: „мамка, говорить, забыла“. Онъ въ какомъ-то отрпеньѣ, безъ рубашки, босикомъ... Всю зиму у него не было сапогъ, развѣ когда стащить матеины башмаки. Но это удавалось рѣдко, такъ какъ матеа ходитъ по людямъ стирать и при томъ свои башмаки охраняетъ тщательно. Ванюшка въ восторгѣ отъ солнца, хоть немного пригрѣваго насыпь... Но какой онъ хилый, изможденный... Да и не мудрено: зимою всѣ ребята въ семьѣ переболѣли скарлатиной... За лѣто, — на солнцѣ, около ягодъ и около дачниковъ, — Ванюшка оправился и прямо расцвѣлъ. Въ немъ появилась даже какая-то самоувѣренность, и онъ заставилъ, наконецъ, родителей припомнить, который онъ годъ существуетъ на свѣтѣ; оказалось: девятый. Теперь онъ донашиваетъ кое-какіе доставшіеся на его долю обноски, но на зиму, несомнѣнно, останется опять безъ сапогъ. Мука вѣдь пять рублей, а ихъ въ семьѣ семеро. Едва ли и отцу на сапоги хватить...

Недавно отца Ванюшки перевели отсюда за 5 верстъ. На слѣдующій день Ванюшка опять былъ уже въ нашемъ домѣ. — Ну что? — спрашиваемъ. Оказывается, что въ новой будкѣ живетъ еще семья: тѣхъ восьмеро, да этихъ семеро. Читателю извѣстны, конечно, хотя приблизительно, размѣры желѣзнодорожной будки, и, я думаю, онъ не удивится, что даже Ванюшкинъ новая жизнь показала не вмоготу. Какъ трудно ему будетъ дожидаться весенняго солнца и лѣтнихъ ягодъ!

Я взялъ одного Ванюшку, но ихъ множество. Я взялъ одну будку и при томъ ближайшую къ станціи. Какъ живутъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни стирки, ни дачниковъ, — трудно себѣ и представить.

Жить не возможно.. Это — общій выводъ, — общій, ибо вопросы обсуждаются сейчасъ всеми. Появилась невиданная до сего общи-

тельность. Станція обратилась въ своего рода клубъ, гдѣ обсуждаютъ положеніе, обмѣниваются свѣдѣніями и догадками.

Мимо насъ нѣтъ-нѣтъ, да и протащится какой-нибудь поѣздъ самаго прихотливаго состава. То два паровоза тащатъ одинъ вагонъ, то одинъ паровозъ тянетъ два поѣзда. Перемѣшаны спальные вагоны, классные, товарные. Это—хитростью и силой очищаютъ станціи Островъ и Псковъ, гдѣ всѣ пути были загромождены поѣздами. Всѣ такіе поѣзда набиты застрявшими въ дорогѣ пассажирами, и прибытіе каждаго изъ нихъ вызываетъ у насъ сенсацию. На время остановки станція обращается въ клубъ съ гостями, при чемъ пассажиры проявляютъ не меньшую общительность, чѣмъ постоянные члены клуба. Въ обществѣ пассажиры, очевидно, примирились со своею участью и относятся къ забастовкѣ терпимо и даже сочувственно. Правда, въ первомъ классѣ каждый разъ предполагаются идущими одинъ или нѣсколько сердитыхъ генераловъ, очень недовольныхъ всею этими остановками, но они у насъ на платформу, конечно, не выходятъ...

Поѣздной прислуги мало и доставать ее, очевидно, не легко. Одному машинисту поручили доставить по домамъ забастовавшіе кондукторскія бригады, но, когда онъ прибылъ въ Псковъ, то его окружили вооруженные солдаты и не пустили съ паровоза. Къ послѣднему прицепили загромождавшій дорогу поѣздъ—и вотъ локомотивъ задомъ тащитъ его къ Петербургу. Четыре версты поѣздъ сопровождали солдаты. Машинистъ рассказываетъ эту исторію, обливаясь слезами: „Что скажутъ теперь товарищи!“ Кочегара на этотъ паровозъ наняли уже здѣсь, кажется, какіе-то пассажиры. По слухамъ, часть прослѣдовавшихъ поѣздовъ остановилась на полъ-дорогѣ.

— Двѣсти рублей давали, чтобы я велъ поѣздъ дальше, — рассказываетъ одинъ изъ возвращающихся машинистовъ.—Ну, да я не польстился...

Путь, однако, очевидно, прочищенъ. 16-го вечеромъ мимо насъ прошли два поѣзда съ солдатами желѣзнодорожнаго батальона... Въ этомъ чувствуется угроза. Вспоминаются нѣсколько воинскихъ поѣздовъ, уже въ первый день забастовки спѣшно прослѣдовавшихъ на сѣверъ. „Стрѣлять не будемъ“ — увѣрили тогда солдаты, отвѣчая на обращенные къ нимъ упреки. Но мы знаемъ, какъ мало еще на это надежды... Мысль опять съ тревогой устремляется вдалѣ, стремится проникнуть за узкіе предѣлы, ограниченные станціей и нѣсколькими будками... И вновь она безсильно останавливается передъ завѣсой неизвѣстности...

Но вотъ и поѣздъ... Раньше, впрочемъ, пришла дрезина — возвратился изъ Пскова машинистъ нашей водокачки. „Объявлена конституція“ — пронеслось по всему нашему поселенію. Быстро всѣ собираются къ станціи, поздравляютъ другъ друга,

поздравляютъ желѣзнодорожниковъ. Тѣ чувствуютъ себя героями. Рассказать толкомъ машинистъ, однако, не можетъ.

— Равноправность, стало быть... На счетъ земли тоже... Хотѣлъ купить манифестъ, да не успѣлъ—все расхватали...

Приходится ждать поѣзда, къ счастью—не долго: онъ уже вышелъ изъ Пскова. Пока же идутъ разговоры о томъ, какъ „это“ устроено за границей: выборы, отвѣтственность министровъ, цивильный листъ... Припоминаютъ предъявленные въ разныхъ мѣстахъ требованія...

— Требуешь вотъ то же, чтобы жандармовъ не было...

Стоящій тутъ же жандармъ, виновато улыбаясь, подается назадъ. Но настроеніе слишкомъ хорошее, обижать его не хочется.

— Это не про этихъ жандармовъ, это про политическихъ...

— Нашъ жандармъ—смирный. Онъ тоже, вонъ, бастовать хотѣлъ...

— Мы ужъ послѣдними забастуемъ,—пробуетъ отшутиться все еще смущенный представитель жандармской власти.

— Да вамъ и бастовать нечего—вы прибавку уже получили. Вѣдь получили?!—слышится уже злобная нотка.

— Поѣздъ!..

Всѣ быстро высыпаютъ на платформу. На этотъ разъ никого не интересуется, издали ли и далеко ли идти поѣздъ. Всѣ озабочены тѣмъ, чтобы достать манифестъ. Вотъ онъ!

— Читайте!..

— Идемъ въ станцію!..

— Нѣтъ! здѣсь, чтобы всѣ слышали...

— Подождите, пока отойдетъ поѣздъ... Да сами-то не заглядывайте...—Начальникъ станціи спѣшитъ дать третій звонокъ. Тѣснѣ смыкается кучка. Вотъ она конституція-то!

Конституціи, однако, не оказывается. Ясное представленіе о ней имѣютъ немногіе, но всѣ чувствуютъ, что это—не то. Начинаемъ вчитываться. Повелѣно даровать „незыблемыя основы гражданской свободы“... „Даровать“... Почему не даны сразу? Опять оттяжка, опять обѣщанія...

— Можетъ быть, уже даны,—дѣлаетъ кто-то предположеніе.—Написать вѣдь не долго...

Написать дѣйствительно не долго, но почему же не написано прямо въ манифестъ? И кто же поручится, что бюрократія не станетъ писать по прежнему? Но мы всетаки стараемся найти утѣшеніе: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы ничего, кромѣ этого манифеста, не знаемъ. Между тѣмъ, можетъ быть, и другіе акты уже изданы...

„Привлечь теперь же къ участію въ Думѣ въ мѣрѣ возможности“... Но мы недоумѣваемъ, какъ можно пристегнуть къ Думѣ хотя бы насъ — вотъ эту разночинную кучку, собравшуюся на

платформы маленькой станции. И что же, в конце концов, из этих пристегиваний получится?

— Ну, а как же насчет прибавки? — робко спрашивает один из стрелочников.

— Это не в манифесте, это в приказе по линии будет... Через собственное, стало быть, начальство...

Объяснение самое естественное, но все мы чувствуем, как проблематична эта надежда. Все дело ведь в „правительстве“. Что разумеется в этом случае манифест — мы не знаем, и самое большее, что мы можем предположить, — это кабинет министров во главе с графом Витте. Ну, а С. Ю. Витте железнодорожники знают...

— Два раза при нем представлении насчет прибавки посылались. И начальник дороги, и министр, бывало, подпишут, а как дойдет до него, так и застрянет.

Финансовый гений еще ни разу не мог найти денег, чтобы улучшить положение стрелочников... Бѣдный Ванюшка! еще долго тебе, должно быть, без сапог ходить придется...

— Кабы дело верное, подождать бы можно...

Но у нас нет веры в графа Витте и в конституцию, которая им будет „дарована“. Настроение все падает...

Но оно уже не может упасть до прежней точки, — до безразличного отношения даже к собственному существованию. Великие события переродили и нас здесь, на маленькой станции...

XXXII.

С первым поездом, на который „вступили“ забастовщики, я был уже в Петербурге. Петербургскую газету я достал еще в Гатчине и первое, что мною в ней было прочитано, — это телеграмма из Томска. Ужас — таково было чувство, охватившее меня, лишь только я переступил грань окутывавшей нас на маленькой станции неизвестности. Я не знаю и не берусь судить, какая смерть мучительнее: от огня или от голода, от вражеского ядра на вершинке сопки или от истощения в каких-либо зарослях у ее подножия. Но эта картина заживо сжигаемых и безжалостно добиваемых людей — многих сотен людей — парализовала мысль и остановила сердце. Как кошмар какой...

И этот черносотенный кошмар придавливает сейчас всю Россию. Движение замерло: нет ни митингов, ни манифестаций... Самые активные слои не решаются сейчас на подобное оказательство. С улиц исчезли даже студенческие фуражки... В сторону черной сотни обращены все мысли, около нее концентрируются все чувства, на нее расходуется вся воля.

Разверните газету—и вы увидите, что вся она заполнена черной сотней; зайдите въ любое собраніе—и вы услышите, что каждое изъ нихъ озабочено ею; начните дружескую бесѣду—и черезъ нѣсколько минутъ вы заговорите о томъ же предметѣ...

Этотъ гипнозъ, конечно, ослабѣетъ, оцѣпеніиіе исчезнетъ, движеніе вновь начнетъ нарастать съ неудержимой силой... И вновь оно встрѣтится съ черной сотней...

„Это—писалъ я въ апрѣлѣ—не новый врагъ, а старый, лишь спрятавшійся за спину хулигана“. Теперь онъ даже не прятался: его агенты публично цѣловались съ погромщиками, шли во главѣ черносотенной арміи. Его имя мы теперь можемъ написать всѣми буквами. Этотъ врагъ—русское правительство. Теперь имъ будетъ „объединенное“ правительство. Многимъ, конечно, трудно представить себѣ гр. Витте, такъ любящаго щеголять своимъ культурнымъ обхожденіемъ, въ роли командира черносотенной арміи. Но эта метаморфоза въ сущности уже совершилась, и удивляться ей нечего.

Гр. Витте, это—чиновникъ, честолюбивый чиновникъ, и только. Много лѣтъ онъ мечталъ о премьерствѣ. Уже въ 1898—1899 годахъ въ петербургскихъ кружкахъ не мало говорили объ этихъ его планахъ. Упоенному финансовыми успѣхами министру уже тогда оставалось только увѣнчать свою карьеру. Къ этому времени относится и его выходъ въ сферу общихъ вопросовъ внутренней политики,—его знаменитая полемика съ г. Горемыкинымъ, обогатившая насъ не менѣе знаменитымъ сочиненіемъ: „Самодержавіе и земство“. Чтобы осуществить свою мечту, г. Витте изъвѣлялъ тогда готовность окончательно стереть съ лица русской земли самоуправленіе. Да и чѣмъ другимъ онъ могъ выслужиться въ то время—въ эпоху наиболѣе полного, быть можетъ, торжества реакціи?

Выслужиться, однако, не удалось: мѣсто Горемыкина занялъ Сипягинъ, который и самъ былъ не прочь сдѣлаться главою самодержавнаго правительства. Борьба была перенесена на другую почву, на почву личнаго угожденія. Какую-то роль играло даже кулинарное искусство. Многіе еще, конечно, помнятъ имѣвшую также связь съ мечтою о премьерствѣ исторію съ министерскимъ домомъ, въ которомъ была приготовлена, какъ тогда утверждали, даже зала для засѣданій совѣта министровъ. Г. Витте не осилилъ своего конкуррента, но и себя не далъ осилить. Въ исторію съ домомъ, обоедшущуюся казначейству въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, вмѣшался государственный контроль и, покойному Сипягину пришлось пожертвовать однимъ изъ Треповыхъ.

При В. К. Плеве, сдѣлавшемся фактическимъ диктаторомъ, честолюбивая мечта должна была угаснуть. С. Ю. Витте пришлось думать не объ увѣнчаніи, а о спасеніи своей карьеры. Всѣ еще помнятъ, конечно, съ какимъ спѣхомъ прокатилъ онъ въ

1902 г. съ Дальняго Востока въ Ливадію, отказавшись отъ предполагаемой побѣдки въ Японію. Говорятъ, что эта побѣдка могла бы имѣть тогда крупное политическое значеніе и, быть можетъ, предотвратила бы конфликтъ, разразившійся войною. Но что за дѣло г. Витте было до политики, когда нужно было думать о карьерѣ? Сохранить власть оказалось, однако, уже невозможнымъ, и кандидатъ въ премьеры удовлетворился почетомъ: вмѣсто предсѣдателя кабинета, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ...

Завѣтная мечта ожила, однако, при кн. Святополкѣ-Мирскомъ, а при г. Булыгинѣ и гласно заявила о своемъ существованіи. Весной въ нѣсколькихъ газетахъ сразу появились, несомѣнно инспирированныя, статьи, имѣвшія своей задачей не только выдвинуть кандидатуру гр. Витте, но и найти для нея поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Мысль о кабинетѣ и премьерствѣ,—писалъ я, разоблачая, насколько это было тогда возможно, честолюбивые замыслы,—у С. Ю. Витте далеко не новая, и это не случайность, что только теперь она отлилась въ форму проекта... Необходимое для этого „волеизъявленіе“ само по себѣ зародиться не можетъ... Неизбѣжны новыя событія. Развитие послѣднихъ опредѣлить и то, кто будетъ рѣшать дѣла особой государственной важности: совѣтъ ли министровъ, комитетъ или какое иное учрежденіе, а также и то, будемъ ли мы въ концѣ концовъ имѣть отвѣтственный кабинетъ или неотвѣтственный...

Нужныхъ событій теперь г. Витте дождался, и желанное „волеизъявленіе“, наконецъ, состоялось. Зародившаяся въ моментъ торжества реакціи мечта осуществилась съ первой побѣдой революціи. Тогда г. Витте изъявлялъ готовность стереть самоуправленіе, теперь онъ будетъ вводить конституцію. Мы можемъ поздравить его съ успѣхомъ...

Но до самой революціи графу Витте, конечно, нѣтъ никакого дѣла. Карьера и сейчасъ всецѣло заслоняетъ для него политику. Это—не государственный дѣятель, опредѣленно знающій, чего онъ хочетъ; это—чиновникъ, желающій во что бы то ни стало удержаться. Сначала казалось, что онъ будетъ балансировать между революціей и реакціей. Перечитайте его докладъ, перечитайте первыя—бесцвѣтныя и двусмысленныя—правительственныя сообщенія, которыми гр. Витте рассчитывалъ, повидимому, успокоить страну,—и вы наглядно убѣдитесь, какъ у него велика была готовность угодить и вашимъ, и нашимъ. Но это продолжалось не долго, ибо служить двумъ господамъ не возможно. Хотя революція и наградила графа Витте премьерствомъ, но гарантировать его ему рѣшительно отказалась. Впрочемъ, и самъ онъ, какъ я думаю, все время полагался не столько на революцію, сколько на черную сотню.

Да, на черную сотню... Вы думаете онъ распустилъ сотысячную армію сыщиковъ? Нѣтъ! не распустилъ и не распуститъ:

они вѣдь и ему самому пригодятся. Онъ, можетъ быть, удалить нѣсколькихъ губернаторовъ-погромщиковъ, но системы не нарушилъ и не нарушитъ. „Правительство категорически объявляетъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ правительственныхъ сообщеній,—что со стороны центральныхъ учреждений всѣ распоряженія клонились къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка“. И гр. Витте предлагаетъ революціи удовлетвориться отдѣльными „полицейскими чинами“, на счетъ которыхъ ему „представлены будутъ достовѣрные свѣдѣнія“ *).

Графъ Витте дѣлаетъ видъ, какъ будто ему совершенно неизвестно, что инструкціи этимъ чинамъ и сами чины посылались „прямо изъ Петербурга“. Оставимъ, впрочемъ, тайные циркуляры и таинственные отряды. Возьмемъ то, что и графу Витте известно,—то, что объявлялось во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы показать, какъ централизовано черносотенное движеніе, достаточно напомнить одинъ рядъ изъ такого рода публикацій. Въ теченіе цѣлаго года въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ печатались изъясненія монаршей признательности за готовность расправиться съ крамольниками. Мы не знаемъ, какое центральное учрежденіе вѣдало этимъ дѣломъ, но, я думаю, и графу Витте не трудно было бы понять, къ чему „клонились“ эти публикаціи. Систематически поощряемые изъясненія „дикаго патріотизма“—я пользуюсь терминологіей саратовскаго губернатора—неизбѣжно должны были, конечно, перейти въ его „дикія проявленія“...

Въ чьихъ рукахъ, въ какомъ „центральному учрежденію“ сосредоточены всѣ нити черносотенной агитаціи, повторяю, мы не знаемъ, да это и не важно. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что очень многія изъ нихъ проходили черезъ товарища министра, завѣдывавшаго полиціей. Тѣ же „отряды“ и „циркуляры“ посылались, если не по его инициативѣ, то при его дѣятельномъ содѣйствіи. Этимъ, конечно, и объясняется главнымъ образомъ та ненависть, какую русское общество питало къ генералу Трепову, и та настойчивость, съ какою оно добивалось его удаленія. Между тѣмъ, гр. Витте всѣми силами старался выгородить его, какъ опору, даже единственную опору... либеральныхъ начинаній. Генераль Треповъ, наконецъ, удаленъ, но удаленъ вѣдь только символически. Къ верховной власти онъ даже приближенъ. При скромной должности товарища министра г. Треповъ умѣлъ исполнять функціи диктатора, и мы еще не знаемъ, какую роль онъ будетъ играть въ качествѣ дворцоваго коменданта. Несомнѣнно лишь одно, что гр. Витте не желалъ и не пожелаетъ лишиться его поддержки...

Генераль Треповъ удаленъ... И черезъ день послѣ этого печатается благодарность торговцамъ Сѣннаго рынка, являющагося,

*) Правительственное сообщеніе отъ 28 октября.

какъ извѣстно, въ Петербургѣ центромъ черносотенной агитаціи и ареной черносотенныхъ подвиговъ. Понимаютъ ли совѣтники конституціоннаго монарха, къ чему „клонить“ эта благодарность, что значить она въ настоящее время и какое дѣйствіе она могла имѣть въ эту минуту—наканунѣ ожидавшагося погрома? Почему же они не удержали монарха отъ этого акта? Зачѣмъ они публиковали о немъ во всеобщее свѣдѣніе?

И это отнюдь не единственный случай. 27 октября въ официальномъ органѣ появляется телеграмма „членовъ кишиневскаго благороднаго собранія“, излагающая обстоятельства кишиневскаго погрома въ духѣ мѣстныхъ погромщиковъ. „На Соборной площади во время чтенія евангелія—говорится, между прочимъ, въ этой телеграммѣ—были произведены выстрѣлы и залпы евреями въ молящихся, что прервало молебствіе и, переполнивъ чашу терпѣнія и возмущивъ окончательно патріотическія и религіозныя чувства христіанскаго народа, вызвало еврейскій погромъ“... По чьему распоряженію напечатана эта телеграмма, явно задающаяся цѣлью вызвать озлобленіе противъ евреевъ, задѣвъ самыя чувствительныя струны народной души? Кто открылъ страницы официального изданія для черносотенныхъ прокламацій г. Синадино и прочихъ кишиневскихъ подстрекателей?

31 октября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ печатается удостоенный „сердечной благодарности“ адресъ аткарскихъ дворянъ слѣдующаго содержанія:

„Всемиловѣйшій Самодержавнѣйшій Великій Государь. Неслыханныя злодѣянія и дерзновенныя попытки сокрушить установленный вѣками государственный строй повергаютъ вѣрное Тебѣ аткарское дворянство въ полное отчаяніе. Съ каждымъ днемъ смута все усиливается; въ довершеніе всего 13 сентября въ Москвѣ на сѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей положено начало распаденія Россіи: осмѣлились представить проектъ раздѣленія ея на автономныя части. Пораженные до глубины души этой измѣной Тебѣ и Отечеству, мы, вѣрные Твои подданные, припадаемъ къ стопамъ Твоимъ, умоляя спасти насъ и несчастную Россію единымъ мощнымъ словомъ. Ты, Великій Государь, можешь удержать ее на краю бездны, куда ввергаетъ ее крамола“.

Что означаетъ эта публикація? Что означаетъ это самодержавіе, упраздненное 17 октября и двѣ недѣли спустя возводимое въ превосходную степень? Не значить ли это, что „Правительственный Вѣстникъ“ желаетъ аннулировать значеніе актовъ 17 октября? Что означаетъ это обвиненіе въ измѣнѣ, предъявляемое къ цѣлому сѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей? Не въ правѣ ли мы сказать, что „Правительственный Вѣстникъ“ при гр. Витте столь же ревностно занимается провокаціей, какъ онъ занимался ею при Плеве и Треповѣ?

Дѣло, конечно, не въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, а во всемъ „объединенномъ“ правительствѣ. Его сообщенія уже утратили вѣрный и двусмысленный характеръ и приобрѣли достаточ-

ную яркость и выразительность. Правительственное сообщеніе отъ 20 октября обнаруживаетъ рѣшительное желаніе свести на нѣтъ успѣхи революціи. „Пока въ Привислинскомъ краѣ — читаемъ въ немъ — не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣваго нмъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ манифестовъ 6 августа и 17 октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края“. Такъ осуществляется возвышенная 17 октября въ цѣляхъ успокоенія страны „прямая и искренняя“ программа „практическаго водворенія въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы“. Я водворю свободу — писалъ 17 октября гр. Витте — и смута прекратится; пусть прекратится смута — пишеть онъ теперь — и тогда я водворю свободу. „Прямота и искренность“ — необычайныя; неизвѣстно только, когда они были проявлены: 17 или 31 октября. Это будетъ почище даже пресловутой „благожелательности“ В. К. Плеве.

Но гр. Витте превзошелъ покойнаго не только въ этомъ направленіи. Правительственное сообщеніе по польскому вопросу представляетъ такой шедевръ провокаціи, до какого не поднимались ни Плеве, ни Треповъ. Чтобы погасить революцію, правительство рѣшило залить ее кровью. Съ Польшею расправятся доблестныя войска, а внутреннихъ враговъ усмирить неувѣжественная масса. „Полякъ взбунтовался“ — сдѣлается теперь лозунгомъ черносотеннаго движенія. До сихъ поръ революціонеровъ убивали и сжигали, какъ безбожниковъ; теперь ихъ будутъ бить и жечь, какъ измѣнниковъ...

Мы имѣемъ „объединенное“ правительство и всю честь должны приписывать гр. Витте. Въ дѣйствительности, конечно, не въ немъ дѣло. Гр. Витте, — повторяю еще разъ, — чиновникъ, который думаетъ только о карьерѣ; политику диктуютъ и будутъ диктовать другіе. По отношенію къ той же Польшѣ трудно даже сказать, кто додумался до „усмиренія“. Можетъ быть, это — генералъ-адъютантъ Скалонъ, одинъ изъ первыхъ объявившій, что не зачѣмъ жалѣть патроновъ; можетъ быть, это — кто-нибудь изъ столь же щедрыхъ на патроны „дворцовыхъ комендантовъ“. Минутами мнѣ даже кажется, что гр. Витте, съ его „дѣловымъ министерствомъ“, — не правительство, а только бутафорія, игра бюрократическаго самолюбія. Вся роль его „дѣловаго“ кабинета, быть можетъ, сводится къ тому, чтобы писать подъ диктовку „правительственныя сообщенія“, выплачивать жалованье провокаторамъ и изготовлять въ достаточномъ количествѣ патроны и пушки.

Гр. Витте когда-то называлъ себя „приказчикомъ своего государя“; другіе называютъ его „последнимъ козыремъ русскаго самодержавія“. Такова, я думаю, его провиденціальная миссія.

Въ качествѣ министра финансовъ онъ раззорилъ Россію; въ качествѣ премьера онъ залъетъ ее кровью. И все изъ-за того только, чтобы спасти и увѣнчать свою карьеру...

Дѣло не въ немъ лично, а въ самодержавіи,—упраздненномъ, но не одавшемся. Вся власть и послѣ 17 октября осталась въ рукахъ слугъ и приверженцевъ стараго режима. Спасая ее, они дошли уже до изступленія и, конечно, не остановятся ни передъ какими ужасами. Вывать у нихъ власть—и составляетъ задачу революціи. Послѣдніе двѣ недѣли съ особою наглядностью показали, что дѣло не въ бумажныхъ правахъ, не въ хартіяхъ и манифестахъ, а во власти, которую нужно передать народу. Единственная для этого форма — и мы до конца будемъ на ней настаивать, это—учредительное собраніе. Конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимаютъ русскіе либералы: соберутся-де выборные люди (лишь бы были выбраны!) и выработаютъ „основной законъ россійской имперіи“. Мало выработать конституцію; необходимо еще ввести ее, и для этого необходимо, чтобы учредительное собраніе обладало всею полнотою власти. Само собой понятно, что нынѣшнее правительство, хотя оно и согласилось какъ будто бы на созывъ учредительнаго собранія, добровольно своею властью не поступится. До учредительнаго собранія она у него должна быть кѣмъ-то отнята...

Смѣшно, конечно, даже думать, что дѣловое министерство графа Витте,—этого приказчика русскаго самодержавія,—можетъ выполнить функціи временнаго правительства. Вопросъ о власти и, стало быть, объ учредительномъ собраніи еще не рѣшенъ, и весьма возможно, что его придется рѣшать силою.

XXXIII.

Ужасная вспышка черносотеннаго движенія, какъ ни парадоксально покажется это на первый взглядъ, больше, можетъ быть, чѣмъ что-либо другое, подвинуло насъ на этомъ именно пути къ разрѣшенію вопроса объ учредительномъ собраніи. Легко, конечно, проповѣдывать вооруженное возстаніе. Но этотъ дозвунтъ, съ которымъ особенно сильно шумѣла въ послѣдній мѣсяцъ социаль демократія, самъ по себѣ ни на шагъ не подвинулъ бы русской революціи. Не проповѣдь социаль-демократовъ, а дѣйствія черной сотни заставили народъ вооружаться и открыли къ этому хоть какую-нибудь фактическую возможность. Объ оружіи революціонныя организаціи толкуютъ вѣдь давно, но фактически дѣло сводилось къ ничтожному количеству револьверовъ, постоянно отбиравшихся при обыскахъ. Доставать оружіе было неимоვნно трудно, хранить — рискованно. Да и стимуловъ къ вооруженію,—тѣхъ непосредственныхъ стимуловъ, которыми жи-

веть масса,—не было. Первый толчокъ въ этомъ направленіи дала прошлою зимою черная сотня: вмѣстѣ съ избіеніями учащейся молодежи, револьверы появились у публики. И та же черная сотня сдѣлала теперь это явленіе массовымъ. Въ составѣ дружинъ, милиціи и т. п. теперь вооружены уже многія тысячи. Еще больше, быть можетъ, разсѣяно оружія среди тѣхъ, которые запаслись имъ исключительно ради собственной самозащиты. Необходимость защищать свою жизнь и свое имущество оказалась столь настоятельной, что подъ ея напоромъ сразу должны были рухнуть такъ долго совидавшіеся русскимъ правительствомъ преграды. Даже въ Петербургѣ и Москвѣ револьверъ можно приобрести теперь въ первомъ оружейномъ магазинѣ, и развѣ для очистки совѣсти васъ спросятъ объ „удостовереніи“. Не слышно уже и о штрафахъ за „ношеніе“ и „храненіе“.

Было бы, однако, не благоразумно возлагать всѣ надежды на оружіе и рискованно направлять только въ эту сторону всѣ усилія. При данномъ соотношеніи силъ едва ли возможно скольконибудь успѣшное состязаніе между финскими ножами и пашками, между револьверами и пулеметами. Одна изъ главныхъ задачъ заключается въ томъ, чтобы измѣнить соотношеніе силъ революціи и реакціи. Не слѣдуетъ забывать, что главное оружіе первой—не револьверъ, а идея. И я думаю, что еще много имъ можно и нужно сдѣлать.

Составъ непріятельской арміи очень разнообразенъ: мы въ ней видимъ и профессиональнаго вора, и честолюбиваго премьера, и безпорядочную толпу, и дисциплинированное войско. Нельзя, конечно, и думать, что всю ее можно побѣдить только идеей. Со многими ея элементами неизбежна борьба на жизнь и на смерть, борьба оружіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно сдѣлать словомъ, даже свободнымъ словомъ, если въ кабинетѣ писателя врывается казачій офицеръ и грозить револьверомъ, замахивается пашкой? Такіе случаи уже были, и, несомнѣнно, что они будутъ встрѣчаться еще чаще. Настала пора, когда приходится даже писать съ револьверомъ...

Но у стараго режима имѣются приверженцы не только по призванію, но и по недоразумѣнію. Вѣдь главная опора самодержавія это—невѣжество массы, и его необходимо, насколько только это возможно, разсѣять. Необходимо дезорганизовать непріятельскія силы и перетянуть къ себѣ тѣ, которыя по праву принадлежатъ революціи.

То же черносотенное движеніе въ значительной его части основано на недоразумѣніи. На ряду съ переодѣтыми городовыми, кулаками и сычизмами, въ немъ участвуютъ наиболѣе обездоленные и наиболѣе угнетенные слои русскаго населенія. Можно думать, что уже теперь въ немъ преобладаютъ революціонныя силы. Наглядно это сказалось въ Кронштадтѣ, гдѣ мя-

тежъ слился съ погромомъ. Въ этомъ слияніи заключается, быть можетъ, главная угроза для революціи. Было бы ужасно, если бы все движеніе пошло путемъ грабежей и погромовъ. Между тѣмъ, эту опасность нельзя считать устраненной даже въ городахъ, гдѣ многіе изъ шествующихъ за краснымъ флагомъ, на другой день, быть можетъ, участвуютъ въ погромахъ. Культурное состояніе массы слишкомъ низко, чтобы она могла разобратся въ сложныхъ планахъ, и въ то же время экономическое положеніе ея слишкомъ невыносимо, чтобы она могла осуществлять ихъ съ необходимой выдержкой. Нечего поэтому удивляться, что ее такъ же легко и, быть можетъ, много даже легче склонить къ грабежу, чѣмъ къ учредительному собранію.

Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, сознательная мысль сдѣлала, конечно, уже большіе успѣхи, и можно надѣяться, что черносотенный погромъ не перетянетъ въ нихъ революцію, хотя и здѣсь—повторяю—эту опасность нельзя считать вполне устраненною. Несравненно хуже обстоитъ дѣло въ деревнѣ: факты показываютъ, что громадную массу крестьянства такъ же легко бросить въ еврейскій погромъ, какъ и на грабежъ помѣщичьей усадьбы.

Но въ томъ же направленіи, въ какомъ находится угроза революціи, лежатъ и главныя ея надежды. Эту самую массу, которую стремятся во что бы то ни стало взбудоражить дошедшіе до изступленія агенты самодержавія, революція еще можетъ перетянуть на свою сторону. И это она можетъ сдѣлать только идеями. Само собою понятно, что такой идеи нѣтъ у либераловъ, ее могутъ дать только социалистическія партіи.

Впрочемъ, едва ли ее могутъ дать и социаль-демократы. Когда то заядлые „экономисты“, они всецѣло увлеклись теперь политикой. Они имѣютъ сейчасъ только одинъ лозунгъ для движенія—„демократическая республика“. Легко понять, что для голодающихъ это—пустой звукъ, способный обратиться подъ вліяніемъ вѣшнаго внушенія въ жупель. Для массы нуженъ хлѣбъ, насущный хлѣбъ, и этотъ хлѣбъ необходимо самымъ нагляднымъ для нея образомъ сочетать съ волей. Экономика все время должна идти въ уровень съ политикой. Къ этому и стремится другая социалистическая партія.

Пора понять, что въ Россіи происходитъ не политическая только, но и социальная революція, и если надъ ней не взовется красный флагъ, то она совершится съ чернымъ.

Отдѣльныя вспышки—писалъ я въ апрѣлѣ—уже начали сливаться въ общій пожаръ, грозящій охватить всю Россію,—и города и деревню, и центръ и окраины. Съ каждымъ днемъ движеніе приобретаетъ все болѣе и болѣе стихійный характеръ. И нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ огонь выжжетъ въ концѣ концовъ не только сорня, но и цѣлебныя травы. Можетъ быть,

будетъ выжжена въ большей или меньшей своей части и русская интеллигенція. Не за Бѣлинскаго и Михайловскаго она отвѣтитъ, не за мучениковъ своихъ и героевъ, не за идеи свои и идеалы. Она отвѣтитъ за имущіе классы, среди которыхъ выросла, за сословныя привилегіи, которыми такъ долго пользовалась, и за классовую эксплуатацію, въ которой, не смотря на всѣ идеи и идеалы, принимала дѣятельное участіе. Все усиливающееся и не находящее себѣ исхода движеніе можетъ принять въ концѣ концовъ такіе размѣры и отлиться въ такія формы, что также участь постигнетъ и многія другія пріобрѣтенія культуры. Можно опасаться, что оно разразится въ концѣ концовъ катастрофой. Массы могутъ не разсмотрѣть, что на словѣ подлежать лишь перегородки и своды; подъ ихъ стихійнымъ напоромъ могутъ рухнуть и стѣны самаго зданія.

Этотъ характеръ движенія теперь еще очевиднѣе. Нельзя и думать, что оно можетъ протечь въ руслѣ политической революціи, что его можно дѣликомъ направить противъ „приказнаго строя“, о чемъ мечтаютъ либералы, или противъ монархіи, на что рассчитываютъ социаль-демократы. Уже началось возстаніе рабовъ противъ господъ, голодныхъ противъ сытыхъ, эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ. Въ значительной своей части оно носитъ стихійный, неорганизованный характеръ, но и все оно можетъ отлиться въ черносотенную форму. Интеллигенцію буквально уже выжигаютъ, выжигаютъ и другія пріобрѣтенія культуры. Противостать этой силѣ, хотя бы и съ самымъ усовершенствованнымъ револьверомъ, немислимо. Необходимо перетянуть ее къ себѣ, иначе она перетянетъ и перегнетъ всю революцію. И этого можно достигнуть только идеей.

Интеллигенція должна—писалъ я—„поднявъ возможно выше свѣточъ истины и идеала, которымъ владѣть, броситься въ эти до нельзя взволнованныя безсвязныя толпы... Только такимъ путемъ можно прекратить жестокія сцены“... Но этимъ свѣточемъ не можетъ быть идеаль только свободы, хотя бы вы подняли его до демократической республики. Нужна социальная идея, близкая и понятная массамъ. И я думаю, что такою идеею можетъ быть и должна быть: „земля“.

Даже въ городѣ она производитъ обаятельное впечатлѣніе. Хотя и смутно, но массы сознаютъ необходимость очень широкихъ социальныхъ преобразованій, необходимость прочной социальной опоры, чтобы онѣ могли рассчитывать на лучшее будущее. Мнѣ какъ-то пришлось толковать съ кучкой черносотенцевъ. Рѣзко и возбужденно они критиковали манифестъ 17 октября: „Какая намъ отъ него польза!“ Для ихъ мысли было непосильно преодолѣть рядъ силлогизмовъ, которые связываютъ хлѣбъ съ волей. Вопросъ о землѣ сразу преобразилъ эту возбужденную кучку. Всѣ ясно сознавали его громадное значеніе, всѣ чувствовали его кровную близость. Да и какъ же могло быть иначе: вѣдь эти самыя, наименѣе сознательныя, элементы города тѣснѣ всего связаны съ деревней.

И я не сомнѣваюсь, что передъ знаменемъ: „земля и воля“

быстро начнет таять черная сотня, быстро начнут рѣдѣть ея ряды, и передъ нами скоро останутся только агенты изступленнаго самодержавія и представители самаго наглаго кулачества. Еще большее обаяніе это знамя будетъ имѣть и въ дѣйствительности имѣетъ въ деревнѣ. Въ сущности, оно одно только и можетъ предотвратить угрозу, какую таятъ въ себѣ для освободительнаго движенія и для всей культуры крестьянскія массы. Спѣшите же поднять это знамя,—иначе верхъ возьметъ анархія. Поднимайте его выше,—иначе явится какой-нибудь авантюристъ, который со знаменемъ „царь и земля“ поведетъ народъ черезъ пугачевщину къ диктатурѣ.

У меня нѣтъ надежды, чтобы съ этимъ знаменемъ можно было удержать движеніе въ правовѣрныхъ, спокойныхъ формахъ. Вопросъ о землѣ должно рѣшить, конечно, учредительное собраніе. Съ нимъ, однако, запоздали, и крестьянскую массу теперь уже не мыслимо удержать на выжидательной позиціи. Въ нѣсколькихъ уже губерніяхъ началось крестьянское возстаніе, а къ веснѣ, по отзывамъ близко соприкасающихся съ деревней людей, оно охватитъ почти всю Россію. Правительство надѣется совладать съ нимъ генералами въ бѣлыхъ шапкахъ и пулеметами. Но русская интеллигенція не можетъ и не должна брать на себя задачу задержать стихію. Она не можетъ и не должна говорить: „подождите“. По меньшей мѣрѣ, это безцѣльно. Разъ стихійное движеніе началось, остановить его нельзя, и вся задача интеллигенціи должна заключаться въ томъ, чтобы внести въ него сознательную мысль и организирующую силу. И я думаю, что по отношенію къ деревнѣ сейчасъ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ такой лозунгъ:

— Не грабьте, не жгите, не разворайте... Берите во временное управленіе.

Въ борьбѣ за хлѣбъ нужно спѣшить сьорганизовать народную волю. Иначе народъ останется и безъ земли, и безъ воли.

XXXIV.

Предыдущая книга „Русскаго Богатства“ не дошла, быть можетъ, до многихъ еще читателей, какъ одинъ изъ упоминавшихся въ ней общественныхъ дѣятелей—кн. С. Н. Трубецкой—скончался. Двѣ-три нервныхъ и отрывочныхъ реплики, поданныхъ тогда мною по адресу „перваго выборнаго ректора Московскаго университета“, не могли и не могутъ, конечно, замѣнить некролога. Общественная роль покойнаго требуетъ болѣе спокойной съ нашей стороны оцѣнки.

Еще годъ тому назадъ имя кн. С. Н. Трубецкого—профессора и философа—почти вовсе не было извѣстно широкимъ кругамъ 10. Отдѣлъ II.

гамъ публики. Только одинъ разъ, если не ошибаюсь, имя покойнаго оказалось до известной степени связаннымъ съ теченіями общественной мысли, привлекавшими къ себѣ вниманіе русской интеллигенціи. Когда въ нѣдрахъ марксизма зародилось теченіе, нашедшее потомъ свое выраженіе въ лозунгѣ: „назадъ, къ Канту“, то П. В. Струве и нѣкоторые другіе видные тогда марксисты, перенесшіе свои изысканія на философскую почву, начали печатать свои статьи въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, выходившемъ подъ редакціей С. Н. Трубецкого. Известный дотогѣ только специалистамъ, журналъ появился въ болѣе широкихъ кругахъ читающей публики. Преклонявшіеся въ ту пору передъ г. Струве, русскіе ученики Маркса готовы были, казалось, съ головой уйти въ увлекшую его „гносеологию“. Но это продолжалось очень не долго. Область была слишкомъ специальна, и экскурсіи въ нее для непосвященныхъ были слишкомъ утомительны. Одно это, впрочемъ, не останавлило бы читателей, преодолевавшихъ и не такія трудности. Но самое теченіе, по мѣрѣ того какъ выяснялись его характеръ и дѣйствительное направление, оказалось не достаточно властнымъ, чтобы увлечь сколько-нибудь значительную часть русской интеллигенціи. Естественное и даже неизбежное движеніе „отъ марксизма къ идеализму“ пошло въ дѣйствительности другими путями. Въ эту же сторону направились лишь тѣ изъ неудовлетворявшихся матеріалистической догмой, которые искали примиренія съ дѣйствительностью. Это былъ путь отъ ученаго доктринерства къ „реальной политикѣ“, отъ непреклонной ортодоксіи ко всевозможнымъ компромиссамъ. Но и въ этомъ направленіи многіе воспользовались болѣе прямой дорогой, не утруждая себя утомительнымъ блужданіемъ въ дебряхъ метафизики. Не въ идеализмъ и даже не въ метафизическомъ идеализмѣ было дѣло; не онъ, во всякомъ случаѣ, помогъ потомъ всѣмъ, шедшимъ въ эту сторону, сойтись на одной платформѣ. Не сильная, не широкая и не глубокая струя общественной мысли, прошедшая черезъ „Вопросы философіи и психологіи“, не могла, конечно, сдѣлать имя ихъ редактора популярнымъ. При томъ самъ онъ въ этомъ теченіи не игралъ активной роли: къ нему шли, а не онъ велъ отпавшихся къ Канту...

Не онъ велъ... Съ известнымъ правомъ это, я думаю, можно сказать и объ общественной дѣятельности кн. С. Н. Трубецкого, одѣлавшей его имя известнымъ широкимъ кругамъ публики. Эта дѣятельность, поскольку она протекала на глазахъ всей Россіи, продолжалась очень не долго. Ее не трудно окинуть однимъ взглядомъ и, если ужъ характеризовать ее однимъ словомъ, то я бы сказалъ, что это была дѣятельность не вождя, а парламента.

Въ качествѣ парламента именно, покойный произнесъ рѣчь

6 июня, доставившую ему общероссийскую известность. Въ мягкой и нѣсколько затуманенной формѣ онъ изложилъ пожеланія пославшей его группы. Едва ли нужно напоминать, какъ скромны были эти пожеланія: всеобщее избирательное право и предварительныя гарантіи. Напрасно многіе потомъ старались вычитать въ рѣчи кн. Трубецкого и третье, казалось бы, непремѣнное пожеланіе,—а именно пожеланіе относительно законодательной власти представительнаго собранія. Но этого, какъ разъяснили потомъ сами участники депутаціи, высказано не было. Какъ ни скромны были высказанныя пожеланія, они оказались, однако, непріемлемыми. Но и это не поколебало вѣры въ возможность получить свободу путемъ переговоровъ...

29 сентября кн. С. Н. Трубецкой явился вновь въ Петербургъ въ качествѣ парламентаря, на этотъ разъ отъ старѣйшаго университета. Пожеланіе, которое онъ взялся высказать, было еще скромнѣе—рѣчь шла только о свободѣ собраній; и высказано оно было въ несравненно болѣе скромной обстановкѣ—передъ министромъ и въ одной изъ бюрократическихъ комиссій. Выполняя эту миссію, кн. С. Н. Трубецкой и умеръ „въ самомъ станѣ противниковъ“ *)...

Между этими двумя датами,—между началомъ всероссийской известности кн. С. Н. Трубецкого и его преждевременной и тяжело поразившей всѣхъ кончиной,—необходимо отмѣтить его дѣятельность въ качествѣ перваго выборнаго ректора московскаго университета. Самая „автономія“, какъ полагаютъ, явилась на свѣтъ не безъ его участія. По крайней мѣрѣ, въ печати высказывалось предположеніе, что „правила 27 августа“ имѣютъ связь съ запиской, представленной кн. Трубецкимъ по лично данному ему 6 июня порученію. До известной степени это было, стало быть, результатъ тоже переговоровъ и при томъ удавшихся,—конечно, потому, что другого исхода у бюрократіи не было. Подавая записку и вступая потомъ въ должность ректора, покойный, нужно думать, былъ искренно убѣжденъ, что возможно создать свободный университетъ, хотя бы страна и не была еще свободна. Въ прошлый разъ я привелъ отрывокъ изъ его рѣчи, въ которой такъ громко звучала торжествующая нота: „Мы получили—сказалъ онъ—разомъ то, что желали; мы побѣдили силы реакціи“... Жизнь не замедлила, однако, убѣдить его въ невозможности примирить непримиримое,—примирить свободный университетъ съ полицейскимъ режимомъ. Пріемлемое для бюрократіи оказалось непріемлемымъ въ жизни. Вмѣсто свободнаго университета, получила „злосчастная отдушнина“, заткнуть которую было уже не мыслимо. Не прошло и мѣсяца, какъ кн. Трубецкому пришлось ѣхать для новыхъ переговоровъ съ „силами реакціи“...

*) „Русскія Вѣдомости“, 5 октября.

Не долго кн. Трубецкой пробылъ на политической аренѣ, но за это время онъ испыталъ всю горечь выпавшей на его долю мисси. Въ случай удачи она была такъ же горька, какъ и въ случай неудачи. Она же его и сломила...

Между тѣмъ, сама судьба, казалось, готовила покойнаго для роли парламентаря. Искренній и преданный сторонникъ свободы, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ своихъ соратниковъ, онъ былъ въ тоже время свой человѣкъ и „въ станѣ противниковъ“. По рожденію, воспитанію и связямъ онъ принадлежалъ къ той оредѣ, съ которой долженъ былъ вести переговоры. Наглядно это сказалося у его гроба, проводить который собрались представители обѣихъ враждующихъ армій. „У вѣнковъ—сообщаютъ газеты—рѣзко преобладали красныя ленты“. И тутъ же вѣнокъ изъ бѣлыхъ орхидей, возложенный гр. Гейденомъ...

Едва ли кто другой подходилъ къ трудной роли, какая выпала на долю кн. С. Н. Трубецкаго. Принимаемый, какъ свой человѣкъ, онъ, несомнѣнно, умѣлъ говорить съ противниками, умѣлъ говорить такъ, что его слушали, что его понимали, что съ нимъ соглашались. Даже въ этомъ роковомъ для кн. Трубецкаго засѣданіи, по словамъ присутствовавшаго на немъ лица, „сразу было видно общее согласіе членовъ совѣщанія съ предложеніями покойнаго“... *) Лучшаго парламентаря русскими либераламъ найти было бы трудно.

Другой вопросъ: нужны ли были эти переговоры? Чего, въ самомъ дѣлѣ, добились бы та же земская депутація даже въ случай удачи? Заключивъ тогда миръ, она уступила бы конституцію...

Не на мирныхъ конгрессахъ, а на полѣ брани пишется исторія. И странно было бы рассчитывать, что врага можно побѣдить доводами.

„Покойный—пишетъ П. Н. Милюковъ—былъ однимъ изъ послѣднихъ, которые еще вѣрили, что общественную борьбу можно вести доводами моральнаго убѣжденія и что возможно какое-то примиреніе... и за свою вѣру онъ заплатилъ своею жизнью... Много, во что, скрѣпя сердце, долго и упорно вѣрило русское общество, умереть вмѣстѣ съ нимъ“... *)

П. Н. Милюковъ лучше меня знаетъ ту среду, о которой пишетъ, но я всетаки боюсь, что онъ ошибается. Вѣра въ „возможность примиренія“ не на кн. С. Н. Трубецкомъ только держалась и едва ли съ его смертью она окончательно угасла. Я боюсь, что русскіе либералы опять при первой возможности вступятъ въ переговоры и опять пошлутъ парламентаря въ „станъ противниковъ“... Склонность въ этой средѣ найти компромиссъ

*) „Биржевыя Вѣдомости“, 30 сентября.

**) „Русскія Вѣдомости“, 5 октября.

между идеалами и действительностью такъ велика, что возможно даже сотрудничество...

Не случайно я упомянулъ о томъ теченіи, одна изъ струекъ котораго прошла черезъ „Вопросы философіи и психологіи“. Думаю, что, какъ тогда, такъ и теперь, роль кн. С. Н. Трубецкого была одинакова. Не онъ велъ... Сами шли и сами пришли—вмѣсто высокихъ идеаловъ къ метафизическому идеализму и вмѣсто активной борьбы къ мирнымъ переговорамъ...

Огдадимъ нашъ долгъ честному гражданину, погибшему въ борьбѣ, для которой онъ не зналъ другого оружія, кромѣ доводовъ. Но не будемъ возлагать на него одного всю тяжесть отвѣтственности. Ея должны раздѣлить съ нимъ всѣ тѣ, которые съ разныхъ сторонъ собрались на платформѣ такъ называемой „реальной политики“.

А. Пѣшехоновъ.

П о л и т и к а .

.Успѣхи мирной революціи въ Россіи. — Торжество мирной революціи въ Финляндіи.—Точный текстъ мирнаго Портсмутскаго трактата.

I.

Въ Россіи торжествуетъ мирная народная революція: это кардинальное важнѣйшее событіе всемірной исторіи нашего времени. Революція еще не восторжествовала, но уже торжествуетъ побѣду за побѣдою. Не на баррикадахъ одерживаетъ свои побѣды народная революція въ Россіи. На улицахъ торжествуетъ тройственный союзъ черносотенной губернской администраціи, ея полиціи и мобилизованныхъ ими жуликовъ и хулигановъ, заливая кровью улицы и площади, избивая жителей цѣлыхъ домовъ и кварталовъ, поджигая, истязая, разоряя и воруя. Но при всѣхъ своихъ ужасныхъ и безстыдныхъ удачахъ, этотъ тройственный союзъ деспотизма, воровства и жестокости оказывается безсильнымъ передъ мирною народною революціей. Его постыдные успѣхи приводятъ въ трепетъ и негодованіе весь культурный міръ, но ни на іоту не умаляютъ торжества народной революціи, которая, завоевывая отечеству свободу и правопорядокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ завоевала русскому народу уваженіе и восторженное удивленіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается разница между преобразованиями государственнаго строя путемъ реформъ или путемъ революціи? Не въ томъ ли, что въ революціи участвуетъ на-

силіе, а при реформахъ дѣло обходится мирно? Конечно, нѣтъ, потому что въ 1861 году волненія были повсемѣстны и не мало пролито было крови, а между тѣмъ освобожденіе крестьянъ было несомнѣнно реформою, а не революціей. Припомнимъ и Петровскую реформу, исполненную насилія и залитую кровью. Говорятъ, что реформы дѣлаются сверху, а революціи снизу. И это несправедливо, однако; потому что во всѣхъ демократическихъ государствахъ реформы проводятся черезъ всенародное сознаніе, дѣлаются снизу. Не въ этихъ внѣшнихъ признакахъ заключается существенное различіе между реформою и революціей. Есть, однако, между ними рѣзкая разграничительная черта внутренняго характера: реформа совершается на основаніи законовъ отмѣняемаго строя, революція—съ этими отжившими законами не считается, на нихъ не обращаетъ вниманія, дѣйствуетъ не законосообразно, а только цѣлесообразно. Когда назрѣваетъ историческая необходимость крупнаго преобразованія самихъ основъ государственнаго строя и это своевременно сознано правящими сферами, отживающіе законы еще могутъ найти столько признанія и силы, чтобы на точномъ ихъ основаніи провести ихъ отмѣну и замѣну. Но когда правящіе классы пропускаютъ этотъ историческій моментъ, тогда отживающіе законы становятся, наконецъ, отжившими, теряютъ всякій авторитетъ въ глазахъ народа; новый строй складывается самъ собою изъ дѣйствій и соглашеній корпорацій и народныхъ группъ; правительству остается санкціонировать новый строй (если оно не рискнетъ потопить его въ крови своего народа). Именно этотъ историческій процессъ совершился и совершается въ Россіи. Права собраній, союзовъ, конгрессовъ стали совершившимся фактомъ безъ санкции закона, тоже съ свободою слова, тоже съ академическою автономіей, съ объединеніемъ земствъ, съ политическою компетенціей земствъ и муниципалитетомъ, тоже (въ огромномъ масштабѣ) съ свободою стачекъ и забастовокъ. Это глубокое преобразованіе всѣхъ общественныхъ отправленій правительство уже общало санкціонировать, кое-что успѣло санкціонировать, многое признало безъ санкціи, со многими не узаконенными учрежденіями вступало въ переговоры и соглашенія. Народъ русскій не поднималъ оружія и не прибѣгалъ къ насилію, но онъ совершилъ (хотя и не завершилъ еще) одну изъ самыхъ большихъ революцій, какія знаетъ всемірная исторія, и потому-то это дѣло русскаго народа вызываетъ сочувственное удивленіе всего культурнаго міра, который съ радостью привѣтствуетъ новаго собрата въ своей средѣ.

Три года, два съ половиною и два года тому назадъ собирались въ столицѣ профессиональные сѣзды (врачей, дѣятелей профессиональнаго образованія др.). Два изъ нихъ (названные выше въ скобкахъ) постановили выразить полное недовѣріе пра-

вительству, не тратить напрасно времени и трудовъ на сношенія съ нимъ и выработывать резолюціи для уясненія вопросовъ общественному мнѣнію. Съѣзды были сорваны, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Эти резолюціи были первыми проявленіями не тайной и подпольной, но явной мирной революціи. Общество отказывало правительству въ довѣріи, а его мѣропріятіямъ—въ признаніи: правительство не вняло этому первому предостереженію, оно питало упованіе и несокрушимую надежду на власть нагайки, поддержанною въ случаѣ надобности картечью и пулеметами. Задыхаясь въ политической атмосферѣ съ такими условіями, русская нація задыхалась и въ экономической сферѣ, окостенѣвшей подъ давленіемъ политическаго строя. Конвульсіи народныхъ волненій на экономической почвѣ стали неизбежны. Стачки и забастовки волновали города, аграрное движеніе охватило многія губерніи. На всѣ эти продромы надвигающейся грозы правительство нашлось отвѣтить только новыми репрессіями. Это второе предостереженіе исторіи тоже было оставлено безъ вниманія. Репрессія, казалось, панацеей отъ всѣхъ бѣдъ и опасностей. Не понадѣясь на армію военнаго министерства, министерство внутреннихъ дѣлъ задумало создать свою собственную армію. Слухи объ этомъ чудовищномъ проектѣ В. К. Плеве проникали даже въ печать... Это своего рода утопія, въ родѣ угрюмъ-бурчеевской. Она не осуществилась, эта мечта о сотняхъ тысячъ организованной и вооруженной черносотенной арміи!

Такъ жила и страдала Россія первые три года XX вѣка. Правительство было минировано, его не любили и не уважали, съ нимъ боролись, но режимъ не отступалъ передъ движеніемъ и смѣло попиралъ даже собственные свои законы, какъ бы издѣваясь надъ общественнымъ мнѣніемъ и національными стремленіями. Такова была внутренняя политика, такова была и внѣшняя. Она такъ же была произвольна, такъ же не считалась съ собственными своими заявленіями и обязательствами и кончилась такъ же войною съ Японіей, какъ внутренняя привела къ разрыву съ націей. Испорченному, растлѣнному режиму пришлось скоро круто. Фаворитство, хищничество и тиранія—плохіе союзники въ минуту тяжелыхъ испытаній. Старый самодержавный бюрократическій режимъ не выдержалъ строгаго экзамена на поляхъ Манчжуріи, на водныхъ равнинахъ Великаго Океана... Нація, страдавшая отъ деспотизма, питала увѣренность въ свою внѣшнюю безопасность, по крайней мѣрѣ. Оказалось, что она и въ этомъ ошибалась, режимъ отнялъ у нея и эту элементарнѣйшую гарантію, хотя бы только территоріальной неприкосновенности, мира и безопасности. Когда это стало ясно широкимъ слоямъ населенія, нація сплотилась для борьбы съ режимомъ, для его замѣны.

Мы не будемъ здѣсь излагать исторію послѣдняго года (съ

ноября 1904 года по октябрь 1905 включительно). Это былъ годъ фактическаго завоеванія свободы стачекъ, собраній, союзовъ и слова и фактическаго установленія цѣлой сѣти организацій по профессіямъ и по партіямъ, связанныхъ и объединенныхъ какъ бы новой государственной организаціей параллельно съ правительственною. Попытаться уничтожить эту революціонную организацію правительство не рискнуло. Оно рѣшилось объединить ее съ собою при помощи народнаго представительства. Такою, но совершенно неудовлетворительною попыткою было положеніе о Государственной Думѣ 6 августа 1905 года. Часть общества, большинство земскихъ, муниципальных и академическихъ либераловъ готовы были принять этотъ даръ законовѣдательнаго собранія, собраннаго при высокомъ цензѣ и при условіяхъ самаго широкаго административнаго давленія, безъ всякихъ гарантій необходимыхъ вольностей. Значительная часть общества энергично опротестовала эту готовность либераловъ объединиться съ правительствомъ даже безъ перемѣны его личнаго состава. Это выдѣленіе либераловъ нарушало уже создавшуюся организацію союзовъ и сильно тормазило дальнѣйшую борьбу за освобожденіе. Земская Россія отпадала отъ Россіи народной, но эта послѣдняя оказалась гораздо сильнѣе, чѣмъ земцы думали.

Видя, какъ отлично устриваются бюрократы, отдѣлавшись обѣщаніями и полумѣрами, народная Россія поставила свои условія: гарантіи народныхъ вольностей, всеобщее избирательное право, учредительное собраніе, вмѣсто законовѣдательнаго. Если условія не будутъ выполнены, то рѣшена забастовка всего рабочаго класса всей Россіи. И эта угроза, впервые во всемірной исторіи, была блестяще выполнена. Къ забастовкѣ рабочихъ присоединилась забастовка сначала независимыхъ профессій (адвокатовъ, инженеровъ, врачей и т. д.), а затѣмъ и служащихъ въ частныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ. Забастовали банки съ Государственнымъ банкомъ во главѣ. Забастовали мировые судьи, окружной судъ, судебная палата, чиновники разныхъ министерствъ и вѣдомствъ. Государственная машина остановилась, экономическая жизнь замерла. Долго выдерживать это положеніе не въ состояніи никакое государство. Режимъ уступилъ. Былъ объявленъ манифестъ отъ 17 октября 1905 г., гдѣ по всѣмъ тремъ пунктамъ давалось нѣкоторое удовлетвореніе: обѣщаны всѣ обыкновенныя вольности, приказано расширить избирательное право и дарована Думѣ, вмѣсто законовѣдательнаго голоса—законодательная власть. Это была огромная побѣда, достигнутая совершенно новымъ способомъ борьбы. Къ нему можетъ толкнуть только отчаяніе, но именно въ отчаяніе приводилъ націю этотъ уже падающій, но все еще не павшій режимъ. И послѣ 17 октября онъ продолжалъ и продолжаетъ бороться за старые порядки, исполненные произвола, беззаконія и хищничества. Однако, новыя вѣянія понемногу

одолеваютъ; ушли Побѣдоносцевъ и Треповъ; устранены нѣкоторые губернаторы; двое изъ нихъ подѣ слѣдствіемъ; назначаются сенаторскія ревизіи; ослабили подвиги черной сотни; образовано новое министерство „дѣловое“, во всякомъ случаѣ не нѣе залитое неповинною кровью, чѣмъ предыдущее... Все это успѣхи, прямо вынуждаемые твердыми позиціями, занятыми народомъ. Однако, пока матеріальная власть не перейдетъ въ руки новыхъ людей изъ общества и народа, не соберется дѣйствительное народное представительство, не образуется отвѣтственное министерство, не переименована мѣстная администрація и не передана полиція въ руки городскихъ и сельскихъ обществъ, до тѣхъ поръ нельзя сказать, что народная революція въ Россіи восторжествовала. Но можно и должно говорить, что она торжествуетъ.

Это преобразование Россіи изъ полицейскаго государства въ правовое демократическое составляетъ огромное событіе не для одного русскаго народа, а для всего человѣчества. Не говорю о томъ, что приобщеніе 130 милліоновъ человѣкъ къ культурнымъ и правовымъ условіямъ жизни преобразуютъ само собою теченіе всемірной исторіи. Не говорю и о чувствѣ братства, вызываемаго этимъ событіемъ въ многочисленныхъ слояхъ населенія всего цивилизованнаго міра. Укажу только на два несомнѣнныхъ непосредственныхъ послѣдствія русской революціи. Прежде всего, установленіе довѣрія къ заявленіямъ русской дипломатіи, чего до сихъ поръ не было. Это расчиститъ атмосферу международныхъ недоразумѣній и больше всякихъ конференцій въ Гаагѣ будетъ содѣйствовать упроченію всемірнаго мира. До сихъ поръ именно Россія была главнымъ предметомъ всеобщихъ опасеній и тревогъ. Съ другой стороны, подъемъ экономическаго благосостоянія 130 милліоновъ дастъ огромный импульсъ экономическому движенію далеко за предѣлами Россіи.

Будутъ и другіе разнообразныя отклики русскихъ событій 1905 года. Такъ, Финляндія съ успѣхомъ повторила опытъ всеобщей забастовки, какъ орудія политической борьбы. Собираются то же сдѣлать и въ Австріи. Тамъ, конечно, много лучше, чѣмъ у насъ. Есть гарантіи вольностей, существуетъ законодательный парламентъ, но нѣтъ всеобщаго избирательнаго права. Изъ-за него и загорается борьба въ обѣихъ половинахъ монархіи Франца-Иосифа.

Въ выше вкратцѣ набросанномъ очеркѣ революціи въ Россіи я остановился на тѣхъ сторонахъ освободительнаго движенія, которыя не только по результатамъ, но и по формамъ и средствамъ выходятъ за предѣлы одной русской исторіи, являются приобритеніемъ всего человѣчества и уже теперь властвуютъ умами народовъ. Само собою разумѣется, что не съ перваго года XX вѣка начинается освободительное движеніе и что революція выражалась и во многихъ другихъ формахъ и событіяхъ, кромѣ

упомянутыхъ. Я ввелъ въ изложеніе только то, что было необходимо для указанной цѣли.

II.

Если въ Россіи мирная народная революція торжествуетъ, не еще не восторжествовала, то въ Финляндіи она уже восторжествовала въ полной мѣрѣ. 16 (29) октября с.-петербургская вѣтъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ примкнула къ всеобщей русской забастовкѣ „для выраженія своего сочувствія русскому народу въ его борьбѣ за свободу“, какъ выразились финляндскіе стачечники. 17 октября забастовка охватила всю сѣть финляндскихъ дорогъ, и финны предъявили и свои условія.

18-го утромъ забастовали въ Гельсингфорсѣ фабрики, заводы, торговыя заведенія, университетъ, сенатскія экспедиціи, почта, телефонъ и многія правительственныя учрежденія. Для обсужденія положенія, генераль-губернаторъ созвалъ экстренное собраніе въ генераль-губернаторскомъ домѣ, рѣшившее ходатайствовать о созывѣ сейма, отміну чрезвычайныхъ мѣръ и временныхъ законовъ. Во время засѣданія генераль-губернаторскій домъ былъ окруженъ толпой около 15.000 человекъ. Явилась депутація отъ собранія партій конституціоналистовъ. Требованія депутаціи заключались въ немедленномъ уходѣ генераль-губернатора, министра статсъ-секретаря, всѣхъ сенаторовъ и всѣхъ служащихъ въ край русскихъ чиновниковъ и возвращеніи всѣхъ бывшихъ служащихъ, уволенныхъ за послѣдніе годы. Требуютъ отдачи Проконе, осужденнаго военнымъ судомъ за убійство подполковника Крамаренко, финляндскому суду, прекращенія участія финляндскихъ членовъ въ коммисіи объ общегосударственномъ законодательствѣ, немедленнаго созыва сейма для рассмотрѣнія вопроса о введеніи всеобщей подачи голосовъ и преобразованія управленія съ отвѣтственностью правительства передъ финляндскимъ сеймомъ. Послѣ приѣма депутаціи сенаторы вышли къ толпѣ и объявили, что весь сенатъ подаетъ въ отставку. Это заявленіе было встрѣчено радостными возгласами, послѣ чего толпа съ пѣніемъ „Вортландъ“ разошлась. Вечеромъ состоялось въ городѣ нѣсколько митинговъ. На зданіяхъ финляндскаго сената, университета и другихъ учреждений были подняты красные флаги съ финляндскимъ гербомъ. Въ Таммерфорсѣ, гдѣ нѣтъ войскъ, толпа потребовала отъѣзда русскаго полиціймейстера подъ угрозой смерти ему и его семейству.

Такъ прошелъ въ финской столицѣ день 18 (3) октября. 19 и 20 организовалось временное управленіе. Полиція и жандармы обезоружены. Организована стража изъ студентовъ и рабочихъ. Извѣстія русскихъ газетъ изъ Финляндіи были въ эти

дни и два послѣдующихъ очень скудны. Иностранныя газеты сообщали слѣдующее описаніе ближайшихъ событій въ Гельсингфорсѣ, повидимому, нѣсколько одностороннее:

„21 октября. Второй вечеръ городъ во мракѣ. Банки и магазины закрыты, извозчики забастовали, трамваи не ходятъ, полиція прекратила дѣятельность. Студенческая и рабочая стража поддерживаютъ порядокъ. Занятія въ школахъ прекратились, воспитанники и воспитанницы финляндскихъ и русскихъ школъ совместно шествовали по главнымъ улицамъ. Газеты не выходятъ, типографщики забастовали до отмены предварительной цензуры“ *).

„22 октября. Ввезенное на нѣсколькихъ пароходахъ оружіе до задержанія парохода „Джонъ-Графтонъ“ раздается повсемѣстно. Система ружей разная. Револьверы преимущественно Браунинга. Вооружаются больше находящіеся въ запасѣ финскихъ войскъ. Дѣятельность стрѣлковыхъ обществъ вездѣ. Всѣ пути сообщенія, телеграфы, телефоны въ рукахъ возставшихъ. Генералъ-губернаторъ, князь Оболенскій, находится подъ наблюденіемъ четырехъ делегатовъ революціоннаго правительства, сидящихъ въ его приемной. Вечеромъ и ночью домъ его окруженъ кордономъ изъ тѣхъ же революціонеровъ, пропускъ черезъ который устраивается генераломъ Шейманомъ. Префектомъ города состоитъ отставной полковникъ упраздненныхъ финскихъ войскъ. Доклады князю дѣлаются черезъ делегатовъ. Генералъ-губернаторъ ходатайствуетъ объ удовлетвореніи требованія созыва чрезвычайнаго сейма. Финляндцы требуютъ также изгнанія всѣхъ русскихъ служащихъ въ Финляндіи и замѣны ихъ финнами и полной отмены русскаго языка. Телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ прекращено. Объявлено временное правительство изъ представителей конституціонной и республиканской партій. Жандармы заключены въ свеаборгскую крѣпость; войска сложили оружіе и передали народу форты и крѣпости, которые заняты народомъ. Русскіе флаги вездѣ спущены и подняты флаги финляндскіе. Посланные въ Финляндію, военныя суда „Океанъ“ и „Слава“ вернулись обратно. Созывается сеймъ для установленія формы правленія“.

Изложеніе это составлено, очевидно, на основаніи заявленныхъ намѣреній болѣе лѣвыхъ элементовъ движенія. Остается, однако, фактъ перехода власти изъ рукъ генералъ-губернатора и его чиновниковъ въ руки представителей финскаго народа, арестъ генералъ-губернатора, упраздненіе русской полиціи и жандармеріи и безсиліе русскихъ войскъ, которыхъ въ Финляндіи около 25 тысячъ (22-й корпусъ въ мирномъ составѣ), но разбросанныхъ маленькими отрядами по всей обширной территоріи великаго княжества. Подвозъ нсвыхъ войскъ былъ невозможенъ, благодаря

*) Эта телеграмма была и въ русскихъ газетахъ.

продолжавшейся еще русской желѣзнодорожной забастовки. Давнуть же гвардію, конечно, не рѣшились бы по другимъ причинамъ.

Такая же мирная передача власти совершалась въ то же время и въ провинціяхъ, особенно тамъ, гдѣ русскихъ войскъ или вовсе не было, или весьма мало. Такъ, въ Куопіо, губернскомъ городѣ одноименной губерніи (на границѣ Олонецкой губерніи), въ народномъ собраніи было рѣшено требовать, чтобы губернаторъ Бергъ оставилъ городъ въ пятчасовой срокъ, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, арестовать его. Выбрана была депутація изъ 8 лицъ для сообщенія губернатору этого постановленія. Депутація въ сопровожденіи толпы въ нѣсколько тысячъ отправилась къ губернскому правленію для переговоровъ; губернаторъ Бергъ произнесъ съ балкона краткую рѣчь, въ коей сказалъ, что онъ еще весной ходатайствовалъ объ отставкѣ, вынужденный къ этому произведенными противъ него демонстраціями, но онъ назначенъ къ должности высочайшей властью и можетъ быть отстраненъ только ею же. При этомъ онъ прибавилъ, что самъ онъ могъ бы удалиться въ указанный краткій срокъ, но для семьи его это было бы затруднительно, и поэтому просилъ разрѣшенія пробыть въ губернаторскомъ домѣ 24 часа. На это толпа не согласилась. Въ седьмомъ часу передъ домомъ собралась несмѣтная толпа. Комитетъ забастовщиковъ приготовилъ лошадей, но губернаторъ выѣхалъ изъ города незамѣченнымъ на лодкѣ. Комитетъ забастовщиковъ выдалъ губернатору охранную грамоту и разрѣшилъ ему пребываніе въ предѣлахъ губерніи во время забастовки. Во вторникъ губернаторъ Бергъ, съ разрѣшенія комитета забастовщиковъ, возвратился въ свой домъ, а въ среду выѣхалъ въ Гельсингфорсъ, чтобы подать прошеніе объ отставкѣ.

Въ Николайстадѣ (главный городъ Вазаской губерніи на берегу Ботническаго залива), гдѣ есть укрѣпленіе и гарнизонъ, губернаторъ Книповичъ нѣсколько поупрямился сначала. Здѣсь учрежденія, фабрики и магазины были закрыты 18 октября въ часъ дня. Многотысячная толпа заставила полицію прекратить дѣятельность и направилась сначала къ полицейскому, затѣмъ къ губернаторскому правленіямъ и сорвала съ нихъ выѣски. Оттуда толпа направилась къ губернатору и изложила рядъ требованій. Губернаторъ обѣщалъ представить ихъ на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора. Для поддержанія связи съ губернаторскимъ домомъ былъ посланъ развѣдъ конницы. Вскорѣ появилась рота стрѣлковъ, и толпа стала расходиться безъ вмѣшательства войскъ.

Въ этомъ же родѣ было дѣло и въ Сентъ-Михельсѣ (одна изъ центральныхъ губерній Финляндіи), гдѣ стоитъ цѣлый стрѣлковый полкъ. И здѣсь дѣло до столкновенія не дошло, хотя полиція упразднена и замѣнена городской милиціей.

Такимъ образомъ, 22 октября (4 ноября) положеніе въ Финляндіи было очень серьезно. Унія съ Россіей держалась на волоскѣ, и дальнѣйшая отсрочка въ удовлетвореніи желаній всего финскаго народа могла повести къ отложенію великаго княжества и страшному кровополитію, быть можетъ, не только къ междоусобной, но и международной войнѣ, что при внутреннемъ состояніи Россіи было бы прямо губительно. Чтобы не уступить всего необходимаго русскому народу, пришлось все уступить финскому. 22 октября (4 ноября) былъ подписанъ въ Петербургѣ манифестъ финскому народу и указъ финскому сейму о его созывѣ. Манифестъ гласитъ слѣдующее:

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫИ.

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Разсмотрѣвъ окончательно всеподданнѣйшую петицію земскихъ чиновъ Финляндіи отъ 31 декабря 1904 года о мѣрахъ къ восстановленію закономѣрнаго порядка въ краѣ, Мы признали ее заслуживающей Нашего вниманія и подлежащей осуществленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіе установленныхъ основными законами правъ финскаго народа, Мы Высочайше повелѣли составить проекты важныхъ преобразованій основныхъ законовъ на предметъ передачи таковыхъ представителямъ народа. Волѣдствие сего Мы повелѣваемъ пріостановить дѣйствіе основныхъ положеній, объявленныхъ при Нашемъ манифестѣ отъ 3 (15) февраля 1899 года, пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ, и отмѣнить постановленіе отъ 2 апрѣля 1903 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія съ разъясненіями и дополненіями къ оному и повелѣнія отъ 10 ноября 1903 года, коими отдѣльному корпусу жандармовъ предоставлены служебныя права въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, постановленіе отъ 8-го сентября 1902 года объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ учрежденія Императорскаго финляндскаго сената, постановленіе отъ того же числа о расширеніи полномочій губернатора въ Финляндіи и постановленіе отъ 26 марта 1903 года объ утвержденіи инструкціи финляндскому генералъ-губернатору и его помощнику, равно какъ и постановленіе отъ того же числа объ измѣненіи инструкціи губернаторамъ и уставъ о воинской повинности отъ 12 іюля 1901 года, постановленіе отъ 31 іюля 1902 года объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи, постановленіе отъ 14 августа 1902 года о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, постановленіе отъ

того же числа о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ и постановленіе отъ 2 іюля 1900 года о публичныхъ собраніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ сенату немедленно приступить къ пересмотру остальныхъ требующихся измѣненій и перечисленныхъ въ петиціи постановленій. Независимо отъ сего Мы признали за благо Высочайше поручить сенату: 1) составить проектъ новаго сеймоваго устава въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей, 2) выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять законность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обеспечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраній и союзовъ, 3) составить проекты закона о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры. Проекты эти, по коимъ уже отчасти совершены подготовительныя работы, Мы ожидаемъ отъ сената столь благовременно, чтобы они могли быть переданы земскимъ чинамъ на томъ чрезвычайномъ сеймѣ, совѣтъ котораго Мы одновременно съ симъ повелѣли.

Мы твердо уповаемъ, что намѣченные Нами мѣры, внушенныя попеченіемъ о благѣ Финляндіи, послужатъ къ укрѣпленію узъ, соединяющихъ финскій народъ съ его Монархомъ.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано

НИКОЛАИ.

Данъ въ Петергофѣ, 22 октября (4 ноября).

Министръ статсъ-секретарь Л и н д е р ь.

Этотъ документъ *юридически* возстановляетъ то положеніе, которое существовало въ Финляндіи, когда скончался императоръ и великій князь Александръ III, соблюдавшій всѣ прерогативы финскаго народа. Затѣмъ былъ режимъ г. статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи В. К. Плеве и финляндскаго генералъ-губернатора ген.-ад. Бобрікова. Всѣ перечисленныя въ манифестѣ мѣры, нынѣ отмѣняемыя, были плодами дѣятельности этихъ государственныхъ мужей, погибшихъ на своемъ посту, но не съ тѣмъ, чтобы своею кровью увѣковѣчить содѣянное ими, а лишь предъ полнымъ крушеніемъ ихъ неправаго дѣла въ Россіи и Финляндіи.

Юридически лишь возстановлено положеніе финляндскихъ дѣлъ конца 1894 года, но фактически есть огромная разниа. Попытка измѣнить положеніе и пораженіе, понесенное властями на этомъ пути, передвинуло бы власть въ руки народа, если бы даже ничего не измѣнилось, а только возстановилось бы старое. Однако, многое вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется, о чемъ громко свидѣлствуетъ второй изъ вышеназванныхъ документовъ. Приводимъ и его:

Божіей милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Ве-
 ликій Князь Финляндскій,
 и прочая, и прочая, и прочая.

На основаніи сеймоваго устава отъ 3 (15) апрѣля 1869 года Мы симъ Высочайше повелѣваемъ открыть 7 (20) декабря 1905 года въ Гельсингфорсѣ чрезвычайный сеймъ для разсмотрѣнія ниже-слѣдующихъ дѣлъ: 1) Предложеній объ ассигнованіи средствъ на разные расходы въ 1906 и 1907 годахъ, о взиманіи потребныхъ для сего временныхъ налоговъ, а также о заключеніи государственнаго займа, преимущественно на желѣзнодорожныя сооруже-нія. 2) Проекта новаго основнаго закона о народномъ представителствѣ въ Финляндіи на началахъ всеобщаго избирательнаго права, съ установленіемъ отвѣтственности мѣстныхъ правитель-ственныхъ органовъ передъ народными представителями края. 3) Проекта основныхъ законоположеній, — въ частности, о свободѣ печати, собраній и союзовъ.

Ожидая отъ всѣхъ и каждого точнаго исполненія сей Монар-шей воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорской милостію Нашей.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Благосклонный НИКОЛАЙ.

Данъ въ Петергофѣ, 22 октября (4 ноября).

Министръ статсъ-секретарь Линдербъ.

Этимъ документомъ финскому народу даруется все то, что составляетъ политическую программу большинства русской на-ціи, которой манифестъ 17 октября почти обѣщалъ то же, но до-селѣ не воспослѣдовало выполненіе данныхъ обѣщаній.

23 октября (5 ноября) были обнародованы въ Гельсингфорсѣ оба приведенные документа. Немедленно картина перемѣнилась. Того-же 23 октября, финская партія рѣшила отправить генераль-губернатору депутацію съ ходатайствомъ о созваніи національнаго собранія. Депутація принята была генераль-губернаторомъ въ 8 час. вечера. Статскій совѣтникъ Даниельсонъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Ваше сіятельство, въ торжественный для насъ день обнародованія всемилостивѣйшаго манифеста его импе-раторскаго величества и высочайшей грамоты о созывѣ сейма, когда радостная вѣсть распространяется по всей Финляндіи, фин-ская партія, въ своемъ собраніи, въ которомъ участвовало много больше тысячи человекъ, избрала насъ, чтобы почтительнѣйше довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, какимъ образомъ можетъ быть осуществлена надежда на такое окончаніе нынѣшняго по-литическаго кризиса, при которомъ горечь обманутыхъ ожиданій

не осталась бы въ тѣхъ широкихъ слояхъ народа, которые въ настоящую минуту мрачно стоятъ отдѣльно отъ радующихся. Энергичной дѣятельностью русскій народъ завоевалъ себѣ дарованное ему нынѣ право самому рѣшать свои судьбы. Это мировое историческое событіе тотчасъ же распространило свое дѣйствіе на нашу страну. Царь свободнаго народа, великій князь Финляндіи, вернулъ нашимъ основнымъ законамъ ихъ прежнюю силу, значительно увеличивъ политическія права нашего народа. Событіе это болѣе, чѣмъ когда-либо, побудитъ насъ сознать нашу солидарность съ государствомъ и сознать, что страданія русскаго народа служатъ намъ во вредъ. Его величіе же и счастье являются условіями нашего преуспѣянія“.

О подобной же эволюціи сообщается изъ финляндской провинціи. Братскій приемъ русской рабочей депутаціи гельсингфорскими гражданами громко гласитъ о сближеніи финновъ и русскихъ. Этотъ приемъ и статскій совѣтникъ Даніельсонъ, конечно, не одно и то же, но съ разныхъ концовъ оба факта свидѣлствуютъ, что уваженіе національныхъ и народныхъ правъ укрѣпляетъ союзъ народовъ, соединенныхъ подъ одною государственною кровлею, тогда какъ нарушеніе этихъ правъ влечетъ къ разложенію и расчлененію. Эту аксіому, такъ блистательно оправдавшуюся въ Финляндіи, слѣдуетъ помнить и относительно Польши, Грузіи и др.

III.

Снова, такимъ образомъ, Россія стала средоточіемъ вниманія всѣхъ народовъ. Снова весь міръ замеръ въ трепетномъ ожиданіи исхода русскаго кризиса, безпримѣрнаго въ исторіи человѣчества. Все исполнено ужаснаго напряженія и тревоги. Все (въ такомъ родѣ и въ такомъ размѣрѣ) неожиданно и непредвидѣнно ни кѣмъ... Дается огромная битва, неисчислимыя жертвы, неисчислимыя послѣдствія... Если эти послѣдствія будутъ резюмированы въ формѣ основанія свободной и обновленной Россіи, то цѣлый міръ человѣческой начнетъ новый счастливый періодъ своей исторіи. Это чувствуютъ всѣ народы и оттого съ такимъ сердечнымъ трепетомъ слѣдятъ за тягостными событіями современной русской исторіи.

А пока что, понемногу ликвидируются и тяжело оплачиваются грѣхи прошлаго. 1 (14) октября ратификованъ русскимъ и японскимъ императорами мирный портсмутскій договоръ. Затѣмъ былъ опубликованъ подлинный текстъ этого трактата, одного изъ важнѣйшихъ, какихъ можетъ увидѣть XX столѣтіе. Въ виду этой огромной важности портсмутскаго документа приводимъ его цѣликомъ (изъ „Правительственнаго Вѣстника“):

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ,
предложенное правительствующему сенату
 министромъ юстиціи.

*О ратификаціи подписаннаго въ Портсмутѣ 23 августа 1905 г.
 мирнаго договора между Россією и Японією.*

Министръ иностранныхъ дѣлъ, письмомъ отъ 2 октября 1905 г., за № 5450, уведомилъ министра юстиціи, что въ 1 день того же октября государю императору благоугодно было Высочайше ратифицировать подписанный въ Портсмутѣ 23 августа 1905 года мирный договоръ между Россією и Японією и что, на основаніи особаго соглашенія съ японскимъ правительствомъ, взаимное извѣщеніе о состоявшихся ратификаціяхъ договора императорскому правительству, чрезъ посредство пребывающаго въ С.-Петербургѣ представителя Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и японскому, чрезъ посредство французскаго представителя въ Токио, послѣдовало 2 октября 1905 года.

Сообщенный министромъ иностранныхъ дѣлъ текстъ означеннаго договора и двухъ дополнительныхъ къ оному статей, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ онаго, министръ юстиціи, 3 октября 1905 г., предложилъ правительствующему сенату, для распубликованія.

Божією поспѣшествующею милостію,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 императоръ и самодержецъ всероссійскій.
 (Слѣдуетъ полный титулъ государя).

Объявляемъ чрезъ сіе, что, въслѣдствіе взаимнаго соглашенія между нами и его величествомъ императоромъ Японіи, полномочные нами заключили и подписали въ Портсмутѣ 23 августа 1905 года мирный договоръ, который отъ слова до слова гласитъ тако:

Его величество императоръ всероссійскій, съ одной стороны, и его величество императоръ Японіи, съ другой, — будучи одушевлены желаніемъ возстановить пользованіе благами мира для ихъ странъ и народовъ, рѣшили заключить мирный договоръ и назначили для сего своими уполномоченными, а именно:

Его величество императоръ всероссійскій:

Его превосходительство г. Сергія Витте, своего старш-секретаря и предсѣдателя комитета министровъ Россійской имперіи и

Его превосходительство барона Романа Розена, гофмейстера императорскаго Россійскаго двора и своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; и

Его величество императоръ Японіи:

Его превосходительство барона Комура Югаро Юсами, кавалера императорскаго ордена восходящаго солнца первой степени, своего министра иностранных дѣлъ, и

Его превосходительство г. Такахира Когоро, Юсами, кавалера императорскаго ордена священнаго сокровища первой степени, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Каковыя, по разсмотрѣніи своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей формѣ, постановили слѣдующія статьи:

Статья I.

Миръ и дружба пребудутъ отнынѣ между ихъ величествами императоромъ всероссійскимъ и императоромъ японіи, равно какъ между ихъ государстами и обоюдными подданными.

Статья II.

Россійское императорское правительство, признавая за Японіею въ Корей преобладающіе интересы политическіе, военные и экономическіе, обязуется не вступаться и не препятствовать тѣмъ мѣрамъ руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почести необходимыми принять въ Корей.

Условлено, что русско-подданные въ Корей будутъ пользоваться совершенно такимъ же положеніемъ, какъ подданные другихъ иностранныхъ государствъ, а именно, что они будутъ поставлены въ тѣ же условія, какъ и подданные наиболѣе благоприятствуемой страны.

Равнымъ образомъ установлено, что, во избѣжаніе всякаго повода къ недоразумѣніямъ, обѣ высокія договаривающіяся стороны воздержатся отъ пріянія на русско-корейской границѣ какихъ-либо военныхъ мѣръ, могущихъ угрожать безопасности русской или корейской территоріи.

Статья III.

Россія и Японія взаимно обязуются:

1) Эвакуировать совершенно и одновременно Манчжурію, за исключеніемъ территоріи, на которую распространяется аренда Ляодунскаго полуострова, согласно постановленіямъ дополнительной I статьи, приложенной къ сему договору; и

2) Возвратить въ исключительное управленіе Китая вполнѣ и во всемъ объемѣ всѣ части Манчжуріи, которыя нынѣ заняты русскими или японскими войсками, или которыя находятся подъ ихъ надзоромъ, за исключеніемъ вышеупомянутой территоріи.

Россійское императорское правительство объявляетъ, что оно не обладаетъ въ Манчжуріи земельными преимуществами либо ефференціальными или исключительными концессіями, могущими

затронуть верховныя права Китая или несовмѣстимыми съ принципомъ равноправности.

Статья IV.

Россія и Японія взаимно обязуются не ставить никакихъ препятствій общимъ мѣрамъ, которыя примѣняются равно ко всѣмъ народамъ и которыя Китай могъ бы принять въ видахъ развитія торговли и промышленности въ Манчжуріи.

Статья V.

Россійское императорское правительство уступаетъ императорскому японскому правительству, съ согласія китайскаго правительства, аренду Портъ-Артура, Талиена и прилежащихъ территорій и территориальныхъ водъ, а также всѣ права, преимущества и концессіи, связанныя съ этою арендою или составляющія ея часть, и уступаетъ равнымъ образомъ императорскому японскому правительству всѣ общественныя сооруженія и имущества на территоріи, на которую распространяется выше упомянутая аренда.

Обѣ высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемаго въ вышеуказанномъ постановленіи согласія китайскаго правительства.

Императорское японское правительство завѣряетъ со своей стороны, что права собственности русско подданныхъ на вышеупомянутой территоріи будутъ вполнѣ уважены.

Статья VI.

Россійское императорское правительство обязуется уступить императорскому японскому правительству, безъ вознагражденія, съ согласія китайскаго правительства, желѣзную дорогу между Чанъ-чунъ (Куанъ ченъ-цзы и Портъ-Артуромъ и всѣ ея развѣтвленія со всѣми принадлежащими ей правами, привилегіями и имуществомъ въ этой мѣстности, а также всѣ каменноугольныя копи въ названной мѣстности, принадлежащія означенной желѣзной дорогѣ или разрабатываемыя въ ея пользу.

Обѣ высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемаго въ приведенномъ постановленіи согласія китайскаго правительства.

Статья VII.

Россія и Японія обязуются эксплуатировать принадлежащія имъ въ Манчжуріи желѣзныя дороги исключительно въ цѣляхъ коммерческихъ и промышленныхъ, но никоимъ образомъ не въ цѣляхъ стратегическихъ.

Установлено, что это ограниченіе не касается желѣзныхъ до-

рогъ на территоріи, на которую распространяется аренда Ляодунскаго полуострова.

Статья VIII.

Императорскія правительства руссiйское и японское въ видахъ поощренія и облегченія сношеній и торговли заключать, въ скорѣйшемъ по возможности времени, отдѣльную конвенцію, для опредѣленія условій обслуживанія соединенныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Манчжуріи.

Статья IX.

Руссiйское императорское правительство уступаетъ императорскому японскому правительству въ вѣчное и полное владѣніе южную часть острова Сахалина и всѣ прилежащія къ последней острова, равно какъ и всѣ общественныя сооруженія и имущества, тамъ находящіяся. Пятидесятая параллель сѣверной широты принимается за предѣлъ уступаемой территоріи. Точная граничная линія этой территоріи будетъ опредѣлена согласно постановленіямъ дополнительной II статьи, приложенной къ сему договору.

Россія и Японія взаимно соглашаются не возводить въ своихъ владѣніяхъ на островѣ Сахалинѣ и на прилежащихъ къ нему островахъ никакихъ укрѣпленій, ни подобныхъ военныхъ сооруженій. Равнымъ образомъ онѣ взаимно обязуются не принимать ни какихъ военныхъ мѣръ, которыя могли бы препятствовать свободному плаванію въ проливахъ Лаперузовомъ и Татарскомъ.

Статья X.

Русскимъ подданнымъ, жителямъ уступленной Японіи территоріи, предоставляется продавать свое недвижимое имущество и удаляться въ свою страну, но, если они предпочтутъ остаться въ предѣлахъ уступленной территоріи, за ними будутъ сохранены и обезпечены покровительствомъ въ полной мѣрѣ ихъ промышленная дѣятельность и права собственности, при условіи подчиненія японскимъ законамъ и юрисдикціи. Японія будетъ вполне свободна лишить права пребыванія въ этой территоріи всѣхъ жителей, не обладающихъ политической или административной правоспособностью, или же выселить ихъ изъ этой территоріи. Она обязуется, однако, вполне обезпечить за этими жителями ихъ имущественныя права.

Статья XI.

Россія обязуется войти съ Японіею въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ.

Условлено, что таковое обязательство не затронетъ правъ, уже принадлежащихъ русскимъ или иностраннымъ подданнымъ въ этихъ краяхъ.

Статья XII.

Такъ какъ дѣйствіе договора о торговлѣ и мореплаваніи между Россією и Японією упразднено было войною, императорскія правительства руссійское и японское обязуются принять въ основаніе своихъ коммерческихъ сношеній, впредь до заключенія новаго договора о торговлѣ и мореплаваніи на началахъ договора, дѣйствовавшаго передъ настоящей войной, систему взаимности на началахъ наибольшаго благопріятствованія, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условія допущенія и пребыванія агентовъ, подданныхъ и судовъ одного государства въ предѣлахъ другого.

Статья XIII.

Въ возможно скорѣйшій срокъ по введеніи въ дѣйствіе настоящаго договора всѣ военно-плѣнные будутъ взаимно возвращены. Императорскія правительства руссійское и японское назначать каждое со своей стороны особаго комиссара, который приметъ на свое попеченіе плѣнныхъ. Всѣ плѣнные, находящіеся во власти одного изъ правительствъ, будутъ переданы комиссару другого правительства или его представителю, надлежащимъ образомъ на то уполномоченному, который приметъ ихъ въ томъ числѣ и въ тѣхъ удобныхъ портахъ передающаго государства, кои будутъ заблаговременно указаны послѣднимъ комиссару принимающаго государства.

Руссійское и японское правительства представятъ другъ другу, въ скорѣйшемъ по возможности времени, послѣ окончанія передачи плѣнныхъ, документами оправданный счетъ прямыхъ расходовъ, произведенныхъ каждымъ изъ нихъ по уходу за плѣнными и ихъ содержанію со дня плѣненія или сдачи до дня смерти или возвращенія. Россія обязуется возмѣстить Японіи, въ возможно скорѣйшій срокъ по обмѣнѣ этихъ счетовъ, какъ выше установлено, разницу между дѣйствительнымъ размѣромъ произведенныхъ, такимъ образомъ, Японією расходовъ и дѣйствительнымъ размѣромъ равнымъ образомъ произведенныхъ Россією издержекъ.

Статья XIV.

Настоящій договоръ будетъ ратификованъ ихъ величествами императоромъ всероссійскимъ и императоромъ Японіи. О такой ратификаціи, въ возможно короткій срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе, какъ черезъ пять-десять дней со дня подписанія

договора, будетъ взаимно сообщено императорскимъ правительствамъ русскому и японскому черезъ посредство посла Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ въ С.-Петербургъ и французскаго посланника въ Токио и со дня послѣдняго изъ такихъ оповѣщеній, этотъ договоръ вступить, во всѣхъ своихъ частяхъ, въ полную силу.

Формальный размѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Вашингтонѣ въ возможно скорѣйшемъ времени.

Статья XV.

Настоящій договоръ будетъ подписанъ въ двухъ экземплярахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Оба текста совершенно сходны; но въ случаѣ разногласія въ толкованіи, французскій текстъ будетъ обязательнымъ.

Въ удостовѣреніе чего, обоимъ уполномоченные подписали настоящій мирный договоръ и приложили къ нему свои печати.

Учинено въ Портсмутѣ (Ньюгэмпширъ) двадцать третьяго августа (пятого сентября) тысяча девятьсотъ пятого года, что соответствуетъ пятому дню девятаго мѣсяца тридцать восьмого года Мейджи.

(М. П.) (М. П.) (М. П.) (М. П.) (подп.) Ютаро Комура.
(подп.) К. Такахира. (подп.) Сергѣй Витте. (подп.) Розенъ.

Согласно постановленіямъ статей III и IX мирнаго договора между Россіею и Японіею отъ сего числа, нижеподписавшіеся уполномоченные постановили слѣдующія дополнителныя статьи:

I. Къ статьѣ III.

Императорскія правительства русское и японское взаимно обязуются начать выводъ своихъ военныхъ силъ изъ территорій Манчжуріи одновременно и немедленно по введеніи въ дѣйствіе мирнаго договора; и въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ съ того дня войска обѣихъ державъ будутъ совершенно выведены изъ Манчжуріи, за исключеніемъ арендной территоріи Ляодунскаго полуострова.

Войска обѣихъ державъ, занимающія фронтальныя позиціи, будутъ отведены первыми.

Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ право сохранить стражу для охраны своихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Манчжуріи. Количество этой стражи не будетъ превышать пятнадцати человѣкъ на километръ; и, въ предѣлахъ этого максимальнаго количества, командующіе русскими и японскими войсками установятъ, по обоюдному соглашенію, число

стражниковъ, которые будутъ назначены, въ возможно меньшемъ количествѣ, согласно дѣйствительнымъ потребностямъ.

Командующіе русскими и японскими войсками въ Манчжуріи условятся обо всѣхъ подробностяхъ относительно выполненія эвакуаціи согласно вышеуказаннымъ началамъ и примутъ, по обоюдному соглашенію, мѣры, необходимыя для осуществленія эвакуаціи въ возможно скорѣйшій срокъ и во всякомъ случаѣ не позднеѣ, какъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ.

II. Къ статьѣ IX.

Въ возможно скорѣйшій срокъ, по введеніи въ дѣйствіе настоящаго договора, разграничительная коммиссія, составленная изъ равнаго числа членовъ, назначенныхъ каждою изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, обозначить на мѣстѣ постоянными знаками точную линію между владѣніями русскими и японскими на островѣ Сахалинѣ. Коммиссія будетъ обязана, поскольку типографическія условія позволятъ, придерживаться 50-й параллели сѣверной широты для проведенія разграничительной линіи и, въ случаѣ, если отклоненія отъ таковой линіи на нѣкоторыхъ пунктахъ будутъ найдены необходимыми, должныя компенсаціи будутъ установлены соотвѣтственными отклоненіями въ другихъ мѣстахъ. Упомянутая коммиссія обязана будетъ также изготovitъ перечень и описаніе прилежающихъ острововъ, входящихъ въ составъ уступленнаго, а въ заключеніе коммиссія изготovitъ и подписать карты, устанавливающія предѣлы уступленной территоріи. Работы коммиссіи будутъ представлены на утвержденіе высокихъ договаривающихся сторонъ.

Вышеупомянутыя дополнителныя статьи будутъ считаться ратификованными путемъ ратификаціи мирнаго договора, къ коему онѣ приложены.

Портемутъ, двадцать третьяго августа (пятого сентября) тысяча девятьсотъ пятого года, что соотвѣтствуетъ пятому дню девятого мѣсяца тридцать восьмого года Мейджи.

(Подп.) Ютаро Комура.

(Подп.) К. Такахира.

(Подп.) Сергѣй Витте.

(Подп.) Розень.

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего договора и двухъ дополнительныхъ статей, мы приняли таковыя за благо, подтвердили и ратификовали, яко же оныя за благо пріемиемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ ихъ содержаніи, общаа императорскимъ нашимъ словомъ за насъ, наслѣдниковъ и преемниковъ нашихъ, что все въ вышеозначенныхъ актахъ изложенное соблюдается будетъ ненарушимо. Въ удостовѣреніе чего

им, сію нашу императорскую ратификацію собственноручно подписавъ, повелѣли утвердить государственною нашею печатью.

Дано въ Петергофѣ октября перваго дня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, царствованія же нашего въ одиннадцатый годъ.

На подлинной собственною его императорскаго величества рукою написано тако:

„НИКОЛАИ“.

(М. П.)

Контрасигнировалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь

графъ Ламздорфъ.

Разсматривая эти условія въ ихъ окончательной формѣ, нельзя не признать ихъ очень тяжелыми для Россіи. Къ этому вопросу мы вернемся въ одномъ изъ ближайшихъ нашихъ обзорѣній, какъ только ходъ внутреннихъ событій позволитъ опять быть внимательнымъ и къ дѣламъ внѣшнимъ. Портсмутскій трактатъ радикально мѣняетъ положеніе на Дальнемъ Востоцѣ, и совершенно необходимо разобратся въ этомъ новомъ строѣ отношеній. Въ настоящую минуту это субъективно невозможно. Ни читатель, ни авторъ не могутъ быть достаточно внимательны къ чему бы то ни было, кромѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ.

С. Южановъ.

По поводу военнаго положенія въ Польшѣ.

Глубокое, непримиримое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ—такова, повидимому, основная особенность нашего „нового правительства“, создавшагося послѣ 17 октября и руководимое гр. Витте. На словахъ это правительство обѣщаетъ народу новый порядокъ, на дѣлѣ—пытается поддержать и укрѣпить прежній. Говоря о необходимости установить въ государственной жизни господство права, оно охраняетъ и создаетъ въ этой жизни безправіе; возвѣщая свободу, прибѣгаетъ къ произволу и насилию; призывая къ миру, употребляетъ все усилія къ тому, чтобы раздуть и обострить гражданскую войну.

28 октября все губерніи Царства Польскаго объявлены на военномъ положеніи. Одновременно съ этимъ правительство нашло себя вынужденнымъ „рѣшительно заявить, что, пока въ При-

вислиноскомъ край не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго имъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ высочайшихъ манифестовъ 6 августа и 17 октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края". Такимъ образомъ все населеніе Польши простымъ административнымъ распоряженіемъ лишено признаннаго за нимъ раньше права участія въ проектируемой правительствомъ Государственной Думѣ, у этого населенія отняты тѣ права на свободу совѣсти, слова, собраний и союзовъ, которыя 17 октября были общаны правительствомъ населенію всей имперіи, и вся общественная жизнь десятимилліоннаго польскаго народа подчинена безконтрольнымъ распоряженіямъ военныхъ властей.

Чѣмъ же вызваны эти репрессаліи? Чѣмъ руководилось правительство, пытаясь поставить внѣ закона жизнь цѣлаго края, отбирая у его населенія только что признанныя за нимъ гражданскія права и вводя во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго военное положеніе на мѣсто общихъ законовъ?

Правительство гр. Витте предвидѣло эти неизбежные вопросы и попыталось дать отвѣтъ на нихъ, опубликовавъ особое „правительственное сообщеніе". Въ этомъ сообщеніи нѣтъ недостатка въ рѣзкихъ словахъ и рѣшительныхъ заявленіяхъ. Нѣтъ въ немъ только указаній на такіе факты, которые могли бы хотя бы въ малой, хотя бы въ ничтожной степени послужить оправданіемъ для мѣръ, принятыхъ правительствомъ.

„Польскіе дѣятели, идущіе во главѣ современнаго политическаго движенія въ губерніяхъ Царства Польскаго,—говорится въ правительственномъ сообщеніи—проявляютъ нынѣ вновь столь же опасную для населенія края, сколь и деревовенную по отношенію къ Россіи попытку къ отложенію отъ государства". „Правительство не потерпитъ посягательствъ на цѣлость государства",—заявляетъ далѣе сообщеніе. „Мятежные замыслы и дѣйствія" вынуждаютъ правительство „для восстановленія порядка" ввести въ край военное положеніе и впредь до этого восстановленія отмѣнить для губерній Царства Польскаго дѣйствіе манифестовъ 6 августа и 17 октября. „Въ мятежной странѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи объ осуществленіи мирныхъ начинаній".

Судя по этимъ фразамъ, можно бы подумать, что въ Царствѣ Польскомъ идетъ открытый мятежъ, что болѣе или менѣе значительная часть польскаго населенія возстала съ оружіемъ въ рукахъ и провозгласила отложеніе края отъ Россіи. Но на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и авторы правительственнаго сообщенія прекрасно знаютъ это. Мало того,—они сами вынуждены сказать это, какъ только переходятъ отъ общихъ обвиненій къ сколько-нибудь конкретнымъ фактамъ.

„Отбрасывая мысль о совмѣстныхъ съ русскимъ народомъ тру-

дахъ въ Государственной Думѣ,—говорится по этому поводу въ правительственномъ сообщеніи—польскіе дѣятели, идущіе во главѣ современнаго движенія въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ цѣломъ рядѣ резолюцій, провозглашенныхъ на состоявшихся публичныхъ собраніяхъ, требуютъ полной автономіи Польши, съ особымъ конституціоннымъ сеймомъ, усматривая въ этомъ ступень къ послѣдующему восстановленію польскаго государства. Въ такомъ стремленіи сходятся двѣ противоположныя группы существующихъ польскихъ партій—соціалистическая и націоналистическая; въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ нѣкоторые польскіе писатели, публицисты и народные ораторы, увлекаая за собою населеніе. Въ разныхъ городахъ Привислинскаго края совершаются многотысячныя уличныя шествія съ польскими знаменами и съ пѣніемъ революціонныхъ польскихъ гимновъ. На ряду съ этимъ начинается самовольное вытѣсненіе поляками государственнаго языка даже изъ правительственныхъ учреждений, гдѣ употребленіе его установлено закономъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ банды рабочихъ и крестьянъ громятъ школы, казенныя винныя лавки и гимнныя управленія, уничтожая въ нихъ всю переписку на русскомъ языкѣ. Представители мѣстной власти, твердо отстаивая порядокъ и общественную безопасность, уже цѣлый годъ обгагрютъ землю своею кровью, падая жертвами политическихъ преступленій“.

Итакъ, правительство имѣло дѣло въ Царствѣ Польскомъ не съ „попыткой отложенія отъ государства“, а съ стремленіемъ къ автономіи, не съ возстаніемъ, а съ мирными народными манифестаціями и революціями общественныхъ собраній, не съ мятежемъ, а съ рѣчами ораторовъ и статьями писателей. Этого факта нисколько не измѣняютъ и всѣ другія указанія правительственнаго сообщенія. Усматривать „мятежъ“ въ томъ, что нѣкоторыя учрежденія Царства Польскаго перешли въ своей перепискѣ отъ русскаго языка къ польскому и въ нѣсколькихъ случаяхъ переписка на русскомъ языкѣ подверглась уничтоженію, значитъ, слишкомъ ужъ далеко заходить въ подтвержденіи пословицы, говорящей о страхѣ, у котораго глаза велики. Еще менѣе уместно было упоминать въ правительственномъ сообщеніи о представителяхъ мѣстной власти, которые „цѣлый годъ обгагрютъ землю своею кровью, падая жертвами политическихъ преступленій“. Кровь представителей мѣстной власти въ тѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, случаяхъ, когда она дѣйствительно обгаграла польскую землю, являлась лишь возмездіемъ за цѣлые потоки крови мирныхъ гражданъ, пролитые этими представителями власти, была лишь результатомъ самообороны со стороны измученнаго и изстрадавшагося населенія. Но послѣ манифеста 17 октября террористическіе акты въ губерніяхъ Царства Польскаго почти совершенно прекратились и не возобновлялись вплоть до введенія въ край военнаго

положенія. Такимъ образомъ послѣднее не могло быть и не было со стороны правительства отвѣтомъ на террористическіе акты. Военнымъ положеніемъ правительство гр. Витте отвѣтило на заявленія польскаго населенія о желательности и необходимости автономіи Царства Польскаго, а затѣмъ въ своемъ сообщеніи выдало эти заявленія за попытку поляковъ отложиться отъ Россіи.

Какъ могъ совершиться такой подмѣнъ понятій? Или, быть можетъ, правительство гр. Витте дѣйствительно не умѣетъ найти разницы между автономіей края и его отложеніемъ отъ государственнаго цѣлаго? Само правительство, повидимому, стремится укрѣпить общество именно въ такомъ мнѣніи. По крайней мѣрѣ, во второмъ своемъ сообщеніи по польскому вопросу, опубликованномъ черезъ нѣсколько дней послѣ перваго, оно говоритъ по этому поводу буквально слѣдующее: „Съ разныхъ сторонъ отрицается доказанность сепаративныхъ стремленій въ край. Но едва ли представляется возможнымъ провести грань между стремленіями, преслѣдующими цѣль полного отдѣленія Польши отъ Россіи, и охватившею всѣ классы польскаго населенія и всѣ политическія партіи мыслью о польской автономіи; хотя предѣлы послѣдней еще въ точности не установлены, но общій характеръ ея клонится къ полному административному и законодательному обособленію отъ имперіи; во многихъ получаемыхъ заявленіяхъ Привислинскій край даже именуется Королевствомъ Польскимъ. Въ такого рода пожеланіяхъ, несомнѣнно, проявляется стремленіе, открыто, впрочемъ, выражаемое наиболѣе увлекающимися лицами, къ возстановленію польскаго государства“. Приведенныя строки врядъ ли, однако, возможно принимать совершенно серьезно. Въ самомъ дѣлѣ, не легко представить себѣ, какъ могло бы правительство серьезно возлагать отвѣтственность за какихъ-то анонимныхъ „наиболѣе увлекающихся лицъ“ на цѣлую страну или на всѣ ея политическія партіи, открыто заявляющія о томъ, что въ ихъ планы и намѣренія входитъ лишь автономія края, но вовсе не отдѣленіе его отъ Россіи. Не менѣе трудно представить себѣ, какимъ образомъ правительство гр. Витте могло бы не знать того общезвѣстнаго факта, что терминъ „Королевство Польское“, съ такимъ ужасомъ приводимый въ правительственномъ сообщеніи, является простымъ и давнымъ-давно вошедшимъ въ обиходъ польской жизни переводомъ на польскій языкъ русскаго термина „Царство Польское“, постоянно употребляемаго въ русскіхъ оффиціальныхъ актахъ. Этотъ послѣдній терминъ встрѣчается и въ обиходныхъ сообщеніяхъ по польскому вопросу, опубликованныхъ правительствомъ гр. Витте. Неужели же и это правительство, именуя Привислинскій край Царствомъ Польскимъ, мечтаетъ объ отдѣленіи его отъ Россіи? Не менѣе трудно, наконецъ, принять серьезно и заявленіе правительства, будто для него оказалъ...

невозможнымъ „провести грань“ между стремленіемъ къ полному отдѣленію Польши отъ Россіи и мыслью объ автономіи Польши. Если въ составѣ правительства гр. Витте, дѣйствительно, не оказалось лицъ, способныхъ провести такую грань, то все же любой изъ членовъ этого правительства могъ заглянуть въ соответствующій учебникъ государственнаго права и тамъ онъ безъ труда нашелъ бы искомую „грань“. А, впрочемъ, и въ справкѣ съ учебниками едва-ли была настоящая надобность. Вѣдь всего за нѣсколько дней до объявленія военнаго положенія въ Польшѣ то же самое правительство признало автономію Финляндіи и не заводило по этому поводу никакихъ рѣчей о „попыткахъ отложенія отъ государства“. Почему же та идея, которая была понятна правительству въ Финляндіи, вдругъ стала для него непонятной въ Польшѣ?

Остается прибавить, что и самый проектъ польской автономіи, привлекающій къ себѣ симпатіи большинства польскихъ политическихъ партій, не составляетъ какой-либо тайны. Содержаніе этого проекта въ свое время сообщалось въ печати и обсуждалось на московскихъ земскихъ сѣздахъ. И вотъ что говоритъ 28-я статья этого проекта: „Нижеслѣдующія дѣла исключаются изъ вѣдѣнія сейма Царства Польскаго и всецѣло относятся къ компетенціи центральной законодательной власти Имперіи: а) внѣшняя политика; б) войско; в) политическіе и торговые трактаты; г) пошлины, акцизы и монетное дѣло; д) почта, телеграфъ, телефонъ (за исключеніемъ тарифа на пользованіе въ предѣлахъ края); е) желѣзнодорожные тарифы прямого сообщенія; ж) постройка желѣзныхъ дорогъ, сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія и всякихъ сооружений, имѣющихъ стратегическій характеръ; з) государственный долгъ“. Когда рядъ такихъ дѣлъ предполагаютъ передать въ исключительное вѣдѣніе органа обще-государственнаго законодательства, рѣчь идетъ, очевидно, не о попыткѣ отложиться отъ государства.

Такимъ образомъ въ правительственныхъ сообщеніяхъ положеніе дѣлъ въ Польшѣ изложено въ полномъ противорѣчій съ истиной. Не трудно догадаться и о томъ, какого рода мотивы могли продиктовать подобное изложеніе.

Режимъ безправія, гнета и насилія, создававшійся въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 года, созданъ не русскимъ народомъ и русскій народъ нисколько не заинтересованъ въ его сохраненіи. Этотъ режимъ былъ установленъ исключительно слугами самодержавнаго произвола и для нихъ однихъ былъ выгоденъ. Живыя силы русскаго народа не участвовали въ позорномъ дѣлѣ насильственнаго подавленія правъ другихъ національностей, хотя бывали случаи, когда темныя массы, вопреки своимъ же прямымъ интересамъ, вовлекались въ это дѣло. Но сами по себѣ ни русскій крестьянинъ, ни русскій рабочій, ни русская революціонная

интеллигенція—эта мятежная носительница народной мысли—не стремилась къ угнетенію Польши, входившему въ составъ того самаго порядка, который тяжелыми цѣпами сковывалъ и ихъ собственную жизнь. Сознаніе этого факта не было чуждо и польскому народу, а за послѣдніе годы, благодаря возникшему въ Россіи бурному освободительному движенію, такое сознаніе сдѣлало громадныя успѣхи, такъ какъ за эти годы поляки успѣли разглядѣть въ русскомъ народѣ не деспота, а раба, мощною рукою рвущаго свои оковы и исполинскими усиліями завоевывающаго себѣ свободу. И если прежде та часть польскаго народа, которая нѣкогда была насильственно соединена съ Россіей, не разъ порывалась оторваться отъ нея, то въ послѣднее время эти порывы уступили мѣсто усиліямъ, направленнымъ къ совместной борьбѣ за свободную жизнь, усиліямъ, возникавшимъ тѣмъ легче, что время создало между двумя родственными народами тѣсныя экономическія и политическія узы. И, дѣйствительно, въ Польшѣ за послѣдніе годы шла та же борьба, что въ Россіи, и велась эта борьба тѣми же самыми средствами. Лишь одна особенность отличала ее отъ борьбы, ведшейся внутри Россіи. Борась за политическую свободу и за экономическое освобожденіе трудящихся классовъ, польскій народъ вѣстѣ съ тѣмъ не могъ не требовать права у себя дома пользоваться своимъ языкомъ, самому ставить для себя администраторовъ, самому издавать для себя законы, не могъ, словомъ, не требовать для себя автономіи. И въ то время, какъ цѣлей отдѣленія отъ Россіи не преслѣдуетъ ни одна польская партія, требованіе автономіи въ той или иной степени входитъ въ программы всѣхъ ихъ.

Отрицать справедливость такого требованія не легко. Но тѣмъ больше было соблазна исказить его. Въ исторіи Россіи былъ уже случай, когда на польскомъ вопросѣ оборвалось освободительное движеніе, и въ средѣ его враговъ не трудно было возникнуть мысли повторить этотъ омытъ и загасить разгорающійся костеръ народной свободы вострѣчнымъ огнемъ національной вражды. Въ результатѣ—заявленія о необходимости для Польши автономіи превратились въ попытку отложиться отъ Россіи, мирныя манифестаціи, происходившія послѣ признанія свободы собраній, были приравнены къ мятежу, статьи и рѣчи, писавшіяся и говорившія послѣ признанія свободы слова, обратились въ преступленія,—и Польша объявлена на военномъ положеніи, а всѣ признанныя свободы отобраны отъ польскаго народа. Опять свиснуть пули на улицахъ польскихъ городовъ и селъ, опять наполняются тюрьмы въ Царствѣ Польскомъ, опять польскіе общественные дѣятели одинъ за другимъ отправляются въ ссылку на далекій и пустынный сѣверъ! Не трудно предвидѣть и дальнѣйшее развитіе этого плана. И теперь уже область дѣйствія военнаго положенія расширена не только въ Польшѣ, но и въ Россіи, такъ

какъ въ военномъ положеніи усмотрѣно лучшее средство усложненія для мѣстностей, охваченныхъ крестьянскими волненіями. И въ Россіи признанная неприкосновенность личности уже не мѣшаетъ людямъ попадать въ тюрьмы безъ суда и слѣдствія, а признанная свобода слова и собраній не безъ успѣха умѣряется казацкими нагайками и ружейными пулями. При успѣхѣ аналогичныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обобщенныхъ мѣръ въ Царствѣ Польскомъ эта система неизбежно должна будетъ пойти еще дальше. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если въ Польшѣ были люди, которые „отбрасывали мысль о трудахъ въ Государственной Думѣ“, то и въ Россіи было не мало, а теперь есть еще больше такихъ людей, которые хотятъ для русскаго народа не Думы, проектированной манифестами 6 августа и 17 октября, а учредительнаго собранія, обладающаго всею полнотою законодательной и исполнительной власти и способнаго перестроить заново на началахъ свободы и равенства весь обветшавшій строй политической и экономической жизни народа. Если въ Польшѣ была отнята свобода собраній изъ за „многотысячныхъ уличныхъ шествій“ съ знаменами и пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, то вѣдь такіе шествія происходили и въ Россіи. И, наконецъ, если поляки требовали автономіи и за это получили скорпіоны, то вѣдь ихъ требованіе раздѣлялось и нѣкоторыми русскими партіями, которыя съ такимъ же удобствомъ могутъ быть объявлены мятежниками, стремящимися къ расчлененію государства. Очевидно, скорпіоны, уготованные для польскаго народа, должны будутъ достаться и на долю русскаго народа и, когда эти скорпіоны подъ аккомпаниментъ „патріотическихъ“ возгласовъ замѣнятъ собою всѣ возвышенныя свободы, желательный опытъ будетъ законченъ.

Но на дѣлѣ его едва ли удастся закончить. То время, когда подобныя опыты, разчитанные на невѣжество и безсознательность массъ, совершались въ Россіи вполне благополучно, уже миновало. За послѣдніе десятилѣтія на русской почвѣ пустили глубокіе корни социалистическія ученія, составляющія естественный и наиболѣе дѣйствительный противовѣсъ націонализму, и это обстоятельство не замедлило отразиться на психологіи народныхъ массъ, научившихся яснѣе разбирать своихъ друзей и враговъ и выдвинувшихъ изъ своей среды сильныя группы, способныя противиться дикому разгулу національной вражды и высоко нести знамя общечеловѣческихъ идеаловъ. Петербургскій пролетаріатъ уже отвѣтилъ горячимъ протестомъ на вызовъ, брошенный польскому народу, и поддержалъ этотъ протестъ всеобщей стачкой, къ которой примкнули и передовыя группы петербургской интеллигенціи. Этотъ фактъ наглядно показалъ, какъ мало шансовъ на успѣхъ среди русскыхъ рабочихъ имѣетъ легенда о польскомъ мятежѣ. Врядъ-ли велики ея шансы и въ крестьянствѣ, среди котораго уже въ настоящее время большимъ

и все возрастающимъ вліяніемъ пользуется партія социалистовъ-революціонеровъ, включающая въ свою программу право каждой національности на свободу культурнаго и политическаго самоопредѣленія. Такимъ образомъ въ борьбѣ съ польскимъ народомъ, обостренной правительствомъ гр. Витте, послѣднее, можно быть увѣреннымъ, не найдетъ себѣ союзника въ русскомъ народѣ. Его мѣсто въ этой борьбѣ—на другой сторонѣ, и дѣло русской интеллигенціи, стоящей подъ знаменемъ интересовъ народа,—позаботиться о томъ, чтобы онъ не могъ быть обманомъ уведень съ этого мѣста и отвлечень отъ той борьбы, которая должна привести къ его свободѣ и къ созданію свободнаго союза народовъ Россіи и Польши.

В. Мякотинъ.

Случайныя замѣтки.

Наканунѣ погромовъ. — За послѣдніе мѣсяцы не разъ отмѣчалось одно, сравнительно, второстепенное, но довольно характерное явленіе—пышный расцвѣтъ дѣятельности жуликовъ, громилъ, карманщиковъ и грабителей, о которомъ то и дѣло сообщалось изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Я говорю „второстепенное“, такъ какъ простой, элементарный жуликъ или громила, очень рѣдко примѣняющій въ своей дѣятельности „перо“ (ножъ—по жульнической терминологіи) — явленіе, конечно, невинное сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли въ только что пережитые дни „патріотическихъ“ погромныхъ ужасовъ. Однако же, и скромная дѣятельность „витязей отмычки“ стоитъ вниманія. И не только какъ одинъ изъ характерныхъ симптомовъ разложенія полицейскаго строя: несомнѣнно, она многими нитями связана съ послѣдующими явленіями того же общаго порядка, принявшими такія мрачныя и такія ужасающія формы. Эстраординарное возрастаніе кражъ, грабежей и т. п. объясняютъ различными причинами. Многія сообщенія указывали на недосугъ полиціи: поглощенная уловленіемъ и истребленіемъ крамолы, она не находила времени на уловленіе громилъ. Далѣе, немаловажную роль играетъ то обстоятельство, что при господствовавшихъ (и донынѣ еще не отошедшихъ въ область прошлаго) способахъ борьбы съ крамолой составъ полиціи неизбежно долженъ былъ принимать все болѣе и болѣе специфическую окраску: объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., г. таганрогскій полиціймейстеръ, сообщившій въ докладѣ наказному атаману, что „въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ при приѣмѣ лицъ на полицейскую службу не прихо-

дится быть особенно разборчивымъ въ ихъ качествахъ и способностяхъ“ („Приазовск. Край“). Это, конечно, не могло не способствовать развитію того обихода, яркими выразителями котораго являются пристава Шафровъ, брандмейстеръ Осиповъ и т. п. Приходится, въ награду за патріотическое усердіе, смотрѣть сквозь пальцы на усердіе по части примѣненія отмычекъ...

Всѣ эти причины указываются, какъ сейчасъ увидимъ, въ газетныхъ сообщеніяхъ; и, я думаю, читатель не затруднится во всѣхъ ихъ рассмотреть нѣкоторое общее основаніе.

Изъ Москвы шли жалобы („С.-Петерб. Вѣд.“) на то, что полиція все свое вниманіе обратила на мѣры предупрежденія и пресѣченія „крамолы“, оставивъ втунѣ заботу объ огражденіи жителей отъ воровъ и убійцъ, которымъ „въ настоящее время въ Москвѣ предоставленъ положительно полный просторъ“. Изъ воровскихъ подвиговъ отмѣчалось ограбленіе склада Асафа Баранова на 100.000 рублей, „при чемъ отъ воровъ остались даже слѣды ихъ пирушки, водка и колбаса: видимо, грабители не особенно торопились съ своимъ дѣломъ“; ограбленіе квартиры городского головы, кн. Голицына, и др. Отъ экстраординарнаго развитія „хулиганства и воровства“ дачники преждевременно потянулись въ городъ. Эти сообщенія подтверждаются приказомъ московскаго градоначальника отъ 24 августа, сообщающимъ, что „люди безъ опредѣленныхъ занятій, такъ именуемые „хулиганы“, довели свою дерзость до открытыхъ грабежей не только въ пригородахъ, но и въ центрѣ города“. Какъ извѣстно, въ Москвѣ былъ уже рядъ случаевъ расправы толпы съ громилами путемъ самосуда.

Дѣятельность тульскихъ грабителей одно время заставляла много говорить о себѣ. „Въ послѣднее время—говорилъ г. тульскій губернаторъ въ предложеніи о „неотложной необходимости учрежденія въ Тулѣ сыскаго отдѣленія и адреснаго стола“ отъ 28 марта за № 2182—въ послѣднее время въ Тулѣ, помимо совершаемыхъ разнаго рода кражъ, грабежей и другихъ преступленій, произведенъ цѣлый рядъ разбойныхъ нападеній на квартиры состоятельныхъ жителей“. Съ этимъ заявленіемъ г. губернатора вполне гармонируютъ сообщенія корреспондентовъ. „Мы находимся въ осадномъ положеніи, — сообщалъ корреспондентъ „Новаго Времени“: — вечеромъ обыкновенно производимъ для острастки нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ запираемся на всѣ замки и крючки, забаррикадировываемся, а утромъ всѣ тѣ, кого Богъ помиловалъ, первымъ дѣломъ крестятся и бѣгутъ по сосѣдямъ разузнать—кого въ эту ночь ограбили и былъ ли это просто грабежъ или разбойное нападеніе съ ножами и револьверами“. О томъ же сообщалось въ „Русск. Вѣдом.“, „Руси“, „С.-Петерб. Вѣд.“. „Любопытно отмѣтить—замѣчаетъ корреспондентъ „Русск. Вѣд.“—что всѣ лица, подвергшіяся нападенію воровъ, проживаютъ въ лучшей и наиболѣе охраняемой части города“. Дума ходатай-

ствовала объ учрежденіи муниципальной полиціи; городской голова повергъ въ отчаяніе жителей, обратившись къ губернатору съ просьбой усилить полицію казаками (къ счастью для жителей, эта просьба осталась неисполненной), общество подало министру внутреннихъ дѣлъ петицію о разрѣшеніи союза „охраны и самопомощи тульскихъ обывателей“; губернаторъ предложилъ завести сыскное отдѣленіе и адресный столъ... Но, достигнувъ въ мартѣ кульминаціоннаго пункта, грабительская дѣятельность пошла на убыль: по объясненію корреспондента „Руси“, „шайка перебралась на гастроли въ другой городъ, такъ какъ по нѣкоторымъ причинамъ гастроли въ Тулѣ стали обходиться ей слишкомъ дорого“.

Продвѣтають грабежи на западѣ. „Прибалтійскій Край“ говорить о „сильномъ учащеніи кражъ“ въ разныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края и объясняетъ это тѣмъ, что „полицейскія власти почти совершенно перестали заботиться объ огражденіи населенія отъ воровъ, а все свое вниманіе сосредоточили на борьбѣ съ крамольниками“.—Изъ Вѣлостока, Минска, Двинска и др. сообщаютъ объ умноженіи кражъ, грабежей, хулиганскихъ подвиговъ, нападеній на квартиры,—но здѣсь никакая классификація невозможна. Тутъ обыкновенные жулики и представители разныхъ новыхъ сектъ и толковъ—„никониане“, „самаритяне“, „шарапоны“, „грингмутеры“—окончательно слились въ одно цѣлое. Въ Двинскѣ полиціймейстеръ Махцеевичъ разрѣшилъ организовать ночную стражу изъ благонадежныхъ обывателей „въ виду частыхъ кражъ и убійствъ“, но полицейскіе чины приняли такъ ревностно арестовывать, обыскивать и избивать этихъ ночныхъ стражниковъ, что попытка эта кончилась, кажется, неудачей („Двинскій Листокъ“).

Въ Ковнѣ „непомѣрно участились воровство и грабежи“. Начальникъ Новомиинской станціи сообщалъ 22 августа въ рапортъ начальству: „вооруженные карманные воры появляются ежедневно большими партіями на станцію, врываются въ поѣзда и обкрадываютъ пассажировъ. На улицахъ города обкрадываютъ железнодорожныхъ служащихъ, врываются въ ихъ квартиры, иногда даже въ ихъ присутствіи, и крадутъ“ („Н. Ж.“). — Изъ Варшавы много писали о подвигахъ „лобузовъ“ и о расправахъ съ ворами, хулиганами и сутенерами; изъ разныхъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ сообщаютъ объ умноженіи грабежей; былъ, впрочемъ, и случай забастовки громилъ: въ г. Влодавѣ, Сѣдлецкой губ. Тутъ, по сообщенію корреспондента „Руси“, громилы выпускали такой аннонсъ: „Мы вору изъ г. Влодавы. Мы уже больше не будемъ воровать, потому что до тѣхъ поръ полиція только взяла 50 проц., такъ какъ осталось тоже 50 проц. А въ этомъ году полиція возмутъ 75 проц. Такъ какъ остается только 25 коп. изъ рубля. Такъ мы просимъ, если вы хотите жить, возьмите только 50 проц., какъ всегда. Если нѣтъ, такъ не

будетъ хорошо. Компанія воровъ изъ г. Влодавы".—Жители, продолжаетъ корреспондентъ, вздохнули свободнѣе, но забастовка, повидимому, имѣла успѣхъ, такъ какъ вскорѣ дѣятельность почтенной „компаніи изъ г. Влодавы“ возобновилась: „среди бѣлаго дня воры уводятъ лошадей, коровъ, свиней, уносятъ домашнюю утварь, мебель и пр. и... остаются неудовимыми“.

Продвѣтаютъ грабежи на югѣ. Изъ Севастополя пишутъ кратко: „кражи, грабежи и разбой приняли хроническій характеръ“. Изъ Симферополя, гдѣ 4—6 іюля происходило надѣлавшее много шума избіеніе воровъ и конокрадовъ татарами, сообщаютъ отъ 23 августа: „ограблена квартира прокурора... ежедневно совершаются кражи“; отъ 2 сентября: „дерзкія кражи продолжаются... обворованъ корпусный командиръ“; отъ 7 сентября: „послѣ перестрѣлки... задержана шайка грабителей... найдены вещи, уворованныя у корпуснаго командира“.

Повидимому, „компанія изъ г. Симферополя“ сдѣлала ошибку, направивъ свою энергію на вещи корпуснаго командира.

Екатеринославскій исправникъ напоминаетъ всѣмъ чинамъ полиціи уѣзда „о крайне ослабленной ихъ дѣятельности по отношенію охраны населенія отъ разбоевъ, грабежей и иныхъ посягательствъ на жизнь, здоровье и имущество обывателей“ („Прид. Кр.“). Въ самомъ городѣ Екатеринославѣ—независимо отъ „иныхъ посягательствъ“, которыхъ мы здѣсь не касаемся—жулики, хулиганы и грабители дѣйствуютъ съ выдающимся успѣхомъ. Жулики воруютъ, хулиганы избиваютъ (напр., артистовъ бр. Фразе), грабители убиваютъ (напр., Заломанова, сына небезвѣстнаго агронома, убитаго и погребеннаго на людной улицѣ). Многочисленные газетныя сообщенія о подвигахъ екатеринославскихъ громилъ подтверждаются приказомъ и. д. полиціи-мейстера, г. Пегорѣлова, который говоритъ о „повторяющихся разбойничьихъ нападеніяхъ какъ на улицѣ, такъ и на частныхъ квартирахъ“, производимыхъ „шайкой преступниковъ, руководители коей извѣстны какъ чинамъ сыскаго отдѣленія, такъ и полиціи“ („Нов.“). „Извѣстность“ не мѣшаетъ „неудовимости“.

Въ Азовѣ, по словамъ „Донской Рѣчи“, „грабежи, воровство и даже убійство стали обычнымъ явленіемъ, при чемъ дерзость преступниковъ переходитъ всякія границы“ (что и вызвало въ концѣ іюля разгромъ притоновъ и самосудъ надъ ворами). Такого же рода сообщенія были изъ Бахмута, Вердянска, Таганрога и друг.

Продвѣтаютъ грабежи на востокѣ. Изъ Симбирска сообщалось объ умноженіи кражъ, въ связи съ злоупотребленіями полиціи-мейстера Пифіева; саратовская управа хлопочетъ о реорганизаціи полиціи „въ виду крайне усилившихся въ городѣ кражъ, грабежей и поджоговъ“; Пензенская дума озабочена тѣмъ же и по тѣмъ же причинамъ (кромѣ грабежей, въ Пензѣ учащаются и убійства). Изъ Оренбурга пишутъ: „въ городѣ ежедневно гра-

бежи, разбой, карманныя кражи и кражи со взломомъ"; а корреспондентъ „Русскимъ Вѣдомостей“ поясняетъ: „полиціймейстеръ извѣстенъ лишь тѣмъ, что, по словамъ „Театр. Газ.“, умѣетъ ловко засаживать желтаго въ уголъ“. Истинно отрадное явленіе, по нынѣшнимъ временамъ,—полиціймейстеръ, который извѣстенъ лишь *такими* подвигами! Говорю это безъ малѣйшей ироніи, съ полной искренностью. Конечно, такой градоправитель напоминаетъ Прутковскаго помѣщика, которому некогда было заниматься хозяйствомъ, потому что

... онъ дѣломъ занять былъ другимъ:
Вязаль набрюшники роднымъ,—

но за то онъ ничуть не напоминаетъ курскаго полиціймейстера Зарина, бердянскаго Андреева и иныхъ многихъ, доблестныхъ и „ко укрощенію борзыхъ“, воеводъ, стратиговъ и архистратиговъ. А за это можно спасибо сказать!

Изъ Самары, Уфы, Казани, Царицына и др. тоже сообщаютъ объ умноженіи мелкихъ и крупныхъ кражъ, скандаловъ и „разбойническихъ нападеній“ (всякаго оорта); въ далекомъ Верхнеудинскѣ „не проходитъ дня, чтобы не было совершено какого-нибудь посягательства на жизнь или имущество обывателей“, а въ еще болѣе далекомъ Благовѣщенскѣ „участились случаи ночныхъ кражъ и грабежей“...

О процвѣтаніи грабежей въ центрѣ, въ самомъ „сердцѣ Россіи“, мы уже говорили.—Въ Рузѣ громы сосредоточились на ограбленіи церквей. Изъ Балахнинскаго уѣзда сообщалось недавно объ операціяхъ шайки грабежей, устроившихъ „цѣлое становище на берегу какого-то озера“; противъ этой шайки помощникъ исправника командировалъ крестьянъ пяти деревень, такъ какъ полиція въ то время была занята: она разносила по деревнямъ листки Шарапова и собирала подписи („Сынъ От.“). Въ Воронежѣ небывалое возрастаніе кражъ, грабителей и поджоговъ наблюдалось нынче весною. „Грабежи въ послѣднее время совершенно терроризировали воронежскихъ обывателей... грабители являются въ обывательскую квартиру ночью, организованными бандами... Взломавъ 2—3 двери, выставивъ окна, разбойники неожиданно являются передъ испуганнымъ спросонья обывателемъ, и, направивъ на него дуло револьвера, ласково, но твердо заявляютъ: кошелекъ или жизнь!“

На сѣверѣ дѣла этихъ почтенныхъ профессионаловъ тоже въ цвѣтущемъ состояніи. Недавно сообщалось („Н. Ж.“, № 242) объ умноженіи грабежей, дракъ и убійствъ въ Колпинѣ; „виновники не арестованы и продолжаютъ наводить панику на мирныхъ жителей, хвастая, что они дѣйствуютъ съ одобренія. Подвыпивъ, подходятъ они къ домамъ и кричатъ: выходите, стрѣляйте въ насъ! Если вы насъ убьете, вамъ достанется, а мы васъ убьемъ—намъ ничего не будетъ“. Сообщалось объ умноженіи нападеній въ

Лѣсномъ; о хулиганахъ за Невскою заставою, на Петербургской сторонѣ и проч. Тутъ, впрочемъ, выступаетъ главнымъ образомъ элементъ „благонамѣренности“ и насажденія „добрыхъ началъ“, а кошельки и карманы составляютъ побочную и случайную цѣль...

Говорятъ, полицейскій строй жизни, убивая народную энергію, не давалъ развиваться самодѣятельности. Но вотъ вамъ форма самодѣятельности, которая развивается, при этихъ условіяхъ, какъ нельзя лучше; вотъ прогрессирующая отрасль промышленности, цвѣтущая профессія, раскинувшаяся по всей Россіи, и какъ видно изъ сообщенныхъ выше фактовъ, оказывающая блестящіе успѣхи.

М. Энгельгардтъ.

Послѣдователь Шарапова въ роли педагога. Въ № 259 „Нижегородскаго Листка“ отъ 26 сентября этого года мы находимъ слѣдующую маленькую, но интересную замѣтку:

„Инспекторъ реального училища П. В. Веселовъ, *наконецъ-то*, покидаетъ Нижній. Онъ переводится въ Москву инспекторомъ 6-ой гимназіи“.

Всѣмъ, привыкшимъ понимать языкъ намековъ нашихъ подцензурныхъ газетъ, выраженіе — „наконецъ-то“ довольно ясно указывало, что все доброе въ Н.-Новгородѣ радуется предстоящей разлукѣ съ г. Веселовымъ и желаетъ ему „скатертью дорожку“. Конечно, нижегородскую радость должна была бы омрачать мысль о „награждаемой“ 6-ой московской гимназіи... — Но вѣдь и въ хорошихъ людяхъ есть эгоизмъ.

Изъ того же „Нижегородскаго Листка“ немного ранѣе, 26 сентября, мы узнаемъ, что избавленіе реального училища отъ г. Веселова нѣкоторое время томилось подъ знакомъ вопроса. „Намъ передаютъ,—писала газета,—что слухи о переводѣ инспектора П. В. Веселова не оправдываются. На-дняхъ одному изъ младшихъ классовъ сообщено, что класснымъ наставникомъ у нихъ будетъ г. Веселовъ и ему уже будетъ поручено преподаваніе въ этомъ классѣ географіи“. Въ № 248 „Ниж. Листка“ описано продолженіе волнующаго дѣла: „Во время большой перемѣны къ директору реального училища явилась депутація отъ старшихъ классовъ, желавшая узнать о времени ухода П. В. Веселова. Директоръ отвѣтилъ, что бумага о переводѣ Веселова уже получена и попросилъ передать его слова всѣмъ классамъ“.

Очевидно, къ моменту разговора директора съ депутаціей общая жажда распрощаться съ Веселовымъ достигла такой степени напряженія, что директоръ счелъ нужнымъ успокоить свое училище путемъ объявленія о переводѣ по „всѣмъ классамъ“. Это обстоятельство не покажется страннымъ, если его сопоставить съ другими газетными извѣстіями. Въ „Сынѣ От.“, въ № 150 „Русск. Вѣд.“ и въ № 89 „Слова“ мы находимъ богатый матеріалъ для характеристики г. Веселова и для объясненія, почему Н.-Новгородъ „наконецъ-то“ облегченно вздохнулъ, когда

узналъ, что инспекторъ реальнаго училища укладываетъ свой чемоданъ. Главнѣйшіе факты мы извлекаемъ изъ напечатанной жалобы, поданной 150 родителями попечителю московскаго учебнаго округа.

Во первыхъ, мы узнаемъ, что Веселовъ обращается съ учениками „грубо, презрительно и пристрастно“. Онъ всѣмъ говорить „ты“ и постоянно одабриваетъ свои педагогическіе разговоры благовоспитанными словами: „невѣжа“, „негодяй“, „мерзавецъ“. Особенно грубо Веселовъ обращается съ учениками неправославными: ихъ онъ прямо ненавидитъ. Угрозами и бранью Веселовъ гасавляетъ дѣтей доносить другъ на друга и даже на учителей. Онъ ввелъ очень частые обыски: шарить по партамъ, перетряхиваетъ всѣ книги, обыскиваетъ также и ученическія квартиры, гдѣ тщетно старается найти что-нибудь неразрѣшенное ученикамъ для чтенія. Кромѣ того, дѣтей обыскиваютъ съ цѣлю убѣдиться, носятъ ли они на шеѣ кресты. Въ обыскахъ Веселовъ нашелъ себѣ энергичнаго помощника въ лицѣ преподавателя Архангельскаго. Преподаетъ исторію Веселовъ оплошь *тенденціозно*, настойчиво втягивая учениковъ въ одностороннюю *политику*. Онъ замалчиваетъ великія реформы Петра I-го и подчеркиваетъ „всепьянѣйшую коллегію“, какъ будто пьянство было главнѣйшею чертою преобразовательной эпохи. Іоанна Грознаго Веселовъ называетъ „великимъ“ и превозноситъ его причину. Всѣхъ иностранцевъ, игравшихъ просвѣтительную роль въ нашей исторіи, Веселовъ очерчиваетъ, какъ бездѣльниковъ и пьяницъ. Л. Н. Толстой—„сумасшедшій“, а дѣйствительно великими современными мыслителями являются Куропаткинъ и Стесель. Байронъ—„прохвостъ“. На вопросъ—умны-ли поляки?—ученики должны отвѣчать, что русскіе умнѣ всѣхъ. Однажды одинъ ученикъ, полякъ по происхожденію, отвѣтилъ, что поляки „такіе же люди, какъ и всѣ люди“. На это Веселовъ закричалъ: „Врешь, невѣжа, развѣ поляки могутъ сравняться по уму съ русскими!“ Происходящее народное движеніе вызвано англійскими и японскими интригами, на что и потрачено 18 милл. Сомнѣвающихся въ этомъ Веселовъ бранитъ отборными словами: „только дураки не вѣрятъ“. Народное представительство нужно только „жидамъ“, которые повсюду являются бунтовщиками. Евреевъ Веселовъ громитъ постоянно, это его больное мѣсто. Онъ, конечно, называетъ ихъ не иначе, какъ „жидами“, и рсачески изощряется искажать еврейскія имена. Всякая ненависть ко всѣмъ иностранцамъ, инородцамъ и иновѣрцамъ, Веселовъ и по русской исторіи даетъ своимъ ученикамъ только свѣдѣнія пошло-анекдотическаго характера. Въ итогѣ, чаша терпѣнія переполнилась, и въ реальномъ училищѣ начались „беспорядки“: послѣ молитвы Веселовъ былъ освистанъ учениками. Возникло стремленіе устроить уличную демонстрацію. На 2 марта этого года была назначена забастовка въ реальномъ училищѣ. Къ ней

вознамѣрились применить ученики гимназiи и рѣчного училища. Положенiе стало серьезнымъ и угрожало „порчею жизни“ массѣ молодежи. Тогда разрѣшили собраться родителямъ. Ихъ собралось болѣе 300 человекъ и они рѣшили требовать, чтобы Веселова немедленно убрали, а съ нимъ и Архангельскаго. Это внесло успокоенiе, и демонстрацiи были отмѣнены.

Все это имѣло мѣсто весной, но, какъ извѣстно, только въ концѣ сентября рѣшено было „наконецъ-то“ разлучиться съ Веселовымъ. Все лѣто ушло на борьбу и на попытки „усмирить бунтъ“ съ сохраненiемъ Веселова на прежней позицiи. Въ отвѣтъ на жалобу родителей въ Н.-Новгородъ прiѣхалъ окружной инспекторъ Зегеръ. Онъ келейно принялся за свое дознанiе и уѣхалъ въ Москву, не объявивъ родителямъ своихъ выводовъ. Но родители всетаки надѣялись: ужъ слишкомъ безспоренъ былъ характеръ дѣятельности Веселова.

Вдругъ въ началѣ лѣта приходитъ извѣстiе: учителя реального училища Сафоновъ, Юферовъ и Крыловъ переводятся изъ Нижняго въ разные другiе города, а Веселовъ остается... Переводимые учителя, по словамъ „Нижегородскаго Листка“, получили изъ канцелярiи московскаго учебнаго округа такiя извѣщенiя:

„Вы, какъ лицо, активно не содѣйствовавшее успокоенiю учащихся, и какъ лицо, внесшее расколъ въ педагогическое дѣло, не можете быть оставлены на службѣ въ Нижнемъ Новгородѣ“.

Нижегородское общество было глубоко опечалено, обижено и взволновано такимъ поворотомъ дѣла. Три лучшихъ учителя подвергаются наказанiю, Веселовъ торжествуетъ: сотнямъ родителей не оказывается никакого довѣрiя. Веселовщина съ ея непозволительно грубой бранью и съ ея вредной проповѣдью челоуконенавистничества, какъ будто, санкционируется... Осень сулила волненiя и жертвы.

Многiе нижегородцы рѣшили устроить прощальное чествованiе съ рѣчами переводимымъ учителямъ. Но и отъ этого удовольстворенiя пришлось отказаться: распространился слухъ, что „за демонстрацiю“ учителя, вмѣсто перевода, получаютъ отставку...

И всетаки совсѣмъ безъ чествованiя не обошлось. Изъ „Нижегородскаго Листка“ мы видимъ, что „къ 4-мъ часамъ на вокзалѣ собралась молодежь разныхъ возрастовъ, былъ прочитанъ и поднесенъ адресъ“. Такъ покинули Н.-Новгородъ, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „трое изъ лучшихъ учителей, составлявшихъ оппозицiю Веселову“.

Надо замѣтить, что подвиги Веселова обрисовались вовсе не только къ веснѣ этого года. Дѣло началось давно. Лѣтъ пять тому назадъ Е. Н. Чириковъ написалъ въ „Русской Мысли“, что Веселовъ дѣйствуетъ, какъ настоящiй гонитель евреевъ въ реальномъ училищѣ: называетъ евреевъ-учениковъ „жидами“, издѣвается надъ ними, коверкаетъ ихъ имена, указываетъ, что

все зло въ Россіи отъ нихъ и т. д. Кромѣ того Веселовъ, какъ преподаватель географіи, совсѣмъ курьезно „унижалъ“ Англію: онъ приказывалъ рисовать ее у сѣвернаго полюса и замазывать ее въ знакъ презрѣнія черной краской. Эту корреспонденцію Чирикова я отмѣтилъ въ „Нижегородскомъ Листѣ“ въ своемъ фельетонѣ и тѣмъ „произвелъ сенсацію“ среди начальства реального училища.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего фельетона ко мнѣ зашелъ тогдашній инспекторъ реального училища С. В. Щербаковъ и повелъ такую бесѣду:

— Мы очень озабочены выясненіемъ правды, а повтому просимъ и васъ, и Чирикова сообщить намъ всѣ доказательства, какія у васъ имѣются, а также сообщить намъ имена лицъ, снабдившихъ васъ свѣдѣніями. Могу вамъ сказать, что въ обвиненіяхъ противъ Петра Васильевича Веселова есть преувеличенія. *Правда, что онъ—глубокій послѣдователь С. Ф. Шарапова* и относится къ инородцамъ и иновѣрцамъ, какъ Шараповъ, не долюбиваетъ, конечно, евреевъ... но онъ обличаетъ евреевъ только въ тѣхъ классахъ, гдѣ нѣтъ учениковъ-евреевъ или тогда, когда въ классахъ нѣтъ учениковъ-евреевъ на лицо. Въ ученическихъ чертежныхъ тетрадкахъ, дѣйствительно, есть карта, гдѣ Англія нарисована у полюса и зачернена, но это сдѣлано вовсе не съ цѣлью унижить Англію и доказать къ ней презрѣніе. Петръ Васильевичъ просто задавалъ ученикамъ задачу: помѣстить Англію у сѣвернаго полюса и опредѣлить послѣ этого, въ какихъ широтахъ расположатся тогда остальные страны.

О разговорѣ съ С. В. Щербаковымъ я написалъ Е. Н. Чирикову, но онъ рѣшилъ, что представить доказательства и указать свидѣтелей лишь въ судѣ, если дѣло туда поступитъ, а до судебного слѣдствія доказательства обнаруживать нельзя, такъ какъ это только помогло бы Веселову пріять свои мѣры, съ „выясненіемъ истины“ врядъ ли согласованныя. Нельзя выдавать и лицъ, давшихъ свѣдѣнія, ибо ничто не гарантируетъ, что эти лица не поплатятся за свое содѣйствіе печатному слову. Фактъ перевода Сафонова, Юферова и Крылова „за оппозицію Веселову“ какъ нельзя лучше подтвердилъ вѣрность послѣдняго подозрѣнія.

Итакъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Веселовъ продѣлывалъ все то, что мы и теперь находимъ въ жалобѣ нижегородскихъ родителей. Соединимъ по закону интерполяціи эти крайніе пункты и мы получимъ, что въ теченіе ряда лѣтъ „глубокій послѣдователь Шарапова“—Веселовъ училъ молодежь реального училища грубостямъ, злу и ненависти. И продолжалось это, пока періодъ общественнаго оживленія не поднялъ волны негодованія до степени, вынудившей убрать Веселова изъ Н.-Новгорода. „Разслѣдованіе“, предпринятое С. В. Щербаковымъ пять лѣтъ тому назадъ и доказавшее шараповскій образъ мыслей у Весе-

лова, повело только къ возвеличенію „глубокаго послѣдователя Шарапова“: изъ преподавателей онъ попалъ въ инспектора... И пошелъ бы Веселовъ и дальше, если бы не поворотъ въ исторіи Россіи.

Остается пожелать, чтобы послѣ удаленія изъ Нижняго „глубокаго послѣдователя Шарапова“ его „оппоненты“ — Сафоновъ, Юферовъ и Крыловъ—были „возстановлены въ ихъ правахъ“, и чтобы „глубокая шараповщина“ была найдена неумѣстной и для 6-й московской гимназіи.

С. Протопоповъ.

Изъ недавняго прошлаго провинціальной газеты (Историческая справка). Часовъ въ 11 утра 8-го февраля 1898 года отъ нижегородскаго вице губернатора барона Фредерикса — цензора мѣстныхъ изданій—въ редакцію „Нижегородскаго Листка“ пришла бумага. Кратко и безъ всякой мотивировки объявлялось, что „Листокъ“ приостановленъ на 8 мѣсяцевъ.

Распоряженіе произвело въ редакціи и въ конторѣ самое удручающее впечатлѣніе. Всѣ побросали свою работу, перечитывали бумагу, строили догадки о причинахъ, возмущались, толковали: что дѣлать? какъ хлопотать? какъ удовлетворить подписчиковъ? чѣмъ занять типографію? и т. д.

А жизнь газеты по инерціи продолжала двигаться. Явились метранпажъ за матеріаломъ для набора, приходили подписчики и публикаторы, пріѣхали репортеры съ хроникой, по телефону сообщались новости для завтрашняго номера... Все это бередило рану, и настроеніе воцарилось, какъ на похоронахъ.

Къ моменту приостановки „Нижегородскій Листокъ“ принадлежалъ группѣ пайщиковъ и представлялъ изъ себя дѣло, поглотившее затрату тысячъ въ 60 рублей, не считая стоимости типографіи. При газетѣ кормились болѣе 20 человекъ наборщиковъ, 15 разносчиковъ, фальцовщики, служащіе въ экспедиціи и въ конторѣ. Болѣе 10 человекъ входили въ составъ редакціи и около 150 человекъ сотрудничали и корреспондировали. Предстояло обо всемъ этомъ позаботиться, а что сулило будущее? Утрату подписчиковъ, утрату публикаторовъ и возсозданіе того, что стоило большого труда и крупныхъ расходовъ. Но на это требовались не только новыя деньги, требовалась и энергія, а ей нанесенъ былъ сильный ударъ: ужъ очень картинна была иллюстрація на тему, какъ легко разрушается кропотливо созданное дорогое дѣло.

Во второй половинѣ дня многіе въ городѣ узнали о судьбѣ, постигшей „Нижегородскій Листокъ“. Нѣсколько человекъ зашли въ редакцію и выразили свое сочувствіе. Не мало было и писемъ въ этомъ же родѣ, но главнымъ образомъ добрые и осторожные обыватели воспользовались телефономъ: удобно, легко, скоро и нѣтъ никакихъ слѣдовъ маленькаго „гражданскаго под-

вига". Надо замѣтить, что въ то время въ Н.-Новгородѣ еще не было слуховъ о какомъ-то хитроумномъ приспособленіи, съ помощью котораго телефонныя разговоры передаются не только въ уши собесѣдниковъ. Не смотря на всю скромность „выраженій общественнаго сочувствія“, они показались намъ, главнымъ дѣателямъ пораженной газеты, очень цѣнными и пріятными. Теперь, когда все это ушло въ даль прошлаго и когда жизнь балуетъ насъ иными проявленіями, сочувствія, полученные „Листкомъ“ по случаю пріостановки, кажутся очень мизерными. Я думаю, что всякаго рода ихъ было не болѣе сотни, при чемъ самое „сильное“ принадлежало перу артиста Далматова, въ то время игравшаго въ городскомъ театрѣ и употребившаго тогда еще сравнительно рѣдкое слово—произволь.

Къ сожалѣнію, кромѣ сочувствій, намъ пришлось испытать и совсѣмъ иное отношеніе. Въ день закрытія газеты въ контору прибѣжала горничная одной состоятельной помѣщицы и „потребовала“ отъ имени своей „барыни“, чтобы ей „немедленно“ былъ возвращенъ рубль, который недѣлю тому назадъ она внесла за мѣсячную подписку. А помѣщица оказалась не послѣдней. Иныя требовали вѣжливо и покойно, а другіе—съ укорами и даже съ бранью. Толковая дѣвица, тогда завѣдывавшая у насъ подпиской, старательно объясняла нашу невинность, но укорители стояли на своемъ и, пока имъ выдавали ихъ гроши, они все продолжали твердить, что, зная они, какая это газета, они никогда бы съ ней не связались и проч. Въ тѣ тяжелые дни мы, конечно, не занялись статистикой, но по общему впечатлѣнію я думаю, что число активныхъ друзей и число активныхъ враговъ были приблизительно равны между собой.

Безспорно, что крупный денежный вопросъ очень сильно удручилъ дѣателей „Нижегородскаго Листка“, но по справедливости надо сказать, что еще большее огорченіе причинило намъ прекращеніе дѣла, культурное значеніе котораго мы всѣ считали аксіомой. Среди пайщиковъ не было ни одного человека, смотрѣвшаго на газету, престо какъ на коммерческое предпріятіе. Всѣ мы знали, что въ погонѣ за доходомъ въ Россіи можно затрачивать деньги на виноторговлю, на кондитерскую, на аптеку, на трактиръ и т. д., но не на либеральную газету. Побужденія пайщиковъ были идейныя и только за ними слѣдовала надежда, что замѣтный усилѣхъ изданія устранить вскорѣ необходимость дальнѣйшихъ затратъ, которыя для нѣкоторыхъ пайщиковъ становились уже непосильными. И вдругъ все дѣло пріостановилось...

Перейдемъ теперь къ описанію причинъ обрुшившейся кары.

Въ концѣ января 1898 г. въ Н.-Новгородѣ была сессія губернскаго земскаго собранія. Ежедневно въ „Листкѣ“ мы печатали простой, точный отчетъ о преніяхъ и фельетонъ: „Изъ

залы земскаго собранія“. Очень часто земскія засѣданія кончались поздно вечеромъ, и отчетъ для газеты приходилось писать и набирать уже ночью. Какъ же быть съ цензурой? Нашъ редакторъ отправился къ барону Фредериксу и, конечно, на словахъ, установилъ съ нимъ такую комбинацію. Земское собраніе идетъ тихо, остраго ничего нѣтъ, а потому простой, точный отчетъ о преніяхъ *можетъ печататься безъ цензурнаго просмотра*, фельетонъ же—„Изъ залы земскаго собранія“, какъ и весь прочій матеріалъ, долженъ цензуроваться, по установившимся правиламъ.

Этотъ уговоръ насъ ничуть не удивилъ. И прежде мы пользовались подобной же „вольностью“—печатали безъ цензуры... театральныя рецензіи о пьесахъ, которыя тоже кончались поздно вечеромъ. Такъ мы и стали дѣлать: фельетонъ посылали къ цензору, а отчеты печатали, въ силу условія, безъ цензурнаго просмотра.

28-го января въ утреннемъ засѣданіи земскаго собранія разбиралось дѣло о хищеніи одного управскаго служащаго. Это дало поводъ реакціонерамъ и врагамъ земства—гласнымъ Хотяинцеву, Демидову и Панютину ожесточенно напасть на управу съ явнымъ желаніемъ доказать, что и вообще-то все земское хозяйство ни что иное, какъ мерзость и запустѣніе. Ничего подобного гг. Хотяинцевъ, Демидовъ и Панютинъ, конечно, не доказали, но „страсти“ нѣсколько разгорѣлись, и многіе припомнили, что въ недавнемъ прошломъ, когда нижегородскій дворянскій Александровскій банкъ разворовали Зыбинъ, Панютинъ, Демидовъ и Аверкіевъ, то родственники ихъ—теперешніе Катоны земскаго собранія всѣми силами выгораживали виновныхъ. Неприлично снисходительные тогда и несправедливо свирѣпые теперь, Катоны производили плохое впечатлѣніе. Отецъ теперешняго Катона—г-н Хотяинцева, хотя и не былъ подъ судомъ съ Зыбинымъ, Панютинымъ, Демидовымъ и Аверкіевымъ за расхищеніе банка, но въ свое время, *когда тамъ директорствовалъ*, тоже ухитрится заложить въ банкъ свой домъ въ весьма убыточной для банка суммѣ.

Отчетъ о преніяхъ пошелъ въ газету, какъ и всегда, безъ цензурнаго просмотра, а написанный мною фельетонъ „Изъ залы земскаго собранія“ пустить безъ цензуры было нельзя, и мы послали его вечеромъ 28-го января къ барону Фредериксу.

Въ этомъ фельетонѣ, между прочимъ, я писалъ о Катонахъ: Панютинѣ, Демидовѣ и Хотяинцевѣ слѣдующее:

„Строгіе люди! Они знаютъ не хотятъ, что члены управы не заслуживаютъ даже упрека, и что предсѣдатель управы, г. Хвошинскій, допустилъ только то, что случается и въ государственныхъ учрежденіяхъ, и въ частныхъ предпріятіяхъ самыхъ рачительныхъ хозяевъ. Странные перемѣны бываютъ въ людяхъ: когда въ нижегородскомъ дворянскомъ собраніи шли дебаты о

расхищеніи Александровскаго банка Панютинымъ, Демидовымъ и др., когда говорили о домѣ В. А. Хотяинцева, заложившемъ имѣ, какъ директоромъ банка, въ убыточной для банка суммѣ, когда обсуждались дѣйствительныя уголовныя преступленія, тогда наши „обвинители“ были чужды самой минимальной, самой необходимой и справедливой строгости. А теперь они говорятъ съ управѣ какъ о чемъ-то чудовищномъ“.

Эта вполне отвѣчавшая фактамъ тирада оказалась роковою для газеты. Произошло это такъ.

Я уже сказалъ, что фельетонъ „Изъ залы земскаго собранія“ былъ нами посланъ 28-го января вечеромъ къ цензору. Вскорѣ возвратился нашъ разсылный; на гранкахъ стояли разрѣшительные оттиски каучуковаго штампа барона Фредерикса, и фельетонъ пошелъ въ газету.

На другой день, 29-го января, номеръ „Нижегородскаго Листка“ съ моимъ фельетономъ обратилъ на себя вниманіе гласныхъ земскаго собранія. Громадное большинство нашло написанное вѣрнымъ и справедливымъ, а Катоны—Демидовъ, Панютинъ и Хотяинцевъ, конечно, не увидѣли въ вышеприведенной цитатѣ ни вѣрнаго, ни справедливаго. Что дѣлать: такъ ужъ созданы люди, правду они видятъ только въ похвалахъ, а въ порицаніяхъ всегда усматриваютъ ложь и оклеветаніе.

Къ разсерженнымъ Катонамъ присоединился А. И. Зыбинъ, отецъ котораго умеръ подъ судомъ по тому же банковскому дѣлу. А. И. Зыбинъ, какъ другъ барона Фредерикса, отправился къ нему съ жалобой на „Нижегородскій Листокъ“. Вернувшись, Зыбинъ объявилъ Катонамъ, что баронъ фельетона *не разрѣшилъ* для печати, и что желающіе могутъ официально жаловаться на газету. Немедленно Демидовъ, Панютинъ и Хотяинцевъ эту жалобу настрочили и подали барону Фредериксу.

Какъ же, однако, объяснить, что разрѣшенный къ напечатанію 28-го января фельетонъ „Изъ залы земскаго собранія“, былъ названъ 29-го января барономъ Фредериксомъ „неразрѣшеннымъ“.

Объяснилось это скоро и очень просто. Въ январѣ баронъ Фредериксъ жилъ вмѣстѣ на одной квартирѣ съ губернаторскимъ чиновникомъ особыхъ порученій М. С. Робушъ, который до приѣзда въ Н.-Новгородъ барона Фредерикса цензуровалъ мѣстные газеты. Очень часто баронъ Фредериксъ частнымъ образомъ просилъ М. С. Робуша держать цензуру; тотъ вооружался краснымъ карандашомъ, черкалъ, что находилъ нужнымъ, а остальное освящалъ каучуковымъ штампомъ барона. Такъ случилось и вечеромъ 28-го января. Мой фельетонъ попалъ не къ барону, а къ М. С. Робушъ, который и приложилъ къ нему баронскій разрѣшительный штампъ. Не зная этого, 29-го января баронъ сказалъ Зыбину, что мой фельетонъ напечатанъ безъ разрѣшенія. Конечно, барону Фредериксу слѣдовало быть болѣе осторож-

нымъ въ виду того, что цензура велась въ двѣ руки, но онъ это упустилъ изъ вниманія и самъ черезъ Зыбина подстрекнулъ Катоновъ на подачу жалобы.

30-го января нашъ редакторъ былъ у барона Фредерикса и засталъ тамъ и М. С. Робушъ, который тутъ же рассказалъ, что пропустилъ фельетонъ и приложилъ баронскій штемпель. Такимъ образомъ, 30-го января дѣло вполне выяснилось, но у барона на столѣ лежала уже жалоба Катоновъ и это представляло изъ себя большую неприятность. Не дать хода жалобѣ было неудобно, а, давъ ей ходъ, очень неудобно было описывать въ Петербургѣ всю исторію съ воспрещеннымъ по цензурному уставу штемпелемъ и съ замѣстительствомъ М. С. Робушъ.

И вотъ, не рѣшившись признаться въ ошибкахъ, баронъ Фредериксъ отправилъ жалобу въ Петербургъ. А здѣсь въ то время отечески заботился о русской печати незабвенный М. П. Соловьевъ. Онъ моментально рассмотрѣлъ все дѣло, вопреки правилу—*audiatur et altera pars*, никакихъ объясненій отъ газеты не спросилъ, доложилъ министру, и 8-го февраля по телеграфу приостановили газету на 8 мѣсяцевъ.

Конечно, мы могли апеллировать къ нижегородскому губернатору Унтербергеру, но въ это время онъ былъ въ Петербургѣ, а въ Н.-Новгородѣ, въ виду отношенія къ газетѣ барона Фредерикса, намъ нечего было дѣлать. Въ итогѣ было рѣшено, что въ Петербургъ отправятся и будутъ хлопотать нашъ редакторъ Казачковъ и пайщики Гориневъ, Турчаниновъ и я. Само собой, это требовало и времени, и силъ, и энергіи, и денегъ, но иного выхода не было.

16-го февраля 1898 г. Гориневъ, Турчаниновъ и я „были приняты“ П. Ф. Унтербергеромъ. Генералъ обошелся съ нами привѣтливо и сказалъ, что только изъ газетъ знаетъ о приостановкѣ „Нижегородскаго Листка“, и что, если бы онъ былъ въ Н.-Новгородѣ, то, конечно, не послалъ бы жалобы безъ выслушанія объясненій съ нашей стороны.

Мы подробно рассказали П. Ф. Унтербергеру все намъ извѣстное и показали наши „документы“: гранки фельетона „Изъ залы земскаго собранія“ съ разрѣшительными штемпелями барона Фредерикса, цензорскій выпускной билетъ къ № 29 „Листка“, на которомъ баронъ совершенно несправедливо написалъ: „Выпускъ номера неправиленъ: статья „Изъ залы земскаго собранія—мною не разрѣшена“, и еще нѣсколько номеровъ другой нижегородской газеты „Волгарь“ съ замѣтками, воспрещенными къ напечатанію въ „Нижегородскомъ Листкѣ“.

По поводу этихъ документовъ мы дали губернатору слѣдующія объясненія.

Фельетонъ „Изъ залы земскаго собранія“ разрѣшенъ Робушемъ и барону Фредериксу это вполне извѣстно, но онъ все-таки называетъ фельетонъ не разрѣшеннымъ и выпускъ № 29-го

газеты неправильнымъ. Очевидно, въ этомъ невѣрномъ смыслѣ составлена и жалоба въ главное управленіе по дѣламъ печати, повлекшая за собой пріостановку. Въ № 29-мъ только отчетъ о земскихъ преніяхъ былъ нами напечатанъ безъ цензурнаго разрѣшенія, но это было одѣлано съ согласія барона Фредерикса. Не поставилъ ли онъ и этого намъ въ вину въ своей жалобѣ, оспорить которую мы не имѣли возможности?

Случаи цензурной путаницы бывали и прежде. Вотъ перепечатки изъ столичныхъ газетъ, не разрѣшенные барономъ для „Нижегородскаго Листка“ и разрѣшенные „Волгарю“. Очевидно, это происходило потому, что не самъ г. Фредериксъ цензуровалъ матеріалъ и для „Листка“, и для „Волгара“. Можетъ быть, въ этихъ случаяхъ ему помогали цензуровать тотъ же М. С. Робушъ, а можетъ быть, и баронесса Фредериксъ, о чемъ повсюду говорили въ Н.-Новгородѣ. Здѣсь мы усиленно подчеркнули П. Ф. Унтербергеру, что мы нисколько не претендуемъ на М. С. Робушъ и на баронессу Фредериксъ: Робушъ долго насъ цензуровалъ самостоятельно и формально и былъ очень хорошимъ цензоромъ, баронесса Фредериксъ—литераторша и могла бы, конечно, вести цензуру не хуже ея мужа, но мы желаемъ только одного, чтобы передовѣрія цензорскаго карандаша и штемпеля, отъ насъ независимыя, не порождали недоразумѣній, за которыя насъ пріостанавливаютъ на 8 мѣсяцевъ.

Губернаторъ насъ выслушалъ очень внимательно, призналъ, что „Волгарю“ разрѣшалось то, что намъ запрещалось, и что это происходило не иначе, какъ отъ цензуры въ двѣ руки, призналъ, что фельетонъ „Изъ залы земскаго собранія“ былъ разрѣшенъ и отвѣчать за его напечатаніе мы не должны. Въ итогѣ, губернаторъ обѣщалъ намъ поѣхать къ М. П. Соловьеву и дѣло объяснить.

Мы вышли, успокоенные, съ надеждой на снятіе кары, но скоро мы поняли, что возликовали слишкомъ рано: при М. П. Соловьевѣ газетамъ въ тысячу разъ легче было умереть, чѣмъ родиться или возродиться. Таковъ былъ твердо установившійся взглядъ.

П. Ф. Унтербергеръ исполнилъ свое обѣщаніе и въ главномъ управленіи побывалъ, но тамъ онъ рѣшилъ, что до окончательнаго вывода ему слѣдуетъ еще выслушать объясненіе барона Фредерикса по поводу указанныхъ нами фактовъ. А это объясненіе можно было получить только въ Н. Новгородѣ. Затѣмъ очень неудобно губернатору писать изъ губернскаго города начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, а тѣмъ паче министру о пересмотрѣ уже рѣшеннаго дѣла. Значить, нужно отложить все это до слѣдующей поѣздки въ Петербургъ, а это бываетъ не часто. Въ итогѣ П. Ф. Унтербергеръ прекратилъ активное участіе въ несчастной судьбѣ „Листка“, и никакой пользы отъ нашего обращенія къ губернатору не вышло.

Дальнѣйшіе наши шаги свелись къ отправкѣ нашего редактора Казачкова къ М. П. Соловьеву и къ министру внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкину. Сами мы—Гориновъ, Турчаниновъ и я, въ качествѣ неофициальныхъ пайщиковъ газетъ, могли ходитъ въ главное управленіе лишь частнымъ образомъ, не обращаясь М. П. Соловьеву, который, конечно, съ нами бы не сталъ и разговаривать. Частнымъ образомъ мы узнали, что баронъ Фредериксъ въ своей жалобѣ указалъ и на безцензурное напечатаніе нами отчета о земскихъ преніяхъ.

М. П. Соловьевъ принялъ нашего редактора крайне недружелюбно. Онъ сказалъ ему, во-первыхъ, что задался цѣлью уничтожить разнузданность русской печати, что „Нижегородскій Листокъ“ доставляетъ барону Фредериксу много хлопотъ своими попятаніями къ разнузданности, что правда на свѣтѣ одна, и что поэтому слѣдуетъ добиться отъ газетъ однообразнаго освѣщенія всѣхъ вопросовъ. Въ заключеніе Соловьевъ оказалъ Казачкову:

— Да вамъ не слѣдовало бы разрѣшать быть и редакторомъ!.. Кто вы такъ-й? Череповецкій мѣщанинъ безъ всякаго образованія...

Казачковъ только руками развелъ отъ изумленія: обѣ справки изъ его біографіи были совершенно невѣрны. Казачковъ протестовалъ. Соловьевъ раздраженно заглянулъ въ „Дѣло о „Нижегородскомъ Листѣ“ и, замѣтивъ свою ошибку, сказалъ:

— Все равно! Вы норовите вести газету въ направленіи, не согласномъ съ видами правительства...

На этомъ свиданіи и кончилось. Казачкову такъ и не удалось объясниться по поводу жалобы барона Фредерикса.

Представленіе министру тоже кончилось ничѣмъ. Въ это время М. П. Соловьевъ заболѣлъ, и министръ объявилъ Казачкову, что до выздоровленія Соловьева дѣло „Нижегородскаго Листка“ не можетъ быть обсуждаемо.

Потерпѣвъ фіаско въ прямыхъ хлопотахъ по инстанціямъ, мы начали хлопотать окольными путями, чрезъ, такъ называемыя, „связи“ нѣкоторыхъ изъ нашихъ пайщиковъ. Здѣсь дѣло пошло келейно, подъ сурдинкой, но гораздо успѣшнѣе.

8-го мая 1898 г. былъ разрѣшенъ выпускъ номеровъ „Нижегородскаго Листка“.

С. Протопоповъ.

Въ каздинскомъ ущельѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда печать завоевала себѣ нѣкоторую свободу, среди цензуровъ объявились такіе либералы, которые рѣшались даже въ официальныхъ бумагахъ называть институтъ, въ которомъ они болѣе или менѣе доблестно служили, „Кавдинскимъ ущельемъ“. Это не мѣшало, однако, довольно частому тогда совѣстительству и цензурству, и литературству. Въ тѣ времена вообще было много

проще. Въ цензурѣ служили, напримѣръ: С. Т. Аксаковъ, О. И. Тютчевъ, И. А. Гончаровъ, И. И. Лажечниковъ, Б. М. Марковичъ, Н. Ф. Щербина, А. Н. Майковъ, Г. П. Данилевскій и многіе другіе. Затѣмъ литература и цензура стали понемногу дифференцироваться. Однако и донинѣ указанное малоестественное совмѣстительство не отошло еще вполне въ область прошлаго. И происходятъ отъ этого иногда по истинѣ странныя вещи. Вотъ, напр., есть цензоръ Н. М. Соколовъ и тотъ же Н. М. Соколовъ-писатель.

Г. Соколовъ-цензоръ цензировалъ недавно вышедшія въ свѣтъ „Сочиненія“ Герцена и въ значительной мѣрѣ „очистилъ“ ихъ. Цензоръ сдѣлалъ все, что считалъ необходимымъ, или на что имѣлъ приказанія. Это совершенно ясно и просто. А передъ русской публикой Герценъ явился въ томъ видѣ, въ какомъ это находилъ допустимымъ г. Соколовъ и его начальство.

Но каково же было мое удивленіе, когда я сталъ читать статью писателя-Соколова, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ подъ претенціознымъ заглавіемъ: „Чей же Герценъ“? Вчитываясь въ нее все болѣе и болѣе, я видѣлъ, что удивленіе мое растетъ и растетъ. Вотъ начало этой статьи:

„Въ іюлѣ этого года вышло въ свѣтъ собраніе сочиненій А. И. Герцена. Давно пора (sic!), хотя нельзя не сознаться, что талантливый писатель появляется изъ-подъ спуда отчасти и не въ пору. Время для спокойной и безпристрастной оцѣнки литературной дѣятельности пламеннаго трибуна наступило давно (?). Личныя страсти, которыя загорались около его имени, давно погасли,—безотчетныя и безсознательныя симпатіи и антипатіи вошли въ свои границы,—историческій холодокъ обвѣялъ когда то вулканическія и стихійныя бури и изверженія. Но мысль за много лѣтъ не переходила въ слово и поэтому слѣды хаотическаго смѣшенія взглядовъ и понятій все еще остаются“.

Итакъ, ясно, во-первыхъ, что писатель Соколовъ признаетъ, что сочиненія Герцена *давно* должны были появиться и что авторъ ихъ талантливый человекъ и пламенный трибунъ. Во-вторыхъ, не менѣе ясно, что цензоръ-Соколовъ съ полнымъ знаніемъ дѣла констатируетъ, что русская мысль *много лѣтъ* не переходила въ слово, проще: ей не давали перейти въ него...

Но удивленіе мое было вызвано не только этой двойственностью. Нѣсколько строкъ спустя писатель-Соколовъ говоритъ: „Настало время любовнаго или судебнаго (?) дѣлажа дорогой добычи, проскользнувшей сквозь Кавдинское ушелье“...

Припомнимъ, что Герценъ, о которомъ говоритъ писатель-Соколовъ, прошелъ ранѣе чрезъ фильтръ цензора-Соколова. Послѣ этого не мудрено приписывать его къ славянофильству даже новой формациі... но, думается намъ, писателю-Соколову для назиданія своихъ читателей лучше бы выбрать другую тему, въ которой онъ бы самъ могъ занять менѣе неловкое положеніе.

Если бы читатели „Русскаго Вѣстника“ знали о цензорствѣ своего бойкаго критика и поэта, они, пожалуй, поняли бы все

значение оброненныхъ имъ словъ: „И я не скрою, что я до Герцена жаденъ. Много въ немъ лакомыхъ кусковъ, на которые такъ и разгораются зубы“. А я берусь имъ пояснить, почему писатель-Соколовъ не нашелъ послѣ цензора-Соколова „на всемъ протяженіи семи томовъ ни одного слова объ общественной эволюціи, особенно о стихійной эволюціи“... Вы не находите ихъ, г Соколовъ? Поищите въ Кавдинскомъ ущельи...

Мих. Лемке.

И. М. СѢЧЕНОВЪ.

Какъ ни важны событія, бурно развивающіяся въ настоящій моментъ въ нашей многострадальной родинѣ, какъ ни захвачено вниманіе всѣхъ сознательныхъ элементовъ страны тяжелымъ процессомъ переустройства Россіи,—все-таки смерть такого выдающагося ученаго, какимъ былъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, не можетъ не вызвать отклика въ печатномъ органѣ, стремящемся быть выразителемъ духовной жизни своей страны.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не дадимъ ни біографіи знаменитаго ученаго, ни оцѣнки его чисто научныхъ заслугъ. Относительно біографіи покойнаго ученаго ограничимся сообщеніемъ, что онъ родился въ 1829 году, первоначально окончилъ инженерное училище, но уже въ 1850 году вышелъ въ отставку и посвятилъ себя той дѣятельности, которая поставила его въ первый рядъ среди современныхъ ученыхъ.

Что касается оцѣнки чисто-научныхъ заслугъ Сѣченова, то обстоятельная оцѣнка потребовала бы большой и спеціальной статьи, болѣе уместной на страницахъ спеціального журнала. Извѣстность Сѣченова среди широкой публики основана, главнымъ образомъ, на его „Рефлексахъ головного мозга“ и его статьяхъ по психологіи; но, на ряду съ этимъ, покойный ученый опубликовалъ множество весьма цѣнныхъ работъ по различнымъ областямъ фізіологіи. Такъ, онъ весьма обстоятельно, въ нѣсколькихъ монографіяхъ, разработалъ вопросъ объ газовомъ обмѣнѣ крови, спеціально о поглощеніи углекислоты кровью; затѣмъ о поглощеніи углекислоты соляными растворами, объ иннерваціи сердца, о почечномъ кровообращеніи, объ алкогольномъ опьяненіи, о задерживающихъ центрахъ, о животномъ электричествѣ и т. д., и т. д. Наконецъ, его же перу принадлежатъ такіе обширные курсы, какъ: „Физиологія нервной системы“ 1866 г., „Физиологія органовъ чувствъ“ 1867 г., „Физиологія растительныхъ процессовъ“ (публичныя лекціи, читанныя въ 1870 г.), „Очеркъ рабочихъ дви-

женій человека“ 1901 г., „Физиологическіе очерки“ (въ двухъ частяхъ) 1898 г. и др.

Однимъ словомъ, специальная дѣятельность Сѣченова слишкомъ обширна, чтобы дать о ней ясное представленіе въ общей пресѣ.

Поэтому мы ограничимся лишь характеристикой той стороны дѣятельности покойнаго ученаго, которая всегда привлекала наибольшее вниманіе широкой публики.

Въ лицѣ И. М. Сѣченова мы имѣемъ передъ собою одного изъ наиболѣе характерныхъ представителей нашихъ знаменитыхъ „шестидесятыхъ годовъ“, и онъ является настолько крупною личностью, что (даже отбрасывая его специально-научную дѣятельность) его имя займетъ почетное мѣсто на ряду съ такими корифеями „шестидесятыхъ годовъ“, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Характернѣйшей чертой „шестидесятыхъ годовъ“, съ точки зрѣнія теоретико-познавательной, была—реальность мышленія. „Слова и иллюзія гибнутъ—факты остаются“.—Это изреченіе Писарева можетъ считаться девизомъ для мышленія шестидесятыхъ годовъ. Если Чернышевскій и Добролюбовъ и не обнаруживали того чрезмѣрнаго увлеченія естествознаніемъ, въ какое впасть Писаревъ, то все-таки, по своему складу мысли, они оба были „реалистами“ не менѣе, чѣмъ Писаревъ. И едва ли случайно то обстоятельство, что главныя дѣйствующія лица въ романѣ Чернышевскаго — врачи-естествоиспытатели. Въ этомъ отношеніи Сѣченовъ былъ типичнымъ представителемъ своего времени: какъ извѣстно, въ публикѣ было широко распространено мнѣніе, что въ одномъ изъ героевъ романа „Что дѣлать?“ изображенъ былъ именно Сѣченовъ.

Конечно, можно утверждать, что всякій естествоиспытатель, какъ естествоиспытатель, долженъ быть „реалистомъ“, но, не говоря уже о томъ, что подобное утвержденіе, въ его абсолютной формѣ, не вѣрно,—мы имѣемъ въ виду здѣсь не научные приемы Сѣченова, которыми онъ пользовался при рѣшеніи специальныхъ вопросовъ, а общій складъ его духовной личности; а въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить хотя бы имена Крукса и Уоллеса, чтобы понять, что и современные естествоиспытатели способны иногда сильно отвлекаться отъ реалистическаго міровоззрѣнія.

Не таковъ былъ Сѣченовъ. Онъ всегда и во всемъ оставался естествоиспытателемъ, всегда стремился опираться только на „факты“. Приведемъ два характерныхъ примѣра этой его манеры мыслить и дѣйствовать. Подымается вопросъ о продолжительности рабочаго времени. Сѣченовъ рѣшилъ присоединить свой голосъ: голосъ естествоиспытателя. И вотъ онъ изучаетъ работу сердца, чтобы, на основаніи этого, отвѣтить на вопросъ о возможности продолжительности рабочаго дня. Сердце есть тотъ органъ, который работаетъ непрерывно въ теченіе всей жизни

человѣка; очевидно, этотъ органъ совершаетъ тотъ максимумъ работы, на который способна мышечная ткань безъ переутомленія и вырожденія. Дѣятельность сердца совершается путемъ поочередныхъ сокращеній и расслабленій (систола и диастола) предсердій и желудочковъ. Сѣченовъ задалъ себѣ вопросъ, какую часть времени занять каждый отдѣлъ сердца работой (сокращеніемъ) и какую—отдыхомъ (расслабленіемъ). Оказалось, что каждый отдѣлъ сердца работаетъ лишь восемь часовъ въ сутки. Вотъ фактическое основаніе для поддержки требованія рабочихъ восьмичасоваго дня!

Другой, пожалуй, еще болѣе характерный случай, обрисовывающій духовную фязіономію Сѣченова, имѣлъ мѣсто при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1866 или 67 году, когда для запрещенія книги нуженъ былъ судебный приговоръ, распространился слухъ, что цензурное вѣдомство намѣрено привлечь къ суду Сѣченова за его „Рефлексы головного мозга“. Когда друзья спросили знаменитаго ученаго, какого адвоката возьметъ онъ для защиты на судѣ, онъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ мнѣ адвокатъ? я возьму съ собою въ судъ лягушку и продѣлаю передъ судьями все мои опыты; пускай тогда прокуроръ опровергаетъ меня“ *). Очевидно, судебное краснорѣчіе почувствовало свое безсиліе передъ скальпелемъ естествоиспытателя: не нашлось охотниковъ послать прокурора на это оригинальное состязаніе съ лягушкой.

Знаменитые „Рефлексы головного мозга“ долго считались евангеліемъ матеріализма. И на примѣръ этого сочиненія, какъ намъ кажется, легко отиѣтитъ сильныя и слабыя стороны того духовнаго теченія, представителемъ котораго былъ Сѣченовъ.

Какъ настоящій „реалистъ“, опирающійся лишь на „факты“, Сѣченовъ, въ сущности, защищалъ твердо лишь „мысль о вѣншнемъ сходствѣ, со стороны происхожденія, между чистыми рефлексами и психическими актами“ („Рефлексы головного мозга“, изданіе 1873 г., въ „Психологическихъ этюдахъ“. Предисловіе). Основной типъ нервной дѣятельности есть рефлексъ. Внѣшнее раздраженіе передается центроостремительнымъ нервомъ въ соотвѣтствующій центръ, и затѣмъ центробѣжный нервъ вызываетъ мускульное сокращеніе. Но этотъ простой рефлексъ можетъ быть затемненъ. Даже въ простыхъ, такъ называемыхъ, невольныхъ движеніяхъ рефлексъ можетъ быть или ослабленъ, или усиленъ. Если „нервная дама“, вдрагивающая при каждомъ стулкѣ, знаетъ, что сейчасъ стукнуть, она можетъ подавить вдрагиваніе; съ другой стороны, если внезапное раздраженіе вызоветъ, напр., испугъ, то рефлекторныя проявленія усилятся. Такимъ образомъ, очевидно, въ центрѣ имѣются аппараты, усиливающіе и ослабляющіе (задерживающіе) рефлексы. Высшая

*) Этотъ эпизодъ сообщенъ пишущему эти строки Н. Э. Анненскимъ.

сознательная дѣятельность не измѣняетъ природы рефлекса. Вся наша сознательная дѣятельность есть тотъ же рефлексъ, но рефлексъ очень сложный, при чемъ въ дѣло вмѣшиваются еще могущественные аппараты головного мозга, задерживающіе или усиливающіе рефлексы, при чемъ „первому случаю оказалась соотвѣтствующею мысль, второму—аффектъ, страстное движеніе“ (I. с. стр. 177).

Таково, въ краткихъ словахъ, ученіе Сѣченова, построенное „лишь на основаніи твердыхъ фактовъ“ (I. с. стр. 39). Этому ученію онъ остался вѣренъ всю свою жизнь, лишь расширивъ и углубивъ его въ послѣдствіи. Такъ, въ „Элементахъ мысли“, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1903 году, онъ, оставаясь вполнѣ на прежней своей точкѣ зрѣнія, расширяетъ и укрѣпляетъ свою позицію, усваивая себѣ ученія Герберта Спенсера и Гельмгольца. „Задача моя, — говоритъ онъ на стр. 20, — сводится, въ сущности, на то, чтобы согласовать фізіологическія данныя эволюціи ощущеній въ мысль, установленную Гельмгольцемъ, съ общей программой Спенсера“.

Итакъ, „факты“ — вотъ тотъ высшій авторитетъ, на который только и опирается всегда Сѣченовъ. Но теперь возникаетъ вопросъ: а что такое „фактъ“? Здѣсь выступаетъ впередъ философская критика, которая, въ отвѣтъ на утвержденіе, что „гипотезы“ должны быть основаны на „фактахъ“, стремится чуть не самые „факты“ свести на „гипотезы“. Въ самомъ дѣлѣ, анализъ ощущеній и воспріятій показываетъ намъ большую сложность всякаго, даже, повидимому, самаго простого ощущенія и воспріятія. Когда философски необразованный человѣкъ утверждаетъ, напримѣръ, что онъ видитъ яблоко, то онъ и не подозреваетъ, что въ составъ этого, повидимому, непосредственно даннаго „факта“, входятъ сужденія, а, если хотите, то и гипотезы.

Однако, хотя философская критика и показала, что къ „фактамъ“ нельзя относиться съ тѣмъ некритическимъ довѣріемъ, на которое способны нѣкоторые слишкомъ прямолинейные люди, тѣмъ не менѣе, великое достоинство того „реалистическаго“ мышленія, представителемъ котораго былъ Сѣченовъ, обнаруживается даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы бываемъ принуждены внести существенныя поправки въ ученіе представителей этого типа ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе, созданное путемъ такого метода, можетъ быть не полно, но, пока авторъ не измѣняетъ самому себѣ, пока онъ, дѣйствительно, держится твердой почвы фактовъ,—ученіе его всегда является шагомъ впередъ, всегда способствуетъ отысканію истины. Это мы видимъ и въ данномъ случаѣ. Ученіе Сѣченова должно быть дополнено анализомъ другихъ сторонъ духовной дѣятельности, но мысль „о снѣтѣ снѣтѣ“ сходствѣ, со стороны происхожденія, между чистыми рефлексами и психическими актами“, ученіе о задерживающихъ и усиливающихъ аппаратахъ (хотя бы этотъ усиливающихъ аппа-

ратъ по ученію Ланге-Джемса и заключался въ значительной степени въ вазомоторахъ),—эти стороны ученія Сѣченова оказались построенными на солидныхъ основахъ.

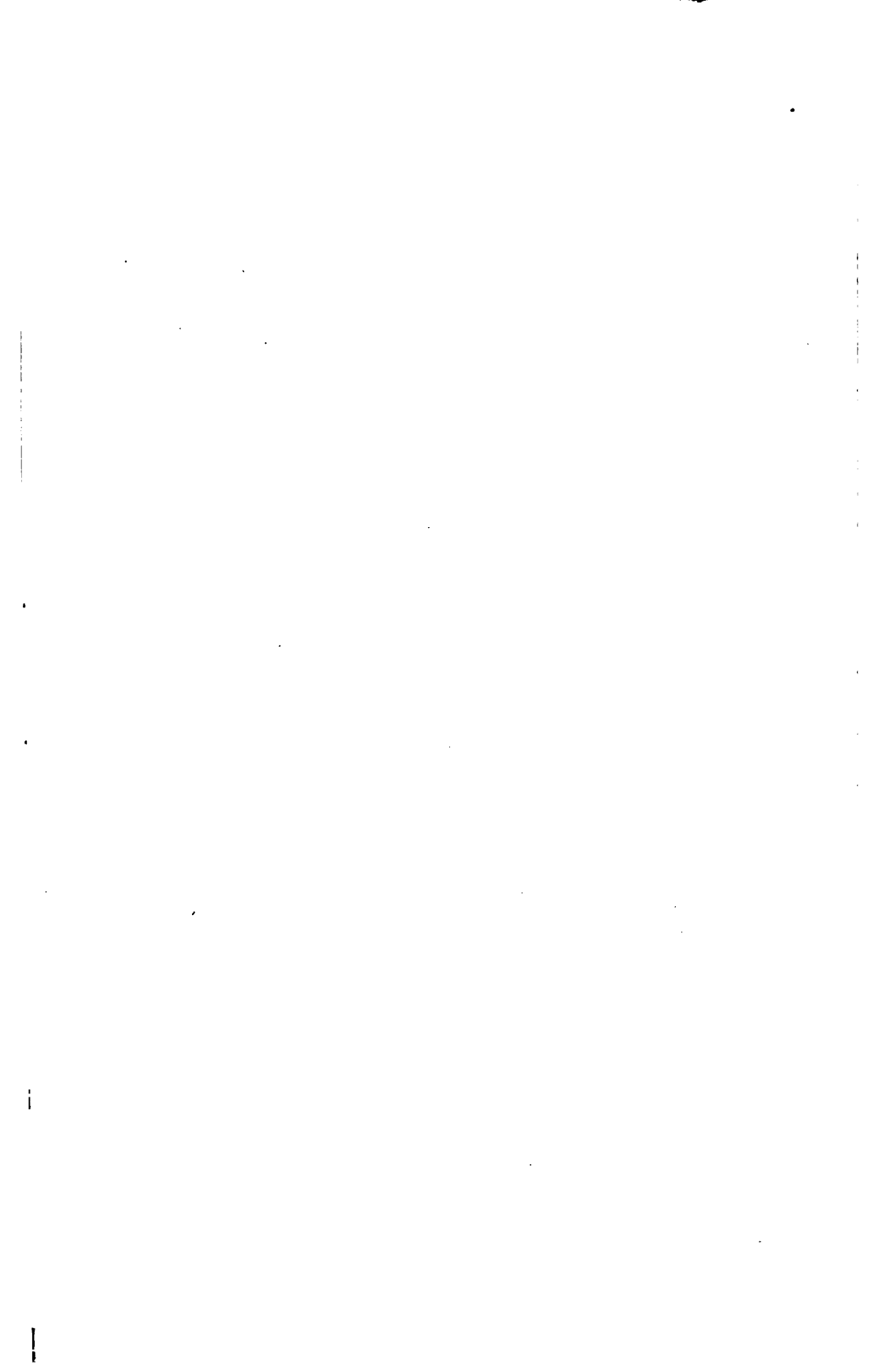
Мало того, даже само теченіе философской мысли въ настоящее время обнаруживаетъ весьма характерный поворотъ. Если уже употреблять старомодное выраженіе „последнее слово науки“ *), то на это названіе въ области философіи, конечно, больше всего имѣетъ право то философское теченіе, которое еще даже не выработало себѣ окончательнаго названія, а именуется различными своими представителями то „прагматизмомъ“, то „практицизмомъ“, то, наконецъ, „гуманизмомъ“, и которое, однако, не смотря на все это, имѣетъ уже такое влияние, что даже злѣйшій врагъ этого теченія, знаменитый англійскій ветеранъ-философъ Брэдли, говоритъ о немъ, какъ о „новомъ философскомъ евангеліи“, очаровавшемъ молодые умы (Mind, № 51, 309). Такъ, вотъ, именно, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей этого новѣйшаго философскаго теченія, Шиллеръ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нашъ міръ *дѣйствительно* окрашенъ, шумливъ, твердъ, пространственъ и т. п., не смотря на всѣ возраженія нашихъ мудрецовъ, и есть даже достаточное основаніе утверждать, что земля плоска и что солнце восходитъ и заходитъ... Никогда не слѣдуетъ забывать, что, въ концѣ концовъ, непосредственный опытъ болѣе реаленъ, т. е. болѣе прямо реаленъ, чѣмъ тѣ „вышія реальности“, которыя его „объясняютъ“. Дѣйствительность „вышнихъ реальностей“ зависитъ лишь отъ ихъ *пригодности*, т. е. отъ ихъ способности гармонизировать съ низшими реальностями“ (Цитируемъ по нашему изложенію статьи Шиллера въ № 74 „Вопросовъ Философіи“).

Такимъ образомъ, „последнее слово философіи“ дружески протягиваетъ руку тому научному теченію, которое выставило на своемъ знамени изреченіе „слова и иллюзіи гибнутъ—факты остаются“ и которое подчасъ свысока третируется людьми, отъ которыхъ ровно ничего и не останется.

П. Моніевскій.

---

*) Выраженіе не только старомодное, но и неправильное, ибо разработка науки идетъ не по одной какой-либо линіи, а по весьма многимъ линіямъ одновременно.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

1945
JUL 7 2 40 PM
JUL 7 2 40 PM